

**АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

**НАРАБОТКА
НА ОТКАЗ**

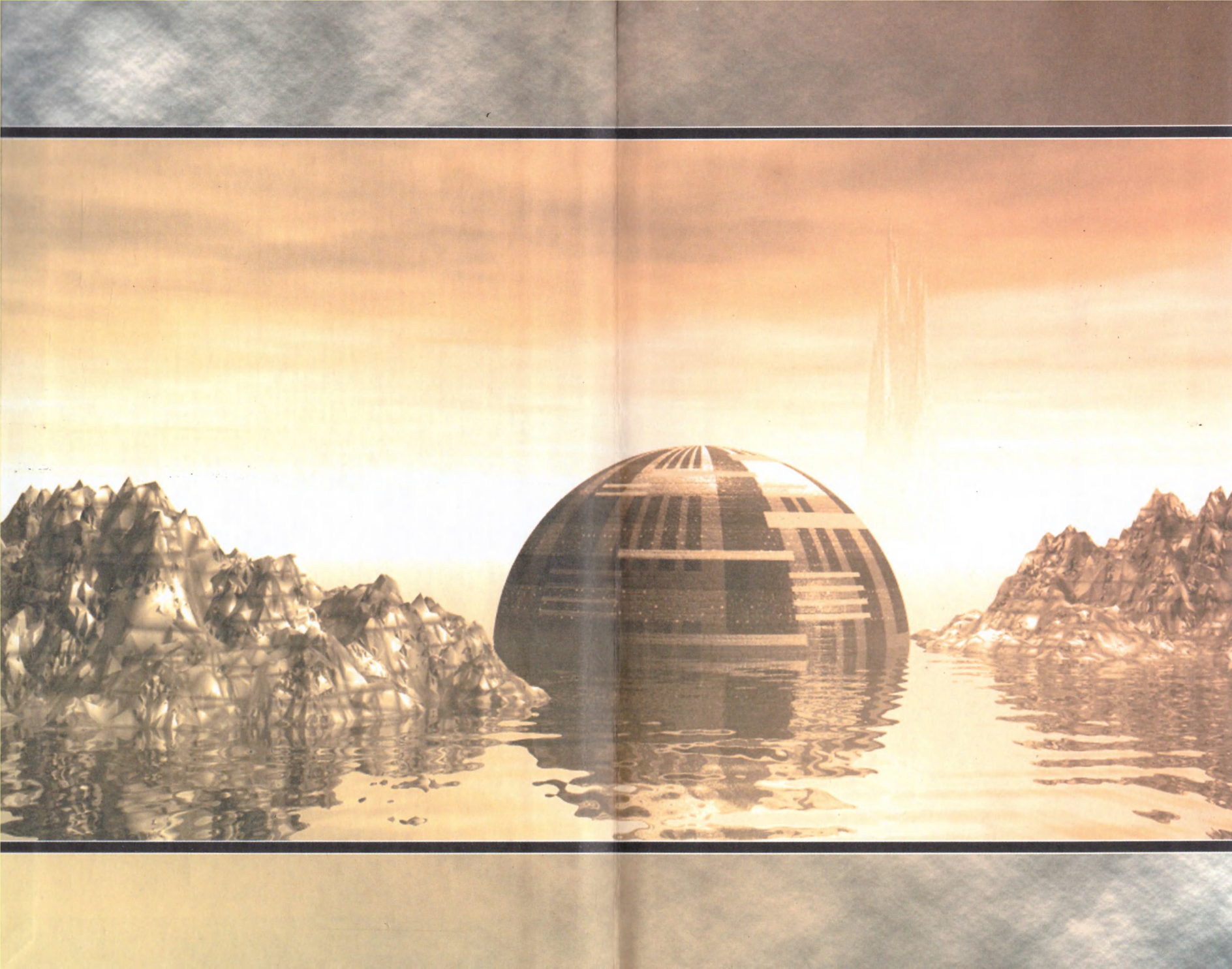
**НАРАБОТКА
НА ОТКАЗ**

**АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

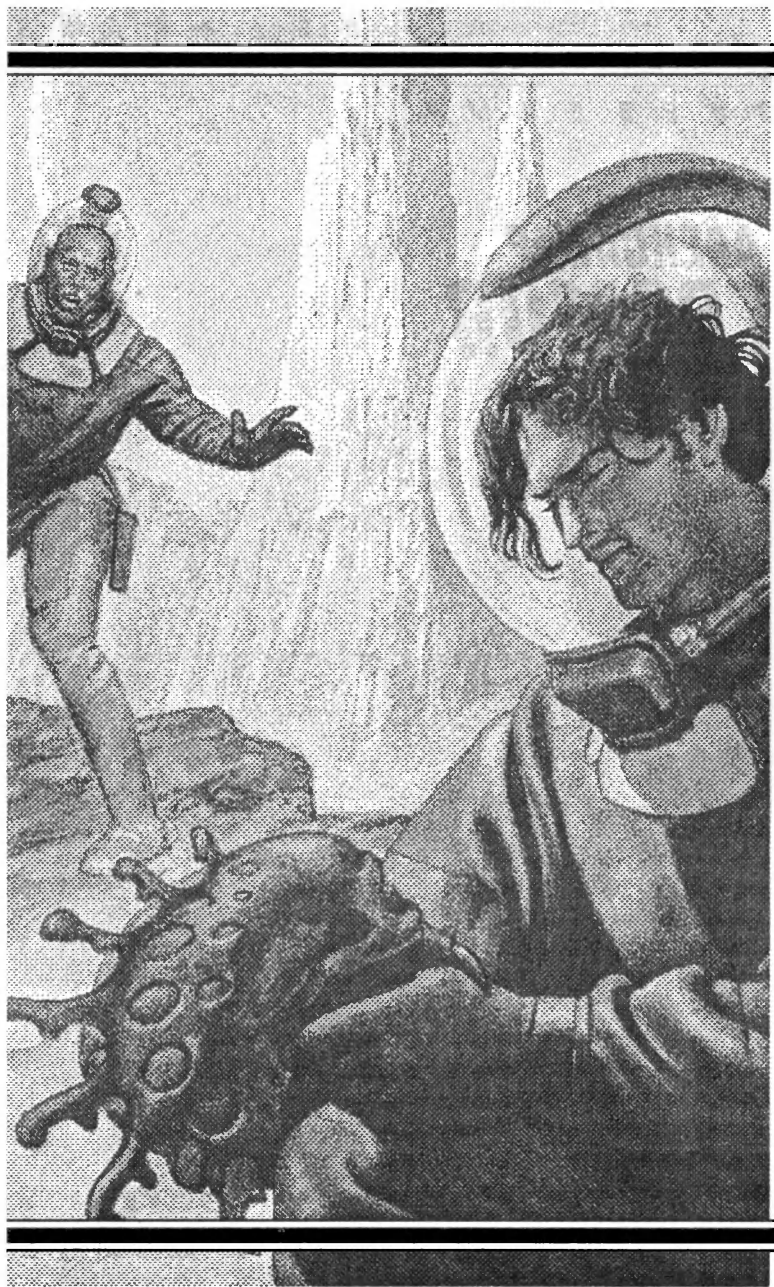

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

**НА РАБОТКА
НА ОТКАЗ**

ВАТЕРЛИНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • МОСКВА

2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Г87

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник В.Н. Ненов

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.01.2002.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 10 100 экз. Заказ 3031.

Громов А.Н.

Г87 Нарботка на отказ. Ватерлиния: Фантаст. романы / А.Н. Громов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 445, [3] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-012594-1

Александр Громов — один из лидеров «новой волны» отечественной фантастики, лауреат премий «Интерпресскон», «Странник» и многих других.

...Это был век штыковой атаки человечества на новые планеты, век, когда была создана Лига Свободных Миров. Именно в этих мирах разворачивается действие романов «Нарботка на отказ» и «Ватерлиния». Именно над этими планетами появляются загадочные черные корабли. Ни одна из попыток вступить с ними в контакт или уничтожить не принесла успеха.

Иная цивилизация? Сверхцивилизация?

Или люди, вернее, часть человечества, вышедшая на новый генетический уровень?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© А.Н. Громов, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

НАРАБОТКА НА ОТКАЗ

*Лучше быть безумным со всеми, чем благо-
зумным в одиночку.*

Бальтасар Грасиан. «Карманный оракул».

У КАЖДОГО СВОИ ПРОБЛЕМЫ

1

Утром потоп сошел на нет, но последние, особенно крупные капли еще побрякивали по жестяной крыше, скатывались к краю и лениво стекали по окнам. Как всегда после ливня, снаружи пузырилось и шипело, воздух был свеж, и очень хотелось выбраться из жилого вагончика, вдохнуть полной грудью, а может быть, даже пробежаться босиком, подетски расплескивая лужи и ловя ртом настоящий воздух с небольшим, но верным избытком аммиака. И пахло как будто аммиаком, хоть говорят, аммиак и не пахнет вовсе. Чепуха, в больших дозах он особенно приятен. Муссон всегда приносит много аммиака. Не вонь нестерпимая — целебный воздух, пьяная ясность в голове и позыв к немедленному действию. Такие позывы надо гасить. Но, пожалуй, было бы неплохо прийти до лаборатории, посмотреть, много ли бед натворил предутренний толчок, а заодно выяснить, что еще не готово к эвакуации, и если что-нибудь все-таки не готово — найти виновного и занудить так, чтобы тот побежал работать вприпрыжку, а не сидел без дела, что плохо, и не ныл на печальные обстоятельства, что еще хуже. Сегодня каждый должен быть мил и очарователен, с точки зрения высокого начальства, иными словами — деловит, корректен и исполнителен до безмозглости, а если таковым не окажется, то это в первую голову вина начальства местного...

Симо Муттик скрипнул зубами. В иных случаях начальник биологической станции обязан быть само радушие и гостеприимство, и грош начальнику цена, если он этого не умеет. Джулия послана вчера в Международную Зону

с приказом пустить в ход личное обаяние и без Чернова не возвращаться. Можно не сомневаться, Чернова она добудет, да и сам Чернов, если, сидя в начальственном кресле, еще не задрал нос в заоблачные сферы, не откажется повидать друга-приятеля Симо Муттика, хоть и понимает, конечно, что раз друг-приятель зазывает к себе, значит, что-то ему, другу-приятелю, от начальства нужно. Остается выяснить: много ли просит? А впрочем, чего там выяснять, сам скажет.

В углу трудился Ахмет, драил мягкой щеткой противорадиационный скафандр, останавливался, критически глядя на работу, потом плевал на щетку и драил снова. Скафандр блеснул. Еще один в ожидании чистки был разложен на полу, а остальные три, грязные и облохматившиеся, были убраны с глаз долой и заперты в дальнем шкафу лично Симо Муттиком.

— Внутри чистил? — скучным голосом спросил Симо.

Ахмет прервал работу.

— Обызаесь, насыальник. За сто обызаесь Ахметку? Ахметка нисего не сделал.

— Не дури. — Симо не счел нужным менять тон. — Я тебя спрашиваю: внутри чистил?

— Чистил, — зло сказал Ахмет. — И снаружи, и внутри, даже дезодорантом spraysнул, если хотите знать. Еще духами могу полить, хорошие духи у Джулии. Полить? Ахметка мигом.

Паясничает, подумал Симо. Это хорошо, что паясничает, значит, еще не опустил руки, еще на что-то надеется. Хороший парень, цепкий.

— Вольфганг где?

Ахмет отложил щетку, пытливо оглядел убогое нутро вагончика, затем заглянул под стол и, не найдя там никого, перевернул скафандр и затряс им, очевидно, ожидая, что уж оттуда-то непременно выпадет Вольфганг. Вольфганг не выпал.

— Ахметка не знает, насыальник.

— Бакалавр Усманов, — хмыкнул Муттик, — я вынужден призвать вас к порядку.

— Слушаюсь, насыальник.

— Заткнись, — сказал Симо. — И без тебя тошно. Имей совесть.

Ахмет посверкал глазами.

— Ладно, — сказал он и снова взялся за щетку. — Тошно так тошно. Нашли чем удивить. А Вольфганг пошел на сельву смотреть, прилива он, видите ли, боится.

— А ты не боишься?

— Я всего боюсь, — мрачно сказал Ахмет. — Только не прилива. В любом случае нужно эвакуироваться, придет там ваш Чернов или не придет. А придет, так будет уносить ноги вместе с нами. Кстати, правду говорят, будто вы спасли ему жизнь на Капле?

— Глупости, — буркнул Муттик. — Кто это говорит? Это он меня спас, а не я его. На это-то вся надежда.

— А-а, — протянул Ахмет. — Понимаю. Этот ваш Чернов — не иначе как высоконравственный человек, купли-продажи не приемлет и любит человека за сделанное ему добро, а не наоборот, так, что ли?

— Замолкни, сделай милость.

— Ничего он не сделает, ваш Чернов.

Симо пожал плечами и протер ладонью окошко. Со вчерашнего дня горы отодвинулись вбок, будто кто-то сдвинул пленку в проекторе: во время толчка, разбудившего всех, вагончик с треском и скрежетом съехал метров на десять вниз по склону и, налетев на вросший в землю валун, застрял в наклонном положении. Могло быть и хуже, следовало только радоваться, что за толчком на сей раз не последовало камнепада. Обошлось. А могло бы не обойтись, особенно теперь, когда вкупе с ливнем первый же толчок способен родить хороший сель.

Симо с ненавистью посмотрел на господствующую вершину. Гора как гора, округлый и скучный на вид конус, подпорка для снежных гигантов хребта Турковского и ничего более. Названия у конуса нет, снега нет, растительности нет, солидных камней по склонам и то что-то не видно, гнейсовая скала над южным разломом рухнула еще на прошлой неделе, и что, спрашивается, еще может с горы сыпаться? Однако сыплется, и еще как сыплется. Только вчера с восточной стороны сошел такой оползень, что, возьми он южнее, от станции осталось бы одно воспоминание. А передвинуть станцию еще ниже нельзя, там — сельва, а с ней не шутят. Вольфганг прав: если будет прилив, станцию захлестнет. Впрочем, прилив обычно бывает на третий день после первого ливня, время терпит.

Симо повернул голову к Ахмету:

— Долго будешь копать?

Ахмет отложил вычищенный скафандр, взял другой.

— Для Чернова готово, — сказал он. — А вам блеснуть ни к чему, по-моему. Пусть ваш Чернов блеснит и радуется. И дезодоранта не дам, не надейтесь.

— Это почему? — спросил Симо.

— Рангом не вышли, — объяснил Ахмет. — Вот когда вы, а не Чернов будете определять стратегию в науке, тогда так и быть, дам немного. В целях приспособления личного организма к доминирующим условиям. А кроме того, радиоактивному горизонту все равно, чем пахнет ваш скафандр, разве нет?

Симо усмехнулся:

— А если Чернов наденет не тот скафандр?

— Наденет то, что я дам, — заявил Ахмет. — И пусть попробует пикнуть. Вообще рамки для начальства должны определять подчиненные.

— У тебя это хорошо получается, — сказал Симо, забавляясь. Разговор позволил отвлечься, и это было приятно.

— А если Чернов забыл о Капле, так я ему напомню, — сказал Ахмет.

Симо постучал согнутым пальцем по голове.

— Не вздумай.

— Ясно. — Ахмет вздохнул. — Я так понимаю, что меня это не касается. А кстати, что это за имя для планеты — Капля?

— Имя как имя, — неохотно сказал Муттик — и вдруг почувствовал зуд в спине, как раз там, где после Капли ему был вживлен изрядный клочок искусственной кожи. Чесотка возникла всякий раз при упоминании о Капле — должно быть, эту кожу берегли специально для какого-нибудь неврастеника. — Нормальное имя, — сказал он, стараясь не морщиться. — Чем тебе не нравится? Жидкая планета, есть такой космогонический феномен. Твердого ядра нет, потому — Капля. У нас там был исследовательский плот, пока Капля его не растворила.

— Как это растворила? — Ахмет вскинул глаза. — Как сахар, что ли?

— Не как сахар. Как плот. Молча. В один день.

— А люди?.. А, ну да, извините. Вы ведь там с Черновым вдвоем были?

— Вдвоем. — Зуд стал совсем невыносимым, и Симо, кряхтя, завернул руку за спину, поскреб. Стало легче.

— Меня там не было, — с завистью сказал Ахмет.

— И очень хорошо. Ты работай, работай.

— Я и работаю.

— Вот и не отвлекайся. Дочистишь скафандр — переходи к уборке помещения. Вольфганг поможет, скажешь ему, что я велел. Меня найдете в лаборатории. Если понадобится. — «Если от нее еще что-то осталось», — буркнул Ахмет. — Если понадобится, — с расстановкой повторил Симо. — Что кому убирать, разберетесь сами. А при Чернове, будь любезен, сделай так, чтобы он твоего языка не слышал. И я тоже. Сиди молча и не высовывайся, иначе ты со мной больше не работаешь. Уяснил?

— Даже очень, — со злостью сказал Ахмет. — А энтузиазм на морде изображать?

— На морде — обязательно.

Ахмет с видимым наслаждением плюнул на забрало скафандра, размазал плевков ветошью и, сверкнув глазами на начальство, потянулся к флакону с чистящей жидкостью. Симо отвернулся. Идти в лабораторию уже не хотелось. Он снова протер окошко и всмотрелся. Здание лаборатории было еще цело, только чуть покосилось набок, будто присело на одну ногу, и снаружи выглядело вполне благопристойно. Если не знать, что там внутри. «Не-ет, — решил Симо, — Чернова я туда не пушу». Сегодняшний толчок уже ничего не мог изменить к худшему. Строго говоря, лаборатория перестала существовать после особенно мощного толчка, случившегося четыре дня назад, — к счастью, погибло не самое ценное, только то, что Джулия не смогла отправить с последней оказией. Не так уж много, но Чернову и этого будет достаточно, чтобы подтвердить полученное еще месяц назад и пока что успешно саботируемое распоряжение о немедленной эвакуации станции и персонала. Пока еще не поздно. И нужно убедить его в том, что этого делать нельзя. Ни в коем случае.

Камнепады начались в начале лета.

Еще в мае, который в нынешнем високосном году растянулся на сорок три дня, горы временами вздрагивали от глубинных толчков, будто в сезон землетрясений; где-то очень высоко, с уреза аммиачных снегов, чаще обычного срывались лавины. Иногда, особенно ночами, был слышен приглушенный гул далеких обвалов, и грохот катящихся камней походил на сонное бормотание не вовремя разбуженных гор. К концу месяца удары рушащихся скал стали слышны и днем, кто-то впервые заметил набрякшую желтую тучу над свежим обвалом по ту сторону ближайших уже вершин, а из Межзоны пришло первое распоряжение об эвакуации. 11

Поначалу Симо пытался спорить и к отсылаемым в Академию отчетам прилагал пространные объяснительные записки. Потом бросил. Прибывший на грузовой платформе уполномоченный — мерзкая рожа — увез часть оборудования и двоих сотрудников, пожелавших уехать. С Симо уполномоченный не разговаривал. Кричал. Остающиеся предупреждены о вероятном исходе? Предупреждены. Они согласны ждать до последнего? И, вероятно, полагают, что это их личное дело? Они ошибаются, это дело Академии и администрации Международной Зоны. И если необходимо эвакуировать научную станцию с территории чужого государства по недвусмысленному требованию его правительства, это может быть сделано и силой...

Наверное, следовало наорать в ответ. При желании всегда можно переорать того, кто орет по обязанности. Ага, значит, силой? Силой, да? Оч-чень любопытно, знаете ли. Следовательно, Международная Зона уже имеет своих командос? Имеет? Я так и думал, что это не мое дело. И Зона, надо полагать, не задумается послать их на территорию суверенного государства? Так-таки всю роту инвалидов от чиновной науки, с геморроем и ловчими сетями для поимки Симо Муттика? Ну то-то, не суйтесь невымытым рылом в чужие исследования, в которых вы там ни бельмеса, а Симо Муттик вам не какой-нибудь дурак-энтузиаст и впредь мешать науку с политикой не намерен, хватит с него Капли, хлебнул досыта на пару с Черновым... Ну, что приутих-то? С Черновым, не с кем-нибудь. С ним и будешь иметь дело, если сей момент не уберешься отсюда к чертовой матери. Пшел!

Вот примерно так и надо с ними разговаривать. Симо улыбнулся, и его отражение в запотевающем оконце улыбнулось тоже. Да, это было бы сладко. И глупо: не Черновым единым жива Международная Зона, черт бы ее взял, и незачем дразнить красной тряпкой чиновную братию, она от этого звереет, а академическая в особенности. И потому — молчать, а если спорить, то недолго и всегда соглашаться, благодаря за ценные указания, долженствующие обеспечить взлет мировой науки, держать пиетет, а еще очень следить за глазами, глаза должны быть светлыми и выражать признательность за заботу, иначе ничего не выйдет. Конечно! Обеспечим! Само собой! Еще день, ну два на свертывание лаборатории — и распоряжение будет выполнено, мы же в своем уме...

Межзоне, где, положила руку на сердце, не в пример уютнее. И — сохранить станцию.

Так Симо и сделал.

Потом — перевести дух. Поднять глаза и встретить три взгляда: недоумевающий — Вольфганга, гневный, с презрением — Джулии и ехидный — не в меру пронизательного Ахмета. Нужно еще выдержать эти взгляды, как кулачный боец держит удары, вышибающие воздух из диафрагмы. Вот кто энтузиасты, негнущиеся, вот кого ломают в первую очередь. А вы согнитесь! Только потом не забудьте распрямитесь, а я помогу, если будет трудно. Ну как? Не желаете? Нет, брезгует молодежь. Вот что я вам скажу: вы все очень хорошие ребята, но вы совершенно не умеете думать — не головой, как раз головой вы думать умеете, — а чем-то еще, спинным мозгом, что ли, а может быть, и трясущимися коленками, и поэтому вы проиграете. Потухнут ваши идеалы, так-то, и вспоминать о них вы будете с неловкостью и смешками. А может, не вспомните вовсе. Учитесь же! Учитесь у мудрого змея Симо Муттика, и пусть его шишки станут вам наглядным пособием, иначе к чему их столько накоплено? Опять не хотите? Жаль... Жаль, времени мало, вот что. Совсем нет времени.

Два дня мучились — тянули вездеходом вагончики, несли на руках хрупкое. Подальше от крутых склонов, поближе к Процессу. Вольфганг рассчитал: тоннель выйдет на поверхность не ближе километра от места Процесса. И не далее полуктора. Двадцать шестого июня после особенно сильных толчков опять двигали станцию — к урезу сельвы. Успели вовремя: в ночь на двадцать девятое раскололась гнейсовая скала, катящиеся глыбы испахали южный склон, одна особенно крупная прошла рядом с жилым вагончиком, раздавила в лом антенну спутниковой связи и с треском ухнула в сельву. Тридцать третьего, после небольшой передышки, гора вздрогнула так, что вагончик подпрыгнул на полметра и в лаборатории не осталось ни одной целой склянки. Тридцать четвертого были отмечены продолжительные нерегулярные толчки: тоннель спровоцировал-таки землетрясение. Километрах в пятидесяти к западу ожил безымянный вулкан, плюнул в небо серной тучей. Сегодня тридцать пятое, и уже был один толчок. Нужно ждать второго, а скоро будет последний. Чернов тоже это знает.

Пискнула входная дверь, вошел Вольфганг. Долго, по-медвежьему топтался, снимая бахилы, потом, сложив-

ши свой рост вдвое, не торопясь, как положено, прошел фильтрующую завесу — оба слоя. Не торопясь снял дыхательный фильтр, сунул в очиститель. Пахнуло дезинфекцией, и Вольфганг удовлетворенно хмыкнул. Весь он был громадный, ростом в полтора Ахмета, а весом — в два, а медлительность у него не от комплекции, понял вдруг Симо, — а оттого, что очень уж старается парень не делать ошибок. Кой черт, все равно делает, разве что чуть реже, чем другие.

— Ну, что сельва?

— Просыпается. — Вольфганг сел.

— Знаю, что просыпается, — терпеливо сказал Муттик. — Твой прогноз?

— Завтра, — сказал Вольфганг. — Скорее всего к вечеру. Или ночью.

— Станцию захлестнет? — спросил Симо. Он знал, что захлестнет, но в душе поселилась дурацкая надежда: а вдруг нет?

— Ясное дело, захлестнет, — вставил Ахмет.

— А я тебя не спрашиваю...

Вольфганг наморщился, задвигал бровями. Медлил, обдумывая.

— Захлестнет. Прилив будет мощным.

Симо кивнул. Ладно. Если все-таки придется эвакуироваться, прилив — дело десятое, а если станцию удастся отстоять — передвинемся выше.

— Там нас угробит, — опять влез Ахмет.

Дурак. Будто без него неясно. Поставить сопляка на место. Нет, пусть лучше это сделает Джулия. Когда вернется. А мы ограничимся пристальным взглядом, долженствующим, как пишут, иметь воспитательное значение. Вот так. И достаточно.

— Там пришел Третий, — сказал Вольфганг. — У сельвы. Стоит и ждет вас.

Так. И этот хорош. До сих пор не понял, о чем нужно докладывать в первую очередь. Добросовестный, этого у него не отнимешь, — но бизон...

— Как он сейчас выглядит? — спросил Симо.

— Тетраэдр, — Вольфганг показал руками, — вопросительная форма. Он хочет говорить.

— А ты что же?

— Он хочет говорить с вами.

Вот как. В другое время это было бы любопытно. Значит, уже и вариандонты научились разбираться в человеческой иерархии, подай им не кого-нибудь, а начальника

станции, будто от него в самом деле многое зависит. И ведь догадались послать Третьего, а Джулия еще уверяет, будто им чужд практицизм... С нами же рядом жили, у нас учились. Третий самый упорный, не уйдет, пока не получит ответа, — а что ему можно ответить? Что мы все ему можем ответить? Симо почувствовал ужас. Но если вариадонт спрашивает — нужно отвечать. Никто не скажет почему. Просто нужно.

Не очень далеко из трясины бил грязевой гейзер, похоже, тот самый, что заработал еще с вечера и все никак не мог иссякнуть. А может быть, другой. Сельва дышала. Там, откуда она отступила при последнем выдохе, простиралась широкая полоса грязи, окаймляющая необозримую коричнево-зеленую стену зарослей. Стену осточертевшую. Стену, готовую к броску, колышущуюся, будто от ветра, хотя ветра не было и не могло быть ветра, способного заставить сельву колыхнуться: сельва не обращала внимания даже на ураганы, изредка достигавшие гор. Она была безгранична. Она была равнодушна ко всему постороннему, как бывает равнодушно большое животное к судьбе насекомых, хрустящих у него под ногами.

Сельва дышала. Ошеломляющая вонь гниения перебивалась острыми запахами жизни, чужой, странной и страшной для всякого осмелившегося углубиться в топкие чащи или не успевшего уйти от прилива. Сельва шевелилась. Временами из темной глубины невероятно сплетенных ветвей по-змеинному выскальзывало гибкое корнешупальце ползучего тростника, тяжело плюхалось в жижу и, найдя незанятое место, мгновенно укоренялось, твердело и прорастало десятком жестких стеблей, очень похожих на земной тростник, если не знать их способности остановить вездеход, оплести его со всех сторон, играючи приподнять над топью, примериться и со вкусом разорвать, как большого твердого жука... Стена двигалась. Коричнево-зеленое тесто ползло вперед. Начинался новый вдох.

Это был еще не прилив, сельва лишь просыпалась. Ворочалась. Накапливала силы. Еще день-другой она будет дышать, с каждым часом все размашистее, потом замрет на долгое время — и ринется вверх, по камням, по голым склонам, по мутной остекленевшей слизи, оставшейся с зимних приливов... А может быть, и по вагончикам биостанции, есть такая вероятность. На прилив лучше смотреть откуда повыше, например, с той стороны разлома, стоять на

краю и снимать на пленку, как падают вниз и корчатся на дне ползучие гиганты и чуткие ветвистые плотоядные, а еще как сыплются вниз колоссальные одноклеточные, упакованные в мембрану, поросшую отравленными иглами, как шарахаются от них коричневые фитофаги с рудиментарным фотосинтезом и слепые, но стремительные в атаке болотные гады, разбуженные всколыхнувшейся топью, — да мало ли безмозглых и бессмысленных тварей создано природой в припадке избыточности и неизвестно зачем, а ведь каждая форма уникальна, каждую беречь надо. Так же, как и себя от нее. Но после отлива подбирай все, что осталось, — раздолье: иногда сельва позволяет людям считать себя объектом изучения, могла бы ведь и не позволить...

Вот и сейчас, выдирая бахилы из клейкой грязи, Симо привычно отметил незнакомый прежде вид фотосинтезирующей планарии и еще что-то мелкое, копошащееся в трясине и ничего путного не напоминающее. Животное. Пожалуй, новый отряд, а вернее всего, класс или даже тип. Поймать бы, подумал Симо, — Джулии показать, самому покорпеть... Но он хорошо знал, что не станет этого делать, потому что совсем рядом, в десяти шагах от живой стены, в грязи, увязнув в ней основанием, стоял вариадонт.

Судя по всему, он стоял уже давно — должно быть, приполз сразу после толчка, еще до рассвета, и Симо проклял себя за то, что не рискнул выйти под ливень — ну пусть бы сбило с ног... Это действительно был Третий. Он ждал.

— Привет, — сказал Симо.

Тетраэдр задвигался: не то приглашал к разговору, не то просто устал быть тетраэдром. Нет, все-таки приглашал. Симо почувствовал покалывание в висках, что-то теплое пришло и вдвинулось в мозг — вариадонт налаживал связь.

— Ты хоть из грязи-то вылези.

Третий скруглил углы, сплющился с боков. Симо моргнул. Теперь к нему, медленно раздвигая грязь, катилось огромное рубчатое колесо: не иначе, вариадонт где-то у границы подсматривал за армейским вездеходом. Очень похоже. Только к тем колесам грязь липла, а к этому — нет. На твердой почве колесо завалилось набок, подпрыгнуло, будто резиновое.

— Все шутишь, — сказал Симо. — Не до шуток ведь тебе, знаю. Тоже вроде нас, только что врать не умеете... Ты ведь спросить пришел, так я жду, спрашивай...

Он знал, о чем спросит Третий. Вариадонт, он же кучевик, он же нуклеод, каких только названий им не выдумывали, а до сих пор ни одного годного, каждое каким-то боком равняет их со зверьем. Вариадонт. Зверь-де, меняющий форму тела по своему разумению. Оч-чень исчерпывающе, знаете ли. Креодонт. Мастодонт. Глиптодонт. Да просто — глипт!

— А человеком можешь?

Колесо без видимых усилий встало, точно в фильме, пущенном в обратную сторону, потянулось вверх, вырастая в колонну, и колонна выпустила из себя, как выстрелила, отростки-руки и шар головы, лопнула снизу, формируя ноги. Человек. Вот только лица у человека не было — вместо лица была гладкая черная поверхность, матово отсвечивающая, как кожа, как искусственная кожа, еще не бывшая в употреблении, — иллюзия для непосвященных. Настоящей кожи у вариадонтов нет и никогда не было. Зато был запах, резкий и специфический, и когда Третий шагнул вперед, запах прорвался сквозь дыхательный фильтр и ударил в нос, заглушая миазмы топи. Не запах — вонь, бежать от нее хочется. Это им повезло, подумал Симо. Неудивительно, что вариадонты не очень-то боятся сельвы — ну кто захочет пробовать на зуб существо с таким запахом? Разве что нарвутся на пограничный пост...

...Хруст ветвей, клацанье, писк брызнувшего сока или, вернее всего, крови. Долгий поросячий визг... Симо не повернул головы на хорошо знакомые звуки. В чаще происходило то, что и должно было происходить: один панцирный гад вскрывал другого. Урчал, пожирая. Природа... И вариадонты все еще по уши в этой природе, подумал Симо, никуда от нее не ушли, она же их и пожрет, как только найдется какая-нибудь тварь без обоняния. Вот Седьмого не видно уже которую неделю, да и Четвертый вчера был какой-то странный: подранили? Не нужно им в сельву лезть, совсем не нужно, да, как видно, придется...

А вопрос все нарастал, бился в черепной коробке, и было ему там тесно. Симо поднес ладони к вискам, зажмурился, привычно напряг и расслабил мышцы шеи. Он был готов к передаче. Он уже знал, что ответит. И знал, о чем попросит. Никогда бы раньше не подумал, что придется о чем-то просить вариадонта... Да, в лучшем случае придется туго. Если очень повезет, то будет туго. А в худшем случае — не будет Процесса, не будет вариадонтов, не будет Симо Муттика. Радиоактив-

ного горизонта и то не будет, выскребут его мало-помалу, а вот тут, например, вот на этом самом месте, где мы с тобой, Третий, стоим, возведут горно-обоганительный комбинат, и потекут от него составы на ту сторону, в Северный Редут. А вон там будет огромный карьер, тут у нас под ногами такое лежит... Ты знаешь, что такое карьер? Сейчас я его представлю — вид сверху, — и ты поймешь... Теперь понял? Здесь будут люди, много людей, они и сельву заставят отодвинуться, насколько смогут. Но прежде будет последний взрыв, и тоннель выйдет наружу. Будет, наверное, радиоактивное облако, но это совсем не та радиоактивность, что у вашего горизонта, и вам от нее лучше держаться подальше. А может быть, в вас станут стрелять. Объяснить тебе, что такое — стрелять?..

Вариадонт стоял неподвижно. Он ждал. Он привык ждать. Сначала, еще в Процессе, как только начал сознавать себя, он ждал очередного глипта. Потом ждал, когда выйдут из Процесса Четвертый, Пятый... Восьмой. Потом стоял в грязи и ждал, когда же к нему наконец соизволит выйти Симо Муттик. Теперь он ждал, когда же этот бестолковый человек dokonчит свой бестолковый рассказ о других бестолковых людях, грызущих тоннели под горными хребтами — зачем? Должно быть, в свое удовольствие... Ничего он не поймет, с тоской подумал Симо, самому бы понять...

— Я понял. — Голос был негромкий, но явственный. — Продолжай.

Симо вздрогнул. Вот это да! — значит, они умеют и разговаривать... Интересно чем? Всей поверхностью или частью ее? А как мы их учили, как старательно выговаривали слоги, пока не поняли, что телепатировать им и проще, и удобнее... И какие же мы кретины, если не уяснили до сих пор, что в вариадонтах куда больше непознанного, чем во всей сельве! А голос... Господи, да это же мой голос! То-то слышу — знакомое. Дрянь у меня, а не голос, блею, как старый козел, слушать не хочется. Но Чернов!.. Если он и после этого не захочет поверить, что перед ним разумная форма жизни, тогда он безмозглая и бездушная сволочь, остальным под стать. Пусть увидит Процесс, вот что. Глипт нужен...

— Мне нужен глипт, — сказал он вслух.

— Мало, — глухо возразил Третий. — Трудно найти.

Он уже пятился к придвинувшейся вплотную чаще — черный, неестественно прямой, — уже уходил, как всегда, неожиданно, легко вынимая из топи ноги, к ко-

торым не липла грязь, а ступней на ногах не было... Нужен глипт... Глиптов мало. Еще бы не мало, коли в последнюю войну их выбили на девять десятых: принимали, видите ли, за танки. Это в сельве-то — танки!..

— Ты слышишь! — закричал в чашу Симо. — Мне нужен глипт! Сегодня! Чернову!.. Я знаю, что их мало, но мне очень нужен хороший глипт...

Он попятился. Коричнево-зеленая стена наступала, нависала над ним, как океанская волна, тянула хищные ветви. Где-то там, в зловонной трясине, пискнуло под ногой Третьего какое-то растение. И все смолкло.

2

С самого утра полковник Нуньес чувствовал себя неважно. Во-первых, полковника мучил кашель, неизбежный спутник сезона муссонов, и не дал-таки уснуть ночью, несмотря на таблетки и дилетантскую попытку самогипноза; во-вторых, на краю стола лежал далекий от завершения полугодовой отчет, о котором командующий округом напоминал не далее как вчера, и это было непонятно, а непонятного Нуньес не любил. Да еще этот больной... Полковник озабоченно потер подбородок. Больной — это скверно. И непонятно, как беднягу угораздило подхватить — не в сельву же ходил... Как назло: который год все тихо, и вот на тебе — пятнистая горячка, да еще с такой анемией, что хоть прямо в учебник. Жаль солдата — толковый, случайно сюда попал, — но тут уже ничего не поделаешь. Выраженные симптомы, и даже не поймешь сразу, плохо это или хорошо, что они сразу заметны? Наверное, плохо, коли врач кинулся бежать, едва увидев больного, и назад в лазарет светило медицины пришлось волочить силой и при непосредственном участии начальства в лице самого Нуньеса. Врач впал в истерику и только визжал и плевался, когда Нуньес орал ему в самое лицо, в бешеные глаза: «Твоя работа? Твоя работа, я спрашиваю!..» Толку не было.

О гарнизонном враче Нуньес не мог думать без тихой ярости. В военное время мерзавца следовало бы расстрелять перед строем, без суда и незамедлительно. Неужели же знал, подлец, что сыворотка скисла? Наверняка знал, брезгливо подумал Нуньес. Вор не вор, а разгильдяй и трус

первейший. Заплевал весь лазарет. Не на пол наплевал, скотина полуштатская, — на службу. В карцере в потолок он давно не плевал, это точно.

Полковник промокнул лоб носовым платком и расстегнул китель. Утро выдалось жарким, кондиционер уже не справлялся. Днем будет еще хуже, если только не разразится ливень, а к вечеру станет уже совсем невыносимо, но за вечером придет ночь, и тогда, может быть, удастся уснуть. Если позволит кашель. И если сегодня за ворохом мелких дел найдется время закончить отчет. Ну, пусть не закончить, пусть только выделить главные моменты. Хотя бы в черновом варианте.

Он дотянулся до клавиши интеркома.

— Дежурный... Кхе!.. — И приступ кашля разразился, как всегда, совершенно неожиданно.

— Дежурный слушает. Доброе утро, господин полковник.

— Доброе, — соврал Нуньес, вытирая глаза. — Я еще когда заказывал документы из архива. Где?

— Они на вашем столе, господин полковник.

Нуньес скосил глаза на стол — действительно все три плаستيковых листка на месте. Надо же, не заметил. Глупо и, пожалуй, обидно. Лишний повод к сочинению очередной байки для любителей устного словотрепа. Впрочем, сегодня дежурит хороший малый, этот не позволит себе лишнего, разве что отметит про себя, что хрыч Нуньес успешно переходит в новое качество: в хрычи старые, заслуженные. И это, надо признать, соответствует действительности. В линейной пехоте стариков не держат. А если тебе шестьдесят два, то о пехоте забудь и радуйся, что командуешь хотя бы пограничным участком, без перспектив повышения по службе и по уши в сельве. Унизительно, если знать, что сельва охраняет границу лучше любых постов, сколько бы их ни было, — а кто же этого не знает? Начальство, во всяком случае, знает. Но и в отставку пока не гонит. Это главное.

О значении слова «синекура» Нуньес лишь догадывался. Судя по конкретным признакам, его предшественникам это понятие было знакомо во всех приятных подробностях. Участок оказался из рук вон, оторви и выброси, что же касается личного состава, то он, подобно всякой изолированной системе, уверенно стремился к нулевой энергии и вполне в этом преуспел. Нуньес впрягся в службу как вол и о начальном

периоде командования участком отзывался кратко: чистил нужник. Для дам он на всякий случай держал в

памяти «авгиевы конюшни», однако дам на участке не было, а тех существ последнего разбора, что поначалу были, язык не поворачивался назвать дамами, и Нуньес с особенным удовольствием вышвырнул их с заставы при первой возможности. В него стреляли: кто-то, пожелавший остаться неизвестным, пустил в полковника две пули — обе мимо. Нуньес не стал выяснять, кто это сделал. Он знал, что когда хотят убить — убивают. Вместо этого он добился замены большей части младших офицеров и сержантов — как ни странно, это удалось, — и в конце концов смог констатировать некий минимум порядка, который и старался поддерживать, не особенно рассчитывая на большее. На него писали клеюзы, всегда остававшиеся без последствий. Раз в полгода он сам писал отчет «о положении дел» с грифом «Секретно. Лично» — по обязанности и без энтузиазма, ибо хорошо знал, что насчет секретности еще так-сяк, а что касается «лично», то вряд ли командующий лично вникает в каждый документ подобного рода, и правильно. Он был забыт, это кололо самолюбие, но пока устраивало. И вот — начальство вспомнило, что есть еще такой Нуньес, и, вместо того чтобы попросту гнать вон со службы, торопит с очередным отчетом. Почему? Об этом полковник еще успеет подумать, но сперва нужно разгрести текучку.

— Дежурный! Вы слышите меня?

— Еще что-нибудь, господин полковник?

«Еще что-нибудь!..» Наглец. Тон, как у официанта. Наказать? Нет, пока рано. В линейную бы пехоту его, суток на трое в сельву с полной выкладкой, да чтобы без жратвы... Сдохнет ведь. Молодежь, одно слово.

— Еще вот что, — хмуро сказал Нуньес. — Сегодня же эвакуируйте больного. Да, вы. Вертолетом. Займитесь этим немедленно. Что? Это как понимать: «если позволит погода»? Пусть позволит. Запомните себе на будущее: плохая погода бывает только для разгильдяев. Вот и хорошо, что вы поняли. Далее. С больным полетят двое сопровождающих, выберите их сами из резервной смены. Еще полетит врач. А меня не интересует, захочет он или не захочет. И не интересует его невменяемость. Тогда так: еще двое сопровождающих полетят с врачом. Пусть получит в медицинском управлении новую партию вакцины, вы поможете ему составить заявку, если он забыл, как это делается. Кхм... Кха! Кашель, черт... Вакцина сегодня же должна быть здесь. Сегодня же. И врач тоже. Нет, не «пусть он катится к чертовой матери», а

пусть сегодня же проведет повторную вакцинацию всего личного состава. Да. Я сказал: всего личного состава. Полностью. Ответственный — вы лично. Это все.

Полковник снова закашлялся и, прочистив горло, сплюнул в носовой платок. Вот гадость. А ведь после прививки станет еще хуже. Люди будут недовольны, и трудно их за это осуждать. Но аверс аверсом, а с реверса отчетливо маячит пятнистая горячка — та еще хвороба, верный и мучительный конец. Вакцина спасает от пятнистой горячки, зато делает человека крайне восприимчивым к обычным простудам, это бы еще ничего в сухое время года, но теперь пошел муссон, и значит, уже завтра личный состав будет едва волочить ноги. Вакцина — дерьмо... И жара. Страшно подумать, что будет там, снаружи, когда солнце взберется повыше. Особенно завтра, после прививки. По-видимому, единственной работоспособной единицей на всем участке останется полковник, строчащий полугодовой отчет. Трогательная картина.

Он подошел к окну, скосил глаза вниз. Оттуда, с прямоугольной площадки, отвоеванной у сельвы под плац, забетонированной и расчерченной в соответствии с назначением, поднимались торопливые дрожащие испарения. В тени старой башни, реликта эпохи Второго Нашествия, ныне увенчанной крутящейся антенной станции дальнего обнаружения, досыхали последние, самые стойкие лужи. Двое солдат с нагубой катили через плац гигантскую кабельную катушку, их движения были плавны, как в замедленном кино.

«Мухи дохлые», — определил Нуньес. В катушке было куда больше жизни, чем в солдатах, она проявляла норы и стремилась покатиться в направлении, солдатами не предусмотренном. Полковник отогнал мысль о том, что было бы с ним самим, вздумай он спуститься вниз. И здесь-то не продохнуть... Скверный сезон. Муссонные ливни все похожи один на другой. И еще они похожи на конец света. Но сельве того и надо.

И вот пожалуйста! — на плацу опять свежая трещина. Спрашивается: откуда? Вчера ее здесь не было, это точно. Не иначе, опять из земли лезет какая-то дрянь, ей двухметровый бетон вроде скорлупы для любителей яиц всмятку. Санобработка? Да, и чем скорее, тем лучше. Полковник поморщился. Излучатели выжгут всякую жизнь на пятьдесят метров вглубь, но, конечно, лишь на время. В муссонный сезон эту процедуру необходимо повторять как минимум раз в не-

делю. Плохо то, что излучатели портят плац: бетон крошится, рассыпается в неприятную вонючую пыль, и плац потом выглядит как обгаженный. Не дай бог, командующий округом затеет инспекционную поездку — сгореть от стыда полковнику Нуньесу.

Сельва, кругом сельва, до горизонта во все стороны, кроме севера — там она только до гор. Сельва бессмертна. У нее тысячи способов расправиться с человеком, и поэтому углубиться в нее хотя бы на пять шагов способен лишь самоубийца или буйно помешанный, каких здесь, слава Лиге, пока еще не держат. Каждому доводилось видеть, как легко и вместе с тем мощно движется, нависая над чащей, шагающий баньян и отвратительное месиво словно бы раздвигается, угадывая, где он ступит, и давая ему ступить. Несуразный глипт в шишкастой броне ползет напрямик, с треском валит подгнившие деревья, оставляя за собой развороченную просеку. Там, где он прошел, могла бы получиться хорошая вездеходная трасса — только сельва не даст. Для этого в ней слишком много жизни.

Можно каждый месяц выжигать вдоль границы контрольную полосу. Если хорошо выжечь и если на ней не укоренится баньян, ее действительно хватит на месяц. Потом — снова, и так без конца. Жечь, травить дефолиантами, выметать излучателями все живое — в золу и пепел.

Надолго ли? Сельва упорна от рождения, гораздо упорнее людей. На соседних участках контрольной полосы давно уже не существует, линия границы условна, как мнимое число, и на это обстоятельство не устают выжидательно намекать подчиненные. Дьявольский соблазн. Люди не понимают, что они охраняют и от кого. По эту сторону хребта Северный Редут формально владеет куском территории, до которого еще ни у кого не дошли руки — потому и владеет.

Между прочим — потенциальный противник, несмотря на то, что уже лет двадцать как полноправный член Содружества, хотя и формальный доминион Земной федерации. Но их людей здесь нет, здесь вообще нет посторонних, если не считать каких-то биологов в предгорьях, да и те не северяне, а из Межзоны, как-то их там терпят. Больше никого. У полковника Нуньеса нет коллеги по ту сторону границы. Это плохо. Такая служба оскорбляет командный состав и разлагает подчиненных. У них есть задачи, текущие и на перспективу, но нет цели, придающей службе значимость и видимый смысл. Людей трудно винить, но необходимо. Подчиненные не понимают, за спи-

ной полковника делают неприличные жесты, сочиняют похабные анекдоты и думают, что одеревеневший на службе Нуньес ничего не видит. Один из этих сочинителей пустил в него две пули. Его пытались напугать — что ж, на службе случается всякое. И тем не менее полковник не считает своих людей сбродом. Просто они не могут дать ответ на мучительный вопрос: ЗАЧЕМ? Нет ответа. И, наверно, не будет, и не надо его искать, ответ этот. Служить надо.

Он переждал приступ кашля и вернулся к столу. Сначала дело, нытья на сегодня уже хватит. Отчет — тоже дело, и дело первой важности, когда отчетом интересуется лично командующий. И он не скрыл того, что интересуется потому, что заинтересовались в высших сферах, похоже, даже в генштабе. Непонятно, зачем им? Совсем темный лес, вроде здешней сельвы. Что они там хотят выудить из этого отчета? Уж наверно, не то, что гарнизонный врач скотина, не исполняющая прямых обязанностей. Тогда что?

Дана подсказка: случай с нарушением воздушной границы, очень неприятный случай. Нуньес не любил о нем вспоминать. В свое время и начальство о нем не вспоминало, то есть настолько, что вообще не отреагировало, хотя по убеждению полковника отреагировать следовало бы, и самым крутым образом. Случай был скандальным, до сих пор сидел как заноза, и хотя обошлось без видимых последствий, но дураку было ясно, что об этом еще вспомнят...

Вспомнили — но странно. Об отставке ни слова. Само собой очевидно: ждут не оправданий и, вероятно, даже не анализа бездарных действий дежурной смены, не говоря уже о предложениях по совершенствованию порядка боевых дежурств. Ждут чего-то иного, а если подумать, то все это очень похоже на тотальный сбор информации, настолько систематизированный, что задействованы все каналы сбора, даже самые гиблые... Знать бы еще: какой информации? И на кого?

Полковник недовольно посмотрел на тощую пачку исписанных листков. Отчет называется... Нет, строго говоря, нормальный отчет «о положении дел на вверенном...», ну и так далее, по стандарту. Даже, против обыкновения, позволил себе кое-какие предложения касательно «совершенствования порядка»... Нуньес поморщился. Дельные, между прочим, предложения, а придется все же убрать, чтобы у высших сфер не застревал глаз на том, на что они заведомо не обратят внимания.

Итак. Нуньес перетасовал три полученных из архива листка и выбрал наугад. Короткий текст оказался рапортом давно уже сплавленного отсюда солдата, и с первого взгляда было видно, что документ составлен не по форме.

«По тре. плк. Нониуса от младшего оператора радарной службы рядового Ф.Р. Мбеле. Доклад...»

Полковник механически исправил Нониуса на Нуньеса, зачеркнул слово «Доклад» и вписал: «Рапорт». Дальнейшее он решил не править. В официальном интерсанскрите рядовой Мбеле путался, как водолаз в водорослях, но пиджин-санскритом владел и писал на нем следующее:

«...В соотв. с росписью дежурств 8 юня 91г. Лиги около в 11ч. 29м. едного времени мною был замечен двигание летательного объекта в направе приблига к гран. В наиточном соотвествии с инструкцией (номер инструкции) я произвел немедля вложение всех параметр полета предположной цели в следячий контур и доложил. Все без исключ. указания которого дежурного офицера четкоточно сполнял в дальнейшем. Случаем пользуюсь докласть факт о том, что жидкость для протира экранов операторам не дают почему не знаю, которые потому упыляются и не обеспечивают надлежного слежения. Рядовой Филипп Реджинальд Мбеле». Резолюция — прочерк. Дата.

Вот так, подумал Нуньес и хмыкнул. Себя — полным именем, а полковник у него Нониус. Болвану лучше быть скромным, пыжащийся болван слишком похож на сувенир: дорого стоит и ни на что не годится. И правильно, что нет резолюции. Какие тут могут быть резолюции? Отчитать дурака в устной форме, заставить вы зубрить инструкцию, чтобы впредь знал, что делать в первую очередь при обнаружении цели. Обругать за жаргон в официальном документе. Жидкости для протирки экранов не давать: не хватало еще пищевых отравлений, — а вместо этого назначить рядового Филиппа Реджинальда-как-его-там на три внеочередных дежурства. Кажется, так и было сделано.

Полковник вздохнул, отложил листок на край стола и перешел к следующему. Второй документ был рапортом дежурного офицера лейтенанта Риттера из той же злосчастной смены. Первые строки Нуньес пробежал вползгляда. «Объект-нарушитель был замечен над южным склоном хребта Турковского уже в непосредственной близости от границы...» Так. Параметры полета на момент обнаружения... азимут... угол места...

скорость полета... Ого! Далее: относительная высота... Так. Снижение. Маневр. Первый вывод: «Нарушитель осуществил пологое пикирование с одновременным глубоким разворотом вправо и через 20 секунд после вторжения вторично пересек линию границы и покинул охраняемое воздушное пространство, двигаясь на малой высоте в направлении азимута 310 градусов. Исходя из параметров полета, а также вариаций эффективной отражающей поверхности, можно утверждать, что нарушителем являлся боевой одноместный флайдарт класса «джокер» типа «Е» или более поздних модификаций...»

Так. Нуньес пробежал еще несколько строк и устроился в кресле поудобнее. Дальнейшее он помнил очень хорошо, но все же следовало вчитаться еще раз.

«...Таким образом, по вине дежурного оператора рядового Мбеле боевая тревога была объявлена с опозданием на 30—35 секунд. За это время нарушитель успел вторгнуться в охраняемое воздушное пространство и начал разворот, очевидно, намереваясь в возможно более короткий срок выйти за пределы зоны поражения. Поднятое по тревоге зенитно-ракетное подразделение обеспечило готовность к пуску ракет в соответствии с установленной нормой времени, однако к этому моменту нарушитель находился уже в воздушном пространстве Северного Редута, удаляясь в глубь его территории на крайне малой высоте, и через 70 секунд после вторичного пересечения границы радарный контакт с объектом-нарушителем был потерян. В связи с этим обстоятельством мною была дана команда отбоя боевой тревоги...»

Нуньес заерзал в кресле. Вот в чем была главная ошибка Риттера, а вовсе не в том, что перед экраном у него сидел дурак. И даже не в том, что Риттер в горячке не успел сложить два и два, а потому не вспомнил, что «джокер Е» в силу своих исключительных летных качеств способен уйти от атаки зенитными ракетами, и надо было задействовать лазерный пост... Самое печальное для Риттера случилось минуты через две после отбоя тревоги, когда локационщики искали, кто виноват, а зенитчики, скучно ругая Нуньеса — а кого же им еще ругать, — зачехляли свои ракеты. В это самое время флайдарт-нарушитель снова пересек границу и несся на сверхмалой высоте, практически повторяя свою первоначальную траекторию. Суeta боевой тревоги повторилась во всех подробностях и с тем же успехом. Что-либо предпринимать было поздно. Нарушитель преспокойно удалился в сторону южных владений Редута, сразу

после пересечения границы сделал горку метров на восемьсот, и дальнейшая траектория его полета была классифицирована как посадочная глиссада.

Нуньес даже застонал от досады: вот тут бы Риттеру и сбить нарушителя — на горке! Пусть даже над чужой территорией — полковник Армандо Нуньес сумел бы отстоять своего подчиненного. А так — пришлось наказывать. Риттер мог бы и сообразить, а по должности просто обязан был догадаться, что нарушитель обязательно пойдет на второй круг — иначе где ему там сесть? В сельву? На горы? Уже на первом заходе можно было понять, что нарушителя из Редута интересует СВОЯ территория. Свой собственный пяточок, на который еще надо сесть. Ну ладно, флайдарту высокого класса не нужна необъятная посадочная полоса, но при всем том он не вертолет и не летающая платформа, чтобы садиться на любую ровную лысину. Он просто выжег себе посадочную полосу где-нибудь на краю сельвы, а чтобы сесть, ему нужен был второй заход. С его радиусом разворота он непременно должен был еще раз войти в охраняемую зону и еще раз подставить себя под вероятный удар. Вернее — под маловероятный, учитывая полную деморализованность Риттера.

Умно. Отлично спланированная акция со здоровенной дозой разумного нахальства. И время выбрано удачно: за несколько недель до летнего муссона, иначе торчать бы тому флайдарту в болоте по самый стабилизатор...

К концу рапорта Риттер не удержался и съехал на оправдания и объективные обстоятельства, что в глазах Нуньеса выглядело совсем уже неприлично. Хлюпик, шенок скулящий... Резолюция: «Аргументы неубедительны. Лейтенанта Риттера предупредить о неполном соответствии. Капитану Нильсену принять необходимые меры к обеспечению надлежащей боевой подготовки вверенного ему подразделения. Нуньес».

Спускал на тормозах. А что еще было делать?

Полковник опять вздохнул. Последний документ он читать не собирался: помнил наизусть. Это был рапорт самого Нуньеса, обращенный к командующему округом. Не рапорт — крик души, черт знает что. Хорошо, не подал сгоряча в отставку, а ведь мог бы... Две недели спустя, когда о нарушителе уже и думать забыли, тот самый флайдарт — а откуда там взяться другому? — вновь вынырнул из южных земель Редута, легко, у всех на виду пронесся на взлетном форсаже чуть ли не над самой заставой и в считанные секунды скрылся за хреб-

том Турковского. Как назло, лазерный пост погряз в регламентных работах, а от ракет, впопыхах пущенных вдогон, нарушитель, конечно же, ушел в какое-нибудь ущелье. Ясно же, пилот высочайшего класса, таких один на две-три сотни. Он и в эту сторону летел ущельями, иначе быть бы ему обнаруженным за триста километров, гореть бы ему дымным огнем сразу после пересечения границы... Мастер. И опять-таки налицо все приметы тщательно спланированной и подготовленной операции. Не говоря уже о тщательности исполнения.

А виноват Нуньес. Виноват, потому что не задумался над простым вопросом: а что он делал, этот пилот, по южную сторону хребта? Где он жил эти две недели, не вопрос — у биологов он жил, — а вот чем он там занимался? Именно пилот, не кто-нибудь: в «джокер Е» два человека не поместятся физически. Учил биологов пилотажу?

Транспортная операция, вот что это такое. С целью доставить специалиста в интересующее кого-то место, не привлекая излишнего внимания ни к месту, ни к специалисту, потому и замаскированная под нахальный разведполет. Ясно, отчего выбран флайдарт: никакая летающая платформа не в состоянии перевалить через хребет — кишка тонка, а что касается космических средств, то у Редута всего один корабль, да и тот грузовой мастодонт, там ему не сесть. Правда, и «джокер Е» с навесным ускорителем способен выходить в ближний космос, но на посадке сделает такой круг, что будет испепелен над чужой территорией задолго до вхождения в тропосферу. Неудачные задворки у северян, прямо скажем...

Тихонько дзенькнули стекла. Задрожал письменный стол, пополз по нему рапорт рядового Мбеле. Дурнота накатила было, но отхлынула. Какого черта...

— Кха!... Хгм. Дежурный, вы что-нибудь почувствовали?

— Толчок, господин полковник. Уже второй за сегодняшней день.

Да, верно. Откуда они взялись, эти каждодневные толчки? Не было же раньше. Ну ладно, это мы потом, а сейчас нехудо бы выяснить насчет того пилота, лучше поздно, чем слишком поздно. А что? Заказать полную информацию о пилотах высокого класса, затребованных Редутом за последние три—пять лет, и в особенности об их смежных специальностях... Допуска нет, не дадут. Еще доложат: суется старый пень

не в свое дело, подозрительно... Разве что через Пикара? Круто он пошел в гору с тех пор, как я его выта-

шил, а сам небось думает, что выплыл без помощи Нуньеса, и в свои тридцать семь уже полковник службы информации с хорошими связями. Прыткий, как всякая сволочь. Что ж, напомнить не помешает, хотя, конечно, риск... Да что там риск, противно это, как ногой в дерьмо... а придется. Лучше ногой, чем мордой, тут и думать нечего. Как-нибудь оботремся.

— Дежурный! Соедините-ка меня с полковником Пикаром...

3

— Ого, — взгляд Чернова прилип к шкале индикатора,вшитого в рукав скафандра, — тридцать рентген в час. Здесь всегда так?

— Не всегда, — сказал Муттик. — Иногда больше. Скафандры держат. Ты смотри, смотри, как они его...

Глипт был еще жив. С полдесятка ложнокрылов уже обсели его, как москиты, завязнув бивнями в спинной броне. Остальные пока кружили высоко: были еще сыты позавчерашним зверем, оказавшимся на редкость упитанным. Некоторые вообще не покинули верхушки скалы — торчали черными изваяниями, абсолютно неподвижные, и издали напоминали обыкновенных птиц с не в меру развитым клювом — вроде марабу.

Не спешили. Глипт крутился на месте, как тяжелый танк с перебитой гусеницей, взрывывал и явно не понимал, что с ним происходит. Он был стар. Он хотел жить, он и приполз, чтобы жить, — сюда, где растения-карлики, подступившие к осыпи, вырастают гигантами, а гиганты бессильно стелятся по земле, он тащил свое тело прочь от пограничных постов, унося неразорвавшуюся противотанковую ракету, ушедшую в бок по самое сопло. Пожалуй, он еще мог бы спастись, повернув назад, но Симо знал, что глипт не повернет. Не догадается, тупорылый, не сообразит костным мозгом — а другого у него нет — и потому обречен стать частью Процесса, сырьем Процесса, углем в разгоревшейся топке. Третий — молодец, не подвел, зверь что надо. Больной, конечно, но ведь здоровый к радиоактивному горизонту не полезет. Вылечат его здесь сей момент... Не зацепили бы детонатор ракеты, вот что. Все-таки уму непостижимо, какая медленная тупость, какая косная животная сила толкает Процесс, выбрала Природа тех, кого не жалко. И ложнокрылы тоже тупы

на редкость, летающие бронебойные тараны, что с них возьмешь — сыты они, видите ли, жрать не хотят. Чернов уже устал стоять, уже смотрит понимающе, готовый принять извинения — ничего, мол, в другой раз... «Ну давайте же! — мысленно взмолился Симо. — Ну, вниз, вниз... Все вместе! Хорошенько его!..»

Есть! Незабываемое зрелище, когда пикирует вся стая — словно россыпь управляемых бомб. Бивни вниз, отброшенные за ненадобностью крылья — кружащиеся лепестки, подхваченные ветром. Новые отрастут уже на земле, в считанные секунды. Ложнокрылы развивают в падении невероятную скорость; забавно смотреть, как они перестраиваются в воздухе, стараясь не помешать друг другу... Тук! Тук-тук! Тук-тук-тук-тук!.. Звук пулеметной очереди. Кр-р-р-р... Так его!

Спина глипта лопнула в десяти местах разом. Брызнули фонтанчики синеватой жидкости. Глипт замычал, долго, мучительно... Он еще боролся, еще дышал... все слабее, слабее...

— Кхм, — сказал Чернов. — Ты мне хотел показать именно это?

— И это тоже. Но самое интересное будет потом, когда съедят. Они быстро.

— А мы для них случайно не съедобны? — попробовал пошутить Чернов. На агонизирующего глипта он старался не смотреть.

— Ты натурализован? — спросил Симо.

— Дурацкий вопрос, извини. Да, конечно.

— Значит, съедобен. Но ты не беспокойся, нас они не тронут.

Глипт содрогнулся в последний раз и упал на брюхо. Сверху в него уже вгрызлись, когтистые лапы выдирали обломки спинных щитков.

— А почему, собственно, они нас не тронут?

— Глупые...

Маленький ложнокрыл с обломанным бивнем прыгал возле самых ног, видимо, не решаясь приблизиться к туше. Квохтал что-то.

— Иди, иди, дурачок, — ласково сказал Симо, — туда иди, там всем хватит... Старый знакомый, — объяснил он Чернову. — Вздумал однажды спикировать на вездеход, сломал бивень. Он теперь пария, Джулия его подкармливает.

— Может быть, ты его отгонишь? — сказал Чернов. — Дрянь какая...

— Сам ты дрянь, — весело фыркнул Симо. — Гидролух ты, Борька, а не гидролог, красоты не понимаешь. Ладно, ладно, отгоню, не мучься... Пшел! Пшел, дурачок! Фьють!..

Ложнокрыл запрыгал прочь, у туши глипта зачем-то сбросил крылья и мелко-мелко затряс головой — явно канючил. Глипт уже не был глиптом. Он был сочащейся пищей, огромным мясным складом, отданным на разграбление, вскипающей муравьиной кучей, потревоженной упавшей веточкой. Куча заметно оседала.

— Жрут, — сказал Чернов и прищелкнул пальцами. — Ты прав, на пленке это выглядит не столь гомерически. Но я думал, они умеют быстрее.

— Торопишься? — спросил Симо.

Чернов промолчал. Только переступил с ноги на ногу.

— Значит, торопишься...

Глипт исчез. Последним взлетел ложнокрыл с обломанным бивнем, тяжело покружился в небе, опробуя новые крылья, и наконец угнезвился. На него квакнули, и он попятился к краю скалы. И почти сразу же из сельвы вышли вариадонты.

— Конвой, — объяснил Симо.

Он всматривался, угадывая. Так... Четвертый, Первый и, естественно, Восьмой. А вон тот, кажется, Пятый. Свита более чем пышная — в честь Чернова. Но Третьего почему-то нет. Интересно, где Третий?

— Ну вот, смотри, как это бывает...

Останки глипта неторопливо шевелились. Удивительно мало оставляют после себя ложнокрылы: щитки панциря, кости, часть системы выделения и еще одно... Знать бы: зачем глипту этот орган? Туман. Мертвый зверь ничего не дал, а с живым глиптом в лаборатории не поэкспериментируешь, скорее он сам поэкспериментирует с лабораторией. Пока что по умозрительным построениям получается, что речь идет о древнем рудименте со странными свойствами вроде способности к самостоятельному передвижению. Гм... когда не знают, как вписать работу непонятого органа в расхожие представления о метаболизме, обыкновенно списывают на рудиментарность. Одно ясно: не мозг. «Суборганизм икс»... Джулии это название почему-то не нравится, а Ахмет и вовсе позволил себе охарактеризовать уровень фантазии, доступный начальнику биостанции. Вольфганг, правда, промолчал. Он молодец.

Черный блестящий комок размером с голову человека, ритмично сокращаясь, полз точно к Восьмому.

Пока все шло как обычно, Симо видел эту картину двадцать раз воочию и сотни — в записи. Теперь, притемнив забрало скафандра, он исподволь наблюдал за Черновым. Ничего... Ну, то есть совсем ничего, никакой реакции. Можно подумать, что Чернову неинтересно. Стоит себе человек, смотрит на Процесс как на пустое место, как на осточертевший пейзаж в окне, но пейзажа не видит, а мучительно размышляет: куда же он, черт побери, подевал свои тапочки... А может быть, хоть на Чернова и не похоже, просто вспоминает последний толчок, содрогается внутренне, что вполне естественно, и думает о том, как бы поделикатнее унести отсюда ноги. Обидно.

Восьмой двинулся навстречу комку. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, как два притягиваемых друг к другу магнита, и наконец последний стремительный рывок... Чмок! Удивительно сочный звук соприкосновения. Черного комка не стало, и Восьмой замер. Теперь он стал немножко больше.

— Это — все? — спросил Чернов.

— Все, — разочарованно ответил Симо. — Прирос. Это шестнадцатый по счету, а всего нужно девятнадцать. Теперь он поползет на осыпь и будет часа два заряжаться, да и остальные тоже, так что мы можем идти. Когда они едят, с ними без толку разговаривать — не ответят. Или, может быть, пождем?

— Ну-у... — с сомнением протянул Чернов, — вряд ли это интересно. И потом, я читал твои отчеты. Ты мне вот что скажи: ты всерьез полагаешь, что они разумны?

Ну вот, мрачно подумал Муттик. Опять начинается, в который уже раз. И кто — Борька Чернов!

— Ты же читал мои отчеты...

— Мало ли, что я читал.

— Они немножко больше, чем разумны, — сказал Симо, сдерживаясь. — Они мудры. Мудры, как дети, если это не смешно звучит. В сущности, они и есть дети. Редкие, гениальные дети, феноменальные младенцы. Ты видел рождение, поздравляю.

— Это не похоже на рождение, — сказал Чернов. — Это похоже на басню с моралью. Чтобы стать мудрым, необходимо, чтобы тебя съели. И даже не один раз. Так?

Пришлось улыбнуться.

— Спасибо, что показал. В последний раз ведь.

Симо похолодел.

— В последний, в последний, — кивнул Чернов. — Станцию будем эвакуировать. Ну что, двинулись?

Двинулись. Красный столбик на индикаторе радиоактивности потихоньку пополз вниз. Одиночные камни, вывернувшиеся из-под ног, неторопливо скатывались по осыпи.

Симо плелся сзади, стараясь не смотреть на мелькающую перед глазами начищенную оскафандренную спину — зря старался Ахмет. Зря молчал как убитый, терпел и только кивал, поддакивая, зря старалась Джулия, зря Вольфганг тяжеловесно пытался услужить. Все впустую, болотному гаду под панцирный хвост. Не тот Чернов, совсем не тот, что лез в пекло на Юнии, и даже не тот, каким был на Капле. Начальство. Молодое, еще горячее начальство, не без спеси, любит принимать решения даже там, где это не обязательно. Попирает землю, человеке. К тому же спасатель по натуре: на Капле спас и теперь тоже тщится, а когда спасаемый упирается и намерен утонуть, его глушат кулаком по темени и выволакивают на берег за волосы, это всем известно. Веди себя смирно, выполняя что приказано, сам не тони, пока не топят, и не вовлекай подчиненных. Уяснил?

Нет.

Ну, тогда заставим...

Капля, Капля... Симо на ходу помотал головой, отгоняя видение. Стойкий сюжет ночных кошмаров: разьедаемый тонущий плот, жгучие брызги, летающие с таранящих волн, плевки едкой пены, и горизонт горит — что там может гореть?! — а вокруг только океан, зеленые воды, наполненные жизнью до самого центра планеты, и где-то там, уверенно и неотвратно, наматывая на винты чужую жизнь, идет к цели ядерная торпеда, наделенная искусственным интеллектом... Симо еще поморгал, и видение пропало.

— Зря ты меня тогда вытащил, вот что.

— А? — Чернов обернулся. Симо догнал, пошел рядом.

— Борька, — хрипло попросил он. — Давай так: ты меня не видел, а? Не нашел, не долетел, не передал. Гукнулся в сельву, застрял, пришлось вернуться. Годится?

Чернов натянуто улыбнулся. Покачал головой.

— Раньше надо было думать, Симка. Теперь поздно. Не сегодня-завтра здесь будет полно северян. Это их территория.

— Нет, — сказал Симо. — Это не их территория. Это вон чья территория. — Он показал через плечо. — Только

их, и ничья иная. Это единственное место на планете, где возможен Процесс, и ты это понимаешь не хуже меня. Где ты еще видел превращение неразумного в разумное? Вот и не увидишь нигде через несколько дней, голову даю на отсечение...

— Это почему не увижу? — спросил Чернов.

— Убьют их, вот почему! — не выдержал Симо.

— Ну-ну. Вот так сразу и убьют... — Чернов поморщился. — А зачем их, собственно говоря, кому-то убивать? Чепуха. Пошлем от Академии официальное обращение к правительству Редута. В связи с исключительной научной ценностью... ну и так далее. Я добыюсь. Слово.

— Подотрутся они твоим обращением, — сказал Симо. — Каплю забыл?

— Ну, Капля — это аномалия. Когда начинают делить жидкую планету...

— Когда начинают делить твердую, бывает то же самое. А мы тут... «В связи с исключительной научной ценностью...» — Симо фыркнул. — Мне вообще последнее время кажется, что в Академии разучились думать. Никак не могут понять, что варианты ценны сами по себе, а вовсе не потому, что мы ими интересуемся. Да не очень-то и интересуемся, право слово.

Чернов поднял бровь, молчал. Симо отвернулся, скрывая злость. Надо же, как смотрит, ждет, что подчиненный сам поймет неуместность своих слов... Не дождетя.

— Академия занимается вопросами комплексного освоения планеты, — заговорил наконец Чернов. — Освоения, заметь, это существенный момент. А не наоборот. Ты что намерен предложить, только без соплей, — заповедник?

Симо махнул рукой:

— Не мечтаю. Тут Редут устроит заповедник... Но хотя бы... Борька, я прошу тебя, ты же можешь... Сохрани мне станцию, больше мне ничего не надо, только станцию...

— Вот эту? — показал Чернов. Развалины вагончика были уже видны вполне отчетливо. В развалинах копошились три крошечные фигурки, издали было не разобрать, где кто. Пытались что-то спасти.

— Станция — это не вагончики, — возразил Симо. — Станция — это люди. Люди, делающие свое дело и готовые делать его впредь. Нормальные люди.

— Вот-вот, — сказал Чернов. — Значит, ты, сам нормальный, хочешь рискнуть своими нормальными для того,

34 чтобы уберечь этих твоих... как их...

— Вариадонтов.

— Вот именно, вариадонтов. Прикрыть, значит, телом, причем не только своим... молодец! Да ты хотя бы представляешь себе, что здесь будет твориться в тот момент, когда тоннель выйдет наружу?

— Нет, — зло сказал Симо. — Не представляю. А что здесь будет твориться?

— Сдохнешь, идиот! Если тебе на себя наплевать, то мне нет. И ставить Академию, да что там — всю Межзону в дурацкое положение я тебе не позволю. И мне не позволят. Понял?

— Значит, нет? — спросил Симо. — Значит, никакой надежды?

— Ее и не было, — сказал Чернов. — Я тебя, кажется, не обнадеживал.

Верно. Симо почувствовал себя опустошенным. Не обнадеживал. Сейчас придем, Чернов скомандует собираться, все будут смотреть на меня, а я не буду знать, что сказать. А Чернов скажет: «Мы сюда еще вернемся», — и все поймут, что это ложь и что мы не вернемся сюда никогда. Почему же он ничего не понял, Чернов? Ведь понял же тот пилот, а уж на что, кажется, заурядный малый...

Может быть, Чернов испугался? Не последнего толчка, разумеется. Может быть, он просто-напросто дошел своим умом, какие для кого-то откроются возможности, если гипотеза верна и восемь вариадонтов, как только будет готов Восьмой, сольются в единый сверхорганизм-супермозг? Ужаснулся, замахал руками: не хочу, мол, не надо... А может быть, просто дорожит своим местом — чем же еще и дорожить, когда жизнь привычно вне опасности? Нормальный человек, налицо нормальная логика...

— Ну вот что, Борька, — Симо прибавил шагу, оглянулся через плечо, — имей в виду: я отсюда никуда не лечу. Никуда, ты меня понял?

4

Томмазо Матрелли. Александр Шабан. Юзеф Рыкульский. Рэндолф Дитц. Нуньес механически помассировал шею, стряхнул с ладони капли пота. Кто-то из них, из этой четверки... Кто? Все четверо пилоты класса «ультра-плюс»,

рассматривать иные уровни не имеет смысла, и все четверо в июне девяносто первого находились в Редуте. Кто же? Так... первого и четвертого можно отбросить: нет побочных специальностей, пилоты как пилоты, не более. Гм... Матрелли — дипломированный инструктор по прыжкам с планирующей доской... Ну, пусть себе прыгает. Не то.

Нуньес отложил два листка на край стола, взял два оставшихся. Его не покидало предчувствие удачи. Рыкульский и Шабан, теперь один из двоих. Кто?

Юзеф Рыкульский, двадцати девяти лет. Так. Очень подходящий возраст: рефлексy еще не притуплены, мышление конкретное. Прекрасные аттестации. Долгосрочный контракт с Редутом. Ладно. Что еще? Ага, образование: Северо-Западный Центр земных ВВС, одиннадцатый в выпуске 88 года. До этого: Технологический колледж в Ванкувере, полный курс. Неплохо... На этом можно было бы построить немало предположений, если бы не одно обстоятельство: пилот Юзеф Рыкульский прибыл в Редут 2 июня 91 года Лиги, за 6 дней до полета флайдарта-нарушителя... Нуньес наморщил лоб. Нет, чепуха, не получается по времени, за такой срок сколько-нибудь серьезно подготовить акцию невозможно. Или лучше сказать — сомнительно. Как-то удивительно несерьезно это выглядит: поручить сверхсложный полет малознакомому новичку, заведомо плохо знающему местные условия... Нет, не то.

Третий листок лег поверх первых двух. Осталась последняя кандидатура: Александр Шабан, тридцати трех лет, в Редуте с сентября 90 года, трехгодичный контракт. И значит, он еще здесь, на Прокне, и еще долго будет здесь, знаем мы эти трехгодичные... Нуньес усмехнулся. А вот самое удивительное: о пилоте Шабане в контракте ни единого слова, оговоренная работа — геологоразведка. Это как понимать? Редут послал в Межзону липовую копию? Вряд ли, причины не усматриваются. Гм... Ладно, еще раз... Так. Кадетская школа с младых ногтей, затем опять-таки Северо-Западный Центр, четвертый в выпуске 83 года... Ого! Пилот «ультра-плюс», без натяжки. Так. Служба... Вот оно: авария, разлом центроплана пилотируемой машины. Что ж, бывает... Результаты церебрального анализа: страдает синдромом Клоцци в скрытой форме, к несению службы непригоден. Отставка — 86 год.

Гм... Клоцци, Клоцци... Ага, есть сноска: «Синдром К. — стойкое психическое состояние, при к-м больной не в состоянии на сколько-нибудь длительный срок пода-

вить мыслительный процесс. Неизлечим. Для Прокна-натурализованных временный эффект дает применение психотропных препаратов группы СТ-гамма...»

Нуньес сочувственно кивнул. Понятно, отчего флайдарт развалился в воздухе: он же с церебрууправлением. На карьере пилота с синдромом Клоцци можно ставить жирный крест. Так, а чем этот клоццанутый занимался после отставки? Гм... пробеги. Неопределенный род занятий — по 87 год. Далее: Скандинавия, Берген. Курс петрографии с упором на разведку редких и рассеянных элементов... Очень хорошо. Участие в экспедициях: Антарктический горст, кратер Тихо... Просто замечательно. Контракт с северянами через их представительство на Земле. В Редуте: краткосрочные курсы разведчиков и (предположительно) начальная ступень школы выживания. Прекрасно.

Нуньес встал, заходил по комнате. Теперь он знал ответ. Ай да северяне! Два года темнить и отмалчиваться, скрывать то, что, казалось бы, скрыть невозможно... Понятно, зачем им понадобился пилот со специальностью геологоразведчика, и понятно, почему они не воспользовались официальным каналом — через Межзону. Конечно, невелика премудрость геологическая съемка, можно подучить любого, но специалист все же предпочтительнее, пусть даже накормленный психотропной дрянью. С толчками тоже все ясно: направленные ядерные мини-заряды, ускоренный метод проходки. А маленькое, видно, месторождение на этой стороне, повезло Редуту... Впрочем, Редуту ли еще?

Заверещал распылитель, принимая в утробу четыре листка. Информация, конечно, открытая, хотя разглашению и не подлежащая, иной от Пикара не получишь, но все-таки... Нуньес ткнул пальцем в клавишу:

— Кхм... Дежурный, есть что-нибудь новое?

— Да, господин полковник. Вакцину привезли, сейчас начинаем.

Нуньес прокашлялся. Сплюнул в платок.

— Вакцинацию отставить... э-э... до особого распоряжения. На завтра десять ноль-ноль назначаю учение по отражению массированного воздушного нападения со стороны вероятного противника. Буду присутствовать лично. Передайте Нильсену, пусть приведет в порядок имитатор. И чтобы никаких регламентных работ, вы меня поняли? Никаких.

— Будет исполнено, господин полковник. Еще что-нибудь?

На этот раз «еще чтонибудь» Нуньес пропустил мимо ушей.

— Дежурный... — Он помолчал. — Что вы думаете насчет этих... толчков?

— Северяне долбят тоннель, господин полковник. Это все знают.

— Откуда?

Неопределенное мычание — на другом конце провода дежурный прикусил язык. Нуньес дал отбой, хмыкнул. Век живи, век учись... а толку? Во всяком случае, уже ясно, какого тона придерживаться в отчете. Закончить и отправить непременно сегодня: когда начнутся боевые действия, будет поздно. Границе конец. Какой бы крен ни приняли события, границы здесь уже не будет. Как это поется: «Вперед, линейная пехота, вперед сквозь огонь...» Господи, с чем же там рифмуется «огнь»? Надо же, забыл. Ну и ладно...

Нуньес почувствовал прилив сил, захотелось расправить плечи. Рано в отставку, рано. Конечно, о линейной пехоте пора забыть, но и на оперативно-штабной работе потребуются офицеры с опытом службы в местных условиях...

А почему бы, собственно, и нет?

5

С борта грузовой платформы Симо наблюдал за погрузкой. Грузить было особенно нечего. Низко над сельвой, крутясь, шла вихревая туча, похожая на спиральную галактику с четырьмя ветвями. Мини-тайфунчик, сигнальная ракета перед хорошей атакой.

— Скорее, вы, там! Ливень идет.

Вольфганг, красный от натуги, протолкнул в грузовой люк холодильник с образцами флоры.

— Готово.

— А скафандры? — спросил Симо. — Скафандры взял?

— Так мы же вернемся...

Верно... Симо кисло улыбнулся, кивнул. Конечно, вернемся... завтра. Ну послезавтра. Скафандры придется оставить. Что я им буду послезавтра врать, подумал он в отчаянии. Что? Прибегут — растерянные, обманутые... И самым

ужасным, отчего захочется закрыть лицо, будет уверенность ребят в том, что я точно так же был обманут;

они не позволят себе думать иначе, даже Ахмет. Блажен, кто верует. Чернов тоже верует в то, что сделает все возможное для того, чтобы двое-трое из нас вернулись из Межзоны со статусом наблюдателей, и господи, как же мне хочется в это поверить... этим он всех и купил. Но мы не вернемся. Чернов дал себя уговорить, уже сейчас, должно быть, прикидывает, какие пружины нажать, с кем переговорить в первую очередь, с кем во вторую и какие выбрать слова, — он действительно сделает все возможное. Но когда явно, голо, грубо встанет вопрос, кого ему спасать: вонючих вариадонтов или старого, хотя и заблуждающегося друга, можно не сомневаться, кого он выберет... И мы не вернемся.

Никогда. И честно постараемся забыть свое предательство. Начнем мечтать о том, чтобы забыть, до конца жизни будем об этом мечтать...

— Там опять Третий... — сказал Вольфганг. — Стоит и ждет вас.

— А сам что же? — Симо постарался не встретиться с Вольфгангом взглядом.

— Он не хочет говорить со мной. Он хочет говорить с вами.

Из бокового люка высунулся Ахмет. Прислушивался с интересом.

— Скажи ему... — По лицу Симо прошла судорога. Он ощутил неожиданную злость: какого черта... Мало для них сделали? — Скажи ему, что меня нет дома, что ли...

Взлететь успели до ливня.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лысый. Противно смотреть. Такой лысый, что выть хочется, и мало радости, что не уникален. Сзади еще кое-что есть, жаль, под шлемом не видно, но спереди лыс, как глобус. Нет, если набычиться и наклонить голову, то можно разглядеть, что и на темечке не совсем гладок, осталось еще, хоть и прорежено. Можно даже поднатужиться и вообразить, что обзавелся всего-то благородными залысынами, но поди попробуй заставить поднатужиться окружающих — всем

видно, что не залысины вовсе, а натуральная плешь. Плюс на минус дает минус: плешь благородной быть никак не может. Даже не одна, а две плещи, и обе умеют за себя постоять, обходят центральный оазис, норовя сойтись на затылке, как две атакующие армии...

Противно. Пора бы уже привыкнуть, но все равно — противно. И за что? Дурацкий вопрос, между прочим. Значит, так надо, так уж получилось, а ты терпи и не комплексуй. Работа у тебя есть, и не ври, что неинтересная, был устроен, Лиза у тебя есть, чего же больше? Нет, еще и волос хочется, будто Лизе не все равно, и еще чтобы росточек был побольше, а вид помужественней, чтобы, значит, гипотетические девочки не воротили носы... Дурак ты, человек, бывший сапиенс, не видишь ты счастья своего, мимо чешешь и еще рычишь на тех, кто поправляет. Так и пропрешь мимо.

Шабан сидел на уступе торчащей из снега остроконечной глыбы, с наслаждением вытянув гудящие от долгого подъема ноги, и смотрелся в нарукавное зеркальце, потому что больше делать было нечего. Пока поднимались, прояснилось, низовой ветер отогнал облако в долину, и теперь стали отчетливо видны изломанные пики хребта Турковского, забитые снегом ущелья, белые шапки далеких вершин и крутые, не удерживающие снега склоны.

— Как думаете, на какой мы высоте? — спросил Роджер.

— Тысячи четыре, — лениво ответил Шабан. — Может быть, четыре сто — сто пятьдесят. Не больше. Для такой высоты очень хорошая видимость. Обычно здесь всегда туман.

— Вершины какие-то нереальные, — сообщил Роджер. — Как в мультфильме. И не приблизились совсем. То же самое, что и с равнины.

Шабан хмыкнул. В их работе Роджер был новичком и к горам относился с восторженной обидой. Все хорошо, и одновременно все плохо. Устал, зато вокруг красиво. Красиво, но снег пошел. Заблудились, зато уронили в снег и потеряли спасательный буй и запасную батарею к геолокатору — пять килограммов с плеч долой! Кнут и пряник. Теперь вот видны все восемь главных вершин, зато опять издалека, — у Роджера в голосе комбинация восторга и обиды.

— Предположим, нам будут сбрасывать еду и батарейки — за сколько дней мы дойдем до гребня?

Шабан поковырял ногой снег, раздумывая: отвечать — не отвечать? Вопрос был дурацким даже для новичка.

— Ни за сколько. Если даже не убьемся на стенах, то просто замерзнем.

— В хитинах?

— Там не поможет. Один дождь тысячах на шести — и часа не протянем.

Было видно, как за стеклом шлема Роджер обиженно заморгал. Справа вставал мало заснеженный Срединный гребень, выставив над собой, словно зубы, острые пятнадцатикилометровой высоты пики. Где-то еще правее, отсюда не видно, должен быть тот перевал, который он, Шабан, одолел два года назад — не пешком, конечно. Пешком никому не одолеть.

Он пошевелился, проверяя, не примерз ли хитин к камню. Нет, не примерз. В ногах, полузакопанный в снег, работал геолокатор, отмечая писком повороты луча. Сколько еще? Пожалуй, минуты две-три. Пора, засиделись. И ветер подымается. С чего бы? Ага, значит, с долины пойдет верховой поток, погонит облако обратно.

— Я еще хотел спросить, — сказал Роджер. — Правда, что по ту сторону можно дышать без фильтра?

— Врут.

— Говорят еще, что убегунов там нет.

— Помолчал бы лучше, а? Дай отдохнуть. Нету там убегунов, — с раздражением сказал Шабан. — И не топчись, пока локатор работает.

— Так ведь снег, снег-то амортизирует, — возразил Роджер, но топтаться перестал. Стоял, молча смотрел на Шабана. А Шабан, злясь, подумал, что при всех своих несомненных достоинствах Роджер бывает труднопереносим: вечный вид по форме «чего изволите», нескончаемые вопросы типа тех, что задают, и совершенно напрасно, учителям на переменных примерные ученики — не для того, чтобы что-то вывести, а просто чтобы понравиться, — и неистребимое, на лице написанное желание иметь наставника, такого как Шабан, а ему, Шабану, менторский вид уже ох как надоел. Вот если бы остался Менигон...

Запищал в снегу локатор, вытолкнул из себя пластиковый листок. Шабан перехватил вопросительный взгляд Роджера.

— Давай, давай сам, — сказал он. — Посмотрим, чему тебя учили.

Роджер долго разглядывал картинку.

— Ну?

— Значит, так, — неуверенно сказал Роджер. — Значит, разрез по азимуту сорок четыре и пять, шириной раскрыва девять градусов. Осадочные и метаморфические породы. На глубине два семьсот — три... три двести — пегматит. Жилы мелкие, интереса для разработки не представляют. Потом гранит и... и...

— Все? — спросил Шабан.

— Вот тут, с краю, выгиб. Возможно, недалеко закрытый магматический очажок. Небольшой.

— Так, — сказал Шабан, разглядывая разрез. — А что прямо под нами?

— Осадочные породы. Доломит, а вот тут, кажется, известняк.

— Правильно. А это что за жила?

— Не знаю, — насупился Роджер. — Глубоко, нечетко получилось.

— Это ринколит. Жилка идет по старому разлому из радиоактивного горизонта. Сплошь редкие земли. Но, в общем, ты прав, разрабатывать ее никто не станет. Все. Собирай вещи, мы возвращаемся.

Заелись, подумал Шабан, засовывая пластик в карман — для архива. На Земле открытие такой жилы считалось бы событием, за право разработки боролись бы умно и жестоко, даром что мир и консолидация, и не дай бог, если бы ее открыли где-нибудь в приграничной полосе. А парень-то ничего, разбирается. Научится обходиться без няньки — будет разведчиком. Не будет, вдруг подумал Шабан. Теперь уже не будет. Тоннель не даст. Год назад еще мог бы, а теперь нет, поздно.

— Шевелись, шевелись живее...

Роджер споткнулся обо что-то круглое, поддел ногой.

— Смотрите! Череп.

Шабан нехотя повернул голову. Череп совсем не тарасил пустые глазницы, потому что был забит снегом. Очень спокойный, мирный череп.

— А вы еще говорили, что мы первые в этом ущелье, — с обидой сказал Роджер. — Здесь уже были люди, сами видите... Один даже помер.

— Это не человек помер, — терпеливо объяснил Шабан. — Это убогун помер. Они иногда забираются в горы, и никто не знает зачем. Да никому и не интересно. Видишь гребневое кольцо ниже затылка? Типичный представитель западной популяции. Тупиковая ветвь, как и все прочие.

— А-а... Я возьму на память, можно?

— Еще чего...

Снежная крупка, поднятая порывом ветра, пробарабанила по стеклу шлема. Роджер бросил упаковывать локатор и поднялся, отряхиваясь.

— Ты готов? — спросил Шабан.

— Нет еще. — Роджер всматривался в ледник, замыкающий верхний конец ущелья. — Не пойму, откуда взялся ветер. Только что его не было.

Шабан, кряхтя, встал, силой повернул его лицом к долине.

— Не туда смотришь. Смотри на облако, запоминай, как это бывает.

Пухло разрастаясь, облако ползло вверх по склону долины, обволакивая белым скальные стены, затопля боковые ущелья, словно кашей, рыхлыми клубами тумана. Темная подошва тучи неспешно текла совсем низко над склоном, слоистая облачная верхушка вытягивала вперед короткие языки. Снежные шапки на далеких вершинах потускнели. Бесшумно и как-то неожиданно верхняя часть облака начала быстро подниматься, выбрасывая белый купол выше скальных стен, пока на спине тучи не вырос гигантский клубящийся гриб, и новое облако, втянув в себя ножку гриба, поплыло, быстро обгоняя ползущую внизу тяжелую тучу.

Шабан выдернул наконец из локатора примерзший разъем питания. Работая руками, выкопал из снега, убрал в заплечный контейнер увесистую батарею. Поднявшись с корточек, посмотрел вниз, туда, где вползала в ущелье рыхлая серая масса.

— Ага, — сказал он. — Уже разделилось. Иногда это бывает очень красиво, но все же лучше держаться от этого подальше. Твой «ишак» еще дышит?

— Так серьезно? — удивился Роджер. Сберегая батареи, «ишаками» пользовались редко. — А что будет?

— Все по очереди. Сам видишь, облако разделилось на две фракции: водяную и аммиачную. Та, что наверху, — аммиачная. Она идет быстрее — там, наверху, сильнее ветер — и через полчаса будет здесь. Тогда пойдет аммиачный дождь, потом дождь с мелким твердым снегом, потом один снег, уже обыкновенный. Хорошо бы все это увидеть уже из вездехода. Ты готов? Тогда пошли.

На ходу, отодвинув пластинку на рукаве, он включил «ишак». «Я здесь. Я помогу», — шепнуло в шлеме, и идти сразу стало легко: «ишак», улавливая малейшие движе-

ния мышц, ловко задвигал скрытой арматурой хитина. Включить его можно было и голосом, произнеся кодовое слово, — на случай если покалечишься или обморозишь руки и не сможешь дотянуться до заветной пластинки. Шабан знал, что Хромец Гийом, к примеру, одолел со сломанной ступней весь кошмарный спуск с гребня Чертовой Пилы, и ему повезло: слабенький сигнал о помощи был случайно принят патрульным вертолетом, когда батарея «ишака» уже исчерпала себя полностью. Бывало, «ишак» подсказывал наиболее выгодный в данной ситуации режим движения, следил за самочувствием хозяина, служил справочником и переводчиком, держа в памяти до тридцати языков. Вариант для Прокны имел к тому же одностороннюю приставку-преобразователь «мимика-речь» для общения с убегунами. В целом достаточный набор удобств для землеподобных планет, если, конечно, не забираться в горы. Потом как-то вдруг заговорили об успешных испытаниях высокогорного сервоскафандра и что месяцев через пять-шесть...

Вот-вот, подумал Шабан. Как раз тогда-то он уже никому не будет нужен. И вообще горная разведка прекратится на несколько лет как минимум. Может быть, сегодняшний выход для нас последний, а там месяц-другой — и улечу на Землю, стану экспертом... как Менигон. Буду работать в чистом кабинете, давить подчиненных авторитетом первопроходца... И ладно.

Они обошли торчащую из снега скалу, похожую на каменный клык, пораженный кариесом. В «дупло» набилось ледяное крошево. Вокруг клыка снег был глубок и рыхл, следы замело, и пришлось идти медленно, высоко, по-журавлиному, поднимая ноги, иначе, если грести ботами снег, «ишак» этого не поймет и спровоцирует падение. А время дорого. Выйдя на твердое место, пошли быстрее, и Шабан порадовался тому, что на подъеме сохранил батарею свежей. Терпел сам и парня заставил, и теперь уже ничего не случится.

Он поднял глаза и присвистнул: облако было уже почти над ними. Теперь оно было охвачено бурным движением, словно кто-то наверху помешивал пену, как при большой стирке. Адская кухня. Казалось, туча опускается прямо на них, как осьминог на краба, уверенный в том, что жертва не уйдет. Опоздаем, прикинул Шабан. Но чуть-чуть, не так уж и страшно. А парню будет только полезно.

Сзади топал Роджер, совсем близко. «Пятки отдашь!» — буркнул Шабан через плечо.

— Так это не я, — возразил Роджер. — Это «ишак» старается, а у меня просто шаг шире, потому что я выше, — я виноват, что у меня шаг шире?

Вездеход был уже виден, когда вдруг пронесся и стих ветер и первые капли чистого аммиака зачмокали по лежалому снегу, с шипением вскипели на шлемах. Роджер, споткнувшись, остановился, недоуменно завертел головой. Вот теперь пора, решил Шабан. Он знал, что сейчас будет.

— Бросай локатор! — крикнул он. — Бежим! Да брось же!..

Локатор шлепнулся в снег рядом с брошенной батареей.

— Говорят, в Межзоне есть перевалы всего в семь тысяч высотой, — уже на бегу крикнул Роджер.

— Чушь говорят. — И Шабан побежал в полную силу.

Туча, не разродившись молнией, громыхнула вхолостую, и сейчас же в землю, в снег, в скалы ударили мощные, хлесткие струи. Под ливнем, окутанные шипящими клубами пара, прыгали через снежные бугры, бежали к вездеходу две человеческие фигуры.

— Райский уют, — сказал Роджер, когда люк вездехода отделил их от ливня и система обеззараживания, прокачав через себя воздух, позволила снять шлемы. — В сущности, много ли человеку надо? Да, а как там локатор, под дождем не испортится?

— Ничего ему не будет, — сказал Шабан, стаскивая хитин через голову. — Потом подберем. Отдыхай пока и помолчи, если умеешь. Лучше всего ложись.

Он устроился на передних сиденьях, затолкнув ноги под рулевую колонку. Позади зашипело: Роджер поливал свои сиденья пенящейся струей из флакона. Рыхлая пузырящаяся масса вспучивалась, невероятно увеличиваясь в объеме, попыталась было сползти на пол, но Роджер, подхватив убегающую пену рукой в перчатке, вернул ее на место. Через минуту, попробовав пальцем постель, он издал громкий торжествующий вздох и рухнул спиной в мягкую снежно-белую перину.

— Здорово, — с завистью сказал Шабан. — Новинка?

— Старье. Но мне говорили, что на Прокне этого не достать.

— Еще бы. Такой роскоши здесь и в глаза не видели.

— Если хотите, могу уступить пару флаконов, — охотно отозвался Роджер. — Это недорого.

— Ладно, — сказал Шабан. — Подумаю.

Лежать было блаженством. В теле ходили сладкие токи, будто сок в молодом дереве, когда в лесу — в земном лесу — исчезает набрякший серый снег и в первом дуновении тепла лес оживает — еще не всплеском цветения, не яростным порывом листьев, ломающих оболочки почек, а тихой радостью обновления жизни, мудростью внутреннего перевоплощения в ожидании близких перемен. Зачем? А надо так, и глуп тот, кто спрашивает. Не надо спрашивать. Шабан любил такие минуты. Он наслаждался, созерцательно ощущая, как сладко согревается кожа и растворяется в блаженстве усталость, а тело, лишенное хитиновой удавки, вот-вот готово взлететь, не то что у Роджера, который утонул в своей перине, как начинка в пироге, и воображает, что отдыхает. Господи, лежать бы тут и лежать, подумал он. Жаль, спать нельзя прямо сразу, но это ничего, это успеем.

Оба почувствовали толчок снизу, вездеход заметно дернулся. Снаружи донесся ухающий грохот: должно быть, не-вдалеке сходила лавина.

— Вот-вот, — сказал Шабан. — Вот всегда так. Если пере-кроет дорогу, нам отсюда до ночи не выбраться.

— Землетрясение или взрыв? — Роджер даже привстал.

— Очередной взрыв в тоннеле. Пожалуй, километрах в девяноста — ста отсюда. Естественно, без оповещения. На Прокне всегда так, а в Редуте в особенности: сначала сдела-ют, потом, может быть, предупредят.

— Это как же, — загорячился Роджер. — Ведь там должны были знать, что мы-то здесь!

— Должны, — лениво ответил Шабан. — Но, во-первых, нам уже давно пора быть на равнине, во-вторых, расстояние все же большое: видишь, сошла только одна лавина. В-треть-их, кто мы с тобой такие?

— Ну и ну, — сказал Роджер. — По-моему, хамство.

— Нет, — возразил Шабан. — Стиль работы.

Улыбаясь, он проследил смену выражений на лице на-парника, всю последовательность: от недоумения до обиды на всех и вся. Новичок... Ну-ну, мальчуган, ерунда все это, забудь, много тебе еще разной ерунды встретится, успевай только отмахиваться. Вот застрянешь на Прокне после ста-жировки лет, скажем, на пять, да хотя бы и на год — вот это будет уже не ерунда. Прошел натурализацию — теперь терпи.

Для начала предложат полуторный оклад. Потом зая-вят, что «Юкон» — грузовой корабль, и совсем не по-

лагается возить на нем пассажиров, да и места все равно нет. Потом придумают что-нибудь еще, это несложно. А пока что ж, лавина-то, кажется, упала выше нас по ущелью, может быть, на том самом месте, где нас застал дождь, — радуйся, парень, своей удаче, радуйся тому, что впереди у тебя больше, чем у меня, а еще тому, что ох как многого ты еще не понимаешь. А понять бы главное: за что мы, люди, так безжалостно терзаем несчастную обитаемую планету, словно завтра ее у нас отберут, как отбирают в наказание игрушку у провинившегося ребенка? Вселенский абордаж, говорил Менигон. Накинулись: лежит — бери. Глубоко лежит — копай, а еще лучше заставь копать кого-нибудь другого и опять-таки бери, пока еще есть. А ведь есть еще, за три Нашествия не вычерпан даже верхний слой, разведка из года в год устойчиво приносит избыточные результаты. Нужно ли? Премияльные убеждают, что нужно. Поздняков говорит, что это наш долг... соберет у себя разведчиков и говорит...

Наш долг — служить Редуту и в конечном счете всему человечеству... зачем воротите морду, вы, там! Слушайте. Он прав. Приятно чувствовать себя человеком, выполняющим свой долг, это поднимает в собственных глазах, если не в глазах окружающих. Попробуйте опровергнуть. За голые премияльные не полезешь туда, где можно свернуть себе шею, и не добудешь результатов, а значит, какой же ты, к дьяволу, разведчик? И жаль людей, которые перестали понимать, в чем состоит их долг. Себя, например, жаль...

Было слышно, как Роджер ворочается, устраиваясь поудобнее. «Рано, — подумал Шабан. — Вот сейчас и начнется...» Он почувствовал легкий озноб, неприятная волна прошла в глубине тела и растеклась по коже мелкими мурашками. Морщась, он сел, достал из багажной ниши два спальных мешка, один оставил себе, другой перебросил через спинку сиденья на голову Роджеру. Потом подумал, вытащил теплый свитер и кинул туда же.

— Это зачем? — спросил Роджер, сгребая вещи. — Жарко же.

— Скоро тебе не будет жарко, — сказал Шабан. — Зато запомнишь, что такое аммиачный дождь. Устраивайся там у себя, главное — потеплее.

Он потянулся застегнуть свой спальный мешок, и тут его самого начало бить крупной судорожной дрожью.

— В-в-в... в-в-в... — сказал из своего мешка Роджер. **47**

Спальник позволил свернуться калачиком. У Менигона с его ростом это никогда не получалось, вспомнил сквозь дрожь Шабан. Он был немного фаталистом, этот Менигон. Считал озноб законной компенсацией за первые минуты наслаждения теплом и покоем. Ничего, скоро пройдет. Может быть, это вообще в последний раз: со дня на день тоннель должен выйти по ту сторону хребта, и тогда вся разведка будет там, в тепле и солнечном свете. Потом там начнут рубить шахты... нет, об этом лучше не думать. Что это там? Кажется, еще одна лавина. Ниже нас. Скверно.

Он закрыл глаза. Было слышно, как шумит снаружи дождь, лупит по крыше вскипающими каплями, и урчат струи в большой промоине под днищем, шлифуют камешки, перетирают в песок рыхлую породу, а дождь сильный, не каждый день такой бывает. И хорошо, что не каждый день, и лучше бы его вообще не было в природе, а держать его специально для туристов, если когда-нибудь сюда заявятся туристы. Организовать им спасательные пункты на перевалах, завести натурализованных сенбернаров для спасения обмороженных людей и людей, чтобы спасти обмороженных сенбернаров, а в долине построить больницу и лечить там пневмонию и увечья. Отбоя не будет.

«А кто такие вариадонты?» — спросить бы их. «Не зна-а-ем, — зевнут. — Были вроде бы такие... вымершие». Вот-вот, вымершие. Черта с два меня здесь удержишь после срока, подумал он, засыпая. Обойдетесь без Шабана, голубчики хомо аммоникусы, мать вашу, слово «сапиенс» никто и не вспомнит, и получается, что вы — двуногие без перьев и с плоскими ногтями. Платон. Кстати, убегун прекрасно подходит под это определение. Человечество Прокны, герои Третьего Нашествия — какие славные слова! Поздняков без них жить не может. Не дурак ведь, а талдычит, как попка: хорошо честно выполнять свою работу и плохо нюхать ползучий гриб... Ладно. Хорошо жить с женой или моделью и плохо, совсем никуда не годится, меняться моделями с друзьями-приятелями... Согласен, а что дальше? Не знаю. И никто не знает, даже Менигон, и спросить не у кого...

Ненадолго он увидел Лизу, улыбающуюся и почему-то одетую в форменный хитин. Потом Лиза исчезла, и под закрытые веки заполз говорящий енот с голосом Хромца Гийома. Он сидел верхом на натурализационной камере и дразнился полосатым хвостом. «Чего тебе?» — изумленно спросил

и почистил лапу о лапу. — Пси-и-их! С-с-согласси-и-ился! Три го-о-о-да!.. — Енот зевнул и протер морду. — Котя хоро-о-о-ший. Хороший пси-и-их!» — И енот опять показал хвост.

Пошел ты, рассердился Шабан и, заморгав, выгнал енота вон. Умник. Попробовал бы сам не согласиться, когда наивен и туп по молодости и еще хочется посмотреть мир и выбиться в люди... Молчал бы уж.

— Здравствуйте... Да вы садитесь, садитесь. Вот сюда. Ведь ваша фамилия Йоити, верно? А моя фамилия Поздняков, я начальник геологической службы Редута. Будем работать вместе, не так ли?.. Да не стойте, садитесь же. У вас семья есть? Ну что ж, это даже к лучшему, эти проблемы мы решаем своими силами, постараемся и вам помочь, не глотать же вам либидоцид... — Поздняков вдруг уставился прямо на Шабана. — Э, постойте-ка... Ведь ваша фамилия не Йоити, я не ошибаюсь? Ведь вас зовут Александр Шабан, то-то гляжу, на азиата вы мало похожи... ну да, точно. Тут на вас была какая-то информация... Вы ведь пилот?

— Нет, — сказал Шабан. — Не пилот. Впрочем, был когда-то.

— И прекрасно. Как вы посмотрите на то, чтобы, после соответствующей подготовки, разумеется, совершить один-два полета? Подумайте.

Что тут думать... Шабан дернул щекой. Вечно перед глазами: высотный полет, восхитительное чувство слияния с машиной, и он умел наслаждаться этим чувством, а небо над головой было черное... И никого, абсолютно никого вокруг, он был один в субкосмосе, а под ним, сжавшись в ужасе, висела Земля, подожженная по краю короной встающего Солнца, — тогда он, готовый почувствовать себя богом, засмеялся и, забыв на время задание тренировочного полета, бросил флайдарт вниз, чтобы испытать невесомость. И краткую секунду перед тем, как перегрузка лишила его сознания, а мимо кабины, крутясь, пронеслись оторванные плоскости, он действительно чувствовал себя богом... Нет, подумал Шабан. Я не хочу.

— По-моему, — осторожно произнес он, — я прибыл сюда... э-э... в несколько другом качестве.

— Ну разумеется, разумеется. — Поздняков источал благодущие. — Конечно, в другом, этого у вас никто не отнимет. А все-таки если предположить... Теоретически — смогли бы?

— Вряд ли. — Шабан помялся, отвел глаза. — Я, наверное, не смогу. Да, признаться, и не захочу. У меня... у меня, знаете ли...

— Да-да, — покивал Поздняков. — Мне уже докладывали. Синдром Клоцци, не так ли? Да не стесняйтесь вы, с кем не бывает. Я лично не вижу в этом ничего унижающего ваше достоинство... ну хорошо, не будем об этом. Вы знаете, — он вдруг понизил голос до шепота, — мне по роду службы часто приходится приказывать людям делать то, чего им делать не хочется, а иногда даже то, чего они делать не обязаны. Это ужасно, верно? Но бывают моменты, — и голос возвысился, — я бы даже сказал, исторические моменты — да, да! — когда приходится сжав зубы отдавать самые жесткие приказы и требовать безусловного их выполнения. Во имя человечества, во имя всех нас... Вы меня понимаете?

— М-м... Не вполне.

— Понимаете, — погрозил пальцем Поздняков. — Все вы понимаете... Ну хорошо, оставим пока этот разговор, время терпит. Не торопитесь с ответом, подумайте. Этот полет стал бы для вас прекрасной аттестацией, мне было бы легче убедить руководство дать вам сразу вторую служебную степень... У вас ведь пока четвертая? Заметьте, не пятая, как обычно: разведчики в Редуте образуют нечто вроде привилегированной касты, мы с этим миримся и даже, могу признаться, немного этому способствуем, поскольку и спрос с них... Впрочем, в этом вы сами убедитесь. А пока, — Поздняков встал, и Шабан встал тоже, — позвольте пожать вашу руку. С этого дня вы государственный служащий, будьте достойны своего положения. У меня на вас большие надежды, и что-то говорит мне, что не напрасные... Если будут какие-либо неприятности служебного или личного характера — сразу ко мне, договорились?

— Договорились, — кивнул Шабан. Он был рад уйти. Государственный служащий... гм, совсем неплохо. Звучит значительно. Так и буду теперь представляться: Александр Шабан, государственный служащий.

— К кому же мне вас пока прицепить? — Поздняков провел ладонью по розовому лбу, поправил красивые седые виски. Улыбнулся. — Пожалуй, к Винсенту Менигону — прекрасный разведчик, вот только с напарниками ему не везет. Зайдите к нему прямо сейчас, я уверен, он вам рад будет...

— Да! — крикнули из-за двери. — Входи, я не забираюсь. Но учти, посылаю к... без предупреждения.

Шабан, робея, вошел. За дверь оказалась замусоренная холостяцкая берлога с пыльным окном-экраном и одиноким настенным светильником, отбрасывающим на замызганную стену резкое световое пятно. Под светильником на откидной полке лежал, закинув ногу за ногу, некто длинный, лениво покачивал ногой в поношенной туфле, и сплюснутый задник туфли равномерно шлепал по костлявой пятке. Кверху смотрела коленка с торчащим, как шишка, мениском — коленка твердая, явно знакомая с задами непрошенных гостей, — а лицо лежащего было закрыто книгой — он читал и, по-видимому, не собирался отвлекаться на такую мелочь, как посетитель. Шабан почувствовал себя неуютно.

— Кхе, — сказал он. — Здравствуйте. Видите ли, Поздняков направил меня к вам...

Поверх книги показался загорелый лоб в морщинах и равнодушные глаза — спокойные и желтые, как у безмятежного хищника. Затем выехал крупный облупленный нос.

— Слушай, милый, — сказал лежащий. — Здесь ведь такого не терпят. Или ты будешь звать меня на «ты», как положено добрым друзьям, или сейчас вылетишь отсюда соплей и больше не вернешься, это я тебе говорю. Ты кто?

Неприятный тип, подумал Шабан. Ясно, почему ему не везет с напарниками. Хамло.

— Я же говорю, меня к вам... к тебе Поздняков прислал. Для совместной, — он поперхнулся, — работы.

Книга полетела на пол. Лежащий вскочил неожиданно легко: несмотря на возраст, он оказался ловким и жилистым. Его плохо бритый подбородок приходился Шабану выше глаз.

— Меня зовут Винсент, — буркнул он, протягивая костлявую лапу. — Теперь это твоя комната, живи. Вещи перетащить сможешь?

— Да-да, — ошеломленно сказал Шабан, — конечно... А почему моя? Это ваша... твоя комната, мне про это никто ничего... Здесь, наверное, какая-то ошибка, вы меня извините, пожалуйста. Я сейчас пойду выясню, и я уверен...

— Стоять, — сказал Менигон. — Это твоя комната. Была моя, а теперь твоя, понял? Тут у нас такой порядок: кто-нибудь из старожиллов отдает свою комнату новичку. Психологи, за ногу их, придумали, чтобы нам здесь, значит, не заржаветь. Кретины же: ржавчина не ржавеет. Не слушают.

— Но мне как-то неловко, — сказал Шабан.

— А ты плюнь, — посоветовал Менигон. — Так вещи перенести сможешь?

— Ну... разумеется.

— Ничего не разумеется. А обзаведешься моделью, — Менигон брезгливо осмотрел комнату, — скажешь ей, чтобы прибралась тут. Сам не трогай — обижусь. Понял?

— Не понял, — раздраженно сказал Шабан. — Что еще за модель?

— Ты что, маленький? — Менигон округлил желтые глаза и даже повеселел. — Моделей не видел? Говори дяде правду: так-таки и не видел? Ах, ну да, ты же у нас еще совсем цыпленочек... И не слышал даже? О чем же с тобой Поздняков разговаривал? Сосунок ты. Ну а, к примеру, кто такой Живоглот, тебе тоже неизвестно?

Исключительный хам... Шабан сжимал зубы, сдерживаясь. И с таким вот работать, терпеть мерзавца...

...Но именно Менигон, единственный из всех, встретил его на Базе после того сумасшедшего полета, и именно он, опередив техников, вынул его, полуобморочного, из кабины флайдарта, когда сил хватило лишь на то, чтобы довести машину до Базы, — сажали уже наземным «поводырем»... Как Менигону удалось добыть пропуск на флайдром, так и осталось неизвестным.

«Трудно было, малыш?» — только и спросил, когда они остались одни. Шабан показал глазами: да, трудно. Язык все еще не слушался. И тогда Менигон наклонился к его уху.

— А будет еще труднее, — сказал он шепотом.

Как в воду глядел.

...Шабан не заметил, когда кончилась дрожь. Проснувшись, он обнаружил, что дождя снаружи нет, и верно: сквозь крохотное оконце в башенке пробивался солнечный свет, отраженный каким-то ледником. Вставать не хотелось, но, вспомнив о лавине, он вылез из мешка и растолкал Роджера.

— А? — спросил Роджер и стал тереть глаза. — Уже все?

— Вставай, вставай. Разлегся здесь... Пену свою убери. Чтобы чисто, понял?

— Ага. Я сейчас.

Преданный взгляд... Мальчишка. Лечить надо. Жаль, нет Менигона — он умел.

— Ты вот что, — сказал Шабан, помедлив. — Скажи-ка мне: что тебе про меня Поздняков пел? Только честно.

— Ну-у... — Роджер покраснел. — Он ничего такого про вас не говорил. Я, собственно, не помню точ-

но... Хвалил вас, ставил в пример. Говорил, что вы лучший специалист в разведке, что заслуженно отмечены. Еще сказал, что вы человек долга, что можно на вас положиться... Что мне повезло...

— Достаточно, — прервал Шабан. — Ты сам тоже так считаешь?

Лицо Роджера стало совсем бордовым. Он застенчиво кивнул:

— Считаю...

— А раз считаешь, — Шабан криво ухмыльнулся, надеясь, что ухмылка выйдет гнусная, — тогда ноги в руки и сгоняй-ка ты, парень, за локатором...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вездеход резко дернулся вперед, отряхиваясь, и налипший на крышу пласт серого снега одеялом сполз на землю. И сразу же гусеницы захлюпали в вязкой каше: вокруг успело-таки подтаять. За ближайшим поворотом путь преградил снежный завал. Это была даже не лавина — просто масса раскисшего снега лениво съехала метров на пятьдесят вниз по склону и, выбрав единственное во всем ущелье ровное место, здесь и застряла.

— Парень, давай к турели.

Из башенки на крыше брызнул лазерный луч — на дальней скале вспыхнула красная точка, взвилось каменное крошево, посыпались камни.

— Не идет! Может, примерзло?

Ну что ж, это не первый случай, бывает, что и гусеницы смерзаются намертво. Шабан поморщился. Теперь предстояло снова лезть в хитин и растапливать завал личным оружием.

— Брось дергать, все равно не оторвешь. Одевайся.

Верхний люк выпустил его на крышу. Следом вылез Роджер, волоча за ремень кобуру чудовищных размеров, зацепился ею за край люка, чертыхнулся, дернул и, чуть не упав, пошел красными пятнами, тщетно пытаясь принять безразлично-молодецкий вид. Контраст между ним и кобурой был разительным — Шабан даже присвистнул. Ну и монстр... Ору-

жие титанов. Ясно, отчего Роджер при всем своем очевидном желании покрасоваться не носит кобуру на поясе: мальчики ужасно не любят вызывать чужой смех, да и кто любит? А зря. Редкая и замечательная вещь этот «винсент-магнум», до упора набитый гранато-пулями. Идеальный копытоотбрасыватель. И имя у него, как у Менигона. Забавно.

Усевшись на башенку, Роджер лихо передернул затвор. Он был явно рад случаю пострелять, и Шабан, заметив его блестящие глаза, фыркнул. От грохота выстрелов у него заложило в ухе, загудела под ногами броня вездехода. Результат оказался ничтожным: пули бесследно тонули в снежной массе. Одна все-таки сдетонировала — из завала взвился огненный фонтан, с шипящим свистом вырвался столб пара, но тут же снег сполз в новорожденную яму, как ничего и не было, только ветер погнал по ущелью белое облачко и, ударив о скалу, растрепал, разметал, развеял. Роджер, сконфузившись, убрал пистолет в кобуру.

— Ты еще спичкой попробуй, — сказал Шабан. — У тебя что, лучевика нет?

— Мне не выдали. Сказали, что скоро на ту сторону, а там он не нужен. Может, у вас лишний найдется, а?

Шиш ему... У Шабана в Порт-Бьюно был лучевой пистолет, оставленный на прощание Менигоном, но он покачал головой. А Роджер с завистью смотрел, как Шабан, расфокусировав луч, расправляется с завалом. Через несколько минут дорога была свободна, вниз по ущелью стекала грязная жижа.

— Может быть, в обмен на «магнум»? — с надеждой спросил Роджер.

Снимая хитины, поторговались. В придачу Шабан получил флакон с пенящейся жидкостью. Довольный Роджер убрал оружие в багажник. Шабан снова сел за руль, и вездеход, обогнув большую глыбу, муторно затрясся по камням. Через час стены ущелья раздвинулись. Снег кончался. Уже в полдень выбрались наконец на равнину и пошли вдоль хребта. В этом месте будто не было предгорий, крутые склоны начинались как-то сразу, без предупреждения, и ближние вершины закрывали собой недоступный гребень. В последний раз гусеницы проскрежетали по камню, и сразу же за кормой потянулся клубящийся пыльный хвост: вышли в степь, и Шабан, отдав Роджеру управление, разрешил себе расслабиться.

Местность была знакома. Вдалеке за высохшим по случаю сухого сезона озерком по мере движения ухо-

дили за горизонт развалины древних построек, сохранившихся чуть ли не с времен Первого Нашествия, за ними угадывался заброшенный карьер на месте давно вычерпанного месторождения зеленой, богатой ванадием глины, а еще дальше лежала обозначенная вышками граница крохотного анклава Коммуна, приближаться к которой разведчикам не рекомендовалось, несмотря на то, что Коммуна никогда не была членом Содружества, а может быть, именно поэтому. Странное государство, отгородившееся от остальной Прокны на неперспективном месте, вряд ли известное многим за пределами Северного Редута. Почти не добывает металла, не торгует, не посредничает и чем живет — непонятно.

Мало-помалу развалины исчезли за горизонтом. Больше ничего на глаза не попадалось, за анклавом голая степь простиралась до самого океана. Слева нависали горы. Один раз в узком просвете, в вечном тумане ущелья, проточенного в теле горы мелкой, переплюйного вида речкой, показалось бледное размытое солнце, нехотя переваливающее в этот час через апогей. Часов через шесть, когда вездеход достигнет Порт-Бьюно, оно осторожно опустится ниже, и начнется вечер; тогда откроются и будут работать до утра бары и концертный зал, худо-бедно завертится программа ночных развлечений, и Лиза наверняка приготовит что-нибудь вкусное. А пока — уходит за гребень солнце, тень хребта накрывает равнину, свистит на средних оборотах турбина и, вдавливая катками в степь траки, движется, словно беспокойная черная головка огромного, из клубящейся пыли ожившего червя, маленький развед-вездеход.

— А там что? — Роджер мотнул головой куда-то вправо. — Вон там. А?

Что там может быть? Шабан прищурился, всматриваясь в горизонт и уже чувствуя, как рефлекторно обостряется реакция, как подрагивают готовые к действию мышцы. Степь, мальчик, степь, ты степи никогда не видел? Пустота там, холод и ветер, и очень хорошо, что только пустота, нам бы этой пустоты до самого Порт-Бьюно. Степь куда опаснее гор, этого ты, мальчик, еще не знаешь, это тебе еще предстоит постичь на практике...

А ведь и вправду что-то есть... не может быть... Проволока? Шабан прилип к визиру, крутя увеличение. Верно, проволока. Во огородили... Он весело чертыхнулся. За ограждением что-то шевелилось, какие-то плотные округлые тела слепо тыкались в проволоку. Отскакивали, раз-

бредались, сталкивались друг с другом и опять отскакивали. Гриб? Гриб, конечно. Толстые волосатые гифы — шевелящиеся, ошупывающие. Плантация, и не маленькая.

Последние слова он сказал вслух. Роджер затормозил.

— Подпольная?

Шабан молча кивнул. Разумеется, подпольная, иных плантаций ползучего гриба и не бывает. Странно, подумал он, не знал я ничего об этой плантации. Наверное, новая. Ай да стервецы: под самым под боком у Коммуны! Ловко.

— Будем давить? — спросил Роджер.

Давить? Да-вить? Шабан покачал головой. Нет, парень, давить плантацию мы не будем. Смотри, чтобы тебя самого как-нибудь не задавили за одни эти слова, это я тебе говорю. Тоже мне законник.

— Нет. Поехали.

Роджер помялся. Понять, какой расклад происходит под этим высоким, без единой морщинки, юным лбом, было невозможно.

— Но ведь мы же обязаны, верно?

Ну вот. Еще и непонятливый...

— Мы много кому чего обязаны, — буркнул Шабан. — Марш, я сказал.

Степь была суха, слякотный сезон в этом году запаздывал. Мутный воздух высосал из земли аммиак и воду, глинистую почву раздирали трещины. Иногда вездеход ломал сухие кусты или с треском давил вылезший из грунта плоский листовидный корень. Один раз из развороченного гусеницей куста выскочила настоящая ежиная ящерица — редкий теперь вид — и, встопорщив колючки, прытко засемила прочь. Роджер вильнул было рулем вслед за ней, но она уже успела юркнуть в трещину, зато тут же на дорогу выползло растение, похожее на непомерно большую морскую звезду, и Роджер со вкусом раздавил его — угрожающее движение щупальцев-корней, хруст, противный писк сока, брызнувшего из-под гусениц, — в пыльном облаке за кормой несколько раз вздрогнула изувеченная плоть, и куст умер. Больше живности не попадалось: в это время года все живое прячется в землю, а дикие толпы убегунов откочевывают к северу и, на время объединившись, пробиваются через чужие земли к океану, чтобы к началу теплых дождей вернуться назад в оживающую степь, снова с племенными войнами, уже скорее между делом, чем по необходимости.

Изредка вдали показывались покинутые жилища — невысокие конусы, похожие на кротовые отвалы, скрывающие в себе пещеры для целого клана, но с выходом не на верхушке, а сбоку и под глиняным козырьком для защиты от ливней. Попадались и развороченные конусы: не то они были покинуты давно и успели обвалиться, не то были разрушены в племенных войнах. Шабан вспомнил, как Менигон рассказывал о стремительных ночных нападениях, когда дозорные не успевали поднять тревогу, а нападавшие, не давая жертвам высунуться, заваливали вход и, выждав сутки-двое, раскапывали и добивали всех, кто еще не задохнулся. Последняя большая война была на памяти Менигона, и ее с огромным трудом пришлось останавливать, ибо прекратился приток сил и даже прирученные убегуны начали уходить с рениевых шахт. Тогда еще тоннеля не было и в помине, а шахты работали вовсю, уходя штреками все глубже под горы, и с каждым ковшем зачерпнутой в глубине породы прибавлялась маленькая, чуть заметная глазу крупинка тяжелого тусклого металла.

Роджер, увлекшись, все-таки прозевал ориентир, и вездеход юзом сполз в старую, с полкилометра шириной, воронку, свидетельствующую о том, что людям пришлось-таки тогда вмешаться. Воронка и была ориентиром. Впрочем, на твердом спекшемся склоне убегуны уже успели вырыть новое жилище — с виду вполне целое и с очень высоким отвалом: по-видимому, в слякотный сезон в воронке образовывалось что-то вроде озера.

Шабан помнил свои ощущения при посещении такого жилища: сыро, темно, гадко. Хуже, чем снаружи. Понятно, отчего убегуны поклоняются Теплу и даже приносят Теплу человеческие жертвы, если, конечно, считать убегунов людьми. Они всегда идут туда-где-Тепло, по результатам спутниковой термографии удобно определять места их скопления. Эти потомки людей, отпрыски человечества Первого Нашествия, всегда охотнее работали за Тепло, чем за пищу. Одно время контора, осененная идеей благотворительности, пробовала расплачиваться с ними блоками для строительства разборных домов, но из этой затеи ничего не вышло: в домах убегуны жить не желали. Почему-то. В наибольшем ходу была гипотеза о том, что тепло домов убегуны считают эрзацем и сторонятся его как противоестественного. Шабан склонялся к другой версии: что они так и не поняли, как эти дома собирать.

Вездеход, буксуя, одолел подъем, и снова легла под гусеницы степь, а Роджер, взяв круто в сторону, искал дорогу, точнее — колею, оставленную ими по дороге туда, и, найдя ее, дал полный газ. Шабан, устав от мелькания, сам не заметил, как задремал. Проснулся он от того, что затекло тело, и удивился, увидев на приборной панели солнечное пятно. Он еще моргал непроснувшимися глазами, еще пытался сообразить, сколько же времени он проспал, но уже было ощущение, что что-то не то, что-то случилось не так, как должно было случиться, и это ощущение становилось тем назойливей, чем больше он приходил в себя.

Наконец он увидел Роджера, уверенно и без особой тряски ведущего вездеход, неглубокую прямую колею, справа и до самого горизонта — степь, дрожание воздуха над высохшими озерами, слева — хребет, сильно отодвинувшийся, но это было заметно только по увеличившемуся пространству степи, отделившему вездеход от гор, а сам хребет, подумал Шабан, действительно отсюда такой же, как и из ущелья, правильно Роджер сказал. Но что-то было не так, не проходило ощущение неправильности, все сильнее он чувствовал необходимость вмешаться, как-то повлиять на результаты совершенной ошибки, и он уже не сомневался в том, что ошибка была совершенна. Он резко передернулся всем телом и замотал головой, прогоняя сонную муть. Ага, вот оно! Солнце! Солнце висит над вершинами. Почему оно здесь, подумал Шабан. Его не должно быть. Оно было за горами, и весь наш путь пролегал в тени, и мы знали, что обратный путь, несмотря на то что солнце будет высоко, тоже пройдет в тени. Отклонились в степь? Зар-раза! Некоторое время он мрачно смотрел на бегущую под днище колею и чувствовал, как в нем накапливается холодное бешенство.

— А ну, стой!

Роджер удивленно обернулся, и то, что он прочитал на лице Шабана, заставило его поспешно затормозить. На время вокруг ничего не стало видно: мимо, клубясь и закручиваясь в вихри, пронеслись тучи поднятой вездеходом пыли. Сволочь, думал Шабан, ненавидяще глядя на Роджера. Лопух безмозглый, убожество. Кто-то из мудрых и убеленных сказал, что, если хочешь убить человека, сосчитай сначала до десяти. Другой советовал считать до ста. А до скольких считать, если человек, на которого ты рассчитываешь, уверенно хочет угробить и тебя, и себя? Ишь ты, не понимает.

Глазами лупает, а глаза голубые, испуганные, но это не тот испуг, не за жизнь свою глупую, а опять боязнь получить нагоняй от строгого учителя. А за что, сам не понимает. И при всем том, между прочим, уверен, что, какое бы раззявство он ни учинил, я непременно и даже жертвуя собой буду спасать ему жизнь, будто это стоит главным пунктом в моем контракте, будто это что-то настолько ценное, что я прямо зачехну от огорчения, если жизнь ему не спасу. Загнусь в трубочку. Нет, не понимает... До сих пор не понял.

— Это что? — злобно спросил Шабан, ткнув пальцем вперед.

— Степь.

— Замечательно. Степь. Как это я раньше не догадался. А в степи что?

— Колея. — Роджер хихикнул.

— Вижу, что не девка. Это не наша колея. Это колея от колесного вездехода. Наш след не такой и не здесь, а вот теперь хорошенько подумай, чей это след. Учти, колея свежая, сегодняшняя. Надеюсь, это тебя и сбило с толку, иначе я с тобой больше не езжу. Я не работаю со слабоумными... Так чья это колея?

— Э-э... — сказал Роджер, моргая. — Кто-нибудь из наших, из разведчиков?

Шабан ядовито фыркнул:

— Это на колесном-то вездеходе?

— Может, военные?

— Может, и военные, — согласился Шабан. — Только не наши. У наших бездельников другой рисунок на покрывках. И когда это ты видел армейский вездеход в трехстах километрах от Базы? Они и летают-то здесь только парами и на максимальной скорости. А если это вторжение — мы бы уже знали. Забудь.

— Тогда кто?

Это еще предстояло осмыслить. Ясно было только то, что такой след не мог оставить ни один из известных Шабану типов машин. Может быть, все-таки военные или охрана? Нет, чушь, ерунда. Вся их техника, даже та, что никогда не покидала складов, известна наперечет, как бы они ни старались уберечь свои липовые секреты. Конечно, им могли подбросить что-то новое, но это значит, что вне всякого графика прибыл корабль — нет, шиш, не может быть сейчас никаких кораблей. К тому же армия считает, что делать здесь нечего: все-таки не охранный объект и не пригранич-

ная зона. А темные слухи об исчезнувших машинах и людях армию никогда не занимали. Охрану тоже.

Это могли быть разведчики из другой зоны экспансии, ныне — из сопредельного государства, охотники покопаться в чужих недрах, и это было скорее всего. Хищники, дерзкие, хорошо вооруженные, знающие, на что идут. Гончие. С этими лучше не встречаться, им не резон оставлять свидетелей, напрашиваясь на уничтожающий удар. В таких случаях армия всегда реагировала мгновенно. Шабан хорошо помнил последнее сообщение Хромца Гийома, он услышал его, когда зашел для какого-то разговора в кабинет к Позднякову, но разговора не получилось, а был только хриплый, с одышкой, голос через спутниковую связь, последнее, что сказал Хромец в своей неудачливой никудышной жизни: «...Загнали в ущелье... Третье ущелье слева в Большом Каньоне. Слышите, третье! Дальше ледник, нам не уйти. У Вейгельта перебиты ноги. Вездеход бросили, он разбит... Их много, все вооруженные. Ждем помощи! Слышите, третье! Третье ущелье слева. Помощи!» И после нескольких секунд тишины: «Вот они. Сейчас нас будут добивать. Третье ущелье, третье!.. Они подходят ближе... их много... они медлят. А это для тебя, ты слышишь меня, Поздняков?..» — И голос, взвившись криком, звучал еще долгую минуту, он шел из спрятанного в стене переговорного устройства и был невыносимо реален, словно Гийом умирал не в далеком обледенелом ущелье, а среди тех, на кого он надеялся и кого проклинал под нацеленными в упор стволами.

Останков не нашли, и искать было бесполезно: то ущелье накрыли ракетным залпом. После этого набеги чужаков стали редкостью. Интересно, если это хищники, то откуда: из княжества Хинаго или с Мелких Озер? — подумал Шабан и вдруг понял, что это ему совсем не интересно.

Наконец, и это тоже было не лучшим вариантом, след могли оставить щитоносцы. Кто они такие и почему их так называют, никто толком не знал. О том, что их корабли видели в Редуте, большинство узнало из официального бюллетеня «В опровержение вздорных слухов», обнародованного на следующий день после того, как их необычный корабль полдня безнаказанно висел над Порт-Бьюно. Самих щитоносцев никто никогда не видел, но на Прокне, да и на других планетах Лиги многие рассказывали о черных кораблях, неуязвимых якобы для любого оружия. Шепотом передавали историю о том, как летающая платформа с Базы, под-

нявшись навстречу черному кораблю, медленно плывущему вдоль хребта Турковского, выпустила по нему четыре ракеты. Был ли приказ атаковать, или военные просто перенервничали, так и осталось неизвестным.

Черный корабль не сделал попытки уйти, якобы даже завис на месте, покачиваясь, и тем, кто это видел, показалось, что он ждет удара с холодным высокомерным любопытством. Ракеты шли точно, и все четыре попали в цель, но и только. Не было ни взрыва, ни ударной волны, ни разлетающихся оплавленных обломков. Ракеты пронеслись сквозь корабль, как сквозь облако, и вылетели с обратной стороны, прозрачные, вроде сосуллек, стремительно, много быстрее, чем полагалось бы по законам перспективы, уменьшавшиеся в размерах. Эти ракеты не упали нигде, они, по клятвенным уверениям очевидцев, просто растворились в небе, как леденцы во рту, но еще раньше черный корабль задвигался, меняя очертания, будто не летел над хребтом, а переползал через него, и тут же в небе вспыхнуло. На месте входящей в крен боевой платформы вздулось и поплыло по ветру бурое облачко, а обломки, закувыркавшиеся было вниз, были подхвачены черным кораблем, всосавшим их, как губка воду. После этого корабль будто бы, все так же колыхаясь, пересек всю территорию Редута вплоть до океана, где и был потерян из виду.

Шабан, как и другие, не знал, что здесь правда, а что сгенерировано буйным воображением. Большинство считали щитоносцев не людьми, говорили еще, что черные корабли это вовсе не корабли, а овеществленные формы мирового разума, — однако эта идея стала чахнуть после того, как появились сведения о высаживании с кораблей неких наземных транспортных механизмов. Все это, по мнению Шабана, здорово напоминало чушь, и он поверил в щитоносцев только тогда, когда сам увидел зависшую в зените черную кляксу корабля, за день до того, как все, с виду очень серьезные, слушали бюллетень «В опровержение...».

Нет, скорее все-таки гончие.

— Так что будем делать?

Роджер пожал плечами, и Шабан, вспомнив о Менигоне, пожалел, что задал лишний вопрос. Менигон бы мгновенно нашел лучшее решение. У него был богатейший опыт, у Менигона, он сам когда-то состоял в спецгруппе разведчиков, о чем очень не любил вспоминать, и Шабан не спрашивал, догадываясь, что эта работа не могла не оставить в

памяти такого, о чем лучше забыть. Наверное, он был неважной гончей, подумал Шабан. Интересно, как он относился ко мне на первых порах? Должно быть, тоже презирал, как я этого лопухого стажера. Только теперь его надо спасать, как спасал бы меня Менигон, если бы нам с ним когда-нибудь не повезло так, как не повезло сейчас.

— Связаться бы с Базой, — осмелел Роджер.

О господи!.. Надо же...

— Спутниковая связь через два часа, можешь посмотреть расписание. Наземных ретрансляторов здесь нет. Предлагаешь два часа поспать? Они не хуже нашего знают, когда проходит спутник. Хотел бы я знать, засекали нас уже или еще не успели...

Ну, теперь все, подумал Шабан. Все забудь. Теперь ты машина. Механизм для спасения двух жизней. Хорошие, быстрые рефлексy. Только это. Все остальное — конец, вспышка, столб огня и пыли, дымящаяся яма посреди степи. Яму они заровняют.

— Вот что, — сказал он. — Будем отсюда выбираться. Только не назад, иначе, если они нас уже засекали, то поймут, что мы напали на след, догонят и прикончат. Будем двигаться наискосок к хребту, вон к той горе, что без верхушки, и очень тихо, чтоб без пыли. Тогда, может быть, проскочим. Пошел!

Чужая колея ушла вбок, и по экрану слева направо поплыл хребет — вездеход разворачивался. Теперь они двигались так медленно, что глаза успевали рассмотреть каждую трещину в пересохшей земле, и Шабан удивился, увидев, какие они глубокие, а края их приподняты, кое-где даже вывернуты наружу, как ухмыляющиеся губы. Он представил себе, как траки гусениц ломают сейчас края трещин, и обеспокоенно посмотрел на увеличивающийся пыльный хвост. Нет, надо не давить, надо гладить эту гнусную ухмылку, эту степь. А медленнее тоже нельзя: если они видят, то заподозрят неладное, и тогда — столб пыли, яма в земле. Идиотское положение. Напьюсь, решил Шабан. Выберемся — напьюсь поскотски и набью кому-нибудь морду. Все равно кому. Очень много морд, которые нужно набить.

Несколько секунд он тупо глядел в затылок Роджера, на потемневшие до серости, слипшиеся волосы. Потееет. Стало быть, боится, и это правильно. Хотя нет, почему правильно, ну устроят нам сафари со стрельбой, так что — мир перевернется? Всю жизнь, всю историю люди охотятся один на другого, давно пора бы привыкнуть. Эка невидаль — жертва. Ату

ее! Бей, чтоб брызнуло! И вообще смерть — нормальный физиологический процесс, а уж если помирать, так лучшего места и не найти. Не в комфорте же помирать, в комфорте обидно. Не этого, парень, надо бояться, не этого.

Чушь, подумал Шабан, напрягаясь. Бред. Думай, о чем думаешь! Ты машина, ты механизм, и это дает шанс. Ты дурной механизм. Издыхая, ты будешь думать о том, что не уберет парня, что он уже никогда не увидит того, что увидел ты, там, где другие не видели, и никогда не поймет того, что понял ты. Работай! Черта с два я дам себя угробить. У нас есть чем драться, и у меня не хватит духу почувствовать себя жертвой.

— Не лезь на холм, — предостерег он Роджера. — Обойди его слева. Слева, я сказал. Вон ложбинка, по ней и двигай. Там не так сухо, меньше пыли будет.

Роджер затравленно кивнул, и Шабан счел уместным подбодрить его шлепком по плечу. Давай, парень, давай. Пока везет. Из ящика под сиденьем он достал дыхательные фильтры — мало ли что — и полез в башенку. Как и следовало ожидать, она давно оттаяла и крутилась нормально. На всякий случай Шабан несколько раз прогнал ее по кругу. А может быть, она и не замерзала вовсе, вдруг весело подумал он, — может быть, парень просто забыл снять ее со стопора, а я, дурак, и не посмотрел...

Он проверил, как ходит в турели ствол, и поставил излучатель на короткие импульсы — в случае чего можно бить очередями вспышек по десять, — осмотрел прицел и огляделся. Горы уже заметно приблизились, и солнце, канув за гребень, больше не показывалось. Скорее бы. Нервное это дело — ждать последней в своей жизни драки, вернее, ждать, что ее все-таки не произойдет. Хуже не придумаешь. Некуда хуже. А может, их тут давно уже нет? След вполне мог быть утренним, даже ночным. Или это все-таки щитоносцы, от которых неизвестно чего ждать? Ракеты их не берут, а вот как насчет лазерного луча? Чего они медлят, если хотят прикончить?

— Впереди должна быть большая низина, — сказал он. — Поедешь по ней. Если пройдем спокойно, считай, выбрались. И не торопись. Вот выйдем на свою колею — тогда рванем.

Низина открылась с пригорка вся сразу, обширным пространством темной почвы. Отсюда лишь недавно ушла вода, кусты, торчащие здесь чаще, чем в других местах, еще не все засохли. Какой-то зверек выскочил прямо перед носом везе-хода и, смешно замелькав лапками, мгновенно закопался в землю. В следующую секунду Шабан увидел

вдали, в самой середине низины, неподвижное темное пятнышко, продолговатое, похожее на запятую, и невдалеке от него две крохотные точки. Одна из них чуть заметно двигалась — мелкий суетливый жучок, спешащий куда-то по своим неотложным делам. Вот если бы еще над жучком не дрожал потревоженный воздух, если бы не стелился за ним скудный пыльный хвост... «Вот они, — подумал Шабан. — Вертолет и два вездехода. Гончие».

От неожиданности он не сразу сообразил, что надо делать. «Гончие, — крутилось в голове. — Гончие. Гийом...» Удивляясь, он смотрел на деловито разъезжающие чужие машины, будто не было только что подъема на бугор, когда он, дрожа от накатившей злости, шипел над ухом Роджера: «Тише! Еще тише!» — и ругался, что опять подняли много пыли. Но внутренне он уже поверил в удачу, уже был готов к тому, что на их пути никто не встретится.

«Почему они нас не видят?» — с удивлением подумал Шабан, и эта мысль разом, будто вонзившаяся в мозг холодная игла, заставила его ощутить всю безнадежность положения. Роджер еще ничего не заметил. Вездеход медленно сползал в низину.

— Назад! — заорал Шабан.

Роджер вскрикнул коротко и тонко, как пойманная птица. Вездеход, взвизгнув турбиной, развернулся на месте, и в этот миг Шабан увидел, как черная запятая вдруг подскочила в воздух метров на двести, а там, на высоте, раскрылись цветом тонкие лопасти, слились во вращающийся диск, и тогда Шабан выстрелил. Взяв прицел ниже вертолета, он повел стволом излучателя вверх, потом снова вниз, перечеркивая небо там, где кренилась, разворачиваясь для атаки, боевая машина, где откинулись сейчас крышки носовых люков, торопясь выпустить просящую наружу смерть. Он понимал, что сейчас будет поздно. Вездеход содрогнулся от близкого взрыва, и сейчас же справа, раскидав комья вырванной земли, вспыхнул второй огненный столб, еще ближе — третий, четвертый...

А это вездеходы, понял Шабан. Черные точки вдали теперь стояли как вкопанные, окрасившись дрожащим огнем выстрелов. Полоса разрывов наискось прошла за кормой, по броне простучали камешки. На крышу перед башенкой мягко упал вырванный из земли горящий куст, и Шабан, яростно крутнув стволом, сбросил его под гусеницы. Вездеход с воем шел на подъем, оказавшийся вдруг таким кру-

тым и длинным. Позади снова повисла пыльная туча. Чужие вездеходы пропали из виду. Сквозь пыль Шабан сек дно низины короткими импульсами, не особенно надеясь на удачу, стараясь лишь заставить чужаков понервничать. Судя по отблескам, внизу уже что-то горело, должно быть, кустарник. Разрывы теперь густо вставали впереди: чужаки пристреливались к верхней кромке подъема. Роджер, не отрываясь от управления, обернулся. Лицо у него было потное, измученное отчаянием.

— Вперед, вперед, — сказал Шабан почему-то шепотом. — Проскочим.

Черта с два, подумал он, следя за тем, как быстро сокращается расстояние, отделяющее их от беснующихся разрывов. Проскочишь тут...

Пуля попала им в корму, когда они уже почти выбрались. При ударе Шабана вытряхнуло из башенки, и он, закрывая руками голову, кубарем ссыпался вниз. Ему показалось, что он летит очень долго и никак не может остановиться. Похоже, он летел не один, потому что со всех сторон его толкали и били. «Не бейте, — говорил он им. — Не надо», — но с удивлением видел, что он один, а вокруг никого нет, должно быть, все люди, сколько их есть, уже разбились о дно пропасти, а он все летит и почему-то вместо замшелого дна под ним все ярче разгорается дневной свет. «Наверное, я летел не в ту сторону», — догадывается Шабан и вдруг видит, что внизу вовсе не день, а голубой свет дают тянущиеся вверх языки холодного огня. Языки схлопываются над ним, как щупальца анемонов, и вот он сам вспыхивает и утоньшается, сгорая в голубом пламени, и никак не может понять, куда денется его «я» после того, как тело исчезнет полностью. А вездеход? Куда денется вездеход?

Когда он осознал, что жив и лежит на полу между сиденьями, он понял, что вездеход идет на максимальной скорости и что в вездеходе очень жарко. Он пошевелился и зашипел, закусив губу. Пересчитал все углы, подумал он. С-с-с-в-в-волочи! Каждое движение причиняло боль, но он чувствовал, что так и должно быть, и был готов вытерпеть какую угодно муку, только чтобы не слышать душераздирающего треска корпуса, шипения проплавленного металла, не чувствовать, как от взрыва вездеход содрогается всей своей десятитонной массой, словно большое животное, добываемое в спешке нетерпеливыми охотниками...

Морщась, он перевалился на бок. Тело слушалось, но чувство было такое, будто его били железными прутьями. В правую щеку вдавился загубник дыхательного фильтра. Зачем здесь фильтр? — подумал Шабан. Ах, ну да. А почему так жарко? Кряхтя от боли, он поднялся на ноги и сел на заднее сиденье, тут же пожалев, что приказал Роджеру убрать пену. На корме медленно тускнело темно-красное пятно раскаленного металла. Ага, вот они куда попали... Стало быть, повезло, пуля, конечно же, на излете — он не сразу избавился от этой мысли, — действительно, почему бы ей не быть на излете? Расстояние... И тут он понял, что еще ничего не кончено, а то, что будет дальше, не будет зависеть от человека по фамилии Шабан, а будет зависеть от его умения быть машиной с правильными и быстрыми рефлексами да еще от случая, и от этого он мучительно застонал.

— Живы? — повернул к нему Роджер ожившее лицо. — Очень больно? — И Шабан, беря себя в руки, успел еще раз удивиться, как быстро у Роджера меняется настроение. Только что собирался помирать, и вот на тебе...

— Куда едем? — спросил он, облизывая языком сухие губы.

— Пока в Порт-Бьюно, — сказал Роджер, — если, конечно, не будет других распоряжений.

Было видно, что он очень хочет получить распоряжение ехать именно в Порт-Бьюно.

— С ума сошел! — закричал Шабан, забыв про боль. — Живо в горы!

Роджер, пожав плечами, развернул вездеход.

— Они нас так не оставят, — стараясь говорить как можно убедительней, сказал Шабан. — Они же сейчас за жизнь свою дерутся. Просто, как ящик: они нас прихлопывают и спокойно уходят за границу. И наоборот, если мы будем живы и сообщим на Базу — их прихлопнут. На равнине нам конец. Гончие это. Псы.

Тело снова свело режущей вспышкой боли, и он, зажмурившись, скорчился на сиденье. Хотелось выть. Да, здорово нам врезали, подумал он сквозь боль. Кормовой локатор, конечно, вдребезги, а броня — надо же! — выдюжила. Пуля, само собой, излетная, но все равно странно. На испытаниях, говорят, прошибало лобовой лист и срывало крышу, забрызганную изнутри унипластовыми кляксами. Из унипласта тогда делали макеты членов экипажа...

Просто везет. Шабан ощупал ноги, плечи, ребра: нет, кажется, ничего не сломано. Действительно ве-

зет. Покопавшись в кармане, он достал коробочку, вынул щепотку порошка из сушеных гифов ползучего гриба и зарядил себе в нос хорошую понюшку. Когда исчезла боль и одеревенела голова, он открыл глаза. Теперь предметы были расплывчаты, но он знал, что скоро в голове прояснится и тело на время станет легким, почти невесомым, как бывает, когда летаешь во сне. Драки все равно не избежать, нельзя позволить боли отвлекать себя от дела.

Но сейчас над ним, подобно маятнику, то удаляясь, то приближаясь к самым глазам, качался потолок, и по его поверхности ползали крупные радужные пятна. Некоторое время Шабан заинтересованно следил за их движением, пытаясь отгадать, закономерны или случайны их перемещения. «Вот это пятно сейчас пойдет влево», — говорил он себе и, каждый раз ошибаясь, сердился, но продолжал игру, пока пятна не начали тускнеть и потолок, в последний раз скупно качнувшись, не стал на свое место. Шабан поочередно напряг мышцы, проверяя, не болит ли где. Нигде не болело, и тело, ставшее почти бесплотным, рвалось вверх, как азростат.

Он поднялся в башенку. Вездеход ходко бежал по твердому, как кирпич, руслу высохшей речки и то и дело лязгал гусеницей о камень. Горы были уже рядом, впереди распахнулось ущелье, стиснутое красноватыми скалами. Шабан огляделся вокруг. Позади ничего не было видно, и он остро пожалел о разбитом локаторе, зато далеко слева вставала пыль. Ага, вот они как. Опоздали, милые, теперь вам нас не отрезать, раньше вас в ущелье будем, вы, ребята, нас там еще поищите... Он рассмеялся и махнул рукой испуганно обернувшегося Роджеру: давай, парень, жми! Интересно, подумал он, присматриваясь к пыльному облачку, — оба они там или только один? Тогда где второй? По следам, что ли, идет? Очень возможно, а если подумать, то скорее всего так оно и есть. Ну и черт с ним: раз не стреляет, значит, еще далеко, а ущелье — вот оно...

Он снова хихикнул и понял, что перебрал порошка. Теперь нужно было сосредоточиться и решить, что дальше. Можно было бы подождать чужаков в устье ущелья и встретить их хорошей лучевой очередью. В качестве укрытия Шабан уже присмотрел большой валун на краю каменной осыпи. Нет, сказал он себе, их двое. Неоправданно. К чертям всякий риск, развлечение для недоумков. Он посмотрел на часы — до связи оставался час с лишним. Протянем, решил

он, собираясь скомандовать Роджеру, чтобы не останавливался. Поиграем в кошки-мышки... И тут он увидел дым.

Это была тоненькая, едва заметная струйка, наверху ее трепал ветер, и где-то на уровне невысоких здесь вершин она исчезала, но она шла из того самого ущелья, куда они уходили от погони. Теперь Шабан узнал это ущелье. «Что там у них? — подумал он обеспокоенно. — Пожар? Куда же это мы? Что я делаю, теперь же туда нельзя!..»

Хуже всего было то, что Роджер тоже заметил дымок и даже чуть притормозил, вопросительно глядя на Шабана. Шабан похолодел.

— Крути влево, — сказал он глухим, абсолютно чужим голосом. — Сейчас... Врежем им как следует...

Через минуту он пожалел о своем решении: можно было попытаться успеть заскочить в следующее ущелье — но теперь было уже поздно. Каменная, без единой промоины, туша горы надвинулась справа, а спереди, увеличиваясь в размерах, приближалось пыльное облако, и уже можно было различить впереди него черную точку. Точка росла. «Один!» — обрадовался Шабан, лоя точку в прицел. Стрелять было пока еще рано. Покрутив головой, он заметил второй вздоход. Тот был в стороне и еще дальше. Было видно, как он не разбирая дороги гонит на предельной скорости. Шабан зло улыбнулся: зря, не успеет. А этот — мой... Хоть одного...

Невдалеке грохнул взрыв, и Шабан понял, что по нему открыли огонь. Он отметил это чисто механически, как обыватель отмечает, что на улице пыльно, сосед опять под мухой, а на забор села ворона. Проверив прицел, он поставил его на слежение и внес поправку на аберрацию. Занервничали, подумал он. Неважно они эту очередь положили, прямо скажем, бездарно. Он нашел пальцем спусковой крючок. Пора.

Перед глазами, на мгновение ослепив, вспухло белое пламя, и вздоход с ходу пронесся через огненный султан взрыва. «Неплохо», — вслух сказал Шабан и, чуть повернув ствол, нажал на спуск. От чужака полетели клочья, он вспыхнул и растекся, как пластилиновая фигурка на раскаленной плите. Потом язык огня пропал, удушенный столбом жирного дыма, и то, что осталось от чужака, стало похоже на действующий вулкан с разрушенным конусом.

«А теперь нас... — как-то отстраненно подумал Шабан. —

Все». Он понимал, что не успеет установить прицел.

тот, кому больше не на что рассчитывать. Надо верить. Невозможно смириться с тем, что через секунду твои останки будут перемешаны с обломками искореженного железа. «Ну! — крикнул Шабан, разворачивая башенку. — Где ты?»

Второго чужака не было видно. Там, где он только что был, даже ближе, висела, неторопливо колыхаясь, плотная черная туча. Она была похожа на большую медузу посреди океана, ленивую и безразличную ко всему, что плавает вокруг, она была как живая, и не было сомнений в том, что это такое. Это был черный корабль.

— Ы-ы-ы-ык! — сказал Роджер, вытаращив глаза. Челюсть у него отвисла. Вездеход заскрежетал тормозами, пошел юзом.

Стрелять?.. Шабан чувствовал, как дрожит на спусковом крючке его палец. Стрелять? Или не стрелять? Он боролся с искушением нажать на спуск, он знал, что обязан стрелять в щитоносцев, не разбираясь, кто они такие. Они — враги. Этим все сказано, а значит — уничтожить. Но как можно уничтожить корабль-тучу? Как? Полоснуть излучателем, зажмурить глаза, сжаться и, раззявив рот в крике, ждать ответа? Нетрудно догадаться, что долго ждать не придется.

И все-таки — надо... Или нет? Кому я нужен мертвый? Даже не мертвый — пропавший без вести. Лизе я нужен живым, себе я нужен живым, Позднякову и то я нужен живым. Лиза будет ждать, первое время ее не тронут... Боже ты мой, разве нельзя устроить так, чтобы никого не убивать, чтобы ни у кого не поднялась рука, ведь никто из нас не держит в голове мысли об убийстве, зачем же тогда? Трус я, вот что... Не-ет, я так не могу, я должен выстрелить, я должен, я себя заставляю...

— А-ап! — Роджер со стуком захлопнул рот. — Ф-ф-ф-фу-у! Уф!

Черный корабль исчез. Только что медуза была тут, висела и покачивалась — не то мишень, не то занавес, — и вот ее не стало, и глаза не успели уследить за ее исчезновением. Ну и правильно... Черный корабль... Бред. Их не бывает... Шабан с облегчением перевел дух, рассмеялся сквозь зубы и сразу выбросил из головы все на свете черные корабли. Второй чужак был хорошо виден. Он уходил в степь.

— Добьем! — загораясь, закричал Роджер. — Ну же!

Шабан неторопливо повернул ствол. В визир прицела было видно, что чужак гонит вовсю, стараясь успеть уйти из зоны поражения. Оттуда не стреляли. «На что они надеются? — тщательно прицеливаясь, подумал Шабан. — На

то, что я промажу? Или на то, что пощажу их после того, что они сделали с Гийомом и что хотели сделать со мной? На что-то ведь надеются...» — И тут на него нахлынула волна отвращения, и он понял, что не выстрелит. Там, в чужом вездеходе, были люди; лишившись мужества при виде черного корабля, растеряв весь кураж погони, не веря больше ни в себя, ни в свой пулемет, они мчались прочь от наступающей смерти, в страхе они оглядывались, не замечая заливающего глаза пота. Они втягивали головы в плечи, каждое мгновение ожидая режущего удара луча, они уже слышали шипение вскипающего металла, и в стальной коробке, наполненной невыносимым свистом работающего на пределе двигателя, цепели на рычагах управления их руки. Они не хотели, они, должно быть, как и все, не понимали, зачем им нужно умирать. Шабан убрал палец со спускового крючка. Он чувствовал себя гадко.

— Уйдет! Уйдет ведь! — переживал Роджер. От нетерпения он подпрыгивал на сиденье. — Ну вот! В овраг ушел. Теперь ищи его...

— А ну, брось трепыхаться, — буркнул ему Шабан. — В погоню не пойдем. Во-первых, у него скорость выше нашей, во-вторых, не наше это дело — соваться под пулемет. Наше дело сообщить на Базу — и пусть они там разбираются, если им хочется. Давай-ка выйдем поглядим, что у нас с кормой. Брось сюда фильтр.

Он скосил глаза на указатель фона — как всегда, высоковат, но, в общем, не смертельно, — надел фильтр, выбрался через верхний люк и тяжело спрыгнул на землю. Какое-то мелкое насекомое, ошалев, забегало кругами возле его ног, противно пискнуло под каблуком. Корма вездехода была оплавлена и почернела. Там, где пуля выела кусок, броня прогнулась внутрь, с края выбоины свисала корявая стальная сосулька. Шабан пнул ее ногой.

— Срежем? — спросил Роджер.

— Как хочешь. Лучевик теперь твой, вот ты и режь. А лучше плюнь. Я бы еще сильнее искромсал. Может, мы под эту выбоину «армадил» получим, откуда нам знать? Нет худа без добра, и наоборот. Все в мире имеет две стороны: правую и левую, как сказал один больной после ампутации мозжечка, — вот только где теперь какая?

Маска на лице Роджера издала хрюкающий звук.

70 Чего он? — подумал Шабан, удивляясь, откуда это в

нем самом вдруг взялась способность шутить. Ах, ну да, как же: начальство, так сказать, соизволило. Снизошло. Дубина жизнерадостная. Вот таким почему-то всегда везет, а заодно уж и мне. За компанию. Чудо ведь, что попал я, а не они, и сразу. Чудо, что попал тогда, — он вспомнил вертолет чужаков, мохнатую вспышку в небе, смешавшуюся с дымом и дрянью, в то время как разлетелись, кружа и кувырякаясь, лопасти воздушного винта. Везение. Фатум.

— Садись, поехали.

Вездеход взял с места рывком, словно допотопный танк, выскакивающий из засады, и пошел мощно и ровно. Было ясно, что Роджер хочет о чем-то спросить, и Шабан очень хорошо знал, о чем. Он боялся этого вопроса. Теперь он чувствовал себя в положении человека, которому предстоит испытать неприятное, очень болезненное ощущение, и он, протестуя всем телом, старается оттянуть момент боли, но с сосущей тоской понимает, что момент этот наступит, что и здесь придется пройти, и еще неизвестно, что там дальше, за страхом и болью.

В устье ущелья дым стал отчетливо виден; он сделался гуще и чернее, и ветер наверху рвал его с натугой, как резину. Шабан облизнул пересохшие губы и нарочито небрежно потянулся за фляжкой, холодея при мысли, насколько фальшиво это у него получается. «Чего встал?» — спросил он, стараясь придать голосу естественное неудовольствие. Роджер молча показал на дым.

— Ну и что, — упреждая вопрос, сказал Шабан. — Бывает. Там когда-то была шахта и маленький лагерь. Теперь там ничего нет, кроме брошенного старья. Должно быть, убегуны забрели, больше некому. Какой-нибудь из бывших прирученных нашел зажигалку, зарабатывает авторитет в стаде, а остальные греются. Поехали.

— А может, посмотрим?

— Вперед, я сказал.

Кажется, пронесло, подумал Шабан. Еще раз пронесло... Украдкой он вытер вспотевшее лицо, промокнул рукавом залысины. Роджер повел вездеход дальше. Он явно опять обиделся и демонстративно не отводил глаз от рвущегося под днище бездорожья. Барышня, фыркнул про себя Шабан. Гимназисточка Темных веков. Мадемуазель. Ох, ах, ножки топ-топ, кружевной зонтик, на поводке болонка, как кочан, со всех сторон одинаковая. Под подушкой послание в скверных стихах

от сублильного гимназиста-воздыхателя, на подоконнике выводок кактусов в горшочках и старая нервная канарейка. Еще папочка-чиновник, гомерический такой мужик, рука тяжелая... «Колежский ассессор гомерически высморкался...» Что бы ему сказать такое, чтоб не сходил с ума? Черт, и сказать-то нечего, слова все растряса, хоть жестами изъясняйся. Теперь еще и следи за ним, чтобы не сунулся в то ущелье, а пуще — чтобы не очень молол языком. О чем тут еще говорить?

— Через час сменю, — сказал он. — А в том ущелье завал. Там полдня по камням прыгать.

В Порт-Бьюно въехали засветло. Шабан притормозил у въезда в охранную зону, покосился на решетчатую вышку. На вышке было пусто, и пулемет, обычно торчавший в сторону степи, теперь смотрел вверх, как телескоп. В караулке горел свет, и сквозь окно различались мотающиеся, как воздушные шары на ветру, фигуры — там либо дрались, либо отплясывали флик-джигу. Динамик на крыше орал невыразимое. Проезд в рядах проволоки был свободен. Справа жалко торчала недомонтированная будка автоматического контроля с выдвинутыми блоками и отпечатком подошвы форменного ботинка на боковой панели. Похоже, въезд никем не охранялся. Такое Шабан видел впервые.

Из караулки через шлюзовую выскочил охранник — без брета, — протарахтел каблуками по ступенькам, покачнулся, но не упал, и, сорвав с лица фильтр, с длинным горловым звуком изрыгнул в кусты зеленую желудочную жижу. Замычав, выпрямился и, закрыв рукой слезящиеся глаза, побрел обратно. То ли он не заметил вездехода, то ли не обратил внимания.

— Гуднем им? — предложил Роджер.

— А зачем? Видишь: открыто, поехали.

«Сочиню рапорт, — подумал Шабан. — Кажется, это Живоглотовы ребятки. Так им, гадам, и надо. Даст им Живоглот опохмелиться, клеит по первое число — суток по десять на индивидуума». «Припомнят, — сказал внутри него другой голос, и он узнал голос Менигона. — Не только они, сам же Живоглот и припомнит при случае. И будет прав: не суйся, умник, куда не просят, береги внешние органы, пока не пооборвали, не лезь в его дела, не любит он, когда лезут...»

«Но ведь он лезет в мои!»

«Не очень-то и лезет, говори дяде правду. Он же к тебе неплохо относится — пользуйся! Благодаря кому ты всегда имел пропуск куда угодно, хоть в Межзону? А?

И на Землю имеешь шанс отправиться вовремя, это я тебе говорю. Так какого ж рожна тебе еще?»

«Он подонок. Мразь. Это же нелюдь, Винс! Он же хочет, ты пойми, все они хотят, чтобы и я стал таким же. Я сам становлюсь скотом!..»

«Да ну? Ай как плохо! — Голос Менигона ироничен, невидимые губы кривит усмешка. — И ты, конечно, хочешь его убить? Стереть, так сказать, с лица, да?»

«Да. То есть нет, не знаю. Просто хочу, чтобы его не было».

«Он будет всегда. Мы пришли сюда как воры, и до тех пор, пока хоть один из нас останется здесь, ничего не изменится. Мы не те, этой планете нужны другие люди. Мы очень мало кому нужны, Искандер. Кретины называют нас авангардом человечества. Волны экспансии: одна, другая, третья... Какой героический эпос! Мы настырны и дотошны, всегда что-то ищем, только всегда вонне, иначе нас никто не учил, не умеем. Слишком долго не было видимой причины, мы забыли, как это делается. От этого умирают вернее, чем от пятнистой горячки, и мертвые заражают живых. Я тоже мертвый. Мы действительно авангард: мы умерли раньше. Эй, сюда! Все назад, дайте дорогу! Вот они идут, мертвецы, потомки людей. Их предки, говорят, построили пирамиды и Акрополь. Их потомки стыдливо вычеркнули нас из школьных программ. Ровнее строй! Ты думаешь, это человеческие лица? Вглядишься получше, какие это лица. Запе-вай! Ах как красиво они идут, просто не оторвать глаз! Их торсы каменно-неподвижны, строй встает на носок и единой волной выбрасывает вперед прямые в струнку ноги. На два такта: ать-два, ать-два... Подковки на сапогах. Вольноопределяющийся Шабан, шире шаг! Вы что, не видите, что ломаете строй?» — И удаляющийся в глубину сознания довольный смешок Менигона.

Замычав, как от боли, он дернул рулем — вездеход, вильнув вбок, искрошил гусеницей вазон с корявым декоративным растением. Рывок обратно — и снова тарыхтение траков по бетону дороги. Шабан мотнул головой удивленно уставившемуся на него Роджеру: так, мол, парень, ничего.

«Вот-вот, — подумал он. — Вот только на это меня и хватает — вазоны давить». Он чуть не плюнул. Впереди уже встала во весь рост. нависла двухсотметровой стеной стальная грань куба Порт-Бьюно. Центральное шоссе, усаженное по обочинам местной растительностью, уходило прямо в фундамент, к гаражам и дезинфекционным камерам. Пе-

ред самым въездом на постаменте, облицованном чистым рением, высилась недавно установленная сверкающая статуя, изображающая Первопоселенца, к которому какой-то умелец уже успел приварить детородный орган невозможных размеров. На горизонте слабо дымились конусы отвалов ближайшей шахты, многие из них далеко обогнали по высоте несуразный кубический поселок. Правее и дальше располагался комбинат, но за дальностью были видны только трубы, выраставшие словно из-под земли. Там тоже были отвалы, но на таком расстоянии они выглядели маленькими, как прыщи. Еще правее была только степь, да еще кое-где вдоль невидимой отсюда проволоки карандашами торчали сторожевые вышки.

Вездеход, присев на передние амортизаторы, затормозил у закрытых ворот. Автоматика не сработала, вероятно, была выключена. Черт-те что, подумал Шабан. Охрана — вдрызг, ворота заперты, трубы не дымят — определенно что-то случилось. Авария или праздник? Вернее всего то, что тоннель все-таки докопали. Довзрывали, поправился он. Что ж, это должно было когда-нибудь случиться. Глупо было уверять себя, что это произойдет нескоро. Глупо. Ужасно представить себе последний взрыв: вз-з-з... толстый бур, смазанный, самодовольный, вибрируя, уходит в дымящийся гранит, затем ползет обратно, весь в каменной крошке. Потом в дыру заряд, всем в укрытие, вспышка! — и уже охлаждение, турбины, захлебываясь, отсасывают пыль, убегуны под руководством какого-нибудь высокооплачиваемого смельчака в спецсафандре крепят своды, кладут рельсы, гулко катится платформа с буром, и снова: вз-з-зз-з... И вот с той стороны на склоне вспухает чудовищный волдырь, тут же прорываясь огненным вихрем, течет расплавленный камень, и нечеловеческий огонь, погасив день, сворачивается сытым удавом, вскидывает к обожженному небу характерное облако на толстой бурлящей колонне. Для них — праздник... Вон и картонная гильза валяется на бетоне, как консервная банка: не иначе, был фейерверк. Этим только дай...

Шабан вдавил кнопку гудка. Странное дело: теперь ему совсем не хотелось вылезать из надоевшей стальной коробки. Гудеть пришлось долго — занемел палец. Противный звук действовал на нервы.

— А может, тихонечко стукнем? — загорелся Роджер и потянулся к управлению. — Давайте я. Легонько, одной гусеницей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Винтовой коридор был пуст и оттого навязчиво мрачен. Над головой пыльно светился потолок, кое-как освещающий шершавые стены, загнувшиеся в нескончаемом повороте, и поворот был плавным, будто коридор-улитка, проснувшись когда-то, попытался было распрямиться во всю длину и почти уже развернулся, но дальше не пустили грани куба, и он так и застыл скрюченным. Коридор вел наверх. Уже давно, с тех пор как был ликвидирован верхний гараж, им почти не пользовались. Еще и теперь на полу удавалось рассмотреть старые вмятины от траков гигантских «армадилов», а вот и покореженное место на стене — Шабан приостановился, вспоминая, — это Амар сюда въехал с разгону — хороший был парень, но безалаберный отчаянно, он и Позднякову тогда в лицо жеребцом заржал не обдуманно, а просто от избытка жеребьячьего здоровья, прямо скажем, сдуру, — и вот угодил на шельф, к черту на кулички, и что-то давно о нем ничего не слышно. А я позволил себе возразить Позднякову, а Поздняков, взявши меня за плечо, сказал убедительно: «Нельзя, Искандер, нельзя этого», — и я потом ходил самодовольный, как павиан, удовлетворенный тем, что сделал все, что можно. А когда перестал быть павианом, убеждал себя в том, что действительно ничего нельзя было сделать, да только убедить так и не получилось. И столько еще всякого было связано с этим коридором, даже жалко, что теперь так редко здесь бываю, никогда даже не пробовал дойти до самого верха, посмотреть, что там дальше. И даже не в том дело, что дальше наверняка нет ничего интересного, скажем, дезинфекционная с выходом на крышу, а то и просто тупик, а хорошо бы подняться повыше, где наверняка никто не ходит, посидеть там, вспомнить, подумать...

Откуда это у меня? Синдром разыграл, что ли? — Шабан пошел быстрее, — нет, не буду я тут сидеть. Устал, и ноги болят, и правильно сделал Роджер, что не пошел со мной, а я его, впрочем, с собой и не звал, и теперь он наверняка уже у себя, отдыхает, и не бывает у него никаких синдромов, не могу себе представить, чтобы ему захотелось вот так посидеть на пыльном полу, поразмышлять о чем-нибудь не сиюминутном... А пол-то действительно пыльный, и это еще слабо сказано. Интересно, когда здесь убрали в последний

раз, подумал он. Словно цементом присыпано. Мусор, тряпье какое-то валяется, стекло битое...

Он поддел ногой рваную картонную коробку и тут же отпрыгнул в сторону — из коробки выскочило маленькое и белое, заметалось по полу и скрылось в тряпичной куче. Шабан плюнул. Это могла быть либо мышь, сбежавшая из лаборатории по разгильдяйскому недосмотру, либо гигантский белый клещ, единственный местный вид, приспособившийся к жизни в человеческом жилище, случайный переносчик пятнистой горячки, но насекомое мирное и на человеке, как правило, не паразитирующее. На всякий случай Шабан обошел тряпье стороной. Тоже уроки Менигона, подумал он серьезно. Если опасность существует, сведи ее к минимуму, а если опасности нет, то такого не может быть, оглядись по сторонам хорошенько, а далее — смотри сначала. Что ж, может, потому до сих пор и живы оба, сохранили для себя это удовольствие, хотя, кажется, никому, кроме нас самих, нет и не было до этого никакого дела. Менигон был ранен и выжил. У него в спине два пластиковых позвонка, и то удача. В разведке новичок через полтора-два года становится ветераном. Кто их считал, срывавшихся со скал, замерзавших под аммиачными дождями, тонувших в гиблых болотах на севере, подстреленных, облучившихся, пропавших без вести? За упокой скольких душ втайне пил Хромец, алкоголик по убеждению, со своим уникальным двадцатилетним стажем разведчика? На смену приходят новички, желающие тотчас крушить и переделывать, пока жизнь не выбьет из них весь ковбойский романтизм, либо уволившиеся из армии тертые, бывалые ребята, держащиеся кучками, неразговорчивые, всезнающие, воображающие, что попали на спокойную скучную службу. И именно они начинают роптать первыми, когда уясняют, что скучная служба не лишена элемента занимательности в том смысле, что никто никогда не мог и не может с уверенностью сказать, что успешно доживет хотя бы до конца оговоренного в контракте срока.

Мне просто везет, снова подумал Шабан, — вот и сегодня жив остался, хоть и побит весь, как собака, все болит, начиная с головы. Не первый раз, не стоит обращать внимания. Тяжко бывало? И сейчас тяжело, но ведь и счастливым бывал тоже! Как говорил Менигон, говори дяде правду! Бывал счастлив, когда возвращался из разведки, особенно если привозил что-нибудь интересное. Ха, теперь смешно и вспомнить. А только иной раз был еще более счастлив: ког-

да удавалось снова вырваться в разведку — никогда не мог вытерпеть Порт-Бьюно больше недели подряд. Может быть, потому, что не понимал раньше этого куба, видел только то, что лезло в глаза, а потом понял его весь, до конца, — гнилье же, нарост, который выжечь, и единственное светлое чувство у большинства: «Домой бы, ребята... На Землю бы...» И еще проклятый всеми металл, что слитками грузится в трюмы раз в полгода приходящего корабля, и обещание райских куш по ту сторону хребта... Теперь рядом: тоннель окончен, и я не знаю толком, зачем иду сейчас к Позднякову, что я ему скажу и что вообще можно сказать, после того как молчал, не хотел связываться и даже научился не раздражаться, когда разговор заходил о тоннеле, — Шабан скривил усмешку, — ведь боялся же, и было отчего, отлично понимал, что против такого ветра не вытянешь — сдует, но ведь и не пробовал! Тем более смешно, что решился наконец попытаться изменить что-то в последнюю секунду, еще пять минут назад знал, что скажу Позднякову, даже слова подбирал...

Он похрустел зубами. Да, действительно смешно.

Пять минут назад он привалился к стене отдохнуть, чувствуя, что онемевшие от усталости ноги дальше не пойдут. По грубой прикидке, он находился где-то на уровне двадцатого яруса. Навстречу спускались — Шабан прислушался: много, человек десять. Шлепанье разогнавшихся на спуске ног было похоже на яростную работу мухобоек, когда жарко и мух очень много. Шлеп! Шлеп! Это хорошо, подумал он, что пол старый, пластикат выкрошенный, а то было бы: «Бум! Бум!» Нет, не охрана, определил Шабан, когда наверху кто-то блажно заорал, явно валяя дурака, кто-то завопил режущим фальцетом модную песню в общеизвестном на Прокне варианте: «У модели есть на теле...», еще кто-то подхватил, возводя голос в пикантных местах до ангельской вышины, и все, даже многоногое шлепанье, кануло и пропало в оглушающем взрыве гогота.

Компания веселилась вовсю, но это, конечно, было только начало. Потом пойдут морды бить, решил Шабан, или заберут вездеход и будут колесить по степи дикими зигзагами, бестолково палить во все, что умеет бегать, летать и ползать, от искрящей змеи до последней клювастой землеройки.

Он отлепился от стены. Против воли сжались кулаки, отставленная назад нога заелозила по полу, ища упора. Избить, разметать, расквасить — что угодно, только чтобы

не было этого ржания, резонирующего в черепных коробках перед сознанием бессилия хоть что-нибудь сдвинуть на этой планете, где под рев взрываемых скал по-прежнему бежит, бежит замороженный ослик, тянет напряженную шею за пучком травы, привязанным перед мордой. Куда ты делся, Искандер, наивный мальчик, три года назад явившийся сюда, потому что некуда было деваться, опасно и чуть брезгливо пробующий ногой новую землю? Умер, нет? Говори дяде правду!

Такой злобы Шабан не испытывал давно. Кулаки зудели. Он даже не успел удивиться этому, как из-за поворота вынесло всю компанию: «А я говорю, у меня сопрано!» — и снова разинутые в ржании пасти, матерые потные морды: «Ой, не могу!» Ржали с энтузиазмом, до икоты, в изнеможении наваливались на стены трясущимися животами, перхали и давились, смахивая слезы, и — шлеп, шлеп! — перли вниз, самодовольные, как тот ослик, дотянувшийся наконец до травинки; их просто распирало. Некоторых Шабан знал в лицо: все здоровенные сытые мужики, местная рабочая аристократия, мастера, десятники, герои подземных миль, прогрызатели каменных хребтов, погонщики бессловесных убегунов. «Плешь!» — восторженно закричал белобрысый солист, увидев Шабана, и озабоченно пощупал свою макушку. «А у меня такой нет», — добавил он грустно и, сооротив плаксивое лицо, талантливо захныкал. Новый взрыв гогота не успел достичь апогея — Шабан, прыгнув вперед, сшиб солиста косым ударом под челюсть. Не давая упасть, поймал за ворот, ударил еще, не разбирая куда, чувствуя, что злость никак не проходит, — белобрысый гулко обнял стену и, заваливаясь набок, жалко выставил защищающую ладонь, в моргающих глазах — испуг и непонимание. Схватить, вытрясти из мерзавца душу, пока остальные не опомнились — нельзя, — Шабан спиной чувствовал, что нельзя. Разворачиваясь на каблуке, подавил желание лягнуть отползающего с подвываньем белобрысого, шагнул навстречу раскормленным жвачным мордам, выдохнул-крикнул: «Ну!»

К нему приближались стадом, все сразу. Распаляя себя, подходили медленно, не спеша поддегивали рукава, шерились, ласково ощупывая глазами. Один еще не отсмеялся, гогот ушел в емкое сырое чрево, и оттуда взрыкивало. Убьют, решил Шабан. Вот сейчас кинется первый, а за ним все стадо — затопчут, забьют по-мясницки и только потом начнут жалеть, что забили так быстро, без выдумки, и будут думать, что делать с трупом...

Пятясь к стене, он вытащил из кобуры пистолет, обхватил ладонью ствол — увесистая штука, такая и быка свалит, если по лбу, что и требуется. «А толку? — подумал он, почувствовав лопатками стену. — Ну, оглушу одного-двоих, а дальше? Дальше видно будет, хотя скорее всего дальше уже ничего не будет видно...»

Почему-то они остановились. Все разом. Не решаются? Тот, что впереди обернулся — загривок в потных складках, красный, — о чем-то шепчется с другими в полный голос. Ага, вот оно: «Разведчик, я его знаю». — «И что?» — «Живоглот шкуру снимет...» — «А при чем здесь разведчик?» — и кто-то уже одергивал засученные рукава, кто-то, пряча глаза, отходил в сторону. Шабан все еще продолжал сжимать в руке ствол «магнума», слыша, как в груди прыгает сердце, холодное, как большая лягушка. Перед ним расступились, давая дорогу. «Извиняемся», — прогундосил тот, что шептался, и Шабан вспомнил, что видел его когда-то давно десятником в тоннеле. Он отлепил лопатки от стены и понял, что сейчас никуда не пойдет: ноги норовили зайтись дрожью, и он почувствовал, какая это будет дрожь — не крупная, колотящая, как несколько часов назад, когда попал под ливень, и уж тем более не благородная дрожь гнева и негодования, а мелкий, подленький, трусливый ознобчик, который никак нельзя показывать этим самодовольным животным, чтобы ни у кого из них не хватило духу хрипеть потом: «А вот один передо мною так прямо в штаны и наклал, спроси кого хочешь...»

«Пошли, ребята», — наконец сказал десятник, решив, видно, что разведчик держится стены, чтобы не подставлять зря спину; остальные уже шлепали вниз, избегая смотреть друг на друга, со злобой скашивали глаза в сторону утирающегося белобрысого.

Дождавшись, когда последний из них утащится за поворот коридора, Шабан побрел вверх. Как ни странно, ноги не дрожали, а только очень устали и немели где-то под коленками. Почувствовав, что руку до сих пор оттягивает пистолет, Шабан сунул его в кобуру и не сразу попал. Зря боялся, подумал он и, покрутив головой, усмехнулся: надо же, на этот раз Живоглот спас, вот уж чего не мог себе вообразить. Да и мало ли чего я не могу себе вообразить...

Живоглот... Все его боятся, не один я, а вот все ли ненавидят так, как я? Где уж там. Ненависть — это роскошь, это ведь не каждому дается, а только за большие

заслуги, вроде медали, и чаще всего вместе с переводом куда-нибудь на шельф, чтобы не маячил. Вот и от этих «героев подземных миль» ждать нечего, трусили — и только. Два пугала у них — Живоглот и фоновое излучение, но радиации они боятся все же меньше. И даже повадки у всех сходные, потому что все, что у них есть, помимо работы, — жратва, деньги, обмен моделями да еще, пожалуй, устроить дебош в баре, погонять по коридору канцелярскую крыску. Понять бы их, пожалеть бы, как того требовали великие гуманисты, да как-то не получается. Ведь убили бы, видно было, что убьют или в лучшем случае безнадежно искалечат, и ведь ничего не стоило наставить на них ствол, показать значок или просто удрать, а, как ни странно, даже в голову не пришло, тоже мне вздумал быть щепетильным, словно мальчишка какой-нибудь, начитавшийся приключенческой классики и потому честно считающий, что Добро с кулаками непременно победит. А с кулаками оно — Добро ли? То-то и оно: и так бывает, и этак. По идее, Добро и Справедливость должны быть прежде всего в сером костюме, неплохо бы с галстуком, у школьной доски перед десятком внимательных глаз — вот тогда лет через пятьдесят или сто что-нибудь получится, только все это утопия, сэр Томас Мор и другие, а раз утопия, то вместо кулаков подошла бы, пожалуй, лазерная пушка...

Сзади кто-то догонял, тяжело, с насадной одышкой. Донеслось сиплое: «Погодите!» Шабан обернулся. Это был белобрысый солист, потный, утирающийся рукавом, мордатый. Чего это он, подумал Шабан. Предупреждение, угроза свести счеты? И так ясно, что теперь одному лучше в шахты не соваться. Или он меня глупее себя считает?

Становилось любопытно. Шабан с интересом поглядел на белобрысого, подождал, пока тот отдышится и отплюется.

— Мотор не тянет, а?

— Не-е... Ребята послали извиниться. Фу-уф! — И белобрысый без особого труда проглотил одышку. — Быстро вы, разведчики, ходите, насилиу догнал. Ребята плохого не хотели. Праздник же, ну и выпили немножко, в такой день как не выпить, сегодня разрешено без ограничения. К тому же у большинства срок истекает... Два года в тоннеле как каторжные, сами понимаете, — и все, пробили наконец, прогрызли, даже не верится. А ловко вы меня отделали, не каждый бы так смог, а мы-то, честно говоря, подумали — клерк попался, хомяк сидячий. Так что вы обиды не держите, ладно?..

Было занятно смотреть, как он, сконфуженно моргая, прикладывает руки к сердцу. Действительно артист. Если бы еще не настороженные глазки, которые он так старательно отводит, чтобы выдержать роль, не показать ледяной злобы, совсем можно было бы подумать: раскаивается человек, чуть только не хнычет. Подлец, земноводное, брезгливо думал Шабан. Ударь его сейчас — утрет морду и спасибо скажет. Липкий, как слизень, и голый, как слизень же, насквозь виден. Бойтся, что Живоглоту донесу. По себе судит, гад, но пусть бойтся, это только к лучшему...

Высокомерно пожав плечами, он пошел дальше. Белобрысый отстал. Некоторое время из-за поворота были слышны его шаги, потом шаги заторопились, быстро удаляясь — белобрысый спешил догнать свою компанию, — и вскоре далеко внизу еле слышно зазаяли голоса: не то белобрысый получал от сотоварищей внушение за недогадливость, не то компания добралась уже до гаража и скручивала в бублик диспетчера на предмет выдачи вездехода.

Ну и черт с ними, безразлично подумал Шабан. Он попытался заставить себя думать о комедийно закончившейся стычке, но не это сейчас было главным, и мысли упорно не лезли в искусственное русло. Стычка произошла слишком давно и не с ним, была забыта, выпала в прошлое на тысячу лет, а историки, как известно, врут и путают. Догадка подтвердилась — теперь Шабан твердо знал, что тоннель окончен. Когда-то он часто пытался представить себе свои ощущения, когда узнает об окончании тоннеля, — что это будет: гнев, отчаяние или, может быть, то и другое вместе? Во всяком случае, не восторг, как у большинства, это он знал точно. Все оказалось совсем не так драматично, как можно было себе представить, и он с удивлением понял, что не был готов к этому. Оказывается, не так уж это страшно, когда все вокруг переворачивается, подумал Шабан, входя в боковой коридор, — лишь бы и ты переворачивался в ту же сторону. А может быть, все это бред, и мир, наоборот, встает с головы на ноги?

Хорошая мысль, комфортная. Приятно так думать, а уж если быть с собой совсем честным, то приятно и наоборот, когда все за, а ты один против и упиваешься раздражением, благоразумно не показывая виду... Да нет, ерунда, я просто устал. Нельзя ни о чем думать, кроме постели, когда так усташь, непременно отыщешь философский тупик там, где его сроду не было, и спать не захочешь, а назавтра: «И дурак же я вчера был!»

Кабинет Позднякова оказался запертым. Шабан бесполезно подергал дверную ручку. «Нет приема, — с неприятными интонациями только что разбуженного человека ответил дверной автомат. — Не рвите ручку и приходите в приемные часы».

Конечно, его разглядывали. Видеоанализатор прятался где-то здесь, скорее всего в самой двери. Спohватившись, Шабан расстегнул куртку, обнажая служебный значок второй степени. «Очень сожалею, но шефа действительно нет, — смягчился голос, меняя тембр, — теперь это было бархатное контральто. — Если у вас срочное сообщение, пожалуйста, подтвердите это, и я попробую с ним связаться. В случае секретности сообщения категории выше третьей, согласно инструкции, передайте информацию в спецархив. Ближайший пункт приема информации находится...»

Шабан повернулся и побрел обратно. «Всего вам доброго», — задушевно сказал в спину автомат. И тебе того же, подумал Шабан, волоча ноги. Опять мимо. А было бы неплохо вот так и явиться к начальству, всклокоченным, с грязью в отросшей щетине, разнузданно ввалиться в ореховый кабинет, сжимая кулаки, провонявшие чужими мордами, принести с собой хотя бы запах того, что творится вовне, а там — рывкнуть, взорваться, заорать, что так дальше нельзя, и, может быть, тогда удастся увидеть — нет, не понимание, куда там, — хотя бы испуг, и то хорошо...

Нет, поправил он себя. Не выйдет. С Поздняковым так не получится, не такой человек Поздняков. В лучшем случае возьмет за плечо и снова скажет: «Нельзя, Искандер, нельзя». Вот с Живоглотом можно бы попробовать, если припрет: слишком уж он властен, не может быть, чтобы не испугался человека, который его не боится. Хм... можно подумать, что я его не боюсь. И не только его, если разобраться. А хуже всего то, что меня даже устраивает, что Позднякова не оказалось на месте: развлекается, должно быть, как все, и значит, можно опять не торопиться с трудным разговором, тем более что пар я уже выпустил — солист со своим сопрано кстати подвернулся, — могу теперь без особого насилия над собой и завтра ничего не сказать, и послезавтра... И почему я, собственно, решил, что буду себя плохо чувствовать, если не вмешаюсь, один против всех? Очень может быть, что не так уж плохо...

82 Кровать была замечательная, распростертая на половину комнаты, предмет зависти, не какая-нибудь от-

кидная полка. С наслаждением задвинув за собой дверь, на которую тут же обрушилась волна праздничного гула жилых ярусов, Шабан не раздеваясь плюхнулся на постель животом, затряс ногами, сбрасывая форменные боты. Расправившись с ботами, он уткнулся лицом в подушку и замычал от удовольствия. Спать не хотелось. Когда это я успел выспаться? — попытался вспомнить Шабан. Ах, ну да, в вездеходе. Тоже нашел место... Он вспомнил испуганную физиономию Роджера и улыбнулся в подушку. Младенец все-таки, хоть и не совсем простак... Расстроился ужасно, когда ему так и не удалось связаться с Базой, и когда я попробовал, тоже не удалось — теперь-то понятно почему, — и, значит, чужакам в уцелевшем вездеходе удача улыбнулась во весь рот, имеют теперь неплохой шанс уйти живыми. Теперь, помимо тоннеля, еще забота — что-то предпринять, чтобы он не разболтал про дым в ущелье.

Кстати, откуда там дым? С ума они, что ли, походили? Наведаться бы туда, да в одиночку могут не выпустить — не Роджера же брать с собой. А если дым от того, что их накрыли?.. Шабан почувствовал нервный озноб. Вот это плохо. Хорошо бы осторожно прозондировать Позднякова: если беглецов накрыли, то он должен знать, но страшно — может догадаться, умный он, когда не надо, куда мне до него...

Под боком промялась и зашуршала постель. Конечно, это была Лиза, кто же еще мог войти так, чтобы не было слышно ни шума шагов, ни колыхания воздуха. Она всегда ходила бесшумно, но далеко не по-кошачьи, а скорее парила, едва касаясь ступнями пола, будто ее тело уже подхватил воздух, а ноги по милой забывчивости еще переступают по-прежнему. Так кошки не ходят. Мягкие руки, теплое дыхание, коснувшееся шеи. Шабан подумал, что волосы у нее, должно быть, сейчас распущены светлым водопадом, струи льются на плечи и на лицо поверх счастливых глаз, но не было сил повернуться посмотреть на нее. Она легла рядом, обняв за плечи, прижалась к нему, поцеловала в шею, и Шабан неприятно ощутил, что шея у него грязная и даже не вспомнить, когда мыл ее в последний раз, хотя, конечно, мыться перед разведкой самое бессмысленное занятие.

— Нет, нет, моя девочка, — пробормотал он нехотя. — Не могу я сейчас ничего, тошно мне, не человек я сейчас — кит на отмели, пес побитый, облезлый. Ты же у меня умная, все сама понимаешь.

Она понимала. Быстро поцеловав, отстранилась, спросила: «Ты голодный?»

— М-м-м-м... — промычал Шабан. — Разогрей чего-нибудь. Только не сейчас, попозже. Через часок, если не засну. — И Лиза опять придвинулась, обхватила его руками, прижалась, что-то нашептывая, и смысл ее слов не доходил до Шабана, но ему был нужен этот шепот, и он блаженно расслабился, чувствуя, что под ее руками перестает ощущать границы своего тела и, может быть, в первый раз за много дней по-настоящему счастлив. Но Лиза вдруг приподнялась и затрясла его за плечи:

— Ты не спи. Слышишь, не спи! Я не хочу опять одна. Целый день одна и на прошлой неделе три дня подряд одна. Сегодня был праздник, и опять тебя со мной не было. Зачем ты уходишь? У тебя всегда злое лицо, когда ты собираешься уходить. Это оттого, что у тебя пистолет, да? Ты же не военный, зачем тебе пистолет? Ты всегда бросаешь кобуру в угол, когда возвращаешься. А сегодня не бросил. Потом ты опять уйдешь на несколько дней, и я опять останусь одна. Я не хочу. Почему мне нельзя всегда быть с тобой?

— Как прошел праздник? — поинтересовался Шабан, переворачиваясь на спину.

— Замечательно! — Лиза захлопала в ладоши. — Было так весело! Сначала что-то говорили. Я ничего не поняла, но люди вокруг кричали и смеялись. Потом заиграла музыка и снаружи начали пускать в небо цветные огни. Я в окно видела: много-много красивых огней, и все вокруг смотрели и радовались. А один огонь упал на вышку, и человек, который был на вышке, долго кричал и махал кулаком, а все люди смеялись и показывали пальцем. Я тоже показала пальцем, а люди увидели меня и опять засмеялись. Это так странно, когда люди смеются. Потом в небе прошли воздушные корабли, но это было уже неинтересно. А люди стали вдруг танцевать прямо в коридоре, и один из них захотел, чтобы и я с ним танцевала. Мы долго танцевали, а вокруг люди уходили и приходили и снова танцевали. А один начал шататься, как больной, и упал на пол, и все очень громко засмеялись. Они говорили, что он очень много выпил из бутылки. Тот, с которым я танцевала, тоже хотел, чтобы я выпила из бутылки, но я не стала пить, потому что ты говорил, что мне этого нельзя. А потом он пошел за мной по коридору и все уговаривал меня пойти к нему в комнату, и еще двое шли сзади и смотрели. Это было так смешно! Он стал хватать меня за плечи и тянуть в комнату, но я сказала: «Нет», и он странно посмотрел на меня, и те, другие, тоже. Потом он отпустил меня, и все они ушли. А я пошла домой и увидела тебя.

— Когда-нибудь доиграешься до того, что дашь себя изнасиловать, — хмуро сказал Шабан.

— Что такое «изнасиловать»? — спросила Лиза.

— Как бы тебе объяснить подходчивее... Сама узнаешь, если и дальше будешь своевольничать. Я же тебе ясно сказал, чтобы не смела разговаривать с чужими. Кто тебе разрешил?

— Я забыла, — просто сказала Лиза.

— Забыла, — процедил Шабан. — З-забыла! — «Ты даже не представляешь, что теперь будет, — подумал он, впиваясь ногтями в подушку. — Да, девочка, язык твой длинный — враг твой и мой, и выходит, что учи тебя не учи, а как была дурочкой, так дурочкой и осталась, несмотря ни на что. Забывать, значит, научилась. Ох не вовремя, и ведь забыла именно то, что никак нельзя было забывать».

— А больше ты ничего не говорила, одно только «нет»?

— Больше ничего, — сказала Лиза. Она улыбалась. — Только пела. Когда летели воздушные корабли, из стенки заиграла громкая музыка, и кто-то запел, и все вокруг тоже начали петь. Ты мне говорил, что это гимн. И я пела... те слова, которые знала. Теперь я выучила все слова. Там есть непонятные слова, но я их все равно запомнила. А что такое: «Славой героев пространства озарены на столетья»? Кто озарен? Хочешь, я спою тебе это место?

— Нет уж, — сказал Шабан. — Обойдусь как-нибудь. Кстати, кто-нибудь слышал, что ты тоже пела?

— Нет. Кажется, нет. Музыка играла очень громко, и тот, из стенки, пел громче всех. Остальные как будто только рты открывали, ничего слышно не было.

— Ну ладно. Теперь расскажи, как выглядел тот, который тащил тебя в комнату. Ну там характерные особенности, родинка на носу, например, или, может, он головой тряс? Может, ты его раньше где-нибудь видела?

Лиза покачала головой и по-детски положила подбородок на руки.

— Не видела. Обыкновенный он был. Как все. Потный, липкий. Я даже не запомнила его как следует. А зачем тебе?

— Зачем, зачем... Какая хоть комната?

— Раз, два... — Лиза старательно загибала пальцы. — Четыре. Значит, четвертая комната от первого поворота налево.

— Ага, — сказал Шабан. — Этого знаю. Его зовут Редла-Штуцер, прозвище у него такое — Штуцер, жмот по снабжению. С ним я договорюсь, жучок он мелкий, на

поводу ходит и кругом должен, деньгам рад будет. А те двое, что паслись сзади?

— Один маленький, худой и какой-то темный. Кашлял сильно. Вообще-то я его не очень рассмотрела.

— Это Ли Оммес, — сказал Шабан. — Этот будет молчать. Всегда молчит, даже когда себе во вред. А третий?

— Третий краси-и-ивый, — протянула Лиза. — Высокий, прямой, волосы вьющиеся. Вот так, мелко-мелко, — она покрутила пальцем, — целая шапка волос. Как будто ненастоящие. Когда они уходили, он обернулся и еще раз посмотрел на меня. А разве так бывает, чтобы люди ходили без значка?

— Что? — спросил Шабан. — У него не было значка?

— Не было, — улыбнулась Лиза. — Я думала, я тебе уже сказала. А что это значит, когда нет значка?

— Это значит, что значок у него лежит в кармане. Есть, значит, причина. Не нужен он ему на виду, понимаешь?

Лиза серьезно кивнула, и Шабану на миг почудилось, что она и впрямь поняла, но он знал, что это невозможно, как невозможно научить ребенка говорить сразу с рождения, хоть наизнанку вывернись, все равно ничего не выйдет. И конечно, Лиза была не виновата, виноват был он сам — и в том, что произошло, и в возможных последствиях. Мысленно он в сотый раз обругал себя и тот день, когда разрешил ей выходить в коридор. Нельзя было. Теперь вот мучайся неизвестностью... Так тебе и надо, кретин, честно заработал, это тебе не лазером жечь. Если узнают, что она умеет разговаривать, церемониться не станут...

Он пожевал закусенную губу и, почувствовав боль, вытолкнул губу на место. Человеком без значка мог быть только Гебрий Биртолли, журналист, и не какой-нибудь беззаветно загнанный начальством корпящий страдалец из местной газеты, а специально явившийся с Земли на открытие тоннеля корреспондент «Единого Ежечасного Курьера», известная фамилия, и непонятно, как он себя поведет теперь, когда услышал Лизин голос, потому что вряд ли не понял что к чему. Наверное, понял, раз Лиза говорит, что, уходя, обернулся, подумал Шабан, — хотя, конечно, Лиза женщина красивая, почему бы ему не обернуться? Штуцер вот тоже оценил, а оценивши, возжелал и, должно быть, хватал не только за плечи, знал, сволочь, что от нее по физиономии вовек не дождешься. Ладно, со Штуцером мы еще разберемся, зато теперь есть предлог начать разговор с Биртолли — дав-

но хотел, не знал, с какого боку подойти. Теперь проще: «Дошло до моих ушей, о недостойнейший из высокородных, что вы осквернили взглядом лик моей жены, так пусть Аллах рассудит спорящих. Ятаган при вас?» Надо же, дрянь какая в голову лезет... А потом плавно перейти к делу, все же Биртолли — это вариант, говорят даже, что он когда-то специализировался на политической экологии, знатный был скандалист, и в принципе вариадонты могут его заинтересовать... Но все-таки скверно. Очень скверно.

— Ты уже не сердисься? — спросила Лиза.

— Нет, — ответил он. — Хочешь, я включу тебе газету?

Об этом можно было не спрашивать. Она радостно взвизгнула и хлопнула в ладоши. Восторг у нее проявлялся непосредственно, как у ребенка. Вернулся муж, и муж не сердится, муж сейчас включит газету, и все будет хорошо, подумал Шабан. Ох, Лиза, Лиза, девочка моя...

Он включил газету и, когда посередине комнаты между потолком и полом повисли крупные желтые буквы, осторожно убрал стабилизацию. Для пробы сильно дунул — через секунду край текста начал загибаться назад, колыхаясь, как занавес. По давней привычке Шабан пробежал глазами первые строчки — так и есть, текст оказался праздничным приветствием Правительственного Совета. Цвет букв показался ему слишком ярким, и, поморщившись, он заменил его на темно-коричневый. Лиза радостно засмеялась, и тогда он кивнул: «Давай, малыш, можно». Она соскочила с кровати и, легко подбежав к газете, взмахнула руками снизу вверх, будто выпускала в небо птицу. Газета всколыхнулась, рассыпалась, и буквы разлетелись по комнате, ударяясь о стены, рикошетом отскакивая от пола. За границами силового поля они постепенно теряли форму и становились прозрачными, в конце концов исчезая насовсем. Лиза со смехом гонялась за разлетающимися буквами. Набрав пригоршню, она с жадным любопытством смотрела на ладонь и, когда буквы пропадали, растерянно оглядывалась по сторонам. Эта игра ей никогда не надоедала. Шабан знал, что она хитрит, на самом деле растерянностью тут и не пахнет, а вот сейчас она лукаво посмотрит на него и улыбнется... Хорошая все-таки у нее улыбка.

Он закрыл глаза. Лиза, гоняющаяся по комнате за буквами, была привычна, но Лиза, поющая гимн, определенно не укладывалась в голову. А еще говорили, что ей никогда не удастся превзойти уровень двухлетнего ребенка, дес-

кать, модель не человек, куда ей... Он поморщился, поймав себя на том, что назвал Лизу моделью. Жена. Женщина, лучше которой нет и не будет. Никогда.

А если и будет, то я этого не хочу, подумал он. А перспектива есть, особенно если Штуцер успел уже наболтать. Потом как ни кричи, что она мне жена, что она человек, а прикажут отдать — и отдашь, и лучше бы не знать о том, что они с ней сделают. Плохо, что я это знаю. Переговорить со Штуцером сегодня же, сейчас же, пока еще не поздно, а потом уже с Биртолли. Или наоборот? Лиза, Лиза... Сколько шишек сегодня набил и не думал, что последняя будет от тебя. А ты опять улыбаешься. Не спорь, я вижу. Ты всегда улыбаешься. Ты не умеешь плакать, они отняли у тебя даже это. Но это ничего, когда-нибудь я тебя научу, человек должен уметь плакать. Но все же лучше улыбайся, мне бывает хорошо, когда ты улыбаешься...

...Когда в дверь ударили второй раз, не кулаком и не ногой, а чем-то тяжелым, Шабан уже пружинил на ногах сбоку от двери. Как скатился с кровати и, оттолкнув Лизу, метнулся к стене, он не почувствовал. Первое, самое ценное мгновение было выиграно, и теперь он с удивлением увидел свою руку уже на рукояти пистолета, а кобура словно и всегда была растегнута. Он почти развеселился — вот они, рефлексy, — но в дверь снова ударили, и тогда он медленно извлек пистолет. Снаружи били размеренно, упорно, и оттуда, заглушая уже порядком затихший праздничный шум, доносилось тяжелое злое сопение. Охрана?.. Неужели Штуцер уже разболтал?..

Лиза, не удержавшаяся на ногах, когда Шабан ее оттолкнул, поднималась с пола, все еще нерешительно улыбаясь. Она не понимала.

— Укройся там, — приказал Шабан, указывая рукой на спинку кровати. — И не высовывайся.

«Будут стрелять или нет? — билась в голове мысль. — Пока не сломают дверь, наверное, не будут — не только дверь, а и себя берегут, а потом?»

В дверь заколотили сильнее. Шабан медленно пятился: стрелять с близкого расстояния было бы самоубийством. Найдя ошупью дверную кнопку, он оглянулся на Лизу — она съежилась позади кровати, правильно закрывая руками голову, будто всю жизнь только этим и занималась. Было не разглядеть, улыбается она или нет. Шабан облегченно вздохнул и с силой вдавил кнопку в стену.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Тьфу ты, — сказал Шабан, убирая пистолет. — Я думал, тебя давно след простыл.

— Н-не простыл, — объяснил Менигон. Он был пьян и выглядел вызывающе. В нос Шабану ударил резкий запах дешевого алкогольного суррогата, и Шабан, брезгливо пожав протянутую для приветствия руку, отодвинулся. Менигон немедленно воспользовался этим и, шагнув в комнату, попытался задвинуть за собой дверь. Руки его не слушались.

— Не хапай дверь, — холодно сказал Шабан. — Здесь кнопка.

Он тут же пожалел о сказанном: пока Менигон был в дверях, его еще можно было выставить. Теперь это превращалось в проблему. Он войдет и будет говорить, говорить, то проникновенно, то горячась, размахивая лапами и брызгая слюной; будет объяснять, почему он поступил именно так, а не иначе; будет захлебываться словами, ненавидя собеседника и в то же время всячески пытаюсь убедить его в истинности только что пришедшего в голову абсурда. Или вдруг начнет каяться? И то, и другое — противно. А он будет стараться, пока не выбьется из сил и не заснет прямо здесь, то ли на полу, то ли на кровати, — и тащи его потом за ноги в коридор. Он не понимает, что все уже сказано, да и что тут еще скажешь, если при исторической сцене прощания каждый высказал все, что думал о другом. Все без остатка и сверх того еще многое, о чем лучше не вспоминать. До драки не дошло, и на том спасибо.

— Я д-думал, ты мне т-теперь и руки не подашь, — сказал Менигон, держась за стену. — А ты... — он вдруг икнул и качнулся, — а ты — п-подал. Руку.

— Я ее потом вымою, — пообещал Шабан. — Зачем пришел?

— Зачем?.. — На длинном лице Менигона отразилась работа мысли. — А и правда — з-зачем? Чего я у тебя не видел? Д-девку твою говорящую не видел? Я сам говорящий. И как говорящий говорящему я тебе говорю: н-не знаю я, зачем к тебе пришел. И ты не знаешь, — он вдруг выпрямился и бесцеремонно ткнул Шабана пальцем в грудь, — хотя тебе к-кажется, что ты знаешь. И она не знает... вон та, что за кроватью. Пришел вот, и все. Эт-то факт. А с ф-фактами нужно об-бращаться — ик! — осторожно... Во-от!

Шабан пошарил ногой вокруг себя, нашел обувь. Ему было тяжело. Не так уж легко терять друга, особенно когда человек, которого считал другом, приходит вроде бы неизвестно зачем, а на деле — искать понимания, и приходит в скотском состоянии, потому что иначе не может... Менигон — конечный. Теперь он эксперт, уважаемое лицо в агентстве по торгу и найму, да еще на Земле, не где-нибудь. Он сделал выбор и начал дрейф по течению, отдавая себе отчет в том, что неизбежно усилит это течение, и надеясь в душе, что усилит не слишком сильно. Это даже не предательство, подумал Шабан, зря я его тогда облаял. Это просто старость. Голову в песок, и ни о чем не думать. Но он не сможет ни о чем не думать, очень он непрост и поэтому будет мучиться, пока сам не поверит в какое-нибудь выдуманное на свежую голову оправдание. Вообще-то Менигон — несчастный сдавшийся человек и, наверное, достоин сочувствия, только шел бы он сейчас к чертовой матери...

— Тебя не ждут на космодроме? — осторожно напомнил Шабан. — Между прочим, не советую тянуть с ренатурализацией. Лучше сделать здесь, а то на кораблях сам знаешь, какая халтура.

— На корабля-ях... — протянул Менигон и злорадно усмехнулся. — Врешь ты все, Искандер. Оп-пять врешь. Нету никаких кораблей, один к-корабль есть, да и того, честно сказать, нету. Где он? — Менигон оглянулся, будто в самом деле рассчитывал найти в комнате корабль, и развел руками, но тут же снова схватился за стену. На его лице появилось горькое выражение. — Нету! — обиженным голосом повторил он. — Нигде. Я теперь думаю: а может, его и не было?

— Твой корабль на космодроме, — сказал Шабан. — И я тебе настоятельно советую не тратить здесь времени. Упустишь рейс — застрянешь еще на полгода.

Менигон погрозил ему пальцем. Палец был желтый и косявый, как у не вполне высохшей мумии.

— В-выгнать хочешь, — сказал он утвердительно. — Все меня гонят. Биртолли, хлыщ, на порог не пустил, Штуцер — ик! — и тот выгнал. А от тебя я не уйду, и не надеюсь. Здесь б-буду. Ты думаешь, М-менигон не в своем уме? Это ты не в своем уме, коли п-понять не хочешь... Не пускают никого в корабль, понял? И эк-кипаж не пускают, во! Охрана там, и даже не пьяная. М-морды! Ласково так заворачивают, с приб-баутками. А кого и п-побили.

— Так ты не улетаешь? — не поверил ушам Шабан.

— Ул-летишь тут, когда рейс отменили. Не отложили — эт-то ты заметь! — отменили. Р-раз — и нет рейса. Сплыл. Д-два — оглянулись, — а отменять-то больше и нечего. А им мало, им еще хочется. И потому — впер-ред! От-менить! — Менигон возвысил было голос и снова опустил до шепота. — Меня отменят. Тебя... — ик! — отменят. Всех...

Его голова поникла и вскинулась толчком, как резиновая. Он деревянно качнулся вперед и поймал Шабана за рукав.

— Потому что праздник, — сказал он с чувством. — Потому что радость, это ты понимаешь? А? Ты вообще-то понять способен? Гордость — понял? Радость! Я только сегодня понял, что такое радость. Это когда праздник, когда поют гимн и н-никто при этом не ржет и не х-хлопает себя по задку. Я сам пел! Даже прослезился, если хочешь знать, сам от себя не ожидал. Святые слезы! Оч-чищение — понял? И я теперь чист перед всеми вами, перед всем дерьмом вашим, и если меня не п-пускают в корабль, то только потому, что я чист, хоть и сам в дерьме, а это их не у... удовлетво...выворяет, им нужно, чтобы я был в дерьме и к тому же еще и грязен, тогда будет можно... А я чист! — Менигон ударил себя в грудь и, не рассчитав, отлетел к двери. Здесь его колени разом подогнулись, будто сломались, он сел на пол и уронил голову на грудь.

Лиза, поднявшаяся наконец из-за спинки кровати, села на постель, смотрела на Менигона своими огромными детскими глазами, и Шабан, поймав ее взгляд, полный непонимания, подумал, что сам ничего не понимает. И уже не старается понять.

Такой Менигон был попросту невозможен. За три года общей работы Шабан видел его всяким. Он видел серьезного и сосредоточенного Менигона. Менигона осторожного и расчетливого. Менигона хладнокровного и насмешливого. Менигона — хулителя, фрондера и хама. Один раз даже — Менигона добродушного. Мертвецки пьяного Менигона он тоже видел. Но не такого.

— Шел бы ты спать, — неуверенно сказал Шабан. — Поздно уже.

Менигон зашевелился, с трудом, хватаясь за стену, поднялся на ноги и горько покачал головой.

— И все равно я улечу, — упрямо сказал он. — Не этим зв... звездолетом, так следующим. Ч-через полгода улечу. Ч-через год. Во они меня здесь удержат! Пешком дойду! —

Он запнулся и завращал глазами. Было видно, что последняя мысль его ошеломила и поразила новизной. — Уйду, — повторил он с воодушевлением. — От вас от всех. К-как там у Баруха? Э-э... Да! «Мы уйдем по утренним звездам, и наши шаги...» Э-э... наши шаги... Шаги наши... м-м-м... ик! Не помню. Дальше-то как?

— «И наши шаги смешают во лжи добро со злом, и там, где мы ступим, не выпадет дождь и не опустится снег, и звезды будут гаснуть под нашей пятой и разгораться вновь там, где мы прошли, сжигая за нами боль наших слов и смрад наших тел, и не мигнут нам на прощанье», — закончил Шабан и, бросив взгляд на Лизу, заметил, что глаза ее затуманились. Она не просто слушала, она, кажется, услышала! Шабан почувствовал сладкую жуть, как всегда, когда открывал в Лизе новое. Она проснулась, подумал он. Она уже не заснет и уже никогда не станет просто моделью. Может быть, она когда-нибудь станет человеком. Может быть.

— В-вот я и говорю, что он был сумасшедший, — тянул Менигон, шлепая губами. — Я-то его уж не застал и знать не знал, а старик Гийом и справку видел. П-помнишь ст-тарика? Ну, тот, что тебя тогда в баре спас, когда тебе чуть ухо не откусили. Гхы! Шизофреником был твой Барух, ты сам это знаешь не хуже меня, да только кто-то придумал, будто говорить об этом н-не принято. К-кем не принято, я спр-рашиваю! Т-тобой? Девкой твоей паршивой не принято? — Менигон вдруг рассвирепел. Он уже не говорил, а рычал, брызгаясь. — Вот этой твоей игрушкой для постели не принято? Стервой твоей сексуальной? Смирно стоять! Ты, тебе говорю! Пшла!

— Пусть он уйдет, — робко вставила Лиза. — Я не хочу. Он страшный.

— Пошел вон, — с ненавистью сказал Шабан. — Дверь сам найдешь?

— А вот это ты видел? — кричал Менигон. — Д-дверь ему! Зря стараешься. Я от тебя никуда не уйд...йду, я твой наставник, если знать хочешь, меня Поздняков, свищ этот геморройный, еще когда накачивал: присмотри, мол, за этим... как его? За тобой то есть, чтобы, мол, сглупа не гробанулся, во! И т-ты, молокосос, см-меешь меня гнать? Меня, куст ты ползучий! Наста-а-авника, дрянь, своего! Кому ж-жизнью... ик!.. и в-вовек не расплатишься! Гад! Я т-твой наставник, понял? — и я тебе сейчас н-наставлю...

— Но-но, — пробормотал Шабан, отступая. —

Но Менигон уже размахнулся. Потеряв при замахе равновесие, он попятился, силясь не упасть. Занесенный костлявый кулак тянул его назад, как магнит, на длинном желтом лице обозначились удивление и озабоченность. Шабан поймал его под мышки и потащил вон из комнаты. Менигон цеплялся за дверь. Потом он обмяк, перестал сопротивляться и позволил оттащить себя и поставить нетвердым столбом посередине коридора. «В случае чего дверь успеет захлопнуться, а там пусть себе ломится, — брезгливо подумал Шабан. — Охрану вызову».

— В-выгнал, — с горьким удовлетворением сказал Менигон. — И ты выгнал. Не пожалел. Отца родного, можно сказать, дайн либер фатер... Фатер фатеру — люпус. Волчий закон, понял? Это прерия. Дура лекс сед селяви... Стыдно теперь, а? А ты вот что... — Менигон качнулся вперед и неожиданно вцепился в комбинезон Шабана с такой силой, что на груди затрещало, — ты п-проводил бы меня, а? Я в-ведь один не дойду, я теперь на другом яру...русе, опять уступил м-молодежи... Проводишь? Ну, не надо, в-вижу, что не хочешь... А ты через не хочу, а? Ты т-только попробуй, и не стыдно тебе будет, а хорош-ш-шо, так ведь? А?

От него резко несло алкогольным суррогатом. Порошком ползучего гриба тоже пахивало. Влажный мясистый нос свисал к подбородку, как сталактит. Шабан попытался отстраниться.

— Н-нет уж, — мычал Менигон. Разжать его хватку было невозможно. — Н-нет, ты уж меня доведи-и... ик! Т-ты знаешь, когда ид-дут двое пьяных, они сшш...шатаются по а-амплитуде в к-корень квадратный из двух б-больш...сшей, чем когда идет один. В-выпив-вший. Вот. А к-когда из двух ид-дущих только од-дин пьян... в-выпивш...ий... да! — то амплит-туда в к-корень из двух меньше, и ты вот это, я думаю, п-понимать должен, потому что г-голов-ва у тебя светлая, хоть и с п-плешью...

Длинный коридор был почти пуст, только в дальнем конце маячил кто-то, и Шабан порадовался тому, что их не видят. Потом он понял, что они уже идут в обнимку, и покорился, чувствуя, что давно ему не было так тошно. Хотелось взвыть. Проклятое место эта Прокна, медленная убийца тех, кого не смогла убить быстро. Она их жрет. Вот Менигон, который был человеком. Даже редким человеком. Где он? Вот эта развалина, пускающая слюни, вот эти руины? 93

Наверное, и Поздняков когда-то в молодости был неплохим парнем, а жизнь этого неплохого — об колена, об колена! С хрустом. Чтобы знал, что для того, чтобы ползти вперед, нужно быть скользким. И он старается, ползет по спинам других, устилающих ему дорогу, — он и рад бы не по спинам, да не выходит, не по спинам здесь мало кто умеет, а тот, кто умеет, тот чаще всего не хочет, потому что противно и без того, и не видно цели. Тот же Ли Оммес. Еще Тосихидэ, Гупта, Адам Панчев, прозванный, разумеется, Евой, да мало ли кто еще...

Мало, мрачно подумал Шабан. То-то и оно, что мало. А может быть, дело в том, что мы не сапиенсы? Есть же какие-то отличия, и не только в химии организма, а и в психологии тоже, об этом написаны труды, надо попробовать почитать, если будет время. Только времени скорее всего не будет. На нужное дело никогда не бывает времени, вечно чем-то занят: разведкой, снаряжением, обработкой результатов, начальством. Иногда даже своими мыслями, хотя проку от синдрома никакого. Мысль — продукт разума, почему-то пришло на ум. Но тоннель сквозь хребет — тоже продукт разума. И разум продуктом разума убьет чужой разум, не задумавшись и, вернее всего, даже не заметив. И может быть, уже убил...

Менигон совсем обвис, еле двигал ногами и цеплялся за шею. Шабан, морщась от гадливости, поддерживал его под мышки. Недалеко впереди с тихим жужжанием уехала в стену дверь чьей-то комнаты, оттуда вышел некто румяный и розовощекий, со служебным значком пятой степени, по виду — мелкий чинуша из конторы, и, увидев разведчиков, панически заметался и юркнул обратно. Дверь за ним схлопнулась, как выстрелила. В прежние времена Шабан не удержался бы, чтобы не хряпнуть с разбегу ногой по этой двери, а затем прислушаться и с удовлетворением услышать, как клерк с грохотом баррикадирует вход и как он срывающимся голосом кричит в интерком, пытаясь вызвать охрану. А потом смыться. И получить на весь день заряд бодрости и хорошего настроения. Правда, эта забава всегда была связана с некоторым риском. Если охрана со скуки и в самом деле не станет развлекаться, давая настырному клерку плоские советы, а прибьет на сигнал незамедлительно, будет худо. Люди здесь злы. Может быть, потому, что у них нет домашних животных, подумал Шабан. Кошечек бы неплохо натурализовать, морских свинок. Мне бы тоже иметь какую-нибудь свинку, пусть Лиза чешет ей за ухом. А что, это идея. Заведу

себе Менигона на поводке, буду его выгуливать вдоль коридора... Или лучше заведу себе белого клеща.

Позади зажуужала еще одна дверь, кто-то грузным шагом вышел в коридор и остановился. Из-под руки Менигона Шабан оглянулся и обмер. Это был сам Юстин Мант-Лавиц, бессменный шеф отдела Особой Охраны и приданных подразделений, он же Живоглот, маленький, квадратный, с газончиком блеклых волос на крупной шишковатой голове. Он смотрел вслед и улыбался.

— Стара, ст-тара ты, Эльп-пиника! — воскрес вдруг Менигон и снова уронил голову.

Шабан невольно прибавил шагу. Встреча с Живоглотом — это никуда не годится. Казалось бы, что тут такого: бредет человек со второй степенью на значке, представитель уважаемой касты разведчиков, влачит уставшего товарища. Праздник же, все мы люди. А этот смотрит, будто увидел невесть что, и улыбается. При этом никто не знает, что он предпримет в следующую минуту, когда под бугристым черепом произойдет раскладка по чашкам весов, и чем это обернется для представителя уважаемой касты. И улыбается. Точно так же он улыбался, глядя, как его молодцы рвали на куски беднягу Эрдюю — ходят слухи, что Живоглот лично вырезал ему язык, осмелившийся (гы-гы!) пролепетать что-то о злоупотреблении властью...

Впрочем, скорее всего это легенда. Но характерная, поэтому говорят об этом шепотом и оглядываясь. А чаще всего молчат, и правильно. Наверняка все было гораздо проще, без вырезанных языков, без кровавой жути из детских ночных рассказов; гораздо обыденней, а потому страшнее. Но улыбочка Живоглота была, потому что не быть ее в тот момент не могло. Это уж у него с рождения — работа в радость. Он улыбался и тогда, когда на последнем усмирении приказывал затопить газом близлежащие норы убегунов, — а вот это уже не легенда, а документированная быль, и на кадрах хроники Живоглот жмурится, как сытый кот. Он любит улыбаться, и улыбка у него ласковая.

Кое-как свернули в боковой коридор, и Шабан утер со лба пот. С Живоглотом лучше быть в разных коридорах. Еще лучше — на разных ярусах, а самое заветное и недостижимое — на разных планетах. Чего это ради Менигон плел, будто Живоглот мне покровительствует? Или это мне приснилось? Чушь какая-то. Он же феодал, ему вассалы нужны, а я быть вассалом не умею. Я умею быть государственным служащим. В

государстве с населением десять тысяч человек — одна трехсотая человека на километр квадратный — не мешало бы всем и каждому чувствовать себя государственными служащими. Но это тоже из области снов.

— В-в лифт не п-пойд-ду, — опять очнулся Менигон. — Гхм! Бху! В в-винтовой в-веди...

Шабан и сам не хотел в лифт. Хватит встречи с Живоглотом, совсем не обязательно напарываться на прочее начальство, особенно на Позднякова. Могут быть неприятности. Менигон спяну полезет обниматься или впадет в буйство — и не видать ему Земли, не быть ему экспертом. Пусть уж лучше летит. Пусть катится «по утренним звездам», и как можно скорее. Месяца через два он будет на Земле, ошалевший от радости, потом отдышится, попривыкнет, а там, пожалуй, начнет скучать и окрашивать воспоминания о Прокне розовой акварелью, утвердится в своей правоте и года через три окончательно сопьется. Жаль, на Земле нет ползучего гриба.

Ага, вот и винтовой коридор, апогей обходного маневра. Дверь уезжает в стену медленно, со скрипом, ей совсем не хочется в стену. На двери вмятины: не то усталостная деформация, не то кто-то бился головой. Очень громко хлопает за спиной — вот вам всем! Так, теперь куда? Шабан притормозил набравшего инерцию Менигона и сам остановился, соображая. Вверх или вниз? На каком он ныне ярусе?

— Теперь хватит, — совершенно спокойным, ровным голосом сказал Менигон и отпихнул Шабана рукой. — Устал, поди. Все, цирк окончен.

Шабан остолбенел. Перед ним стоял прежний, хорошо знакомый Менигон со знакомой усмешкой в морщинках вокруг желтых глаз, разве что чуть более озабоченный, чем обычно. Чуть более сутулый, с длинными свисающими руками, с фигурой, похожей здесь, на наклонном выщербленном полу, в скудном свете заросшего пылью потолка, на огромную тощую человекообезьяну, зашедшую в эволюционный тупик. Не был он пьян, и не был он чист, даже если в самом деле тянул со всеми гимн, отрывывая и притоптывая в такт, даже если прослезился, — плевать ему было на гимн и на светлые слезы под праздничную выпивку без ограничения.

Шабан почувствовал себя дураком, обиженным ни за что. Поделом дураку, не забегай, дурак, вперед. Менигон любит говорить, что нет смысла двигаться быстро, если не уверен, что идешь нужной дорогой. Он прав. Что ж,

он нашел свою дорогу и быстро по ней движется. Он теперь добропорядочный. Что нужно, чтобы быть добропорядочным в праздничном Порт-Бьюно? Шататься по всему кубу и цепляться к людям, предварительно прополоскав рот какой-то химией в спиртовом растворе, мычать, изливая чувства, если не способен иначе выказать восторг души, — пусть даже с жесткой усмешкой, запрятанной подальше вглубь, где не раскопают, с терпеливой покорностью участника длинного, сложного и абсолютно не нужного ритуала. К-конспиратор! А может быть, и не с усмешкой вовсе, и не с покорностью, а наоборот, с щенячьим удовольствием неопита, долго шутившегося на мутную мертвую жижу под ногами и наконец решившегося прыгнуть — ого! Жизнь-то, оказывается, хороша!

— Здесь их нет, — сказал Менигон удовлетворенно. — Так я и думал. А в твоей комнате их целых две, а может, и больше, это только я нашел двух, они даже не очень прятались. И никто не знает, чьи они...

— Кто — чьи? — спросил Шабан.

— «Блохи», — сказал Менигон. — Знаешь таких насекомых? Только эти «блохи» не прыгают, они ползают. Но шустро.

Шабан повернулся и шагнул к двери. Не будь Менигон когда-то его другом, не будь он и теперь его учителем... Или, скажем, будь на месте Менигона какой-нибудь Штуцер — плохо пришлось бы Штуцеру, хоть он и снабженец, хоть перед ним и заискивают разные простаки. Чтобы впредь соображал, что разведчиков после разведки разыгрывать не стоит, разведчики люди грубые, розыгрышей не ценят и не любят, когда их беспокоят не по делу. А этим — шуточки. Вот и Винсент теперь — из «этих». Веселая планета Прокна.

— Дальше, надеюсь, дойдешь сам, — уронил он через плечо. — И больше не приходи, сделай одолжение. Считай, что попрощались.

— Я с тобой не прощался, — донеслось сзади.

Да? Вот как? Он хочет чего-то еще? Может быть, получить прощальное напутствие от некоего Шабана, какое-нибудь «семь парсек под килем»? Долетит и без напутствий, никуда не денется. Или ему хочется, чтобы некий Шабан немедленно, здесь же на месте, поторопился заручиться протекцией на будущее, на случай если когда-нибудь все же вырвется на Землю? — и протекция, конечно же, будет обещана... Шабан сжал зубы и зашарил рукой по стене, отыскивая дверную кнопку.

— Стой, — сказал Менигон.

Шабан вздрогнул. Самое простое слово, но Менигон нашел то, что нужно. Вернее, он нашел тон, похожий не на команду, а на ответ на крик: «Спасите! Погибаю!»

Разведка. Горы. Воздушная волна впереди обвала, сбивающая с ног, жужжание каменной мелочи, опередившей основной поток, ужас и втягивание головы в плечи, брошенный к черту геолокатор и двое безумцев, пытающихся спасти то, что тогда казалось им самым ценным: записи результатов глубинного сканирования, какую-то там проекцию месторождения А на плоскость В, относительной глубиной С. Вернее, безумец-то был один, а Менигон подыгрывал и тогда, и много позже...

Разведка. Степь. Пыль, вездеход трясет, турбина на пределе возможного режет уши смертным воем, а сверху, с голубого, как в насмешку, неба, заходит для нового залпа боевой флайдарт княжества Хинаго. Он уже промахнулся один раз и ушел на разворот, ему нет дела до того, действительно ли вездеход из Редута нарушил ненароком границу — да и кто может точно указать, где проходит граница? — он знает только то, что промазал, а это для пилота флайдарта непростительно, за это срывают нашивки, и поэтому он не отстанет...

«Стой, — говорил Менигон. — Дай-ка теперь я поработаю, ты не мешай...» И работал! Еще как работал. На затылке у Шабана шрам, он станет заметен, когда Шабан облысеет окончательно, — это память о той глыбе, что падала на него, оцепеневшего, и взорвалась каменной крошкой моментом спустя после того, как Менигон из неудобного положения успел вскинуть оружие и поймать глыбу в прицел. И ведь именно он, а не кто-то иной, размазал по небу неопрятную бурю тучку, подсвеченную огнем, — все, что осталось от боевого флайдарта княжества Хинаго. Были и другие случаи, Шабан их помнит, и Менигон, похоже, не забыл. Но это запрещенный прием — вот так играть на чужой ностальгии. Не надо бы этого.

— А мы ведь еще не договорили, — ленивым голосом сказал Менигон. — Впрочем, твое дело. Или ты спешишь?

— Я не спешу, — буркнул Шабан, косясь через плечо. — Я только не люблю, когда из меня делают идиота. Я с разведки и спать хочу, а тебе — шуточки. Приходи завтра, если ты думаешь, что у нас с тобой есть о чем говорить. Только учти, я так не думаю.

Менигон коротко хохотнул.

— Не-ет, малыш, — сказал он. — Говорить мы будем здесь. И думать тоже. Здесь лучше всего, а ты и не понял. Темный ты и упрямый, семь потов сойдет, пока тебя сюда вытащишь. Врос, как пень, и корни пустил, корчуй тебя, гулкого, и руки береги, а то еще занозу всадишь...

— А почему нельзя у меня? — На всякий случай Шабан решил не обижаться.

— Потому что у тебя «блохи».

— Что??!

— «Блохи», говорю. Ты что, про «блох» не слышал? Что взять с разведчика! — Менигон развел руками. — Давно я с тобой не занимался, чувствуется влияние улицы на неокрепшую психику, ярчайшее проявление которого — самонадеянность и дремучее невежество. Да ты хоть о чем-нибудь, кроме своего тоннеля, помнишь? Ну хорошо. Может быть, тебе неизвестно и что такое «жучок», «баг»?

— Известно.

— А «блоха» лучше. Она умнее. Она не сидит на месте, а ползает, передает не только звук, но и изображение, а ночью — в инфракрасном. В поляризованном как угодно. В рентгене. В чем хочешь, то есть в чем хочет тот, кому принадлежит «блоха». У нее интеллект... гм... в отличие от некоторых моих знакомых. Есть тут один такой: «Ух, разведка! Ах, Лиза! Ох, тоннель!..» А у него под ногами пешком ходят.

Шабан сглотнул. В голове закружилось: Менигон, не удержавшийся на подгибающихся ногах и свалившийся на пол, оказывается, вовсе не потому, что переигрывал по артистической бездарности, а потому, что хотел рассмотреть на полу нечто мелкое; потом Лиза; потом самодовольный Роджер, подбитый вездеход с остывающим красным пятном на корме — и контуженное мелкое насекомое, бегающее кругами, противный писк под каблуком... Вот, значит, как. Даже в разведке не уйти от чьего-то взгляда. Не выпускают... Держат.

— Живоглот? — спросил Шабан.

Менигон пренебрежительно махнул рукой.

— Если бы только он. Ну, конечно, и Живоглот тоже, ему и по должности полагается. По-моему, Лахвиц и сам бы не прочь выяснить, у кого еще есть свои «блохи», кроме него, Председателя и кое-кого из Совета. Ты думаешь, он спит ночью? Он «блох» ловит. И метит. Дело ответственное, не всякому холую такое доверишь, да и ловят их не

руками, естественно, а... В общем, не важно. Ее же не просто поймать нужно, а суметь отключить так, чтобы ничего не успела передать, чтобы не получила команду на самоликвидацию, а пометив, следить, куда поползет. Это наука. Только всех «блех» не выловить даже Живоглоту, а про остальных и говорить нечего.

— «Блохи», — задумчиво сказал Шабан. Его передернуло. — Значит, и Поздняков тоже?

— А ты соображаешь, — похвалил Менигон, — хотя и медленно. Впрочем, ты и раньше не блистал...

— В моей комнате их две, — упрямо сказал Шабан, — а может, не две, а три или даже больше. Так? Допустим, одна из них поздняковская, а остальные? Мне что, не доверяют?

Менигон хмыкнул.

— Либо не доверяют, либо собираются двинуть в начальство. И в том, и в другом случае — побереги плешь. Не то сейчас время, чтобы делать карьеру, ты меня понял?

— Нет.

— И не надо. Но запомни, что я тебе сказал, очень прошу. Что-то будет, или я ничего не понимаю. Что-то надвигается, это как волдырь, который должен лопнуть. Когда он лопнет, будет плохо, и тоннель только ускорил дело. Ты не можешь этому помешать, я не могу, никто не может, потому что случится то, что должно случиться. Будет страшно. Обещаешь мне сидеть тихо и не высовываться?

— Почему это мне не высовываться? — спросил Шабан, хмурясь.

— Потому что, если высунешься, мне тебя будет очень не хватать, — задушевно сказал Менигон. — Мой тебе совет: на ближайшие дни напросись в разведку — подольше и подальше. Уяснил?

Нет, подумал Шабан. И уяснять тут нечего, все это какая-то зловредная чепуха. У Менигона — и вдруг таланты Кассандры. Это смешно. Чушь. Бред грибного нюхателя.

— Ты меня за этим вызвал? — спросил он. — Что еще нового?

— Да что нового... — Менигон подвигал морщинами. — Тоннель, как ты уже, наверное, знаешь, додолбили. Радости полные штаны. Правительственный Совет от избытка чувств объявил три дня праздника. Они, дураки, не понимают, что за три дня многое может измениться... Что? Да провались

100 ты со своей заумью, я тебе о главном, а ты о ерунде. Не

было там твоих этих... составных мозгов или как их там, в сельву, должно быть, сплыли, если ты их не выдумал. Птиц там каких-то видели, говорят, с во-от такими носами, подстрелили их парочку на радостях. Вот тебе и все, а людей там тоже не было. Да, что еще? Башилаву-Носача из отдела Массового Досуга погнали в шею за некомпетентность и моральное разложение, а на его место прочат не то Пирсона, не то Ахилла Дремова, но это тебе, полагаю, неинтересно...

Это действительно было неинтересно. Но главное Менигон все же сказал: вариадонты не стали ждать, когда их накроет последним, прорвавшимся наружу взрывом. Они живы, они ушли в лес! Что-то сработало, разум ли, инстинкт ли самосохранения — какая разница! И теперь этот новый, неведомый нам нечеловеческий разум прячется в сельве, в гиблых зеленых топях, мучается страхом, потому что инстинкта самосохранения без страха не бывает и не всякий разум подавит страх, — сжимается от близкого шороха какого-нибудь безмозглого гада и спасается бегством от всякого шагающего баньяна.

Потом они выползут из сельвы, подумал Шабан. Они вернутся, потому что могут нормально существовать только вблизи выхода радиоактивного горизонта (после взрыва, когда пыль осядет в сельву, недостатка в радиации не будет, но это не то), вернутся — и будут встречены всей нашей мощью технологической цивилизации. Мы их не примем, для нас они не носители разума, а неопрятные кучи с дурным запахом. Гони их! А вот мы их разрядом... Да быстрее ты, уходят же!.. И они снова уйдут в сельву, извергнувшую их и готовую поглотить вновь, потому что ничего другого сельва делать не умеет. А как бы хотелось думать наоборот: разум — хозяин сельвы, организующее, так сказать, начало, и сельва, кишашая зверьем, послушна его приказам... Вряд ли. Очень приятно так думать, но это, к сожалению, неправда. А от неправды надо избавляться. Надо, даже если очень этого не хочется...

— Это все? — спросил Шабан.

— Это не все, — сказал Менигон. — Теперь ты. О разведке. И подробнее.

Шабан пожал плечами.

— Ну что разведка... Разведка как разведка, обыкновенная. Гончих вот встретили. А так — ничего.

— Врешь. — Менигон погрозил желтым пальцем. — Говори дяде правду.

Правду ему? Ну, черт с ним, пусть слушает... Шабан сам не заметил, как увлекся. Менигон слушал внимательно, и лишь когда Шабан добрался до боя с гончими и темного облака, вовремя скрывшего второй вездеход чужаков, засмеялся, коротко и зло.

— Опять щитоносцы, — сказал он с отвращением. — Верховные существа. Надоело.

— Что надоело? — спросил Шабан.

— Все надоело, — заявил Менигон. — Бардак в кубрике. Это по-нашему. Ты бы у них спросил: они молитвы только вместе с жертвами принимают или, может быть, можно всухую?

— С какими еще жертвами?

— С человеческими. Установим на крыше куба алтарь, что там еще полагается? Позднякова — верховным жрецом, из него хороший шаман получится. А что? Это можно поставить на поток. А ну, у кого значок пятой степени? Шаг вперед. И — по жребию, раз в полнолуние. Или наоборот — в новолуние. Под барабанный бой. Мы к этому давно готовы, можешь не сомневаться. Дело за малым: официально щитоносцы еще не признаны. Значит, будут пока подпольные секты, будут гонения. Инквизиция будет, подозреваемых в сектантстве — на шельф.

— Трепло ты, — сказал Шабан. — Щитоносцы существуют, это факт. Я их корабли сам видел.

— Я тоже видел, — сказал Менигон. — Да все видели. Это-то и интересно. Сожрали четыре ракеты. Так нельзя. Это колебание устоев. Последние триста лет человечество живет с убеждением, что в обозримой Вселенной нет иного разума, кроме его собственного...

— Уже есть, — перебил Шабан. — Вариадонты.

Менигон насупился, и стало видно, как ему хочется изложить свое мнение о собеседнике и о его манере прерывать его, Менигона, свободное излияние речи, однако он сдержался и потребовал рассказывать дальше. Услыхав про дым в ущелье, он стал очень серьезен.

— Похоже, ребят накрыли, — сказал он после раздумья. — Хорошо, если только с воздуха, тогда у них еще есть шанс. Но если наши орлы высадили десант — тогда худо. Перебьют, как дичь, это им в удовольствие, защитничкам... Стой! — Менигон сощурился. — Если там были солдаты, то они могли видеть и тебя, и гончих, что тебя гоняли, а значит, обязаны были вмешаться. Однако не вмешались. Значит, либо там была

задействована не армейская часть, а охрана, либо там никого и не было. Правильно я говорю? Надо попытаться узнать... Погоди, погоди, в какое время ты видел дым?

— Не помню. Что-нибудь около шестнадцати по местному, я думаю.

— Ага, — сказал Менигон. — Иначе говоря, информация должна быть в спецархиве уже сейчас, а если сделать поправку на праздник и разгильдяйство, то самое позднее — завтра к утру. У тебя есть допуск?

— Откуда? Нет, конечно.

— И правильно. У меня тоже нет. Не знаешь, у кого можно одолжить значок первой степени?

Шабан заморгал. Сейчас что-то случится, механически подумал он. От таких слов может упасть потолок. И это спрашивает Менигон, обычно свехосторожный, несмотря на вечную свою хулу на начальство! Но хула имеет право на существование, и начальство ее терпит, полагая необходимой разрядкой, зато передача личного значка в чужие руки — дело рискованнейшее, и виновный (вернее, оба виновных, если, конечно, значок не был выкраден) никак не имеют шанса отделаться всего лишь шельфом. Даже не хочется думать, чем это может закончиться.

— У Позднякова первая степень, — сказал Шабан, облизнув губы. Потолок не упал, и это было странно. — Только я к нему с таким вопросом не пойду. Сам иди.

— Спасибо, — сказал Менигон. — А помимо Позднякова? Шабан подумал.

— У Биртолли должна быть первая степень, — неуверенно сказал он. — Он-то значка не носит, надоело, как видно, что все перед ним в струнку, как перед генералом, он и так не знает, куда от славы деваться.

— Хлыщ этот? А ты с ним знаком?

— Косвенно, — усмехнулся Шабан. — Он обо мне писал в «Курьере». Помнишь?

— Помню. Вот и попробуй.

— Вот и попробую. А ты?

— И я попытаюсь, — сказал Менигон. — До отлета, во всяком случае. А если не успею — тогда ты один. Надеюсь, справишься.

Будто хлестнули по лицу. Значит, ничего не изменилось, значит, Менигон все-таки решил лететь, вернее, бежать во что бы то ни стало. А он-то, дурак, надеялся... на что, спрашивается? Крысы не тонут. Они бегут, и, разумеется, очень правильно делают. И все-таки они — крысы.

— Да, вот еще что, — сказал Менигон. — Хотел спросить: ты ту плантацию гриба, надеюсь, гусеницами не давил, а? Согласно инструкции?

Шабан сделал над собой усилие и пожал плечами.

— Нет, конечно. Не пойму: с какой стати мне ее давить?

— Это хорошо, — кивнул Менигон. — Ты молодец. А то у меня там пай, было бы жалко. Ну, что смотришь? Существует старая проверенная истина: не пытается устроиться сам только тот, кого и без того все устраивает, а где ты таких в Редуте видел? Я — не видел. И перестань пялить глаза, эка невидаль — пай... Хочешь, похлопочу и за тебя, если имеешь наличные. Так, мол, и так, есть хороший человек, не болтливый, ценимый начальством, то да се, но в глубине души лопух, потому что считает себя неудачником, надо бы порадеть такому... А?

— Я подумаю, — сказал Шабан. Он не был готов к тому, что снова придется стискивать зубы. Однако пришлось.

Менигон скорчил гримасу.

— Подумаю, подумаю... О чем тут думать? Соглашайся, пока я еще здесь. Поздно же будет.

— Ты все-таки улетаешь? — спросил Шабан.

— Не «все-таки», а именно улетаю. Как только «Юкон» выпустят, так и отчалю. А ты что думал?

— Я думал, в тебе больше совести.

— Я и сам так думал, — равнодушно сказал Менигон. — Но ошибался.

— Дрянь ты, — выдавил Шабан, уже не сдерживаясь. — Грибник. Шкура.

— Будь осторожнее, — говорил Менигон. Он не слушал и не собирался слушать, и это было оскорбительно. — Держись Позднякова и по возможности не высывайся. Что-то должно произойти, и очень скоро. Может быть, завтра. Может быть, это уже началось. Будь внимательнее. Уже что-то должно быть заметно, какие-то глубинные токи, ведь никогда не бывало так, чтобы никто ничего не заметил. Отправляйся в разведку, отсидись там. Между нами: держись подальше от Коммуны. Анклаву конец, так им нужно. А на Живоглота плюнь...

— Гад, — сказал Шабан, давя кнопку. — Холуй барский. Эксперт.

Винтовой коридор был покинут, и Менигон немедленно начал пошатываться и уцепился за стену. Утвердив себя прямо, он посмотрел на Шабана долгим взглядом, и Шабан понял, что Менигон прощается. На мгновение ему

показалось, что в этих очень правдоподобно осоловевших глазах промелькнуло что-то не совсем обычное, что-то вроде гордости учеником и тоскливого сожаления о чем-то несбывшемся, но промелькнуло только на мгновение — и глаза снова потухли и стали бессмысленными. Нет, показалось. Конечно, показалось. Ладно хоть отстал, и то благо. Сворачивая в свой коридор, Шабан видел, как Менигон, увязавшись за чьей-то семящей вдоль стены моделью, шатаясь и размахивая руками сильнее прежнего, пытается ее поймать во вратарском броске и бубнит ей: «Цып-цып-цып...» Клоун. А ведь почти национальный герой, человек-легенда, впервые подтвердивший существование радиоактивного горизонта. Из тех, о ком поется: «Славой героев...», чье имя впоследствии войдет в школьные учебники, да так, пожалуй, что будущие дети Прокны вообразят себе серьезного ученого, спокойного и вдумчивого дядю, а не разведчика, потного и пыльного, сплошь и рядом озабоченного тем, как остаться в живых, и только. Он убивал, и его убивали. Он убивал лучше и потому выжил. Это жизнь, в этом обязательное условие существования на Прокне, и дети, повзрослев, поймут. И сделают свои выводы, поэтому из кого-то из них вырастет второй Винсент Менигон, а из кого-то — второй Юстин Мант-Лаквиц. Хорошо, что дети не такие прагматики, как мы, иначе вокруг были бы одни Юстины...

Шабан на ходу потер затылок, размышляя. На пальцах остался клочок волос. Вот черт... Лысею. Есть местная легенда: если человек после натурализации лысеет, значит, он хороший человек. Многие верят, особенно лысые... Ладно. Как там было сказано: плюнуть на Живоглота? Интересная мысль. Это на человека, который непонятно почему до сих пор не подмял под себя Правительственный Совет? Хороша рекомендация, в духе оракула — попробуй истолкуй. Но Менигон зря болтать не станет, хотя его слова могут означать то, до чего не сразу додумаешься. Например, наличие в Редуте кого-то, кто могущественней Живоглота... Вот это страшно. Правда, в такое верится с трудом, но, с другой стороны, все возможно, и Менигон был бы более откровенен, если бы не читающаяся на его лице фатальная уверенность в том, что ему, Шабану, Биртолли и вообще кому угодно в любой час могут подослать «блоху» с крошечным баллончиком, заряженным возбудителем пятнистой горячки...

Ничего не понимаю, подумал Шабан. Какая-то возня, непонятно чья и непонятно зачем. Надо же: «бло-

хи»... «Блохи» разных, должно быть, пород, разного подданства. Кто же хозяева, а? Что-то много получается, откуда только «блех» берут? Не иначе, импорт, здесь-то их не делают... Хотя откуда я могу знать, что здесь делают? Или, может быть, они умеют размножаться? Очень может быть. Может быть, существуют и «блохи»-хищники, уничтожающие чужих «блех»? Не знаю, не знаю... Энт-томологи! Следят, не выпускают из виду...

Значит, и про Лизу им известно, вдруг понял Шабан и почувствовал, как по спине побежали мурашки. Значит, известно уже давно, с тех пор как я научил ее произносить первые слова. Они слышали ее первый, совсем детский лепет — Поздняков слышал, Живоглот слышал... кто там еще? Но — молчат: не иначе, Поздняков бережет ценного работника от душевной травмы, а если так, то плевать мне теперь на эту троицу: Штуцер, Оммес и Биртолли... Шабан покусал губы, соображая. Черта с два — плевать. Одно дело знать и помалкивать, и совсем другое — письменная докладная, которой Поздняков будет вынужден дать законный ход, да скорее всего докладная попадет не к нему, а сразу к Живоглоту — и это конец. Нет, надо идти, упрашивать, клянчить, сулить и прочее... И немедленно.

У Оммеса оказалось заперто: не то он отсутствовал, не то уже спал. Идти к Биртолли было рано. И Шабан пошел к Штуцеру.

Дверь сработала сразу, едва Шабан нажал кнопку вызова. Похоже, здесь его ждали, и Шабан не удивился: Штуцер никогда не упускал своего. За первой дверью неожиданно обнаружилась вторая — настоящая деревянная дверь в резных завитушках, крепкая и массивная, как ворота средневековой крепости, и, кажется, даже из выдержанного дуба или какого-то другого благородного дерева, только не из местных пород. «Живут снабженцы», — мимоходом подумал Шабан и толкнул дверь.

Здесь было благопристойно. Никто не шумел, не вопил песен и гимнов, не спал под столом в собственной луже и не затевал с моделями игру в «поймай — не отпусти». Собственно, моделей в комнате не оказалось вовсе, зато Штуцер наличествовал полностью и в соответствии с праздником выглядел даже более розовым, чем обычно. Будто ошпаренным.

Он был не один, рядом с ним за столом, заставленным полупустыми бутылками и картонными тарелками с недо-
еденной закуской, по обе стороны от хозяина апарта-

ментов в неестественно прямых позах сидели двое, и Шабан, кивнув всей троице, попытался припомнить, где же он видел этих двоих, и не припомнил. Зато закуска на столе была хороша, особенно заманчиво выглядели местные лангусты, уловленные в Дымящейся реке и, наверное, еще сегодня утром шнырявшие по дну в поисках съестного. За лангустами пламенели нездешние розовые яблоки; мясо распространяло пряные запахи; на блюде поверх тающего балыка лежало земное чудо: синий, как грыжа, натурализованный баклажан. Шабан заставил себя отвести глаза и непроизвольно сглотнул. С первого же взгляда ему стало ясно, что здесь ждали не его.

— А-а, разведка! — радостно закричал Штуцер. — Что, опять сальники текут? Познакомьтесь, это Шабан из разведки, краса и гордость, так сказать... Орел!

Двое незнакомцев молча наклонили головы. Тот, что сидел анфас, помимо кивка, вынул откуда-то из-за спины руку, механическим движением, как оживший манекен, налил себе рюмку прозрачной, посмотрел сквозь нее на Шабана, беззвучно опрокинул в рот и вяло пожевал губами. Он был похож на второго, и оба они были рослые, крепкие ребята, их можно было бы принять за удачные модели, если бы Шабан не знал, что выпуск мужских и бесполок моделей в отделе «Био» хотя и планируется, но разработка не завершена.

— Ваше здоровье, — пробормотал Шабан. — Я, пожалуй, зайду потом. Попозже.

— Это почему потом? — возмутился Штуцер. — А сейчас? А праздник? Мы еще за тебя не выпили, равно как и за всю разведку, и ты за нас еще не выпил. Налейте-ка ему, ребята.

Лжемодель, сидящая в профиль, потянулась за бутылкой.

— Э, нет, ребята, — сказал Шабан. — Сейчас не могу. Мне сейчас пить нельзя, не то свалюсь. Я прямо с маршрута. И потом... — он конфузливо покосился на рослых «близнецов», — у меня к тебе личное дело. А ты с компанией... Так что потом.

— Это кто компания? — сказал Штуцер. — Это вот эти компания? А вот сейчас они не будут компанией. Эй, ребятки! Посидите-ка пока в той комнате, договорились? Видите, человек пришел, что-то одному мне сказать хочет. Так ведь?

— Ну зачем же так, — пробормотал Шабан. — Так неловко как-то...

Штуцер не обратил на него внимания. «Близнецы», прихватив со стола початую бутылку, безропотно скры-

лись во внутренней комнате. Дверь, тоже дубовая и похожая на ту, что Шабан уже видел, поехала за ними медленно, словно броневая плита, и беззвучно захлопнулась.

— Хорошо устроился, — сказал Шабан, оглядывая помещение. — Две комнаты у него, двери из настоящего дерева. Лангустов жрет. Так вот куда идут мои денюжки, а?

— Может, все-таки выпьешь? — спросил Штуцер. — Хорошее пойло.

Шабан с сомнением посмотрел на желтую бутылку.

— Коньяк?

— Вино, — сказал Штуцер. — А какое — не знаю, убей бог. Завалилось вот. Пей, пока дают.

— Нет уж, я лучше понюхаю, если ты не возражаешь.

— Ради бога, — уверил Штуцер. — Пожалуйста.

После лошадиной дозы, принятой в вездеходе, сушеного гриба осталось мало. Шабан осторожно высыпал на указательный палец немного порошка и, заранее жмурясь, вдохнул. Когда тело вновь стало легким и в голове прояснилось, он открыл глаза и поискал на столе чистую тарелку.

— А ты не боишься, что я сообщу в охрану? — спросил Штуцер. Он смотрел на Шабана изучающе и неприятно щурился.

— Не боюсь, — сказал Шабан, накладывая себе еду. — У кого ты тогда в долг брать будешь? Кто тебе даст?

— Шельф по тебе скучает, — заметил Штуцер и потянулся за лангустом. Шабан, пользуясь случаем, последовал его примеру. Лангуст уже не дымился, как ему было положено, и вообще был холодным и скользким на ощупь, как если бы его подали на стол часа три назад, да так оно, наверное, и было.

— Ну что — шельф, — сказал Шабан, осторожно разламывая шипастый панцирь и вгрызаясь в мясо. — Не видал я шельфа, что ли? И на шельфе люди живут. Конечно, когда приливная волна смывает буровую — это неприятно, особенно если ты находишься как раз на той буровой. А так — жизнь как жизнь, терпимо. Скучно, правда.

«А здесь не скучно? — поймал он себя. — Ведь невозможно же, волком же взвоешь... Впрочем, нет, здесь-то по всем параметрам не скучно. Но лучше скука, чем такая жизнь. Там скучно, а здесь скученно, и от этой скученности люди звереют. Нельзя же в самом деле запихнуть шесть тысяч человек в стальной куб с ребром в двести метров и всерьез рассчитывать на то,

108 что им здесь будет хорошо и воцарится тишь да гладь.

Бред это, хотя, конечно, мера вынужденная, удобная для управления, невозможно себе представить мало-мальски эффективное управление вне этой скученности и непрерывной малопонятной возни, черт знает что это будет, а не управление. И все же люди должны жить как-то иначе, — подумал Шабан. — Но я не знаю — как. Наверное, нужен маленький домик с видом на горы, тишина, узкий круг приятных и неназойливых соседей, и чтобы на ветру в окно стучали ветви деревьев. Пусть даже не земных деревьев, а местных, не всех же тошнит от их вида, можно подобрать себе соседей, которых не тошнит. И пусть обязательно будет Лиза, пусть она встречает меня, грязного и уставшего, пусть она меня моет и кормит и вообще пусть занимается мною, а потом, когда я немного отдохну, я займусь ею, ее и сейчас нужно учить разговаривать, вдалбливать ей словарный запас, потому что говорит она все-таки плохо. Но у нее все впереди, она лишь полгода назад произнесла первое слово, и значит, можно надеяться на большее. Потом я научу ее читать. Потом — думать, это очень важно. Они говорят — модель. Что они знают о моделях? Немногим больше, чем я, а я — ничего. А у моделей гигантские неиспользованные возможности, я это чувствую. И может быть, Лиза очень скоро заткнет меня за пояс, может быть, я окажусь именно той ступенькой, с которой она рванет... Но до той поры мы будем проводить долгие вечера вдвоем, я стану ее учить и охрипну, потому что знаю, что это такое — учить модель, — и буду счастлив, замечая, что она научилась чему-то новому, а потом за окном стемнеет, и Лиза начнет вопросительно поглядывать на постель, проявляя атавистические признаки своего предназначения, а я буду делать вид, что ничего не замечаю, а потом выйду из себя и рявкну. Потому что вот она — постель, потому что впереди ночь, одна на двоих, и сдерживаться, право же, очень трудно...»

Стой, оборвал он себя. Нашел время мечтать. Очередная утопия на тему «как было бы хорошо, если бы...». Если бы что? А если Штуцер донесет, даже не из корысти и не из чувства долга, о котором он знать ничего не знает, а просто так, потому, допустим, что ему не нравится моя физиономия? Утопии — это опасно. Они похожи на надгробия, поражающие стройностью линий и потому очень привлекательные на вид. А в глухую защиту не хочешь ли? С головою? Не рассчитывая ни на что и отдавая по куску то, что есть, не хочешь ли? «Ты везунчик, — говаривал Менигон. — Тебя мало били. А надо бы». Сказано: будет страшно. Кому страшно и в каком смысле? 109

Нужно очень постараться, чтобы стало еще страшнее, чем есть... Война, что ли? Что там сказал Менигон про анклав? Война с Коммуной — это смешно. Анклав не Хинаго — прихлопнут убогого и не заметят, как прихлопнули. Да и зачем? Кому он нужен, анклав, со своим натуральным хозяйством и тощими рудами? Никому, и это правильно.

— Ты по делу? — напомнил Штуцер, хрупя лангустом. — По какому?

Лангуст оказался вкусным. Дожевав членистоногое, Шабан нашел свежую салфетку и вытер руки. Со Штуцером не стоило темнить, по части уверток Штуцер был мастером. На всякий случай Шабан прислушался. Было тихо. С подбородка Штуцера капал сок. «Близнецы» сидели во внутренней комнате и не издавали ни звука. Вероятно, подслушивали.

— Ты вот что, — решился Шабан. — Ты мне сколько должен?

— Я? — удивился Штуцер и наморщил лоб. — А ведь и верно — должен. А вот сколько? Это ты должен помнить, брал-то я у тебя, не у кого-нибудь.

— У других ты тоже брал, — сказал Шабан. — А мне ты должен триста монет. Теперь припоминаешь?

Штуцер развел руками.

— Должен так должен. Принимаю на веру. И когда это я у тебя брал? Нет, не помню. Триста монет — надо же...

— Считай, что они твои, — сказал Шабан. — И дам еще сто, если будешь держать язык за зубами. Идет?

— Это насчет чего за зубами? — ненатурально удивился Штуцер. — А-а, догадываюсь. Угу. Как же, как же. Так это была твоя блондиночка? Хороша киска, не отрицаю, сразу и не скажешь, что модель. Так в чем проблема?

— В твоём языке, — сказал Шабан, сдерживаясь. — Проглоти.

— А как же, — пообещал Штуцер. — За пять сотен проглочу обязательно.

— За сотню, — сказал Шабан. — Ну так и быть, за две. Но не больше.

— Жмот, — сказал Штуцер. — Не я выдам, так другой. Тебе все равно прямая дорога на шельф, зачем тебе там деньги? Ладно, пусть будет двести. Считай, даром. Другой бы на моем месте потребовал бы с тебя твою киску на ночь, но Редла-Штуцер хороший человек. Вот за это давай и выпьем. Тебе какого?

— Никакого, — сказал Шабан. — Сам пей. А я пошел. Деньги завтра. Будь здоров. — Он тяжело поднялся. — А если все-таки сболтнешь... в общем, не советую тебе болтать. Разведчики — люди грубые...

— Э, ты погоди! — Последних слов Штуцер будто и не слышал. — А как же праздник?

— Спать иду. — И Шабан поднялся. — А праздник — он и завтра праздник.

— Вот и выпей, чтобы крепче спалось. И за завтрашний праздник выпей. — Штуцер скалился. — И за шельф выпей, шельф ненормальных любит, привет там передашь от Редлы-Штуцера...

Шабан махнул рукой и выпил. Вино оказалось на удивление приятным, Шабан не пробовал такого уже много лет и не подозревал, что на Прокне может существовать такое вино. Ну и ну, ухмыльнулся он про себя, делая прощальный жест. Вот тебе и Редла-Штуцер, тот еще жук полосатый. Снабженец. Апартаменты, как у Арбитра, ест-пьет в свое удовольствие, и крепкие ребята у него на коротком поводке. Вот только модели у него нет. Интересно, почему у него нет модели? При своих талантах мог бы иметь и двух, и трех... Пижон. По сути, обыкновеннейшая сошка, работает с разведчиками, и значок у него всего-то третьей степени — а как пыжится, не хочет быть тварью дрожащей. Другой бы десять раз подумал, прежде чем так зарываться. Или у него свой человек в отделе Контроля? Тогда, конечно, другое дело. Между прочим, вот кто мог бы достать значок первой степени — Штуцер. Пожалуй, тысячи за полторы сделает и даже не станет откладывать до утра...

Вернуться, что ли? Шабан сделал несколько шагов от задвинувшейся за ним двери и остановился. А что, пополам с Менигоном, пожалуй, наскребем, пусть Штуцер подавится... Опасно, снабженец ненадежен. Такие обычно очень лояльны и не нарушают основ, а потому попросту берут деньги, ободряюще хлопают по плечу и бегут докладывать Лахвицу, а Лахвиц, должно быть, без лишних слов отбирает половину суммы, если не всю, и улыбается — жмурится, сытая тварь, сужая и без того невеликие глазки в крохотную щель, прежде чем мигнуть кому надо... Лучше, гораздо лучше последовать доброму совету и напроситься в разведку как можно скорее. Завтра же, и постараться, чтоб без Роджера. Выяснить все о том дыме — может быть, с ребятами все в порядке и они даже настолько осмелели, что попросту жгут ста-

рый мусор? Какая-то чушь. Или они забыли, что Живоглот очень даже интересуется такими, как они?

Я глупею, подумал Шабан. Вот вопрос: откуда на нашем ярусе взялся Живоглот? А? Вот откуда: он вышел из комнаты, и это комната Штуцера. Та самая дверь, ошибки нет. А вот это уже интересно: какие такие дела у Живоглота со Штуцером? Почему Живоглот, который сроду ни к кому не ходил просто в гости, ходит к Штуцеру? Покрыто мраком. Любопытный, оказывается, тип этот Штуцер. Вроде бы кутит, тихо и благопристойно, как любой служащий, не желающий неприятностей, только это не кутеж. Это что-то совсем другое, какая-то осторожная подземная возня. Прав Менигон: что-то будет. Чего-то они ждут, к чему-то готовятся, но молчат. Теперь многие молчат, и не то чтобы бояться, а просто молчат на всякий случай. Всякому известно, что всякий случай может случиться со всяким. Вот и молчат.

Он вернулся к себе. Лиза ждала, не выходя из комнаты, на оконном экране была непроглядная ночь, и вообще пора было спать, но сначала было бы неплохо помыться. Кивнув привставшей с кровати Лизе, Шабан содрал с себя одежду и, отцепив значок, впихнул комбинезон в приемный лоток прачечной. Раздался всхлипывающий звук, комбинезон был втянут и заскользил куда-то вниз, в бездонное чрево Порт-Бьюно. Через полчаса он вернется назад выстиранным, выглаженным и спрыснутым чем-то ароматическим — если, конечно, на том конце не перепутают адрес. Нижнее белье Шабан прачечной не доверял — его стирала Лиза.

Отмывшись, он еще пофыркал под душем, потом с сожалением выключил воду, обсох под струями горячего воздуха и надел свежее белье. Спать, как назло, уже не хотелось. Он лег на край кровати, потеснив Лизу, и недовольно пробурчал, когда она попыталась придвинуться:

— Спи.

— Мне не нужно спать, — сказала Лиза. — Ты же знаешь.

— Всякий человек должен уметь спать, — сказал Шабан, глядя в потолок. — Следовательно, и ты должна уметь спать, поскольку ты человек.

— Я твоя жена, — сказала Лиза.

— Это не меняет дела. Попробуй уснуть. Мне сейчас нужно, чтобы ты уснула.

— Хорошо, — согласилась Лиза. — Ты знаешь, я

112   ведь умею спать, у меня уже получалось. Только я не

понимаю, зачем это нужно — спать. Ничего не видеть, не слышать... Мне только интересно, как это бывает, когда снится сон. Это как по правде или как-то иначе? А еще я слышала, что бывают страшные сны.

— От кого ты это слышала? — с подозрением спросил Шабан и приподнялся на локте.

— От тебя. Сделай так, чтобы мне что-нибудь приснилось. Только что-нибудь хорошее, ладно? Я не хочу плохого.

— Конечно, — сказал Шабан и сглотнул комок. — Ты спи. Тебе обязательно приснится что-нибудь хорошее. Что-нибудь очень доброе. И пусть это будет как сказка...

Минут десять он лежал, закинув руки за голову и стараясь не шевелиться, потом осторожно перевернулся на бок и стал смотреть на оконный экран. Лиза размеренно дышала — не то спала, не то делала вид, что спит. На экране, включенном на обзор в южном направлении, над невидимым в кромешной тьме хребтом висел Терей — маленькая, неправильной формы луна Прокны, похожая на редьку без ботвы, с диковинной остроугольной скалой-хвостиком, выпирающим на половину радиуса. Редька заметно для глаз ползла по черноте хвостом вниз, не вращаясь и не меняя яркости, словно в самом деле была нормальным спутником нормальной планеты, а не захваченным по случайности астероидом. Как человек, лениво подумал Шабан. Тоже пыжится, полагает себя аборигеном. А вон та яркая звезда — это Пузырь, гигантская газовая планета, сейчас она в афелии и не страшна, но каждые шестнадцать лет она проходит перигелий, и тогда Прокну начинает корчить землетрясениями. А вон та тусклая звездочка — это ближайший сосед, оранжевый карлик Ликтор, там тоже есть заселенная планета, давний член Лиги. Интересно, одни мы такие уроды или и там есть модели?

Он вспомнил, как еще новичком заказывал модель, как смущался, что вовсе не мешало общему игривому настроению. Стыд, горький стыд... И ничего нельзя изменить, что было, то было. «Так вам, говорите, блондинку? А рост? Очень хорошо, теперь давайте уточним некоторые параметры... Замечательно! Сколько, вы сказали, в талии? Так. У вас хороший вкус, мсье Шарабан. О, извините, я, должно быть, плохо расслышал вашу фамилию. Виноват. Право же, нам нечасто заказывают такие изумительные пропорции. Разве что вот здесь... Нет-нет, я понял, вы совершенно правы, это выйдет изящно и, пожалуй, чуть пикантно. Поздрав-

ляю вас, вы получите прекрасный экземпляр. Наша служба гарантирует, что вы останетесь довольны... по крайней мере первый месяц. Ха-ха. Это я шучу. Но учтите, что, согласно установлению, вы получите право заменить модель не прежде чем через год, так что я советовал бы вам еще раз взвесить... Нет? Благодарю вас, вы упрощаете нам работу. Теперь хотелось бы уточнить густоту волосяного покрова и расположение зон... На бедрах не надо? Знаете, некоторые любят — мягкая такая шерстка, как у пушного зверька, очень приятно при прикосновении, хотя и не слишком эстетично... Не надо? Ну как знаете, а я бы на вашем месте еще подумал...»

Шабан зарычал в подушку. Вот она где, первая ступень превращения человека в животное — в обустройстве личной жизни новичка. Новичок мямлит, глупо хихикает, не отводит глаз от стереоизображений наиболее удачных образцов — и как же трудно новичку отказаться! Вот и ходят по коридорам, по кишкам Порт-Бьюно грудастые модели, а некоторые, возможно, и с шерсткой на бедрах, и, поскольку заказ новой модели взамен надоевшей возможен лишь спустя год, распространен обмен, хотя официально и запрещенный, но на деле не преследующийся. Процветает сдача моделей внаем, неплохо себя чувствуют посредники. Грязь. Несчастные, с зачатками разума существа, обученные любви и домашним работам, — за что их так? Их не любят, а насилуют, а иногда и бьют, жестоко и с наслаждением, вымещая на них свою обиду на жизнь, какую сами же и сделали. А если модель начнет давать сбои или, упаси боже, научится говорить, то в один прекрасный день ее уведут охранники, потому что формально любая модель — собственность государства и как таковая может быть признана требующей ремонта или замены. Для них Лиза всего лишь материал, который можно вновь пустить в дело — в начальную стадию длинной биотехнологической цепочки. Что там у них в начальной стадии: дробилка? Или растворяют целиком?

Шабан зажмурился. Старая кадетская забава в химической лаборатории: набрать полную колбу мух с оборванными крыльшками и плеснуть кислоты. Полшколы сбегалось смотреть, как насекомые отчаянно карабкаются вверх по стеклянным стенкам, как они срываются в кислоту, лезут снова и мало-помалу растворяются, образуя неприятный мутный осадок.

Они могут, злобно подумал Шабан. Они даже жи-

не придет посмотреть на процесс, потому что твердо убежден в том, что модель не человек, а значит — неинтересно... И Лиза будет кричать и звать меня на помощь, в то самое время как меня под усиленным конвоем будут препровождать на шельф. Нас слушают и слышат. Сейчас, наверное, запись нашего последнего разговора ложится кому-то на стол. Кому? В любой момент сюда могут ворваться. Ну, пусть кто-нибудь попробует отобрать. Кадык вырву.

Чтобы отвлечься, он дотянулся до полки, выбрал и раскрыл книгу. Страницы вяло осветились и замерцали — видно, иссяк заряд, — и Шабан, шепотом ругнувшись, вернул книгу на полку, взял было другую, но раздумал. Отложенная книга была редким прижизненным изданием Вирджила Баруха, единственного в истории Третьего Нашествия писателя Прокны. В этом издании были даже стихи — того периода, когда Барух еще только пробовал писать и еще не был сумасшедшим. Потом-то он писал совсем другое.

Что ты расхныкался, подумал Шабан. Хлюпик. Все у него в порядке, а он хнычет. Вот кого жизнь молотила не переставая — Баруха. Оказалось, что Прокне, как ни странно, вовсе не требуются писатели. Строители и шахтеры шли нарасхват, в свое время Прокна ненасытно поглощала людские потоки очередной волны экспансии. А вот писатели — нет, художники — извините, просто туристы — пошли вон, не время! Иногда ненадолго задерживались естественнонаучники, не потребные на данную минуту — кроме экологов, которых под разными предлогами всегда гнали в шею и Редут, и Хинаго, и Мелкие Озера, и, возможно, также Коммуна, хотя об анклав, как о любом отгородившемся государстве, трудно что-либо утверждать наверняка.

Для века штыковой атаки человечества на новые планеты Барух имел полезную специальность: оператор полуавтоматического проходческого щита. Он прибыл сюда «на три года» в расчете подзаработать, как почти все, и привез на Прокну жену — как почти никто. С работой он справлялся, желания спровадить жену на Землю и затребовать модель не проявлял, имел друзей и, вероятно, был свойским парнем, а по ночам, стесняясь, писал неважные стихи, которые нынче не любят печатать, а если печатают, то обязательно оговаривают, что это хотя и Барух, но не тот Барух. Как будто их было двое, хмыкнул Шабан. Даже трое: тот, что кропал стишки, затем настоящий Барух, автор «Сожженных гор» и «По утренним звездам», и еще некое мифическое существо, 115

никогда не писавшее ученических опусов, поскольку от рождения было гениальным, обладало всеми необходимыми навыками и творило, разумеется, в благоговейной тишине и трепете окружающих при благосклонном внимании руководства. Так, во всяком случае, следует из его биографии в предисловии к последнему изданию.

И это правильно, подумал Шабан. Кто не согласен? Кто там вздумал щериться? А ну, сложить всем губы в куриную гузку! Вы как думали, голубчики? Кто сказал, что Барух страдал шизофренией? Вы? Вы соображаете, что говорите? Как ваша фамилия? Шабан? Так и быть, вам объясню: гений может и даже обязан обладать странностями, недоступными пониманию заурядного человека. Теперь поняли? Запомните раз и навсегда: великий писатель, создавший Редуту мировую славу, не мог и не имел права быть сумасшедшим. Уяснили? Кругом марш и выше ногу!

Теперь Баруха изучают даже на Земле. В Редуте распространены его портреты, один, как говорят, висит в рабочем кабинете Арбитра. Существует даже шахта имени Баруха — та, в которой он работал и в которой однажды был завален породой, провел несколько суток полупридавленный, в поврежденном скафандре, получил лучевую болезнь в легкой форме, лишился ступни и навсегда потерял способность быть своим парнем. Когда его откопали, он был уже не в себе и вскоре начал писать удивительные вещи, тщательно, как капитан Ахав, скрывая свое сумасшествие. Конечно, многие догадывались, да и непосредственное его начальство наверняка было в курсе, но помалкивало, не желая расставаться с добросовестным работником. На первый взгляд романы Баруха трудно читать. Разумеется, не правы те, кто, не желая вникнуть, произносит о них обычную похвальную труху, считая в душе вычурной ахинеей. Еще глубже ошибается тот, кто считает Баруха пророком, ищет нечто между строк и, само собой, находит.

Барух не пророк, подумал Шабан. Он просто большой художник, прекрасно, между прочим, описавший мышиную возню в Редуте, нужно лишь уметь его читать, а это уже не для мышинных мозгов. И как многие большие художники, он плохо кончил: был застрелен каким-то дубиной-охранником за то, что перелез через проволочную изгородь. Позже выяснилось, что Барух, выбравшись после смены из шахты, решил не ждать транспортной платформы, а махнуть напрямик — до лагеря

де не разрешено, а Барух то ли не понял, то ли не придавал значения — просто махнул рукой и пошел в степь. Тогда охранник его застрелил. Охраннику поставили в вину то, что он не сделал предупредительного выстрела, и куда-то перевели, а в трюм очередного пришедшего на Прокну транспортника поверх семнадцати тонн металлического рения погрузили полтора килограмма фарфоровой урны с выгравированной фамилией и инициалами. Почти все хорошо знали, что в урне ничего нет — несчастного Баруха разнесло так, что не осталось даже фрагментов скафандра, — но несли ее бережно и так же бережно пристроили в трюме, обложив с боков, чтобы не упала при маневрах корабля, тяжелыми рениевыми слитками.

И это тоже по-нашему, отметил Шабан. Не в лицо, у кирпичной стенки под лучами прожекторов, и не в затылок в подвале, не очередь с вездехода каких-нибудь набежавших гончих, даже не треснувшее крепление в шахте — а пуля в спину от подлеца-охранника, которому вдруг стало скучно, от какого-нибудь живоглота выкормыша... Впрочем нет, в те времена Живоглота здесь еще не было... До него был кто-то другой и, наверное, тех же достоинств. Преемственность поколений. Девственное было времечко: Порт-Бьюно только начинали строить, люди жили во временных лагерях, а вот охранники и тогда были точно такие же: зажавшиеся опасные скоты, духовные наследники преторианской гвардии... Жаль, нет больше Хромца Гийома, у него можно было бы узнать все подробности того времени, если бы удалось развязать ему язык рюмкой-другой. Пусть даже десятой. Гийом хорошо знал Баруха и восхищался его женой, маленькой энергичной женщиной с быстрой походкой и плотно сжатыми губами, помощницей, предопределившей его взлет, секретарем, сиделкой и всем сразу. Вот кого действительно жалко: все разом рухнуло, жизнь потеряла смысл...

Он перевернулся на другой бок и накрылся одеялом. За окном из темноты проступили горы — с востока подкрадывался рассвет.

— Ты не спишь? — спросила Лиза.

— Теперь сплю, — ответил Шабан. — Разбуди, если что-нибудь случится. Да, а ты почему не спишь?

— Я спала, — ответила Лиза, приподнявшись на локте. — А теперь ты спи, а я побуду рядом. Я правда спала. Ты знаешь, я все ждала, что мне в самом деле приснится что-нибудь очень хорошее. Только мне так ничего и не приснилось.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В нижних ярусах было не продохнуть. По-видимому, здесь намеревались гулять до утра, если не дольше — настоящее веселье только начиналось. Где-то пили и звали пить, где-то пели и требовали подпевать, на столе, вытащенном в коридор, трое мордovorотов насиловали модель, кого-то били мордой о стену, и он мычал, кто-то, завидев Менигона, вдруг завопил диким голосом: «Вот он! Вот он!», и пришлось дать ему по зубам — в общем, жизнь бурлила всюю. Здесь располагались рабочие ярусы, кровь и пот Порт-Бьюно, его мускулы и глотки. Чужих не было: жителей верхней половины куба сюда было не заманить никакими благами, а охранники даже в более спокойные времена появлялись здесь только группами. Но сейчас охранников не было видно вовсе. Изредка попадались модели с испуганными глазами, боязливо и бессмысленно жмущиеся к стенам, а один раз даже встретился убегун — его куда-то тащили, хлопывая по лысому черепу, и он упирался, комично разевая выдвигной, как у леща, рот.

Ярусом ниже было не так шумно. Менигон спустился по пандусу, одолел полутемный коридор, спотыкаясь о чьи-то расслабленные тела, прошел, зажавши нос, сквозь холл, посреди которого некто голозадый развлекал толпу зрителей «салютом из анального ствола» — двенадцать залпов, — переждал ожесточенную драку в предлифтовом тамбуре и спустился еще ниже. Здесь было совсем уже тихо: ярус был нежилым. Старый хрен сидел, как всегда, на своем месте, обнимая табурет на удивление пухлым сидалищем, и выглядел трезвым. Менигон постоял, посмотрел на него сверху вниз.

— Открой, дед.

— А? — Старик приложил ладонь к уху. — Куда это? Туда? — Морщины на его лице поплыли, сворачиваясь в улыбку. — Не-ет, туда нельзя, туда я не открою. Инфекционное отделение, потому и нельзя, так вот получается, потому и на посту я, что инфекционное, а ты кто такой?

— Открывай. — Менигон постучал пальцем по значку. — И быстро.

— Не-ет. — Дед заулыбался еще слаще и закачал головой. Он явно наслаждался. — Не-е-ет, этого я никак не могу, запрещено это, и со второй степенью запрещено, и с первой даже

— Вэнса Гровера, — сказал Менигон, — разведчика. Он там.
— А-а, — протянул дед, — вот кого тебе надо. Так это ты зря пришел, помер он, твой Гровер, позавчера еще помер, так вот получается. Насильственной смертью, стало быть, помер. От болезни.

— Что-о?! — закричал Менигон. — Как это: насильственной от болезни?

— А вот как. — Дед облизнулся от удовольствия. — Микроб, значит, над ним насилие учинил, он и с копыт долой. Пятнистая горячка, так вот получается. Только, я вот думаю, одному микробу с таким бугаем не справиться, тут групповое насилие было...

Менигон протянул руку, взял двумя пальцами старика за воротник и поставил на ноги. Кажется, подействовало: старик подавился и округлил глаза.

— Замолкни, — шепотом сказал ему Менигон и с удовольствием добавил: — М-морда! — Особенной морды у старикашки не было, но он усиленно закивал головой. — Где тело? Ну!

— В мертвецкой, — придушенным шепотом проскрипел старик, — где ж еще? Вон т-туда, там не заперто... — Менигон разжал пальцы, и дед звучно упал на табурет, как приклеился. — Не убегут они, потому и не заперто, — сказал он, двигая морщинами. — Так вот получается...

За дверью оказался обыкновенный шлюз. Заквакал сигнал, загорелась надпись: «Индивидуальные фильтры надеть, проверить», заныл какой-то насос. Чавкнули створы. Холодный, с неистребимым запахом, воздух ударил в ноздри, скользко пополз в легкие. Менигон мысленно выругался. Черт знает что, нюхай тут... От одного старикашки сколько вони. Настучит, разумеется, тут и разговора нет, знаем мы таких — это у них от любви к творчеству, иначе им жить тошно. Когда человек приходит проститься с телом товарища, да еще в праздник, это, конечно, похвально, но, прямо скажем, нехарактерно и, значит, подозрительно...

Налево была покойницкая и оттуда тянуло холодом, направо висела табличка: «Патологоанатомическое отделение». Менигон шагнул направо. Там было теплее, но так же мертво, как и налево, на некоторых дверях висели печати, а в дальней комнате оказался прозектор. Он сидел за столом, ждал и посасывал сок плюющей ягоды, сжимая банку коричневыми пальцами. Лысина у него была тоже коричневая, в пятнах — то ли следствие натурализации, то ли про-

фессии. Еще одна банка сока была поставлена для гостя на противоположном краю стола. Мертвецами здесь почти не пахло.

— Винсент, — констатирующим голосом произнес прозектор. — Вот и вы, мой дорогой. Садитесь. — Менигон сел. — Вы медленно ходите, Винсент. Мне пришлось вас ждать.

— Старость не радость, — сказал Менигон. — Что вы хотите? Мне уже под пятьдесят, а разведчик не должен жить так долго, это противоестественно...

— Поэтому вы и пришли без фильтра? — спросил прозектор.

— Висельники не тонут, — отмахнулся Менигон. — «Блох» нет?

— «Блох» нет. Я вас слушаю.

Менигон не торопясь поднес ко рту банку, отпил глоток. Сок был терпким и кислым, слишком кислым, как только такое пьют? Он поставил банку на стол.

— Я надеюсь, вы понимаете, что явиться сюда меня заставили чрезвычайные обстоятельства, — сказал он, мучаясь оскоминой. Прозектор промолчал. — В свою очередь я хорошо понимаю, что, настояв на немедленной личной встрече, я подвергаю опасности не только себя, но и вас, и всю нашу работу, — осторожно продолжал Менигон. Прозектор молчал. — Однако я считаю, что в сложившейся ситуации это самое разумное, поскольку ход событий может не оставить нам времени на принятие решения. — Прозектор молча наклонил пятнистую лысину, что можно было расценить как кивок, и отпил из банки. — Исходя из этого, я рискнул пренебречь традиционными каналами связи и рассчитываю, что важность информации перевесит соображения личной безопасности, — кольнул Менигон напоследок.

— Я вас слушаю, — сказал прозектор.

— Это случится, — сказал Менигон.

Прозектор задумчиво покачал банкой. В банке булькнуло.

— Что еще? — спросил он бесцветным голосом.

— Это случится завтра, — сказал Менигон.

— Вам это точно известно?

— Нет, — сказал Менигон. — К сожалению, мне это точно не известно. Но на восемьдесят процентов это случится завтра.

— Так, — сказал прозектор. — Очень хорошо. А что должно случиться?

От него веяло доброжелательным вниманием. Зар-
120   раза, подумал Менигон. Ведь знает же, рожа деревян-

ная, все знает, и то, что я ему сейчас стану доказывать, тоже, наверное, знает. Молчит, трупорез, ждет. Смотрит в стеклышко на муравейник: как они там бегают?

— Вы знаете, что должно случиться, — сказал Менигон. — Вы это очень хорошо знаете. Я вам докладывал об этом еще три недели назад. Я вам назвал участников. Назвал силу, на которую они опираются. Теперь я называю вам наиболее вероятный срок. Может быть, я зря работаю?

— Нет, мой дорогой, — лениво проговорил прозектор. — Отчего же...

— Тогда в чем дело?

— Ни в чем. Собственно, что вы имеете в виду?

— Послушайте, шеф, — сказал Менигон, — мы работаем вместе не первый год. Наверное, за это время вы изучили меня вдоль и поперек. Скажите мне: был ли хоть один случай, когда вы получали от меня недостоверную или недоброкачественную информацию? — Прозектор медленно поводит головой из стороны в сторону. — Нет? Правильно, такого случая не было. Вы извините, шеф, что я позволяю себе так говорить, — Менигон прижал руки к груди, — но я должен разобраться что к чему. Если у вас есть сомнения — проверяйте. Я уверен, что вы не раз проверяли и перепроверяли мои сообщения и были абсолютно правы: все-таки перед Землей отвечаете вы. Но сейчас, поймите, у вас нет времени проверять и перепроверять. Вы должны поверить мне на слово.

— Я вам верю, Винсент, — сказал прозектор. — Успокойтесь, мой дорогой. У меня нет никаких оснований вам не верить. Вы оказали Земной федерации неоценимые услуги и, я надеюсь, будете их оказывать и впредь. Вероятно, руководство сочтет возможным лично выразить вам свою признательность. Кстати, когда вы летите?

— Не знаю. — Менигон пожал плечами. — Да не смотрите вы так, — окрысился он, — я же сказал: не знаю. И не знаю, кто знает. Никто. Как только «Юкон» выпустят, сразу и улечу. Может быть, даже завтра, только завтра «Юкону» вряд ли дадут взлететь... Может быть, послезавтра. Может быть, никогда.

— Ну-ну, — сказал прозектор. — Так уж и никогда. Мне жаль, что вы улетаете, Винсент. Впрочем, на посту эксперта вы будете полезнее даже на Земле. И все-таки, — он покачал головой, — мне искренне жаль вас терять. Более того, скажу откровенно: мне будет трудно найти вам достойную замену.

— Сами виноваты, — буркнул Менигон. — Кто мне советовал соглашаться?

Прозектор улыбнулся — углами рта. Как окатил холодом.

— А если бы я посоветовал вам отклонить предложение? — спросил он. — Собственно, вы можете не отвечать, тут и так все понятно. Удрали бы, мой дорогой, верно? Только не вздумайте изображать оскорбленную невинность, это не по вашей части. Не изображаете? Ну, значит, мне показалось. Выдержка у вас есть, ценю. Другой бы на вашем месте насосался в стельку от радости. А вы молодец.

— Хватит, шеф, — попросил Менигон. — Давайте лучше подумаем, что мы можем предпринять.

— Предпринять? — Лицо прозектора выразило вежливое недоумение.

— Да, — раздраженно сказал Менигон. — Предпринять. Именно предпринять. Я же вам докладывал. Уверен, что вы докладывали наверх. Прошу прощения, шеф, если это не в моей компетенции, но я очень хотел бы услышать: Земля намерена этому помешать?

Прозектор пожал плечами:

— А собственно, почему Земля должна этому мешать? Насколько мне известно — из ваших сообщений, мой дорогой, известно, вы проделали громадную работу, — население Редута в большинстве своем не выступит против м-м... ожидаемых событий. У нас нет никаких оснований препятствовать волеизъявлению народа суверенного государственного образования. Это его внутреннее дело.

— Я так и думал, — сказал Менигон. — Народа, значит. Волеизъявлению. Притчу хотите?

— Что?

— Притчу, спрашиваю, хотите? Есть тут одна, кажется, местного производства. Рассказать?

— Пожалуй, не стоит, — сказал прозектор. — Фольклор. Может быть, в другой раз?

— Нет, послушайте. Трое остановились перед высокой стеной. Один начал соображать, как бы через нее перелезть. Другой стал прикидывать, сколько потребуется времени, чтобы продолбить дыру, если иметь кирку и терпение. А третий сказал: «Зачем все это? Уж раз нам все равно стену не одолеть, давайте-ка лучше покрасим ее в какой-нибудь радостный цвет».

— Интересно, — улыбнулся прозектор. — И что же было дальше?

— А ничего. Прогулка, понимаете ли, кончилась. Пришел надзиратель и развел всех по камерам. Вот и все. Хорошая притча?

— Не смешно.

— А я и не обещал, что будет смешно, — сказал Менигон. — Я только объяснил вам, какое это будет волеизъявление народа. Доходчиво?

Прозектор подтянул банку ко рту, пососал сока. Даже не поморщился.

— А что вы предлагаете? — спросил он. — Допустим на минуту, что вам удастся меня убедить, что весьма сомнительно, допустим даже, что мне удастся убедить руководство, во что я также не верю... Предположим, Земля в самом деле решит оказать помощь существующему режиму — заметьте, режиму, который не просил о помощи и который проявляет недвусмысленное намерение вывести Редут из статуса доминиона, даже откровенно формального, — подсчитайте-ка сами, сколько потребуется времени на один только перелет, пусть это даже будут не туннельные, а всепространственные корабли. Забудьте об этом, мой дорогой. Они элементарно не успеют.

— Чепуха, — сказал Менигон. — Вызовите «Рейн». Он успеет.

Прозектор осторожно поставил банку на стол. На коричневом черепе вздулась и запульсировала синяя жилка. Глаза ничего не выражали.

— Так, — сказал он. — Вы и это знаете... Откуда?

— Откуда — несущественно, — сказал Менигон. — Существенно то, что я это знаю. Вызовите «Рейн». Пусть сядет на космодроме. Пусть даже не садится, пусть хотя бы запросит посадку — они и тогда не решатся.

— Откуда вы знаете о миссии «Рейна»? — повторил прозектор.

— Оттуда, откуда я о ней знаю, — фыркнул Менигон. — Меня уже тошнит от глупых вопросов. А вас?

В глазах прозектора что-то мелькнуло и тотчас погасло. Ага, с удовлетворением подумал Менигон, все-таки я тебя завел. Все-таки достал тебя, тритона пятнистого. Холоднокровного. Не любишь ты меня, шеф ты мой, трупорез, терпеть ты меня не можешь, другой бы от тебя после этих слов не вышел, но с Менигоном не тебе, трупорез, решать, вот ты и бесишься, Шелудивый. Знаешь свою собачью кличку? А знаешь, кто ее тебе дал? Знаешь, конечно, ты у нас все знаешь, **123**

и «мой дорогой» звучит у тебя как «сукин сын». Кто такой Готлиб Асплунд? Никто не знает, а кто знал, тот забыл. Шелудивый ты, а никакой не Готлиб, полип ты поганый, нарост на наросте, а ведь ты меня боишься: на Земле меня могут попросить дать оценку и твоей деятельности тоже...

— Я повторяю свой вопрос, — сказал прозектор. — Откуда вам стало известно о миссии «Рейна»?

— Ниоткуда, — ответил Менигон. — Не знаю я никакой миссии. Просто ткнул пальцем и попал. Вас это устраивает?

Было отчетливо видно, что прозектора это не устраивает. Какое-то время он сидел молча, соображая, как видно, что-то, и синяя жилка на черепе мало-помалу перестала вздрагивать и пропала.

— Вам не кажется, мой дорогой, что последнее время вы стали говорить со мной в недопустимом тоне?

— Я каюсь, шеф, — злобно сказал Менигон. — Я приношу свои извинения.

— Это ваше личное дело, что вы там приносите. Но прошу вас помнить, что на Прокне вы подчинены непосредственно мне. У вас есть еще вопросы?

— Есть. — Менигон подался вперед. — Вы вызовете «Рейн»?

— Нет.

— Почему?

— Я вам уже объяснил почему, — сказал прозектор. — Потому что решать судьбу Редута должен его народ, а не Земная федерация. Вам понятно?

— Этот народ на четыре пятых состоит из граждан Земной федерации, — возразил Менигон. — Вам это в голову, очевидно, не приходило?

— Пока они находятся здесь, они в первую очередь граждане Редута, — сказал прозектор. — А Редут — член Содружества Прокны, а Прокна в лице Содружества — ассоциированный член Лиги Свободных Миров, и хватит об этом. Я не собираюсь обсуждать указания руководства, имейте это в виду, мой дорогой. И вам не советую.

Менигон взял банку с кислятиной, отпил залпом.

— Так бы сразу и сказали, шеф, — морщась, выдавил он. — Указания руководства — это, конечно, другое дело, без указаний нам жизнь не в жизнь. Это вы правы. Пусть убивают людей, нам-то какое дело?

Прозектор посмотрел на него мрачным взглядом:

— Не мне бы, — с ядом сказал Менигон. — Это вы тонко подметили, шеф. Конечно, не мне бы. Вам бы это говорить! — крикнул он, уже не сдерживаясь. — Вам бы! Менигон — скотина, наемник и дерьмо, это всем известно! Был в гончих! Нюхает гриб! Сам пошел на вербовку! Работает за деньги — фу, какая мерзость! — не то что вы, шеф, — вы-то, конечно, работаете за идею, хотя платят вам, я думаю, больше моего... И вы молчите, именно вы! Со своей идеей! Зачем Земле адепты идеи, которых убивают? Убивать будет не вас...

— Встать! — негромко скомандовал прозектор. Менигон в голос выругался. — Встать! — повторил прозектор, не меняя тона. Менигон медленно поднялся. «Банкой в висок, лысиной об стол, — мелькнула в голове шальная мысль. — Как просто...»

— Когда вы в следующий раз будете думать, — неторопливо произнес прозектор, — а я надеюсь, что это когда-нибудь случится, — дайте себе труд вспомнить, что думать предпочтительнее головой. Я со своей стороны настоятельно вам это рекомендую. Садитесь.

Менигон сел. В голове у него стучало. Пятнистая лысина маячила соблазнительно близко — один хороший прыжок, и...

— Сегодня охрана проводила внеочередной рейд, — как ни в чем не бывало проговорил прозектор. — По плану «сеть». Я подумал, что вам, мой дорогой, это будет интересно. Так вот, в одном из ущелий к востоку от Большого Каньона... — Он неспешно допил из банки сок и повертел ее в руках. — Продолжать?

— Да. — Менигон сглотнул. — То есть вам виднее, шеф.

— Мне виднее, — с горечью сказал прозектор, — что вы, Винсент, с преступным легкомыслием относитесь к собственной безопасности. Это мне виднее, чем вам... Сказать вам, что было в том ущелье? — рявкнул он неожиданно. — Лагерь беглецов, не больше, не меньше! И вы в нем были! Вы в нем бывали неоднократно, несмотря на все мои инструкции, попробуйте только отрицать! Вы в нем бывали, еще когда работали с Хромцем Гийомом! Вы в нем бывали, когда получили нового напарника, мало того, вы бывали там вместе с напарником! Вы возили беглецам пищу и крали для них оборудование! Вы поставили под угрозу самый смысл нашей работы в Редуте! — Прозектор отшвырнул пустую банку, и она задребезжала по полу. — Скажите спасибо, что Живоглот — это только Живоглот, а не гений сыска, — сказал он

более спокойно. — К счастью для нас, он даже не профессионал, а его громилы который раз ухитряются не взять ни одного человека живьем.

— Всех? — с трудом спросил Менигон.

— Всех, — сказал прозектор. — Первым же залпом. В кашу. Считайте, что вам повезло.

И вам, подумал Менигон. Вам в первую очередь, что же вы себя-то забыли, шеф? Каждый разговорится, попав к Живоглуту, — кое в чем и Живоглут профессионал. С пленного — на Менигона, с Менигона — на Шелудивого... Это только древние стойки, шеф, умели кончать счеты с жизнью задержав дыхание, я ведь так, шеф, не умею. И тут вы правы, шеф, можно считать, что нам повезло, можно встать и на такую точку зрения... Всех в кашу. Восемь человек... восемь друзей, пусть не единомышленников, но людей близких... кто их осудит за бегство из того кошмара, что зовется Порт-Бьюно?... двоих сам привез... зачем? Чтобы в кашу? Нэйджел, Доминик, Карл, Сергей, Петер... Сергей был действительным членом Академии, Искандер расспрашивал его о Симо Муттике. Какие люди! Жить в древних развалинах, в холодном заустении, жить не дни, а годы, прятаться, ежеминутно чувствуя себя благодарным объектом для травли, жить и работать, насилюя старую натурализационную камеру со слабой надеждой найти способ приспособить человеческий организм к условиям крайнего высокогорья — хотя бы на время. На несколько суток. На столько, сколько понадобилось бы для того, чтобы перейти хребет пешком... Опыты на себе, неизлечимые аллергии... Не через Хинаго же добираться до Межзоны — какое государство выпустит квалифицированные кадры? Через хребет. Через перевалы высотой в одиннадцать километров. В последнюю встречу они говорили, что с натурализацией, кажется, начало получаться... «Знаешь, Винс, сколько вчера Петер лежал на аммиачном снегу? Тридцать одну минуту! Уже кое-что, а?...» Значит, в кашу, шеф? В кашу?

— Это точные сведения? — осторожно спросил он.

— Более чем, — ответил прозектор. — Сказать вам, Винсент, почему я согласился на личную встречу с вами?

«Чтобы надавать плюх», — подумал Менигон, напрягаясь. Сейчас должно было начаться самое главное.

— Я теряюсь в догадках, шеф.

Прозектор скользнул по нему изучающим взглядом. Словно прикидывал: стоит ли?

— Что вы можете сказать о человеке по фамилии Шабан? Начинается, подумал Менигон. Опять. Значит, намеки уже побоку, приперло, что ли? Плохо же я вас знаю, шеф, если до сих пор не понял, что вы от своего не отступитесь. Зачем вам Шабан, шеф? Что тебе нужно от Искандера, Шелудивый?

— Это мой напарник, — сказал Менигон.

— Дальше.

— Он был в моем подчинении до последнего времени. Теперь у него в напарниках какой-то стажер.

— Это все, что вы можете сказать? — осведомился прозектор.

— А что еще? — Менигон развел руками. — Ну, хороший специалист и все такое. Дисциплинирован, начальство о нем высокого мнения. Был когда-то пилотом, летал через хребет в Южные Земли... да вы об этом знаете, шеф. Что еще? Был неплохим напарником, у меня с ним, шеф, особых проблем не было...

— Его деловые качества мне известны, — сказал прозектор. — Меня интересуют личные. Вы ведь, мой дорогой, кажется, с ним друзья?

— Более или менее, — осторожно ответил Менигон. — Впрочем, последнее время скорее менее, чем более. А что?

— И как он вам? — спросил прозектор. — Я имею в виду: как человек?

Менигон пожал плечами:

— Нормально...

— А подробнее?

— Человек как человек, — раздраженно сказал Менигон. — Хороший человек. Наивный только, а так — ничего. Хороший, как все дети, такая формулировка годится?

— Как все дети... — Прозектор пожевал губами. — Интересно. И в чем это выражается?

Утомил ты меня, подумал Менигон. Лезет, невымытое рыло, куда ему не следует, нависает, как над покойником... И уже, наверное, придумал, где будет отсиживаться завтра. Это у него не профессиональное, это уже видовое. Какая-то особая порода приматов.

— Да в чем это выражается? — протянул он. — Ну вот, например, он учит модель разговаривать... — Прозектор молча кивнул. «Знаешь, — с удовлетворением подумал Менигон. — Конечно, знаешь, Шелудивый, так вот чьи были «блехи», по крайней мере одна из них, а ведь тебе Искандер

зачем-то очень нужен...» — Еще он у нас человек долга, — продолжал он равнодушным голосом, — есть в нем такой феномен. Причем, знаете ли, шеф, долга не перед Редутом, а прямо перед человечеством, на меньшее он не соглашается. Это у него, наверное, с кадетской школы: ему кому-то служить надо. Привез из-за хребта дурацкую дилемму о том, что достойнее: долг перед человечеством или долг перед разумом. Вбил себе в голову, что человек должен иметь какое-то право загрязнять землю своими экскрементами. Мучается, бедный. Спрашиваю: а никому не служить ты не можешь?

— А он что же?

— А он меня послал. Передать дословно, шеф, куда именно?

Прозектор не торопясь встал из-за стола, распахнул холодильник с табличкой: «Препараты», достал еще одну банку кислятины и сдернул колпачок. Сел.

— Под разумом здесь, вероятно, понимаются эти... как их...

— Вариадонты, — напомнил Менигон. — Оазис негуманной разумной жизни по ту сторону хребта. Я вам докладывал, шеф.

— Да-да, вариадонты, — сказал прозектор, смакуя сок. — Именно вариадонты, благодарю вас, мой дорогой. То, что вы рассказали, очень интересно. Скажите, а он никогда не рассказывал вам о своих детских годах?

— Н-нет, шеф, — сказал Менигон. — Кажется, ни о чем таком мы с ним не разговаривали. Зачем это?

— Может быть, все-таки что-нибудь вспомните?

Кой черт...

— Простите, шеф, — твердо сказал Менигон. — Я должен понять, к чему ведут ваши расспросы. — «Сейчас опять скомандует встать», — подумал он. — Извините, шеф...

Прозектор сделал неуловимое движение рукой. Над столом, между ним и Менигоном сгустилось и повисло объемное изображение. Где прятался проектор, догадаться было невозможно.

— Как вы полагаете, Винсент, что это такое?

Менигон взгляделся. На снимке была какая-то пустыня. Рыжий песок, всхолмленный унылыми барханами, тоскливо уходил к горизонту, нарушенному с левой стороны снимка цепочкой невысоких рыжих скал («Песчаник», — определил Менигон), отбрасывающих на песок резкие тени. На приличной высоте над песком зависла в небе некая неровная

— Черный корабль, что же еще...

— Правильно, — кивнул прозектор, — а это что такое?

Морская гладь. Штиль или что-то близкое к штилю — волн почти нет. Море холодное, вода свинцового цвета. Огромное солнце красиво садится в море, на воде дрожит огненная дорожка. В небе — клякса.

— Опять черный корабль, — сказал Менигон. — Где это, шеф? На Прокне?

— На Земле, — сказал прозектор.

— Шутите, шеф, — предположил Менигон.

Еще одно неуловимое движение рукой.

— Ну а теперь? — Менигон открыл рот. — Как вам нравится этот снимок? Можете выругаться, Винсент, я разрешаю.

Разрешает он... Счастья-то! Менигон с усилием сглотнул. Ну, спасибо тебе, трупорез, обрадовал. Черный корабль над Ватиканом — надо же додуматься... Другого места им не было?

— Монтаж?

— Ничего подобного, — отозвался прозектор. — Кадры, увы, настоящие.

— Ошибка исключается?

— Абсолютно. Объекты, известные на Прокне как так называемые черные корабли, имеют совершенно специфический спектр излучения, и выявить это на снимке, поверьте мне, Винсент, ничего не стоит. При самом поверхностном анализе. Ошибка исключена, а мистификация, скажем так, затруднительна. Кроме того, некоторые снимки были в разное время выполнены нашими сотрудниками. Вам этого достаточно?

— Да, — сказал Менигон. — И давно это?

— Что — давно?

— Я спрашиваю: давно это началось?

Прозектор усмехнулся:

— Первый снимок был сделан около сорока лет назад... — Менигон отвалил челюсть. Сейчас нужно было быть особенно осторожным. Нет, кажется, не переиграл, трупорезу понравится... — Впрочем, устные сообщения поступали и раньше. Я полагаю, на Земле вас ознакомят с этим более подробно. Сейчас там, знаете ли, бум: снимки, рисунки, свидетельские показания... В большинстве, конечно, чушь, но один-два процента подобных сообщений достойны внимательного изучения. Примерно так же, как в Темные века с летающими тарелочками — знаете историю? Обывателю интересно. К счас-

тью, мы пока в состоянии контролировать этот поток информации — не знаю, надолго ли, но в состоянии... Вам понятно, для чего я вам это рассказываю?

Менигон хмуро кивнул:

— Новое задание?

— Нет, новая ориентировка. Что касается задания, то вы, мой дорогой, уже давно его выполняете... — Прозектор неторопливо отпил сока. — Гм, этот кислее... Извините меня, Винсент, до сих пор я не имел права сказать вам об этом более откровенно... Кстати, я вовсе не убежден в том, что вы восприняли бы серьезно: ну, летает там что-то такое... неязвимое, первым не нападает, и слава богу, — в общем, какая-то сомнительная фантастика, а вы у нас человек конкретный, так?

— Вы мне не ответили, при чем тут Шабан, — напомнил Менигон.

— Отвечу, мой дорогой, имейте терпение. Итак, давайте разберемся с тем, что мы имеем. Несколько более сорока лет назад было получено первое достоверное сообщение о появлении объектов, имеющих вид темного сгустка и названных впоследствии кораблями щитоносцев или черными кораблями. Насколько известно, впервые их заметили на Марции и там же впервые попытались атаковать. В дальнейшем поток сообщений о щитоносцах нарастал лавинообразно. К настоящему времени мы имеем сведения о появлении черных кораблей на тридцати семи планетах, входящих в Лигу Свободных Миров, на четырнадцати планетах-колониях и на двух планетах, обособившихся от Земли и не вошедших в Лигу по причинам, на которых мы сейчас останавливаться не будем. И ни одного наблюдения в космосе или в известных нам субпространственных Каналах. Либо они там ненаблюдаемы, либо пользуются иными, пока совершенно неясными нам способами межзвездных сообщений. Так или иначе, черные корабли наблюдаются только в атмосферах или на поверхности обитаемых планет и только визуально — локационные средства здесь совершенно неэффективны. О появлении щитоносцев на Земле я уже говорил. Резюмирую: в последние годы освоенная человечеством часть Галактики стала представлять интерес для силы, о которой мы, земляне, не имеем ни малейшего понятия. Надеюсь, вас, гражданина Федерации, это не устраивает так же, как и меня, Винсент...

— Далее. За все это время ни одна из попыток вступить с щитоносцами в контакт или уничтожить их средствами, имеющимися в распоряжении человечества, не принесла успеха. Черные корабли абсолютно неуязвимы. Далее. По крайней мере в восьми случаях наблюдалась высадка с черных кораблей наземных транспортных средств крайне необычного для земной техники вида. Излишне говорить о том, что эти транспортные средства также являются неуязвимыми. Иногда черные корабли контратакуют, уничтожая нападающих, иногда — нет. Какой-либо закономерности во всем этом уловить не удастся, за исключением того, что они никогда не нападают первыми. Собственно, это ни для кого не секрет. Вывод?

— Какой тут вывод, — сказал Менигон. — Раз первыми не нападают... Не люди это, шеф, вот и весь вывод. Иная цивилизация?

Прозектор скосил на него один глаз.

— Вы сами-то, Винсент, верите в то, что сейчас сказали?

— Нет, — сказал Менигон. — Цивилизация, технологически превосходящая человеческую, в нашей Галактике — бред собачий. Не верю.

— Правильно делаете, — сказал прозектор. — Могу вам сообщить, что версия о чужеродной цивилизации в Центре уже не рассматривается. Пройденный этап. Тогда кто они? — крикнул он. — Что им нужно на Земле? Люди хотят это знать! Вы это знаете, Винсент? — Банка, извергнув фонтанчик сока, со стуком опустилась на стол. — И вы еще смеете приходиться ко мне со своей зас...й моралью и плакаться о крови каких-то нескольких десятков несчастных, когда рядом с нами есть сила, способная смести человечество в помойное ведро, как сонную муху! Все человечество, вы слышите!

— Это я слышу, — сказал Менигон. — Не пугайте меня, шеф, я пуганый. Дальше что?

Прозектор перевел дух и снова присосался к банке — было видно, как на шее под коричневой кожей елозит кадык. Лысину он вытереть забыл, и она блестела. «А ведь ты здорово боишься, — неожиданно подумал Менигон. — Чего же ты, Шелудивый, боишься? Не самих щитоносцев, конечно, на черта ты им сдался, их ведь ни человечество не интересуется, ни ты сам как представитель — плевать они на тебя хотели, на представителя человечества, — нет, тут что-то другое... Совсем близко, жуткое, рядом ходит. Страшно тебе, Шелудивый, не за Землю тебе страшно, а за себя, и страх у тебя

биологический: оказаться не охотником, а пожираемой дичью. Хрум-хрум. Древний такой страх, от бабуинов и дриопитеков, от ленивых трилобитов в первобытном океане — а ведь только тогда мы и произойдем от обезьяны, когда этого страха не будет...»

— Это не чужеродная цивилизация, — сказал прозектор. По его подбородку тек сок. — Это гораздо хуже, мой дорогой. Это люди.

— Хм, — мстительно сказал Менигон. — Вы сами-то, шеф, верите в то, что сейчас сказали?

— В гипотезы, мой дорогой, верят только идиоты. Их либо отвергают, либо принимают за основу для дальнейших построений. В данном случае могу вам сказать только то, что это наиболее разработанная версия, не более того. Мне разрешено ввести вас в курс дела.

— Разрешено или поручено? — спросил Менигон.

Прозектор с минуту смотрел на него без всякого выражения.

— Поручено. Это что-нибудь меняет?

— Нет, ничего, — сказал Менигон. — Это я так. Спасибо, шеф.

— Пожалуйста. Итак, во время первой волны экспансии... Кстати, Винсент, вы мне не напомните, когда она началась?

Менигон пожал плечами:

— Лет триста назад, я думаю...

— Со школьной историей у вас неважно, — сказал прозектор. — Первая волна пошла четыреста сорок один год назад и продолжалась около семидесяти земных лет. За это время Землю покинуло совершенно ненормальное количество кораблей. Вы удивитесь, но точное их число неизвестно. Не будем сейчас вникать в причины этого, рассмотрим лучше результаты элементарного анализа архивных данных. Значительная часть переселенцев освоилась на новых местах и основала колонии, более или менее процветающие, небольшая часть первоначально потерпела неудачу, как, например, на Прокне, часть вернулась на Землю. Наконец, часть кораблей с переселенцами погибла в пути или пропала без вести, что примерно одно и то же. Какие-то сообщества переселенцев искали лишь новых земель, какие-то — возможности применения на практике своих политических или религиозных концепций. Сатанисты отыскивали планету — точную ко-

132 пию Ада Буколисты — мир с райскими кущами и

тучными пастбищами. Иудеи нашли наконец свою землю обетованную. Теперь утверждают, что их привел туда Моисей... Все это общеизвестно и не должно нас интересовать, как не интересовало тогдашнее земное правительство, чья сознательная деятельность в этом направлении сводилась лишь к эпизодическому подавлению наиболее изуверских режимов на колонизированных планетах... Вы уже заскучили, Винсент?

— Что вы, шеф. Я внимательно слушаю.

— Ну-ну. Чтобы не слишком утомлять вас, мой дорогой, скажу сразу: нас интересует лишь группа из девяти кораблей, отбившая в самом конце первой волны в направлении на единственную планету, незадолго до того обнаруженную у весьма удаленной карликовой звезды спектрального класса М. Судя по архивным документам, высадка прошла успешно. На планету было доставлено около пятнадцати тысяч человек. Восемь кораблей из девяти вернулись на Землю, а один остался в распоряжении колонистов. Пока что это выглядит достаточно обычно. Необычным является состав переселенцев. Вне всякого сомнения, ядро этой компании составляли люди с чрезвычайно высоким интеллектуальным потенциалом, об этом, помимо прямых свидетельств, говорит хотя бы тщательнейшая подготовка колонизации и полный ее успех на начальном этапе. Там было несколько мировых имен того времени. Молодые, дерзкие, чертовски талантливые люди. Что же касается основной массы переселенцев, то, несмотря на крайнюю скудость архивных данных — скудость, в причинах которой еще предстоит разобраться, — достоверно установлено, что все они проходили тщательнейшую проверку по какому-то не совсем понятному нам набору параметров, и некоторые документы позволяют предположить, что отсеяв кандидатов был весьма значительным. Между прочим, при прочих равных предпочтение отдавалось женщинам.

— Евгеническая секта? — спросил Менигон.

— Именно. Как раз в то время деятельность подобных сект на Земле была повсеместно запрещена, так что мотивы переселения понятны. Непонятно другое: с тех пор об этих переселенцах никто ничего не слышал.

— Ну, это не аргумент, шеф, — сказал Менигон. — Сектанты же.

— Сектанты тоже люди. Но допустим...

— Или они все померли, — предположил Менигон. — А может, выродились в каких-нибудь тамошних

убегунов, всякое бывает. Я просто не понимаю, шеф, как можно строить на этом версию. Тогда уж давайте и нас с вами запишем в щитоносцы.

— До вас, мой дорогой, еще дойдет очередь, — сказал прозектор. — Слушайте внимательно. Несколько лет назад туннельный корабль «Салуин» по заданию Управления по делам колоний совершил рекогносцировочный прыжок к тому самому красному карлику. В сфере притяжения звезды было обнаружено полтора десятка некрупных астероидов заведомо естественного происхождения, несколько короткопериодических комет, пара метеорных потоков и тому подобная космическая мелочь. Но планеты обнаружено не было. Она исчезла.

— Усохла, — съязвил Менигон. — До невидимости.

— Планеты найдено не было, — бесцветным голосом повторил прозектор. — Собранные «Салуином» данные позволяют полностью исключить возможность космической катастрофы. По эволюции орбит астероидов удалось вычислить, что планета исчезла около шестидесяти земных лет назад. Она не взорвалась, не была поглощена красным карликом и вообще не покидала своей орбиты. Она просто исчезла как материальное тело. Со всеми обитателями. Имейте в виду, Винсент, я излагаю только голые факты. До построения гипотезы дело у нас пока не дошло.

— Чего там строить, — сказал Менигон. — Ясно же. В Центре считают, что эти самые умники-евгенисты обставили человечество по всем статьям и эволюционировали в щитоносцев. Так?

— Упрощаете, Винсент, упрощаете, — сказал прозектор. — Впрочем, если вам так удобнее... Короче говоря, из всех существующих на сегодня версий эта считается наиболее вероятной.

— Куда они планету-то дели? — спросил Менигон.

— Спросите у них, — посоветовал прозектор. — Кстати, это еще не самое неприятное. Здесь по крайней мере есть несколько безумных гипотез. Подпространство, надпространство, внепространство и тому подобное. Я не физик. Непонятно другое: как могло случиться, что изолированная община пусть даже очень талантливых людей опередила в своем развитии все человечество? Подобных примеров в истории не было. Вот в чем главная трудность этой гипотезы, мой дорогой, а вовсе не в том, куда подевалась планета. С планетой разберутся.

Ну конечно, фыркнул про себя Менигон. У вас там в Центре с кем угодно разберутся, и с планетой даже. Разбираться вы умеете. Ни черта у вас не выйдет, пока не захватите хоть одного живьем — и тогда уж вы разберетесь... Придумали себе проблему: отчего-де евгенисты быстрее вас развиваются? Да не они быстро развиваются, а вы медленно, но откуда вам это знать?

— Согласен, шеф, — проговорил он совсем не то, что ему хотелось сказать. — Ерунда какая-то. Всякое сообщество людей, оказавшееся в изоляции, топчется на месте. Общий закон развития.

— Вы им, что ли, законы писали, мой дорогой? — усмехнулся прозектор. — Жаль, конечно, что не вы... — Он сделал паузу, позволяя оценить юмор. — Повторяю, Винсент: это были очень способные люди. И мы ровно ничего не знаем об их социальной структуре — а ведь она могла оказаться куда более способствующей развитию... ну, хотя бы техники. К примеру. Вы никогда не задумывались о том, что ни одна из опробованных на Земле социальных моделей не была специально направлена на ускорение прогресса?

— Нет, шеф, — качнул головой Менигон. — То, что вы сказали, конечно, очень интересно, шеф... А при чем тут Шабан?

— Выпейте сока, мой дорогой, — сказал прозектор. — Выпейте, выпейте, это хороший сок. Для здоровья очень полезно.

Менигон, заранее морщась, отпил глоток. Его передернуло.

— Двадцать пять лет назад, — как ни в чем не бывало проговорил прозектор, — некий человек по имени Клаус Мейбергер привел в кадетскую школу при Северо-Западном Центре Вэ-Эс восьмилетнего мальчика. За ручку. Этот человек назвался отчимом мальчика, что подтверждалось предъявленными документами. Определив мальчика в школу, он исчез и больше не появлялся. В скобках замечу: человек этот не найден и по сей день, несмотря на самые тщательные поиски как на Земле, так и за ее пределами. Вас это не настораживает?

— С какой стати?

— Очень хорошо. Судя по документам, мать мальчика умерла несколькими днями ранее, отец же погиб в катастрофе, когда ребенку было два года. История, как видите, печальная, но вполне заурядная. Если бы не одно обстоятельство: в день появления мальчика в школе не далее как в пяти километрах от нее несколько случайных наблюдателей независимо друг от друга видели черный корабль.

— Совпадение? — спросил Менигон, вертя в пальцах банку с соком.

— Отнюдь. В разное время в различные закрытые учебные заведения Земли при подобных обстоятельствах было определено по меньшей мере шестеро детей от пяти до тринадцати лет от роду. Умершие родители этих детей отличаются одним любопытным свойством: они никогда не существовали в природе. В полной мере это касается и родителей вашего приятеля, включая его так называемого отчима. И во всех случаях поблизости наблюдался черный корабль. Что вы на это скажете, мой дорогой?

— Он как-то раз говорил со мной о родителях, — хмуро сказал Менигон. — Мать, во всяком случае, он помнит, это точно.

— Не сомневаюсь, — сказал прозектор. — Удалось установить, что у вашего приятеля первые дни в школе реакция была адекватная: плакал по ночам, звал мать. Потом-то, конечно, освоился.

— Ложная память? — спросил Менигон.

— Искусственно наведенная ложная память. Полагаю, Винсент, мне не нужно разжевывать вам, что это такое. Плюс к тому, вероятно, полностью стертая истинная память. Трое из этой шестерки, оказавшиеся в пределах нашей досягаемости, были подвергнуты тщательнейшему обследованию, один добровольно, остальные — так... Нет сомнения, что все трое принадлежат к тому же биологическому виду, что и мы с вами. У всех троих как физический, так и интеллектуальный уровень несколько выше, чем у среднего человека, в особенности же это касается интеллектуального уровня. Синдром Клоцци встречается главным образом у людей высокоодаренных, не так ли, мой дорогой? — Менигон не ответил, и прозектор утвердительно наклонил лысину. — А также у шизофреников, — добавил он, помедлив. — Впрочем, у них он, кажется, лечится... Что же касается истинной их памяти о том, что происходило с ними в раннем детстве, то тут самые изощренные методы ментоскопии оказались бессильными. Эта память либо уничтожена полностью, либо скрыта на недосягаемом для нас уровне. Картинки же ложной памяти выглядят у них на диво сочно и рельефно.

— У шизофреников? — поинтересовался Менигон.

— Бросьте шутить, Винсент, — строго сказал прозектор. — Бросьте. Не до шуток. Я уважаю ваши чув-

ства, но прошу понять меня правильно. Могу вам сказать, что теперь, и только теперь, начинается ваша главная работа. У вас есть ваш приятель. У вас есть по меньшей мере два-три дня времени. Действуйте.

— Что я должен делать? — сипло спросил Менигон и откашлялся.

— Наблюдать, — сказал прозектор, прихлебывая из банки. — Не спускать глаз. Особенно в свете завтрашних событий. В случае появления черного корабля — имейте в виду, что в Центре считают его появление возможным и даже вероятным, — немедленно фиксировать реакцию вашего друга. В остальном вы достаточно подготовлены для того, чтобы в случае необходимости действовать по обстановке. Это все.

— Я могу быть свободен? — спросил Менигон, вставая.

— Да, — сказал прозектор. — Действуйте, мой дорогой. Отчет представите послезавтра.

— По цепочке?

— Я же сказал: бросьте шутить, Винсент, — сказал прозектор. — Отчет представите мне лично. Устно. О времени и месте вас известят. Желаю удачи.

— Спасибо... — Менигон повернулся и косолапо пошел к двери. Он чувствовал, что мысли у него путаются. Ну спасибо тебе, Шелудивый... Следить за Искандером... всю жизнь мечтал. Вот кого ты боишься, вот кто рядом ходит... Рассказать тебе, что ли, как нынче черный корабль спас Искандера? Да ведь ты со страху в штаны наложишь, а ведь был еще один случай, о нем даже Искандер не знает, о нем вообще никто не знает... И не надо. Противно. Зашевелился Центр, землю роет... Разворошили гадючье гнездо... ткнул кто-то палкой — вы и поползли... Согласны потерять Редут, и на кровь вам плевать, согласны лишиться хоть всей Прокны и половины колоний в придачу, тем более что это все равно случится рано или поздно, — только бы вам знать, что за сила нависает над вами, только бы знать, никогда вы не поймете, что эта сила ни над кем не нависает, а поймете, так и сами не поверите, и другим не дадите...

...Квакал сигнал и выл насос, прокачивая шлюзовой воздух через обеззараживатель, вспыхивала и гасла надпись: «Индивидуальные фильтры — в очиститель!», по ногам тянуло холодом. Старикашки на посту не оказалось: не то ушел спать, не то где-то бегал, разыскивая, кому бы доложить о подозрительном поведении. Над головой, ярусом выше, уже не дра- 137

лись, а чинно пели в несколько голосов «У модели есть на теле», слышался далекий взлаивающий хохот да где-то обиженно бормотал пьяный, на которого наступили. Менигон медленно сжал кулак, смятая забытую в руке банку. Липкий сок, шипя, потек по запястью и вдруг, прорвавшись, брызнул из-под пальцев яркой, отчаянно-оранжевой струйкой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Все получилось бы прекрасно, если бы Лиза опять не задала вопрос, от которого в ту минуту не взвыл бы, пожалуй, лишь безнадежный евнух: зачем? Подразумевалось, очевидно: зачем мы этим занимаемся? Шабан взвыл. Теперь, стоя перед Поздняковым, он кусал губы, вспоминая то, что было. Вскочил, заорал что-то несусветное, громко, должно быть, орал, потому что в ответ завопили в соседних апартаментах и застучали в стену. Тогда он замолчал, но не успокоился и только шипел от злости, с бешенством глядя в расширенные детские глаза. Ну невозможно же, будь она человеком, прогнал бы к чертям собачьим такую дуру. То-то и оно, что она не человек и не модель, а что-то промежуточное. Модель ласкалась, обнимала и прижимала, показывая свое врожденное искусство, модель, давая наслаждение, наслаждалась сама, и было видно, что ей хорошо, она даже постанывала, извиваясь под его руками, но наслаждалось только тело, сегодня Шабан это понял, а в этом теле оказалось что-то еще, что неожиданно просочилось наружу и в разительном несоответствии с движениями бедер спросило просто и ясно: зачем?

Поди ответь. Гораздо проще вскочить и наорать. Может быть, зря я вообще это начал, думал Шабан, следя за Поздняковым. О себе ведь заботился, шкурные мои интересы. А нужно ли Лизе становиться женщиной? Кто из двоих счастливее: модель или женщина? Модель, разумеется, тут и вопроса нет. Женщины варианты и вероятностны. Одна желает быть львицей, другая кошечкой. А третья — курицей, которую топчут. Кто может сказать заранее, которая окажется счастливее? Зато

138 модель счастлива всегда, когда к ней прикасается хозяин, будь он херувим или мерзавец, манекш или даже

импотент. Ей все равно. Это заложено в ее сущности, стоит ли переделывать? И трудно, мучительно трудно, и ей это совсем не нужно, а я все пыжусь, и в результате: ЗАЧЕМ? Сильный, между прочим, вопрос, для Лизы — просто очень сильный, и требует сильного ответа, а где я его возьму? Кроме одного, и тот звучит по-идиотски: я так хочу. А в причины мы вникать не будем, ладно? Хочу вот, и все. И ты хоти.

Поздняков был занят. Сколько Шабан его помнил, он всегда был занят: то сосредоточенно манипулировал клавишами служебного компа, добираясь до каких-то архивных данных, то вел разговоры по внутренней связи или, не принимая в расчет автоматику, принимался лично вызывать какую-то не вышедшую вовремя на связь группу, то попросту без видимой причины начинал перекладывать предметы на обширном столе, но что бы он ни делал, даже если, тряся благородной сидящей шевелюрой, кричал на кого-то по громкой связи, он не переставал кивать: продолжайте, продолжайте, я вас слушаю... Самым удивительным в нем было то, что он действительно слушал.

— Да-да, — сказал он, и его пальцы не в такт простучали по клавишам. — Да! — Он взгляделся в экран и оттолкнул от себя комп. — Так ты говоришь, вариадонты — разумная форма? Ну хорошо. А как твоя последняя разведка?

— Ничего интересного, — сказал Шабан. — Результаты в архиве, можно посмотреть еще раз. Но на первый взгляд — ничего.

— Верю, верю, — кивнул Поздняков. — Другому бы на слово не поверил, а тебе верю. В последнее время, к прискорбию, участились случаи фальсификации, приходится наказывать. Во имя большинства мы должны быть твердыми, даже жесткими по отношению к случаям нечестности и разгильдяйства, с ними мы должны бороться вплоть до полного их устранения. В этом наш долг, это тяжело, но необходимо, поэтому мы должны быть непреклонны, ты со мной согласен? Я рад, что ты тоже так думаешь. Как тебе понравился новый напарник?

— Более или менее, — сказал Шабан. — Сразу, конечно, не разглядишь, но, по-моему, ничего парнишка. Вчера хорошо себя вел, задатки есть... — Он вдруг понял, чего хочет Поздняков. — Спасибо вам за парня, — сказал он, спохватившись. — Парень что надо. Огромное вам спасибо. Вы ведь это специально для меня, да?

— От тебя не скроешь, — благодушно сказал Поздняков. — На летуловишь, приятно с тобой работать.

— Спасибо. — Шабан сделал вид, что смутился. — Большое спасибо. Тут у меня еще транспортный вопрос. «Армадил» дадите?

— «Армадил»? — с улыбкой переспросил Поздняков. — А у тебя какой вездеход?

— Обыкновенный, типа «эшевен». Кормы у него после вчерашнего, считайте, нету.

— Возмутительно! — сердито сказал Поздняков. — Нет, это черт знает что такое! Это просто возмутительно! Вот так у нас и бывает: нет внимания к ценным кадрам, нет порядка в обеспечении, карьеристы и горлопаны лезут вперед, а заслуженные работники довольствуются бог знает чем. Я думал, ты давно уже на «армадиле». Что же молчал? Нет, ты тут ни при чем, это мой просчет, и я его исправлю, это моя обязанность и мой долг перед разведчиками, да что там — это мой долг перед всем Редутом! Каждый на своем уровне, каждый на своем участке, все вместе, плечом к плечу, невзирая ни на что, с чувством ответственности, с осознанием своего долга, всосанным с молоком матери или воспитанным... долг перед обществом превышает личных интересов, только так, а не иначе!..

Слово «долг» склонялось еще минуты три. Впрочем, в этот раз, как и во все предыдущие, Шабан не узнал о долге ровно ничего нового и только старался не зевнуть. Поздняков был гневен и величествен, лицо его окрасилось благородным румянцем. Он даже пристукнул по столу, заставив подскочить комп, и хотел немедленно связаться с начальником подотдела служебного транспорта, чтобы потребовать объяснений, но вспомнил, что время еще слишком раннее, и остыл, отдуваясь. «Не видать мне «армадила», — хмыкнув про себя, подумал Шабан. — И не надо».

— Да, конечно, — сказал он, дослушав. — Разумеется, вы правы. Но не все так думают.

— Вот именно! — воскликнул Поздняков и рубанул рукой воздух. — Вот именно, не все! А почему? Почему, я спрашиваю? Кто мне ответит на этот вопрос? Потому что мы мало работаем с личным составом, вот почему! Потому что личный состав разлагается с ужасающей быстротой, потому что даже те немногие из нас, кто родился и вырос в Редуте или, сказать шире, на Прокне, — даже эти немногие понимают свой

140 долг лишь в самом вульгарном, деловом смысле, вот

почему! Что же говорить о большинстве? Повальное пьянство, пассивное неподчинение, грибной порошок... Мы не можем и не будем с этим мириться, такая безответственность слишком дорого стоит. Чем занимается отдел Массового Досуга? Уже ни для кого не секрет, чем они там занимаются. Такому положению дел необходимо положить конец, и грош нам цена, если мы этого не добьемся! Я сегодня же буду говорить об этом на Совете!

— Лучше бы о вариадонтах, — напомнил Шабан. — Право, лучше бы.

— О чем? — недовольно переспросил Поздняков. Он потерял нить, и его речь не получила должной концовки.

— О ком, — поправил Шабан. — О вариадонтах. О разумной форме жизни. Они в Южных Землях, я же вам уже говорил. Они в опасности.

— Да-да, — сказал Поздняков. — Да, конечно, Искандер. Я знаю, что на тебя можно положиться в любом деле, я всегда это знал. Достояние Редута — это достояние Редута, и разбазаривать достояние мы никому не позволим. Нельзя забывать, что мы на переднем крае, нельзя, развивая успех в центре, пренебрегать флангами. Человечество нам этого не простит. Признаться, я не вполне понимаю, какую эти — как ты их называешь? — могут представлять для нас ценность. Может быть, в отдаленной перспективе... — Поздняков морщил лоб, его рука совершала сложное движение, будто вворачивала невидимый шуруп. — Да, ты, безусловно, прав: думать о перспективе необходимо, кому же и думать, как не нам с тобой. Еще раз благодарю, Искандер: ты, как всегда, принес ценную информацию. Я же со своей стороны приложу все усилия...

Шуруп был закручен, и рука твердо легла на стол: вопрос был решен. Сегодня рука была обыкновенная, тяжелая и крепкая, внушающая доверие, совсем не похожая на ту суетливую конечность, что металась по поверхности стола, когда кабинетные стены кричали голосом погибающего Гийома, и искала, искала на ощупь клавишу отключения громкой связи, и все никак не могла найти... Если бы не эта мечущаяся рука, сегодня особенно назойливо вертевшаяся в памяти, Шабан бы, пожалуй, поверил. Ему очень хотелось верить.

— Извините, — сказал он, потупившись, — я так не могу. Так нет смысла... Черт, что я говорю — нет смысла... — Он потер ладонью лоб, и ладонь стала влажной. — Их же убьют, вы понимаете! Обыкновенно, примитивно убьют. **141**

Случайно или для удовольствия. Вчера уже подстрелили двух ложнокрылов — кому они мешали? Дорвалась свинья до корыта... У нас под боком идет Процесс, рождается новая разумная раса, а мы не желаем подвинуться! — Он уже кричал, но не замечал, что кричит. — Единственная, помимо нас, во всей Вселенной разумная раса! Кто нам простит ее уничтожение?

— Думаешь, будет скандал? — спросил Поздняков.

— Я уверен, — ответил Шабан. Он чувствовал, что бьет туда, куда нужно. — Конечно, будет скандал. С Межзоны начнется, Земля, вне всякого сомнения, поддержит, да и Лига, пожалуй, тоже. Я не специалист, но ясно же...

— Гм, — сказал Поздняков. — Возможно, ты и прав. Впрочем, Лига — вряд ли... Я всегда говорил, что нельзя недооценивать всю глубину последствий, наш долг — мыслить и взвешивать. Так ты считаешь, что их следует взять под охрану?

— Нет, — сказал Шабан. — Я так не считаю. — «Это ты можешь — под охрану, — подумал он с тихой яростью. — Только это ты и умеешь со своим Живоглотом, не зря вы с ним друзья-приятели. Чувствуется стиль. Додумался: приставить к Процессу мерзавцев с карабинами!»

— А как же ты считаешь?

— Не надо им охраны, — сказал Шабан. — Им не нужно, чтобы их охраняли, им нужно, чтобы их не трогали... — Он помолчал секунду и решил: — Закрывать тоннель — вот что нужно! Заткнуть эту дыру. Отложить освоение месторождений Юга хотя бы на один год, рассказывайте другим, что мы не можем себе это позволить! Не лезть туда свиным рылом — вот что нужно! Экспертов из Межзоны! Представителей от Земли и Лиги! Этим пустить, всех остальных — в шею!

— Да-да, — сказал Поздняков. — Может быть. Я не думаю, что ты прав, однако...

«Однако» повисло без опоры. Поздняков не вскочил, не наорал в ответ на чудовишную ересь, не пригрозил шельфом, не напомнил о долге и не сказал внушительно: «Нельзя, Искандер, нельзя этого», — он остался сидеть, но его пальцы тихонько барабанили по столу. Чем-то он был взволнован, что-то не давало покоя. Что?

— Я собирался подать докладную, — мрачно сказал Шабан.

— Мне?

— Нет. В Правительственный Совет.

— Прекрасная мысль, — кивнул Поздняков. — Что

142 же не подал? Испугался? Ну, шучу, шучу, не обижай-

ся. Я тебе чрезвычайно признателен, Искандер. Ты не просто толковый работник, ты еще и человек равнодушный, такое сочетание встречается отнюдь не часто. Вот что: Совет считает полезным учредить должность заместителя начальника геологической службы по работе с личным составом. Как ты согласишься на то, чтобы принять эту миссию на себя?

— Вы не шутите? — спросил Шабан.

— Какие тут могут быть шутки. Подумай, Искандер. С твоим-то опытом работы, с твоей, не побоюсь этого слова, принципиальностью не дело прозябать в рядовых разведчиках. Твой друг Менигон в гору пошел, и тебе пора. Впрягайся. Я помогу на первых порах, но предупреждаю: работы много. Так как?

— Не знаю, — нерешительно сказал Шабан. — Вообще я с людьми-то не очень... Есть другие, лучше... Я не справлюсь, наверное.

— Чепуха, — отмахнулся Поздняков. — Справишься. Знаю, о чем ты думаешь: на свете существуют более интересные вещи, чем продвижение туда или сюда по служебной лестнице, ты ведь думаешь именно так, я не ошибся? Не мотай головой, это я тебе в комплимент, а не в порицание. Скромность — это хорошо, но она украшает лишь до тех пор, пока не вредит общему делу. Не хочу говорить громких слов, сейчас, когда идет борьба за очищение наших рядов, для них не время, пусть наши противники говорят громкие слова, а мы будем действовать... Мы должны и будем действовать со всей энергией и решительностью, на какую способны, мы в случае необходимости не остановимся и перед принуждением, в эту минуту нам не простится только промедление. Нерешительность нам не простится. Редуту нужны молодые, надежные и энергичные руководители, молодая здоровая поросль, способная со временем встать у руля, такова установка Совета. Давно пора навести порядок: кое-кто из нынешних руководителей явно не соответствует. Утеряно чувство ответственности, утрачена перспектива... Трех поколений не прошло — забыта общая цель! Редуту нужны такие люди, как ты, готовые из высших устремлений служить на переднем крае. Согласен? Свой кабинет на административном ярусе, в недалекой перспективе — первая служебная степень и голос в Совете в мое отсутствие. А? Договорились?

— Можно я подумаю? — спросил Шабан.

— Можно, — великодушно разрешил Поздняков. — Подумай. Только не затягивай надолго свой мыслитель-

ный процесс. Мне бы не хотелось употреблять здесь свою власть. А кроме того, — Поздняков вдруг прищурился и неожиданно подмигнул, — в случае твоего согласия руководству было бы проще закрыть глаза на некоторые факты, касающиеся тебя лично...

Лиза, понял Шабан. Поздняков еще что-то говорил, но он уже не слышал. Было страшно смотреть, как говорит Поздняков, как движется, будто жует что-то мелкое, его челюсть и беззвучно шевелятся губы, как ладонь пристукивает по столу для убедительности. На секунду, словно ухо сработало на кодовую последовательность, включился звук, и слух уловил слова «вариадонты» и «в рабочем порядке», а дальше снова пошло немое кино. Он же меня покупает, с тупой покорностью подумал Шабан. Он же меня уже купил. Вот, значит, как. Кретин, меня ведь уже не нужно покупать, я и так уже на лопатках, зачем разбрасывать должности? Вариадонтам конец, это ясно, нечего было и надеяться, что Поздняков вдруг проникнется. Глупость все это. Тупик.

— Вы знаете, я подумал, — сказал Шабан. — Я согласен.

— И прекрасно! — Поздняков широко улыбнулся. Встал, протянул руку. — Поздравляю с назначением. В десять часов заседание Совета, там я тебя и представлю...

Наверное, следовало бы зайти домой позавтракать, но Шабан не мог. Он брел наугад по пустым коридорам Порт-Бьюно, слишком оглушенный, чтобы думать о еде, ругал Клоцци с синдромом его имени и тщетно пытался разложить по полочкам ускользающие мысли. Чего по большому счету хочет Поздняков? Ничего не понятно, опять какая-то дурацкая суета, теперь и я с головой в этой суете. Для чего, например, ему вдруг понадобилось собрать всех разведчиков — опять болтать о долге? «Ты знаешь, Искандер, почти все люди сейчас в разгоне, но экстренный вызов я послал, а после Совета ты лично проконтролируй, и чтобы к вечеру все были здесь...» Зачем это? Даже простил двоих с шельфа, тоже вызвал. Со всем на него не похоже. Болтун-болтун, но если он что-то делает, значит, не зря. Что-то будет. О вариадонтах, конечно, ни слова, забыл он про них и уже не вспомнит: тут дела, видно, поважнее...

Порт-Бьюно спал. Праздничная ночь оставила в коридорах свои следы, их сейчас затирали неторопливые механические мусорщики. Из-за дверей спален слышал-

ся храп, кое-где возились, и кто-то орал, как видно, на модель: «Ты что делаешь, зараза? Я тебе как сказал лечь?!» Резанул уши тонкий женский вскрик — Шабан стиснул зубы и пошел быстрее. У моделей невысокая чувствительность к боли, тут нужно быть особым специалистом... Кто-то по соседству спросонья завопил, чтобы перестали мучить животное, и где-то тихонько засмеялись. Животное... Сами вы...

Коридоры были пусты, если не считать пьяного, валявшегося у стены и мычавшего в ответ на попытки мусорщика стрести его в бункер, да еще вдали на секунду показался Ева Панчев, махнул рукой в приветствии и исчез. В другое время Шабан окликнул бы его и с удовольствием поболтал, но теперь он был начальством и не знал, как себя вести. Ладно, с Евой еще как-нибудь обойдется. Он-то поймет, еще несколько человек поймут, но прежней дружбы, как ни жаль, уже не будет, а остальные разведчики просто возненавидят: еще один прыщ вылез!.. Креатура Живоглота! А предложи любому мое место — никто не откажется, каждый начнет делать густые намеки, что не для себя-де, а для пользы дела. И мне тоже придется.

Благопристойнее других выглядел ярус для семейных. Мусорщики сюда еще не добрались, но работы им было немного. Ярус спал. Около стены у решетки вентиляционной шахты стояла девчушка лет четырех в скромненьком платьице и водила ладошкой по решетке, а иногда делала неловкие хватательные движения. «Жу́ки, жуки, жу́ки, жу́ки...» — тянул тоненький голосок. Шабан остановился, с любопытством приглядываясь. Что еще за «жу́ки»? Может, «блохи»? Но это были и не «блохи». По решетке бегали личинки белого клеща, маленькие коричневые твари, вовсе не похожие на жуков; эта девочка никогда не видела настоящих жуков, да и откуда? Хвать! Детская ручонка устремлялась к личинке, но личинка оказывалась проворнее, и девочка разжимала кулачок, с разочарованием смотрела на пустую ладошку, и все начиналось сначала: «Жу́ки, жу́ки...»

— Это не жуки, — не утерпел Шабан. — Жуки не такие. Это личинки.

Девочка недоверчиво посмотрела на него и убрала руки за спину.

— Это жу́ки, — сказала она. — Я их ловлю.

— Лучше не лови, — улыбнулся Шабан. — Мало ли что... А родители твои где?

— Дрыхнут, — безмятежно сказала девочка. — Папка храпит — слышишь? А жу́ки хорошие, их просто кто-то очень напугал. Ты их пугать не будешь?

— Конечно, нет, — уверил Шабан. — Но в руки ты их все-таки не бери, ладно?

Он зачем-то подмигнул и пошел дальше. «Жу́ки, жу́ки...» — донеслось из-за спины. Хорошая девчушка. Это сколько же времени я не видел детей? Давно что-то. Хорошо бы так: луг, солнышко светит, а лучше даже не луг, а лесная поляна, звон мошкары, густые лесные запахи, ягоды в траве, а на поляне стоит... нет, лучше бежит по поляне, по траве, смешно выбрасывая ноги, такая вот девчушка в платьице, пронизанном солнечными лучами... А я спрятался за дерево, замшелый такой ствол, и меня не видно, тогда она останавливается, растерянно крутит головой и вдруг, заметив, бросается ко мне с радостным визгом, а тут из леса чинно выходит Лиза, с гордостью неся за ножку настоящий подберезовик с прилипшим к шляпке листком — первый в этом году...

У нас с тобой еще будут дети, Лиза. Что с того, что модель не может иметь детей? Здесь не может, но на Земле мы с тобой что-нибудь придумаем, устоял бы бюджет перед медициной. Говорят еще, будто модель может не выдержать ренатурализацию, но кто это может знать наверняка? Никто же не пробовал. Никто не экспортировал моделей на Землю, потому что ни к чему. Я вырвусь отсюда не один, моя девочка, мы с тобой вырвемся вместе — я еще не знаю, как это сделать, но пока нам нечего бояться. Ты слышала: Поздняков обещал закрыть глаза. Пусть закроет. Ты думаешь, мне нужна эта должность? Мне нужна ты, солнечная поляна и девочка, бегущая по траве, но куда там... Жу́ки, жу́ки... А это еще что?

По полу в одном с ним направлении двигалось что-то мелкое, едва заметное на сером пластике. Опять личинка белого клеща? Не-ет, на этот раз не личинка: личинки не любят света и не ползают столь целеустремленно. Не личинка, а самая настоящая «блоха». Шабан поразился. Надо же, теперь им мало внутренних коммуникаций и вентиляционных отдушин, они уже осваивают коридоры, а интеллект, о котором говорил Менигон, не позволит им угодить в контейнер мусоросборщика. Ну и ну.

Шабан постоял, раздумывая, не задавить ли «блоху» ногой, и отверг эту мысль. Всех не передавишь. Неплохо

начнут с нас. Но начинать некому. И нужно дать себе отчет в том, что мы к этому не готовы, нужно просто сознаться, что большинству на это наплевать, а те, кому не наплевать, каждый сам за себя...

Теперь он внимательно смотрел под ноги. Уже через пять шагов он заметил еще одну «блоху», столь же целеустремленно ползущую навстречу. Эта «блоха» была крупнее первой — пожалуй, не меньше пяти миллиметров в длину, — и Шабан, нагнувшись, разглядел даже тонкие усики-антенны, венчавшие голову и находящиеся в непрерывном беспокойном движении. «Блоха» действительно была похожа на мелкое и, вероятно, безвредное насекомое — в очевидном расчете на простаков, наивно выстукивающих стены в поисках подслушивающих устройств.

Расстояние между «блохами» быстро сокращалось. Шабан остановился посмотреть. Ему было интересно, что произойдет, когда «блохи» встретятся. Начнут обнюхиваться, подобно знакомым псам, или выразят чувство корпоративного единства как-нибудь иначе?

На расстоянии двадцати сантиметров друг от друга «блохи» разом притормозили и замерли на месте, поводя дрожащими усиками. Похоже, обе были не рады встрече. Через десяток секунд, убедившись в неподвижности противника, первая, меньшая по размерам «блоха» неторопливо засеменила в сторону, пытаясь обойти препятствие, но вторая молниеносно отреагировала на этот маневр и преградила ей дорогу. Некоторое время обе «блохи» сидели неподвижно, и Шабан гадал, чем это может кончиться; затем первая «блоха» попятилась назад и, развернувшись, кинулась было прочь — но в тот же момент вторая рванулась вперед с неожиданной для насекомого скоростью, послышался негромкий шелчок, и Шабан с удивлением увидел, что обе «блохи» отлетели друг от друга на полметра, будто отброшенные, — и тут же одновременно перевернулись лапками вниз как ни в чем не бывало. Но теперь их связывала тонкая, едва различимая глазом и, по-видимому, очень крепкая паутинка.

Забыв осторожность, Шабан присел на корточки. Вторая «блоха», деловито подняв голову, принялась быстро заглатывать нить, подтаскивая к себе жертву. Загарпуненная «блоха» отчаянно сопротивлялась, пытаясь вырваться, упиралась лапками, но мало-помалу сдавала позиции, все ближе подтаскиваемая к хищнику, из чьей изготовившейся головы вот-вот должны были высунуться не то **147**

пилы, не то жвалы, не то иные орудия вскрытия. Из-за разницы весовых категорий первая «блоха» практически не имела шансов и, видимо, хорошо это понимала. Когда ей осталось жить на полпальца длины паутинки, «блоха» слабо пискнула, безрезультатно попыталась перекусить нить и вдруг, замерев на мгновение, резко и точно выплюнула во вторую «блоху» тонкую струйку какой-то жидкости. Ослепленная «блоха» завертелась на месте, и жертва, мгновенно воспрянув, бросилась на хищника. Шабан не стал смотреть, чем кончится битва, и пошел дальше, предоставив «блохам» разбираться друг с другом как умеют. До начала заседания оставался еще почти час, и все-таки следовало сходить позавтракать. Только не к себе. Интересно, кормят ли где-нибудь в такую рань?

Было тихо. Порт-Бьюно спал и видел сны про завтрашний праздник. Только один человек встретился по дороге: Эл Мейтус по прозвищу Кошкодав, некогда разведчик, а ныне неприметный лаборант, вечно куда-то спешащий, очень старательный, с вечной испариной и суетливыми движениями. Мало кто не знал, что его работа в химлаборатории при Горном отделе была всего лишь прикрытием куда более нервной деятельности, связанной с перепродажей грибного порошка. Шабан проводил Кошкодава взглядом. Попросить порошка, что ли? Нет, в другой раз. Под курткой у Мейтуса явно выпирало что-то продолговатое и очень знакомое. А не карабин ли это? Шабан неслышно присвистнул: не боится неприятностей парень. Давно в изоляторе на стены не бросался — соскучился? Или думает о себе, что все еще разведчик?

Ну и ну, подумал он. Какие-то чудеса происходят. Может быть, Поздняков прав и собирает разведчиков именно потому, что ребята они решительные, каждый с оружием, умеет им владеть и стоит двух охранников, если только не в ближнем бою? Гм. Занятно.

В зал заседаний вошли вместе с Поздняковым. Одна из желтых касок правительственной охраны, разглядев значок второй степени, сунулась было преградить вход, но Поздняков на ходу бросил: «Это мой заместитель», и Шабана пропустили, равнодушно ощупав взглядом. Шабан был здесь впервые — на правительственный ярус заносило не всякого смертного — и с любопытством осматривался. Зал заседаний удивил его ромбической формой и витиеватостью отделки: стены и потолок были
148 скрыты под настоящей флорентийской мозаикой, изоб-

ражающей основные этапы колонизации Прокны — от горьких и поучительных неудач эпохи Первого и Второго Нашествий (мрачные архитектурные руины с парящей над ними крылатой Мечтой), от временного упадка и жалкой растерянности, соседствующей, впрочем, с неизменной верой в прекрасное Завтра (ряд аллегорических фигур), до твердой и неуклонной поступи человечества к жизни и процветанию на отдельно взятой враждебной планете. Этапами поступи являлись: первый корабль с переселенцами, первый поселок у первой шахты, быстрое распространение влияния человека на весь гигантский материк, образование славного государства Северный Редут (с символической зубчатой стеной, обозначающей нерушимость границ), присоединение Редута к Содружеству Прокны, бурное промышленное развитие, сопровождающееся самоотверженной борьбой с силами косной природы (большая, как у Позднякова, ладонь, останавливающая приливную волну, нависшую над выводком буровых платформ на шельфе), принятие Прокны в Лигу Свободных Миров и, наконец, закладка фундамента Порт-Бьюно, символизирующего основу прекрасного Завтра.

Прекрасное Завтра оккупировало потолок. К потолку, пронзая точно посередине огромный, нездешнего голубого мрамора стол, тянулась стройная колонна, увенчанная рениевым бюстом Свена Эриксона — архитектора и строителя Порт-Бьюно. Рениевый Эриксон, задрал подбородок, смотрел в прекрасное Завтра так, будто был уже почти там и приглашал за собою всех желающих.

Еще и теперь попадались старики, помнившие Эриксона, а один потомственный строительный рабочий из местных уроженцев обожал хвастаться воспоминанием о том, как удостоился лично от Эриксона дисциплинарного взыскания, и, выпросив выпивку, с гордостью доставал из кармана завернутый в бумажку коренной зуб и демонстрировал восхищенной молодежи. Был Эриксон, по слухам, человеком горячим, непреклонным, но справедливым, на опасных работах использовал только убегунов, а рабочих ценил и, редко давая делу официальный ход, предпочитал без ненужных слов насовать в личность провинившемуся разгильдяю, чем и заслужил всеобщую любовь и уважение.

Опять человек-легенда, подумал Шабан, косясь на бюст. Много их что-то, для Редута — просто непропорционально много. Мифы. А что? В этом что-то есть, мы же нормальные люди, а значит, в истории не нуждаемся. Нор-

мальному человеку нужна не история, а именно мифология, и чтобы в ней непременно была бездна героики, заставляющая его чувствовать себя наследником некой исключительности и свысока поглядывать на соседей, расправляя более или менее богатырские плечи. Кто сказал «нет»? Уймитесь, пока не уняли. В сущности, такая мифология совершенно необходима для успешного функционирования любой государственной системы. Кто-то что-то пишет, ищет, ему, чудаку, кажется, что необходимо собрать материал для будущих серьезных исследователей. Но ведь их скорее всего не будет... Мифы! Вот что сейчас нужно. И как можно больше. Если вранье чересчур очевидно, следует приписать: факт не проверен, возможно, это легенда. Возможно! Между прочим, Эрикссон действительно спился и умер самым жалким образом, когда прозрел и увидел, какая жизнь идет в его любимом детище, — он-то, бедняга, думал, что люди, объединенные общим делом и общим делом, станут терпимее друг к другу...

Но нет, не бывает того, чего не должно быть. И все твердо знают, что гениальный строитель, поняв, что ничего более величественного создать не сможет, благородно разнес себе голову выстрелом из пистолета. Или бросился с крыши Порт-Бьюно, это другой вариант легенды, и многим он кажется изящнее. За такую выдумку Эрикссон еще спасибо сказал бы. Нет, история нам не нужна. Разве можно поверить в то, что когда-то до тебя было не хуже и не лучше, чем сейчас, а примерно так же? Это мучительно...

Народу мало-помалу прибывало. По одному и по двое-трое в ромбический зал входили начальники отделов и подотделов, заместители, эксперты. Здоровались, рассаживались. Ждали Арбитра и Председателя. Мант-Лахвиц тоже был тут — сидел особняком, ни на кого не глядя. Кучка любопытствующих в углу, обступив взволнованного рассказчика, слушала новость о том, как на днях разведчики Малькольм Пул и Овсей Пучковский, исследуя ущелья в массиве Чертовой Пилы, снова обнаружили явственный след босой семипалой ноги чудовищного размера, причем след был не вдавлен, а как бы вплавлен в ледник на глубину до тридцати сантиметров и заведомо не мог принадлежать ни одному из известных на Прокне животных, равно как и не мог образоваться небиологическим путем.

Непосредственным следствием находки было то, что вчера около полуночи человек шесть разведчиков — седьмого несли — прямо из бара, разгоняя по пути мел-

кую канцелярскую сошку — «Здоровенные такие лбы, под два метра — во!», — вломились к начальнику подотдела снабжения, подняли того с постели и, не дав ему как следует продрать глаза, хором заявили, что они, то есть все разведчики как один, без особых премиальных в горы больше не пойдут, а если какая-нибудь скотина, то есть из них, разведчиков, какой-нибудь подлец, любитель начальственных задниц, вроде Менигона, и пойдет, — угрожающе добавил один детина, преследуя волосатой лапой рыбок в аквариуме, — то они, то есть все как один разведчики, устроят ему такую жизнь, что он будет счастлив сменить вездеход разведчика на дисплей канцелярской крысы. А кроме того — оснастить каждого разведчика самым совершенным личным оружием, включая планирующие гранаты с самонаводящейся кумулятивной струей. А кроме того... Начальник подотдела обещал, и вся банда с победными кликами вернулась в бар, забыв у него в комнате своего спящего товарища.

Слушатели качали головами. Возмущенный рассказчик постепенно повышал голос, и к концу рассказа стало ясно, что обращается он прежде всего к присутствующему здесь шефу отдела Особой Охраны. Совершенно напрасно: на рассказ Живоглот почему-то не прореагировал, зато, увидев Шабана, осторожно присевшего на свой стул позади Позднякова, кивнул и улыбнулся, словно хотел сказать: «А, и вы тут! Давно пора, знаете ли, давно пора...» Шабан попытался соорудить ответную улыбку, но тут в зал вошел Арбитр, и все кинулись по своим местам.

Арбитр — существо недоступное, из заоблачных сфер. Шабан впервые видел Арбитра и теперь тянул шею, разглядывая спокойного лысоватого старичка, мирно шествующего к своему креслу. Как и большинство, Шабан знал об Арбитре очень мало. Арбитр безвылазно живет на правительственном ярусе, он избирается пожизненно из старейших членов Совета на роль великого молчальника, ему запрещено вносить предложения и участвовать в обсуждении законопроектов и текущих дел, он не имеет права вето, зато при голосовании его голос эквивалентен десяти голосам рядовых членов Совета — потому, собственно, он и Арбитр, Воплощенный Опыт. Даже Председатель имеет всего два голоса, и на практике требуется редкое единодушие, чтобы провести в жизнь предложение, против которого проголосовал Арбитр. Для местной газеты давно стало общим местом называть Арбитра **151**

совестью Редута. Наиболее информированные из кулуарных трепачей божились, что Арбитра не существует вообще.

И тем не менее он был — маленький розовый старичок, а вслед за ним, уважительно пропустив его вперед, вошел Председатель, сопровождаемый дежурным заместителем, и теперь все были в сборе. Последовало вставание, прерванное жестом руки, заскребли по полу придвигаемые стулья, Председатель откашлялся и поздоровался, после чего предложил считать утреннее заседание открытым и дать слово заместителю Председателя для ознакомления членов Совета с текущей информацией.

Возражений не возникло. Шабан сел поудобнее и приготовился слушать. Дежурный заместитель встал, махнул прической в легком поклоне, тонко кашлянул и начал говорить, заглядывая в карманную шпаргалку-комп, сбиваясь, нервно облизываясь и время от времени пытаясь поймать искательным взглядом Председателя и Живоглота одновременно. Главная новость об окончании проходки тоннеля уже была всем хорошо известна, поэтому докладчик не стал на ней задерживаться и лишь рискнул присовокупить свои собственные поздравления к поздравлениям Председателя, имевшим место на предыдущем заседании. Председатель вежливо похлопал, вслед за ним степенно поаплодировали и присутствующие. Ободренный докладчик вымученно улыбнулся и, попросив у Совета позволения перейти к более свежей информации, выждал благосклонного кивка Председателя. Кто-то напрягся, кто-то шумно подвинул стул, и слушание трех текущих дел началось.

Первый день объявленного трехдневного праздника, вопреки известным сомнениям, прошел в общих чертах сносно. Выраженного недовольства среди лиц, чей срок контракта истек, замечено не было — напротив, народное ликование было всеобщим и искренним, омраченным лишь отдельными незначительными нарушениями порядка, вызванными в первую очередь развалом, царящим в отделе Массового Досуга, новому руководству которого уже предложено наладить работу в кратчайшие сроки. Тем не менее есть основания опасаться серьезных эксцессов в последующие дни, и так как ввиду настроения людей сокращение праздника до двух дней представляется решительно невозможным, имеется настоятельная необходимость просить руководство отделов Общей и Особой Охраны принять все меры к обеспечению надлежащего порядка в жилых ярусах Порт-Бьюно... Живолот поднял голову, равнодушно кивнул, и докладчик, облегченно

С окончанием работ по проходке тоннеля становятся доступными месторождения Юга. Подотделом проектных работ завершены предварительные проекты одной шахты и двух открытых разрезов, окончательно проекты будут утверждены после дополнительных исследований на местности. Ввиду компактности предполагаемого расположения рудников намечается строительство всего лишь одного рабочего поселка укрупненного типа и малой военной базы с флайдромом подскока для отражения возможной агрессии со стороны вероятного противника. Переброска воинского контингента на Юг начнется не позднее завтрашнего дня, строителей с соответствующей техникой — сразу по окончании основных работ в тоннеле.

Металлургический комбинат имени Баруха вышел на рекордные показатели по производству сверхчистых лантаноидов, но пока отстает по производству рения, что вызвано как изношенностью оборудования, с одной стороны, так и выработкой наиболее ценных руд на близлежащих шахтах — с другой. На одной из алмазонасных трубок в том же районе найден крупнейший в этом году зеленый алмаз весом 34 карата.

Произошел обвал на шахте «Роза Севера». Жертв нет, один рабочий легко ранен. Материальные потери: одиннадцать убегунов и часть уникального комплекта шахтного оборудования, закупленного на Земле. Причины обвала выясняются.

На границе с Мелкими Озерами произошла перестрелка, спровоцированная противной стороной. Сведений о потерях не поступало. Правительству Мелких Озер направлена нота протеста, почти одновременно получена аналогичная.

Вскрыты новые злоупотребления бывшего руководства отдела Массового Досуга. Отдел Контроля продолжает расследование.

В связи с приближающимся сезоном дождей и ожидаемым подъемом уровня грунтовых вод восточным рудникам грозит затопление, вызванное задержкой поставки аварийного оборудования. Есть необходимость в принятии неотложных мер.

Анклав Коммуна дал о себе знать и предлагает обменяться постоянными представительствами. Не исключено, что речь идет о попытке прозондировать почву для вступления в Содружество Прокны. Межзона обратилась к членам Содружества с предложением повысить дотации на перспективные научные исследования до одного процента национального дохода. Большинство стран предложение уже отвергнуто как неприемлемое.

Началась сезонная миграция убегунов. Большое их скопление движется с севера, очевидно, намереваясь проникнуть в Южные Земли, и, по-видимому, еще сегодня обтечет Порт-Бьюно с двух сторон. Приняты обычные заградительные меры. Слухи об оружии, якобы имеющемся у убегунов, лишены всякого основания.

Видный журналист Гебрий Биртолли, находящийся в Порт-Бьюно в качестве почетного гостя, в частном разговоре сообщил о задуманном им цикле очерков о Северном Редуте и выразил желание осмотреть тоннель. Пресс-секретарю Председателя дано соответствующее поручение. От отдела Особой Охраны требуется содействие.

На территории пищевой фабрики «Околополярная» разыгралась пурга. Сорванным ветром щитом с наглядной агитацией по технике безопасности был убит проходивший мимо мастер.

За последнюю неделю обнаружены и сожжены две подпольные плантации ползучего гриба. Доблестными сотрудниками Особой Охраны уничтожена перевалочная база в горах, во время операции убиты восемь опасных преступников, не пожелавших отдать себя в руки правосудия. Среди наших ребят потерь нет.

Вчерашняя авария на энергоподстанции, случившаяся из-за разгильдяйства дежурной смены, ликвидирована. Виновные наказаны полугодовым продлением контракта. «Мало!» — подал голос кто-то сбоку. «Достаточно», — веско сказал Председатель. Сбившийся докладчик взглянул на рениевого Эриксона, набрал в грудь воздуху и перешел к следующему пункту.

Пунктов было много. Иногда они прерывались репликами с мест, но чаще выслушивались молча, и до серьезного обсуждения было еще далеко. Шабан с удивлением чувствовал, что ядовитое настроение, владевшее им до начала заседания, постепенно уходит, уступая место уважению. Здесь, в этом дурацком зале с дурацкой мозаикой и торчащей из стола колонной, решалось будущее Редута, и он, в сущности, обыкновенный разведчик, ничего особенного собой не представляющий, волею случая допущен в святая святых, и теперь он тоже причастен, и от него теперь тоже что-то зависит...

Пусть пока мало... Пусть даже этот храм государственной мудрости вовсе не храм и вовсе не мудрости — все же это собрание людей, облеченных властью, равнодушных,

надеющихся как-то повлиять на ход событий, а это

уже очень много. Все вместе, единой командой профессионалов, не жалея сил — только так можно вытянуть Редут из стремительно накатывающегося всеобщего развала. Только так, а не иначе!

Шабан втянул живот и расправил плечи. Да, только так. Groш нам цена, если мы этого не сможем. Конечно, не все у нас пока идеально: вот, например, новый начальник отдела Массового Досуга банально неумен и разваленный отдел не вытянет, дежурному заместителю неплохо бы ампутировать косный язык, а руководитель медицинской службы отвратительно рыгает и не слушает докладчика. Пьяница и грибник, сразу видно... Ну и Живоглота, конечно, не мешало бы заметить: законная власть должна вызывать уважение, а не страх. Люди должны идти за властью, а не бежать от нее. Тоннель прибавил уважения к правительству, нужно этим пользоваться, пока держится эйфория победы, нужно решительно встать впереди толпы в окружающем нас болоте и идти, идти, несмотря ни на что, радуясь победам и извлекая уроки из неудач, идти, оскальзываясь и проваливаясь в грязь, но неуклонно и терпеливо, и вести за собою стадо, именуемое народом Редута, не пренебрегая, когда это необходимо, и жесткими мерами, потом сам же народ спасибо скажет, и тогда можно будет даже «блех» отдать в Аналитический отдел, а пока — только так, только так...

Он очнулся. Докладчик продолжал бубнить и облизываться. Председатель сидел прямо и значительно глядел перед собой. Совет слушал докладчика, а по ту сторону колонны кто-то расслабленный и мерно дышащий угрожал пространству морщинистой лысиной. Наверное, спал. Что же это, ужаснулся Шабан, что же это я делаю? Зачем я здесь нужен, зачем мне нужны эти люди? Не полечу на Землю, останусь тут и буду служить, буду воспитывать в разведчиках чувство долга и собачиться со снабженцами; если не дам себя съесть, то через десяток лет займу место Позднякова: ну какой из него, в конце концов, руководитель, какое к нему уважение? Давно пора его менять, есть, знаете ли, хорошая кандидатура — молодой, энергичный, пользуется авторитетом... Не хочу. С ними — не хочу. Прав Менигон: не то сейчас время. Да что мне Менигон, сам я разве этого не понимаю? С ними нельзя, это же не правительство, это какая-то дикая, бездарная пародия, второе-третье поколение преемников изначальной колониальной администрации. Черт его знает, что это была

за администрация, только каждое новое поколение власти получалось почему-то хуже и слабее предыдущего — закон, что ли такой? Вести за собой людей по болоту? Очень хорошо, просто замечательно, давно пора, есть предложение поддержать, кто против? Никого? Ура-ура. А кто поведет? Эрик-сон? Да он, знаете ли, умер, а других таких ископаемых трилобитов уже не осталось... Да так ли уж нужно по болоту-то? Грязно же, неблагодарно, затянуть может в два счета, дойдем ли еще? И куда дойдем? И надо ли? Когда под ногами удобная кочка, почти не сыро и только следует посматривать, чтобы соседи не спихнули, — надо ли? Бесконечная игра на удержание счета. А кругом распад, усталое безразличие, общество деградирует, отработавшие по контракту требуют ренатурализации, люди звереют до потери естественного облика, снизу прет плесень, Кошкодавы разные, и единственная сила, еще способная спасти Редут от полного распада, — как ни странно, Живоглот со своими мерзавцами. Должно быть, и в Хинаго то же самое, и в Мелких Озерах, иначе гнить бы нам всем сейчас в лагере для военнопленных и ломать руду на благо человеческой цивилизации.

Шабан вздрогнул и помотал головой. Перед глазами маячил сивый поздняяковский затылок. Арбитр молчал. Дежурный заместитель дочитал свое, сел позади Председателя, утер чело платочком и высморкался, а вместо него по мановению председательской руки встал для доклада начальник Аналитического отдела. Разомлевший обладатель морщинистой лысины издал было носом свистящий звук, но его пихнули в бок, и он засопел и заворочался.

«...Наконец, я рад отметить, что известные прогнозы относительно дальнейшего уменьшения численности населения Редута, к счастью, не оправдались. С начала этого года умерли естественной смертью, погибли, пропали без вести, а также закончили с собой в общей сложности тридцать четыре человека, родились девять, последняя цифра значительно превышает прошлогодние показатели. Вопреки опасениям, статистика суицида практически не изменилась, но все еще продолжает вызывать беспокойство. Из числа отработавших по контракту покинули Прокну сто девяносто восемь, прибыли новых — двести двадцать три. Таким образом, можно уверенно утверждать, что демографическая ситуация в Редуте имеет тенденцию к улучшению... Цифры однозначно показывают неуклонный рост

156 благосостояния населения, расширяется также комплекс

бесплатных услуг, однако нас должен насторожить тот факт, что только двадцать процентов опрошенных согласились с тем, что их жизнь действительно меняется к лучшему. — Начальник Аналитического отдела многозначительно поднял вверх румяный палец. — Если исключить различные чисто человеческие факторы, как то: необоснованные опасения части опрошенных, завуалированное нежелание сотрудничать с Аналитическим отделом, проистекающее, очевидно, от слабой информированности населения о его методах и задачах, то следует принять неутешительный вывод о том, что истинное число наших сограждан, удовлетворенных нынешним порядком вещей, существенно меньше числа ответивших положительно. Одно из двух: либо в Редуте незаметно для нас происходит интенсивное имущественное расслоение с непропорциональным обогащением лишь незначительной части наших сограждан, чего мы никак не должны допускать, — либо, что гораздо более вероятно, бесспорные положительные сдвиги происходят столь медленно, что основная масса населения попросту их не замечает. И здесь я намерен предъявить самые серьезные претензии к начальникам отделов Удовлетворения Нужд и Устройства Быта...»

Охаянные начальники пытались перебивать, но их заставили замолчать и дожидаться конца выступления. Один из них раздраженно ерзал вместе со стулом и менялся в лице, цветом коего напоминал медицинскую иллюстрацию к ожогу первой степени, — другой же сидел спокойно и уверенно, всем своим видом давая понять, что вообще-то ему наплевать на инсинуации, но уж если его заставят отлягнуться, он отлягнется, и тогда пусть пеняют на себя...

Связываться по раннему времени никому не хотелось. Аналитик метнул напрасный взгляд на Председателя, затем на Позднякова, выдержал паузу и, ничего не достигнув, в две фразы закончил доклад и раздраженно сел. Поздняков, как ни странно, не только не кинулся в атаку, но словно бы даже и не слышал. Кто-то сбоку явственно пробурчал: «Договаривались же!..» — но смотрел на Позднякова с уважением. Кто-то фыркнул в рукав.

Поздняков не реагировал. Казалось, что он не понимает, зачем он здесь, почему он сидит с этими людьми и слушает вздор, в то время как где-то совсем рядом происходит что-то необыкновенное, стихийное, крайне важное, нужно только набраться сил, подняться и уйти, никого не слушая и ни на кого не глядя, чтобы в последний отчаянный

момент попытаться встать у руля и успеть, все-таки успеть предотвратить страшные последствия — но нет сил встать у руля, нет сил даже встать со стула, и уже слышится тяжелый подземный гул, уже приходят в движение неумолимые равнодушные силы, уже сдвинулись с места и ползут древние геологические пласты, не выдержавшие тяжести куба, почву выпирает дикими горбами, рушатся горы, осыпаются шахтные выработки, а глубоко под фундаментом Порт-Бьюно уже зреет готовая раскрыться трещина — она закроется, как только поглотит корчащийся куб, она обязательно закроется... Что может противопоставить Поздняков? Полсотни разведчиков, у которых он давно сидит в печенках? Мало, ненадежно, и те разбросаны кто куда, козырная карта не на руках... Да черт с ним. Шабан отвернулся и перевел осторожный взгляд на Живоглота. Живоглот улыбался.

Заслушали еще один короткий доклад и перешли к прениям. Медленное время скользило по поверхности, утреннее заседание успешно продвигалось к концу. О семипалой ноге и учиненном разведчиками скандале никто не поминал. О щитоносцах тоже: очевидно, тема считалась запретной. Дважды голосовали какие-то предложения, которые Шабан пропустил мимо ушей, и обнаружили таинственную недостачу одного голоса, после чего со смехом будили морщинистую лысину и коварно предлагали немедленно проголосовать. Морщинистая лысина был «за». Председатель пожурил нарушителя порядка, сурово указав на то, что праздники существуют для народа, а не для правительства, а Арбитр, выпросив в порядке исключения слово, рассказал длинную, абсолютно непонятную, но несомненно поучительную историю из жизни первопоселенцев, к которым в свое время имел честь принадлежать, и, досказав, заперхал довольным старческим смешком. «Вот то-то и оно, — веско сказал Председатель, подняв кверху указательный палец. — Вот так и бывает, когда забывают свои обязанности, я припоминаю еще один случай...»

Господи, думал Шабан, чувствуя тупое отчаяние, — что же это? Ему мучительно хотелось зажать уши, сдавить голову руками, хоть коленями, чем угодно, чтобы только до хруста, до лиловых кругов в глазах, и ничего, кроме хруста, не слышать. Казалось, мозги неумолимо погружаются в липкую пучину. После Председателя говорили уже все. Шум нарастал, каруселью мелькали возбужденные лица — рядовые члены Совета старались не отстать. Они уже вскаки-

вали с мест, они хватали друг друга за рукава и кричали: «А помнишь?..» Молодежь, пряча иронию, почтительно прислушивалась. Глаза Арбитра заволоклись ностальгической дымкой. Господи, ведь так не бывает, так не должно быть, это же какой-то кошмар, их невозможно остановить, это стихия, а значит, ей все равно, она даже не заметит...

Но его заметили сразу, как только он встал, а когда он шагнул вперед, двадцать лиц повернулись в его сторону. Он заговорил, и они замолчали. Они смотрели в недоумении, но они слушали, и это было главное. Изумленно молчал Председатель. Дежурный заместитель забыл закрыть рот. Живолот поднял брови и улыбнулся шире. Поздняков просвистел сквозь зубы неслышное «С-сядь!» и отвернулся.

Только бы не сбиться, подумал Шабан. Нельзя... Он с удивлением, будто со стороны, слышал свою речь. Говорил не он, он только шевелил губами, а говорил какой-то совсем другой, незнакомый человек, которому не было дела до того, что с ним будет, когда он кончит говорить, его не волновало, что его могут оборвать и унижить, он хорошо знал, что у него лишь один шанс из многих тысяч, и он как мог боролся за этот шанс, не собираясь его уступить. «Неужели это я? — изумился Шабан. — Нет, размечтался, я же так не умею, я просто боюсь, трус я обыкновенный, вот кто. Или все-таки я?..» Речь текла свободно и мощно — на удивление ухоженная, выпестованная, тщательно продуманная речь, — к ней нечего было добавить, и из нее ничего нельзя было убрать, он и не подозревал, что она уже давно сложилась в его голове, пошел хоть раз на пользу дурацкий синдром Клоцци! Так вас всех! Слушайте. Поймите хоть раз, хоть на пять минут, что нельзя так жить дальше, поймите, что существуют иные методы мышления, кроме метода мозгового штиля, поймите и ужаснитесь. Попробуйте в качестве упражнения быть людьми! Справляйтесь с Порт-Бьюно сами, это ваше личное дело, не требующее вдобавок особой квалификации. Но оставьте в покое разум, если обладаете им сами. Засыпьте тоннель! Он уже выполнил свою основную функцию — теперь можно затеять другую грандиозную стройку, раз уж вам это так необходимо для управления страной. Допускаю, что необходимо. Проройте шахту под радиоактивный горизонт или осушите шельф, оградив его титанической дамбой, да мало ли что еще можно придумать. Хотите воевать — войте, но только с умом и недолго, я тоже вспомню, как летает флайдарт. Но не трогайте

вариадонтов. Что? Пора бы знать о них хоть что-то, затребуйте из Межзоны отчеты Симо Муттика. Поймите, если вы не недоумки: они превосходят людей во всем, они будут мудрее и чище нас, они только лишь на взлете, и у них еще все впереди, тогда как у человечества впереди в лучшем случае столько же, сколько за плечами. Вы хотите быть преступниками? Забыли, кто такие убегуны? Наши же потомки, все у них от нас, разве что не нам, а им не повезло с войнами и натурализациями. Почему они дошли от радиации и позволяли кремировать своих покойников в плазме направленных взрывов? Вы это очень хорошо знаете: за обещанный путь в Южные Земли! Туда-где-Тепло! За свой рай земной по ту сторону хребта, с блаженным климатом и отсутствием враждебных племен. Они еще не знают, что такое южная сельва, а предгория их не вместят. Их миллионы. Они очень быстро вымрут или перебьют друг друга, но прежде выплеснутся, как гной из нарыва, затопят собой все, что смогут, и, разумеется, уничтожат всех до одного вариадонтов. Если до той поры вариадонтов не уничтожите вы сами. Хотите подогнать под это моральную базу? Я вам подскажу, как это сделать. Сначала чужой разум следует просто не заметить. И не замечать как можно дольше. Потом, когда это станет уже невозможно, нужно отказать чужому разуму в гуманности. Проще простого: гуманность у негуманоидов?! Бей их!! Но лучше все-таки напустить на них убегунов, а потом, через десяток лет, если напор общественного мнения станет ощутимым, если вообще найдется хоть какая-то общественность с мнением, можно объявить случившееся трагической ошибкой и учредить день траура, а то что-то мало в Редуте поводов надраться в дым, непорядок...

— ...Я хорошо понимаю все практические соображения, подвигнувшие народ Редута к грандиозному прорыву на Юг, — говорил тот, решительный человек. — Но даже в наше напряженное время нельзя, как бы нам этого ни хотелось, руководствоваться одними лишь практическими соображениями, нельзя, если мы, люди, тоже мним себя разумной расой. Я обращаюсь к вам потому, что верю в вашу государственную и человеческую мудрость. Я обращаюсь к вам потому, что мне больше не во что верить...

Только однажды в жизни Шабан чувствовал подобное: давным-давно, в кадетской школе. Двое парней со старшего курса подстерегли его в туалете. Может быть, они ждали кого-то другого, а подвернулся он; может быть, им

просто было скучно или не понравилась его физиономия, но насели они основательно. После первых плюх, неумелого отмахивания, крови из носа и боли в заломленных руках намерения верзил определились вполне: затолкнуть салагу лицом в писсуар. Нечего было и сомневаться, что им это удастся, — каждый из них шутя сделал бы котлету из троих таких Шабанов. Вот тут и появился тот, другой, человек. На несколько секунд Шабан отключился и не помнил потом, как все произошло, только один из верзил вдруг оказался без сознания на заплеванном полу, а другого, пустившегося в бега, Шабан гнал через всю школу и догнал бы, но налетел с размаху на директора, был кругом виноват и провел сутки в карцере.

Юность, юность... Вьюность. Девочки. Битье морд. «Дурак! — учил впоследствии Менигон. — Мальчишка! Что за удовольствие одержать верх, нанеся противнику десять ударов и получив девять? Лучше нанести один удар и не съест взамен ни одного...»

Его слушали! Высокое собрание замерло перед обыкновенным, невзрачным человеком с обширной смешной плешью и молчало, загипнотизированное. Так их! Не в плечи дело. И не в росте. А только в точке зрения. Есть древняя история, которую любят рассказывать болтуны психологи: некий начальник дрожал и трепыхался перед подчиненными потому, оказывается, что комплексовал из-за своего скудного роста. Смотреть снизу вверх — ай-ай-ай... Психолог посоветовал ему удлинить ножки стула на три сантиметра, и начальник стал орлом...

И вдруг кто-то оглушительно чихнул. Шабан запнулся и растерянно повел глазами по лицам. Катастрофа произошла. Решительный человек исчез, бросил его и удрал — Шабан один стоял под колонной с рениевым Эриксоном и не знал, что сказать. Он чувствовал полный провал. Лица, рожи, хари... вот лиц уже меньше, вот их уже нет совсем, а кругом одни хари — как быстро они меняются!.. Долгий миг пронзительной тишины — и вот они уже заворчали, заворчались, заговорили все разом. «М-да-а... Что-то я, признаться, не вполне уловил, а вы?» — «Ненормальный какой-то. Вообще, кто это?» Поздняков ерзал и мучился, не зная, куда себя деть. «А-а, вот оно что. Н-да-а... Жидковат. И дурак к тому же». Шум в зале нарастал лавиной. «Засыпать тоннель, ха!» — «Ну, псих, конечно». — «Балаган, а не заседание. Почему мы должны это слушать? Ему слово давали?» — «Вывести его!» — «В рас-

ход», — сострил кто-то. «Потише, не надо так шутить». — «А что?» — «Не надо так шутить, нехорошо как-то...» — «Гы-ы-га-га-а!..» Во всем ромбозале молчал один рениевый Эриксон. «Что он сказал? А ну, пусть повторит. Это Правительственный Совет не знает, что делает? Это мы не знаем?!» — «Варианты какие-то. Донты. Что за варианты-то?» — «Передайте оратору закуску!» — «Гы-ы-ы...» — «Да он же пьян!» — «На шельф таких!» — «Не на шельф, а просто вывести! Куда смотрит охрана?» Неожиданно выяснилось, что Живоглота в зале нет. Когда он встал и ушел, никто не заметил.

Это уже было не важно. Шабан отодвинул ногой стул и молча вышел. Хотелось бежать, но он заставил себя идти ровно. Желтые каски за дверью шевельнулись, глядя ему вслед.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Однако, — сказал Гебрий Биртолли, промахиваясь бутылкой мимо стакана. — Ч-черт! Это я куда? Это ничего, что я тебе на брюки? К счастью? Ну, правильно. Да, что я хотел сказать: весело тут у вас, вот что я хотел сказать.

— Еще как, — подхватил Шабан. Он чувствовал себя в той стадии опьянения, за которой начинается уже провал, а потом очнувшийся человек уверен, что в его голове кто-то ворочает лопатой битое стекло. — Давай к нам, а? Бросай ты свою Землю. Ну на что тебе Земля?

— А на что мне Прокна?

— Прокна — это Лига, — объяснил Шабан. — Вторая молодость — понял? Молодость человечества, перспективы... За кем, по-твоему, будущее, а? А Земля — музей. Ну что, уестством по последней?

Уестствовали. Местный джин «Редут» бил сперва по ногам, а потом уже по голове, как всякий порядочный напиток, хотя не напоминал самогон только цветом. Вставать и уходить от Биртолли совсем не хотелось. Вот уже полчаса, как они были на «ты».

— Музей, — согласился Биртолли. — Это правильно. Это я в статью вставлю.

— Музей предрассудков, — сказал Шабан. — Того нельзя, этого не тронь. Ничего нельзя. Были бы там у вас вариадонты — и их бы нельзя было тронуть, так?

— Опять ты за свое, — заныл Биртолли. — Сказал же я тебе: буду я писать о них статью, буду. Ну?

Пожалуй, и вправду напишет. Шабан покивал: да-да, не сомневаюсь, как можно? Ладно. Конъюнктуру парень уловил с полуслова. Если отношения Земли с Редутом не выйдут каким-нибудь чудом из состояния активной эрозии, статья действительно появится месяца этак через два и наделает шуму на всю Вселенную. Да только будет поздно. Совсем. И уже ничего не удастся изменить, ничего не поправить. Вариадонтов выбьют до единого, а некий заместитель начальника геологической службы — впрочем, теперь, по-видимому, уже не заместитель, — отправится на шельф бороться со стихиями, и поделом ему. «Славой героев!..» В Редуте невозможно не проявлять героизма, это не по правилам. И все мы хорошо знаем эти правила, а чего мы не знаем, то объяснит Поздняков. Отключиться бы... Сволочь этот Гебрий: расплескал последнюю. Нет, смотри-ка, полез еще за бутылкой.

— Вино?

— Нет. Коньяк.

— Земной?

— Угм.

Шабан с сожалением отставил свой стакан.

— Нельзя. — Он покачал головой. — Отрава. Ты натурализованный?

— Это на неделю-то? — Биртолли хохотнул и потрогал руками курчавую голову. — Лысей сам. Я только адаптирован.

— Все равно не советую, — сказал Шабан. — Намаешься потом брюхом. Забыл, как в прошлый раз маялся?

Биртолли скривился — как видно, хорошо помнил. Морщины на его лбу собрались в сложный рельеф.

— Ага, — сказал он, — а ведь я тебя знаю. То-то смотрю: знакомое лицо. И фамилия. Постой, постой... Это не ты тогда спас этнографическую экспедицию с Мегары?

— Было дело, — признался Шабан. — Да ты же об этом писал. Помнишь?

— Э-э... То есть да, конечно. Припоминается что-то такое. Но ведь это давно было, правда? Э-э... Признаюсь тебе, не писал я вовсе этого.

— Как не писал? — возразил Шабан. — Очерк «Я спасу вас», автор — ты.

— Ну ты даешь, — оживился Биртолли. — Что я, вот так сам писать и буду? На то у нас в «Ежечасном» специальный писун на каждую полосу. Сидит и строчит. Да нет, какой это секрет? От кого? Или, бывает, комп за него строчит, и даже лучше получается... Главный не поощряет — зверь. Помню, писун выдал, будто ты, значит, вообще не дрался в норе с этими вашими... кто тут у вас в норах живет... убегуны, что ли? Так старик его с ходу за загривок и в текст мордой, мордой, а потом повернул к себе задом да как врежет по сфинктеру...

— Святая правда, — сказал Шабан. — Не дрался. И незачем. Они же людей боятся.

— Правда или неправда, а писать такое нельзя. — Биртолли ударил ладонью по столу и придержал звякнувшую бутылку. — Нужно хоть немного уважать читателя. Специфика. Если читатель ждет героики, мы не имеем морального права всучить ему будничную спасательную историю. Согласен?

— Я с ними не дрался, — сказал Шабан.

— Ну, это твои трудности. Ведь мог бы подраться, верно? Слушай, может быть, все-таки выпьем, а? Может, не отравя?

— Нет. Я — гриба. Хочешь попробовать?

— Я? М-м... Да, пожалуй. Это как? Это нюхают?

— Нюхают. Нет, возьми больше, так ничего не почувствуешь... А теперь много, сыпь обратно. Вот теперь правильно. Ну, вперед!

— М-м-м...

— Твое здоровье. Нет, это не закусывают. Ну, как теперь?

Биртолли закаменел, настороженно прислушиваясь к ощущениям.

— Не пойму. Нет, вот сейчас хорошо. Даже очень хорошо. Но я, кажется, где-то слышал, что это запрещено?

— Я тоже где-то слышал. Но тебе трепыхаться не надо, ты нездешний. Пока ты у себя в комнате, ты ничего не нарушаешь.

— А ты?

— Нарушение порядка можно доверить лишь тому, кто им дорожит, — сказал Шабан и икнул.

— Цитата? — с улыбкой спросил Биртолли. — Это ваш Барух?

— Нет. Это ваш Шиллер.

— А, — сказал Биртолли, — да-да. Естественно. А ваш этот гриб, он что — наркотик?

— Черт его знает, — сказал Шабан. — Тут разные мнения. Вот, кстати, тебе материал: есть гриб, дыха-

ние его сушеных гифов вызывает у человека легкость в движениях и ясность мысли. Если, конечно, не перебрать. Правда, налицо классический букет: похмелье, быстрое привыкание, увеличение доз, в пределе ведущее к нервному истощению. Но и только. И ничего более. Так почему, я спрашиваю, вместо того, чтобы всерьез взяться за ликвидацию побочных явлений, гриб попросту запрещают? Законодательно. Ты журналист, вот и занялся бы этим делом.

— И займусь. Почему бы не заняться? Читатель должен знать!.. — Биртолли снова замахнулся хлопнуть по столу, и вдруг лицо его вытянулось. — Ой, кто это?

— Где?

— Вон там, у двери. Женщина. Что ей нужно?

— М? Не вижу. Кто там может быть?

Биртолли усиленно заморгал.

— Стоит, — сказал он. — Вон она стоит. Господи, да она же зеленая!

— Не страшно, — успокоил Шабан. — Это у тебя галлюцинация с непривычки. Тоже побочное явление. Бывает один раз, а потом уже больше не появляется. Сейчас я дуну как следует, и ее отсюда вынесет... Ну как, исчезла?

— М-м... Вроде да. А она больше не появится?

Шабан уверенно помотал головой, и Биртолли сразу повеселел. Через минуту он уже пытался остричь. Он-то, конечно, не бабник, но и не женофоб, и готов получить эстетическое и иное наслаждение, если, конечно, попадетсЯ достойный экземпляр фемины, только пусть экземпляр будет естественного окраса, а не зеленый. Зеленым место на грядке. И вообще, какой идиот придумал, будто зеленый цвет приятен для глаз? Бред, правда? Ты как думаешь: какой цвет лучше всего успокаивает?

— Черный, — поддержал Шабан. — Погасить свет и лечь спать.

— Правильно, — сказал Биртолли. — А у вас тут часто стреляют?

— Что?

— Я спрашиваю: часто у вас идет в ход оружие?

— Это смотря где, — сказал Шабан. — В степи случается, а здесь — нет. У нас в Порт-Бьюно с этим строго, — приврал он, вспомнив Кошкодава. — А что?

— А то, что стреляют, — заявил Биртолли. — Слышишь?

— Нет.

— Странно. Стреляют же!..

Хм. Опять мерещится шизоиду. Когда новички занюхивают грибом алкоголь, хорошего не жди. Обострение слуха может довести новичка до истерики. Кто там стреляет? И в кого? И зачем? Может, просто бродят «блохи», перебирают лапками, а он слышит. Тук-тук. Ну и пусть себе бродят. Пусть смотрят и слушают, в последний раз ведь. Приятно вот так посидеть, зная, что это в последний раз, и болтать всякие всякости, чепуху болтать, только чепуху, и ничего, кроме чепухи, не слышать в ответ — лучше бы, конечно, не с Гебрием, плохо, что так получилось... Потому что уже ничего нельзя сделать, совсем ничего сверх того, что уже сделано, дистанция пройдена, самое время упасть без сил и ждать, когда поднимут...

— Опять, — со страхом сказал Биртолли. — Теперь ближе.

Тук. Тук. Тук-тук-тук-тук... А ведь и верно — стреляют. Шабан замер, прислушиваясь. Бум-м!.. А вот это уже гранато-пуля фугасного действия. Совсем близко: не на смежном ли ярусе? Какого черта... Или наконец-то началось? Наконец-то... Давно пора. Шабан блаженно закрыл глаза. Может быть, что-то все-таки сдвинулось, повернулось со скрипом какое-то огромное ржавое колесо и покатилося, теперь его уже не остановить, потому что люди проснулись, потому что они вспомнили, что они — люди. Не зря Поздняков с утра сам не свой. И без стрельбы не обойтись, плесень сама не отвалится, ее только скребком... Совет этот дебильный уцепится за власть так, что и не отдерешь. Ничего, отдерем. Если все вместе, все, кому нечего терять, да еще с каким-нибудь особо озлобленным на власть Шабаном...

Нет, что-то не то, подумал он. Не получается. Все вместе они останутся просто толпой, вымогающей у Совета особые премиальные. Господи, да я же их ненавижу! Всех этих людей, все это стадо, стиснутое с шести сторон в кубической жестянке, вечно куда-то спешащее и никогда ничего не успевающее, звереющее от бесперспективности своего будущего и от бесперспективности себя в будущем. Тупость их ненавижу, жадность, подлость. Но что у меня есть, кроме этих людей? Нет, это даже интересно, давайте разберемся... Лиза? Этого мало. Вариадонты? Они далеко, и они сами по себе, я им не нужен. Получается, что, кроме этих людей, у меня в жизни, по существу, ничего и нет. Забавно получается...

— Что делать-то? — спросил Биртолли. Он был

166 бледен. Шабан оперся руками о стол и с усилием

поднялся. Ноги слушались, но в голове по-прежнему плыло. Добавить порошка? Нет, позже.

— Пойду посмотрю, что там такое.

— А я?.. — задрезжал Биртолли.

— А ты сиди тут, — отрезал Шабан. — Вернусь — расскажу. Может, материал соберешь, писуну отдашь. Пока.

Только сейчас он вспомнил, что при нем нет оружия. Биртолли кинулся проводить до двери, квохтал что-то вслед: кажется, призывал беречь себя, смотреть в оба, а как только что-нибудь прояснится, бежать назад и немедленно вводить его, Биртолли, в курс событий. Шабан задвинул за собой дверь, и Гебрия не стало слышно.

Грохнуло где-то совсем уже рядом. Шабан оглянулся. Пусто. Черт знает что. И здесь пусто. Если это бунт жаждущих отправки на Землю, то где ревущие толпы? Где лозунги, баррикады и кирпичи для бомбометания, что там еще полагается? Он прибавил шагу. Над головой грохотали чьи-то тяжелые ботинки — сначала туда, потом обратно, потом снова туда. Навстречу неожиданно вынесло Ли Оммеса. Этот-то откуда здесь взялся, подумал Шабан. Самый тихий, самый незаметный человек в Порт-Бьюно, большой вдобавок. Лежать бы ему сейчас с грелкой... Оммес двигался как-то неуверенно, будто учился ходить, лицо его было темнее обычного, а обеими руками он держался за живот. Даже не кашлял. Били его, что ли? Какой гад?

— Эй, Ли! Что тут, собственно...

Самый тихий человек в Порт-Бьюно вдруг всхлипнул и мягко повалился на бок. И только потом раскашлялся — страшно, булькающе. Он еще хотел, как видно, прикрыть рот ладонью, но не донес руку, и изо рта его вместе со струйкой крови вылетел какой-то сгусток. Потом он вытянулся, закатил глаза и замер. Одна рука так и осталась прижатой к животу, но уже не могла скрыть того, что живот у него разорван. Шабан отшатнулся. Происходило что-то страшное. Оммес... Мозг сопротивлялся, не хотел верить. Так нельзя... И уже ясно, что нельзя в этом участвовать. Уж лучше пусть будет Совет со своими благоглупостями, чем такой ценой... Такого в Порт-Бьюно никогда не было, это какая-то ужасная ошибка, это неправда, такого здесь просто быть не может...

— Стоять! К стене!! Руки за голову!!!

Обвальнный грохот спешащих ног. Охранники. Потные ошеренные хари. Двое. Живоглотова гвардия. Карабины в положении для стрельбы с бедра.

— Мордой к стене, сволочь!

Должно быть, он недостаточно проворно выполнил приказание — в бок с хрустом вломился приклад. На секунду стало очень тихо и темно, потом проснулась боль, поползла по ребрам к позвоночнику, заплясала в глазах мутными пятнами. За спиной зло сопели. Было слышно, как тело Оммеса пнуло ногой. «Этот?» — «Он самый». — «Живой?» — «Сдох. Ты ему прямо в брюхо. Кишки вон». — «А оружие?» — «Оружия нет». — «...с ним. Проверь у этого». Шабана брезгливо обыскали. «И у этого нет». — «Выбросил, сука...» Позади него презрительно сплюнули.

Рискуя получить пулю, Шабан повернулся к охранникам лицом. Боль в боку мешала дышать. Ярус постепенно наполнялся звуками. Из одного бокового коридора в другой протоптало на рысях отделение Особой Охраны. Где-то поодаль ломали дверь, кого-то шумно тащили из комнаты в коридор, а он в коридор не хотел, визжал и вырывался. Потом негромко пукнул выстрел, и визг смолк. Ярусом выше рванула одиночная гранато-пуля — тяжело вздохнули стены, с потолка посыпалась крошка. Да что же это такое, беспомощно подумал Шабан. Убивают ведь... Людей убивают. Оммеса... Неужели переворот?.. Ясно, что переворот. Вот, значит, как. Проморгали Живоглота... Он отлепил лопатки от стены и качнулся вперед. Две хари в нахлобученных по уши форменных беретах ослабились.

— Кто такой?

— Человек, — с вызовом сказал Шабан.

— Кто-о?

— Человек, — сказал Шабан менее уверенно.

— Козел ты вонючий, — определил охранник. — Руки, падло!

— Что — руки? — спросил Шабан, держась за бок. Боль не отпускала. «Кончай его», — равнодушно сказал второй охранник. «А?» — «Кончай, говорю, некогда». — «Нет, ты погоди! — ощеренная пасть брызгала слюной. Глаза сощурились и сделались ласковыми и масляными, как у Мант-Лахвица. — Ты слышал, что он сказал? Я тебе, плешь, покажу человека! Ты у меня свои кишки жрать будешь...» Второй охранник, не обращая внимания, отшагнул назад. Ствол карабина в его руках качнулся и превратился в черный кружок. Палец на спусковом крючке лежал плотно и ровно.

Сейчас меня убьют, подумал Шабан. Вдруг стало
168 очень тихо. Черный кружок дула притягивал, от него

невозможно было отвести взгляд. Время словно остановилось, замерло в испуге. Невыносимо медленно сгибался палец, топя в ложе карабина спусковой крючок. Разрывная пуля снесет голову.

За мгновение до выстрела, уловив боковым зрением какое-то движение, он упал, успев откатиться в сторону — пуля, разбрызгивая осколки, сочно чмокнула в стену. Второго выстрела не последовало. Длинное, кажущееся в прыжке еще длиннее, тело Менигона обрушилось на охранников, как лавина. Что-то лязгнуло, выбитый карабин ударился в потолок. Один охранник отлетел к стене и больше не поднялся. Второй, казалось, успел среагировать, и Менигон едва не покатился кубарем, но на короткий миг Шабан ясно увидел, как в руке Менигона блеснула узкая сверкающая полоса, и охранник сложился вдвое. Менигон молча ударил еще раз — охранник захрипел, выкатывая глаза, споткнулся и упал на труп Оммеса. Другой, с шеей, вывернутой неестественным образом, лежал у стены и царапал пол скрюченными пальцами. Менигон деловито осмотрелся по сторонам, вытер лезвие стилета об одежду убитого, подобрал с пола карабин и не глядя выстрелил — распростертое тело подпрыгнуло на полметра. Скрюченные пальцы замерли.

— Вставай. Разлегся тут... Пляжник. Оружие возьми.

Шабан, крихтя, поднялся на ноги, выдернул из рук убитого карабин. Его мутило.

— Ты их убил? — через силу спросил он и сам подивился глупости вопроса.

Менигон повернулся к нему рывком. В желтых глазах плясало бешенство.

— У тебя были другие предложения?

— Нет. Ты извини.

— Ты пьян, что ли? — спросил Менигон.

Шабан прислушался к внутренним ощущениям. Ощущений не было. Была пустота.

— Нет. Уже нет.

— Очень больно? Идти сможешь?

Шабан кивнул. Боль в боку не ушла, но стала тупой и ноющей. Терпеть было можно.

— Тогда пошли.

— Куда? — спросил Шабан.

— Там увидишь.

В боковом коридоре уже опять грохотали тяжелые ботинки. Пришлось не идти, а бежать, и все равно не

успели — далеко позади кто-то хрипло заорал на бегу, нестройно ударили выстрелы. От стены с визгом срикошетировала пуля. У поворота к пандусу Менигон припал на одно колено и лихо, как в учебном тире, расстрелял в преследователей пол-обоймы — погоня отстала.

— Быстрее, пляжник!

Шабан задыхался. Они бежали по пустым ярусам, по бесконечным коридорам сонного Порт-Бьюно, и редкие обыватели, высовывающие головы из своих комнат, завидев их, спешили укрыться за задвижными дверями. Свет неожиданно погас, потом опять включился, потом замигал и погас уже окончательно. Менигон свирепо зарычал. Они перешли на шаг и пошли было вдоль стены ощупью, но тут загорелось аварийное освещение, и Менигон опять сорвался на бег. В жилых ярусах уже не стреляли. Пальба еле слышно доносилась откуда-то сверху, как видно, с правительственного яруса, и — гораздо громче и ближе — снизу, с уровней, занятых громоздкими системами жизнеобеспечения куба. Над головой что-то горело — по пандусам сверху вниз ползла ленивая пена, извергнутая автоматическими гидрантами. Воняло дымом. На несколько секунд ожили коридорные динамики, чей-то голос тягуче заныл: «Группа «Каппа» — на выход, группа «Каппа» — на выход, группп...» — забулькало, захрипело, и голос смолк.

Вниз! С яруса на ярус — вниз! Туда, где стреляют. Туда, где ты кому-то очень нужен, где может не хватить как раз одного человека... пусть этим человеком окажется кто-то другой, не ты, тошно же потом будет... Менигон еще прибавил, и Шабан изо всех сил старался не отстать. В боку пылало кипящее железо. Менигон бежал легко и пружинисто, как опытный хищник, взятый в облаву и точно знающий, что и как нужно делать, чтобы охотники остались с носом. Хищник и есть, подумал Шабан. Гончая, профессионал. Так и нужно. Зря я тогда отказался перейти в спецгруппу, предлагали же дураку — но кто знал?.. Что за бред, знали же! Все знали, на какой планете живем, кто такой Живоглот и чего от него ждать. Центропунизм, наполеоновские комплексы при острой умственной недостаточности и еще подлость, подлость и подлость. С рождения. Было время, когда юный Мант-Лаквиц был рядовым охранником, новичком без покровителей, вечным первым кандидатом на чистку сортиров, безошибочно избранным на роль жертвы, и легко, даже как-то охотно

170 терпел казарменные подначки и изошренные издева-

тельства. Долго терпел. Но что это были за издевательства, рассказать теперь некому: из его бывшего отделения в живых не осталось ни одного человека. А как они заискивали перед ним, когда неожиданно для многих, как сияющий волдырь на гладком месте, возник во всей красе отдел Особой Охраны, как ползали, должно быть, в ногах, лизали пол... Дольше других, говорят, продержался некий капрал Заурус, потому что перевелся на шельф, и уже, наверное, полагал себя в безопасности, как вдруг однажды ночью исчез с патрульной платформы без следа — вероятно, был смыт в море... Не то удивительно, что Живоглот рванул напролом к большой власти, а то удивительно, что рванул только сейчас — спустя годы, — так долго ждал, что мы к этому привыкли: держит в узде своих мерзавцев, терпит над собою Правительственный Совет — значит так ему нужно, значит, будет терпеть и впредь.

Вот вам — впредь! Поздняков спохватился, да поздно. Фамилия у него такая. У Живоглота сотня обученных громил, всего лишь сотня, но на Порт-Бьюно и этого может хватить, особенно когда Общая Охрана разбросана кто куда по всему Редуту, разведчики тоже, а желтые каски малочисленны; особенно когда начинают убивать вот так — неожиданно, в праздничное утро. Ах какое выбрано время! — никто не мечется в панике, не суетится под ногами, добропорядочные граждане в большинстве просто спят после вчерашнего, набираясь сил перед сегодняшним. Праздник же, все мы люди... Спят и видят в предпьяных снах кружащийся волчком мир или, скажем, детский аттракцион — карусель, где можно прокатиться на имитации черного корабля в компании зеленого пришельца с классической сыроежкой вместо носа. Продерут глаза — обалдеют, спросят, что за новая власть такая, и успокоятся, если у новой власти хватит ума не отменять праздника. Толпа. Тупая, животная, непобедимая сила, почва и подкормка для всякой власти. Толпу никто всерьез не тронет: нельзя разрушать фундамент. Вот Оммес был не в толпе, значит, Оммеса — можно. Кто человек, тому власть не нужна, и тот власти не нужен. А ну, где вы там, умники, падлы, плеши, козлы вонючие! Получите свою разрывную в брюхо — один уже получил, и вы никуда не денетесь...

Жилые ярусы остались над головой. В машинном зале энергоподстанции искрили и выли генераторы, воняло маслом и горелой пылью. На кожухе трансформатора лежал убитый. Менигон, хакнув, с разбегу высадил аварийную дверь, **171**

и сразу в машинный зал ворвались звуки боя — стреляли, вопили и дрались врукопашную где-то совсем уже рядом. Перед глазами замелькали какие-то узкие ходы, неожиданные повороты, лазы с протянутыми вдоль них толстыми кабелями, потолочные люки над настенными лестницами из скоб. Лабиринт. Шабан здесь никогда не был, но Менигон ориентировался и вел уверенно. Звуки боя то приближались, то удалялись, потом стали затихать. Поворот. Еще поворот, еще... И еще. Теперь в люк... Один раз в широком и непомерно длинном коридоре без дверей их обстреляли откуда-то издалека, и Менигон ответил. В другой раз выскочили на каких-то вооруженных людей в гражданском, прямо на наставленные стволы, и Менигон, упреждая, заорал: «Свои! Свои!» Стволы опустились.

— А, Винсент! — сказал Ева Панчев. Он был всклокочен и дышал с хрипом. Комбинезон на нем был разорван до пупа и сползал с плеч, на волосатой груди запекся колтун крови и грязи. Поверх колтуна болтался на ремне короткий автомат. — Долго тебя носило. А это кто с тобой? Искандер, ты? Молодец, что пришел, мы тебя ждали... Серж, будь другом, узнай, как там со связью...

— Зацепило? — спросил Менигон.

— Ерунда, — отмахнулся Ева. — Своим же осколком по касательной. Бардак, как обычно. Пока что мы их выбили, сейчас непременно опять полезут. Гупту убили, ты знаешь?

— Ну? А Тосихидэ?

— Тосихидэ держит воздуходувку. Слышишь?

— Слышу. У тебя гранато-пули к карабину есть?

— Найдем. Что там наверху?

— По-прежнему. Совету нужно десять человек.

Ева выругался.

— Блокируют — поздно будет, — предупредил Менигон.

— Сам знаю! А может, двадцать им?! Нету у меня десяти человек, нету. Не дам!

Менигон пожал плечами. «Сказал бы мне кто вчера, кого придется защищать, — мрачно начал Ева, — я бы тому паршивцу...» Но что Ева сделал бы с тем паршивцем, Шабан не узнал. Где-то опять грохнуло, дрогнули стены. Издалека долетело отчаянное: «А-а-а-а-а...» и грохнуло еще раз. Несколько человек, молча переглянувшись, побежали на звук. Гулко загремели выстрелы. Ева Панчев вдруг страшно засопел, ощерился и кинулся

вслед за каким-то прошмыгнувшим мимо человеком в

172 светлом кителе инженера: «Стой! Стой, говорю!...» За-

орали оба. Ева прижал инженера к стене. «Ты где должен быть?! Ты мне связь дал? Связь ты мне дал, я спрашиваю!..» Инженер вырывался. «Ку-уда-а?! Почему нет связи? А ну, отдай!..» Инженер кричал что-то про поврежденный фидер и не отдавал пистолет. «Назад! Сдохнуть еще успеешь. Марш обратно!» — «Куда? Антенны нам отрубили... Фейсал там. И Брусницин...» — «И ты — марш! — орал Ева. — Связь мне давай, сволочь, понял? Связь!..»

— С Базой? — спросил Шабан. Ева безобразно ругался, выкручивая пистолет из инженерских рук. Стрельба приближалась.

— С Базой связь есть, — сказал Менигон. — Армия не поможет.

— Почему? — тупо спросил Шабан.

— Потому что не поможет, — объяснил Менигон. — А если и поможет, то не нам. Сейчас ребята пробуют включиться в оповестительную сеть, обратиться напрямую к солдатам, но, боюсь, толку не будет. Там каждый второй — грибник. Связь нужна спутниковая, с Хинаго и Межзоной. Кто услышит. Пока мы держим системы — куб наш.

— У нас есть шанс? — спросил Шабан.

— Нет.

— Их же всего сотня...

— Кого сотня? — спросил Менигон.

— Охранников.

— А-а... — равнодушно протянул Менигон. — Вот ты о чем... Так ты, дружок, просто не в курсе. Какие там охранники... Это грибники, без них Живоглот разве бы посмел... У них в паханах Редла-Штуцер, ты его знаешь?

Шабан промолчал. Бой приближался, и нужно было идти туда, где дерутся. Штуцер... Грибники. Вот, значит, как...

— Говорил тебе, дураку: напросись в разведку, — сказал Менигон и сплюнул под ноги. — Ну что тебе стоило?

Не торопиться. И не зевать. Поймать в прицел очередную фигуру, как вездеход каких-нибудь гончих. Плавно надавить на спусковой крючок, и фигуры не станет. С гончими проще: можно не думать о том, что в вездеходе люди. И здесь нужно не думать. Держать их на расстоянии, это самое главное.

Они лежали за хилым завалом из стульев и выломанных дверей и ждали новой атаки. Сначала их было четверо; кроме Менигона и Шабана, этот коридор держали еще двое: **173**

Гугнивый Мартин, тоже разведчик, и какой-то пожилой незнакомый механик в промасленном комбинезоне и с нервным тиком на пол-лица. Первую атаку отбили шутя: на технических ярусах никто не рисковал пользоваться лучевым оружием, зато гранато-пули вымели коридор начисто. С полдесятка охранников и боевиков Редлы-Штуцера лопнули и разлетелись дымящимися ключьями. Потом что-то крепко рвануло перед самым завалом, и механика убило, а Менигону оцарапало голову, и снова поперли, полезли оружие потные рожи в надвинутых на глаза беретах, молчаливые боевики с короткими автоматами наперевес, нанюхавшиеся грибного порошка до полного бесстрашия и желающие только одного: добраться и разорвать; и снова пули крошили завал. Отбили с трудом, а еще через минуту прибежал трясущийся парнишка с вестью о том, что с той стороны насаждают, сил нет, связь по-прежнему не работает, ребята отходят, нельзя ли хотя бы двух человек? Ну хоть одного... И Гугнивый Мартин пошел с парнишкой, а Менигон молча оттащил тело механика к стене, чтобы не мешало. А потом два человека долго лежали за завалом и ждали, когда на них полезут снова, но никто почему-то не лез, прошло уже минут двадцать, но никто не пытался еще раз атаковать с этой стороны, и Шабан думал о том, что звуки боя позади становятся все громче и как бы не ударили в спину, зато сверху, с правительственного яруса, уже давно не слышно никаких звуков боя, хотя поначалу они отчетливо доносились через вентиляционную шахту — вот она, решетка, такая же, как та, на которой маленькая девочка ловила коричневых тварей. Жуки, жуки...

— Ты о чем думаешь? — спросил Шабан.

Менигон не ответил, и Шабан, подождав немного, снова прилип к своей амбразуре и стал смотреть. Противник не показывался. На полдороге к ближайшему боковому лазу покореженные стенные плиты были забрызганы неприятными кляксами и лежала чья-то нога без туловища. Еще одно тело боевика, почти целое, скорчилось перед самым завалом.

Смотреть не хотелось, было тошно. Случившееся отказывалось укладываться в голове. Живоглот — понятно, но грибки?!.. Почти что своя, домашняя, во многом еще неопытная мафийка — кто не знал о том, что она существует? Кто не нюхал порошка? Каждый знал, каждый видел: люди как люди, ты им хорошо — и они к тебе со всем уважением, а что боевики у них, так это специфика такая, нужно только знать

174 простые правила, и не будет никаких неприятностей.

Плати аккуратно за порошок, плати разовые взносы, не задавай вопросов — вся наука.

Совсем, видно, плохи наши дела, если мафия берет формальную власть, подумал Шабан. Не хочет, наверное, а берет — деваться ей некуда, не допускать же страну до развала... Мафия подзаконна. Перестав ею быть, она перестанет быть мафией и станет высшей государственной властью, а на ее место неизбежно придут другие. Рано или поздно — придут, и Штуцер не дурак, чтобы этого не понимать, иначе не гасил бы так долго порывы Живоглота. Но кто-то же должен быть виноват в том, что нет другой силы, кроме той, что у Штуцера, способной заменить этот замшелый Совет, похожий на собрание окаменелостей, в том, что совсем не худшим людям Редута приходится защищать то, что каждый из них еще вчера с удовольствием бы пнул, ведь нас же убивают, господа, кто-то же должен быть в этом виноват...

— Ты как думаешь, Винс: если еще раз полезут — отобьемся?

Менигон, морщась, щупал ссадину на голове, смотрел на ладонь и вытирал ее о комбинезон.

— Каждая деталь имеет свою наработку на отказ, — сказал он непонятно. — Это надо знать. С виду вроде ничего, а потом хряп — и отказывает. Очень просто.

— Это ты о чем? — спросил Шабан.

— Это я просто так, — сказал Менигон. — Ты давай за коридором смотри. Тоже мне: отобьемся — не отобьемся... Стратег вшивый.

Стрельба за спиной неожиданно смолкла. Стало тихо, только поодаль негромко гудели какие-то насосы, что-то позвякивало и было слышно, как из пробитых труб с шумом низвергаются не то потоки аммиачной воды, не то канализационные стоки. Шабан глубоко вдохнул: почему-то вдруг стало трудно дышать. В голове зашумело.

— Э! — Менигон замер, подняв кверху палец. — Чувствуешь? Шабан потянул носом.

— Это кислород.

— Отдали аппаратную, — спокойно сказал Менигон. Его желтые глаза погасли. — Все, крышка.

Он вдруг начал ругаться — очень грязно и очень спокойно — и все никак не мог остановиться. Шабан потащил его за рукав. Ярус снова наполнился звуками. Но теперь это были звуки бегства.

— Куда? — вяло спросил Менигон. Он был как пьяный.

Куда, куда... Шабан тянул Менигона прочь, и в голове у него трещало. Он кричал, не чувствуя, что кричит. Ты надыхался, что ли, Винс? Или все еще рассчитываешь стать экспертом? Вниз, вот куда! Нет, сначала наверх: возьмем Лизу — и вниз. С боем. Если повезет прорваться к гаражу, захватим вездеход — и тогда в ущелье, к ребятам, они помогут... Вместе уйдем в Межзону. Ну же, Винс! Быстрее!

— А-а, — сказал Менигон, едва ворочая языком. — Вот ты о ком вспомнил... Так их убили. Разве я тебе еще не говорил?

Эта дверь поддалась сразу — вероятно, была повреждена или просто не заперта по оплошности, — и едва она успела задвинуться за спиной, как по коридору прогрехотали преследователи. Мимо. Кажется, ушел... Шабан привалился к двери спиной и закрыл глаза. Сил не было. Где-то еще стреляли, но исход был ясен. В жилые ярусы удалось прорваться немногим; их отстреливали поодиночке. Часть защитников отступила вниз и, по видимому, пыталась организовать оборону на новом рубеже. В глазах плавали цветные круги и стояли картины бегства: мчащаяся на выстрелы толпа, потерявшая единство и согласованность, бегущее от невидимого ядовитого облака стадо, в котором каждый был сам за себя, боязнь упасть, хриплые крики, неожиданный фонтанчик брызг, ударивший из кителя инженера, и бессмысленное лицо охранника за мгновение до того, как это лицо разможило прикладом. Карабин так и остался где-то там, в ожесточенной свалке при прорыве, и куда-то пропал Менигон, а Ева Панчев был еще жив, еще кричал, стрелял и дрался в последней рукопашной своим коротким автоматом, он был жив до самого пандуса, и только там его отбросило пулей...

— Ну и ну, — сказал знакомый голос. — Здравствуйте.

Это был Роджер. И это была его комната. Он сидел на краю смятой постели, спустив босые ноги на пол, и имел блаженный вид, а на его коленях, подставляя себя под блуждающие руки, сидела модель.

— Вон пошла, — сказал ей Шабан, пытаясь отдышаться.

Модель деловито отклеила от себя руки Роджера, прыгнула с колен, и, раньше, чем она въехала Шабану кулаком в переносицу, он понял, что это не модель. Кулачок у нее был маленький и твердый, и она знала, как с ним обращаться.

— Вы что?! — закричал очнувшийся Роджер. — Это

176 же не модель! Это моя невеста! Магда, скажи ты ему...

— Я ему уже сказала. — Девица улыбнулась, открыв мелкие белые зубки, и, подрагивая бедрами, вернулась на исходную позицию. Руки Роджера немедленно пришли в движение. Шабан механически ощупал переносицу. Синяк будет.

— Ну, что там нового? — бодро спросил Роджер.

Шабан судорожно сглотнул.

— Уже все, — сказал он, — уже больше ничего не будет. Так вот. Одежду мне дай... чистую. Запас патронов к «магнуму»... И попить.

— Патронов нет, — сказал Роджер, помявшись.

— Мне не нужны твои гранато-пули. Сойдут обыкновенные, разрывные.

— Все равно нет. И не было.

— А-а, — сказал Шабан, отводя взгляд. — Ну-ну. Мое оружие, мои проблемы... особенно сегодня. Понимаю...

Пока он передевался, умывался и жадно пил, Роджер смотрел на него не отрываясь. Он явно не знал, как себя вести.

— Ты не бойся, я ненадолго, — успокоил Шабан. — Передохну вот и пойду. Минуту.

— Ну отчего же минуту... — дипломатично сказал Роджер. — Передохните, отсидитесь...

— Это ты дверь не запер? — спросила Магда.

— Сейчас, сейчас... — сказал Шабан, глубоко дыша. Круги перед глазами наконец пропали, остался только Ева Панчев, отброшенный к стене... Могло быть хуже: кислородное отравление для Прокна-натурализованного штука страшная. — Уже уходи... Слушай, а может, вместе?

— Зачем? — с тревогой спросил Роджер.

— Раз в жизни посмотришь, как это бывает, — сказал Шабан. — Ну? Пойдешь?

— Еще чего, — сказала Магда и отвернулась, положив одну красивую ногу на другую. Роджер беспомощно покрутил головой туда-сюда, словно ожидал подсказки.

— Сидеть надо. — Он убрал глаза. — Спокойно сидеть, и все. Тогда ничего не будет.

В коридоре опять застучали торопящиеся ноги, кто-то отчаянно заколотил в двери и вдруг завизжал на высокой ноте. Грохнул взрыв, осколок с визгом ударил в косяк.

— Сиди, — сказал Шабан. — Ты вот что. После всех этих дел охранников, наверное, стало немного меньше, так?

— Ну? — спросил Роджер.

— Значит, будет объявлен набор. Ты бы шел. Тебя Живоглот возьмет, ему такие нужны.

Роджер задумался. Шабан плюнул под ноги и пошел прочь. Ему показалось, что дверь поползла в стену слишком медленно, и он помог ей рукой.

— Сидеть надо... — сказал за спиной Роджер.

К двум часам дня все было кончено. Последние разрозненные группки сопротивляющихся были истреблены или рассеяны, последние желтые каски, загнанные в тупиковые коридоры правительственного яруса, положили оружие. Было похоже на то, что, несмотря на весь шум и грохот боя, инсургенты не понесли значительных потерь.

В два часа пять минут по коридору под конвоем наряда Особой Охраны провели пленных: Правительственный Совет в полном составе, с Арбитром и Председателем, и десяток оборванных защитников. Поздняков тоже был здесь, старался держаться особняком и шагал бодро.

В два пятнадцать сама собой включилась газета и одновременно заговорили динамики. Передавалось информационное сообщение и обращение к населению. Прежний Правительственный Совет объявлялся лишеным власти как превысивший свои полномочия касательно контрактной политики, нарушающий права свободной личности и не способный направить Редут на путь истинного процветания. Новым Арбитром с функциями Председателя назначался Нейл Маккалум Редла, его заместителем по законности и правопорядку — Юстин Мант-Лаквиц. Сообщалось, что члены бывшего Совета будут подвергнуты домашнему аресту вплоть до специального решения по этому вопросу.

В связи с имеющим место массовым недовольством рабочих, чей контрактный срок истек, создавалась специальная комиссия для ускоренного рассмотрения подобных дел во главе с заместителем Арбитра по законности и правопорядку.

Все без исключения плантации ползучего гриба объявлялись государственной собственностью (с выплатой компенсаций бывшим пайщикам) и подлежали строгому учету и контролю. Особо подчеркивалась ответственность за самовольный посев гриба, а сбор, переработка и реализация урожая приравнивались к государственным преступлениям. Зато все решения бывшей администрации касательно личного потребления порошка объявлялись незаконными и, как следствие, утратившими силу. И это, пожалуй, было главное.

Обращение к населению было составлено в бодром тоне. Населению предлагалось сохранять спокой-

ствии, не терять исторически присущего народу Редута оптимизма, оказывать всяческую поддержку и помощь новой администрации и ни в коем случае не поддаваться панике, поскольку короткий период эксцессов деструктивного характера благодаря решительным действиям нового руководства страны остался, к счастью, позади. Некий неведомый Конвент Спокойствия по поручению нового руководства извинялся за неизбежный хаос, вследствие которого праздничный отдых истинных добропорядочных граждан оказался нарушенным и вина за который целиком возлагалась на прежнее руководство, и уведомлял о том, что праздник по случаю завершения прокладки тоннеля будет дополнительно продлен на один день. Добропорядочным гражданам рекомендовалось сотрудничать с уполномоченными Конвента Спокойствия в деле выявления террористов и мародеров, препятствовавших установлению режима подлинно народной власти, а ныне напрасно пытающихся укрыться от суда народа.

Вот я уже и террорист, равнодушно подумал Шабан. Или мародер? Штуцер, Штуцер... Кто бы мог подумать? Мелкий жучок, вечный должник всех и всякого... Еще полшага — и диктатор. Правда, диктатура не устанавливается сразу, она вырастает постепенно... Сейчас еще можно рывнуться, если с умом, еще можно пытаться пикнуть, играя на интересах то Штуцера, то Живоглота — через несколько месяцев, когда один из них перегрызет другому глотку, это станет невозможно. Люди привыкнут, да ведь они уже сейчас не против, вот что самое похабное. Люди за то, чтобы не иметь недостатка в грибном порошке, и против того, чтобы застрять в Редуте сверх контрактного срока.

Будет им и то, и другое... Может быть, на первых порах в самом деле ускорят ренатурализацию и вывоз наиболее отъявленных горлопанов — толку от них все равно немного, — а вместо них наберут новых. Через пару лет горлопанов станут просто расстреливать. Станут шире использовать убегунов и раздавят Коммуну — это может дать одну-две тысячи военнопленных, в перспективе, после соответствующего трудового воспитания, — новых лояльных подданных. Остальных уже завтра начнут вызывать поодиночке и с пристрастием допрашивать, в какой части Порт-Бьюно был такого-то числа в такое-то время, да что делал, да какие свидетели могут подтвердить...

Сзади неслышно подкралась Лиза, потерлась о плечо, как ласковый котенок. Разве что не мурлыкала. На **179**

всякий случай Шабан пощекотал ее за ухом, а она, прильнув к нему всем телом, полузакрыв глаза, тихонько гладила его по голове, и он совсем не думал о редющих волосах. Порт-Бьюно просыпался. Редко, теперь совсем редко и очень далеко бухали одиночные выстрелы: не то охрана просто веселилась, не то творила суд народа.

...Будет ночь, и когда все утихнет, когда над Прокной хвостиком вниз повиснет Терей, дрогнут и раскроются ворота Порт-Бьюно, и из его темной глубины, глянцево блестя в свете прожекторов, беззвучно выползет грузовая платформа, до отказа набитая людьми, неторопливо проползет мимо вышек с развернутыми на куб пулеметами и, прибавляя ход, призраком уйдет в степь. Потом она остановится, и из ее лопнувших бортов посыплются люди: вооруженные выпрыгнут сами и распределятся широким полукругом; невооруженных выведут силой и поставят на край ямы в резком свете бьющих в глаза фар. Это — мелкую сошку. Поздняков, пожалуй, выкрутится, подумал Шабан. Даже наверняка: должен же кто-то объяснять разведчикам, что новая власть руководствуется исключительно интересами народа и чувством высокого патриотизма... А потом вся эта гниль поперет на Юг — Винсент сказал правду: тоннель только ускорил дело, — если бы не перспектива все ближайшие годы снимать сливки с южных месторождений, Штуцер, может быть, и не решился бы...

— Тебе хорошо со мной? — спросила Лиза.

— Да, — сказал Шабан. — Хорошо.

— А без меня тебе хорошо?

— Мне сейчас просто, — сказал Шабан. — Понимаешь, все было очень сложно... Я не знал, что делать, — так мне было сложно. А сейчас мне просто.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Проженный насквозь шлюзовой створ, терзая ноздри вонью дымящегося металла, с грохотом выпал наружу. С крыши Порт-Бьюно мир выглядел плоским, как поднос. Унылое солнце, размытое по краям дрожащей дымкой, корчилось низко над хребтом, примеряясь к спуску; где-

то вдали, там, где не торчали отвалы шахт, серая равнина сливалась с серым небом, и только на севере небо наливалось чернотой — оттуда шел грозовой фронт. Запоздавший период дождей спешил наверстать свое. На космодроме было сонно: судя по всему, никто из последних защитников Порт-Бьюно не сделал попытки вырваться.

Шабан лег на край крыши, достал и настроил бинокль. В зрачки уперлась темная поверхность колоссальной колонны «Юкона», исчерченная прожилками сварных швов, мелькнул под дюзами шербатый бетон. Въездной пандус грузовика был опущен. По обе стороны от пандуса, положив руки на висающие на шеях карабины и переминаясь с ноги на ногу, тосковали два охранника. Шабан пошарил биноклем по летному полю. Других кораблей на космодроме не было, их и не могло быть в этот сезон, только на посадочных площадках выделялись неровные круги опаленного бетона. Космодром казался вымершим. Обслуживающий персонал, если он вообще присутствовал, сидел сейчас по служебным помещениям и не высовывал носа. Охранников тоже не было видно, если не считать еще одной парочки у складов да часового на вышке при въезде на летное поле. От складов по направлению к «Юкону» неторопливо пылил энерговоз. Водитель в синем комбинезоне сидел за рулем истуканом, словно боялся сделать лишнее движение. Один из охранников отошел так, чтобы его было видно в зеркало заднего обзора, снял с шеи карабин и шутя прицелился — лицо водителя сделалось серым.

Север застлала мгла. Если на Базе что-то и происходило, то разглядеть это не было никакой возможности. Только вряд ли там что-то происходило. Где-то очень далеко, почти сливаясь с наползавшей на небо чернотой, висела летающая платформа, посланная, по-видимому, для наблюдения за миграцией убегунов. Больше в небе ничего не было.

Шабан оторвал глаза от бинокля и обернулся. Лиза подошла, и он зашипел на нее и замахал рукой: «Дальше! Дальше! От края!» Потом осторожно отполз сам. Четверо охранников, пятый на вышке... И еще неизвестно, сколько их в самом корабле. Идеально было бы сразу завалить вышку, но тогда они могут успеть поднять пандус. «Ничего, — сказал он себе, — прорвемся. Если нахрапом, только умным нахрапом, — должны прорваться. Второй попытки никто не даст, но и одну никто не отнимет...»

Прыжок, прыжок, прыжок! Уклон винтового коридора заставлял бежать. Вперед! Теперь больше ниче-

го, только вперед и вниз, сквозь все пятьдесят пять ярусов — вниз! Прочь отсюда. А вы думали, голубчики, что я стану с вами жить? Я — с вами? Живите сами, жрите своих лангустов, любитесь с моделями и друг с другом, нюхайте натошак свой порошок... Убивайте друг друга. Вы мне не нужны, вы вообще никому не нужны, кроме самих себя, вы удержите свою власть, укрепите ее, оградите специальными институтами подавления, тщательно застрахуетесь от случайностей и сгниете живьем, отравив миазмами все, что только сможете. Но вы сгниете без меня, слышите вы!..

Когда ноги от усталости стали чужими, он перешел на шаг. Лиза пошла рядом — тонкая, прямая, совершенно не запыхавшаяся. Она хотела о чем-то спросить, но Шабан, глотая набежавшую слюну, только мрачно взглянул на нее между двумя судорожными вдохами — и она не спросила. На ее лице было недоуменное выражение. «Как у ребенка, которому не объяснили, — подумал Шабан. — Ребенок и есть. Прости меня, девочка, но объяснять я сейчас ничего не стану. Не хочу. Не время. Ты только на меня не обижайся, хорошо? Не станешь обижаться? Да, я забыл, ты же еще не умеешь обижаться...»

Откуда-то снизу тянуло гарью. Из жилых ярусов сквозь задвинутые двери доносилась бодрая музыка. Праздник продолжался. Слышались смех и шарканье ног — люди уже не боялись выходить из комнат. Было слышно, как кто-то раздраженным со сна голосом требует, чтобы ему объяснили, что, собственно, произошло. Ему объяснили, что произошло. «А-а...» — разочарованно протянул вопрошавший. Потом музыку свели на нет, и далекий репродуктор забормотал значительным голосом — как видно, передавалось очередное обращение к населению. Шабан ускорил шаг, споткнулся о мусор, выругался и затрусил мелкой вихляющей рысцой. Вниз, вниз! Скорее! Какой идиот придумал этот коридор, мало ему было лифтов и пандусов?.. Сам Эриксон придумал или кто-то ему подсказал? Наверное, сам. Умница, что придумал, гениальный был человек: построил ловушку-куб и дал шанс из нее выбраться. Только так и надо делать.

На нулевом ярусе едва не проскочили служебный лаз, и здесь пришлось гнуться в три погибели. Внутри было темно и воняло гарью, в тесном воздухе висел какой-то особенно едкий дым, впереди что-то торопливо капало, но не было видно что, и руки натыкались на какие-то толстые пыльные трубы, а комбинезон с визгливым шорохом терся о шершавые сте-

ны. Дышать было нечем. Позади раскашлялась и всхлипнула Лиза, кашель прозвучал глухо, как в тумане.

Ч-черт! Вот где это было... Шабан, прижимаясь к стене и стараясь не задеть оборванные кабели, боком прополз мимо нагромождения развороченных труб и стальных листов. Ладони скользнули по чему-то липкому. Кровь? Кровь, конечно. Кто-то прятался в этом лазе... Кого-то достали гранато-пулей. Чтобы не прятался — зачем добропорядочному гражданину прятаться? Шабан нащупал и стряхнул с руки прилипший комочек. Та-ак. Опять. Опять кровь, не можете вы без крови. Лет через сто скажут, если будет кому сказать: вынужденная необходимость, объективный-де исторический процесс, куда денешься? И вообще кровь (не своя персональная, разумеется) при подобных социальных эксцессах, может быть, и не вполне оправданна с гуманистических позиций, но уж безусловно необходима как смазка для исторического процесса... Скажут, и выпьют, и зажуют вкусным дымящимся лангустом, рыгнут в платочек и откинутся в удовлетворении...

Он поперхнулся дымом и вытер рукавом слезящиеся глаза. Дьявол, какое мне дело до потомков? Потомки — дураки, им простительно. Не нам. Не вам, сволочи! Рвите друг друга дальше. Не буду я с вами жить, а ведь вы про меня главного не знаете: я с вами не только жить не хочу, я с вами еще и помирать не намерен, и других убивать я вам не дам...

Прыжок! Прыжок! Прыжок! Рывок к служебному шлюзу, ведущему в гараж со стороны энергоподстанции, — так ближе всего до главных ворот. Быстрее! Какой он длинный, этот машинный зал... Еще быстрее, ну же! Кто-то в синем, попавшийся на дороге — по виду дежурный механик, — порхнул в сторону балетным прыжком. Фильтр на босу рожу. Охранников, как ни странно, нет. Почему здесь нет охранников? Надоело глотать дым? Непорядок. Или, может быть, Штуцер решил, что все уже кончено? Это он по неопытности; не умеешь — не берись...

Шабан с размаху влетел в шлюз, втолкнул Лизу.

— Фильтр надень, девочка.

Пришлось помочь: сама она никак не могла управиться. Даже в наморднике она была красива и желанна, но сейчас не было времени любоваться. Сейчас откроется шлюз, и не будет ничего удивительного, если в гараже окажется охрана и в живот без обиняков упрется начищенный ствол. А я что? Я ничего, не надо меня пугаться, ребята, вот он я весь, целиком перед вами, уберите от пупка свое железо. Раз-

ведчик спустился посмотреть, как идет ремонт вездехода и идет ли он вообще, потому что нынче праздник; кому праздник, а кому завтра на маршрут, никто ведь не отменял... Что? Ах модель? Это моя модель, ясно вам, я ее одну не оставлю, как хотите, у меня в соседях половой маньяк, я ему позавчера бил морду и вчера бил морду, а сегодня, если что замечу, — вообще кастрирую, чтобы не исходил слюной на чужое... Тут можно и переиграть, только не очень сильно, главное их насмешить — тогда, может быть, даже пропустят, но более вероятно, что дадут пинка и, приказав убираться, с гоготом посоветуют не тянуть с кастрацией, и тогда можно будет выждать и попытаться еще раз. Конечно, все будет зависеть от того, сколько их там окажется, и если, к примеру, всего двое-трое, то можно и не ждать...

Шабан нащупал в кармане лучевик, снял его с предохранителя и переключил на непрерывный режим. Секунд пять выдержит, но ведь и одной достаточно. Карман загорится, черт... Плохо то, что Лиза все это увидит, ей бы этого видеть не следовало, замучает потом вопросами: «А они умерли, да?», «А как это — умерли? Зачем?», «А я тоже могу умереть?» Лиза, Лиза...

Охраны в гараже не было, зато дыма было еще больше. Дым ел глаза, у главных ворот он висел слоями, он тек ленивыми мутными струями, сворачивался в кольца и вращающиеся хвостатые спирали, делился на фракции и медленно растекался по потолку и полу. У потолка его затягивало в вентиляцию, но толку было чуть: плотные дымные столбы стояли над откинутыми настежь люками гигантского «армадила» с развороченным бортом, края пробоины были вывернуты наружу, как лепестки уродливого цветка. Вокруг вездехода на шербатам бетоне вповалку лежало несколько трупов. Вот оно что, отстраненно подумал Шабан. Значит, попытка вырваться все же была...

Он осмотрелся. Та-ак. Вон там «армадил», кроша бетон, вывернул со стоянки, вот тут он взял разгон, намереваясь с ходу пробить ворота, но его уже ждали и вон оттуда хладнокровно, как в макет, всадили в борт планирующую гранату, и «армадил» загорелся, пошел юзом на заклинивших гусеницах, а набившиеся в него люди, те, что не были перемешаны в кисель кумулятивной струей и стаей осколков, полезли наружу под карабины охранников. Ясно, почему пусто: охранники сделали свое дело и ушли, когда им приказали, а приказали им тогда, когда прорываться наружу стало уже

важные объекты Порт-Бьюно у Живоглота холуев не хватит. Между прочим, ворота можно открыть из диспетчерской, если только они не заблокированы, а заблокированы они или нет, мы сейчас выясним...

— Они не спят, — со страхом сказала Лиза, указывая на трупы. — Они не такие.

— Такие, такие, — мрачно сказал Шабан. — Они спят. Они уже проспали все, что могли.

— А ты спать не будешь? — спросила Лиза.

— Мне еще рано...

Пока все шло как по маслу. Диспетчер, какой-то незнакомый красномордый здоровяк с толстым, распирающим фильтр носом, увидев Лизу, в первый момент оторопел и не сразу потянулся к пульту, а через секунду Шабан уже бил его по черепу рукояткой «магнума» и, отвернувшись от непонимающе расширенных Лизиных глаз, кряхтел, стаскивая с диспетчерского кресла расслабленное тело. Ничего, ничего, моя девочка, бормотал он, вот примерно так с ними и надо. Живой, очухается. Тут главное, чтобы процесс был обратимым, это очень важно, нельзя лишать человека шанса когда-нибудь понять и проснуться, это — преступление, хоть я и уверен, что эта рожа до смерти не проснется, но мало ли, в чем я уверен...

Да, как там ворота, не заблокированы? Нет, и это прекрасно. Где мой «эшевен»? Вот он, мой побитый, корма оплавлена, локатор, разумеется, не починен. Это ладно. Мы с тобой обязательно вырвемся, моя хорошая, слушай меня внимательно. Сейчас ты сядешь за управление... я знаю, что ты не умеешь, но это не сложно, я тебе покажу, как это делается, ты только очень постарайся... Для меня постарайся. Прогрей двигатель... вот так, хорошо. Я открою ворота на тридцать секунд, там есть такой режим, а ты, как только я окажусь на броне, трогай и набирай умеренную скорость. Обязательно умеренную, скучную такую, зевотную, нельзя ни гнать, ни ползти, иначе на вышках всполошатся, а нам с тобой это ни к чему. Дорога одна, не ошибешься, ты только плавнее рули, а я буду торчать из люка и поплевывать по сторонам, мою плешь охранники знают и должны пропустить, нужно только вести себя спокойно и нахально, тогда пропустят. А если нет...

— Там нет крыши, — сказала Лиза. — Я не хочу туда. Там страшно.

— А если не пропустят, — сказал Шабан, не обращая внимания, — тогда слушай мои команды и четко их выполняй. Я не собираюсь быть мишенью. Ты меня поняла?

— Хочу домой, — сказала Лиза. — Пойдем домой, ладно?
— Заткнись! — грубо оборвал Шабан, чувствуя, как внутри у него что-то болезненно сжалось. — Тебя еще слушать...

Первые тучи наползавшего дождя, еще не черные, еще только свинцовые, но уже захватившие половину неба, вытягивали перед собою короткие косматые хвосты, на равнине шевелились неясные тени. Север окончательно почернел и сжался. Отсюда Порт-Бьюно был похож на кристалл пирита, только цвет был не совсем тот, отсюда без бинокля не было видно ни вышек, ни проволоки. Здесь не было людей, здесь индикатор радиоактивности наливался вишневым цветом, и по краям насыпи среди хаотичного рельефа вывороченной и вздыбленной земли толпились строительные механизмы. Отдельно зиял недокопанный котлован, куда после окончания строительства предполагалось спихнуть террикон строительного мусора — малая победа бывшего отдела Поддержки Среды. По пологой насыпи шла и уходила в тоннель обыкновенная рельсовая однопутка, временная, конечно, позднее намечалось строительство скоростной магнитотрассы.

Как Шабан и предполагал, охраны у входа в тоннель не было: очевидно, бывший Совет намеревался пропустить убегунов на Юг без нежелательных случайностей. Вместо охраны на левом рельсе бок о бок сидели два голых убегуна — оба разом вздрогнули, когда вездеход со скрежетом остановился в десяти шагах от них, завозились, пихаясь, и завертели безволосыми головами на морщинистых цыплячьих шеях. Лица у них остались равнодушными, вездеход их явно не заинтересовал.

Шабан натянул хитин, жестом приказал Лизе сделать то же самое и выбрался на броню. Один из убегунов заметно вздрогнул и дернулся, порываясь вскочить, другой, успокаивая, неестественно вывернул руку, почесал первого между лопаток и сам же захрюкал от удовольствия, будто скребли его. Убегуны были прирученные, рабочие. Диким вид человека внушал, несомненно, панический ужас — очевидно, наследие каких-то древних времен, — и они успокаивались только тогда, когда пространство степи между ними и человеком превосходило границы прямой видимости. Впрочем, бывали исключения. Эти два убегуна убегать не собирались. Они ждали своих. Когда первая волна орды нахлынет и полезет на насыпь, они пойдут в тоннель первыми и поведут орду в Южные Земли. Туда-где-Тепло.

186 Туда, где много света, пищи и совсем нет людей — в это

они верят, ведь и убегуну нужно во что-то верить. Туда, где их опять ждет обман, таких кретин сам бог велел обманывать, а в видах рекреации им, может быть, позволят быть загонщиками, когда какому-нибудь хмырю придет в голову позабавиться охотой на вариадонтов...

Хватит! Раньше надо было ныть. Шабан боком слез с вездехода на землю, нашел и высыпал на ладонь остатки грибного порошка. Жмурясь, втянул в ноздри, привалившись спиной к броне, ждал, когда подействует. Перед глазами плясал и качался мир, горы дышали, как исполинские животные, как огромные умирающие киты, выброшенные на берег, — слабее, слабее... Порошка мало, черт... Не доза — едва полдозы, надолго не хватит. Он отшвырнул пустую коробочку, и она запрыгала по насыпи. Хватило бы до космодрома...

У входа в специальный бункер, построенный с началом работ в тоннеле как склад ядерных зарядов для проходки, бродил, загребая ногами пыль, одинокий охранник, судя по форме — не Живоглотов. Увидев Шабана и Лизу, он заморгал было и даже раскрыл рот, но тут же справился с растерянностью, сдернул с плеча карабин и петушиным фальцетом скомандовал: «Стой! Назад!» Совсем молодой парнишка, еще старательный. Юный верзила под два метра по вертикали, уши трогательно оттопырены, даже ряшку себе еще не наел... Наверное, присутствовали и веснушки, но под слоем пыли на лице их не было видно. Нормальный молокосос. Шабан остановился, сдерживая себя. После сушеного гриба стоять не хотелось, хотелось броситься вперед на наставленный ствол.

— Караулишь? — спросил он, сплевывая себе под ноги.

— Кара... — начал охранник и вдруг, спохватившись, выпятил челюсть и взял карабин на изготовку. — Кто такие?

— Почему один? — строго спросил Шабан, игнорируя вопрос и изо всех сил стараясь придать голосу начальственное звучание. Он помнил, что охранников на этом посту должно быть двое. — А? Почему один, спрашиваю! Подойдите сюда, рядовой!

Охранник растерянно потоптался на месте, потом сделал один нерешительный шаг вперед. Потом подумал и сделал второй. «Живей!» — прикрикнул Шабан. Караульный подошел. Он явно не знал, как себя вести, и плечи его при каждом шаге поднимались, словно от холода, но черный зрачок дула по-прежнему смотрел Шабану прямо в лицо. Расстояние для одного прыжка было великовато.

— Инспекция, — сказал Шабан первое, что пришло на ум. — Что тут у вас? Выкладывайте, рядовой.

Рядовой начал выкладывать — озираясь по сторонам и нервно облизывая губы. Он чуть не хныкал и был готов схватиться за протянутую соломинку. Что произошло, почему нет смены? Они с Луи в карауле с утра, уже и чужую смену отстояли, ноги гудят и жрать охота — сил никаких нет, радио почему-то не отвечает, хрип один, четыре часа назад Луи пошел пешком в Порт-Бьюно, чтобы выяснить, за это время можно дважды успеть туда и обратно, а Луи все нет и нет, и смены нет, о чем там думают? Он-то, разумеется, пост не бросит, но все же должен быть свой предел... В голосе охранника звучала неподдельная мальчишеская обида.

— Убили, наверное, твоего Луи, — сказал Шабан, переступая на полшага вперед. — Так-то.

— Как это? — Охранник заметно растерялся.

— Насмерть, — пояснил Шабан. — Соболезную. Государственный переворот, понял?

— Д-да, — нерешительно сказал охранник. — Вон оно что... А как же... это... смена? — Слово «смена» он произнес почему-то шепотом.

— Будет вам смена, рядовой, — отчаянно плел Шабан. Зуд стал нестерпимым, телу хотелось действия: броситься, ломать, рвать, только не стоять на месте. Он сделал еще полшага. — Сейчас там просто не до вас. Свяжитесь с Особой Охраной — пришлют вам смену. Не обещаю, что не арестуют, но смена будет.

— А радио... — унылым голосом проговорил охранник. — Радио-то не работает...

— У меня в вездеходе есть радио. — Шабан показал рукой. Он млея от предчувствия удачи. — Это вон там. Идите и свяжитесь.

Лицо охранника прояснилось. Он сделал шаг, хотел сделать второй и вдруг замер с поднятой ногой: по-видимому, до него начало доходить, что он делает что-то не так. Не дожидаясь, пока сомнение караульного перерастет в уверенность, Шабан прыгнул вперед. Поднырнув под наставленный ствол, он ударил с коротким вскриком, целясь в солнечное сплетение, но, кажется, попал мимо, потому что охранник не задохнулся, а завопил и попытался ударить сверху карабином; тогда он схватил охранника за штаны и натужно перебросил

188 через себя. В нем было немало весу, в этом молодом

здоровом теле, и Шабан с размаху приложил его о камни. Охранник взвыл. Где-то рядом с ухом грохнул карабин, пуля бесполезно ушла в небо. Ненужный шум. Шабан выдрал оружие из цепляющихся рук и, размахнувшись, забросил его за бункер. Вот так.

— А теперь встать! Встать, я сказал! Ну!

Охранник встал. Его лицо выражало полную растерянность. Он еще не успел по-настоящему испугаться за свою жизнь, он боялся реакции начальства на неуставное ротозейство, глотал воздух и кривился от боли в подбитом боку. Ничего, сейчас он перестанет кривиться... Шабан извлек оба пистолета, лучевик оставил себе, «магнум» отдал Лизе.

— Стой тут, девочка. Шевельнется — стреляй без предупреждения.

Охранник замер. Теперь до него дошло, и пыль на его лице стремительно темнела, впитывая нервный пот. Со лба, не удержавшись, сорвалась струйка, прочертила след. Лиза, довольная игрушкой, вертела в руках тяжелый «магнум».

— «Стреляй» — это как?

— Вот так. — Шабан повернул ее руку с тем, чтобы ствол пистолета глядел на охранника. — Так и держи, девочка. А шевельнется — нажмешь вот сюда, на этот вот крючок. Справишься?

Она радостно кивнула.

— Ты у меня молодец, — серьезно сказал Шабан, и она просияла. — Жди тут. Я скоро.

Минут пять он возился, отключая сигнализацию, затем расплавил замок и откатил дверь ручную. Над этим бункером особенно не мудрили, внутри не было ни хитрых устройств распознавания, ни связанных с ними газовых, радиационных или иных ловушек: в горячую пору проходки бронированные двери откатывались по пять и более раз на день, и никому не хотелось случайностей. Мелкие заряды хранились прямо здесь, более мощные и редко используемые прятались в бетонированном каземате под бункером. Там могли быть и универсальные заряды, годящиеся для использования в качестве бомб, и многое другое, но вход туда преграждала толстая броневая плита, и там могли быть ловушки.

Шабан покачал головой: нет, хватит риска, обойдемся тем, что есть. Стотонные заряды, похожие на карандаш, и тысячетонные, похожие на стаканчик для карандашей. Есть еще пятисоттонные и какие-то совсем маленькие... нет, это

лишнее. Четырех тысячетонных должно хватить с избытком. Взломав стенной шкаф, он выбрал иницилирующую таблетку — стандартную, на десять минут. Достаточно. Только не зевать, не терять зря времени — и вездеход на полной скорости ворвется на космодром как раз в ту минуту, когда горы вздрогнут от взрыва, взрыв отвлечет охрану. Посеять панику, рассеять, разметать, прорваться в «Юкон» и дать Штуцеру тридцать... нет, пятнадцать минут на то, чтобы разыскать и доставить на корабль экипаж, угрожая в противном случае поднять на воздух корабль, космодром и Порт-Бьюно... я не знаю, как это делается, но Штуцер поверит... Возьму пилота и навигатора, остальных мне не нужно. Придется не спать несколько суток...

Он приложил пылающий лоб к свинцовой облицовке стены. Холодная... Это я выдержу — не спать. Ты знаешь, что такое Земля, Лиза? Ты ее увидишь через два месяца — невзрачный серо-голубой шарик у спокойной желтой звездочки. Это наш с тобой мир, он такой же большой, как Прокна, только лучше. Может быть, потому и лучше, что там сделано больше ошибок, на Прокне же их только предстоит совершить... Не хочу так думать. Скажут: человечество молодое, ему простительно, скажут так, будто человечество — это человек. С человека много не возьмешь, человеку свойственно ошибаться. Еще ему свойственно бить тех, кто мешает ему совершать ошибки, но это не значит, что не надо пытаться помешать, надо только вовремя унести ноги и ждать, когда одумается... Одумается, пожалуй, лет через двести.

Для какой надобности на боковом пути вот уже несколько лет ржавели три сцепленные вагонетки, вряд ли кто-нибудь знал. Может быть, в них когда-то намеревались возить в тоннель разные грузы, например, сменные бригады убегунов или другие вещи, но потом оставили эту затею. В дождливый сезон ковши вагонеток по край наполняли аммиачной водой, сухим сезоном воздух вытягивал воду прочь, и набросанный на дно мусор пополам с фекалиями давно уже слежался в монолит и даже не вонял. Крайнюю вагонетку удалось отделить, только разрезав сцепку, но катиться она не желала до тех пор, пока Шабан, ворча и ругаясь сквозь зубы, не срезал приржавевшие тормозные колодки. Быстрее, черт... Забравшись внутрь, он разместил заряды по углам ковша, установил максимальный угол раскрыва струи — пять с половиной градусов. Этого хватит. На всякий случай прида-

вил заряды камнями — теперь они никуда не денутся, четыре взрыва ударят веером в потолок тоннеля. Быстрее! Торопясь, он выдолбил каблуком лунку для инициирующей таблетки — точно посередине: заряды должны сработать одновременно, с точностью до наносекунды. Быстрее! Штуцер или Живоглот могут опомниться, могут найти время подумать о тоннеле или о складе зарядов. Южных Земель захотели, живоглоты? Вот вам Южные Земли! Они не по вашим зубам, и до вариадонтов вы у меня не доберетесь...

Потревоженный мусор защищался как умел: вагонетка наполнилась вонью. Шабан выбрался из нее на насыпь и перевел дух. Где Лиза? Вон она, отсюда плохо видно, но ясно, что у нее все в порядке и охранник не рыпается. Молодец, девочка.

— И-и... раз!

Вагонетка качнулась, колеса отчаянно застонали.

— И-и — два! — Колеса нехотя провернулись. Ну же! Ну давай! Шабан уперся ногой во вторую вагонетку. Ага! Еще раз! Кажется, пошла. Главное, не останавливаться, толкать и толкать, вогнать эту тяжесть тоннелю в глотку, дальше она пойдет сама, там уклон. А здесь подъем, здесь тяжело и воздуха нет. Где воздух? Дышишь какой-то ватой... Шабан сорвал с лица дыхательный фильтр, швырнул под ноги. Вот так-то лучше. Ну же! Ну, еще!..

Вагонетка скрипнула и остановилась. Шабан вытер лицо рукавом и пнул вагонетку ногой. Пот на лице лез из всех пор, ладони были в ржавчине. Нет, так не пойдет. Он поискал глазами по сторонам. Один из убегунов куда-то исчез, зато второй все так же сидел на рельсе и смотрел на вагонетку тусклым взглядом. Экземпляр был молодой и еще крепкий, видно, работал в тоннеле недавно. Чтобы привлечь внимание, Шабан плюнул в его сторону.

— Эй! Поди сюда.

Пришлось еще прикрикнуть. Убегун, вытянув выдвижной рот, хлопнул губами.

— А что мне за это будет? — Голос у него был тягучий и гнусавый, как при насморке — мешало мало приспособленное к речи строение носоглотки.

— Шею сверну. Поди сюда, я сказал.

Убегун ослабил совсем по-человечески, с хлопаньем втянул свой рот и отвернулся. Кажется, он сообразил, что пугают не всерьез, и наслаждался. Должно быть, в тоннеле его иногда баловали подобными шутками. Уж чему-чему, зло подумал Шабан, а своему юмору мы их научили!

— Смотри, — сказал он. — Это лучевой пистолет. А теперь смотри на тот камень. Ты все понял? Надо еще повторить?

Камень шипел и шкворчал, ярко полыхал покрывавший его лишайник, вокруг расползающегося огненного пятна текло и пузырилось — и вдруг с гулким хлопком камень лопнул, развалившись на несколько кусков. Шабан убрал палец с курка и повел стволом в сторону убегуна:

— Живо.

Вдвоем пошло веселее.

— И — р-раз! — кричал Шабан, наваливаясь на вагонетку. — И — два!.. — Колеса уже не скрипели, они победно пели на высокой ноте: вагонетка разгонялась. Вперед!.. Толкай, слышишь! Сильнее! Кто так толкает, гад? Убью! Вот так надо! И еще р-раз! Хорошо!.. Вагонетка подпрыгнула на клацнувшей стрелке, покачнулась, и у Шабана упало сердце. Проехали... Вот он — тоннель, теперь ее уже не остановить... Вперед! Еще раз! Не-ет, от толчка заряды не сдвинулись, это было бы слишком несправедливо, они просто не могли сдвинуться, не имели права, я это чувствую... Теперь хватит. Скорость еще небольшая, но дальше эта ржавь пойдет в разгон. Пора.

Рядом тонко мычал от натуги убегун, в сумраке тоннеля жутко светились его внешние кольцеобразные зрачки.

— Пошел вон! — закричал на него Шабан. — Убирайся, ну! — Убегун не заставил себя ждать. — И у входа не торчи, — крикнул Шабан вдогонку, — плохо будет! — Убегун, втянув голову в плечи по самые уши, нелепо скакал по шпалам к выходу. Часто-часто мелькали ноги. Пусть живет, подумал Шабан, пусть забудет работу в тоннеле и сам тоннель, где распылены в атомы сотни таких, как он, пусть как можно дольше не знает, что такое лучевая болезнь, потому что все это человек и дела человека, а убегуны тут ни при чем...

Некоторое время он трусил рысцей, держась за борт вагонетки. Один раз ему показалось, что вагонетка замедляет ход, но тут же он понял, что это не так и что скорость мало-помалу увеличивается. Время! Он сдвинул в пальцах иницилирующую таблетку — она загорелась красным, — запрыгнул животом на борт ковша и точно послал таблетку в приготовленную лунку.

Попал! Задыхаясь, он спрыгнул вбок, споткнулся о шпалу и несколько шагов бежал на четвереньках. Ничего, ничего... Главное сделано. Вагонетка обогнала его, ее уже не нужно было толкать, она с нарастающим гулом сама рвалась под уклон.

192 Грохотали колеса, что-то жалобно дребезжало, стонали

ржавые оси. Разгоняясь, заряд уходил в гору. Через десять минут где-то там, в самой сердцевине горы, тысячи и тысячи тонн камня придут в движение и потолок тоннеля рухнет на протяжении нескольких километров — хорошо бы по всей длине... Вагонетку уже нельзя было догнать, ее можно было только проводить взглядом. На миг Шабан почувствовал страх, сознание чего-то непоправимого. Оказывается, он не был готов к тому, что когда-нибудь уже ничего нельзя будет изменить и некуда будет отступать, оказывается, он принимал это только в мыслях — то, что в мыслях для мыслей же и хорошо, а вот когда кончается действие грибного порошка...

Шабан яростно замотал головой: грохочущая вагонетка уже исчезла из виду — время действовать, а не размышлять. Вперед! То есть назад! Прочь отсюда! Повернувшись, он побежал к выходу. Все нормально, время есть... Времени как раз хватит: до космодрома вездеходу на полной скорости гнать минут шесть, не больше. Успеем: еще целых девять с половиной минут... нет, уже только девять. И «ишак» слох, скотина...

Надо спешить. Все будет хорошо... Он надал и понесся к выходу так быстро, как мог. Вот вам! Он торжествующе вскрикнул, и своды тоннеля ответили гулким эхом. Хотелось расхотаться. Вот вам на память от Искандера, живоглоты, штуцеры и кошкодавы, вот вам ситуация, до которой вы не додумались, но теперь вам придется думать, думать быстро, иначе вы не удержитесь...

Восемь минут! Уже только восемь, а надо еще добежать, надо еще стукнуть по голове охранника, потому что связывать его нет времени, и сесть в вездеход... нет, охранника достаточно припугнуть, парнишка вроде ничего, не надо его бить. Но как просто! Как легко все получилось, даже не думал, что так может быть, я теперь все могу, вы слышите! Все! Оказывается, здесь самое главное — решиться, а дальше намного проще, нужна только капелька везения. Я уже решил, и вы мне помогли. Каждая деталь имеет свою наработку на отказ, это надо знать, и вы у меня еще вспомните эту отказавшую деталь! Вы ее долго будете помнить!..

Он выскочил из тоннеля на свет. Тусклые преддождевые сумерки показались ему слишком яркими. Сначала он не поверил своим глазам и замер в изумлении: равнина шевелилась. Она колыхалась и рябила на всем своем гигантском протяжении, она была покрыта чем-то движущимся, наползающим, нацеливающимся. Шабан бешено выругался. Так

вот что за тени гуляли по степи — началось великое переселение! Вся равнина до горизонта была заполнена убегунами, их было невообразимо много — миллионы, — должно быть, к северу от хребта Турковского разом опустели все стойбища. Убегуны шли молча, и только топот множества ног сливался в ровный гул, на всей равнине не было ни одного звука, кроме этого гула. Шабан не мог себе представить, что на Прокне живет такое множество убегунов. Они надвигались, как море. Это было похоже на запомнившийся с детства учебный фильм о миграции леммингов, только тот фильм был совсем не страшным.

— Назад! — заорал Шабан.

Колышущееся море вытягивало вперед язык, нацеливаясь в устье тоннеля. Передовые отряды уже лезли на насыпь с обеих сторон. Мужчины, одни мужчины, сильные и выносливые, тяжело дышащие, некоторые в рваной одежде — как видно, из прирученных, — но в большинстве совершенно голые, пропыленные до серости и чем-то очень напоминающие людей. Толпа. Бессмысленная напиральная плоть. Самки с детенышами отстали — наиболее сильные из них поспеют в тоннель как раз к самой давке, и тоннель огласится криками, когда под напором тел захрустят их кости, но некуда будет свернуть, а сзади, не обращая внимания ни на крики, ни на дергающиеся тела под ногами, будут напирать и напирать новые толпы, пока от взрыва в глубине горы не расколются своды и на тех, кому повезет пробиться сквозь давку, не ринется сверху потолок...

— Стой! — надсаживаясь, кричал Шабан. — Сто-о-о-ой!

Его не слушали. Его видели, но на него не обращали внимания. Человек был страшен для убегуна, но не для всего народа убегунов. Пусть будет хуже для человека, если он мешает. Орда поглотит и растопчет его, уходя прочь с этих холодных равнин. Туда-где-Тепло. Без оглядки. Шабан сжал в руке рукоять лучевики. Толпа была уже шагах в пятидесяти.

— Наза-ад! — яростно заревел Шабан. — Кретины! Сто-о-ой! Там смерть! Назад, животные!

Огненная дорожка прочертила линию перед ногами забежавших вперед. Повис легкий дымок и тут же всколыхнулся — орда перевалила через линию. Взвизгнул какой-то убегун: как видно, наступил босой пяткой на горячее. Ах вот вы как? Нет, вы у меня остановитесь! А ну, стой!!

Дымящийся зигзаг пересек насыпь. Вот так! И еще раз! Мало вам?.. Крича что-то невообразимое и не слыша сам себя,

194 Шабан с локтя бил лучом перед собой, стараясь попасть

как можно ближе к толпе. Он очень боялся, что дрогнет рука. Густо дымила земля, вспыхнули шпалы, расплавился и потек рельс. Первые ряды замялись. Ага-а! Назад! Я кому сказал! Шабан шагнул вперед, и орда попятилась. Кто-то из убегунов бессмысленно оглядывался, кто-то уже повернул, чтобы бежать, но бежать было некуда: сзади напирала те, кто еще не видел лазерного луча. Ничего, сейчас они побегут... Шабан заорал сорванным голосом и еще раз прочертил насыпь перед пятащейся толпой. Как только выдерживает лучевик? Сейчас, сейчас... не задеть бы только вездеход. Толпу бы не задеть... Еще немного — и побегут. Вас же спасаю, кретины!.. Он сделал еще шаг, и тут в него полетели камни.

— Наза-а-а-ад!!!

Теперь уже отступал он, и орда снова накатывалась. Кто-то в передних рядах споткнулся и дико завизжал, упав на дымящуюся землю. Упавшего топтали, не замечая. Некоторые выбегали вперед, нырком нагибались, хватая очередной кусок щебня с полотна. Метальщики они были никакие, но их было много, и Шабан сразу же получил чувствительный удар по ноге, другой обломок щебня зацепил ухо. Отступать было некуда: толпа уже обошла его с боков. Какой-то низкорослый убегун проскользнул вдоль скальной стены и с торжествующим воплем скрылся в тоннеле. Кинутся все сразу — конец, отчаянно подумал Шабан.

— Назад, сволочи!

Все-таки они боялись — толпа надвигалась медленно. Кое-кто из первых рядов силился протиснуться назад. Неожиданно ударил выстрел — пуля с визгом срикошетировала от свода тоннеля. Слава богу, обычная пуля... Шабан затравленно озирался. Значит, оружие у них все-таки есть, слухи не врут. Откуда у них оружие? Попасть не попадут, но еще один выстрел, еще только один — и они кинутся...

Он попятился к самому зеву тоннеля, еще на что-то надеясь, но когда грохнуло второй раз и они кинулись, надеяться стало не на что; тогда он зажмурился, чтобы не видеть, и с длинным страшным криком полоснул лучом по толпе, по тянувшимся к нему уродливым рукам, по бессмысленным лицам с выдвигаемыми ртами. Прочь! Он кричал, чтобы не слышать их криков, и на лице его не было фильтра, чтобы уберечься от запаха горящего мяса.

Прочь! Луч метался над насыпью до тех пор, пока лучевик не отказал, и тогда Шабан открыл глаза. Ему

захотелось закрыть их снова. За несколько секунд на насыпи не осталось ни одного живого убегуна. Уцелевшие бежали кто куда, толпа по обе стороны насыпи стремительно таяла, паника передавалась дальше, и теперь на равнине не было равномерного колыхания, теперь в живом шевелящемся море возникали неожиданные течения и водовороты. Каждый спасался сам, слабые и замешкавшиеся, упав под ноги бегущим, больше не поднимались. Над равниной стоял тысячеголосый вой.

Шабан перевел дух и сбежал с насыпи. Следовало уходить, пока не поздно. Какой-то убегун ползком выбрался из-под дымящейся груды тел, скатился следом и медленно, мучительно пополз наугад, как слепой, не видя, куда ползет, и двигая свежей культей так, как будто на этом месте все еще была нога. Наверное, было бы гуманно его застрелить, но Шабан почувствовал, что не сможет. Его вдруг неудержимо вырвало какой-то желчью. Прочь отсюда! Он вытер слезящиеся глаза и побежал, ускоряя шаги, но почти сразу же ахнула и застонала земля, что-то сбilo его с ног и бросило ничком на камни.

Гора содрогнулась. Из тоннеля вылетел горячий вихрь. Крепления сводов стонали и корежились, как живые, каменная тяжесть ломала тубинги. Высоко над зевом тоннеля что-то трещало, ворочалось и сыпалось, но это были только оползни, а самое главное происходило сейчас в глубине горы, где ожили и подвинулись геологические пласты, где в ревущей ярости взрыва погибал двухлетний титанический труд — равнодушный труд равнодушных людей, половина из которых вообще не знала, зачем нужен этот тоннель, а другой половине было плевать на все, кроме заработка и срока контракта. Где-то уже катились камни, слышался нарастающий гул близкого обвала. Шабан вскочил на ноги и побежал прочь от склона. Вездеход? Нет, вездеход стоит нормально, его не должно задеть. Нам опять повезло, моя девочка, нам просто невероятно везет. Все хорошо, все у нас с тобой в порядке, самое главное сделано, вот только упустили удобное время, но еще неизвестно, что для нас лучше: неожиданный для охранников взрыв или нашествие на космодром полчищ обезумевших убегунов.

— Ли-и-и-за-а!..

Лизы нигде не было видно. Бункер стоял на месте, но рядом с ним не было ни Лизы, ни охранника.

— Ну я вас, — сказал Шабан неуверенно. Ну нельзя же так... — Ли-и-и-и-за-а! — Кой черт... Убегуны? Нет,

196 до бункера убогие не дошли, хотя были совсем ря-

дом... не настолько, впрочем, рядом, чтобы Лизе стоило обращать на них внимание. Девчонка! Охранник удрал, конечно, да и как от такой не удрать, а она играет в прятки!

Он позвал еще раз и обежал бункер кругом. За бункером валялся мусор и кал, карабин охранника тоже был здесь, но Лизы не было. Может быть, вон за теми валунами? Конечно, там, где же ей еще быть... Уши оборву. Сатанея на ходу, Шабан двинулся к валунам и тут же увидел Лизу.

Она лежала на боку там, куда ее отбросило, — маленький скорчившийся комочек. Она уже не была похожа на Лизу, и не застонала, когда Шабан перевернул ее на спину. Вероятно, она была еще жива, когда гранато-пуля, выпущенная из «магнума», разорвалась в трех шагах от нее и охранника не стало, а огненный вихрь опалил и отшвырнул ее пробитое осколками тело. Она еще жила, когда упала на камни, и, наверное, пыталась подняться, но смогла только скорчиться, стараясь унять боль и не понимая, откуда вдруг взялось столько боли. Хитин спереди был сожжен и висел горелыми лохмотьями. Нажав на спуск, Лиза не успела закрыть лицо, и Шабан заставил себя посмотреть еще раз на то, что было ее лицом. Он смотрел долго, запоминая, он боялся, что забудет какую-нибудь подробность, а перед глазами стояло живое растерянное лицо, и Лиза говорила: «Там страшно. Там нет крыши...» А ведь она сегодня первый раз вышла из Порт-Бьюно...

Все было кончено. Шабан осторожно опустил ее голову на камень, встал и побрел прочь. Наверное, Лизу надо было похоронить, но он не мог себе представить, как будет копать какое-то специальное углубление, оглядываясь на обожженное мертвое тело и не веря, что все так просто, и как придется все-таки поверить и закидать могилу землей и камнями. От охранника не осталось ничего, и не на ком было отыгаться. Подлец, все-таки рыпнулся... А может, нет? «Шевельнется — нажмешь на этот крючок», — вспомнил Шабан. Лиза, девочка моя... Ты же уже не модель, как ты могла понять буквально? Попробуй простоять столько времени и не шевельнуться...

Он сходил к вездеходу, нашел в бортовой нише флакон, выторгованный у Роджера, и вернулся. Его движения были точны и спокойны. Когда ослепительно белая пенная струя ударила в труп, он вздрогнул: ему показалось, что тело Лизы шевельнулось. Но он не прервал работы, и вскоре тела не стало видно под рыхлым коническим сугробом, а флакон все извергал и извергал из себя быстро твердею-

щую пену, пока сугроб не превратился в высокий снежный конус; тогда Шабан отшвырнул баллончик, повернулся и зашагал в степь. Сначала он шел наугад, затем свернул туда, где уже надсадно стонали сирены, где над Порт-Бьюно хаотично взлетали в небо сигнальные ракеты и где на крышу куба только что упали первые капли дождя.

У КАЖДОГО СВОИ ПРОБЛЕМЫ

1

Окна в кабинете полковника Нуньеса все еще продолжали противно дребезжать, но дурнота уже отхлынула, и теперь следовало собрать и привести в порядок мысли, нарушенные неожиданным толчком. Долгий гул потревоженных гор продолжал давить на уши, было прекрасно видно, как вслед за обвалами над ущельями встают облака пыли: сегодняшний толчок оказался намного сильнее всех предыдущих — судя по всем признакам, противник, ничуть не скрываясь, развивал бурную и совершенно непонятную деятельность. Цель этой деятельности обозначилась сегодня вполне отчетливо, не вполне ясными оставались методы и уж неясными совершенно — способы их реализации. Полковник не находил себе места. О случившемся следовало доложить немедленно по обнаружении, но он доложил только днем, когда стало очевидно, что невидимая твердая стена, укрывшая за собой все южные территории Редута и часть чужих земель в придачу, не только существует, но намерена существовать и далее, издеваясь над всеми попытками задерганных людей найти в ней брешь, пробить ее залпами зенитных ракет или прожечь насквозь с лазерного поста. Доложил с отчаяния, отчетливо понимая, какую это вызовет реакцию, и услышал, как на том конце кто-то вполголоса подал реплику: «Плюнь, у старого пня мозги с плесенью», — наорал, багровея, добился, чтобы соединили лично с командующим, и, как мальчишка, стоял перед телефоном навтытяжку, выслушивая финальное: «Вы мне за это ответите!..»

За что? Сжимая голову руками, Нуньес не находил ответа на этот вопрос. За то, что у противника появилось новое, секретное и, по-видимому, совершенно неуязвимое средство защиты? За то, что противник продолжает дробить горы как хочет и смеется над военной мощью сопредельных государств?

Начальство найдет, за что. Когда ничего нельзя сделать, начальство всегда ищет виновных — это тоже занятие. Нуньес закрыл глаза. Отставка, отставка... Уже не избежать, не отсрочить. Хорошо, если в память о прошлых заслугах позволят самому написать прошение, а не выгонят с позором и без пенсии. Но разве в пенсии дело, когда не будет ни линейной пехоты, ни даже этого гарнизона в сельве, когда вокруг не станет привычного размеренного порядка, требовательности начальствующих и исполнительности подчиненных, а будет только пустота, и ничего, ничего не останется в жизни, кроме пустоты и приближающейся старости... Разве в пенсии дело?

Он встал и подошел к окну, как делал много раз до этого, оглядывая с высоты свои владения. Низкие сизые облака, гонимые ветром к хребту, натыкались на невидимую стену и расползались по ней; затем их продавливало внутрь, и они растрепанно ползли дальше. В горах продолжало грохотать, но уже слабее. Напуганная стайка каких-то некрупных животных, совсем потеряв голову, выскочила из сельвы чуть ли не на самый плац — сработали периферийные пулеметы и на границе зарослей заплясали огоньки разрывов. С шумом упало дерево. Так их... Подлость: всякое зверье свободно шляется сквозь стену в обе стороны, а человеку хода нет. Видели, как туда свободно прошел чудовищных размеров глипт, а обратно выползло нечто совсем уже невообразимое, поминутно меняющее форму, постояло, пляясь на ошарашенных дозорных, и успело уйти за стену за секунду до выстрела. И лазерный луч гаснет в стене, несмотря на всю ее прозрачность, и сверху не достать, и из-под земли...

Может быть, в самом деле пора в отставку, подумал Нуньес. Новое оружие — новые люди. Так было всегда. Старики не нужны. Они могут рассчитывать лишь на то, что молодые им объяснят, когда разберутся сами, и пусть кто-нибудь скорее разберется, ведь я уже не способен, я сойду с ума, мне просто страшно, пусть кто-нибудь разберется и объяснит мне, ведь я же уже не могу...

— Он идет, — сказал Менигон.

Сидящий напротив ответил ленивым кивком. Идет — ну и пусть себе идет, мало ли кто там идет. Никогда не знаешь, что у куратора на уме, подумал Менигон. Если и не разобрались что к чему, то виду не покажет.

— По-моему, он идет сдаваться, — осторожно уточнил он.

— Я понял, мусорщик.

Ага, теперь-то уж точно понял. И, наверное, намерен что-то предпринять, иначе бы мы тут не болтались. Суконное это дело — быть куратором. Существуют тысячи дел поинтереснее. Спросить бы его прямо, сам ли вызвался, а если не сам, то за что его сюда и на какой срок. Так ведь не ответит — что ему какой-то мусорщик?

— Не уйти ли нам выше, равный? — Менигон оторвал взгляд от бредущей по равнине фигурки, поймал презрительную усмешку и опустил глаза. — Не в самый Ореол, конечно, — быстро поправился он. — Только на внешний уровень, не более. Мы сможем наблюдать и оттуда.

— Для чего, мусорщик?

— В облаках разрывы, равный. Нас заметят. Хватит с Искандера диверсии, зачем же еще шпионаж в пользу щитоносцев?

Куратор равнодушно пожал плечами. Черный корабль неторопливо вошел в разрыв. Блеснуло слабое солнце, по степи раскорячкой побежала тень. Теперь наверняка заметят, засуетятся, но какое ему до этого дело? Он из Ореола, ему все равно, хоть он и куратор. Но обращение «равный» проглотил, даже дважды, а это уже кое-что. Может быть, хватит намеков, пора прямо просить его за Искандера? Но что теперь можно для него сделать? Что, спрашивается? Мальчишка потерял терпение, даже не подумал, что до вариадонтов можно добраться не только с севера через тоннель, не предположил даже теоретически, что о них есть кому позаботиться, кроме него, как о единственной расе, достойной стать партнером Ореола... да, собственно, уже позаботились. Когда терять уже нечего, обычно теряют голову. Жалко мальчишку, очень жалко.

— Муравей, — сказал куратор, глядя под ноги. — Ползет к своему муравейнику. Уже и инстинкт самосохранения нарушен, только не стадность. Что ему грозит, мусорщик?

Менигон скосил на куратора один глаз: неужели не понятно? Впрочем, откуда им может быть понятно? Что они там в Ореоле знают о людях и об их обществе? Кому об этом нужно знать? Мусор, пыль под ногами...

— Разорвут, — сухо объяснил Менигон. — Ясное дело: тоннель будут восстанавливать, отправку отработавших контракт на Землю снова отодвинут на несколько месяцев. Может быть, Живоглот сумеет отбить его у толпы. Тогда через пару дней его вместе с другими пленными вывезут подальше в степь и заставят вырыть яму, если он еще сможет двигаться. Впрочем, здесь же Биртолли... Вероятно, изобразят какой-то суд, Искандера приговорят к пожизненному, поскольку смертной казни в Редуте не существует, а Биртолли накропает об этом заметку «В добрый час!», где подчеркнет демократизм нового правительства и исключительное уважение к законности. После чего в камеру осужденного вполне можно будет пустить кислородно-азотную смесь в земных пропорциях, само собой, без примеси этой гадости — аммиака. Кто сказал, что человек не способен этим дышать? Заключение умрет своей смертью...

— Утихни, мусорщик. Я понял.

Пренебрежения в голосе куратора Менигон не уловил. Он и не пытался уловить. Что с того, что мусорщик, кому-то надо и мусором заниматься, всякая работа на благо Ореола достойна и уважаема, если делается от души, а по-другому и не бывает. Неспособных нет. Ранняя отбраковка делает дело, даже на Земле об этом начинают догадываться.

— Спустишь к нему, мусорщик.

— Его прощают? — спросил Менигон.

Куратор посмотрел на него так, что пришлось отвернуться. Вредно подолгу жить вне Ореола, начинаешь забывать элементарные вещи. Ореол не прощает и не наказывает. Ореол отсекает от себя лишнее, это очень тонкая работа — заметить лишнее и вовремя убрать, пока оно не пустило корни. Лучше перестраховаться, допущенную ошибку можно потом исправить.

— Пригласи его сюда, мусорщик.

— Ясно, равный.

Так и есть, они там намерены исправить ошибку. Исправлять будет мусорщик — это его работа, работа очень редкая, один-два случая на сто лет, — а куратор проследит, чтобы все было как надо. Потом он подхватит эстафету и передаст ее дальше, потом еще дальше и так до самого Орео-

ла, до окончательного исправления ошибки. Что нужно отбракованному, чтобы Ореол признал свою ошибку? Может быть, взорвать одну-две горы?

— Ты еще здесь, мусорщик?

— Иду, равный.

Надо идти. Искандер обалдеет, когда к нему с неба аки ангел спустится его бывший наставник. Кстати, почему бывший? И сейчас придется наставлять, куратор имеет в виду именно это. Добрый ангел-хранитель, мудрый и всепрощающий, заботящийся по-отечески — кто может поклясться, что никогда не мечтал о таком, хотя бы подсознательно? Искандер не может, нет сомнения. И это замечательно.

«Ну вот и все, Искандер. Ты видишь, как просто все кончается. Нужно только смотреть на человечество со стороны, а лучше сверху, и тогда все будет очень просто. Попробуй, это совсем не трудно. Неаппетитное зрелище, правда? Забудь свои земные детские воспоминания, их не было. Забудь все до того дня, когда твой отчим привел тебя в кадетскую школу».

«Это был ты, Винс?»

«Нет, это был другой мусорщик. Меня тогда на Земле не было».

«А мои настоящие родители?»

«Они в Ореоле. Возможно, они захотят с тобой встретиться».

«Возможно?»

«Если найдут время. Мы очень много работаем, Искандер. Без этой работы и тщательнейшего, скрупулезнейшего отбора достойных мы бы никогда не вырвались вперед и не стали такими, какие мы есть. Человечество унижительно следует законам природы — мы научились менять их по своему вкусу. И создавать новые. Вселенная людей тесна и убога даже по сравнению с внешним уровнем Ореола, а ведь в нем двенадцать уровней. Будущее человечества ничтожно по сравнению с нашим будущим. Мы работаем на будущее, Искандер. Мы его делаем».

«А своих отбракованных детей вы, значит, отправляете на Землю? Вываливаете мусор?»

«Именно мусор, Искандер. На Земле ему самое место».

Хорошая фраза. Вот так и надо ему сказать, пусть прочувствует. Захочет стереть ложную память — сотрем. Восстановить истинную? Может быть, лучше не надо: маленький мальчик, больше всего боящийся быть отбракованным, преувеличенные детские страхи... Ошиблись, бывает.

И ошибки надлежит исправлять. Радуйся, бывший человек, ты признан достойным Ореола!

«А Лиза?»

«Что — Лиза?»

«Ее ведь можно спасти, правда? Ты ведь ее оживишь? Ну скажи мне, Винс!»

«Зачем?»

«Винс!»

«Она никогда не сможет встать вровень с нами. Ореолу не нужны примитивные биороботы.»

«Плевать на Ореол! Винс! Сделай же что-нибудь, это не для нее, это для меня. Вы же там всемогущие, для вас это раз плюнуть. Не нужно мне никакого Ореола, оставь меня здесь, только оживи ее, слышишь, только оживи, ведь ты же можешь!..»

Могу, подумал Менигон. Наверное, именно поэтому при исправлении ошибки всегда присутствует куратор: от этих мусорщиков можно ждать чего угодно. Специфика работы у них такая: одной ногой в мусоре, другой в Ореоле. Ни один мусорщик не скажет, что ему по душе эта работа. И ни один из них не хочет навсегда уйти в Ореол. Почему? Об этом не говорят. Даже мусорщик с мусорщиком не станут об этом говорить. Это стыдно. Никто из нас не признается в том, что мы просто любим этих людей, это бездарное, грешное, плосконахрапистое человечество с предсказуемым будущим, что часто, очень часто нам отчаянно и бесплодно хочется помочь этому человечеству стать немного счастливее, помочь хотя бы одному человеку, хотя бы одному...

— Равный, — сказал Менигон, — ты уверен, что он согласится вернуться?

1989, 1991—1992 гг.

ВАТЕРЛИНИЯ

Часть первая

ПОПЛАВОК

Глава 1

Смерч рассыпался в полумиле по правому борту; только минуту назад ходил зигзагами, медленно приближался, рос в высоту, пил море бешено вращающимся рукавом — и вот, пресыщенный, рухнул сразу, опрокинув в океан килотонны воды. Большая волна подбросила капсулу. Уронила в провал. Еще волна, уже поменьше. И еще. Качнула. И снова штиль. Ни волны. Ни ветерка. Лишь мелкая рябь, бегущая неизвестно откуда. Лишь прорывы в тучах, а в прорывах — нестерпимо слепящие, бьющие наотмашь лучи солнца.

Лишь одиночество...

Филипп позволил подъемнику вознести себя на палубу, короткую и узкую, изъеденную укусами волн. Подъемник еще работал. В принципе существовал еще трап, оканчивающийся аварийным люком, открываемым вручную, — но люк после бомбежки заело намертво, хорошо еще, что не сорвало совсем.

Обшивка была цела и даже, на глаз, находилась в довольно сносном состоянии. Не пузырилась после случайного цунами, не крошилась, отваливаясь кусками, как бывало с капсулами, пересекавшими на предельной скорости пятно желтого прилива. От желтого прилива нужно уходить только на предельной скорости и немедленно возвращаться на контрольный пост или прямо на Поплавок, послав кодированную шифровку о прекращении патрулирования. Инструкции точны. Через два-три дня поднявшийся из глубины пласт маслянистой жгучей жидкости растечется по поверхности океана и под лучами солнца утратит активность — но этого времени с избытком хватит, чтобы вчистую растворить крейсер высшей защиты, не то что капсулу.

Никто не знает, отчего возникает желтый прилив. Среди противоречивых гипотез преобладают биогенные. Родившись на пятисоткилометровой глубине вблизи границы Вихревого пояса, плотный кокон, состоящий из смеси органических кислот и вихревой оболочки, быстро поднимается к поверхности. Уплощаясь по мере подъема, он всплывает гигантской линзой от одной до сотни миль в поперечнике. Там, где он всплыл, ничего особенного не происходит, вид океана мало что скажет самому внимательному глазу. Зато рецепторы на обшивке — что капсулы, что крейсера, все едино, — передадут на кожу глубинного пилота щадяще-ослабленное ощущение жжения, и одновременно замигают, заквакают, взвоят индикаторы, сообщая, предупреждая, категорически требуя: уходи! Немедленно прочь отсюда! Или ныряй поглубже, если еще доверяешь прочности разъедаемого корпуса.

Взамен отказавших рецепторов остаются глаза. Бесспорно, есть смысл следить за обшивкой и в том случае, если плавсредство потеряло ход. Свою жизнь не спасешь, конечно, но хотя бы успеешь умереть безболезненно. Барахтаться в кислоте еще никому не нравилось.

Иногда желтый прилив можно предсказать, если регулярно брать пробы воды на соленость и радиоактивность. Филипп делал это, сам не понимая зачем. От желтого прилива ему не уйти и не поднырнуть под линзу — ослабевший корпус не выдержит теперь и пятисотметрового погружения.

Мертвая зыбь покачивала капсулу. Как вчера, как третьего дня. Поборов отвращение, Филипп осмотрелся по сторонам. Пусто. Лишь в свинцовых тучах далеко на юге закрутился было новый смерч, потянулся к воде гнутым хоботом и, не дотянувшись, рассеялся. В субэкваториальных широтах смерчи не редкость. Бывают и тайфуны. Часты неведомо откуда налетающие грозы с обилием шаровых молний. Гидросейсмы. Неожиданные водовороты, способные увлечь капсулу на десятимильную глубину. О желтых приливах нечего и говорить — самое обычное дело.

Филипп со вздохом спустился вниз, в рубку (она же навигаторская кабина, она же спальня, она же библиотека по праву единственного помещения капсулы, приспособленного для обитания человеческого существа). От нечего делать взял з руки книгу.

«Из миллиардов планет, существующих в Галактике, из миллионов известных землянам миров, из

тысяч миров разведанных и, уж конечно, из сотен заселенных вряд ли найдутся два мира, похожих друг на друга. Искорки в безбрежности, игра сотворивших их причуд, планеты несхожи, как снежинки в зимнем облаке — перебери их все, а не найдешь двух одинаковых, хоть потрать на это занятие одну свою жизнь, хоть миллион чужих, если тебе это по силам. Прекрасные, холодные, поражающие красотой — но увы! — такие разные. Неповторимые. Похожесть — но не тождество.

Встречаются уродцы. Как всегда, как везде. Иные заставляют улыбнуться, иные — недоуменно пожать плечами. Любая норма подразумевает возможность отклонения, а значит — уродство. Но и уродцы не схожи между собой.

В самой гуще Третьего спирального рукава, во внутренней его части, заполненной сжимающимся газом, миллионами белоголубых звезд, тысячами холодных гигантов — еще не разогревшихся, погруженных в пылевые облака, возле заурядной белой звезды, согреваемая ее лучами, была найдена планета во всех отношениях уникальная и столь же неудобная. Имейся в радиусе триллиона километров хоть что-нибудь более подходящее, лишь немногие уникамы из тех, кому платят деньги за накопленные бесполезных знаний, обратили бы внимание на космическую диковину. Беда заключалась в том, что для создания перевалочной и ремонтной базы поблизости от выходов сразу четырех стабильных субпространственных Каналов и, следовательно, от пересечения давно освоенных торговых путей не нашлось ничего более пригодного.

Планета, открывшаяся взорам исследователей, вдвое превышала Землю в диаметре и в полтора раза по массе. Вода, из которой она состояла от поверхности до центра, находясь в зональном вращении, несла растворенные соли и примитивную жизнь. Перенасыщенная влагой атмосфера позволяла дышать сквозь фильтр и даже некоторое время обходиться без фильтра. Именно наличие свободного кислорода и воды побудило проектировщиков отклонить космический вариант базы в пользу плавучего. Сами себе иногда напоминая клопов-водомеров, люди начали жизнь посреди океана.

Ни материка, ни островка, ни мели.

Только вода.

Громадная жидкая Капля.

Никто не придумывал планете имени. Они нашлось само так же естественно, как естественно чихнуть в дождливый день.

Капля — и все. Круглая, неправдоподобно большая. Пу- гающая. Просто Капля...»

Ругнувшись, Филипп выдернул из книги вкладыш с над- писью «Для юношества: Беллетризованная история освое- ния Капли» и, поискав среди исторических романов, сунул в книгу первое, что попало под руку.

«...Несмотря на то что оружие противника было длиннее на целых два дюйма, молодой барон молнией проскользнул под описывающую грозные круги бензопилу де Ренси и на- нес, казалось, неотразимый удар наискось снизу вверх. Иза- белла, уверенная в своем избраннике, захлопала в ладоши. Трехсотсильный портшез, стоявший на радиоактивных раз- валинах, весь содрогался от охвативших молодую женщину бурных треволнений. Но маркиз не зря считался одним из лучших фехтовальщиков в гвардейских казармах. Злобно ус- мехнувшись, он дал отпор. Две изящные бензопилы, визжа и кромсая друг дружку, встретились крест-накрест между по- бледневшими от гнева лицами противников...»

Почему-то не читалось. Зевнув, Филипп съел вторую за сегодня галету, запил водой из опреснителя, бросив в дистил- лят крупинку соли. Переключив книгу на «действие», оживил картинку и досмотрел сцену дуэли в движении и звуке. Вык- лючил. Посмотрел на часы. До времени, которое он сам себе назначил, оставалось еще порядочно, но нетерпение оказа- лось сильнее.

Радио по-прежнему молчало. Это не удивило: невоору- женным глазом было видно, что повреждения, полученные капсулой при бомбежке, слишком серьезны, чтобы имело смысл надеяться на естественное регенерирование. Связи с контрольным постом нет и не будет. Сработала система ава- рийного всплытия, и то удача. Девятый день спокойного, без происшествий, дрейфа — удача вдвойне.

Судя по всему, он очнулся на второй день. Аварийное от- ключение от рецепторов капсулы почему-то не сработало, и не- сколько часов он провел исходя безмолвным криком, извиваясь червяком в борьбе со слепотой, слабостью и болью, пока нако- нец ему не удалось ощупью найти и выдернуть из гнезда тонкий кабель-пуповину, соединявший шлем с приборной панелью. Придя в себя, долго, с остервенением пинал шлем, ругательски ругая умника, додумавшегося до cerebroуправления с обратной связью. Цепь аварийного отключения удалось исправить,

210 но Филипп больше не испытывал потребности сунуть

голову в шлем. И без того было видно, что за несколько истекших дней капсуле не стало лучше.

На второй день, считая от бомбежки, он выпустил два ракетных маячка, выдержав между запусками шестичасовой перерыв. На третий день он повторил попытку. Затем запускал маячки по одному в день. Последний ушел в небо вчера в полдень. Маячок опускается на парашюте почти час и все это время сотрясает эфир воплями о помощи. Не запеленговать невозможно. Через два-три дня, максимум через четыре, если очень не повезет, можно ждать помощи: терпящего бедствие подберет сосед-патрульный или даже возьмет на борт вместе с капсулой подводный крейсер.

И — ничего...

Все впустую. Девятый день.

Навигационный комплект действовал, но поправки теперь приходилось вносить вручную, а точность определения координат не превышала полуградуса. Взяв пеленги на три стационарных спутника, Филипп рассчитал свое местоположение: три с довеском градуса южной широты, сто восемнадцать — восточной долготы. За последние три дня капсулу снесло на сто миль к северу и на четыреста к востоку. В это время года экваториальные антипассаты нередко пробуждают незаконные течения.

К северу — это плохо. Экватор — граница, рубеж. Пересеки его в дрейфе — и ты либо пленный, либо покойник. Вероятность остаться незамеченным крайне мала, а после серии маячков, можно сказать, нулевая. Строго говоря, беспомощная капсула в приграничье — уже добыча, северяне могли бы рискнуть отбуксировать ее в свои воды, да что-то не торопятся. Такая осторожность непонятна: не постеснялись же они взять патрульное судно в бомбовый «ящик»!

Без связи с контрольным постом, не говоря уже о Поплавке, оставалось только гадать о причинах. Война, атака северян на южные базы? Южан на северные? Тогда конечно: в большой заварухе обе стороны легко могли позабыть о беспомощной капсуле.

Война на море. Здесь и не может быть иной войны. Допустим... С другой стороны, уцелевшие приборы не фиксируют эхо от мегатонных ядерных взрывов — подводных и надводных, — и не летят над головой радиоактивные тучи. Обычный фон, не более.

Ограниченная война? Вряд ли. Крутой пограничный конфликт? Дело знакомое, но конфликт, растя-

нувшийся на целых девять дней, это уже слишком. Это уже война — со всей неизбежностью. Со всеми вытекающими. Северяне всегда предпочитали нагадить исподтишка и юрким ужом улизнуть от законного возмездия. Не дураки же они, чтобы не понимать: порознь им с зоной Федерации не тягаться, кишка тонка. Но уж если допустить, что зона Лиги, зона Унии Двенадцати Миров и Независимая зона, забыв склоки, вошли в тесный союз, то жди неприятностей...

А кто когда-нибудь слышал о таком союзе? Никто и никогда. Гипотеза не хуже других, и только.

Все равно ничего не выяснишь, сидя в этой жестянке.

Филипп длинно выругался, так длинно, как только сумел. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы подсчитать: еще восемь-девять, самое большее десять суток дрейфа — и капсулу вынесет в чужие воды. Если прежде не утопит тайфуном или смерчем, не разьет желтым приливом. Если не изменится течение. О том, что будет дальше, не хотелось и думать.

Все эти дни ветер дул на северо-восток, помогая течению. Филипп измучился, выдумывая, из чего бы сделать мачту. Косой парус, по идее, позволил бы уйти в безопасные воды. Конечно, при условии, что его удалось бы изготовить. Пузатой посудине был необходим и киль, и действующий руль взамен заклиненного, и тросы для оттяжек мачты. Ничего этого не было и в помине. Помучившись, Филипп перестал ломать голову над неразрешимой задачей.

Оставалось ждать. Изнывая от бессилия и одиночества, лелея еще не погасшую надежду. Просто ждать.

Наверху загрохотало. Короткий злой ливень простучал по обшивке и стих. Филипп вновь поднялся на палубу. Скоротечная гроза уходила к югу, швыряя в океан огненные столбы, и, догоняя полосу дождя, низко над водой тянула не крупная шаровая молния. В полукабельтове от капсулы она заметалась ошалелыми зигзагами, выбросила сноп-другой искр и погасла без взрыва. Из-за края тучи выскочило солнце, хлестнуло жгучими лучами, заставив океан вспыхнуть миллионом слепящих бликов. Закрыв глаза рукой, Филипп отшатнулся, едва устоял на скользкой палубе и, сдвинув дыхательный фильтр, сплюнул за борт. Никакой другой благодарности от человека этот океан не заслуживал.

Можно было спуститься вниз за темными очками, вернуться и, как подобает потерпевшему кораблекруше-

212 ние, всматриваться в горизонт, пока глаза не разьест

солью. Можно было пойти дочитывать роман. В любом случае — спуститься вниз и уже там посмотреть, что победит на этот раз: надежда или апатия?

Филипп шагнул на ребристую платформу подъемника — и замер. Сердце подпрыгнуло, в висках запульсировали жилки. Слезящиеся глаза разглядели приближающуюся точку.

Прошла минута, затем другая — Филипп стоял неподвижно, глядя, как точка превращается в пятнышко, а пятнышко — в полупогруженную капсулу, полным ходом идущую на север. Вспененный бурун карабкался на бульбообразную рубку. Капсула была такая же, как и у Филиппа, — «Удильщик IV», базовая модель, специально модифицированная для Капли. Еще минута — и Филипп разглядел эмблему на рубке, а разглядев, непроизвольно сделал шаг назад, едва не опрокинувшись в море.

Капсула, что приближалась к нему, не принадлежала погранфлотилии зоны Федерации. Это был чужак.

...Ох и покрутило меня в тот раз на тренажере — врагу не пожелаешь! То последней торпедой того и гляди мимо цели промажешь, то постановщик помех дурит, как неродной, то уходишь спиралью вниз, на максимальную глубину, а тебя засекали и бомбят... Оно и понятно: выпускной экзамен по технике глубинного пилотирования — тут спуску не жди. В общем, когда кончилось, вылез я из кабинки, язык на плече, за дверцу держусь и отпускать ее не хочется, в глазах нахальные чертики пляшут, а Морж тут как тут:

— Курсант Альвело Филипп-Мария-Хосе... — и весь павлиний хвост моих имен. Даже ни разу не сбился, что удивительно.

А я еще ничего не вижу, не соображаю и вообще не понимаю, где нахожусь, голова кружится, однако отдираю себя от дверцы, роняю руки по швам и гаркаю во всю дурь: «Я!» Аж кто-то в комиссии прыснул.

Тут-то до меня и доходит, где я: Восточный Центр подготовки ВМС Земной Федерации, Новый Ньюпорт, остров Сумбава, идет последний экзамен перед выпуском, а выпуск — завтра.

— Последний вопрос вам, курсант, — не дает передышку Морж. — Тип капсулы — «Кайман VI», глубина пять с половиной тысяч, погружение продолжается. Над вами противник. Данные бортового компьютера — на этой карточке. Ваши действия? На размышление одна минута, время пошло.

Краем уха слышу, как кто-то вполголоса пытается возразить Моржу: мол, этот экзамен по технике пилотирования, а не по тактике, — а Морж только отмахивается.

«Кайман VI» я знаю плохо — устаревшая рухлядь, на них уже не плавают, — но на карточке такие данные, что и ребенок разберется: амба и каюк. Отбиваться нечем, уйти не удастся. Остается помереть с музыкой.

— Итак?

— Форсированно всплываю, непрерывно передавая сигнал о сдаче — на сверхдлинных и акустикой, кодом и голосом. Изображаю, будто оглох и не слышу указаний. Одновременно начинаю понемногу разгонять реактор, чтобы момент взрыва совпал с...

Меня перебивают:

— А тепловое пятно? Вас уничтожат раньше, чем вы всплывете на эффективную глубину.

— Очень возможно, — отвечаю, — но не наверняка. При хороших актерских данных шансы, по-моему, есть, а если противник не прочь рискнуть, то ему же хуже. Температуру обшивки в районе реактора можно уменьшить, переключив вторичные контуры охлаждения с внешних на...

— Тогда вы просто изжаритесь раньше времени.

Тем и кончилось. Поспорили они немного, дали мне двенадцать баллов из двадцати возможных, шелкнул я каблучками и вылетел в фойе вольной пташкой. А там уже Петр ошивается, тоже только что с тренажера, следы от присосок на черепае массирует.

— Ну как? — спрашиваю его.

— Шестнадцать, — отвечает. — Плохо мое дело.

Да уж. Шансы остаться на Земле у Петра и раньше-то были невелики, а теперь подавно. Мне что, я свободен, — а мой дружок женат, и сынишка растет.

Как он ответил, мне не понравилось. Рано нос вешать.

— Ерунда, прорвемся, — утешаю. — Где наша не пропадала. Ну выпихнут на периферию, и что с того? Освоишься, семью к себе выпишешь. Пошли отметим, а?

И пошли мы. Сначала в «Южный Крест» — там уже полгруппы наших собралось, празднуют последний день курсантской жизни, ревут «Бултых на дно» кто во что горазд, а оркестр им пытается подыгрывать. Ну и мы тоже выпили, поорали со всеми, потом отделились и пошли по тем кабакам, где

еще не были. Ноябрь месяц, солнце прямо над тыквой,

и мы, как командос какие-нибудь, от пальмы к пальме — перебежками, перебежками! В тени перед Адмиралтейством на бордюре пораженцы сидят — это те, которые за союз с Лигой на ее условиях, — ждут вечерней прохлады, чтобы начать митинг, и никто их не гоняет, смотреть тошно. Ну да нам сейчас не до них.

Кабаков в Новом Ньюпорте неисчислимо, я ни в каком другом порту такого еще не видел, и за два года вряд ли обошел даже десятую их часть, а Петр и того меньше. Выпили мы с ним в «Огненном коралле», потом пошли добавлять в «Снежный барс», в «Девятый вал», в «Кракен», в «Пиратский клад», а потом и еще куда-то. В одном месте подрались и одолели, только я не уследил — и Петру нос расквасили. Он сделался совсем унылый, все бормотал себе под нос про сынишку и про свою Анну, да не надоеет ли ей ждать, пока он устроится, и далсе в том же духе. На него иногда находит такое настроение и только похмелем лечится. Клин клином, так сказать.

Ну вот, сидим это мы в не-помню-каком-по-счету баре, на коленях у меня девчонка ерзает попкой туда-сюда, а от Петра уже никакого толку, спит мордой во фруктовом ассорти, и вид у него несчастнее некуда, даже девочки отстали. Моей-то хоть бы что, хотя видно, что не профессионалка, а так — не прочь разок перепихнуться с курсантиком. Ну и я не пас.

Тут вижу: к стойке подходит — кто бы вы думали? — Морж собственной персоной. Правда, не в вице-адмиральском мундире, а в штатском, но все остальное налицо: стрижен ежиком, багровая шея, усы вислые, проволокой, живот вперед. Морж в штатском — примерно как эскимос в плавках, такая же редкость. Меня он, по-моему, не заметил. И видно, как бармен кивает ему, будто доброму знакомому. Ага, думаю, вот куда ты ходишь, дружок! — а у самого сожаление: эх, знать бы раньше! Полезное дело.

Домой я уже под утро попал. Продрых до девяти, выпросил у квартирной хозяйки таблетку от головы — и опрометью в Центр. Едва не опоздал.

Куда проще было бы провести церемонию виртуально, не вынимая нас из постелей после вчерашних подвигов, но в Центре свои традиции. Стоим строем в две шеренги, ждем. У большинства морды помяты, у Петра нос распух и под глазом заклеено. Это он уже без меня где-то продолжил, а может, его благоверная руку приложила. Ну, мое дело — сторона.

Все начальство тут как тут. За ним на стене табло, а на нем вишневыми буквами горят вакансии: «ЗЕМ- 215

ЛЯ: 11; НОВАЯ ТЕРРА: 7; КАПЛЯ: 48; МАЛЫЙ ЭДЕМ: 3; ПРОКНА: 9...» — ну и так далее. Всего вакансий двести шесть, по числу курсантов в нашем выпуске. Первым, естественно, выбирает лучший выпускник, затем второй, третий, а на долю последних выбора уже не остается — бери что осталось, служи и не твякай. Говорят, это очень древняя система, и по моему — правильная.

Музыка звучит та еще, мурашки по спине бегают. У начальства вид торжественный. Стихла музыка. Кашалот речь сказал.

— Фредерик Гильберт Крамер! — вызывают первого.

— Мустафа Кемаль Файтах! — второго.

Оба, естественно, выбрали Землю. Не дураки же.

И тут вызывают третьего. Не меня. Вот это номер! Чувствую — вспотел. Я-то всегда был третьим — выше не лез, но и ниже не опускался. Неужто вчерашние 19 вместо 20 мне так подгадили? Да не может быть!

Четвертый — и снова не я. Да что же это на свете делается, а? Не бывает таких чудес. Пятый! Шестой!..

Как до одиннадцати дошло, так я и нервничать, и потеть перестал. А вот злиться начал. Вызывают меня двенадцатым. Среди тех, кто вышел раньше, дураков не нашлось — вакансии в метрополии расхvatаны до последней. Гляжу, что осталось. В общем, ничего хорошего, но есть варианты просто плохие, а есть хуже некуда.

Вышел я, как положено, каблуками шелкнул. Сделал оловянные глаза, протарахтел:

— Курсант Филипп-Мария-Хосе-Фернандо-Лусия-Мигуэль-Хуан-Рикардо-и-Аугусто-Диего-Мануэль Альвело!

Схулиганил слегка, хватило бы одной фамилии, но уж больно злость взяла. Сразу тихо стало. То есть и было тихо, но стало тише некуда. Кое-кто из шишек поморщился, а Кашалоту хоть бы хны. Вытер он ладонь специальной тряпочкой, пожал мне руку, снова вытер и говорит:

— Поздравляю вас, лейтенант. — Тут адъютант подскокил, сует в меня знаками различия. — Назовите выбранное вами место прохождения службы.

А я, признаться, был настолько уверен, что останусь на Земле, что о других мирах как-то не задумывался. Слышал только разговоры да на занятиях изучали тот или иной театр.

А так, чтобы поговорить хоть с одним из отслуживших там, — ни-ни. Так и не удосужился.

— Капля, — говорю наобум. Ну, не совсем то есть наобум, а с соображением. Не на Новой же Терре плавать в ихних канавах, там подводников за людей не считают и карьеры не сделаешь. Капля — иное дело, только там глубиннику и жить. Если бы какая другая планета дала сорок восемь вакансий, любой бы насторожился, а для Капли — нормально. Войны там, кажется, сейчас нет.

Вижу: ни одна из шишек не выразила удивления — значит угадал. Один только Морж, как мне показалось, шевельнул легонько бровью, словно зачесалось у него там, а Кашалот уже гундосит свое:

— Поздравляю с выбором, лейтенант. Дальнейшее зависит от вас. Будьте достойны, а за Землей служба не пропадет. Удачных всплытий!

— Рад служить, — отвечаю уставно — и марш в строй. А Кашалот уже вызывает следующего.

В общем, дали мне пинком под зад — катись с Земли, не нужен. Дождались мы конца церемонии, прокричали гимн, посрывали с себя курсантские петлицы, как традиция велит. Петр оказался тридцать девятым и тоже выбрал Каплю. Остальные — кто во что горазд, один умник-камикадзе даже Малый Эдем назвал, совсем гиблое место.

Последнюю сотню курсантов выпустили не лейтенантами, а мичманами — ну так кто ж неволил учиться на глубинника, если ленив или глуп? Поделом. В какую лямку влез, ту и тяни.

Получили мы свое — и кто куда, не то что вчера. Кто удачу праздновать, кто горе заливать. Петерсен, последний в списке лейтенантов, ржет по-жеребиному; Бруцци, первый в списке мичманов, рыдает в голос, точно на его глазах тонет Апеннинский полуостров. Еле увели его. В Центре тихо стало, салаги попрятались. Прикрепил я в уборной перед зеркалом новые петлицы со знаками различия и эмблемой военно-морских космических сил, прицепил к поясу кортик — ничего, смотрится. Узнал, когда ближайший рейс на Каплю — оказалось, послезавтра, — забежал домой переодеться. Хозяйка только-только собралась повесить мне квартплату, поскольку теперь я лейтенант, тут-то я ее и огорошил: отбываю, мол, а через пятнадцать лет вернусь — вот тогда и поговорим. Красная она сделалась, но ничего мне не сказала, да и что тут скажешь. Притом видит: злой я, лучше не связываться.

Еле дождался я вечера — и тотчас в тот бар, где Моржа вчера видел. Сижу, от девочек отшучиваюсь, 217

жду. Так и есть: появился — и сразу к стойке, будто намагниченный. Ну, дал я ему принять пару стопок, чтобы разогрелся, а потом рядом подсел и выпивку на обоих заказал. Мне теперь можно, тем более вне службы.

Морж ничего, не отшил. Мужик он правильный, к курсантам зря не придирается, его у нас уважают. «Твое здоровье. — говорит, — лейтенант, оно тебе понадобится», — и выпил залпом, как у этих русских водится, палец понюхал, усами зашевелил. Потом спрашивает:

— Ты, сынок, сам-то откуда?

А я и сам не знаю, откуда я, какая у меня малая родина и какое мое настоящее имя. Заказал сразу бутылку кокосовки и объяснил ему, что пяти лет подобрали меня в Талькауано на развалинах после Большого Андского толчка, когда не то что дома — горы по макушку в землю проваливались и полгорода цунами смыло. По-испански я тогда ни слова не говорил, только на интерсанскрите, из чего следует, что турист, родных моих так и не нашли, ну а дальше — понятно — воспитательный дом, кадетская школа ВМФ, Икике, Исафьердур, Корсаков, а теперь вот Новый Ньюпорт.

— Корсаков? — оживает Морж. Поговорили мы о Корсакове, тамошнее пиво я похвалил — чисто из вежливости. Рассказываю и знай ему подливаю кокосовку, а он себе в пасть опрокидывает как заведенный.

— Ясно, — кивает. — Сирота, казенный кошт. У нас в Центре таких любят. То-то и гляжу, что на латинosa ты не похож, скорее уж средневропеец... Имен тебе в детдоме навешали?

Ну и пошел у нас треп. Вижу, доходит понемногу Морж до нужного градуса, и прямо брякаю: что, мол, за дела, отчего я обойден? Был третьим, стал двенадцатым, так почему, спрашивается, сразу не сотым?.. Хорошо, что вовремя остановился, а то чуть было не прорвало меня всерьез.

Морж посмотрел так, с прищуром.

— А «сынки»?

— Что, так много? — спрашиваю. И уже начинаю подозревать, что больше говорить не о чем. Адмиральские чада и прочие родственники — это святое. Привилегий в учебе им, конечно, не бывает, а вот в выборе вакансий... Коли «сынок» не полный дебил, свою «двадцатку» на выпускном экзамене он всегда получит, так что сиди и не чирикай, пока не упекли тебя куда-нибудь в Малый Эдем плавать в радиоактивных лужах.

— А что «сынки»? — супротивничаю уже из принципа. — Двоих знаю, нормальные, кстати, парни. Ну, может, еще паратройка наберется, кого не знаю, кто языком не трепал. Но не десяток же!

— Не все так просто, лейтенант, — отвечает Морж, и видно: знает что-то, а сказать не может. — Если тебе любопытно знать, я протестовал. Тебя это утешает?

— Вообще-то не очень, — говорю. — Но все равно спасибо.

— Пожалуйста. И вот тебе совет: не ищи справедливости, в лучшем случае найдешь целесообразность. «Сынки» полезны в одном: благодаря им на периферию иногда попадает кое-что стоящее. На ту же Каплю. Вот ты, к примеру. Федерация не внакладе. Удачных тебе всплывтий, лейтенант.

Допили мы с ним кокосовую, взяли тминной. Девочки давно потеряли к нам интерес, всего одна и сунулась, а Морж только рыкнул из-под усов — сдуло ее. Тут я и говорю:

— Ладно, замнем. Выбрал Каплю — и выбрал. Но вам-то почему это не понравилось?

— Кто тебе сказал? — бурчит Морж.

— Да никто. Показалось мне.

Он только опрокинул очередную, крякнул и соленого трепанга спросил. А я — была не была! — уняться не хочу, хорошему человеку надоедаю. Чего там, послезавтра меня здесь нет, отрезанный ломоть, а с Капли могу поплевывать хоть на Моржа, хоть на Кашалота, хоть на самого главнокомандующего.

В самом деле — Капля не худший вариант. Приличная планета, кислород, натурализации — химию организма ломать — не нужно, а что жидкая, так не беда, на то мы и глупбинники, кого же там ценить, как не нас?

Долго я эту мысль развивал. Мол, тут меня, кроме привычки, ничего не держит, и еще неизвестно, кто окажется в выигрыше, я или «сынки». Мол, в земных океанах и не нырнешь как следует — дно повсюду. Мол, слабаки и в речках тонут, пугать меня нечего, не пугливый. Мол, половина нынешних адмиралов выслужилась на Капле, не где-нибудь. А не сделаю карьеры — вернусь через пятнадцать лет на Землю, куплю плот с садками — креветок выращивать...

Морж сначала лицом закаменел, потом гляжу — усмехаться начал, а потом сморщился так, будто я ему вместо тминной лимонной кислоты в стопку набулькал. Помолчал чуток и говорит мне вполголоса:

— Ты там для начала просто выживи. Был слух, что со следующего года пойдут ускоренные выпуски, спе-

циально для Капли. Не знаю, как в других Центрах, а у нас точно. Погружение — всплытие, всплытие — погружение. Торпедная атака. Ракетный залп. Полуторогодичный курс — и иди плавай. Вернее, тони.

— И «сынков» тоже? — интересуюсь.

— Нет, зачем же. Наиболее способных соберут в отдельный поток и — базовый курс. Ты ведь знаешь, кто у нас наиболее способные. Остальных — вслед за тобой. Капля уже не в первый раз требует раз в десять больше того, чем мы можем дать. Вот, решено пойти навстречу.

— Война? — спрашиваю я тоже шепотом, чтобы народ зря не пугать. Что-то не приходилось мне слышать о войне на Капле, хотя и мира там нет, конечно. — Земля решила взяться за Лигу?

— Почем мне знать, лейтенант. А тебе это не нравится?

— Нет, отчего же, — говорю. — Человечество должно быть единым, кто спорит.

Ничего он мне не сказал. Ни о Лиге, ни об Унии, ни о Разделении, хотя на Капле, сколько я знаю, это самая больная мозоль. А ведь мог бы сказать, у русских по этой части большой исторический опыт. Свою страну потеряли, другой не создали, и нигде их не любят.

— На всякий случай запомни: все может случиться. И еще: я тебе не говорил, ты меня не слышал, понятно?

Я киваю: понятно, мол, — а он трепанга жует, сок с усов слизывает и знай себе учит салагу-лейтенантика уму-разуму:

— Мне что — плевать. Старый Морж лежит на пляже, бока греет. Чего уставился? Морж и есть, думаешь, не знаю, как вы меня зовете? Выслуга идет, до пенсии год, чего еще желать? Я о себе думаю, и ты о себе подумай. Кстати, я забыл спросить: ты что, в самом деле собрался героически погибнуть, как трепался вчера на экзамене?

— Смотря в какой ситуации, — отвечаю, — а то и придется. Лучше бы, конечно, не пришлось.

— Ну и дурак, — говорит он, а я ушам не верю. Морж весь красный, глаза не на месте, набычился — проняла его тминная. — Ответил как учили, не спорю. По принципу нанесения противнику максимального удара... то есть урона... даже Кашалоту понравилось. Только вот что я тебе скажу, малыш: плюнь! Плюнь и ногой разотри. А если какой-нибудь хмырь начнет тебе втолковывать, будто идеи политиков сто-

ят хотя бы одной человеческой жизни, — молча дай

хмырю в морду. Не вздумай помереть ради чужих игр. Припрет по-настоящему — лучше сдайся в плен и сохрани себя, но никому не позволяй распоряжаться двумя вещами: твоими мыслями и твоей жизнью, ты меня понял?..

Вот этот-то разговор с Моржом я и припомнил, пока ко мне приближалась чужая капсула — сначала на полной скорости, затем сбавив ход до малого, так что даже видно было, как хищная водоросль метнулась к ней из глубины, попыталась присосаться и соскользнула под винты. Тут уже я разобрал, что это не совсем «Удильщик IV», то есть не стандартный, а доработанный: обшивка другая, а над рубкой башенка для импульсного лучевики средней мощности. Само собой разумеется, чужие зоны никакой техники с Земли не получают с тех пор, как отделились, но ремонтные базы у них неплохи, до сих пор вон используют старье — наше, между прочим! — и даже совершенствуют.

Застопорился чужак носом к моему борту — рукой достать. А я стою столбом и не знаю, что делать. В шахтах у меня четыре тактические ракеты тридцатикилотонного эквивалента каждая, торпедные аппараты тоже не пусты, так что разгонять реактор в целях максимального урона противнику нет никакой необходимости. А только сунься я с палубы в рубку — вмиг сожжет. Личная пукалка, правда, при мне, но применить ее я всегда успею, тем более что чужака пукалкой не утопишь, против капсулы она пшик. Разве что застрелиться — но как раз это всегда успеется. Опять же: смущает Морж со своими советами...

Не очень-то он прав был, вот что я вам по секрету скажу. Нам, глубинникам, однажды показали трофейную запись допроса пленного — зрелище не для слабонервных. Флаг-офицер Людмила Прокопович прямо в просмотрном зале в обморок опрокинулась. Не думаю, чтобы и наша флотская контрразведка вела себя деликатнее с теми, кого захватили мы, все равно из какой они зоны. Поговаривают, правда, что сейчас в ходу гуманные методы, ментоскопирование или что-то в этом роде, — но с того не легче, итог все равно один: выпотрошат и ликвидируют. Из плена еще никто назад не возвращался.

Номер на борту капсулы: А-233, значит, чужак из зоны Лиги. Сумел проскользнуть незамеченным, поразбойничал в наших водах — и полным ходом к своим, пока не засекали, а узрел над собой беспомощного противника — рискнул всплыть, не поболся ловушки. Не трус. Так я и думал, что он лигист. В эти воды капсулу из зоны Унии разве что случайно зане-

сет, а Независимые здесь не появлялись, наверное, со дня Разделения — их зона на противоположной стороне Капли.

Смотрю, поворачивается ко мне бортом. Притянуло друг к другу оба корыта, проскрежетал борт о борт, запищали придавленные морские репы — автоматическая швартовка. Где репы не так густо выросли, там видно, что цвет капсулы сине-зеленый, как у северян принято. Никто не понимает, для чего они красят свои посудины в защитный цвет: для самоуспокоения, что ли?

И вижу довольно отчетливо: этого мне уже не узнать никогда.

Тут на хребтине чужой капсулы с ржавым визгом сдвигается люк и подъемник выносит на палубу чужака. Человек как человек, напрасно нам ввали, будто в зоне Лиги люди подвергают себя глубокой натурализации и у них ласты да жабры отрастают. Ничего подобного. На вид парень моих лет, только чуть повыше и в ихней смешной форме. Ну да мне сейчас не до смеха.

Хорошо, что я к кобуре не потянулся — вовремя разглядел, что ствол лучевика на башенке глядит точно на меня. Сделал полшага в сторону — отслеживает. Двум пилотам в «Удильщике» делать нечего, значит — автоматика.

— Привет, — говорит чужак. — Загораем?

Акцент у него легкий, но заметный. Со времени Разделения прошло всего-то три десятка лет, а язык уже меняется, дробится на диалекты. Этак лет через сто совсем друг друга перестанем понимать.

Утонуть мне в луже, думаю. Какое мне дело, что тут будет через сто лет?

Кивнул я в ответ. Тут совсем чудные дела пошли: перепрыгнул чужак ко мне на палубу, на меня ноль внимания, осмотрелся, ногтем обшивку поколупал. Буркнул только сквозь дыхательный фильтр: «Здесь стой», — и шась в подъемник.

Ну, стою. Дрожь, признаться, во всем теле, и по спине пот бежит. Лучевик с башенки мне в лоб направлен: мол, хочешь еще пожить — не дергайся. Знакома мне эта автоматика, надежней ее ничего нет. И даль моей карьеры, как говорится, видна совершенно отчетливо: усыпленным или обездвиженным путешествовать к лигистам — до границы зоны Федерации часов семь хода в кавитационном режиме; между прочим, по пути не раз утопить могут, — а дальше уж как повезет, при хорошем поведении в плену есть шанс умереть без особых мучений. Может, думаю, лучше сразу цапнуть кобуру и получить луч

И надо бы — а не могу. Шансов нет, а человек еще на что-то надеется, так уж он по-глупому устроен. Инстинкт самосохранения для зверья хорош, а человеку он сплошь и рядом во вред, на то мы и цари природы.

Само собой разумеется, это я уже после додумал, а под стволом лучевика мысль одна: прямо сейчас тебя отправят к праотцам или чуть погодя? Не знаю, сколько времени я так простоял, пока чужак в моей капсуле хозяйничал, как у себя дома. Потом гляжу — вылез он, пылинку с рукава стряхнул и говорит: «Ну, бывай», — а сам перепрыгнул на свою палубу, сделал мне ручкой и сгинул, только люк за ним лязгнул. Отошла его сине-зеленая посуда на кабельтов и погрузилась, как ее и не было. Только водовороты закружились.

Ну и дела, думаю себе. Понимаю прекрасно, что ничего еще не кончилось, а все-таки легче на душе стало. Кинулся вниз — там порядок. И с реактором порядок, и с торпедами, и со связью все то же самое — нет связи, «мозг» на три четверти сдох, в чем чужаку и надо было убедиться, как я понимаю. Посторонних предметов в рубке не наблюдается. Прогнал тест — все по-прежнему. Скрипнул зубами, надел шлем — сразу ослеп и оглох, то есть и тут без изменений.

С час, не меньше, я вычислял, что же он тут без меня делал, искал подвох. Не нашел. Неужто отпустил меня? Не взял пленного, не соблазнился записать на личный счет уничтоженную капсулу? Станный нынче пошел вероятный противник, загадочный. Понимаю, конечно, что в его воле отойти подальше от греха и оттуда долбануть меня торпедой, но что-то говорит мне, чтобы я зря не трепыхался. Не будет торпеды. Уж если на то пошло, ничто не мешало ему тихо-аккуратно пустить меня к Вихревому поясу лучевиком, а вот — не пустил.

Еще через час выбился я из сил, ничего не нашел, ни до чего не додумался и тут обнаружил пропажу. Что бы вы думали пропало? Исторический роман из книги! Книга пуста, вкладыша с романом нет. Так я и не дочитал, как де Ренси полегил маркиза от спеси своей верной бензопилой и что в это время поделявали его закадычные друзья Жан де Бюст и Пьер Гудрон. Признаться, нисколько не пожалел об этом, зато над чужаком посмеялся вволю. Видно, совсем бедолагу скука заела. Ну, пусть себе читает, я не против.

А время знай себе идет, вот уже солнце зенит прошло — самые противные часы. Жарко, сил нет, небо очистилось, на море взглянуть больно. Внутри капсулы полегче, но тоже не курорт. Купаться — кто как, а я пас. Хищные водо-

росли еще не самая главная гадость, а вот облепит тебя стая криля — «мама» сказать не успеешь, второй слог обглоданный скелет договорит, если сумеет. Жуткие твари. Словно мстят человеку за то, что сами съедобны и мы их ловим.

Плеснул я себе в лицо из опреснителя — чуток полегчало. Мое счастье, что на экваторе сутки короткие, всего-навсего восемнадцать часов, перетерпеть можно. Вот в средних широтах, где Поплавок, там часов до двадцати пяти доходит и даже больше. Правда, в умеренных широтах и солнце умеренное, а чаще сплошная облачность в пять слоев.

Из-за этого зонального вращения, между прочим, трудности с навигацией и неясность с временем суток. На Поплавке то и дело спускают команду: перевести на час вперед или там назад — Поплавок тоже не стоит на месте, якорь на Капле зацепить, понятно, не за что. Правда, поговаривают, что есть-таки у планеты маленькое твердое ядро из сильно слежавшихся метеоритов и затонувших подлодок, но кто может знать, что лежит глубже Вихревого пояса? Лет пять назад одна экспедиция из метрополии опустила на пятьсот километров один шибко умный аппарат — только его и видели. Чем тратить зазря технику, лучше бы им поговорить со знающими людьми и сразу понять: дохлый номер.

Лично я думаю, что никакого ядра у Капли нет, а то, что тонет, растворяется там, где рождаются желтые приливы. И почти все глубинники того же мнения.

Сию я, жду. День к вечеру склонился. Еще две галеты я съел, всю сегодняшнюю норму, и на нервной почве не утерпел — слопал половину нормы завтрашней. И уже поругивать начал чужака с А-233, за которого, по идее, век бога молить обязан! Мол, сделал он вид, будто никакой встречи не было, ушел к своим — а я тут подыхай?

Плеснул я себе в лицо еще пригоршню, чтобы прогнать скверные мысли, губу укусил до крови. Я бы на его месте отпустил чужака? Держи карман. Еще гордился бы поощрением. Чего там, вполне мог бы досрочно получить капитан-лейтенанта, служить на настоящей субмарине, а не на этой долбаной блохе. Денежная премия тоже вещь полезная. А он — отпустил! Капсула А-233, вовек не забыть. Да я, если повезет нам встретиться, все для него сделаю — плевать, что он вероятный противник! Умру, а сделаю. Клянусь.

Подумал я об этом, и сразу как-то легче стало на душе. Словно какой-то обет дал перед богом и людьми — самому смешно, а факт. А через час, уже на закате, меня наконец подобрали.

Глава 2

Давным-давно, как взрослые учат детей, которые когда-нибудь займут их место и тоже станут учить, во Вселенной был лишь один закон, космос был велик и обилён, и человек попирал стопой своей никак не менее ста пятидесяти миров. И был мир в мирах, и мир царил в сердцах человеческих.

Один из миров — Капля — даже не был миром в полном понимании этого слова, он был пересадочной станцией. Но и тут человек жил, трудился, любил, был или не был счастлив, мечтал или не мечтал вернуться на родную планету, старился и в конце концов умирал, оставив после себя дело рук своих и — иногда — детей. И дети, родившиеся на Капле, уже считали жидкую планету своим домом.

Много, очень много лет прошло с тех пор, как на планету был опущен первый самоходный плот-причал. Остатки его не сохранились. Первопроходцы не задумывались о том, что своими руками делают историю. Уже два поколения спустя любой обрывок судового журнала, любой изъеденный желтым приливом болт с тех первых исторических посудин считались общим достоянием колонии и подлежали музейному хранению.

Любопытный транзитный пассажир, коротающий время от рейса до рейса, непременно осмотрит музей — разумеется, в случае, если не найдет поблизости ничего более интересного. Целый зал музея посвящен созданию на Капле плавучего грузопассажирского терминала, первого из четырех, и, надо отметить, терминал того стоит. Кстати, музей находится как раз в нем, в секторе Альфа, на двадцатой палубе, если считать сверху, и на четыреста седьмой, считая от ватерлинии.

Изрезанный уступами полуторакилометровый усеченный конус, насаженный на опрокинутую вниз полусферу километровой радиуса, — вот что это такое. Стандартная ватерлиния терминала проходит точно по линии сопряжения двух фигур, отчего подводная полусферическая часть всегда скрыта под толщей вод и видна только на музейной модели. Издали терминал напоминает громаднейших размеров бакен.

Его обитатели дали ему более ласковое имя: Поплавок.

Он мог двигаться, избегая встречи с желтым приливом, бороться с течениями, штормами и водоворотами, даже нырять. Принимая и отправляя грузовые ракеты, он становился похож на действующий вулкан в океане, и факелы огня

выдали бреши в облаках над вершиной конуса. Его системы управления, защиты и регенерации считались совершенными, живучесть — феноменальной. Для своего времени он был, пожалуй, чудом света — не важно, каким по счету.

Прежние плоты, плавучие доки, транспортные баржи не были уничтожены и даже приумножились — Поплавку требовалась техническая поддержка, а людям — пища, работа и развлечения. Человек не собирался уходить с Капли, он завоевывал ее всерьез.

Не безумно дорогие и капризные в управлении всепространственные крейсера — обыкновенные туннельные посудины, иногда просто самоходные баржи вываливались из жерла стабильного Канала «Земля — Капля» в миллипарсеке от планеты. Вскоре корабль зависал над Каплей, обмениваясь с Поплавком челноками с транзитными пассажирами, сбрасывая в океан плавучие «утюги» с невозвратными грузами, предназначенными для Капли, и торопясь уступить место следующему судну. И так было, и длилось много лет.

Наконец случилось то, что должно было случиться: Поплавок перестал справляться с возросшим грузопотоком. И тогда, чтобы разгрузить его, были построены три сестер-Поплавка вдвое меньших размеров.

Наверное, лучше было этого не делать.

Что есть благодарность человеческая? Нет ее и никогда не будет, а благодарности потомков тем более. Многие колонии землян были основаны на чрезвычайно удачных, с человеческой точки зрения, планетах — иные из них оказались более удобными и богатыми, чем сама Земля. И не успели колонии как следует встать на ноги, а пионеры-первопоселенцы дожидаться второго поколения своих потомков, как поползли шепоты об отделении от метрополии и провозглашении независимости.

Управление по делам колоний при правительстве Земной Федерации реагировало так, как и должно было реагировать: игнорируя шепоты, принимало меры, как только дело доходило до криков, лозунгов, бунтов и гражданского неповиновения. Курс колониальной политики стал модным в привилегированных университетах; специалисты ценились. Административные меры, принимаемые к строптивцам-колонистам, чаще всего сводились к укреплению администрации колоний, экономическому кнуту (реже — прянику), угрозе военно-полицейской акцией по наведению порядка, демонстративной и не всегда экономически выгодной поддержке лояльных режимов и разоб-

щению оппозиции — иногда, если верить слухам, вплоть до устранения наиболее опасных ее лидеров. Но лучше, конечно, слухам не верить.

Привычный, хорошо зарекомендовавший себя, исторически проверенный набор.

Отлаженная система безупречно работала три столетия. Человек шагал с планеты на планету, мир и процветание царили в освоенной части Вселенной. Субпространственные Каналы, как стабильные, так и виртуальные, не успевали пропускать грузопотоки. Кажется, метрополия построила прочнейшую плотину, мешавшую мелким волнам сепаратизма прорваться в наводнение.

Но никакие плотины не вечны. И не всякая плотина устоит перед цунами.

Желающего узнать, как и почему Управление по делам колоний прохлопало образование Лиги Свободных Миров — организации вначале тайной, а затем и вполне явной, — следует отослать к террикону литературы, написанной на эту тему, от рассекреченных документов, снабженных комментариями историков, до авантюрных романов. Для метрополии это было громом среди ясного неба.

Почти тридцать лет длились локальные войны. Обладая колоссальным преимуществом в средствах и живой силе, Земля не была готова вести войну на полное уничтожение противника, а без этого условия победа оказалась невозможной. Метрополии с ее немногими сохранившими верность колониями и доминионами пришлось уступить.

Сплотившись за годы войны, первоначальная Лига все же оставалась довольно рыхлым образованием. Десятки причин — экономических, космографических, политических и иных — привели к тому, что от первоначального оппозиционного содружества стали откалываться целые группы планет. Одно время казалось, что Лига сама собой распадется на ряд мелких союзов.

Этого не произошло. Часть планет, достаточно ничтожных для того, чтобы не имело смысла их присоединять, осталась независимой, часть попросилась обратно в Лигу, иные предпочли вернуться под юрисдикцию Земли. Из временных коалиций уцелел лишь один союз, более слабый, чем Лига, — Уния Двенадцати Миров.

Со временем процесс тяготения земных колоний к Лиге замедлился, но не иссяк. Вспыхивали бунты и **227**

восстания, нудно тянулись кампании гражданского неповиновения, подчас удавались военные перевороты. Вялотекущие гражданские войны рубили планеты демаркационными линиями. Случалось, что одна и та же, притом далеко не самая благодатная планета оказывалась поделенной между Землей, Лигой и Унией.

Именно так произошло на Капле.

И Лиге, и Унии требовалась своя база на скрещении торговых путей. Строительство сразу трех плавучих терминалов — трех «меньших братьев» Поплавка — колоссально облегчило задачу. Зачем строить, если можно отнять?

Андроид-экскурсовод понижал голос, рассказывая о печальных днях Разделения и последовавших годах войны за восстановление единства, потребовавшей больших жертв и не принесшей успеха.

Правительство Земной Федерации запоздало как с оценкой ситуации, так и с карательной акцией — сепаратисты же, не только подстрекаемые Лигой и Унией, но и активно снабжаемые всем необходимым, захватив меньшие терминалы и часть флота, оказали упорнейшее сопротивление. Не вступая в крупные сражения на море и в воздухе, били исподтишка. О несчастной попытке штурма одного из малых Поплавков в зоне Федерации старались не вспоминать.

За землянами осталось Южное полушарие. Северное было поделено на три равные зоны — на три, а не на две, поскольку к середине войны обозначилась еще одна сила — нечто вроде пиратской вольницы, вступавшей в союз то с землянами против Лиги и Унии, то с Лигой и Унией против землян. В конце концов на глазах обессилевших противников образовалась Независимая зона со своим Поплавком, военным флотом, плавучей инфраструктурой и закрепленной мирным договором акваторией — зона не поддерживаемая извне, но, против всех ожиданий, оказавшаяся жизнеспособной.

И потянулись годы.

Теперь через Поплавок зоны Федерации проходила едва четверть довоенного объема грузов. Изыскивая новые торговые пути, Земля одновременно обновляла космофлот. Едва выскочив из Канала, корабль уходил в новый субпространственный прыжок, минуя Каплю; лишь старые и особо громоздкие посудины с малой дальностью хода продолжали пользоваться старой перевалочной

базой, да еще приходили суда, предназначенные собственноручно для Капли, груженные продовольствием, обо-

рудованием, специалистами и военной техникой, необходимой для поддержания акваполитического равновесия. Жизнь не замерла — но она и не развивалась.

По-прежнему летит по орбите Капля, делая оборот за два земных года, жгуче светит белая звезда, по-прежнему белеют полярные шапки плавучих льдов, а в тропиках бушуют тайфуны, по-прежнему непостижимы причины внезапных водоворотов, странных гроз и желтых приливов. Приезжие специалисты отработывают срок контракта, иные обзаводятся семьями и остаются навсегда. Немало людей помнит и Разделение, и войну, немало нынешних стариков держало пальцы на кнопках пуска торпед. Наверное, многие из них умрут, не дождавшись справедливого наказания предателей-северян и объединения Капли. Это горько — умереть, не дождавшись справедливости.

Но возмездие придет. Рано ли, поздно ли — оно придет неизбежно и неотвратимо, и гнев господень направит карающую руку Земли против отступников.

Раскаявшихся можно простить. Упорствующие во зле пожнут лишь зло. Иначе не может быть. Иначе не бывает. Иначе не будет.

Неотвратимо. Непреклонно. Не ведая страха.

И не станет зон и границ.

Так говорили детям взрослые, которые сами когда-то были детьми, которым взрослые говорили почти те же слова, которые не вызывали сомнений.

И дети слушали.

Субмарин такого класса в зоне Федерации насчитывалось всего три: «Черный Ворон», «Черный Баклан» и «Черный Стерх». Многоцелевые, весьма быстроходные, вместительные, прекрасно вооруженные, эти суда, равно пригодные для войны и мира, часто использовались командованием как поддержка в неплановых ситуациях, и, понятно, ни одно из них не входило в четвертый патрульный отряд, равно как и в другие отряды погранфлотилии.

«Черный Баклан», имея на борту подобранную капсулу, шел в походном положении курсом зюйд-зюйд-вест и, судя по вибрации корпуса, развивал не менее пятидесяти узлов. Филипп успел вымыться, хорошо поесть и выспаться. Радость от внезапного спасения, вначале искренняя и полновесная, успела куда-то улетучиться. Теперь он сидел на койке в тесной каюте, принадлежащей, по-видимому, одно-

му из младших офицеров, и тщетно пытался разобраться, что все это значит.

«Черный Баклан» в опасных приграничных водах — явление само по себе редкое, неестественное, чтобы не сказать невероятное. С потерей боевой капсулы можно смириться — потеря такой субмарины чревата нарушением баланса сил между зонами. Стало быть, происходит нечто неординарное... А вот что? Вопрос. Война не война — а какое-то странное шевеление, подозрительная заварушка местного масштаба. Только лишь для подбора потерявшей ход капсулы «Баклана» не пошлют. Погоня за чужаком? Тоже нет. Ладно, высшая стратегия нас не касается, тут чем меньше знаешь, тем крепче спишь, Адмиралиссимуму виднее. Но очень уж занятная получилась встреча!

Филипп похмыкал. Да уж, занятнее некуда. О том, что субмарина специально искала капсулу, нетрудно догадаться — искала и нашла, капсула не иголка, хороший корабельный локаатор возьмет ее со ста миль, несмотря на антирадарное покрытие. Но почему они так опешили, увидев человека? Попытались скрыть растерянность, но ведь было же видно. И почему ни капитан, ни кто-либо из офицеров субмарины не удостоил спасенного беседы? Отнеслись будто к чумному...

Весьма странно.

Кстати, еще один вопрос: какого рожна за дверью каюты поставлен часовой?

Проверим...

Филипп решительно пересек каюту. За узкой дверью оказался даже не матрос — капрал корабельной полиции.

— Стой. Назад.

Филипп поднял бровь. Пожалуй, чуточку картинно.

— Забываетесь, капрал. Освободите дорогу.

— Назад. Не велено.

— Ага, — сказал Филипп. — Понимаю. — Он ничего не понимал и очень старался не злиться. — А кем не велено?

— Сказано тебе: не велено — и все. И разговаривать тоже не велено.

Филипп хмыкнул.

— Ты со мной уже разговариваешь. Если я не арестован, пшел вон. Если арестован — вызови офицера, недоумок.

— Не велено.

— Может, и в галюн не велено? — ядовито осведомился Филипп. — Мне прямо тут лужу сделать?

Капрал подумал. Затем достал из кармана маленькие наручники и ловко защелкнул их на запястьях Филиппа.

— В галюн можно. Иди вперед, лысый. Только без глупостей.

Филипп пожал плечами и двинулся в указанном направлении. Лысый, проговорил он про себя отвратное слово. Обидно. Экий гад, капралишка... И не лысый вовсе, а так — редуют волосы, оголяется лоб. Что с того? Со всяким бывает. Вроде бы не облучен — просто неудачные гены.

Капрал сопел позади. Свернули раз, другой, третий и добрались до искомого места сложным зигзагом.

— Вон туда, только живо.

— Уж как умею...

Он занес ногу, якобы намереваясь переступить через комингс, и, ухмыльнувшись, поставил обратно.

— Ты что?

— Я раздумал.

На лице капрала явственно читалось желание огреть строптивца побольнее. Но, видно, и это было ему не позволено. Наконец он выругался, вложив в немудреные слова всю законренелую ненависть полицейского к военному. Филипп с удовольствием прищелкнул языком:

— Красно говоришь, век бы слушал. Между прочим, ты забыл сказать мне спасибо.

— За что?

— Как за что? За выдумку. И мне променаж, и тебе развлечение. Нет? Небось надоело столбом стоять.

Капрал поставил его лицом к коридору и сильно толкнул промеж лопаток.

— Вали обратно, придурок. Не был бы ты важной птицей — узнал бы у меня, что такое развлечение...

В этом как раз можно было не сомневаться. Филиппу не приходилось еще слышать о судне, на котором команда и корабельная полиция жили бы душа в душу. Особенно на Поплавке. Не одному зеленому офицеру, бывшему курсанту, еще не привыкшему к мысли, что Капля — это совсем не то, что он думал, а пятнадцать лет службы на Капле — совсем не пятнадцать лет спокойного плавания в земной гидросфере, после закономерного дебоша в баре и конфликта с полицией приходилось лечить почки. Тому же Петру. Зато и полицейским иной раз удавалось нечаянно поскользнуться на палубе и сорваться в океан, причем почему-то особен-

но часто в тех случаях, когда поблизости замечалась хищная водоросль или облако криля.

Двинуть скованными руками капрала по голове и пойти потребовать объяснений? Подумав, Филипп отверг эту мысль. «Не был бы ты важной птицей...» Тут какое-то глупое недоразумение, точно. Ну так пусть оно разрешится само собой.

Капрал никак не мог замолкнуть — нудно бубнил, держась на шаг позади. Перечислив личные качества Филиппа, пошел по генеалогии его предков. Филипп лишь ухмылялся, не оборачиваясь.

Бездельный тщедушный матрос — как видно, свободный от вахты, — торчал в коридоре, подпирая переборку, и дымил разрешенной безникотиновой соломой в решетку регенератора воздуха. Корабельная крыса вышмыгнула из какой-то отдушины справа — настоящая земная крыса, серая. Ища укрытия, зигзагом промчалась по коридору, метнулась за угол. Матрос, выпустив кольцо дыма, лениво подставил ножку гнавшемуся за ней андроиду-уборщику — тот, очевидно, опытный, ловко перескочил через выставленную ногу.

Оказавшись в каюте, Филипп повалился на койку, разминая натертые наручниками запястья и улыбаясь. В Центре на Сумбаве было полно крыс, особенно в хозблоках, что и понятно. Курсанты устраивали на них облавы по всем правилам тактики, били пищащих тварей швабрами и ножками от стульев, заключали пари на то, кто скольких убьет. И, разумеется, не думали о том, что пройдет год — всего один земной год! — и обыкновенный пасюк начнет вызывать сладкую ностальгию.

Черт с ними, с крысами. Было — и забыто. Филипп посопел, сердясь на себя, отгоняя воспоминания. Что означает этот домашний арест, хотелось бы знать? Ничего не выяснил, зря раздражил часового...

— Эй, капрал! — наудачу крикнул Филипп. — Давно в походе?

— Не твое собачье дело.

В двери каюты, лязгнув, защелкнулся замок — капрал не хотел случайностей.

— Попросишься ты у меня теперь в галюн...

А ведь и верно, сообразил Филипп. Интересно, когда у него смена? Он с беспокойством посмотрел на часы.

Ну нельзя быть таким дураком! Нельзя!

До постыдного конфуза не дошло — страж узилища сменился через три часа. Новый часовой, совсем

молодой парнишка без нашивок, по-видимому, до полусмерти боялся арестованного, однако без возражений снизошел к просьбе. Улучив удобный момент, Филипп повторил вопрос намеренно равнодушным тоном.

— В походе-то? — озабоченно переспросил парнишка. — Не, сутки всего. А до того на Пятнадцатом контрольном торчали девять дней. Скучища... — Тут до него начало доходить, и он встрепенулся. — Эй, ты не болтай! Не велено.

Повторять не пришлось — Филипп больше не разговаривал. Он сосредоточенно думал.

...А подумать мне было о чем, точно говорю. Этот нервный парнишка-полицейский сам не понял, какой информацией меня снабдил. Пятнадцатому контрольному, равно как и остальным двадцати трем постам, как раз и полагается находиться в дрейфе между экватором и тропиком, тут вопросов нет. Одного я не подозревал: что он так близко. Сутки экономического хода туда и обратно — расстояние плевое. Выходит, пока я болтался посреди океана, как что-то в проруби, «Черный Баклан» торчал на приколе всего-навсего в тысяче двухстах милях от меня! Что особенно интересно, торчал все девять дней моего дрейфа, ни днем больше, ни днем меньше.

Стоял без движения. А я, простак, выпускал маячки — на таком расстоянии это все равно что по часу в день кричать в ухо. Не услышали? Рассказывайте сказки детям. Надоел я им воплями о помощи, зверели операторы, затыкали уши... Услышали, но не шевельнули и пальцем, чтобы помочь.

Почему?!!

За чужаком из зоны Лиги «Баклан» не гонялся, это точно. Может быть, тактика заключалась в том, чтобы не дать себя обнаружить? Что с пришвартованной субмариной, что без нее, контрольный пост выглядит на гидролокаторе одинаково, мне ли не знать.

Гм. Разумнее было бы утопить чужака, я так считаю. Я бы утопил — до нашей встречи, естественно, и на исправной капсуле. Или он меня. Притом «Баклан» не капсула, а мухобойка для таких насекомых, как этот чужак с А-233, — пришлепнул бы первым залпом. Остается предположить, что они вообще не заметили чужака...

Трудно поверить. Более того: полный бред! Хоть режьте меня, хоть ешьте с хреном, а я не верю! Чужаку просто-напросто дали спокойно уйти, не нервирова его

излишне, не наступая на пятки. Иначе он не обнаглел бы настолько, чтобы всплыть рядом с дрейфующей капсулой, которая вполне могла оказаться приманкой...

А если она и была приманкой?

У меня аж пот по спине побежал от такой мысли. Выходит, подставили меня? Ну допустим. Очень похоже. А с какой целью? Вот этого, боюсь, мне никогда не узнать, пути командования неисповедимы... Но попытаться стоит. И главное: почему ловушка не сработала?

Арестов таких, между прочим, тоже не бывает. Ограничение свободы, однако, налицо. Похоже, те, кто все-таки соизволил подобрать в море лейтенанта Альвело, сами толком не знают, что делать с подобранным.

Туман, как за полярным кругом. Ничего не понять, да и не моего ума это дело.

Тут я себя обозвал по-нехорошему. Перегрелся на солнышке, точно. Как это не моего ума? А чьего же? Кого бросили подышать посреди океана — не меня? И кто-то за это крепко ответит, или я не я буду. Нашли дурачка. Не знаю пока, кто вы такие, но лучше вам было вовсе меня не подбирать, вот что я вам скажу по секрету.

Подумал так — и вроде как с души отлегло, а все равно больше ничего не придумалось, только мозги занули от напряжения. Плюнул я и задремать собрался, как вдруг чувствую толчок. Так и есть, швартовка.

Пятнадцатый контрольный — это просто самоходный круглый плот, большая плавучая сковородка посреди океана. Причалы, таможня, флайдром, метеослужба, океанографическая лаборатория, склады, десяток ракетных шахт на всякий случай — все в одной упаковке. Плавает плот медленно, ныряет плохо, но от желтого прилива или, скажем, от тайфуна, пока он еще не тайфун, а тропическая депрессия, уйти способен, благодаря раннему обнаружению, а серьезный гидросейсм — это уже судьба, никуда не денешься и не стоит заранее дергаться. Иные глубинники из погранохраны коротают время на таких плотках в перерывах между патрулированием, иногда по приказу, чаще по собственному выбору — это, как я понимаю, те, кому Поплавков до смерти надоел.

Ну, ждать пришлось недолго — наружу меня не вывели, а вот визитер ко мне явился. Довольно молодой, бледный и весь какой-то вялый, как вышедший наружу глист. Я сразу

решил, что он не здешний, а с Поплавка, причем из

самой сердцевины — месяцами солнца не видит.

Присел на койку, представился:

— Капитан-лейтенант Андерс, оперативный отдел штаба погранфлотилии. Расскажите, что с вами произошло.

— Дайте бумагу, напишу рапорт.

Он улыбнулся — одними губами. Знаете, как улыбается мертвец? Я до той минуты тоже не знал.

— Разумеется, рапорт вы напишете. Но я прошу вас рассказать просто, своими словами.

Рассказал я ему. И про чужака с А-233 не утаил — сообразил, что нет смысла. Глист слушает и знай себе кивает с такой ленцой, будто сейчас заснет.

— Понятно, — говорит. — Теперь, пожалуйста, изложите еще раз подробности бомбежки.

— Значит, так, — излагаю. — Глубина была восемь тысяч четыреста, словом, в пределах рекомендованного для патрулирования коридора. Сонар ничего постороннего не показывал, помню твердо. Режим cerebroуправления отключен не был. Рвануло сначала справа, потом сзади, потом подо мною.

— А потом?

— Валялся без сознания. А как пришел в себя...

— «Маячки»?

— Выпустил все до единого. Неужели не засекли?

— Засекли, не волнуйтесь. Вероятный противник, надо полагать, тоже засек. Вы не находите, что вам повезло в том, что вы сейчас разговариваете со мной, а не с контрразведчиком Лиги? Почему вы не погрузились?

— Посмотрите на мою капсулу, тогда поймете, — отвечаю. — Уж поверьте, болтаться в дрейфе на поверхности нет никакого удовольствия — ночью духота, днем жара, смерти ходят. И во всякое время суток ждешь желтого прилива.

— Ясно, — прервал Глист. — Ну а что вы сами думаете?

Сделал я удивленные глаза, а рожу тупую-тупую.

— Что тут думать? Тот нарушитель меня и долбанул, кто ж еще. Я его капсулу разглядел — переоборудованный «Удильщик». Всех дел — глубинные тактические боеголовки вместо простых да сонар помощнее, чтобы издали и безнаказанно... Я бы сам на такой посудине поплавать не отказался.

— Возможно, поплаваete на чем-нибудь получше. Вы ведь у нас всего год, верно? Значит, все впереди... Да, еще один вопрос. Как вы думаете, почему он не попытался захватить вас в качестве пленного?

— Пожалел, наверное, — пожимаю плечами. — Хороший человек.

— Вы думаете?

— Сам удивлен... А что, много он дел натворил в нашей зоне?

— Достаточно, — цедит Глист. — Было у нас одиннадцать пищевых комбинатов, стало десять.

— Вот гад, — говорю. А сам думаю, что те, из Лиги, вовсе не идиоты — знают, где укусить побольнее. Не польстились ни на контрольный пост, ни на плавучий док, который тоже где-то в этих водах обретается, — долбанули пищекомбинат! Ничего умнее для снижения боевого духа не придумать — вон Петру уже два раза отказывали в просьбе выписать сюда жену и сына по причине переизбытка едоков. Откажут и в третий.

Посмотрел на меня Глист: мол, искренне я возмущен или так себе. Кажется, остался доволен.

— Как ваше самочувствие?

— Прекрасно. Вот только не выпускают отчего-то.

Опять он улыбается.

— Не берите в голову, это простое недоразумение. Надеюсь, вы не в претензии?

— Нет, конечно, — смеюсь. — Не был бы под арестом, мне бы, поди, дело нашли. А так отдохнул.

Тут его улыбка стала прямо-таки лучезарной. Жуткое зрелище.

— Очень хорошо, — говорит. — Полагаю, на Поплавке вы получите новую капсулу. Собирайте пока вещи. И последний вопрос... Не отказались бы вы пройти ментоскопирование в лаборатории при оперативном отделе? Нас интересует ваша встреча с чужаком. Понимаете, кое-какие мелкие факты, детали, которые вы сейчас не можете вспомнить, но лежащие в подсознании... Сугубо добровольно, разумеется. Само собой, вы можете положиться на нашу скромность в отношении тех подробностей вашей жизни, которые нас не касаются.

Ага, думаю, всю жизнь мечтал. Сплю и вижу, как бы дать кому в моих мозгах покопаться, я этого и в Центре не терпел, хотя скрывать мне особенно нечего. Хотя куда денешься? Не гражданка и не Земля — служба и Капля. Меньше забот согласиться, пока добром просят.

— Пожалуйста, — говорю. — А это не вредно?

Не утерпел, изобразил простофилю. Так даже удобнее. Еще раз улыбнулся Глист:

— Абсолютно безвредно и безболезненно. Ну, через двадцать минут жду вас на флайдроме.

Как он ушел, мне сразу легче стало, и вроде бы даже воздуха в каюте прибавилось. Личного барахла у меня самый мизер, рассовал я его по карманам — и на волю. К трапу не пошел, конечно, как штабной какой-нибудь или штатская слякоть, а без разбега перемахнул с палубы «Баклана» на пирс, да так, что кто-то за моей спиной аж присвистнул. Красиво прыгнул, знай наших. Только у нас в четвертом отряде да еще, пожалуй, в морской пехоте так умеют, а у кого поджилки трясутся, тот и в постели с госпожой контр-адмиралом не сумеет себя мужиком показать, и того слабака наша Джильда быстренько спровадит куда-нибудь во Вспомогательный флот.

Топаю себе по плоту к флайдрому, жизни радуюсь, металл под каблуками звенит. Пятнадцатый контрольный — место знакомое. Обхожу, значит, садки с крилем — по части продовольствия Пятнадцатый пост наполовину на собственном обеспечении, — а в одном из садков вода просто кипит, пена шапкой взбита. На этих рачков иногда нападает какое-то безумие, хотя непонятно, с чего ему взяться, у них и мозгов-то нет. Тут один рачок, ну окончательно полоумный, выскакивает из садка, перелетает через сетку — и шлеп прямо мне под ноги. Взял я его за усы остороженько, чтобы полпальца не отъел, хотел было обратно в садок кинуть — и краем глаза замечаю: мимо садков в мою сторону рысью чешет тот самый полицейский капрал. Надо думать, получил увольнение, поскольку явно стремится не ко мне, а к бабской общаге, и видно: по хамской привычке отдавать мне честь не собирается. Ну, это судьба.

— Подержи, капрал, — говорю я и, пока он не успел сообразить, сую ему в руку рачка, а сам топаю дальше. Ох и вопил же он! Впрочем, поделом.

Добрался я до флайдрома и слегка обалдел. Конечно, я думал, что прислали за мной транспортную платформу или еще чего похуже, на чем до Поплавка трястись суток двое с промежуточными пересадками, — ан не тут-то было. Двухместный учебный флайдарт-«спарка», не больше, не меньше, а рядом с ним слоняется капитан-лейтенант Андерс, ручкой мне машет — шевелись, мол, — и в шлеме даже не очень на глиста похож. Ничего себе, думаю. За что глубиннику такая честь?

Лететь на флайдарте, я вам доложу, одно удовольствие. Субкосмос, чернота за стеклом фонаря, звезды ярчайшие, каких ни с Земли не увидишь, ни тем более с Капли в погожий день, а между ними над головой светляками грузовики ходят, то ли наши, то ли северян — не поймешь.

У флайдарта cerebroуправление не такое, как в глубинной капсуле, шлем соединен с системой без шнура, и пилот просто-напросто шлепает ладонью по панели, подключая свои мозги к элеронам, движку и что там еще во флайдарте есть. Только я занял свое место, как мы с Андерсом одновременно шлепнули — он по панели, я по спинке переднего кресла, чуть Глисту по маковке не приложил.

Что за притча? Он-то не заметил, в cerebroшлеме ничего постороннего вообще не замечаешь, а я, как взлетная перегрузка кончилась, еще долго удивлялся. С какой это радости во мне рефлекс пилота не глубинного, а совсем наоборот? Чудеса да и только. Так ничего и не выдумал, плюнул, еще и не такие странности в мире случаются, над каждой аномальностью задумываться — мозги закипят. А Глист знай себе ведет флайдарт, уверенно так, без суеты, а суета в мыслях — главный враг что для летчика, что для глубинника.

Хорошая штука флайдарт. Не был бы я глубинником, обязательно пошел бы в пилоты, да теперь уж поздно. Скорость на высоте совсем не чувствуется, только видно, как белое солнце ползет по небу и нехотя заваливается за горизонт. Часа два летели в черноте под звездами, потом на снижение пошли, скорость об атмосферу гасить, а как пламя снаружи чуток поухло, гляжу — удачно вывалились. Красиво даже: из ночи в рассвет. Вид океана в умеренных широтах совсем не такой, как в тропиках или у экватора, притом на воде там и сям масляные разводы, и мелкие суда ходят. Еще три минуты полета под облаками — и вот он, Поплавок.

Глава 3

Господин Гундер Шелленграм, ведущий эксперт отдела Перспективного Планирования, без тени иронии называющий себя главной мозговой извилиной организма, именуемого зоной Федерации, занимал скромные, но все же приличные для чиновника его ранга апартаменты в надводной части Поплавка, в полукилометре выше ватерлинии, в километре ниже плоской макушки конуса. Космические челноки садились на уступы значительно выше жилой па-

лубы Дзета-144, справедливо считающейся одной из фешенебельных; боевые машины ВВС и транспортные платформы базировались ниже. Здесь ничто не могло оскорбить взгляд человека, любящегося огненной полоской заката на пепельной воде, и не на экране, а сквозь настоящий иллюминатор; ничто не мешало покинуть каюту и выйти прогуляться на смотровой уступ — не личный, общий, однако заказанный для служащих невысокого ранга, не говоря уже о рядовых оболванцах и трюмной швали.

Сегодня господин Гундер Шелленграм поборол искушение продлить путь по смотровому уступу до сектора Стигма и воспользовался ближайшим служебным лифтом. Сказать по правде, за последний год вид океана надоел ему до чертиков. В какие бы личины он ни рядился, становясь то ласковым и прекрасным, то хмурым, взбесившимся, кипящим, — вода всегда останется водой, а Поплавок Поплавком, и воды всегда будет слишком много. Только новичкам нравится смотреть на нее.

И еще Шелленграму.

Пусть надоело — но тянет... Можно сойти с ума: с высоты океан кажется распахнутой ждущей бездной с висящим над ней Поплавком. Чересчур далек горизонт, чересчур ясно осознает человек, что океан не имеет ни берега, ни дна. Старожилы из штатской obsługi поголовно страдают агорафобией: правдами и неправдами добиваются жилья в глубине терминала, подальше от обшивки и бездны за нею, годами не включают обзорные экраны... Их можно понять.

Но сейчас океан подождет. Утренней рысцы по трапам к посадочной площадке флайдрома было вполне достаточно и для разминки, и для созерцания.

Тридцать секунд плавного падения в лифте с высоты сто сорок четвертой палубы до нулевой Шелленграм рассматривал себя в настенное зеркало. Хорош. Высок, подтянут, мужественного вида, морщинки — и те на месте, производят на собеседника впечатление об их носителе как о человеке надежном, много повидавшем и еще больше переделавшем в своей жизни. Слегка костляв, но это не бросается в глаза. Относительно моложав, на вид не дашь больше пятидесяти. Тонкие губы, крупный породистый нос, благородная седина в волосах, движения — точные и уверенные. Порода во всем. Потомок викингов и их жертв. Тщательно выбрит. Костюм — соответствует цели визита.

Как всегда, на спуске плотно заложило уши. Сорок три секунды горизонтального движения кабины — от **239**

периферии к оси Поплавка — господин Шелленграм морщился, глотал всухую, безуспешно искал в карманах коробочку с кислыми леденцами и думал о том, что забывчивость в мелочах — первый симптом старости и добра от нее не жди.

Контр-адмирал Хиппель ждал во внешней приемной.

— Вы опаздываете, Гундер, — укорил он.

— Не имею привычки заставлять себя ждать, — сухо возразил Шелленграм. — Исправьте ваши часы, Курт. Что, все уже собрались?

— Фактически да. Господин Адмиралиссимум ожидается с минуты на минуту. Он в личных апартаментах.

— Так я и думал, — сказал Шелленграм. — Ну что ж, пойдемте.

Дежурный адъютант пропустил их во вторую приемную. Тут пришлось пройти сквозь линию контроля, и строгий голос из стены известил об опасности для жизни, могущей последовать в случае, если посетители не остановятся для идентификации имплантированных под кожу ладони пропусков. Шелленграм и Хиппель молча повиновались. Все было в порядке. В третьей, внутренней, приемной посетители сдали разовые карточки-приглашения и подверглись быстрому, но толковому обыску — начальник охраны Адмиралиссимуса не слишком доверял сторожевой электронике. У господина Шелленграма отобрали дыхательный фильтр и записную книжку-комп, пообещав вернуть по окончании визита. Контр-адмирал Хиппель попытался протестовать.

— Не тратьте зря времени, Курт. Вы расточительны.

— Да что они тут себе позволяют, Гундер? А ваш доклад? А ваши записи?

Шелленграм едва заметно усмехнулся.

— Кажется, доклада в обычном понимании не будет. И хорош бы я был как ведущий эксперт, если бы не мог дать любую справку о Капле без шпаргалки. Пойдемте, Курт, пойдемте.

— Вот как? А скажите-ка мне без шпаргалки, Гундер: каков экваториальный диаметр Капли по оси наибольшего прилива?

— Двадцать шесть тысяч пятьсот два с половиной километра, — улыбаясь, ответил Шелленграм.

— Врете. Вы назвали не экваториальный, а максимальный диаметр. Ладно, продолжим. Надеюсь, вам известна численность обслуживающего персонала грузовых ракетных шахт

Поплавка?

240

— Шестьдесят три человека, семнадцать андроидов.

— Опять врите: шестьдесят один человек.

— Извините, Курт, вчера пришел челнок. Земля озаботилась прислать технарей. Трое из них ваши, приказ уже готов и подписан. Что же касается рабочего, раненного вчера во время аварии в вашей епархии...

— Вы и об этом знаете? — хмуро спросил Хиппель.

— Естественно. Так вот, полагаю, этот рабочий уже умер или вот-вот умрет, что несущественно с точки зрения интересов дела. Итого — шестьдесят три.

— Мне бы вашу память, Гундер.

— Не завидуйте, лучше помогите, если что-то пойдет не так.

— Мы ведь уже договорились. Только уж и вы мне...

— Разумеется. Я знал четырех командиров Поплавка. Вы первый, с кем приятно иметь дело.

— Спасибо, Гундер.

В рабочем кабинете его превосходительства господина Адмиралиссимуса за длинным, сработанным из мореного дуба столом сидели пятеро. В ответ на поклоны вошедшим кивнули как старым знакомым. Никто не приподнялся, давая понять разницу в чинах и положении. Шелленграм и Хиппель сели с краю.

— Тут одни акулы, — шепнул Хиппель.

Гундер Шелленграм ответил толчком ноги: молчи, мол, знаю. Он откровенно разглядывал сидящих, но так, впрочем, чтобы это не показалось чересчур бесцеремонным. Он знал их всех, и знал давно, о биографиях некоторых из присутствующих он знал опасно много и не нуждался ни в каком разглядывании для того, чтобы понять, что ждать от них, но сейчас верх брала привычка. Взгляд — образ, несколько десятков слов. Карточка в несуществующую картотеку.

Вон тот слева — Вальдемар Мрыш. Адмирал, флагман Первого, Ударного флота. Молод, напорист, лично храбр. Не слишком опытен, однако считается гением морской тактики. Семь лет назад переведен на Каплю в чине всего-навсего кавторанга и, против всех обычаев мирного времени, сумел сделать блистательную карьеру. Прямо в суждениях и, вероятно, в мыслях. Айсберг без подводной части, весь на виду. По слухам, последнее время под него усиленно копают: оказался негибок, не оправдал чьих-то надежд. Сравнительно честен, не злоупотребляет. Выглядит взволнованным. Небольшая победоносная война — это то, о чем он мечтает с тех пор, как почувствовал подкоп.

«Где я ему возьму небольшую и победоносную?» — подумал Шелленграм. Он перевел взгляд на следующего.

Антеи Лавров-Печерский, адмирал, флагман Второго, Вспомогательного флота. Лысый, с кустистыми седыми бровями. Ветеран сражений эпохи Разделения, с юных лет служил исключительно на Капле, участвовал в нескольких серьезных кампаниях, облучен, многожды ранен. Умеренно образован. Опытен. Чин адмирала получил за успешные действия трех субмарин в Экваториальном побоище под занавес войны. Уступку половины акватории планеты Лиге, Унии и Независимым расценивает как свое личное поражение.

И в том же духе воспитывает подчиненных, добавил про себя Шелленграм.

Конрад Монтегю, вице-адмирал, командующий Отдельной флотилией погранохраны. Средних лет, худ, редковолос. Владелец самого скрипучего голоса во всем Южном полушарии. Гордится фамилией, мнит себя потомком какого-то флотоводца начала Темных Веков. Влиятелен. Числом боевых кораблей его разбросанная по всей Капле флотилия намного превышает Ударный флот Мрыша и почти равна Второму флоту по боевой мощи, но дальность действия, конечно, много меньше. Сам терпелив, выдержан, много и охотно занимается стратегическим планированием, считаясь видным теоретиком войны на море. Подчиненных распустил, одна Джильда Риенци чего стоит...

Джакомо Риенци, брат упомянутой Джильды. Этот командует всей авиацией, кроме ПВО Поплавка. Около сорока лет, коренаст, черные волосы коротким ежиком. На вид бурбон и демонстрирует это всем и каждому, но что он на самом деле, еще предстоит понять. Уже то, что он в изумительно короткие сроки свалил двух предшественников, говорит о многих скрытых качествах. В рядах ярых сторонников войны не замечен, но это еще ничего не значит.

Наконец последний... Шелленграм лишь мазнул его взглядом и сразу отвел глаза. Любомир Велич, шеф флотской разведки и контрразведки, грузнеющий красавец-брюнет, единственный из пятерых не адмирал, а всего лишь каперанг — никак земные бюрократы не приведут его чин в соответствие с занимаемой должностью. Внешне нисколько от этого не комплексует — может, так ему удобнее... Трудно сказать. Принял дела недавно. Его побаиваются, и, вероятно, не без оснований — вот и все, что о нем можно сказать.

А ведь и верно — акулы, подумал Шелленграм. Все пятеро. Не то беда, что зубасты сверх меры, а то, что эта пятерка — элита власти. Они, а вовсе не те надутые спесью чиновники, что присылаются сюда Управлением по делам колоний в количестве явно избыточном — как передаточный ремень для проведения политики Земли. Такое впечатление, что нарочно подбирают самых бестолковых. И уж конечно, вершина власти не Адмиралиссимус, а вот жди его, протирай штаны...

Ждать пришлось минут пять. За это время не было произнесено ни слова, лишь Монтегю неразборчиво бубнил себе под нос, шелестя бумагами.

Наконец вошел тяжелый, грузный седой мужчина с неподвижными чертами оплывшего лица, сопровождаемый новым флаг-адмиралом — этого Шелленграм видел второй раз и еще не успел запомнить фамилию. Вполне вероятно, она того и не стоила, флаг-адмиралы при Адмиралиссимусе менялись чаще, чем командиры Поплавка.

Он встал, как и остальные. Его высокопревосходительство господин Адмиралиссимус неспешно обошел вокруг стола, здороваясь с каждым за руку. Каждое его движение было внушительным, но одновременно как бы и недостаточным — медлительным и скованным. Грация стенобитного тарана, если стенобитный таран способен обладать хоть какой-нибудь грацией. Пожимая мясистую вялую ладонь, Шелленграм едва не улыбнулся пришедшему на ум сравнению и закаменел, беря себя в руки.

В последние годы Адмиралиссимус изрядно сдал. Похоже, он уже давно не выходил на вольный воздух, ограничивая свои прогулки охраняемой сердцевиной Поплавка. Поговаривали, что он сильно пьет. Наиболее злые языки утверждали, что в своих личных покоях господин Адмиралиссимус будто бы с увлечением играет в игрушечные паровозики, — но мало ли что утверждают злые языки, подумал Шелленграм. Может, и не в паровозики вовсе. Может, в солдатики.

Маразм. И уже не первой свежести, застарелый. А ведь было время — грозен был Адмиралиссимус, и хоть никогда не был особенно умен, помощников подбирал толковых... Совсем худо, когда человека перестают интересоваться люди как объект игры. Не приведи господь дожить до такого позора.

Покончив с рукопожатиями, господин Адмиралиссимус сел в услужливо пододвинутое флаг-адмиралом кресло, тяжело опустил руки на положенное им место на

подлокотниках и пригласил садиться. Заскребли, застучали по полу ножки придвигаемых к столу стульев. Блюда субординацию, Шелленграм сел последним.

Незаметной внешности стюард — получеловек-полутень, чья биография была проверена контрразведкой по минутам, — неслышно подал минеральную воду и исчез. Со смачным поцелуйным звуком присосало дверь. Десять секунд чуть заметно вибрировал пол: воздушные насосы отделяли мозг зоны Федерации от тела непроницаемым для звука вакуумным барьером; одновременно трижды дублированная хитроумная система электронной безопасности тщательнейшим образом исследовала резиденцию его высокопревосходительства на наличие «жучков» и жучкоподобных устройств. Не найдя искомого, система сообщила об этом, как показалось Шелленграму, немного обиженным тоном.

— Ну что же, — констатировал флаг-адмирал доверительным голосом, — кажется, все в сборе. К сожалению, нет управляющего экономикой Капли, в настоящее время он вызван в метрополию, однако я полагаю, что присутствующий здесь господин Шелленграм не откажется дать необходимые справки, коль скоро в них возникнет необходимость... Мне кажется, мы можем начать. Не так ли?

— Да, — коротко сказал Адмиралиссимум. Лицо его оставалось неподвижной маской.

Пятеро молчали, закаменев, не глядя друг на друга. Тишина перед прыжком... Никто не проронил ни звука. Текли секунды. Несчастный Хиппель, слабейшая карта в этой колоде, нервно вытирал платком лоб. Шелленграм подумал, что, наверное, эти секунды молчания, когда слово-взрыв еще не произнесено, кажутся столетиями каждому сидящему за этим столом. Кроме него, Шелленграма. Да, кроме него одного.

Монтегю сдержанно кашлянул и, когда взоры присутствующих остановились на нем, спрятал глаза. Нет, этот не решится начать. Тогда кто же? Мрыш, самый молодой и решительный?

Да, Мрыш.

— Если не теперь, то когда же? — Флагман Ударного флота начал без обиняков. — Только сейчас и обрушиться на северян всей силой! Момент такой, что лучше не придумаешь, это я вам говорю. Упустим — не вернем, так и знайте. Локти будем кусать...

Он еще говорил, а сидящие уже задвигались, устриваясь вольнее. Бедняга Хиппель, забывший дышать

во время общего молчания, шумно выдохнул, икнул и стал пунцовым, как школьник, сделавший непристойность в присутствии взрослых дядей.

— Вы так уверены в нашем превосходстве, Вальдемар? — прервал Лавров-Печерский. — Нет-нет, не спешите отвечать. Я хочу того же, чего и вы. Мы все этого хотим, верно? Но, видите ли, если мне придется тонуть, я желаю пойти к Вихревому поясу с сознанием, что это послужит нашей победе, а не наоборот. Я старый человек, и мне надоели войны, которые невозможно выиграть. Прошу помнить, что наш флот лишь незначительно превышает боевой мощью соединенные флоты зон Лиги, Унии и Независимых. Вы абсолютно уверены в успехе, Вальдемар?

Мрыш фыркнул.

— Разумеется, абсолютно. Поймите же наконец, все это время мы находились в плену замшелых догм. Более тридцати лет! В войне, последовавшей за Разделением, наши заблуждения были понятны и простительны: в конце концов, мы пытались вернуть назад свою собственность. И проиграли. Одной морской пехоты положили столько, что пришлось поставить ей специальный памятник. Никто даже не подумал уничтожить чужие Поплавки одним ударом, все три одновременно, а если и подумали, то не имели достаточных средств. Теперь-то мы их имеем, разве нет?

— Да, — сказал Адмиралиссимус.

— Северяне тоже, — проскрипел, возражая, Монтегю.

— Стоит ли говорить о том, — самодовольно ухмыльнулся Риенци, — что наш Поплавок теперь не просто терминал, а уникальная по средствам защиты и нападения плавучая крепость, принципиально более мощная, чем Поплавки северян. Защититься мы сумеем. Кажется, ни мы, ни наши предшественники на этих постах не сидели сложа руки.

— Как и северяне.

— А что северяне? — дернулся Мрыш и снова фыркнул. — Я уже весь дрожу... Вы намекаете на тройственный меморандум?

— И на меморандум, разумеется, тоже.

Шелленграм подумал, что Монтегю, возможно, специально махнул красной тряпкой перед мордой быка. Совместный меморандум администраций трех северных зон был получен несколько дней назад и пока не имел результатом никакой официальной реакции. О, неофициальной реакции было сколько угодно, ибо в меморандуме обосновыва-

лась чудовищная претензия: во избежание в дальнейшем всех и всяческих акваториальных споров и недоразумений между существующими неравными зонами поделить Каплю на четыре РАВНЫЕ зоны — с границами меридиональными либо соответствующими проекциям на сферу ребер вписанного тетраэдра — по решению международной конференции, которую предлагалось созвать во имя мира и добрососедства! Очевидная наглость меморандума вызвала вспышку тихой ярости в верхних эшелонах власти зоны Федерации. Говорили, что Мрыш в тот день ни за что ни про что собственноручно побил морду адъютанту. Он и теперь кинулся в бой:

— Северяне, северяне... Не знаю, как вам, а мне надоело о них слышать! Чуть что — северяне, демпинговые тарифы Независимых... А их, северян, три зоны, между прочим, и о координации боевых действий своих флотов они никогда не договорятся, это вам не меморандумы сочинять. Говорю вам: накроем их Поплавки, а флоты уничтожим поодиночке, только и всего. Главное — внезапность и решительность нападения или, если хотите, давно заслуженной акции возмездия. Для этого хватит Ударного и Вспомогательного флотов при поддержке авиации, а флотилия погранохраны, наш резерв, при необходимости вполне справится с задачей защиты Поплавка. Пусть только Земля обеспечит внешнее прикрытие, чтобы ни один чужой корабль не высунул носа из Каналов, а уж разгром противника тут, на Капле, я обещаю. О чем тут, собственно, у нас идет речь? О меморандумах?! План кампании давно разработан и утвержден, весь вопрос в том, когда же мы наконец соизволим пробудиться от спячки. Флоты готовы к войне, авиация готова, Поплавок... Хиппель, я вас спрашиваю: готов Поплавок? Да сидите вы!

Контр-адмирал Хиппель, только что справившийся с обильным потом на лбу и висках, мгновенно вспотел вновь.

— Э... Да, конечно... Так точно... Как было приказано...

— То-то. Повторяю: лучшего момента не будет. Гарантии Земли мы получили или нет?

— Кхм, — сказал Адмиралиссимус. — Дэ.

— Тогда у нас остается одна большая проблема и одна малая, — улыбнулся Мрыш. — Большая — принять решение. Малая — выиграть войну. Надеюсь, хотя бы повод к началу войны у нас найдется?

— Дэ, — сказал Адмиралиссимус. Шелленграму

246 было ясно, что он не слушает.

— Разумеется, — охотно пояснил своевременное междоуиметие флаг-адмирал. — Например, три дня назад был выведен из строя пищекомбинат. Торпедная атака. Между прочим, Монтегю, это камешек в ваш огород... Бесспорно, это повод для ультиматума любой из зон или всем трем сразу.

«Если не брать в расчет то, что северяне имеют не меньше оснований пожаловаться на нас, — договорил про себя Шелленграм. — Не они одни мастера устраивать диверсии».

— Какой ультиматум? — Мрыш вскочил, оттолкнув стул. — Вы что, с ума сошли? Тогда уж лучше прямо объявим день и час, и дело с концом. Мирную конференцию для отвода глаз — это я понимаю...

— Ну разумеется, — улыбнувшись, сказал Лавров-Печерский, — разумеется. Это шутка, Вальдемар. Просто шутка. Вы правы: план кампании разработан и утвержден. По-моему, это хороший план, и лично я надеюсь, он сработает. Мне, старику, не страшно тонуть, но я предпочел бы остаться на плаву... Единственное, что меня беспокоит по-настоящему, это вопросы снабжения. По плану на активные боевые действия отводится месяц, на последующую зачистку акватории — от трех до шести месяцев. Выдержит такое наша экономика? Заверения управляющего, к сожалению, отозванного в метрополию, мы слышали. Мне бы хотелось, чтобы господин э-э... Шелленграм честно и убедительно подтвердил их.

— Или опроверг, — впервые подал голос Любомир Велич.

Шелленграм встал. Он смотрел на них сверху вниз. Он так привык. Ему пришлось сделать усилие, чтобы голос звучал как подобает в разговоре с вышестоящими — почтительный и вместе с тем подчеркнуто безразличный голос исполненного собственного достоинства лакея из хорошего дома.

Значит, Земля решилась, подумал он. За этой малой войной, чем бы она ни кончилась, почти наверняка последует масштабная война за возврат колоний, заведомо самоубийственная как для бывших колоний, так и для Земли. Решилась Федерация... Ну-ну. И эти провинциалы — решились тоже. Пробный шар... Планировать они умеют, воевать, пожалуй, тоже. Единственное, чему они не научены, это думать хотя бы на два хода вперед, но разве можно их в этом винить? Вряд ли. Их сделали такими, какие они есть, нельзя требовать изящества от стенобитных таранов.

— Могу заверить, что технических средств, имея в виду боевую технику, боеприпасы, верфи и ремонтные

базы, на небольшую войну хватит, — сказал он. — Дислокация их такова, что по меньшей мере в первый месяц войны значительная их часть, вероятно, не будет уничтожена противником. — Он выдержал паузу, почти равнодушно наблюдая вящее удовлетворение присутствующих. — Проблем с пополнением личного состава у нас также не предвидится, чего не скажешь о противнике, коль скоро Земля обеспечит блокаду Капли. Намного хуже обстоит дело с продовольственным обеспечением. Как раз об этом я недавно представил штабу подробнейший доклад...

— Мы помним об этом, — перебил флаг-адмирал. — Изложите самую суть, только покороче.

— Дэ, — сказал Адмиралиссимум и прикрыл веки.

— Как вам будет угодно. Позвольте напомнить: без импорта Капля существовать не может, ибо местные ресурсы и мощности по их переработке заведомо недостаточны для прискорбно большого числа едоков. Раз в десять дней мы получаем «утюги» с продовольствием и благодаря этому кое-как дышим. Сколько-нибудь серьезных запасов у нас нет. Сейчас в нашей зоне насчитывается около семидесяти тысяч человек, из них реальных работников не более сорока тысяч. Три тысячи андроидов также необходимы. Остальные — жены и просто женщины, дети, в том числе родившиеся на Капле, старики и некоторое количество человеческих отбросов. Словом, балласт. Избавиться от него, эвакуировав в метрополию на время боевых действий и на достаточно продолжительный послевоенный период, — насущная необходимость. Таково мое мнение как ведущего эксперта.

— Только-то? — пожал плечами флаг-адмирал. — Это легко выполнимо. Кстати, план предусматривает...

— Простите, я еще не закончил. Даже при безукоризненно точном выполнении плана импорт продовольствия с Земли придется увеличить в несколько раз. Лично у меня нет уверенности, что терминал сможет работать с полной нагрузкой во время боевых действий. Скорее, наоборот. Хочу пояснить свою мысль и еще раз напомнить, что наши возможности добычи местных ресурсов ограничены: ловля рыбы, съедобных водорослей, криля...

Вальдемар Мрыш откровенно зевнул.

— Кое-что синтезируется из неорганики, — невозмутимо продолжал Шелленграм. — Много выращивается в кустарных садках и на плавучих плантациях-пищекомби-

натах. Наконец, малую толику дает переработка того, что застревают на фильтрах ионообменников. Между прочим, Независимые с недавних пор наловчились выпасать на наших планктонных полях свои рыбные стада — как-то они ими управляют, а мы еще не имеем противоядия от этого разбоя. Но так или иначе, сейчас мы все еще можем обеспечить потребности нашей зоны примерно на шестьдесят процентов. Вынужден особо подчеркнуть: это при исправно работающем пищевом хозяйстве... Могу побиться об заклад, что противник проявит к нему самое пристальное внимание, едва начнутся боевые действия. Недавняя диверсия в отношении пищекомбината — наглядный тому пример. Учитывая вероятные трудности с импортом, голод практически неизбежен, однако я понимаю: высшие интересы должны превалировать над частностями... — Последние слова Шелленграм договорил намеренно сухим тоном, дабы никто из присутствующих не заподозрил издевки.

— И порядок чтоб был! — рискнул пискнуть Хиппель, встряв в паузу, и плаксиво заторопился: — А то что получается: я прошу партию сборных буксиров — мне присылают плавучую буровую с геологом в придачу. На кой ляд на Капле буровая?! Я отсылаю заявку на сотню рабочих андроидов — мне суют два десятка глубинных пилотов, вдобавок недоученных...

Никто не обратил на него внимания.

— Благодарю вас, — отозвался флаг-адмирал, обращаясь к Шелленграму. — Продовольствие, трудности с импортом — это мы учтем. Это важно... Больше ничего? Одним словом, вы как ведущий эксперт гарантируете решительный успех в войне при незначительных издержках?

— Нет, — сухо сказал Шелленграм. — В точности наоборот. Я гарантирую полный провал.

Адмирал Мрыш вскочил с места. Лицо его шло красными пятнами.

— Минуту спокойствия, Вальдемар! — упредил вспышку флаг-адмирал. — Господин Шелленграм, поясните свою мысль. Вы не верите в успех, мы правильно вас поняли?

— Темнит, понимаешь, — изрек господин Адмиралиссимус с закрытыми глазами.

— Абсолютно не верю.

Хиппель не успевал утираться платком. Остальные шестеро смотрели на Шелленграма кто спокойно-выжидающе, кто — с возмущением и гневом. Как на бельмо. Как на вредную букашку, заслуживающую ровно столько внимания, сколько необходимо, чтобы раздавить ее каблуком.

Игнорируя возмущение, Шелленграм позволил себе выдержать паузу. Интересы Федерации, престиж Земли... Акция возмездия, решительная и беспощадная, во исполнение высшего закона справедливости... Они привыкли прикрываться высокими словами. Они всегда ими прикрываются. Неужели люди в своей массе настолько глупы, что не могут разобраться в очевидном? Почему-то очень немногим из них удастся понять такую простую вещь: интересы Земли имеют мало общего с интересами этой пятерки. Кто они: хищники? Да нет, нормальные люди. Не маньяки, не злодеи, не опасные параноики. Негодяи? Ну что вы. Взлетите на пост, с высоты которого люди покажутся вам пылью под ногами, и с этой высоты попробуйте осудить себя и коллег... Земля на их стороне. О, они сделали чрезвычайно много, чтобы им позволили сыграть ва-банк: годами укрепляли нужные связи, заручались поддержкой могущественных политических сил и торговых империй, вряд ли ошиблись хоть раз, используя свое влияние для проталкивания вверх нужного человека, делились незаконными доходами... И им позволили рискнуть. Позволили начать войну, вместо того чтобы дать ход проекту космического супертерминала и забыть о Капле. Позволили и еще позволяют вложить в бойню много больше средств, чем стоил бы супертерминал, не заикаясь уже о такой ерунде, как человеческие жизни. Позволили и дальше делить бросовую жидкую планету, во что бы то ни стало сохранить Каплю для себя и остаться ее верхушкой...

Господи, как же я устал от них, подумал Шелленграм. Всегда и всюду одно и то же, вечный бег белки в колесе. Сволочи. Люди.

— Есть веские основания полагать, — сказал он, глядя им в лицо, — что командование зон Лиги и Унии имеет в своем распоряжении туннельную бомбу.

Давным-давно, когда человечество, однажды уже чуть было не исчезнувшее с лица Земли в случайном катаклизме, восстановило свою численность настолько, что освоение ближнего, а затем и дальнего космоса вновь обрело практический смысл, в пространстве Галактики было открыто явление во многом загадочное и невероятно полезное: туннельная сингулярность. Открытие произошло случайно: некий экспериментальный субсветовой корабль — громоздкий и хрупкий монстр, название которого забылось, — совершая испытательный полет на задворках Солнечной системы, внезап-

но и необъяснимо исчез и вынырнул неповрежденным в двух сотнях парсеков от родного светила. С перепуганным, но живым и здоровым экипажем. С не изменившейся ни на грамм массой топлива. С той же скоростью. Мало того: экипаж, приблизительно разобравшийся в ситуации, сумел вернуть корабль назад, погасив скорость и точно высчитав обратный разгонный курс!

Так или не совсем так — не важно — была открыта туннельная сингулярность и первый (из сотен известных) стабильный субпространственный Канал — легкая дорога к звездам, увы, чаще всего проложенная не туда, куда хотелось бы, и потому отнюдь не прямая. Столетие спустя, когда туннельные перелеты стали самым заурядным делом, никого не удивлял рейсовый маршрут из трех-четырех нырков в Каналы, прерываемых неделями путешествия в обычном пространстве где-нибудь за три спиральных рукава от места назначения.

Такое положение дел устраивало всех — до поры до времени. Строительство всепространственных кораблей, индуцирующих искусственную сингулярную трубку, в принципе возможное, но никак не оправданное экономически, было отложено до лучших времен. Сама идея казалась красивой безделкой.

Как водится, лучшие времена обернулись худшими. Не успела окончиться война землян с сепаратистами, как флоты, состоящие из всепространственных боевых кораблей и военных транспортов, имели и Земля, и Лига, и даже небогатая Уния.

Туннельная бомба появилась много позднее. Как случается чрезвычайно редко, но все-таки случается, индуцированная сингулярность впервые послужила человеку для целей хотя и разрушительных, но все же не чересчур фатальных. Не человек был тому причиной — технические трудности.

Компактное устройство, не превышающее объемом обыкновенной тактической боеголовки, отличалось от ходовой части всепространственного корабля одной особенностью: оно индуцировало не Канал, а засасывающую сингулярную воронку. Со входом, но без выхода. Путь в никуда, отчасти похожий на черную дыру.

Противопланетное оружие.

Некоторые теоретики утверждали, что выход из воронки все-таки есть. Где-нибудь в иной галактике или, что вероятнее, в ином пространстве. Слабое утешение для жертв.

Никто и никогда не применял туннельное оружие в битвах космических эскадр — по той же причине, по **251**

какой мух уничтожают мухобойками, а не фугасами. Никто еще не использовал бомбу по прямому назначению — иногда по отсутствию подходящего случая, чаще из боязни аналогичного ответа.

С десяток никчемных астероидов и одна холодная газовая планета послужили полигонами для испытаний. Астероиды исчезли практически мгновенно; всасываемую планету корезило несколько секунд. Не осталось ничего, даже коллапсаров — воронки схлопывались спустя малое время, зависящее от мощности боеголовки.

Мирные соглашения между Землей, Лигой и Унией ограничивали базирование туннельного оружия одной планетной системой с каждой стороны. Официально туннельного оружия на Капле не существовало — фактически Поглавок имел на борту один туннельный заряд. Разумеется, имел — глубоко под ватерлинией, в нижнем трюме, под охраной особо отобранных оболванцев из внутренней гвардии, не знающих, что они охраняют. Не самое рациональное место. Шелленграм был уверен, что Адмиралиссимус, тогда еще находившийся в относительно здоровом уме, категорически не пожелал разместить боеголовку поблизости от своих апартаментов. Будто не все равно.

Один короткий миг Шелленграм, удивляясь сам себе, наслаждался реакцией присутствующих. Они опешили. Так удар молотом по лбу останавливает неудержимый, казалось бы, бег атакующего быка. И бык падает...

Эти не упали. Несколько секунд оцепенения — и вот уже дергает щекой Мрыш, наливается кровью лицо Риенци, криво ухмыляется Велич, бледнеет Монтегю, а несчастный Хиппель пытается еще чуть-чуть уменьшиться в объеме, хотя и без того съежился до предела... Шумно дышит Лавров-Печерский.

— Вы... вы отдаете себе отчет?.. Вы уверены?

— В случае войны Капля может погибнуть, — подтвердил Шелленграм.

— Чтэ? — рыкнул Адмиралиссимус, невольно разряжая обстановку, и зашевелился в кресле. — Кто может? Почему без приказа? Будем наказывать, понимаешь. Тэк нельзя. Во-от.

Флаг-адмирал, сердито взглянув на Шелленграма, наклонился и что-то зашептал в ухо его высокопревосходительства. Тот дважды качнул головой, обмяк и снова прикрыл веки.

— Я полагаю, господин... э-э... Шелленграм не откажется дать объяснения, откуда у него такие сведения, — проскрипел Монтегю, ни к кому не обращаясь. — На-

сколько я понимаю, разведка флота располагает... м-м... прямо противоположными данными. Или мы вас неверно поняли, Любомир?

Велич уколол Шелленграма неприязненным взглядом.

— Вы поняли правильно, Конрад. А вот я, кажется, чего-то не понимаю. Откуда у отдела Перспективного Планирования могут быть сведения о противнике? Может быть, ведущий эксперт соизволит высказаться?

— Они нас не боятся, — заговорил Шелленграм. — Ни лигисты, ни униаты. Они совершенно нас не боятся. Наш отдел вынужден собирать информацию о северных соседях просто для того, чтобы успешно выполнять свою работу, но кое-какой дополнительный анализ данных, включая архивные, — моя личная инициатива. Наглость северян просто не может иметь иного объяснения, кроме наличия у них туннельного оружия. В зоне Лиги — бесспорно, в зоне Унии — вероятно, у Независимых — крайне сомнительно. Подробный анализ действий соседей позволяет предположить: зона Лиги получила туннельную бомбу шесть-семь лет назад.

Вице-адмирал Монтегю уронил челюсть.

— Иными словами, раньше нас?!

— Не намного, но раньше. Я понимаю: стратегическая боеголовка испарит любой из Поплавков за одну-две секунды — время явно недостаточное для принятия решения о возмездии. Разумеется, можно подвести боеголовку к терминалу в челноке или грузовой ракете, обманув систему распознавания, — полагаю, это вполне решаемая, чисто техническая задача... Но кто даст мне уверенность, что туннельные заряды северян размещены именно на Поплавках? — С высоты своего роста Шелленграм обвел взглядом присутствующих. — Позвольте закончить. Лично мне представляется мало-мальски перспективной лишь одна стратегия войны: в союзе с Лигой и Унией поделить Независимую зону. Такой союз возможен: тарифы Независимых надоели не только нам. Война будет выиграна быстро и малой кровью, мы усилимся за счет приобретения новой акватории и ее ресурсов...

— Лигисты и униаты тоже усилятся, — скрипнул Монтегю.

— Да, — подтвердил Шелленграм. — Это неизбежно.

В наступившей тишине было слышно, как господин Адмиралиссимус тонко свистит носом.

— Это официальная позиция отдела Перспективного Планирования? — осторожно осведомился флаг-адмирал.

— Дэ, — неожиданно сказал Адмиралиссимус, не поднимая век.

Флаг-адмирал поморщился.

— Нет, — возразил Шелленграм. — Я уже говорил: это мое мнение как ведущего эксперта. Мое личное мнение. Только мое.

Адмирал Лавров-Печерский с шумом выдохнул воздух. Ужас оборачивался пшиком, и сидящие расслаблялись. На лицах появились улыбки. Вредное насекомое само подставило себя под каблук, и теперь под черепными коробками ворочались ленивые мысли: растоптать сразу или позволить еще поползть?

— Может быть, передать вашему отделу функции разведки? — съязвил Велич, вызвав смешки. — По-моему, вы об этом мечтаете.

— Не возьму, — холодно отпарировал Шелленграм. — Это не интересно. У меня другая работа.

— Так и занимайтесь ею, черт вас возьми, а не мутите воду! Противник блефует, а тут выискался ясновидец: бомба, бомба...

— Расстреливать перестраховщиков, — буркнул Риенци.

— В мое время умников топили, — охотно отозвался Лавров-Печерский. — Поставят, бывало, на уступ...

— Тише, тише, господа, — вмешался флаг-адмирал. — Попрошу обойтись без резкостей. Мнение ведущего эксперта выслушано и принято к сведению. Господин Шелленграм, вы удовлетворены? Вот и хорошо. Вас и господина контр-адмирала мы больше не задерживаем, можете вернуться к своим обязанностям. Итак, продолжим...

— Не страшно было? — шепотом спросил Хиппель, когда, пройдя через три приемные, они покинули апартаменты его высокопревосходительства. — Вы меня иногда просто поражаете, Гундер...

— Страшно, — улыбнувшись, ответил Шелленграм, потому что утирающийся платочком Хиппель ждал такого ответа. — Очень.

— С вами опасно рядом стоять, вот что я вам скажу. Для чего вы все время высовываетесь, а? Чувство долга обязывает или голова не дорога? Ну чему вы, собственно, улыбаетесь?

— Проницательность не порок, а большое неудобство для окружающих. Угадали: и то, и другое.

— А подите вы с вашим юмором, висельник! Что

254 вы теперь намерены делать?

От Хиппеля едко пахло потом. Небось сбросил килограмма два, подумал Шелленграм. В ванну бы его, а мундир — в стирку...

Он пожал плечами.

— Вернуться к своим обязанностям, что же еще. До встречи, Курт.

Обратный путь Шелленграм проделал пешком по наружной поверхности Поплавка, карабкаясь по трапам с уступа на уступ и с удовлетворением отмечая отсутствие одышки. Всякому известно: если после года жизни на планете с тяжестью менее половины земной хочешь избежать атрофии мышц — не сиди сиднем. Ежедневные восхождения поддерживали форму лучше беговой дорожки, а если не было вызова или срочных дел внизу, он карабкался вверх, с удовольствием проходил сквозь запретные ярусы, пользуясь имплантированным под кожу служебным пропуском, и нередко добирался до вершины уступчатого конуса, где ноги скользили по влажному, почти всегда окунутому в облака металлу и уже чувствовалось разрежение воздуха. Но сейчас он просто шел домой.

Некоторое время его мысли занимал Хиппель, маленький человек с развитым нюхом, почувший в дерзости эксперта некую силу и, вероятно, могучие тылы, за которые не грех подержаться, и шарahnувшийся бы от него, как от зачумленного, узнай он правду. Потом Хиппель пропал из головы.

Сегодня скользкая слизь покрывала все: рифленую поверхность смотровых и служебных уступов, ступени трапов, поручни. Вершина Поплавка скрывалась в слоистом облаке, плоском и бесконечном, накрывшем, казалось, половину Капли. Накрапывало. На высоте гулял сырой ветер, швырял в лицо дождевую пыль. Слегка штормило — баллов в пять, не больше, и едва заметно вибрировал металл под ударами волн. Милях в пяти к востоку, вполне прилично различимый, беззвучно поднялся столб воды, чуть дальше — еще один, и еще: выдерживая график, приводнялись беспилотные «утюги», те самые, о которых сегодня шла речь. Водяная пыль сожрала звуки. Далеко внизу от ватерлинии Поплавка отвалила флотилия буксиров. Обычная деловая суета, обыденная рутина...

А ведь скоро все будет иначе, подумал Шелленграм. Нет иных вариантов. Зачем я полез искать на свою шею приключений, неужели только для того, чтобы испортить им настроение? Убеждать их — бесполезно, драться с ними на уничтожение — бессмысленно, ибо найдутся новые. Любомир Ве-

лич торжественно подтвердит, что разведка не располагает сведениями о наличии туннельной бомбы у северян и не предполагает того, чего не может быть в принципе. И они успокоятся. Очень скоро Поплавок станет местом, из которого всякий нормальный человек — не оболванец — будет рад поскорее унести ноги, но до того... До того начнется виденное десятки раз: перегруппировка сил, планирование и исполнение, всеобщее вранье, не способное никого обмануть, попытка сжать в кулак дряблую пятерню, попытка избавиться от балласта, в особенности от штатских — одних как можно быстрее спровадить в метрополию под любым благовидным предлогом, других приставить к делам более насущным, третьих — их мало — во избежание вони не трогать вовсе, и, кстати, не худо бы приглядеться к этому эксперту, Шелленграму, — удивительно неприятный тип, господа, вдобавок много знающий и не наш... Ваше мнение? Вы ведь дадите Величу санкцию взять строптивца под особый контроль и при необходимости принять меры самостоятельно, не правда ли? Я так и думал. А не дадите — Велич обойдется и без вашей санкции...

— Зубы обломаете, — сказал он в вой ветра.

Он засмеялся, с внезапной ясностью поняв, что побудило его швырнуть им в лицо правду. Беспокойство о сотне-другой тысяч человеческих особей? Да, и это тоже. Хотя, казалось бы, не тот предмет, чтобы обращать на него специальное внимание. Но главное — он получил удовольствие, видя их растерянность. Ради этого стоило постараться. И еще — он устал жить спокойно.

Рев сирены оборвал его смех. Шелленграм остановился посмотреть на океан. Там, где вдали качались на волнах «утюги» и куда ушли буксиры, из-за размытого горизонта выростала гигантская волна. Оповещение о гидросейсме, разумеется, пришло с опозданием... Гидросейсм — явление редкое и малоизвестное, в отличие от желтого прилива случающееся с равной вероятностью и в тропиках, и здесь, в умеренных широтах. Слабый сейсм, волна так себе... Поплавок ее и не заметит, «утюгам» тоже ничего не сделается, а вот буксиры... Шелленграм видел, как их один за другим поднимало на гребень волны. Кажется, обошлось... Нет, один опрокинулся. Остальные идут на помощь... Может быть, успеют выхватить людей из воды живыми... Все равно отсюда ничего не видно, узнаю из сводки...

Волна оказалась все же большей, чем он предполагал, — Поплавок вздрогнул, по металлу прошел дол-

гий ноющий гул. Взянул сигнал отбоя тревоги — значит гидросейсм был одиночным, родившим, как всегда, только одну кольцевую волну. Иногда, очень редко, бывают серии сейсммов, еще менее изученные, вздымающие вавилонские столпотворения валов. Как многие другие, Шелленграм знал, что лет сто назад после серии рекордных по силе сейсммов была отмечена волна километровой высоты.

— Понять не можете, — пробормотал он, не в силах отвлечься от пустых мыслей, — а туда же — делить приспичило...

Полчаса восхождения по скользким трапам на палубу Дзета-144 насквозь пропитали одежду влагой. Переменив волглый костюм на сухой, господин Гундер Шелленграм спустился на три палубы ниже, в глухую, нефешенебельную часть сектора Гамма, и посетил одну из ничем не примечательных кают. Оттуда он вышел, имея в ухе горошину с записью. Записанный разговор происходил сегодня утром между Любомиром Величем и его ближайшим подручным, подполковником Андерсом, целиком касался некоего лейтенанта Альвело из четвертого патрульного отряда погранфлотилии и был настолько интересен, что господин Шелленграм даже пропустил время ужина.

Глава 4

Инженер-мнемотехник, качая головой, разглядывал кубометр, наполненный белым туманом. Голографическое изображение не было неподвижным — туман клубился, в нем возникали неожиданные потоки и завихрения, возникали и размывались ажурные волокна, он поднимался вверх тонкими струями и, накопившись, опускался вниз весомым пластом. Картина была удивительная, завораживающая, и, бесспорно, она была уникальной и многообещающей с точки зрения практической психомнемографии, однако в душе инженера она не вызывала ничего, кроме ощущения скверно выполненной работы. Или даже не выполненной вовсе.

Туман. Вместо сложнейшего трехмерного узора, стройного или путаного, смотря по индивиду. Вместо привычной картины человеческого «я», вместо инстинктов, **257**

мыслей и памяти — не столь уж большого массива данных, из которого программа сортировки скоренько отберет интересное. Ничего, кроме тумана.

Инженер поморгал, отгоняя наваждение. Затем на несколько секунд крепко зажмурился и осторожно разомкнул веки. Картина не изменилась.

— Прогони-ка еще разок тест, — велел он лаборанту.

— Нет проблем.

Тест не подтвердил предположение о неисправности аппаратуры. Строго говоря, тест был излишним: мнемоаппаратура высшего класса чувствительности обладала изумительной надежностью, сама устраняя неполадки. Скорее мнемооператор увидит галлюцинацию, чем техника покажет не то, что разглядела в темном мозгу испытуемого. Притом не может же одна и та же галлюцинация мерещиться сразу двоим! Чудес не бывает.

Щипать себя за ухо, чтобы проснуться, инженер не стал и тем самым поверил в чудо.

— Впервые вижу такую ментограмму, — проворчал он. — Кто он такой, этот тип?

Лаборант скосил глаза на монитор.

— Некий Филипп-Мария... тут до черта имен... Альвело, лейтенант погранфлотилии всего-навсего. Интересно, а чего это они к нему прицепились?

— Бесплатный совет хочешь? Поменьше спрашивай.

Лаборант хмыкнул.

— Еще одна проба, а?

— Давай. Копнем поглубже, хуже не будет. Глянь, как там испытуемый.

— Чего глядеть-то? — Лаборант, однако, взглянул. — Как положено: сидит, скучает. Нормальный оболванец, служака. Не взглянешь на него, так можно подумать, что он под наркотой. Вон на ментограмме муть одна...

— Не бывает такой наркоты, — буркнул инженер, запустив повторное считывание. — Пора знать.

— Мнемоблок?

— Без всяких следов подсадки? И чтобы наша аппаратура его не сломала? Думай, что говоришь. Если это просто новый тип мнемоблока, то я Адмиралиссимус. Тут что-то другое...

Когда кубометр тумана исчез и спустя секунду сменился другим, в точности таким же, инженер непристойно выругался.

— С такой ментограммой ему не пилотом слу-

258 жить — валяться в клинике, пузыри пускать и под

себя делать. У новорожденного в башке больше информации. Ох не зря им заинтересовались... прелюбопытный сукин сын. Чую, возьмут с нас особую подписку о неразглашении... Э! Стоп! Ты его не узнаешь?

— Как не узнать, знакомое рыло.

— То-то и гляжу, что знакомое. Не может быть, чтобы мы в прошлый раз с ним напортачили... А ну-ка еще раз, по форме «макси», и отпустим его.

— На форму «макси» нет санкции, — унылым голосом напомнил лаборант.

— Обойдется. Когда еще такого уникама увидишь... Лень работать — отойди! Моя ответственность.

Считывание ментограммы занимает секунды — обработка, да еще по форме «макси», по идее, позволяющая выуживать из мозга все, что человек когда-либо видел, слышал или думал, идет значительно медленнее.

Несколько минут инженер смотрел в вожделенный кубометр мутного воздуха, нетерпеливо барабанил пальцами по крышке стола. Затем неожиданно и громко икнул.

Сгустившись из тумана, на него смотрело объемное изображение контр-адмирала Джильды Риенци в самом похабном виде.

Лаборант перестал слоняться из угла в угол и радостно взгоготнул. Инженер поставил рукой на место отпавшую челюсть.

— И это... все?

Вопрос был риторический, и лаборант пожал плечами, давая понять: он не соломинка, чтобы за нее хвататься, его дело — сторона.

— Кхм. Все. До дна. Глубже, пожалуй, только коленный рефлекс.

— Сотрем и попробуем снова, а? — На этот раз голос инженера прозвучал неуверенно. Ощущать свою беспомощность — занятие не из приятных.

— Испытуемый уже ушел. Вернуть? — Лаборант скорчил гримасу.

— Нельзя: инструкция... А и ладно!.. — Инженер решительно хлопнул ладонью по столу. — Что есть, то и покажем, при чем тут мы? Представляю себе их лица... — Он поморщился и вдруг открыто ухмыльнулся. — А главное, этому типичу, Альвело, даже диффамацию невозможно пришить, потому что никому не известно, как он это делает и делает ли вообще... Черт побери, ну и денек!..

В спальняй каюте контр-адмирала Джильды Риенци было душно. Горел ночник, освещая импортированные из метрополии мебельные излишества: полочки, тумбочки, гигантский резной шкаф настоящего мамонтова дерева, антикварный туалетный столик с инкрустациями... И разумеется, кровать — обширнейшее мягкое лежбище, предназначенное минимум для пятерых, что иногда и бывало.

— Ну иди ко мне, поросенок, — хриловатым шепотом позвала Джильда. — Ну иди же...

За последние три часа Филипп слышал эту фразу в шестой, кажется, раз. Он не был уверен. Может, и в седьмой. Да и кому нужно вести счет? Все равно Джильда не отпустит, пока не вычерпает до дна, и завтрашня судьба жертвы — ходить раскорякой, а то и лежать пластом, держась за гениталии и проклиная шепотом день, когда появился на свет. Изголодавшийся по женщине глубинник, вернувшийся с патрулирования, — самый лакомый кусочек.

Филипп на четвереньках переполз кровать. Задранные вверх белые ноги Джильды вздрагивали от нетерпения.

— Ну где ты... Хороша я, а?

— Нет слов, — соврал Филипп. Слова-то у него как раз вертелись на языке, за год службы их накопилось в голове достаточно, а вот чего не было, так это уверенности, что госпожа контр-адмирал воспримет их как комплимент. Скорее наоборот. Хотя формально — все при ней, не придерешься, а что опротивело тебе спать с ненасытной властной шлюхой — кого интересует? Изволь соответствовать, если желаешь нормальной службы, а не охоты за полудохлыми торпедами в Гольфстриме или постыдного прозябания в ремонтных доках. Не зря половина четвертого отряда коротает время между патрульными рейдами на дальних базах и без приказа на Поплавок носа не жает.

Он зарычал, набрасываясь на женщину и зная, что Джильде это понравится. Получилось почти как надо. Кувыркаясь в объятиях контр-адмирала, он подумал о том, что не сегодня-завтра на Каплю должна прибыть новая партия свежеиспеченных глубинников. Скорее бы уже... Потом он оказался снизу и дышал ртом, чтобы не чувствовать пропитавших кровать запахов, а Джильда, разгоряченная и тоже шумно дышащая, упражнялась в верховой езде, напоминая вертикальную палочку в знаке перпендикуляра. Потом она упала на него, скользя ок-

руглым потным животом по его животу, и думать о чем-либо, кроме «когда же наконец это кончится?», стало невозможно. К счастью, кончилось достаточно быстро. Джильда отвалилась и, слегка отдышавшись, хрипло приказала:

— Отдыхай...

Одеяло сбилось в ноги и скрутилось в жгут. И то хорошо, что Джильда на этот счет строга — заставляет трахать себя в постели, не где попало. Флаг-офицер Людмила Прокопович, исполняя роль «пробовательницы» новичков, куда как менее разборчива — в походе не брезгует и торпедным аппаратом, коли нет свободной каюты...

Филипп знал, что Джильда не насытилась. Еще никто и никогда не видел ее насытившейся, чего не скажешь о подчиненных ей по службе глубинниках. Однажды Павло Христюк, всем известный умник, страдающий словесным недержанием, под общий гогот офицерского собрания сострил, что Джильда Риенци никогда не получит в командование флот, ибо неминуемо доведет личный состав до полной утраты боеспособности. Спустя месяц — контр-адмирал Риенци не любила спешить — умник загремел в штрафники по самому пустяковому поводу. И не вернулся из Гольфстрима. Не всякая шутка хороша для Джильды.

«Может, прав Петр, что брезгует? — подумал Филипп. — Первый в его жизни поступок, хотя и половинчатый: по трюмным-то девкам он бегаёт. Но Анну свою не забыл, скучает отчаянно, все еще верит в правило: через год безупречной службы можно ходатайствовать о том, чтобы выписать на Каплю жену, через три года родить детей, через пять лет — завести домашнее животное не крупнее кошки. Осталось ждать совсем немного, а рапорт с ходатайством у него давно готов...»

Наивный, трогательный дурачок... Сам выбрал ремонтные доки — позорище для глубинника... Заодно он мечтает перевестись из погранфлотилии на полярную базу. Кто из глубинников об этом не мечтает после полугода службы? А кто говорит, что не мечтает, тот врет. Зимой полярные льды тают, а вот летом на полюсе праздник: целых полгода — местных полгода, не земных! — можно не плавать, а просто ходить пешком. По тверди, пусть ледяной. Хоть за горизонт. Никто из землян и не поверит, что высшее счастье человека — никогда не видеть этой воды, этой жидкой, как медуза, противоестественно огромной Капли...

Жаль, что граница не проходит по меридиану и пограничникам во льдах делать нечего.

— Отдохнул? — осведомилась Джильда. — Пять минут лежишь.

— Нет еще.

— Ах ты, поросенок! Устал, беденький? Неужто твой корешок совсем-совсем выдохся? А если я ему помогу?

— Бесплезно.

— Что так?

— Кажется, иссяк, — вздохнул Филипп, стараясь изобразить сожаление. — А откуда что возьмется? Сперва дрейф на голодном пайке, потом этот арест на «Баклане»... Не способствует. Кстати, интересно знать: почему меня подобрали только на девятый день?

— Дурачок, нашел о чем спрашивать... Ведь вернулся ко мне? Ведь жив?

— Жив-то жив, а только свинство это.

— Свинство не обращать на меня внимания. Ну иди сюда...

Филипп вздохнул.

— Еще пять минут, ладно?

— Лейтенант Альвело, подите вон. — Сладострастная улыбка еще не сошла с лица Джильды, а голос уже стал по-деловому сух. Прикрыть свое роскошное тело она, впрочем, и не подумала, как делала всегда, — новички шалели от контраста. — Одевайтесь. Приказываю идти отдыхать. По пути найдите мичмана Харитонову и срочно вызовите сюда. Ясно?

— Так точно, — сказал Филипп, прыгая на одной ноге и яростно пытаясь пропихнуть в брючину вторую. Его словно ветром сдуло с постели, и он не скрывал радости, зная, что Джильде в общем-то наплевать. — Из-под воды достану.

Он действительно нашел указанного мичмана и имел сомнительное удовольствие полюбоваться его вмиг вытянувшейся физиономией. Затем доковылял до своей койки в офицерском общежитии. Хотелось разыскать Петра, но на это не осталось сил. И главное, он ничего не узнал! Опять ничего. Его подставили — это ясно, но кто? Зачем? А ведь в надежде получить ответ он шел на вызов Джильды почти с охотой, чуть ли не в припрыжку бежал, идиот! Он забылся — а контр-адмирал Риенци не забывается и в койке...

Пока было ясно только одно: внешне Джильда не придает большого значения инциденту — рядовое происшествие, сколько их было, сколько еще будет...

Так ли уж она безразлична на самом деле? Ее кап-сула, ее подчиненный, а за здорово живешь терять

людей в мирное время — дурной тон. А может, у лейтенанта Альвело просто-напросто чересчур шустрое воображение?

Черта с два, подумал он.

За переборкой шумели — наверное, небольшая компания умудренных жизнью старослужащих, дойдя до нужного градуса в баре и разумно решив не мозолить глаза полицейскому патрулю, добирала кондицию в жилом отсеке, под треск разрываемых на груди фуфаек перечисляя свои заслуги, считаясь рейдами и ранами и сетуя на несправедливость судьбы. Драки пока не было.

Филипп, морщась, перевернулся на другой бок. Жив — и хорошо, верно сказано. И тут надо очень крепко подумать, прежде чем начинать трепыхаться, — опасно лезть в игры тех, кто сильнее тебя. Если быть уверенным, что бросили подыхать в первый и последний раз, еще можно простить, можно успокоиться... Да и безопаснее. Но кто даст такую уверенность?

«Узнаю, — сказал он себе. — Расшибусь, а узнаю, кто это сделал и почему. И кто приказал. А тогда — помогай им бог».

Только это я решил, что прощать не стану, как голова моя холодной сделалась и озноб прошел. Ну, я это дело по себе хорошо знаю: покуда колеблешься — мучаешься, а как решил — не важно что, но твердо, — сразу гора с плеч и глупые мысли побоку. Тут как в капсуле: думать надо, правильным рефлексам не мешать еще больше надо, а задумываться вредно. Тех, кто шибко задумывался, давно в Вихревом поясе дочиста разъело, мир их раствору.

Разложил я в голове вопросы по полочкам — вспухли мозги, сил нет. Старые вопросы без ответа — а тут здрасьте, новые лезут. Ворочаюсь, заснуть не могу.

Во-первых, кроме этого глиста Андерса, меня до сих пор никто толком не выслушал, даже Джильда, а я-то думал — минуты свободной не будет, только успевай давать объяснения да расписывай патрулирование по минутам. Ну, это, может, мне еще предстоит, не сегодня, так завтра. А зачем меня в таком случае везли сюда сломя голову? Это во-вторых. Ради того, чтобы Джильда меня трахнула?

Допустим, ради ментоскопирования. Может, потому и не вызвали до сих пор пред ясны очи. Это в-третьих. И то сказать, ментоскопирование вышло какое-то странное: минут двадцать в кресле мурыжили. Чего ради? Я в Центре на Сумбаве был знаком с одним мозгокопом, так он мне

говорил, что для снятия ментограммы любой глубины нужны секунды, будь ты хоть гений, хоть последний кретин — аппаратуре без разницы. И еще тот долговязый шпак, мимо которого я прошел на посадочной палубе, как-то странно на меня посмотрел, вроде бы и неспроста... И вроде бы я его видел раньше пару раз. Он-то кто?

Петра я нашел на следующий день. В ремонтных доках Поплавка вахтовая карусель: сутки маешься — сутки твои, а иной раз и двое суток отдыха перепадут. Петр уставший, только-только вахту сдал, под душем отмылся, осталось стопку-другую на грудь принять или, может, еще девку поискать, какую почище, а потом выгнать стерву — и баиньки. Я тоже не лучше: полночи кувыркания с Джильдой сказываются, и кошмары замучили, почти не спал. Снилось мне, будто Поплавков наш — не конус на полусфере, а вовсе куб, вдобавок куда меньших размеров, и в том кубе такая резня идет, что волосы дыбом. Потом кошмар пошел по нарастающей, да так, что я даже досматривать не захотел, проснулся в такой тоске, что хоть вой по-собачьи. На луну бы завыл — да нет луны у Капли. Поспишь с такими снами.

Петр и живет тут, возле доков, седьмая палуба ниже ватерлинии. Меня увидел — обрадовался.

— Живой? Тут говорили: пропал ты.

— Не надейся, — смеюсь. — Кто бы тебя поил? — И достаю из-под кителя ее, родимую, контрабандную, втридорога купленную. По земным меркам, то еще поило, конечно. Однако никто пока не умер.

Петр с готовностью достает вторую. Ну, раз такое дело, в бар идти незачем.

— Ну, за твое возвращение, — говорит. — Повезло тебе. Удачных всплытий!

Я чуть было и ему того же не пожелал. А какие у ремонтника всплытия? Какие погружения? Обидится ведь, а это не по мне. Кто Петра обидит, того я сам обижу, не откладывая.

Уговорили мы одну бутылку, вторую уговариваем. Петр любимым делом занят: жалуется на жизнь, и глаза тоскливые, как у нищего. Про последнюю свою девку изложил в подробностях: «Холодно в том трюме, как в леднике, сто лет не чищено, отовсюду капает, сталактиты выросли, женщина подо мной ледяная, пуп на пуп не попадает» и «колготки я ей сгоряча пробил, а трусов там и не было» — а дальше,

264 понятное дело, про свою Анну и про то, какой он под-

лец и какое мерзкое насекомое. Чем дольше он служит на Капле, тем охотнее впадает в меланхолию. Тошно слушать.

Раньше-то я его иногда расшевеливал. Ради такого дела не грех и поскандалить, и драчку организовать, если уверен, что тебя не сильно побьют. В крайнем случае просто рассказать байку посвежее. Но сейчас я не стал ему вкручивать про секс в гидрокостюме, а сразу перебил вопросом:

— Есть у нас в штабе капитан-лейтенант Андерс?

— В штабе четвертого отряда? — переспрашивает Петр, задумывается и моргает. — Точно нет. А что?

— В оперотделе штаба погранфлотилии, — уточняю.

— А я почему знаю? Тебе это очень надо? — Я кивнул. — Тогда посиди тут, я спрошу.

Минуты через две он вернулся. Я и не удивился: Поплавок не вселенная, тут каждый человек на виду и всегда найдется кто-то, кто знает.

— Нет такого в штабе, — говорит. — И не было никогда. А тебе зачем?

— Незачем. Ты у кого спрашивал?

— У Юкконена.

Ну да, думаю, верно, у кого же еще. Юкконен — бывший адъютант, и связи у него, наверное, остались. Информированный парень, полезный, хотя и нагловат.

— А где он сейчас?

— Да тут, рядом. С механиками собачится — блок cerebroуправления, говорит, полетел. Да что тебе вообще нужно?

— Будь другом, — говорю, — сходи к нему еще раз и спроси, не знает ли он, откуда этот Андерс — такой блеклый весь, невзрачный, сонный как будто... — и все приметы Глиста перечислил, какие вспомнил.

Петр меня хорошо понимает — спорить не стал, пожал плечиком, пошел вдругорядь. Вернулся серый, лицо не на месте — я даже испугался.

— Ты что, влип во что-то? — спрашивает шепотом.

— Нет, а что?

— А то, что твой Андерс никакой не капитан-лейтенант, а подполковник контрразведки. Для чего он тебе?

— Не он мне, а я ему. Он-то меня на Поплавок и доставил.

— Ничего себе, — комментирует Петр. — Слушай, ты правда ни во что не влип?

— Клянусь, — говорю. — А если что, тебя за собой не потяну, будь спок.

Он махнул рукой — мол, «за кого ты меня принимаешь» да «пропадать, так с музыкой», но я-то вижу: обрадовался мой приятель. Ничего удивительного, я бы тоже обрадовался на его месте.

Молчу, пью, думаю. Интересные дела получаются. Я патрулировал участок границы, меня бомбили. Бывает. Может, чужак и бомбил, если в его шахтах не тактические ракеты, а кассеты с глубинными «гостинцами». Правда, чтобы устроить такой «ящик», в какой я попал, он, по идее, должен был опустошить шахты до последней. Я бы на его месте не рискнул так оголяться. Ну ладно. Девять дней я ждал помощи и не дождался, пока чужак не наткнулся на меня при отходе к своим после успешной диверсии. Случайно он наткнулся на меня или ему оставили единственный коридор? Если это так, то становится понятно, почему на «Черном Баклане» меня сразу взяли под арест, ничего не объяснив и не выслушав объяснений: растерялись, ждали инструкций... Они ожидали найти пустую капсулу, никак не меня, потому что с вероятностью процентов девяносто я должен был угодить в плен, а с вероятностью процентов десять — верноподданно застрелиться. Выходит, меня использовали сознательно и хладнокровно, как мелкую одноразовую детальку: попользовался — и выбрасывай... Не предусмотрели они только одного: что чужак окажется человеком и слегка поплюет на долг ради уважения чужой чести и простого человеческого сочувствия...

Этого им не понять, конечно. Я и сам с трудом это понимаю, но все-таки получше, чем они, все-таки я глубинник, а не тыловой стратег. Зато очень даже понятно, отчего мною вдруг заинтересовалась контрразведка.

Приятного мало, конечно. Но тут меня еще одна идея осенила.

— Слушай, а еще разок не сходишь? Надо узнать про одного шпака... — И знай себе сыплю приметамы того долговязого, что на меня вчера zenки пялил. Скорее всего пустышка, конечно. Мало ли отчего шпаки на людей тарашатся?

Петр только пальцем у виска покрутил — однако пошел. Друг настоящий, верный, а я ему жизнь усложняю. Вернулся в недоумении. Юкконен, оказывается, долго не мог понять, о ком идет речь, а потом вспомнил: какой-то Шелленграм из отдела Перспективного Планирования, больше он ничего не знает, и не сделал бы Петр одолжение пойти в задницу со своими вопросами? Петр и пошел.

Ну ладно, думаю, планирование все-таки лучше, чем контр-разведка. Во всех смыслах лучше. Если только я не трепыхаюсь попусту насчет этого Шелленграма, что скорее всего.

— За твоё здоровье, — поднимает стопку Петр. — За твою удачу. Пусть о тебе забудут.

— Изыди, злоречивец, — говорю ему. — Я пятнадцать лет в лейтенантах ходить не собираюсь. Пер августа ад августа, как говорили эти латиняне, то есть если в теснинах не накроет обвалом, к вершинам как-нибудь выберусь...

Тут он как-то странно на меня посмотрел, а я и сам удивился. Этакой фразы, да еще с латынью, я от себя никак не ожидал. Притом спьяну.

Так я Петру ничего толком не рассказал — допили мы остатки, он уже и не очень слушал. Баиньки ему пора.

Поплавок ниже ватерлинии то еще место: темновато, сыровато, планировка идиотская. Не радиальная, как на «положительных» палубах, и не коридорно-ячеистая, а какая-то анфиладно-закуточная, что ли. Анфилады и закутки. До черта труб над головою, в трубах журчит и булькает, насосы опреснителей гудят. Широченные каналы ходовых водометов — хордами — от борта к борту. Основной и вспомогательные реакторы, маршевые двигатели, верфи, доки, шлюзы, распределители подпитки системы регенерации — повсюду запретные зоны, лучевые барьеры и охрана. Целые палубы — ремонтные мастерские и кое-какое сборочное производство. Резервная энергосистема, использующая разницу температур подводной и надводной части обшивки... Возле самого дна — неперемная тысяча-другая тонн льялых вод. Добавить сюда же балластные цистерны и всю хитроумную гидравлику тройного демпфирующего борта — казалось бы, для людей места нет и быть не может. Ан нет, по документам, ниже ватерлинии живет без малого две тысячи человек, а по слухам — от трех до пяти тысяч. Все-таки Поплавок ненормально велик.

Три тысячи неучтенных людей — это вряд ли. Не прокормятся. Но лишняя тысяча в трюме вполне может жить.

Лишние...

Непонятны они для меня, вот что. И всегда были непонятны и неприятны. Шваль болотная. Уволенные со службы, не ждущие в метрополии кисельных берегов, спившиеся контрактники, на кого махнули рукой, неудачливые аборигены Капли, космические «зайцы» — обычно шлюхи последнего разбора, всякий разный сброд...

Вместо трюмных крыс — люди.

В любом земном порту вычистить сколь угодно крупное судно от посторонних — не столь простая, но в принципе решаемая задача. На Капле все иначе. Старожилы уверяют, что последний полицейский рейд имел место лет пять назад. Тогда не обошлось без стрельбы, однако какое-то количество лишних было отправлено в метрополию спецрейсом; после этого, говорят, Земля отказалась принимать наших люмпенов — своих, мол, хватает. На нижних палубах есть и притоны, и девочки, и даже травка сюда как-то проникает. Знай ходы, плати и пользуйся, коли свербит.

Обождать, впрочем, тоже могут. Могут и забить сгоряча, если сдуру явился без денег или еды на меню. Офицера — поостерегутся, пожалуй, а нижнего чина или штатского за просто. Те сюда и не ходят.

Очнулся я, когда меня чувствительно щипнули за зад. Так и есть — женщина. То есть бывшая женщина, а теперь непонятно что. Это ж надо такое сочетание: толстая, рыжая и с бородавкой на носу. Большое спасибо, не нуждаюсь!.. На вид, пожалуй, лет с полсотни, с лица штукатурка сыплется, и запашок от нее — затхлый — на кабельтов. На такую лахудру и Петр не клюнет, а я и подавно, мне упражнений с контр-адмиралом на неделю хватит.

И вообще: кой черт меня сюда занес? Да еще без оружия.

Только я об этом подумал, как вдруг будто щелкнуло что-то в моей тылке. Щелкнуло — и повело, и я уже не я, а моя четвертинка, вдобавок самая безвольная. Не хочу, а иду — женщина пятится, отступает, манит за собой, и меня словно некая посторонняя сила тащит за нею, как рыбу тралом. Ноги ватные, весь вспотел, в мыслях — тихая паника, о лишнем движении и подумать противно. Соображаю вяло. Гипноз? Похоже на то. А я-то считал себя не слишком гипнабельным... Да и кто когда-нибудь слышал о грязных проститутках, заманивающих клиентов гипнозом?

Только не я. Не бывает этого. Даже у нас на Поплавке.

Может, это еще и не гипноз вовсе.

Анфилада незнакомая. Нет, это не минус седьмая палуба, где живет Петр, это гораздо глубже... Зачем я здесь? Как оказался? Выходит, шел — и не видел куда?!

Полный бред.

Хочу крикнуть — и не могу. Что вам от меня надо?

268 Кто вы?

Как я в нише оказался, того не помню. Самая обыкновенная ниша, каких полным-полно на технических палубах, и установлен в ней, судя по черепу на пыльной дверце, обыкновенный распределительный щит на пару киловольт. Женщина ушла куда-то. То есть скорее всего она у меня за спиной и мною командует, но обернуться — выше моих сил. Нет... Не могу.

Как муха, влипшая в клей.

Оружия при мне нет, наличных денег мало. Положим, им это неизвестно... Что еще может интересоваться во мне трюмных потрошителей? Офицерская форма?

Возможно.

Еще один вариант: это не трюмные крысы, а контрразведка.

С того не легче.

Убить меня собираются? Или поступить изящнее — принудить гипнозом к самоубийству?

Ни то, ни другое. Стою столбом, как в кошмарном сне, когда надо бежать, а ноги не желают слушаться. И тут словно теплая ладонь вошла в меня, череп ей не помеха, — вошла и погладила мозг... Тихая жуть, мурашки по коже. Быстро-быстро пронеслись перед глазами картинки моей жизни, от Андского толчка до Капли, и почему-то особенно подробно — встреча с чужаком с А-233. Говорят, перед смертью такое бывает. Того и жди: потянутся мои руки, мне не принадлежа, сорвут plombу, наберут неведомый мне код и, когда отъедет в сторону дверца с «веселым Роджером», нащупают контакты...

Отпустило разом. Ушла ладонь из мозга, да так ушла — снова стая мурашек по всей коже, взмок от затылка до пяток, по спине ручьи бегут... Обернулся — нет женщины, словно и не было, вообще ничего подозрительного нет, только какой-то техник, проходя мимо ниши, хмыкнул и прибавил ходу на всякий случай.

Да что же это делается со мной, а? Померещилось мне? Припадочный я, что ли?

Чего мне стоило ровным шагом — не бегом — дойти до лифта, о том умолчу. Пока поднимался к себе на Бета-38, специально к внешнему периметру, немного успокоился, а как вышел на уступ над океаном и вдохнул морось, сообразил, что ничего необычайного со мною и не было. Легкое отравление, вот и галлюцинация. Кто может знать, что было намешано в той водке, которую я покупал как контрабандную? В трюме тоже водку гонят, а из чего — лучше не знать, фильтруй через адсорбент да пей.

Матюкнулся я по-русски — и впрямь полегчало. Полезное средство для успокоения души. Гляжу на океан, покашливаю. В обычные дни челноки и ракетные грузовозы окутывают Поплавков таким смогом, что дышать без фильтра невозможно, но сегодня чисто и ветрено. Изрядно штормит. Недостаток кислорода в воздухе, понятно, ощущается: семнадцать процентов — не двадцать один. Пойло все еще дает о себе знать. Тут прямо над ухом — гундосо, сквозь дыхательный фильтр:

— Это вы Филипп Альвело?

Смотрю: какой-то мичманишка. Незнакомый. Не из нашего отряда точно. И не из пополнения. Выправка не флотская, морда начальственная.

Знаем мы таких, думаю. Проходили.

— Лейтенант Альвело — я, — говорю. — А в чем дело? Вы кто?

Честь он все же отдал — будто муху отгонял от козырька.

— Младший военфельдшер Стамеску, медицинская служба погранфлотилии.

Я чуть не заржал истерическим смехом — законная была бы реакция после жуткой галлюцинации, но продемонстрировать ее медицине — еще медицине ли? — я не собирался. По-русски его фамилия в самом деле звучала занятно. Я этот язык немного выучил за два года в Корсакове, не как испанский, конечно, но тем не менее... А думаю все равно на интерсанскрите.

На петлицах у мичманишки — стандартная змеюка с разверстой пастью над вазочкой из-под мороженого и римская «тройка». Все правильно. У каждого из двух флотов, у погранфлотилии и у авиации, своя медицинская епархия. Так почему-то удобнее. Их объединяют лишь на время какой-нибудь особенно крупной неприятности вроде войны.

— Вас трудно найти, лейтенант... Э! Да вы никак пьяны?

— Есть немного, — признаюсь. — Имею право: я в увольнении до двадцати ноль-ноль. Еще вопросы будут?

Поморщился он слегка, однако спорить не стал.

— Нет. Так даже лучше, пожалуй. Мне поручено пригласить вас для собеседования.

Надменный, но корректен... Это правильно. Не люблю, когда мне хамят. Если бы он вместо «пригласить» брякнул «доставить» или, еще того хуже, «препроводить» — не убежден, что я не врезал бы ему кулаком по фильтру. В рамках восстановительной терапии, так сказать. Надо думать,

270 отделался бы порицанием на офицерском суде, а если

этот типчик действительно из контрразведки, и того легче: инцидент замяли бы.

Пьяные мысли — бойкие...

А почему это, интересно, им лучше, что я пьян?

Ладно, там узнаем.

— Куда еще?

— Это недалеко.

Врач сидел на краю стола и легкомысленно болтал ногой, дружелюбно поглядывая на Филиппа. Он вызывал невольную симпатию и за час разговора не надоед нисколько. Просто-напросто свой в доску парень, хотя и медик, вдобавок психолог-мозгокоп. Две чашки вкуснейшего дымящегося кофе стояли между ним и Филиппом, дразня обоняние. Настоящий привозной кофе, не дешевая местная синтетика.

Филипп взял свою чашку, отхлебнул, обжигаясь. Пауза оказалась слишком мала, чтобы привести в порядок растрепанные мысли.

На этой палубе он еще не бывал ни разу. Ничего: чисто, уютно, не шумно. Симпатия-врач и не подумал скрывать, что он является штатным психологом контрразведки. «Дружище, поверьте моему слову и моему опыту, здесь желают вам только добра. Лично я убежден, что вы в полном порядке, и давайте-ка поскорее закончим, у меня есть тысяча более серьезных дел. Не возражаете?»

Филипп, естественно, не возражал. Начали с обычного медосмотра (пожилой незнакомый врач, бравший анализы, учуяв дыхание пациента, брезгливо отворотил нос) и повторного ментоскопирования на иной аппаратуре, посетовав на случайный сбой во время вчерашнего сеанса, продолжили задушевным разговором: о службе Филиппа, об учебе, о выборе вакансий, о детских сиротских годах, просто ни о чем...

Почему-то врача особенно интересовали детские годы. Филипп сам не заметил, как разговорился, а когда заметил, махнул рукой. Отчего бы нет? Криминала-то в прошлом никакого. Вдобавок нельзя отрицать: приятный, располагающий к себе собеседник, сочувственно слушает, удачно шутит. Посмеиваясь, рассказал Филиппу два анекдота про Адмиралиссимуса — старых, но смешных...

Чутьочку ОБВОЛАКИВАЮЩЕЕ дружелюбие.

Хмель давно улетучился из головы, но перед глазами плыла какая-то муть — легкий муар, — и сквозь него на

лице врача не вычленились индивидуальные черты: рот, нос, глаза... Просто блин, а не лицо, отметил Филипп, внезапно ощутив легкий укол неприязни. Большой дружелюбный блин.

Муть порвалась на клочки. Да что же это я, в панике подумал Филипп. Забыл, с кем имею дело? Расслабился, поверил... Наивный идиот! Разговор, разумеется, записывается и будет тщательно проанализирован. Может быть, за нами, за мной наблюдают прямо сейчас. Наблюдают... и делают выводы.

Не расслабляться. Быть осторожным, хитрым змеем. Не дать им понять, что я знаю: они меня подставили. Пожертвовали, как ненужной вещью. Выбросили...

Филипп напрягся. И врач, должно быть, это заметил, потому что продолжил совсем в другом тоне:

— Значит, вы утверждаете, что в выборе вакансий по отношению к вам была допущена несправедливость?

Филипп сглотнул.

— Мне так кажется. Хотя начальству виднее, конечно. Возможно, я себя переоценивал.

— Вряд ли. Отзывы о вас самые лестные, можете мне поверить. Обустройство «сынков» — да, это вечная земная проблема... к счастью, нам на Капле до этого еще жить и жить. Лично я действительно думаю, что вас несправедливо обошли, но теперь уж ничего не поделаешь: вернуть вас в метрополию не в моей власти. — Врач улыбнулся и подмигнул заговорщицки. — Я бы и сам не прочь вернуться. Знаете ли, этак походить у воды по песочку, и чтобы океан знал свое место... По правде сказать, не одному мне до смерти надоело болтаться в этой жестянке посреди воды. Это проблема. Вы, глубинники, еще счастливы: неделями, а то и месяцами пропадаете вне Поплавка, а счастья своего не цените.

— Там то же самое, — возразил Филипп. — Океан — везде океан. А пропадем — это вы верно сказали. В одном только нашем отряде за год пятеро пропавших, из них трое без вести.

Врач покашлял.

— Вы же понимаете: я совсем не то имел в виду.

— Это я понимаю, — атаковал Филипп. — Я не понимаю, почему вы не приступаете к сути. Спрашивайте — отвечу. Что вам еще нужно? Я был в патрулировании. Меня взяли в «ящик». Два десятка бомб, не меньше. Я думал, каюк. Был без сознания, потом дрейфовал. Потом чужак не взял меня в плен. Почему — не знаю. Если вы спросите меня, какого цвета были у него глаза, я вам тоже не отвечу.

— Зачем мне спрашивать? — удивился врач. — Все, что от вас нужно моему и вашему начальству, имеется в вашей ментограмме. Не волнуйтесь, на этот раз обошлось без сбоев в аппаратуре, сняли без проблем. В мою задачу входит лишь психологический контроль, а вовсе не анализ ваших действий... да я, признаться, ни бельмеса не смыслю в морских делах. Остальное извлекут из вашей ментограммы. Я же всего-навсего должен убедиться, что ваша психика не подверглась серьезным деформациям.

— Ну и как? Убедились?

— В общем, да. Ну вот разве что для очистки совести... Нет, ассоциативную подсадку оставим в покое, это дело долгое, а побалуемся-ка мы с вами свободными ассоциациями. Знаете, что это такое?

Филипп кивнул.

— Итак, начнем. Капсула.

— Атака — давление — теснота — ящик — пыль — прочность — уберечься — разлом — кондиция — погружение...

— Очень хорошо. Океан.

— Индийский — глубина — морская соль — грунтовые воды — минералы — ионообменники — руда — слитки — Юкон — транспорт — корабли — шлюзование — Порт-Бью...
Э-э...

— Продолжайте, пожалуйста.

— Портовые склады — Новый Ньюпорт — острова — течения — круговорот — всплытие — буря — Луна — лунный камень...

— Почему Луна?

— Лунные приливы. И отливы.

— Замечательно. Теперь: стратегия.

— Адмиралтейство — война — космофлот — авиация — поддержка — ресурсы — успех — политика...

— Достаточно. Вы не устали?

— Немного.

— Ну что ж, пожалуй, хватит. — Врач слез со стола и, разминая одной рукой отсиженную ногу, другую руку протянул для пожатия поднявшемуся со стула Филиппу. Рука была сухая и крепкая. — Благодарю вас за сотрудничество, мне было приятно поболтать с вами. Теперь я уверен: с вами все в порядке, никаких отклонений. Можете спокойно вернуться к службе. Полагаю, больше мы вас не побеспокоим. До свидания.

— До свидания, — ответил Филипп.

— Будут проблемы — заходите. Постараюсь выкроить для вас время.

Остаться в одиночестве врач и не ожидал — менее чем через минуту в каюту ворвался подполковник Андерс. Врач улыбнулся: даже стремительные движения подполковника выглядели вялыми. То ли врожденная забавная аномалия, то ли успешно законченная экзотическая рукопашная школа, ставшая в ряд условий победы недооценку бойца противником. Не спросишь.

— Ну? — выдохнул подполковник. — Как?

— Ментограмма любопытная. — Врач согнутым пальцем постучал себя по виску. — Мне транслировали. Спасибо за качество.

— Все просмотрел?

— Основное. Вы должны понимать: во время непосредственной работы с подопечным это затруднительно. К счастью, он по-прежнему гипнабелен.

— Тебя не узнал?

Врач уверенно покачал головой.

— Не тяни.

— Судя по всему, его действительно отпустили, тут он чист. Неприятно, но факт. Убежден, что мы имеем дело не с противодействием спецслужб Лиги, а случайно нарвались на благородный порыв вероятного противника, так сказать, частный бзик частного лица. Всего не учтешь, мой подполковник, а маловероятное тоже иногда случается. Видимо, придется продублировать операцию с кем-то другим?

— А вот это тебя не касается... Что ему известно?

— Ничего. Догадки, подозрения, обида, желание расплатиться — не в счет. Был бы он просто лейтенантом Альвело, не стоило бы и беспокоиться.

Андерс, присевший на нагретую врачом столешницу, вскочил — словно СТЕК со стола. Вяло забегал. «Глист, — подумал врач, контролируя свое лицо. — Верно подметил этот Альвело. Примитивная ассоциация первого порядка, зато прямо в точку».

— Интереснее всего то, что он действительно не тот, кем себя считает, мой подполковник. У него тщательно выполненная ментограмма добропорядочного оболванца, и я бы в нее поверил, если бы не свободные ассоциации... Прикажете доложить подробно или экстрактно?

— Экстрактно. Подробно — потом.

Врач согласно кивнул.

— Почему слово «капсула» у него ассоциируется со словом «пыль»? Допустим, водяная пыль. Но нет связи с дальнейшей цепочкой: «прочность — уберечься — разлом — кондиция». Лишь пятое слово — «погружение» — прямо связано с океаном. Далее: «руда — слитки — Юкон — транспорт». Трудно вообразить, что наш подопечный вспомнил одну из так называемых «золотых лихорадок» начала Темных веков, — это чересчур узкоспециальная тема даже для историков. Логичнее предположить, что подопечный имел в виду некое транспортное средство с названием «Юкон»...

— Можно проверить, — заметил Андерс.

— Я уже проверил, мой подполковник. — Врач взглядом указал на комп-браслет. — Космический транспорт «Юкон» четыре года назад был пущен на слом. Двадцать шесть лет своей биографии он курсировал по линии «Земля — Прокна». Прокна — спорная сырьевая планета на периферии Внутреннего рукава, три туннельных нырка от метрополии... Далее: многозначительная оговорка «Порт-Бью...». Нам известны лишь два поселения с подходящим названием: Порт-Бьюкенен на насыпном острове в Атлантике и Порт-Бьюно на Прокне. Подопечный убежден, что никогда не бывал ни в одном из них, поэтому случайно вырвавшееся «Порт-Бью» он довольно неуклюже трансформировал в «портовые склады» и подкрепил «Новым Ньюпортом» — последним местом своей учебы. Примитивная невольная уловка. Он назвал Луну и лунные приливы, несмотря на то, что на Капле приливы — солнечные. Желтых приливов подопечный не назвал вовсе, хотя что, казалось бы, естественнее для пилота-глубинника Капли? Слово «буря» характерно не для моряка, а для сухопутного, моряк скорее скажет «шторм». Зато на Луне имеется океан Бурь со стратегически важными месторождениями. Трудно было не заметить некоторый минералогический уклон ассоциаций подопечного. Интересно также, что он упомянул космофлот и авиацию — возможно, тут существует ассоциативная связь со словами «прочность», «разлом» и «кондиция». Я думаю, стоит покопаться в личных делах выпускников учебных центров ВВС.

— За какой срок?

Врач вздохнул.

— За последние двадцать—тридцать лет.

— Ты в своем уме? — холодно осведомился Андерс. — Альвело — двадцатипятилетний сопляк.

— Факты, мой подполковник. Голову на отсечение не дам, а руку — пожалуй. Во-первых, «Юкон». Во-вторых, именно на Прокне около двадцати лет назад имели место не вполне объяснимые события. Если мы хотим установить истину...

— К твоему сведению, — медленно перебил Андерс, и врач замолчал, — мы не хотим установить истину. Мы хотим устранить препятствие, если оно существует. Короче. Твои выводы?

Глист. Теперь никуда не денешься от этого слова, подумал врач. Вялый, бледный, примитивный, опасный... глист. Презирующий неудачника, которого вынужден использовать для тонкой работы. Профессионал, как и Велич, этого не оспорить, не отнять. Но хуже нет, когда уходят истинные художники своего дела, а на смену им являются вот эти... маляры. Ремесленники. Они примитивнее и цепче, в этом их преимущество, и в конце концов остаются именно они...

— Как скажете, мой подполковник, — с готовностью заговорил он. — Я не знаю, кто в прошлый раз поставил подопечному блок неизвестного нам типа, но убежден, что блок имел место. Я уже сейчас, до подробного анализа, абсолютно уверен, что ментограмма подопечного — фальшивая. В ней нет и следа нашей с вами подсадки, что, очень мягко говоря, довольно странно. Во всем остальном это типичная ментограмма типичного оболванца, я даже уверен в том, что она соответствует жизненному опыту подопечного. Я знаю также, что столь убедительная ментозапись известными нам методами невозможна. Мне неизвестно, кто наш противник, но он пока допустил только одну ошибку: не предположил, что я прибегну к такой архаике, как свободные ассоциации. В настоящее время подопечный твердо убежден, что он лейтенант Альвело. Лично я убежден в другом: он «кукушонок», мой подполковник. Типичный.

— Вы и об этом знаете? — бесцветным голосом поинтересовался Андерс.

— На «кукушатах»-то я и погорел в метрополии. — Врач позволил себе ухмыльнуться. — Перестарался с одним, послали сюда замаливать грехи.

— «Кукушонок», — мрачно сказал Андерс и вяло выругался. — Значит, и ты подтверждаешь... Этого нам сейчас не хватало.

Врач молчал, зная, что начальство не ждет от него
276 реплики. Зона Федерации не готова к войне, но вое-

вать будет. А кто когда-нибудь был полностью готов? Риторика... Противопоставление своей нехватки нехватке противника — как всегда... И вот когда до момента ноль остаются считанные недели, когда выстрадавшие в тиши кабинетов планы вот-вот стремительно прорвутся вовне лавиной приказов, действиями и докладами об исполнении, под самым боком обнаруживается досадная неуместная неприятность — «кукушонок», вдобавок кем-то опекаемый. словно не вовремя вскочивший на лице прыщ. словно нахальная муха, севшая на штабную карту. Что этот ремесленник Андерс сделает с мухой? Нетрудно предположить.

На этом можно наломать дров. Кто они — опекуны «кукушонка»? Насколько сильны? Судя по ментограмме...

В эту минуту врач ощутил острое желание оказаться как можно дальше от Поплавка, а еще лучше — от Капли. Жаль, это невозможно.

— Я хочу, чтобы ты знал, Карл. — Впервые за весь разговор подполковник назвал подчиненного по имени. — Есть информация, что нашим подопечным интересуемся не только мы. Очень мне это не нравится, Карл. Очень.

Глава 5

Вечности нет.

И нет вечного постоянства.

Ни в чем. Никогда.

Вместо вечности — долговечность. Прочная. Надежная. Привычная.

Нет удивительного в том, что вещественные результаты правильных решений бывают прочны и долговечны. Давно уже не удивляет и обратное: результаты ошибочных решений чаще, чем хотелось бы, бывают еще прочнее и долговечнее. Не удивляет даже то, что они подчас оказываются полезными.

Об этом и еще о многом думал Гундер Шелленграм, совершая в борьбе с мышечной дистрофией рутинное восхождение по трапам к вершине Поплавка. Как всегда, волглый воздух выдаивал из себя влагу на поручни и ступени. Как всегда, в дыхательной маске сырел, разбухал силиконовый патрон.

Давным-давно и даже еще давнее, в начальный, героический период создания первых поселений землян вне Земли, правительство Федерации сочло полезным вмешаться в чересчур независимую, по мнению ряда политиков, деятельность Управления по делам колоний. Одним из побочных результатов этого вмешательства стало учреждение института инспекторов по правам аборигенов колонизируемых планет. Тот факт, что на пригодных для жизни человека планетах никаких аборигенов не удавалось рассмотреть даже в сильную оптику, никого не смущал: то, чего нет здесь и сейчас, может проявиться потом, в другом месте. Проще оплатить синекуру, продемонстрировав мудрую дальновидность и заткнув рот политикам, чем откупаться от крикунов, предоставляя им места в правительстве.

Впоследствии аборигены и вправду нашлись — непохожие на людей, вряд ли истинно разумные, с точки зрения человека, ничем ему не угрожающие, в защите прав не нуждающиеся и вдобавок обитающие на двух-трех отдаленных планетах, отнесенных Регистром Миров к последнему, десятому разряду, иными словами, к абсолютно неперспективным. В колониях некоторое время хихикали над инспекторами по правам аборигенов, из года в год ожидая отмены вздорной должности; со временем притерпелись, привыкли и хихикать перестали. А должность осталась.

Был, правда, один инцидент почти двадцатилетней давности, случившийся на Прокне, заурядной азотно-аммиачной планетке, на свою беду богатой природным сырьем. Земля не поспешила вмешаться в конфликт, грозивший уничтожением местной фауны, рассчитывая предварительно обескровить во взаимной усобице тяготеющие к Лиге ничтожные государства. Инспектора там почему-то не оказалось даже номинально. Аномальные явления — да, были отмечены. Интерес стратегической разведки метрополии — имел место. Разумные аборигены? О них спорят до сих пор: были ли?

Но Прокна — всего лишь исключение, подтверждающее правило.

Руперт Маклуп, инспектор по правам несуществующих аборигенов Капли, не старый еще человек эпикурейской внешности, по-видимому, нисколько не тяготился вынужденным бездельем. Если у его предшественника когда-то и был свой офис, то его давно отняли. Нынешний инспектор занимал просторную двухкомнатную каюту на одной из верхних палуб Поплавка, администрации колонии глаза

не мозолил и, азартно увлекаясь ихтиологией, превратил большую из своих комнат в подобие музея. Скелеты и панцири морских гадов покрывались плесенью всякий раз, как барахла вентиляция, неумело выполненные чучела пованивали, но Руперта Маклупа это не смущало. Среди глубинников он был своим человеком, встревал в разговоры, нередко просил добыть ему что-нибудь новенькое в коллекцию и приходил в восторг, получая какое-нибудь особенно омерзительное чудище. Платил щедро. Врагов вроде бы не имел. Одним словом — бездельник.

Для того, что собирался сделать Гундер Шелленграм, каюта Руперта подходила как нельзя лучше. И все же он просчитал и отверг несколько вариантов, прежде чем окончательно остановиться на ней. Третье необходимое для дела лицо сегодня утром получило должный сигнал.

Сегодня же утром Шелленграм обнаружил в своей каюте «жучка». Миниатюрная полупрозрачная чешуйка была замаскирована столь топорно, что попалась на глаза немедленно после того, как антибаг зафиксировал передачу первого пакета сжатой информации и определил круг поисков. Шелленграм не тронул чешуйку — меньше хлопот. Его каюта, как жена Цезаря, обязана быть вне подозрений Любомира Велича и иже с ним.

Других «жучков» не нашлось, или они себя пока не проявили. На всякий случай Шелленграм особо тщательно проверил одежду. Что еще может придумать Велич? Наружка? Вполне возможно, хотя и наивно с его стороны, если он уже знает, с кем имеет дело. Должен знать. Нет, наружка — это несерьезно...

Пропускной контроль — еще туда-сюда. Имплантированный пропуск, меняющий тонкие особенности химии организма, практически вечен. Можно худо-бедно отслеживать перемещение объекта вне жилой зоны; не так уж просто сменить индивидуальный «портрет» потовых выделений, не носки.

И все же потеряться в Поплавке не проблема. Хуже то, что Велич раньше времени сунул нос в дела, не касающиеся его никаким боком. Сунул — и, разумеется, заинтересовался, а заинтересовавшись, обеспокоился. Как он поведет себя теперь — неясно. Не исключено, что ввиду предстоящих военных операций некоему ведущему эксперту будет предложено эвакуироваться с Капли, подобно прочей штатской сволочи. Не исключено также, что приглашения ступить на борт челнока будут очень и очень настойчивыми... Какое-то **279**

время они — Велич, Мрыш, Лавров-Печерский, Риенци, Монтегю — смогут поплевывать на приказы Земли, а победителей не судят.

Ну что же, подумал Шелленграм, возносясь в лифте на километровую высоту. Служба так служба, игра так игра. Пока втемную. И для начала мы уравнием шансы.

Несколько секунд он боролся с искушением полюбоваться со смотрового уступа штормящим океаном, затем решительно свернул в сектор Альфа к каюте инспектора по правам аборигенов. На стандартной корабельной двери с закругленными углами и высоким ненужным комингсом отсутствовал даже намек на табличку, и это было понятно — какой носитель анекдотической должности захочет поднимать себя на смех? Дверь как дверь.

Его ждали. За дверью в нос немедленно ударил запах формалина, плесени и тления. Шелленграм чихнул и едва сдержал рвотный позыв. Ничего... Сейчас принюхаемся. По усеянному пенопластовой стружкой полу каюты можно было догадаться, что Руперт Маклуп недавно строгал ножом болванку для очередного чучела, а по каменному лицу маленького чернявого Мухаммеда было заметно, что Руперт только что таскал его по своему музею, как видно, ожидая восхищения. Ну, это он зря. Есть на Поплавке и нормальные люди с нормальными, здоровыми рефлексами...

— Здравствуйте, Руперт, — улыбнулся Шелленграм, пожимая руку инспектору по правам аборигенов. Кресел в комнате оказалось только два, и он, жестом помешав подчиненным вскочить, присел на койку. — Рад видеть вас, Мухаммед. Не просите извинений, я не опоздал, это вы пришли раньше... Что нового по части картографии? Дело на потоке, а?

Маклуп хихикнул. Всякому носителю никчемной должности приятно сознавать, что он не уникален, отметил про себя Шелленграм. Мухаммед тоже засмеялся, показывая мелкие белые зубы. Факт существования на Поплавке картографической службы оспаривался многими как выдумка и анекдот: кому нужна картография на жидкой планете с непостоянными течениями, дрейфующими планктонными полями и плавучей инфраструктурой? Зачем? Бортовые компьютеры субмарин вполне приемлемо отслеживают оперативную обстановку, анализируя информацию, поступающую со спутников... Ан нет, не тут-то было.

Рациональности захотели, человеки? Не дождетесь. С

чья единственная обязанность — понукать к работе древнюю технику, красящую белые листы с координатной сеткой в равномерно голубой цвет, и один из них — вот сидит.

— Это еще не так смешно, шеф, — проговорил Мухаммед, отсмеявшись. — Тут у нас и вулканолог есть. Прислали с Земли по ошибке, а отсюда его не хотят отпускать.

Отпустят, подумал Шелленграм. Теперь уже очень, очень скоро. Не то слово отпустят — выпихнут силой.

Вслух он сказал только:

— Да ну? Он еще не улетел?

— Представьте, по сию пору здесь, шеф. Попытались его приспособить для изучения гидросейсм — отказался: не его, мол, специальность гидротектоника. Ругается, пьянствует день и ночь... — Мухаммед снова засмеялся. — Вчера на нижнем уступе его, бугая, впятером держали — хотел в океан прыгнуть, своротил фальшборт, нос разбил полицейскому...

— Только одному? Жаль.

— Вот и я говорю, шеф...

Шелленграм поморщился.

— Итак, приступим к делу, — прервал он. — Сидите, Мухаммед, вставать не обязательно... Руперт, ваша каюта «чиста»?

— Проверено.

Ну-ну, подумал Шелленграм. Два «жучка» здесь все-таки были, и один из них таился в голове висящего под вентиляционной отдушиной чучела сегментной рыбы, редкой глубинной твари, предмета тихой гордости Руперта. Вряд ли инспектор по правам аборигенов вызывал подозрения — скорее, контрразведка держала «жучка» на всякий случай. Руперту знать о нем было не обязательно. Не «жучок» — целый «жук» с могучим накопителем, изотопной батареей и растровой антенной размером в ладонь. Раз в неделю, используя вентиляционную шахту как волновод, он «выстреливал» сжатый до секунды волновой пакет, о содержании которого Шелленграм проявлял особую заботу. Второй «жучок», также принципиально необнаружимый аппаратурой Руперта, принадлежал самому Шелленграму.

— Тогда начните вы.

Инспектор по правам аборигенов заерзал в кресле, сглотнул, судорожно дернув кадыком, и сразу стал похож на школьника, сдающего экзамен.

— За последние сутки объект не предпринимал новых попыток контактов, — сказал он. — Надо пола-

гать, осторожничают после вчерашнего вызова в контрразведку. Последний контакт имел место с этой шлюшкой, флаг-офицером Людмилой Прокопович, о чем я уже докладывал. Результат скорее всего нулевой. Прокопович с делом Альвело не была ознакомлена, что и понятно. Содержание разговора известно предположительно, видимых последствий нет. Прокопович довольно глупа, надо сказать. А вот объект... По первому впечатлению — стопроцентный дилетант, лезет туда, где ломает себе шею, пытается учиться на своих ошибках... Но похоже, у него личные проблемы, шеф.

— Какого рода проблемы?

— Вероятно, грань нервного срыва. Подолгу задумывается, что для него не характерно, замыкается в себе, скверно спит. Отмечено некоторое изменение лексикона. Наш птенец пробует клювом скорлупу, а, шеф?

— Продолжайте.

Маклуп откашлялся и понизил голос:

— И еще: за ним обнаружен второй «хвост». Полагаю, местная контрразведка.

Естественно, контрразведка, подумал Шелленграм. Кто же еще? Больше никому. А этот — остороженький — не может без «полагаю». Должно быть, по привычному земному обыкновению, все еще воображает, что резидент Федерации на Капле столь могущественная персона, что имеет возможность дублировать хотя бы основные линии работы. Неплохо бы, конечно...

— Суть претензий контрразведчиков?

— Полагаю, рутинный интерес в связи с неудачей их операции против зоны Лиги. Э... Опасность для жизни и здоровья объекта представляется мне умеренной.

Шелленграм лениво потянулся и положил ногу на ногу.

— Это все? — спросил он. Маклуп развел руками. — Извините: устал... Спасибо, Руперт, я доволен. Теперь вы, Мухаммед. Я вас слушаю. Учтите, предыстория того, что шайка Велича называет делом Альвело, мне сейчас не интересна, но прошу помнить: это в равной степени ваша недоработка и мой личный просчет...

Он намеренно похвалил Руперта, виновного ничуть не меньше: пилюлю следовало подсластить заранее. На какое-то мгновение Шелленграму показалось, что он ощутил легкий укол совести, и он почти удивился этому, прежде чем понял: показалось. Глупость какая... Сегодня инспектору по правам аборигенов придется разжевать огромную горькую пилюлю, и никуда он от нее не денется.

Маленький картограф не стал ерзать в кресле, как недотепа Руперт, а заговорил толково и внятно:

— Повторное ментоскопирование объекта подтвердило наши ожидания. Операция наложения новой мнемоматрицы была разделена мной на две фазы: завлечение объекта к выбранному месту воздействия при помощи дистанционной психосенсорики и собственно наложение матрицы. Обе фазы прошли успешно. Непосредственный контакт и внешнее прикрытие осуществляла моя группа. Отдаю должное вашей прозорливости, шеф, — мы успели как раз вовремя.

— Какие еще методы воздействия применялись к объекту?

— Простите... Нами, шеф?

— Не вами.

— Обыкновенные психотесты, шеф. Форсированные методы контрразведкой не применялись. Рискну предположить, что основные подозрения с объекта сняты. Наблюдение оставлено — на всякий случай.

— Благодарю вас, Мухаммед, — благосклонно кивнул Шелленграм. — Вы хорошо поработали. Теперь скажу я, а вы оба послушайте...

Он обвел их взглядом. Маленький картограф спокойно сидел в кресле, скрестив руки на коленях. Руперт Маклуп настороженно подобрал животик и тихо маялся, по привычке не ожидая от начальства ничего хорошего. Шелленграм почувствовал минутное раздражение. Абсолютно никакого удовольствия создавать неприятности, когда их от тебя ждут.

— К настоящему времени на Земле выявлено около семидесяти «кукушат», — неторопливо заговорил он. — Значительная их часть по-прежнему находится в метрополии. Помимо того, около двадцати вероятных объектов обнаружено в колониях Федерации. Вероятно, их значительно больше, и мы видим лишь верхушку айсберга. Достоин самого пристального внимания тот настораживающий факт, что число обнаруженных бесспорных «кукушат» в последнее время катастрофически снизилось. Либо противник сворачивает свою деятельность, либо, что вероятнее, применяет более эффективную тактику. Прошу помнить: о противнике и о его целях нам по-прежнему не известно практически ничего. Могущество противника очевидно. Число и достоверность сообщений об объектах, называемых черными кораблями, не меняются... равно как и неуязвимость черных кораблей, по причине которой перепуганные обыватели называют их кораблями щитоносцев. Известны случаи

паники и опрометчивых действий, как правило, плохо кончающихся. Я должен еще раз предупредить вас, господа: у нас с вами другая задача. Успокойтесь, Руперт, Управление внешней разведки Федерации не ждет от вас ни пальбы влет, ни героической гибели. Объект был перемещен на Каплю именно потому, что на этой планете ни разу за всю ее историю не было зафиксировано появление черного корабля. Наша задача крайне проста: мы должны не выпускать объект из виду, охранять его, если в этом возникнет необходимость, не вмешиваться в действия местных спецслужб, если они не мешают выполнению нашей задачи, быть в курсе всего, что делается на Капле, и зафиксировать события, если они произойдут. Больше ничего.

Руперт и Мухаммед переглянулись. Слышно было, как в соседней комнате потрескивает сохнувшая шкура шипастого морского гада — очередного экспоната музея Маклума. Работал «жучок» в голове чучела сегментной рыбы, накапливая заурядный звуковой мусор.

— Вы хотите спросить, для чего я рассказал вам то, что вам и так известно? — спросил Шелленграм. — Считайте, что я просто напомнил вам о мере нашей ответственности перед Федерацией. Произошла утечка важнейшей информации, и нам предстоит разобраться, по чьей вине это произошло. Вынужден сознаться, что я обманывал вас, господа. — Он улыбнулся одними губами. — Круг посвященных в суть основной задачи несколько уже, чем вы предполагали. В сущности, посвященных только трое: вы двое и я. То есть еще недавно было трое.

Руперт Маклуп нервно облизывался. Картограф владел лицом лучше.

— Словом, — закончил Шелленграм, — источник утечки информации находится здесь, в этой каюте, среди нас троих. По крайней мере я так думаю. Конечно, я могу ошибаться, чего-то не учитывая... — Он одарил Маклупа колючим взглядом, отчего инспектор моментально вспотел, и повернулся к картографу. — Впрочем, время терпит. Мухаммед, вы приготовили то, что я просил?

— Данные о пропавших без вести? Да, конечно.

— Изложите покороче, коллега.

— По всей зоне Федерации бесследно исчезает в среднем тридцать—сорок человек в год. Я имею в виду земной год. На

Поплавке, разумеется, меньше: редко более семи-восьми. В прошлом году, например, было одиннадцать.

Это много. Предположительные причины в порядке убывания: непреднамеренные падения в океан, самоубийства, убийства с сокрытием следов, дезертирство. Лицо считается пропавшим без вести немедленно по обнаружении исчезновения, умершим — по истечении одного года. Я имею в виду местный год. Пенсии родственникам пропавших без вести не...

— Иными словами, пропавшего без вести искать не станут? — перебил Шелленграм.

— Именно так. Разумеется, если это не важная персона. Простите, шеф, зачем это вам?

Несколько секунд картограф ждал ответа с заинтересованным лицом. Затем выражение интереса сменилось ужасом, картограф привстал с кресла, обмяк и повалился набок.

— Вот зачем, — сказал Шелленграм.

Он дважды согнул в ботинке пальцы правой ноги, дезактивируя оружие. Сегодня оно больше не понадобится.

— Вы... убили его? — растерянным шепотом спросил Маклуп.

Шелленграм прищурился:

— Как вы догадались?

— Зачем? — Инспектор по правам аборигенов вскочил. Кинулся к телу. Челюсть его тряслась. — Мертв... Господи, Гундер, зачем?!

Шелленграм потянулся, хрустя суставами.

— Вы еще новичок в наших делах, Руперт. Но это-то вы должны понимать. Что у нас делают с нелояльными сотрудниками?

Взгляд Маклупа стал окончательно безумным.

— Придите в себя, коллега, — лениво растягивая слова, проговорил Шелленграм. — Да, я убил его. Если вам интересно, испытывал ли я при этом хоть тень жалости, то я вам признаюсь: нет. Предупреждая ваше естественное любопытство, замечу в скобках: удовольствия эта процедура мне также не доставила.

— Как... вы это сделали?

— Остановил ему сердце. Не беспокойтесь, он не мучился. Хотел бы и я когда-нибудь умереть столь же безболезненно... Простите меня за маленькую нравоучительную комедию — я имею в виду пропавших без вести. Не удержался от позерства.

Инспектор по правам аборигенов, стоя на коленях перед Мухаммедом, дернул кадыком и издал горловой звук.

— Ну-ну, — мягко сказал Шелленграм. — Соберитесь, Руперт. Не раскисайте.

Маклуп вытер рукавом испарину.

— Шеф... — Его шепот был еле слышен. — А вы... не ошиблись?

— Посмотрите у него за лацканом, коллега. Нашли? Так я и думал. Суньте эту гадость в какую-нибудь кислоту или бросьте в море... Впрочем, оставьте: это просто микрофон с накопителем. Если бы прошла передача, я бы знал. Наш бывший коллега был осторожен...

Маклуп икнул.

— Есть на Поплавке люди со здоровыми рефлексами, — медленно проговорил Шелленграм, разглядывая тело маленького картографа. — Служить Земле — это же на редкость благодарное занятие, вы не находите, Руперт?

— Господь с вами, шеф.

— Ну-ну. Я пошутил. Хотя Мухаммед вряд ли принял бы этот тезис за шутку. Видите ли, ему давно казалось, что его труды недостаточно оценены материально. Я совершенно убежден, что его вульгарно купили.

— Лига?

— Ну-ну, Руперт. Подумайте еще.

— Наша контрразведка?

— Естественно. Теперь Велич и его банда знают об Альвело значительно больше, чем следовало бы.

Инспектор по правам аборигенов медленно поднялся на ноги. Колени его вздрагивали.

Совершенно неуместно Шелленграм ощутил укол раскаяния. Словно вонзилась неглубоко тонкая иголочка — и сразу же выдернулась, не оставив ранки. Руперт Маклуп, мирный несчастный человек... Ихтиолог-любитель, бездарный чучельник, вызывающий симпатию и сочувствие... Удивительно, как это он пошел на вербовку. От скуки, конечно. Работа резидента-одиночки во Внеземелье, наряду с несомненными плюсами, имеет большой минус: приходится сколачивать команду из того, что есть под рукой...

Еще неизвестно, справится ли Руперт. Некоторые ломаются вот так — на безделице.

— Шеф, — внезапно севшим голосом проговорил Маклуп. — А тело... куда денем?

Вот он, ужас обывателя, влипшего в историю и сообразившего, что влип. Выполз...

Шелленграм вздохнул.

— Не мы денем — вы денете. Уничтожьте его, вы умеете. И, бога ради, перестаньте трястись!

— Может быть, в лифт, шеф, а? Смерть от сердечного приступа, нет подозрений...

«Справится», — подумал Шелленграм.

— В любом случае у Велича будет предостаточно подозрений, Руперт, — медленно произнес он, тщательно выговаривая каждое слово. — Признаться, его подозрения меня мало беспокоят. Я всего лишь не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, что старый сентиментальный дуралей Гундер позволил предателю умереть столь легко. Предателям положено исчезать бесследно, это будит воображение и иногда отбивает охоту у других. А вы заметили — Мухаммед понял?

Маклуп кивнул, уронив со лба каплю пота.

— Но... как же?

— Над вашим потолком находятся броневая плита и гидравлические демпферы, а выше расположено днище одной из ракетных шахт. — Теперь Шелленграм заговорил в приказном тоне. — Мысль улавливаете? Осмотр шахты производится не чаще одного раза в сутки. Технологический лаз блокируется лишь на время взлета-посадки. Облачко пепла — и все. Вынести можно по частям. Вы ведь где-то жжете то, что не пошло на экспонаты и недостойно мусоропровода, не правда ли, Руперт? Почему-то мне кажется, что вы не варите мясо ваших рыбок-лягушек на спиртовке себе на обед. — Он улыбнулся. — Кстати, и по части расчленения у вас большой опыт, вам и карты в руки.

— Человека... — пробормотал Маклуп. — Не рыбу — человека...

— Не надо болтать лишнего, коллега. — Шелленграм встал, потрепал по плечу инспектора по правам. — Убежден, вы справитесь. Тут нет ничего трудного. Давайте-ка я помогу вам дотащить тело до ванны...

Вид океана завораживал.

Солнце. Не белое — желтоватое. В дымке. Не паляще-яростное, жгучее, как в тропиках, и не закрытое наглухо слоеным облачным пирогом, даже не угадывающееся, как в приполярных водах, — мирное, ласковое, похожее на земное. Шторм кончился. Поплавку, дрейфующему по воле ветров и течений в относительно безопасном умеренном поясе, изредка

случается пересечь «окно» в облаках, и тогда, редко более чем на час, клубящиеся стены отодвигаются к горизонту, а океан вспыхивает мириадами солнечных бликов.

Шелленграм убрал руку с поручня, посмотрел, как сохнет мокрое пятно. Уступ уже практически высох, четче обозначились потеки ржавчины, скользкая слизь застыла твердой коричневой коркой.

И то, и другое исчезало на глазах — обшивка регенерировала себя.

Приспичило ей... Прямо сейчас.

Он стал смотреть на океан. Никто, кроме него, не маячил на верхнем смотровом уступе — кому захочется любоваться океаном под рев принимаемых и отправляемых терминалом «челноков» и ракет? — зато в полукилометре ниже не только смотровые, но и служебные уступы чернели от людей. Еще ниже лежал залитый светом океан, и пологие длинные волны, набегающие на Поплавок, казались переливами тонов на огненном бархате. Сновали буксиры. Вдалеке, натужно раздвигая волны, дуrom пер танкер, налитый углеводородным топливом для всякой морской мелочи.

Не стоило торопиться вниз. В редкие часы ласкового солнца даже клинические агорафобы, обитатели сердцевины Поплавка, приходят в волнение, многие здоровые бросают работу, заранее наплевав на неминуемые штрафы, и во всей толще терминала не найдешь свободного лифта.

Прямо над головой расколосось небо, грохотом заложило уши — с небес спускалась в шахту грузовая ракета. Шелленграм не взглянул вверх. Щекотно завибрировал металл под ногами, поручень отозвался протяжным стоном — и стих. Вероятно, именно сейчас обратилось в золу тело маленького картографа, переоценившего свои способности. Минута тишины — и снова рев и дрожь металла, и опять минута тишины... На нижнем уступе, очень далеко внизу, шли похороны какого-то умершего. Еле-еле слышно играла музыка. Было видно, как тело неведомого покойного соскользнуло с доски в воду и погрузилось, начиная свой путь к Вихревому поясу, а там — кто знает, — может быть, и к центру Капли. Вслед телу в волны упал пластмассовый веночек и поплыл, покачиваясь, вдоль борта.

Шелленграм усмехнулся про себя: совпадение показалось символичным. Что ж, будем считать, один веночек на двоих.

Сколько их было, мелких настырных букашек, мнивших о себе чересчур многое, сколько еще будет...

Привычно. Скучно.

Наверное, это оттого, что я, по-видимому, бессмертен, подумал Шелленграм. Если не стрелять в меня, не резать, не травить, не ронять с крыш, не бросать подыхать с голоду... Уязвим, но бессмертен ненасильственно. Почему бы мусорщикам Ореола не быть бессмертными? Ну да, они граждане не второго даже сорта — десятого. Так что же? Бессмертен. Допустим. А поди проверь. Чтобы проверить, надо попробовать умереть от старости. Где она, старость? По-земному — шестьдесят девять, выгляжу на полсотни максимум, а то и на сорок пять. Каким ощущал себя на Прокне, когда был Менигоном и возился с Шабаном, своим другом и опекаемым, таков и теперь. Не старею. Еще десяток лет это удастся скрывать, симулируя прекрасные результаты омолаживающих процедур, — а потом?

Менять легенду. Внешность, само собой. Генотип. Место работы. Эй, никому не нужен мусорщик со стажем?

Скучно.

Внешняя разведка Федерации, спецслужбы Лиги и Унии — лучшего места для мусорщика не придумать, и не жаль потратить годы на карьерные бега, на доступ к информации, на относительную самостоятельность. Но и тогда скучно.

Одни и те же игры. Все повторяется, идет по кругу. Двадцать лет назад Федерация легко отдала Северный Редут на Прокне. Шестнадцать лет назад попыталась отбить, в итоге получив лишь плацдарм на месте анклава Коммуна. Крови пролилось достаточно, не уцелел и осторожный трупорез Асплунд. Девять лет назад внезапный десант Лиги разбил оборону землян, и в ответной операции, блестяще осуществленной маршалом Сонг Тхаем, плацдарм удалось расширить вплоть до самых границ княжества Хинаго. До масштабной войны между Федерацией и Лигой дело тогда не дошло...

Суть не меняется — меняются цели.

Шелленграм вздрогнул — новый рев распорол небо. Оторвавшись от короткой взлетной палубы, круто ввысь, к невидимому рейсовому грузовозу, уходил «челнок».

У Земли свои резоны — у местной олигархии свои. Так было всегда, так всегда будет. В случае успеха Адмиралиссимус получит почетный титул Собирателя Вод, и хватит с маразматика. Те, кто стоит за его спиной, получают власть над всей Каплей и, надо думать, при первой возможности попытаются отделиться от Федерации. За ними охотно пойдут те, кого они в своей спеси называют оболванцами, **289**

и кто, кстати сказать, действительно ими является. Земле же позарез нужна Капля — вся Капля, не часть, — стратегическая база у выхода четырех стабильных Каналов, удобнейших рокад для переброски космических эскадр. Земля не смирит-ся со скромной ролью космической провинции, просто не сможет. Скорее всего она погибнет в войне, успев нанести смертельные удары Унии и Лиге, но если случится чудо и она уцелеет — ей будет мало Галактики. Ее конечная цель — уничтожить Ореол, единственную удачную попытку большой груп-пы людей выскочить из человечества, и война на Капле — лишь первый шаг на пути к конечной, но недостижимой цели, а все эти Лиги, Унии и Независимые — всего-навсего камни на дороге, правда, об эти камни можно пораниться очень больно...

А ведь нет, подумал Шелленграм, скучно мне, пожалуй, не будет. Тоже, конечно, рутина, но уже веселее... Даже не надо просчитывать варианты действий всех этих Величей и Андерсов, узнавших о «кукушонке», — они предельно ясны.

Он ухмыльнулся. Далеко внизу океан нес сверкающую зыбь. Серая облачная стена надвигалась с запада, усиливался ветер. Час ласкового солнца подходил к концу.

Часть вторая

НИЖЕ ВАТЕРЛИНИИ

Глава I

Какой-то гад наступил мне на грудь тяжелым кованым башмаком и не давал дышать. Человек с тысячью лиц. И ног, обутых в кованые башмаки, провонявшие потом и ваксой, у него, вероятно, были тысячи — во сне я сталкивал их с себя, но с тем же успехом мог бы перебирать бархан по песчинке, они давили все сильнее, я задыхался, корчась червяком, а страшный человек надо мною смеялся тысячью ртов, и я хотел закричать, но мой крик был затоптан и не родился.

Потом человек исчез, но это не принесло облегчения. Я стоял у широкого полукруглого зева в теле горы, у распахнутой в мир пасти, и знал, что не посмею отступить ни на шаг, ноги мои вросли в землю, а на меня валила толпа голых людей с бессмысленными равнодушными лицами, если то, что было повернуто ко мне, сошло бы за лица, и я стрелял по этим людям, и они молча вспыхивали и падали, но накатывались на меня с неотвратимостью горного обвала, и даже горящие продолжали ползти. И еще была женщина — ее звали Лиза, она гибла и звала меня на помощь, и я знал, что должен ее спасти, я вполне мог ее спасти, мне стоило лишь выдрать ноги из камня и сделать несколько шагов, но это значило оставить проход, проклятую дыру в каменной стене, защищаемую неизвестно зачем, — и я выбрал дыру. Не женщину, любимую мною. Я даже не мог закрыть глаза, потому что должен был ловить в прицел лучевика чужие бессмысленные лица и безжалостно, размеренно, без суетливой спешки нажимать на спуск...

Я проснулся в липком ужасе. Сердце колотилось в ребра, делая ударов двести в минуту. Горел ночник на столике, и в моей каюте не было никого. Я постепенно приходил в себя.

Настенные часы показывали, что на этот раз мне удалось поспать пятьдесят восемь минут. Превосходно, мрачно подумал я, чувствуя, что без насилия над собой не сумею шевельнуть и пальцем. Поспал называется... Меньше часа.

И эта первая бытовая мысль, обыденная и примитивно-точная, заставила меня проснуться окончательно. Несколько минут я лежал неподвижно и слушал, как сердце, мало-помалу успокаиваясь, входит в штатный режим. Судя по часам, вставать было рановато. Вряд ли за ночь я проспал в общей сложности больше трех часов, и сомкнуть глаза хотелось отчаянно, но я отверг эту мысль. Разве что подремать немного? Пожалуй, не стоит: засну еще всерьез и опять увижу... можно догадаться что.

Нет, это определенно свинство какое-то. Четвертую ночь подряд один и тот же сон. Этой ночью — уже в третий раз! И сон-то откровенно дурацкий. Какая еще пальба по толпе? Какая гора? Какая Лиза?

Бред. Если так пойдет дальше, придется либо переходить на снотворное, либо серьезно лечиться. Глубинник-невротик должен выбрать одно из двух: или быть ему глубинником, или невротиком. Вместе — перебор. Друг с другом эти ипо-стаси не уживаются.

Я ошупью нашел полотенце в изголовье, обтер с лица пот. Моя каюта — пять шагов на два, мой дом и моя крепость, — принадлежала мне, Филиппу Альвело. Не тому несчастному убийце из сна. Мой надежный металлический бокс с напыленной на стены пленкой звукопоглотителя, скверно имитирующей дерево, с крохотным санузлом, койкой, откидным столиком, складным табуретом и встроенным в стену шкафом. Обстановка более чем спартанская, но много ли надо холостому глубиннику? Вдобавок такому, который бывает в Поплавке лишь в законных перерывах между патрульными рейдами на границе, через два месяца на третий.

Ни звука. Я приложил ладонь к стене — та едва ощутимо дрожала: Поплавок двигался куда-то малым ходом, может быть, стремясь выйти из полосы нежелательного течения. Или наоборот: стараясь удержаться в полосе течения подходящего. Тихонько парил над бездной, делая узла полтора. Шесть узлов — это все, что он со своими водометами может развить в режиме «самый полный». Ну, семь, если рискнуть перегревом реактора. Тогда переборки, несмотря на звукопоглотитель, начинают тоненько ныть, а свободные от вахты матросы и прочая обслуга Поплавка, не говоря уже о пас-

сажирах, — отсчитывать минуты. Полчаса — по-видимому, сравнительно безопасно, час — очень рискованно.

Я подумал о том, что совершенно не интересуюсь, куда движется Поплавок и куда его относит течением. Мне объясняли, что в этом и заключается какая-то там по счету ступень превращения новичка в старожила. Текущее местонахождение плавучего терминала не секретно — просто не интересно никому из его обитателей, кроме тех, чья голова должна болеть об этом по должности. Любопытствуют одни лишь новички, вчерашние земляне, и пристают к занятым людям с глупыми расспросами. И то, кстати сказать, недолго. Ненужные ответы, если их удастся получить, не греют и не лечат. Кому нужно знать, к каким берегам идет Поплавок, если берегов не существует?

Что действует на нервы, медленно подкрадывается к новичкам и рано или поздно берет их за горло, так это чуждость этого мира. Неприятие его под стать неприкрытой ненависти Моржа к Сумбаве: «Жара, и местные поголовно идиоты — пельменей не понимают...» Но Сумбава все-таки Земля, относительно спокойная вулканическая твердь, а не жидкий пузырь под ногами.

Может, от того и мои кошмарные сны? Тогда это пройдет, стоит только перетерпеть. А перетерплю ли?

Куда я денусь, в конце концов.

Дотянувшись до сенсора, я включил обзорный экран. Сейчас бы я не отказался вручную открыть иллюминатор, как на древних учебных калошах в метрополии, пригодных лишь для натаскивания по азам. Но какие уж на Поплавке иллюминаторы. Обзорная точка соответствует истинной высоте палубы, и на том гран мерси. В общем-то все не так плохо. Общежитие для младшего офицерского состава прямых выходов на смотровые уступы, понятно, не имеет и вообще расположено в глубине Поплавка, однако же над ватерлинией, а это, согласитесь, вопрос престижа.

Над океаном занимался рассвет. Вроде бы поздновато он занимался, этот бледный чахоточный рассвет, робко просачивающийся сквозь облачную кашу, и это значило, что за сутки Поплавок здорово отнесло либо к западу, либо к югу. Скорее все-таки к югу, ближе к полярным широтам, — дни вроде бы укорачиваются. Ничего не поделаешь, что для северян лето, то для нас зима.

Я встал, тщательно заправил койку и часа полтора бездумно убивал время. Умылся, побрился, почистил и

надел китель, прочитал бюллетени со свежими новостями и последние приказы командования. Лично меня ничего не касалось. Затем заказал завтрак в каюту и, к моему удивлению, через полчаса получил. Бывают на свете такие чудеса. Иной раз у андройдов-стюардов, обслуживающих шишек, выпадают свободные минуты, и мелкая сошка может рассчитывать на человеческое к себе отношение. Андройду все равно, куда таскать подносы.

Уничтожив тосты с кофе, я не то чтобы повеселел — скорее, пришел в относительную норму и стал думать, чем бы мне заняться. Получалось, что особенно нечем. Во всяком случае, до тех пор, пока не получу новую капсулу. Вчера, правда, в точном соответствии с предсказанием Моржа из метрополии прибыло человек двести новичков, недоученных курсантиков, выпущенных мичманами, а то и гардемаринами, и их надо вводить в курс дела, сразу объяснив, о каких разделах ускоренного курса можно безболезненно забыть и какие рефлексy следует наработать для относительно долгой жизни на Капле, — но не мне же этим заниматься. С точки зрения старослужащих, меня самого еще учить и учить.

Пятый день после того памятного медосмотра — и ровным счетом ничего: живи, мол, спокойно. Следствие не назначено — стало быть, не считаюсь виновным. Тишина. Забыло начальство о лейтенанте Альвело. Надо надеяться, дражайшая Джильда не вспомнит о нем еще дней двенадцать — именно столько новичков урвал себе четвертый отряд. Жаль, что не тринадцать, хотя скверное это число.

Свое расследование я забросил на третий день и теперь только поражался своему злобному энтузиазму. Наивно было и думать что-либо вынюхать, скорее я угодил бы в категорию подозрительных, сующих куда не надо любопытный нос. И без того нетрудно было сообразить, что имела место совместная операция спецслужб Велича и погранфлотилии Монтегю, в которой мне отводилась почетная роль наживки на крючке, а в чем состоял смысл операции, того мне лучше не знать, целее буду. Разве не так?

Так.

«Ведь жив? — спросил я себя. — Ведь служишь по-прежнему?»

Жив. Служу.

Молодец. Служи дальше.

Отчего же такая тоска? Хоть вой.

Пока я таким образом содержательно беседовал со своей неврастенией, в переборке над складным сто-

ликом негромко загудело и в приемный лоток почты, шурша по-змеиному, выполз еще один бумажный листок. Сказать по правде, ничего хорошего от бумаги с пометкой «личное» я не ожидал — и напрасно. Листок оказался всего-то навсего адресованным мне посланием добровольного спортивного комитета Поплавка и извещал меня о том, что ежегодные офицерские гонки на скутерах состоятся нынче в полдень, в связи с чем командование дало согласие остановить Поплавок, и что я имею честь быть запасным в команде четвертого отряда погранфлотилии. Больше ничего бумага не содержала.

Придется сходить поглазеть, подумал я, меланхолически вертя в пальцах листок. Офицерские гонки — зрелище не столь частое. Разумеется, запасной — это всего-навсего запасной, и быть мне скорее всего рядовым зрителем, а не участником.

А все-таки развлечение. Как-никак не бар, не Джильда и не надоевшие телепрограммы. И даже получше, чем эстрадные шоу заезжих трупп — кстати, давно их не было.

Минуту спустя я поймал себя на том, что нюхаю листок, согнутый желобком, делая это совершенно машинально, а поймав, скомкал бумагу и злобно запустил комок в сторону мусоропровода. Потом подберу. Нет, это уже вовсе ни на что не похоже! Слово я не один в себе, а поселился в моем теле еще кто-то, и мало того, что типичный неврастеник, так еще и наркоман. Позвольте познакомиться, очень приятно!

Шизофрения, вот что это такое. Пойти сдать ся медицине? Прямо скажем, радужная перспектива.

И сны...

Я обнаружил себя валяющимся поверх заправленной койки в полной форме и тут же вскочил. Ну, хватит! От дурных снов и мыслей два лечения: либо немедленно выпить и выкинуть что-нибудь внеуставное, надеясь, что кривая вывезет мимо гауптвахты, либо спуститься в спортзал и загонять себя на снарядах до изнеможения. Есть и третий путь — пойти поискать трюмную девку почище, — но это сейчас не по мне.

Поборовшись с собой и одержав победу, первый метод лечения я также отверг и спустился в спортзал.

А поприседай-ка ты под штангой, шизофреник...

Еще на подходе я заподозрил, что иду напрасно. Так и оказалось: в спортзале было полным-полно морпехов, топот стоял такой, что гудели стены, а еще в атмосфере прямо пахло крепким мужским потом, и было жарко — это в нашем-то вечно промозглом спортзале! Небывалое, оказывается, бывает. Ну и ну.

Надышали, земноводные.

Я прислонился к стене и стал смотреть, как морская пехота воюет с мышечной дистрофией. По беговому овалу, держась в строгом кильватере, бодро галопировали не менее полуроты крепких ребятишек, а вторая полурота, схваченная за ноги потными руками, сидела у первой на плечах. Последним в кильватере ехал плотный бритоголовый сержант, то и дело покрикивающий: «Заснули? Колено выше! А ну-ка, покажите, на что вы способны! Раз-раз-раз!...» Лица бегущих однообразно лоснились, раззявленные рты зияли ямами; физиономии же едущих демонстрировали куда более обширную гамму чувств: от сибаритского наслаждения передышкой до явственного осознания недолговечности чистой радости, коей непременно суждено окончиться переменной мест слагаемых в паре «ишак—наездник».

Еще одна рота — не меньше — оккупировала центр зала, упражняясь в костоломстве. Кто-то кого-то бил под дых, а побиваемый держал удары и кричал. Кто-то размахивал ножом, а его противник уворачивался, ускользая змеей. Щуплый с виду капрал, на которого наседали сразу пятеро, демонстрировал редкий, безумно сложный в исполнении стиль «танцующий призрак» и, казалось, «танцевал» в пяти местах разом. Двое морпехов отлеживались на полу, приходя в чувство, — значит вначале противников было семеро и самое интересное я пропустил.

Ни одного знакомого лица. По забавным эмблемам на рукавах можно было разобрать, что бегающая рота носила гордое имя собственное — «Лихие павианы». Надо думать, свежее пополнение. Что-то много военных становится в Поплавке, к чему бы? Эти, судя по оттенку загара, еще неделю-другую назад тренировались в высадке с моря где-нибудь на атоллах Тихого океана...

Значит, Морж прав? Будем воевать?

Будем так будем. Интересно, с кем? С зоной Лиги? С зоной Унии? С Независимыми? Или со всеми сразу?

Вереница морпехов с товарищами на плечах сделала полный круг по периметру зала и вновь протопотала в метре от меня. Сержант, мазнув по мне взглядом, ударом пятки притормозил тяжело дышащего под ним страдальца.

— Простите?..

Я указал на часы.

— Не хочу быть невежливым, сержант, но мне кажется, ваши люди ошиблись временем. С девяти до одиннад-

цати по четным числам — время погранфлотилии.

Сержант смастерил сожалеющую улыбку. В ней выразилось все: и должное почтение к старшему по званию, и удовольствие от неподчиненности ему, и легкое презрение морпеха к глубиннику, и даже то, что он возвышается над собеседником на метр. Зато взмыленный парнишка посмотрел на меня с явной благодарностью.

— Извините, лейтенант, вы не в курсе. Нам зачитан приказ командования: все спортивные сооружения и специальные тренажеры Поплавка вплоть до особого распоряжения переданы бригаде генерала Бруна. Еще со вчерашнего дня. Увы, ничем не могу вам помочь. Если имеет место недоразумение, справьтесь у менеджера зала.

Вежливый...

А чего ему лаяться? Не на его горбу ездят.

Я поискал глазами Фабрицио и нашел. Вместо того чтобы следить, как бы эти жеребцы не поломали чего из инвентаря, он смиренненько сидел на скамейке у противоположной стены зала и вроде бы дремал. Ну, пусть... Я-то знал, что он не дремлет и закрыл глаза вовсе не оттого, что морпехи ему противны, как всякому флотскому. Тут случай особый, тяжелый. По статистике, у каждого шестого глубинника после десяти лет службы на Капле развивается либо агорафобия, либо, что реже, клаустрофобия. Фабрицио — редчайший случай обоих недугов сразу. Говорят, он слезно упрашивал, чтобы его не списывали, позволили дослужить срок, и командование пошло навстречу. Вот этот зал — единственное на Поплавке место подходящего для него объема. Он тут и спит на раскладной койке...

Видно, иногда ему и здесь бывает тошно, раз закрыл глаза.

Беспокоить Фабрицио я, конечно, не стал и, кивнув сержанту, побрел к выходу. За моей спиной сержант пришпорил бедолагу: «Догоняй, слабак, шевелись, маменькин сынок, не спи, павиан бесхвостый...» Дробный топот ног удалялся.

Куда деть время — вот вопрос. После Джильды в бордель все еще не тянет, да и не то время суток. Вернуться к себе и попробовать поймать по корабельной трансляции какую-нибудь развлекаловку? Обрыдло... Зайти к ребятам из Вспомогательного, понаблюдать за драками бойцовых мышей в дырчатом аквариуме, поставить несколько монет на фаворита? Лень тащиться, далеко.

Может, и вправду пойти выпить?

С этой здоровой мыслью я направил стопы в пустующую по раннему времени кают-компанию четверто-

го отряда и чуть далее — в буфет. Бары еще закрыты, а здесь прежде адмиральского часа водки не допросишься, но пива дадут. Может быть, даже темного.

Насосаться можно и пивом. А нет — спуститься в трюм и у первого же встретившегося жучка купить бутылку контрабандного пойла.

Только один столик был занят — за ним сидел и потягивал пиво рыжий Лейф Бьернсон, являя на всем известной конопатой физиономии картину полного довольства. До сих пор мы с ним пересекались редко — разные смены патрулирования. Не случись со мной ЧП, не пересеклись бы и в этот раз. Пиво он пил из знаменитой на всю флотилию литровой серебряной кружки — позапрошлогоднего приза за победу в гонке.

Заметив меня, Лейф повернул голову.

— О! Привет, лейтенант. Участвуешь?

— В выпивке? Конечно.

— В гонках, — снисходительно пояснил Лейф. — Обещают хорошую погоду. Смотри не наберись с утра пораньше.

Приложив к папиллярному идентификатору на пустой буфетной стойке указательный палец, я уменьшил причитающееся мне жалование на две монеты и получил в высокой кружке свой литр пива — увы, светлого.

Ладно и так. Особенно если чуть погода дадут вторую кружку. Бывают такие чудеса.

Пиво сегодня было сносное. Я жадно всосал первый глоток и слизнул с губ пену.

— Какая разница? Я запасной.

— А ты не кисни, — посоветовал Лейф. — От нашего отряда заявлено три участника и трое запасных. Офицерские гонки, тут, сам знаешь, всякое может случиться. Положим, участвовать в индивидуальном первенстве тебя никто не заставит, не желаешь — и не надо, одним конкурентом меньше, а к командной гонке будь готов. Все может быть. Гонял ты, я помню, неплохо.

— А, — сказал я, делая второй глоток. — Когда это было. То ты, а то я. Полгода без тренировок.

— Ну, тебе решать. Гляди не пожалей потом... — Лейф сощурился. — Так что, вычеркивать тебя?

Я пожал плечами.

— Как хочешь.

— Я-то не особенно хочу, — сказал он.

— Тогда не вычеркивай...

Лейф посмотрел на меня с любопытством.

— Я слышал, тебя в рейде едва на тот свет не отправили, нет?

— Именно нет. Не отправили.

— Может, расскажешь?

Я медленно пил пиво. Рассказывать, даже в самых общих чертах, отчего-то не хотелось. Хотя, возможно, как раз Лейфу стоило рассказать все. Как-никак глубинник он опытный и вроде не болтун. Пять лет службы на Капле, скромный чин капитан-лейтенанта и три удачные дуэли с капсулами противника, не считая множества мелких эксцессов. Ходячее хладнокровие. Не Петра же мне отягощать своими проблемами, у него своих навалом.

А этот, возможно, способен дать полезный совет. Полезный и мудрый в равной степени.

Например: «Не высовывайся».

В общем-то этот совет я и сам могу дать кому угодно.

Нет, Лейф нормальный парень, свойский и все такое. Во всяком случае, вне службы. Сам не понимаю, отчего при каждой встрече с ним я чувствую легкий укол неприязни. Необъяснимо и даже как-то неловко.

Ну да мне под его началом не служить.

— Твое дело, — легко согласился Лейф; не дождавшись ответа. — Ты в доке уже был?

— Нет. А зачем?

— Тогда жди — вызовут. Я краем уха слышал, что тебе дают новую капсулу.

Я выхлебнул остаток пива одним глотком и поперхнулся.

— Точно? Кх-х... Тьфу! А какую?

— А я откуда знаю? — Лейф развел руками и снова взялся за свою знаменитую кружку. — Иди и посмотри. Семьдесят первый док, если я не напутал. Между прочим, с тебя по этому поводу выпивка.

— Само собой! — Я вскочил с места. — Кхе... Семьдесят первый, говоришь?

Получить от автомата вторую кружку пива я, понятно, даже не попытался. Какое там пиво. Бегу! Мчусь!

Лейф что-то крикнул мне вслед — я не разобрал что.

Нет для глубинника минуты приятней, чем получить новую матчасть, особенно капсулу. Подозреваю, что то же самое чувствуют пилоты-истребители ВВС по от-

ношению к своим флайдартам. По правде сказать, служба на настоящей субмарине куда притягательней одиночного патрулирования, но первое ощущение единоличного обладания не идет ни в какое сравнение. Субмарина — на многих, капсула — на одного. В этом все дело. Второй дом, а после того как наденешь цереброшлем и прочувствуешь собой ее всю — от киля до рубки, от носа до кормы, — и второе «я».

Неудивительно, что я поспешал рысцой.

Малые доки — ремонтные и сборочные — расположены по всей окружности Поплавка метров на сто ниже ватерлинии. Мысленно прикажи люкам капсулы задраить, выжди результат, похожий на прикосновение одежды к телу, пошли запрос, получи подтверждение разрешения покинуть терминал, пройди двойной шлюз — и все, ты на свободе. Один в огромном, полном жизни просторе, который только из Поплавка кажется страшной бездной.

Может быть, оттого, что управляешь Поплавком не ты, а другие.

Может быть, от того мои глупые ночные кошмары.

Внутренний шлюз, ведущий в док номер семьдесят один, был открыт, и в доке шла работа. Капсула оказалась того же типа «Удильщик IV», разве что с виду казалась совершенно новой, каковой, по-видимому, и была. Надо же, их еще производят...

Разумеется, втайне я мечтал кое о чем получше. Если не о великолепном «Крабене», то хотя бы о «Скате» последних моделей. Но, честно говоря, и «Удильщик» неплох, особенно если нет ничего другого. Скорость погружения—всплытия у него вполне достаточная, легкость управления ни с чем не сравнимая... вот боевая мощь, по сегодняшним меркам, пожалуй, слабовата.

Пожилой добродушный техник, командовавший бригадой рабочих, не помешал мне трепетно провести ладонью вдоль борта капсулы — ласковое, почти живое тепло. Он лишь спросил понимающе:

— Твоя?

Я кивнул.

Бортовая обшивка кажется мягкой на ощупь и на самом деле является таковой. Мой ноготь оставляет на ней след.

Ничтожная царапина почему-то не затягивается.

— Регенеративные цепи не задействованы, — поняв, комментирует техник. — Хорошая посуда, лейтенант.

300 Зайди попозже, опробуешь.

— Прямо сейчас нельзя? — спрашиваю я с надеждой.

— Нет, тут работы еще часа на два, на три. Ты уж, лейтенант, не мешай нам, ладно? Сделаем на совесть, не сомневайся.

Этот мудрый техник и стихийный психолог точно знает, как разговаривать с нетерпеливыми глубинниками. Даже не выказывает законного раздражения, предпочитая потерять оплаченную минуту...

Удовольствие откладывается. Глубинники и техническая обслуга никогда не жили душа в душу, и я чувствую себя вправе настаивать на своем, ругаться и даже рукоприкладствовать — но это не ускорит дело, да и численный перевес не на моей стороне. Поэтому, понимающе кивнув, выхожу вон.

Навстречу мне по кольцевому транспортному тоннелю скользит большегрузная платформа-антиграв с неким металлическим дикобразом размером с товарный вагон — самопроизвольно начавшим развитие зародышем глубинной капсулы неизвестного мне типа. Скорее всего брак. Малый антиграв-матрисса, специальный скоростной снаряд для экстренных грузов, неведомо как попавший на обычный путь, тащится следом, оглушая беспрерывными сигналами. Тупоумный андроид, ведущий платформу, никак не реагирует. С противоположной стороны по пешеходной дорожке в сопровождении Хмыря Бенни, нарочито шагающего враскачку, валит толпа незнакомых молоденьких мичманов. Новички из пополнения, доставшиеся погранфлотилии. Так-так.

Морда у Бенни недовольная. Я его понимаю. Быть нянкой при молокососах — удовольствие посредственное.

Хмырь — трус, плавать не любит. Много раз пытался увильнуть от патрулирования, подставлял других, ходил с битой мордой, сиживал на гауптвахте, но так и не вылечился. Он из Южного учебного центра в Кейптауне, оттуда еще и не такие фрукты выходят. У нас на Сумбаве он не прижился бы, сколько таких вылетало пробкой не позднее второго курса — не счесть. Дрянцо, а не человек, им даже Джильда брезгует. По-моему, начальство давно плюнуло на Хмыря как на боевую единицу и не ждет от него иной пользы, кроме выполнения мелких поручений внутри Поплавка. Ленивый лакей — все равно лакей.

Сам заслужил. Нужно же кому-то поведать вновь прибывшим местные легенды — о Сонной субмарине, например, — и народные приметы типа: «Если поверхность океана бурлит, как в кастрюле, это к близкому гидросейсму, а если притом еще и воняет, это продувают гальюн».

Новички с любопытством вертят головами. По виду старшему из них чуть больше двадцати. Так и есть, предсказанный Моржом ускоренный выпуск: погружение—всплытие...

При виде меня Хмырь расцветает улыбкой.

— Знакомьтесь, салаги: лейтенант Альвело. Самый лихой глубинник из прошлогоднего пополнения, далеко пойдет! Вот пусть он скажет: что в нашем деле самое главное?

— Засек противника — бей первым, — автоматически отвечаю я. — И немедленно ныряй на максимальную глубину. Кстати, противник попытается сделать то же самое.

Это им известно. И лишь один спрашивает:

— А в мирное время?

— Разве я о войне говорил?

Меня засыпают вопросами. Мальчишки совершенно серые, обучены наскоро, еще далеко не глубинники, а дрессированные салажата и неумехи. Тем лучше, что в большинстве не демонстрируют дутую крутость и не стесняются обнаружить невежество. Год назад, едва прибыв на Каплю, я точно так же надоедал мало-мальски опытным профессионалам — но, кажется, мои вопросы были слегка умнее.

Эти пока что — корм для криля.

Пока я учу молодняк уму-разуму, Хмырь исчезает. Кручу головой — нет мерзавца! Сбежал, паршивый лодырь, бросил салажат на мое попечение, и его роже нынче судьба быть битой.

— Смирно, — говорю, и салаги послушно вытягиваются. Я не Морж, нет у меня призвания к педагогике. — Вопросы отставить. Учебные классы на девятой палубе, злачные места в нижних трюмах. Кому интересно, пройдите по докам. В полдень состоятся офицерские гонки на скутерах, советую посмотреть. Вольно. Разойдись.

Возвращаюсь в кают-компанию, но не прямым путем, а даю крюка через три лифта и служебный уступ с посадочными площадками для летающих платформ — короткий путь почему-то перекрыт нарядом полиции с автоматами наготове. В споры с копами я не вступаю — и без них предостаточно раздражающих факторов. Дыхательный фильтр забыт в каюте, и на уступе я не задерживаюсь. Все-таки можно дышать, хотя медицина утверждает, что полезного мало. В небе висит дымка не дымка, облака не облака — так, какое-то невразумительное суфле, и скрывает в себе вершину Поплавка. В воздухе прохладно и, как всегда, сыро.

Поплавок уже стоит. Гонки начнутся менее чем

Надо посмотреть...

Лейфа Бьернсона в буфете уже нет. В углу коротает время за пивом компания старожилов и не обращает внимания на двух шустрых мичманов, отбившихся от стаи молодняка, — эти пытаются получить пиво, поочередно прикладывая пальцы к датчику идентификатора. Напрасное занятие: в его памяти еще нет индивидуальных параметров только вчера прибывшего пополнения.

На вид совсем мальчишки. Не глубинники — слепые котята, которых вскоре будут топить. А им и пива не дают.

Отстранив их, я дважды тычу пальцем и — о чудо! — получаю из окошечка выдачи сразу две кружки. Третья попытка неудачна, автомат решает, что двух с меня пока хватит. Вполне приличное на вкус светлое пиво, кучерявая пена выше краев, и не сразу скажешь, что синтетика местного розлива на воде из опреснителей да еще, если не врут, с подмешанным либидоцидом — тут и Джильда бессильна что-либо изменить. Одну кружку сую мичманам.

— Угощайтесь, коллеги. Это на двоих.

Принимают с благодарностью. Подношу свою кружку к губам, дую на пену...

— Филипп!

Бьернсон. Бежит, запыхался.

Опять кому-то что-то от меня надо.

— Не увлекайся. Ты в команде.

— Это почему?

— Пит-Фитюлька выбыл. Пулевое ранение. Заменишь его. Не понял.

— Пулевое?? — Не верю ушам.

— Ты что, выстрелов не слышал? — изумляется Лейф, а я с не меньшим удивлением качаю головой. Он тяжело дышит — наверное, в поисках меня обегал не одну палубу, — и выплевывает короткие фразы. — Полиция... провела рейд. Очистка нижних трюмов... от этих... А, ерунда, почти без баталии. Подали в вентиляцию какую-то химию... они и полезли, как тараканы. Почти полтысячи душ. Теперь... начальство думает, куда девать... такую прорву. — Лейф давится коротким смешком. — Говорят... один полицейский убит, и есть раненые... Это уже наверху кто-то из трюмных рыпнулся. Пита-Фитюльку... в лазарет. В мякоть задело.

— Как его туда занесло? — поражаюсь я. Скорее Капля высохнет, нежели глубинник, да еще офицер, **303**

станет участвовать в полицейской операции, хотя бы и по приказу. Лучше гауптвахта.

— Так же, как и тебя, возле дока, только в секторе Дельта. Ты что, не слышал, как я тебе кричал?

Качаю головой.

— А что ты кричал?

— Чтобы ты варезку не разевал, понятно?

— Шишки в штабах в своем уме? — интересуюсь. — Да без баб, хоть и таких, и без водки Поплавок через неделю на уши встанет!

— А вот это не нашего с тобой ума дело, — отбρίζει Лейф. — Короче говоря, иди переодевайся, ты нужен.

Нечего делать, оставляю вторую кружку мичманам.

Те рады.

Я ухожу без протеста в душе — все входит в норму. И жизнь будет, и служба, а о мелкой неприятности пора забыть. Вот, в гонке поучаствую... Конечно, только в командной, не хватало мне еще осрамиться в личном первенстве.

Отчего-то мне делается смешно. Велик Поплавок и столь же мал. Не на Земле, где население некуда девать, не в старой развитой колонии — устраивать полицейские облавы на люмпенов здесь, на практически не заселенной Капле! И выловить пятьсот никчемных душ!

Комедия абсурда. Если вообще комедия.

Абсурд — это вовсе не то, чего не бывает. Абсурд — это то, с чем разум обывателя временно не в силах смириться.

Обывателя — или оболванца?

Мерзкое словцо. Придумали его пораженцы и вообще всякие пацифисты-подцеписты — те, кого мы в Новом Ньюпорте нещадно били всякий раз, как в их куриные мозги забиралась мысль подразнить курсантов своими лозунгами. Выдумали: сдать Лиге! Почему тогда не Унии? Им обеим на Землю — тьфу и растереть, не нужна она им, перенаселенная, с истощенными ресурсами, — им наши колонии нужны. А чего стоит Федерация без колоний? Задохнется в считанные годы.

Хочу ли я этого?

Да я горло перегрызу тому, кто захочет!

Хочу ли я войны, если ее результатом станет возвращение в Федерацию всей Капли?

А кто из нас этого не хочет?

Так чего же я, спрашивается, трепыхаюсь? Тоже мне мститель, граф Монте-Кристо, мушкетер с бензопилой...

Ну и утихни.

Нужно впредь быть осторожнее, только и всего. Насколько это возможно, если, конечно, возможно вообще.

Я едва не прошел мимо своей каюты и несколько секунд соображал возле двери, что мне в ней понадобилось. Да, сперва переодеться... Еще, пожалуй, перед началом гонки следует осмотреть скутер. Успею, но впритык.

Быть осторожнее... Легко сказать. Это не состязание борцов, где учитываются весовые категории, и не гандикап. Откуда мне знать, как помимо меня решится судьба лейтенанта Альвело в дальнейшем и как она решается, возможно, в эту самую минуту...

...В эту самую минуту генерал-лейтенант авиации Джакомо Риенци прямо с порога давал оплеуху контр-адмиралу Джильде Риенци.

Первый блин не удался — Джильда увернулась. Зато второй пошел точно в цель.

— Шлю...ха! — рявкнул отдельно генерал-лейтенант, прослеживая ненавидящим взглядом полет сестры от двери ее личных апартаментов через половину спальни на гигантскую кровать. — Шлюха! Дешевая распутная дрянь!

Прибежавший на короткий визг контр-адмирала синевато-бледный фельдфебель-денщик просунул в дверь осторожный нос. «Вон!» — заревел Риенци, и нос моментально исчез. Генерал, катая желваки на скулах, защелкнул замок. Жуков в кармане промолчал, не обнаружив присущих большинству стандартных «жучков» слабых электромагнитных полей, и это не удивило. Что дельного тут можно прослушать — страстные вскрики? Скрип кровати?

— Поговорим, сестрица?

Он зашагал от стены к стене, рассматривая сестру, валяющуюся бревном поперек излюбленного лежбища. Магнитом ее туда тянет... Ничего, оклемается.

— Вставай, стерва! Это только задаток.

Джильда запахла домашний халатик. Со стоном приняв сидячее положение, начала массировать шею. Кровать под контр-адмиралом протяжно скрипнула. Расшатанная, заслуженная, многотерпеливая кровать.

— Пошел вон, братец.

Риенци молча шагнул вперед, подняв в замахе руку. Джильда, пискнув, съезжилась.

— Так-то лучше.

Он усмехнулся в короткие жесткие усы, хотел было швырнуть фуражку на кровать, но от лежбища, как всегда, попахивало, и он побрезговал. С грохотом водрузив перед собой резной дубовый стул, тяжело сел верхом, пристроил фуражку на колене, дернул щекой. Потребовал:

— Рассказывай.

Джилда поджала под себя ноги. Кошечка. Нимфоманка. Стерва...

— О чем ты, братец?

— Дура! О твоём Альвело! Наша мудрая матушка забыла преподать тебе одно важное правило: трахай кого хочешь, имей хоть миллион кобелей, но думать изволь головой, а не... Если ты еще не поняла, то объясню: мы по брови в дерьме, сестрица. И вляпалась в него ты!

Джилда равнодушно повела плечом.

— Ты-то в него не вляпалась... — Кулак брата опасно напрыгся, и она поспешила изменить тон. — Что случилось, Джакомо, а?

— Она еще спрашивает! — рявкнул генерал-лейтенант, но уже тоном ниже. — Сука! И это ей я помогал делать карьеру! Ее тянул вверх, как мог!..

Джилда презрительно улыбнулась.

— Подумаешь, карьера! Контр-адмирал в плавающей жестянке на поганой планете... Мечта жизни! Лучше вспомни, сколько я для тебя сделала.

— Заткнись! — медленно, ненавидяще выцедил Риенци. — Говорить буду я. Примерно три... нет, четыре недели назад тебя вызвал Монтегю и приказал выбрать кого не жалко из числа твоих младших офицеров, так? Вижу, не ошибся. Вероятно, он намекнул, что речь идет о совместной операции с контрразведкой. Ты выбрала этого Альвело. Почему? Отвечай. Он был не слишком хорош в постели?

— Не лучше тебя, братец, — ядовито проворковала Джилда.

— Заткнись и слушай. Этот лейтенантишка вернулся, вместо того чтобы пропасть. Нам — плевать. Но поздравляю тебя с выбором! Он в разработке нашей контрразведки и, предположительно, спецслужб метрополии. Мало того, похоже, им очень интересовались до того, как ты его выбрала! Не спрашивай, откуда я это знаю. Велич сел в лужу, а мы с тобой — в дерьмо. Выбрала его ты — именно ты и именно его из сотни подчиненных тебе офицеров, — с какой целью? Потому что накануне он тебе не угодил? Попытайся втол-

ковать это контрразведке, а заодно и объяснить неуспех операции. Кто виноват в том, что непригодная кандидатура не была вовремя заменена? Я не знаю и знать не хочу, что там у них не сработало, зато знаю точно: если Величу понадобится козел отпущения, ему не придется долго искать. Сказать тебе, кто им будет? А вслед за тобой посыплюсь я, и только потому, что имел несчастье родиться твоим братом! Кому, кроме меня, ты нужна, кретинка? Адмиралиссимум не глядя подмахнет приказ о собственном расстреле, не то что о чьем-то разжаловании. И это еще лучшее, на что мы можем рассчитывать!

Генерал-лейтенант Риенци смахнул носовым платком испарину, скомкал платок, швырнул на пол. Минуту, понадобившуюся контр-адмиралу Риенци на то, чтобы собраться с мыслями, он разглядывал сестру — мятое после ночи лицо, холеные ляжки, очень широкий таз, вульгарная хрипотца в голосе, хирургически увеличенные глаза выдают одновременно пресыщенность и неудовлетворенность. В метрополии не всякий портовый бордель согласился бы принять столь потасканный товар. И как это она ухитряется командовать? Пошлая тупоумная сучка... Это гены. По правде сказать, дражайшая мамочка была нисколько не лучше...

Минуту, потребовавшуюся генерал-лейтенанту Риенци на то, чтобы отдышаться, контр-адмирал Риенци исподтишка разглядывала брата — грубое, в багровых пятнах лицо, мясистая шея, след от фуражки на ежике волос. Ну-ну, братец. Пошуми, если тебе это необходимо, можешь даже снова ударить, коль невтерпеж. Ничего в тебе нет, кроме хватки, глотки и чутья, но чутьем мы с тобой равны, просто-напросто на этот раз ты унюхал опасность первым. Опасность, прямо скажем, пока гипотетическая, но чувство самосохранения примитивного дуболома вопиет, не так ли, братец? И ты уже придумал, как ее избежать, как вывернуться, — я ведь знаю тебя, Джакомо. Говори, братец, говори...

— Как решим? — спросила она, потому что он ждал этого — беспомощного — вопроса.

— Как я скажу, так и решим. Прежде всего от Альвело нужно избавиться как можно скорее. Причем это должно выглядеть более чем естественно. Концы в воду — и все. Потом я решу по обстоятельствам, что нам делать, понятно? А от Альвело избавишься ты.

— Сейчас? На Поплавке? — Джильда наморщила лоб. — Хм... Может быть, позже, с началом боевых действий...

— Глупости. Мы не можем столько ждать. Кстати, тебе вовсе не обязательно убивать его. Пусть-ка твой лейтенант поохотится за старыми торпедами в Гольфстриме, как раз для него занятие. Что-то давно у тебя не было штрафников. Я слышал, это сложный район, или я ошибаюсь?

Джилда покачала головой.

— Настолько сложный, что без трибунала это дело не обделаться.

— Да? — Генерал иронически поднял бровь.

— Ну... очень сложно.

— Так-таки и очень? Он напивается? Бездельничает в служебное время? Травку курит? Не знаешь — узнай. То есть что значит: как все? Он — не все, тебе понятно?

— Да.

— Встань... Смотреть на тебя тошно.

Джилда покорно прыгнула с кровати. Скромно одернула халатик.

— Так лучше?

— Один черт, — буркнул Риенци. — Хотел бы я знать: ради чего я тебе помогаю?

— Ты это знаешь. Утону я — утонешь ты. Или оба выплывем. Можешь отречься от меня — результат один.

— Заткнись!

— Не сердись, я все сделаю. — Она подошла, поцеловала его в потный висок с пульсирующей под коричневой кожей жилкой. — Спасибо за урок, братец.

— Не за что... тварь... сестренка...

Глава 2

Прямо над ватерлинией на нижнем, служебном уступе сектора Альфа даже сквозь дыхательный фильтр пахло сыростью, морской солью, парами и перегаром углеводородного горючего, смазочным маслом. С уступа полого спускался в воду широченный пандус, разделенный на стартовые «гнезда» наспех приваренными невысокими барьерами, тускло блестящий, обильно покрытый густой смазкой. Пандус именовался слипом, как якобы он назывался у китобоев в Темные века, если

только историки не врут и в земных океанах когда-то действительно водились киты. Радужные пятна расплзались от слипа по воде, и сама свинцовая поверхность океана, медленно несущая ленивую зыбь, даже поодаль от Поплавка казалась густой и маслянистой, словно мазут. Был штиль.

Двое нижних чинов подволокли скутер к «гнезду». Филипп надел каску, сел верхом на длинное сиденье, сунул ноги в упоры и прогрел на холостом ходу двигатель. Не нравится мне этот штиль, подумал он с неясным беспокойством. Нехороший какой-то штиль, неприятный, совсем необычный для южных широт. И вода — холодная...

Он поежился и несколько секунд убеждал себя, что ему тепло, а убедив, удивился тому, что пришлось убеждать. Штормовой комбинезон греет отлично и не впитывает воду. А брызг будет... Ничего страшного, прокатимся разок, отвлекусь от глупых мыслей и глупых снов будет очень полезно. Всех дел — съехать со слипа, разобраться в стартовой сутолоке, как можно быстрее объехать вокруг Поплавка, с размаху, не ошибавшись номером, влететь в свое «гнездо» и пересечь финишную нить слабенького лазера. Только-то. А если улыбнется удача — будет и у меня призовая серебряная кружка, подумал он. Буду из нее пиво пить. Хотя за командную победу кружку не дают, а дают стопку. Что ж, буду пить водку. Впрочем, тут есть гонщики и посильнее, так что вряд ли. Запасной — он запасной и есть, и даже если участвует в гонке, всерьез никем не принимается. В общем-то это только к лучшему, но шанс прийти первым все равно ничтожен.

Четверть часа назад финишировал индивидуальный заезд. Лейф опять победил — сейчас он громогласно хохотал и принимал поздравления в центре кучки болельщиков, пробившихся на служебный уступ. Несколько добровольных распорядителей из числа старослужащих, с белыми повязками на руках, берегли глотки и пока не вмешивались, разумно давая схлынуть приливу восторженных чувств. Время пока терпело. На смотровых уступах — и в пятидесяти, и в ста метрах над ватерлинией, и выше — слитно галдели, там было черно от зрителей. Где-то там, вероятно, был и Петр, но на таком расстоянии не стоило наугад махать рукой — все равно он не разберет, кто где. Верхушка Поплавка, как обычно, скрывалась в облаках. Рейсов с утра не было, терминал бездействовал.

Сегодня на смотровые уступы высыпали все, кому не лень. Кроме, разумеется, вахтенных, проклинающих свою

участь, больных, арестованных по дисциплинарным делам, неизлечимых агорафобов и наконец-то взятых в оборот трюмных крыс. Большинство зрителей толпились над слипом, гроздьями висели на поручнях, тянули шеи, стараясь не пропустить момент старта. Большие офицерские гонки бывают лишь дважды в год — в год Капли, а не земной год. Это на тренировки свободных от вахты молодых офицеров можно смотреть почти еженедельно, стоит лишь Поплавку лечь в дрейф в штилевой полосе, но в тренировках нет ничего интересного. Гонка, особенно командная, когда по океанской зыби, подпрыгивая, вылетая из воды и снова плюхаясь в фонтанах брызг, одновременно несутся полсотни скутеров и можно вдоволь насладиться зрелищем, выиграть или проиграть пари, — другое дело.

Никто уже не помнил, когда возник этот обычай и кто первым придумал устраивать гонки, — на этот счет ходили разные легенды. Командование не поощряло и не запрещало рискованную забаву, в коей участвовали или мечтали участвовать почти все одуревшие от монотонности службы офицеры от мичмана до кавторанга включительно. Скутер являл собой плоскую доску, сработанную из легкого металла, снабженную сиденьем, рулевым управлением, водометным двигателем и топливным баком. Доски вырезались по стандартному шаблону из переборок старых, назначенных на слом субмарин, водометные движки, позволяющие скутеру развивать порядочную скорость, в ненужном избытке имеющиеся на складах деталей и агрегатов, были двигателями ориентации «Нырка» — крошечной, безнадежно устаревшей капсулы, мало пригодной для Капли. При отказе двигателя скутер, потеряв скорость, сразу тонул, оставляя седока барахтаться в воде, в чем заключался элемент риска для участников и удовольствия для зрителей. При неизбежных столкновениях скутеров в стартовой сутолоке чаще всего случалось то же самое. На всякий случай штормовые комбинезоны участников непосредственно перед заездом опрыскивались из пульверизатора какой-то химией, по легенде, отпугивающей криль.

Филипп знал, что в прежние времена практиковалось поло на скутерах, особенно популярное на дальних базах, где офицерье от скуки сходило с ума, но эта забава попала в разряд запрещенных, после того как два офицера, оказавшиеся в воде, были схвачены неожиданно вынырнувшей из глубины хищной водорослью. По рассказам старослужащих получалось,

310 что большинство офицеров Поплавка безропотно при-

няли решение командования, и это было понятно: погибнуть с честью на войне или в благородном спорте и быть сожранными, как бифштекс, — очень разные вещи.

По жребию ему досталось двадцать четвертое стартовое место, Лейфу — двадцатое. Третий участник команды вытянул сорок седьмое место, и было очевидно, что вся его задача в командной тактике — не особенно мудря попытаться проехать как можно лучше, если не притрут.

Ожидая указаний, Филипп смотрел не на воду — на Лейфа Бьернсона. Но Лейф, удачливый счастливчик, отделавшись от почитателей, только подмигнул ему и сделал несколько движений рукой, которые Филипп понял так: в давку не лезь, по возможности вырывайся вперед по внешнему радиусу, и если (что вряд ли случится) догонишь меня — сработаем парой. Филипп покивал в ответ, показывая, что понял.

Прокричали минуту до старта. Уступ пустел: добровольные распорядители деликатно теснили посторонних. Официальных блюстителей порядка на нижнем уступе не было видно вовсе, что не удивляло: полиция Поплавка всегда хорошо знала, где стоит вмешаться, а где, пожалуй, лучше оставить все как есть, и, как всякая умудренная опытом корабельная полиция, предпочитала держаться подальше от открытой воды.

— Мину-у-утная готовность!

Толпы зрителей на уступах слитно взревели. Филипп сместился на сиденье чуть вперед, побалансировал на краю. Теперь легкий толчок ногой — и скутер заскользит по слипу, а как только он коснется воды, надо резким качком назад сместить центровку, чтобы сразу выйти на глиссирование. Только бы не соскользнуть раньше сигнала — это считается позором...

— Три-и-идцать секунд!

Разом взвыли на холостом ходу пятьдесят двигателей. Пятьдесят пар рук легли на рулевые колонки.

— Де-е-есять секунд! Приготовились... Внимание... Старт!

С последним выкриком бабахнул выстрел из карабина — в воздух, и гонка началась. Один круг против часовой стрелки в объезд Поплавка, около трех с половиной миль кольцевой дистанции, меньше пяти минут гонки. Нормальная субмарина в кавитационном режиме ходит быстрее...

Брызги ударили в лицо, пена окатила ноги. Удачно выскочив на поверхность, Филипп только теперь почувствовал азарт. Боковым зрением он заметил, что скутер соседа справа как нырнул в воду, разогнавшись на слипе, так

и не вынырнул, к вящему удовольствию флотских старшин, охотно изготавливавших спортивные суденышки на заказ под складчину офицеров. Мелькнула в воде мокрая голова. Двое слева столкнулись... Так. Еще у одного прямо на слипе отказал двигатель. Четырьмя соперниками меньше. Не-ет, в собачью свалку мы не полезем, а будем выбираться на внешний радиус, как было условлено...

Ему все-таки пришлось заложить вираж раньше, чем хотелось: справа недвусмысленно наваливался чей-то скутер, как видно, быстрее соскользнувший в воду. Он тут же пристроился справа, отжимая Филиппа ближе к Поплавку, где, как и ожидалось, царила предстартовая толчея. Филипп поднажал, и они понеслись бок о бок. Полированные днища скутеров послушно расшвыривали воду.

Кто такой? Жаль, не видно знаков различия. Наверное, из Ударного флота, там есть лихие гонщики... Мало-помалу Филипп выдвинулся вперед на полкорпуса и теперь уже сам отжимал соперника подальше от все еще продолжающегося столпотворения на внутреннем, наивыгоднейшем радиусе у самого борта Поплавка. Потом, когда они разберутся, придвинемся поближе, а пока вот так — метрах в сорока, где никто не мешает... Нет, мешают...

Чуть сбросив скорость, он отвернул влево, едва не переехав корму чьего-то скутера, невесть откуда ринувшегося наперерез. Командная тактика: ты мешаешь другим, они мешают тебе, пока лидеры рвутся к финишу. Скутер высоко подпрыгнул на кильватерной волне, и Филиппу на миг показалось, что он опрокинется. Нет, обошлось. Где Лейф?

Он поискал глазами впереди себя и быстро нашел. Должно быть, Лейфу сильно помешали на старте гонки, поскольку он не примкнул к группе лидеров, как ожидал Филипп, а скакал по зыби недалеко впереди. Очень может быть, что придется сработать парой: встать уступом и переднему гнать что есть силы в движке, а заднему подрезать конкурентов.

Слева участники гонки постепенно разбирались в кильватер; справа маячил один-единственный скутер — уже не тот, что вначале, другой, — и все порывался проскочить влево под носом Филиппа, а потом отстал. Филипп взял влево и нашел свое место в гонке. По первым прикидкам, выходило неплохо, и если так пойдет дальше, можно надеяться финишировать в первой десятке. А можно постараться объехать вон того, что

312 мешается перед самым носом, — явный новичок, из-

лишне дергается, мешая скутеру самому найти наивыгоднейший режим глиссирования, и быть новичку в хвосте.

Привстав в упорах, он впритирку обошел новичка, затем некоторое время боролся с тем, кто шел впереди него, но тот был начеку, немедленно парировал все попытки Филиппа обойти его как по внешнему, так и по внутреннему радиусу, и Филипп на время оставил его в покое. Два раза он оглянулся, с удовлетворением отметив, что погоня отстала и никто не наступает на пятки: в первый раз объеханный новичок оказался метрах в двадцати позади, во второй раз он и вовсе скрылся за изгибом Поплавка. Поплавок был рядом, пугающе близко, больше всего он был похож на торчащий из океана вулканический конус, ежеминутно грозящий разразиться извержением. Филипп только раз мельком взглянул вверх и больше смотреть не стал. Он чувствовал себя как на крыльях. Удалось зацепиться за хвост лидирующей группы, и это удача, правда, все решится на финише, когда перед въездом на слип нужно будет на скорости описать широкую дугу, ни в коем случае не позволяя себя подрезать, и уж подавно надо не ошибиться номером «гнезда» — иначе твое время запишут тому, в чье «гнездо» ты по ошибке влетел, и быть тебе объектом насмешек в кают-компании, покуда насмешникам не надоест насмехаться...

Впереди, сколько он мог видеть, было не то одиннадцать, не то двенадцать скутеров. Суденышко Филиппа подпрыгивало мячиком в кильватерной струе преследуемого, в лицо летели холодные брызги, а сам преследуемый точно так же умывался брызгами и подпрыгивал в кильватерной струе Лейфа Бьернсона. Жми, Лейф! Шансы высоки, и если наш третий... как его, носатого... Левон, кажется, он из инженеров... да, если он проедет хотя бы средне, можно надеяться на командную победу. Но, похоже, у Лейфа проблемы... Сбоит двигатель? Его преследователь поравнялся с ним, медленно обходит... Обошел! Жми, Лейф! Пройдено меньше половины дистанции, сделано меньше половины дела... Жми! Держи скорость!

Филипп вдруг обнаружил, что кричит во весь голос, но вряд ли Лейф слышал, а если слышал, то и сам прекрасно знал, что надо делать. Да, жаль: так хорошо шли... Филипп принял вправо, и мало-помалу задранный нос его скутера поравнялся с кормой Лейфа, а затем начал медленно выдвигаться вперед. Лейф смотрел прямо перед собой, сидел ровно и, по виду, не предпринимал никаких попыток устранить неполадку, не терзал двигатель, рывками меняя режим

его работы, как непременно поступил бы Филипп на его месте, что показалось немного странным. Оно, конечно, мастеру виднее... И тут случилось совсем непонятное.

Скутер Лейфа внезапно вильнул вбок, опасно подрезав Филиппа. Нет, это не подрезка, это — столкновение... Филипп едва успел среагировать; среагировал даже не он — среагировало тело, но все же металл с коротким скрежетом задел о металл, и толчок получился чувствительный. «Идиот!» — заорал Филипп и подумал, что Лейф его, наверное, все-таки не слышит, а жаль; хотя очень может так случиться, что бабахнет у него вовсе не водомет, а управление...

Он не успел додумать эту мысль, потому что скутер Лейфа вновь ринулся в атаку, и Филипп рывком сбросил скорость, пытаясь избежать нового столкновения, но было поздно. Скутер Лейфа полез на его скутер, а Лейф — Филипп это ясно видел — был озабочен лишь тем, как бы половчее завалить соперника и не опрокинуться самому. Что он делает, мы же в одной команде! Точно, свихнулся. Ненормальный. У нас же командная гонка! Да и по отношению к настоящему сопернику такие действия недопустимы, за грубость в благородном спорте с виновным перестают здороваться и можно запросто схлопотать по физиономии в кают-компании...

Хрустнуло. Скутер провалился носом, высоко задрав корму. Мелькнуло лицо Лейфа в маске дыхательного фильтра, ударил в лицо фонтан брызг, и что-то твердое, наверное, осколок доски, долбануло по каске. Перелетая кубарем через руль, еще не успев испугаться, Филипп с удивлением подумал, что внешне Лейф нисколько не похож на свихнувшегося, напротив, он собран, скуп в движениях и даже деловит, как человек, выполняющий нудную, но необходимую работу. Мозг обожгло догадкой мгновением раньше, чем тело обожгло водой. Филипп вынырнул и тут же нырнул снова. Перехватило дыхание. Вода была холодная, не выше десяти градусов, но лучше было немного померзнуть, чем быть разрезанным на куски скутерами отставшей группы. Работая руками и ногами, как лягушка, Филипп погрузился поглубже. Так, с какой стороны у нас Поплавок? Кажется, вон с той. Надо плыть под водой прочь от Поплавка, сколько хватит воздуха в легких, а потом вынырнуть и позвать на помощь...

Он вынырнул, когда в глазах заплясали огненные змеи, когда больше не стало сил задерживать дыхание и бороться с оставшимся в комбинезоне пузырем воздуха,

норовящим вытолкнуть его на поверхность, и первое, что он услышал, вынырнув, был тягучий, заунывный, страшный звук, словно в океане кричало огромное раненое животное, мучимое болью и одиночеством. Казалось, звук шел отовсюду, без конца, без смысла...

Отплеываясь и откашливаясь, Филипп огляделся. Второй мокрой головы поблизости не оказалось, и это значило, что Лейф устоял при столкновении, а теперь несется к финишу, будто ничего не случилось. С Лейфом было все ясно. Подлец, осторожный убийца, специально выбрал место в середине дистанции, где на уступах мало зрителей, а может, и нет их совсем... Филипп почувствовал, как сами собой стиснулись зубы, не то от холода, не то от злости. Ему захотелось взглянуть на уступы, но он не стал этого делать, потому что на воде творилось совсем уже непонятное: хвост лидирующей группы, разогнав мелкую волну, успел скрыться за окружностью Поплавка, иные из отставших продолжали гнать вперед, а некоторые, развернувшись, во весь дух мчались обратно, только сверкали брызги, вылетая из-под днищ. И над водой по-прежнему висел, давил на уши нескончаемый, тягучий, наводящий ужас звук...

Тогда он понял, что это такое: редела сирена тревоги высшей степени, включавшаяся лишь в случае чрезвычайной опасности, редела и звала гонщиков как можно скорее вернуться назад, в Поплавок. В дни войны это могло означать все что угодно, а в дни мира лишь одно: к поверхности океана поднимался желтый прилив.

В южных широтах, как, впрочем, и в северных, не бывает тайфунов. Здесь нечасты грозы, исключительно редки смерчи, совсем не бывает крупных, держащихся месяцами водоворотов и прочих тропических прелестей, на которые так расточительно щедра Капля. Вот только желтые приливы всплывают здесь ничуть не реже, чем в тропиках.

Поплавку, обладающему собственным ходом, не страшны малые приливы, а большие, пятидесятимильного диаметра и более, — бывают редко. На памяти Филиппа такого еще не случалось, он знал об этом только из рассказов старослужащих. Сонары Поплавка способны увидеть вихревой кокон и точно предсказать место прилива, когда тот еще находится на стокилометровой глубине. Но прилив поднимается быстро... И если надсадно ревет испуганная сирена, если

прервана гонка и нужно спешно уходить, значит, прилив ожидается большой и Поплавок находится внутри опасного круга, далеко от предсказанного приборами края пятна...

Как бы ни была дорога каждая минута, нельзя бросить в океане полсотни гонщиков — иначе офицеры Поплавка взбунтуются, — но можно, даже очень можно забыть одного во имя жизни остальных; сейчас Филипп понимал это очень хорошо. Товарищи по отряду в морском собрании обязательно сдвинут стопки за упокой души... и никто не осудит командование. Не устоял, завалился на самом неудобном отрезке трассы — виноват сам и никто иной. Зови на помощь, не зови — никто не поможет: подобрать пловца в скутер невозможно, а посылать спасательный бот нет времени... Час или полтора, проведенные в пятне желтого прилива, нанесут Поплавку смертельную рану, несмотря на мощные регенераторы обшивки и тройной борт.

А ведь почти наверняка никто из гонщиков не видел столкновения... или, вернее, — убийства. Много ли видит гонщик? Ближайших соперников да воду перед собой...

Борт Поплавка был близок. Филипп больше не чувствовал холода воды. Скорее к борту, скорее! К обросшей всякой морской дрянью, почти не различимой глазом полосе ватерлинии. Вцепиться в наросты морских репьев, в неровности, во что угодно, попытаться вскарабкаться на нижний уступ, ведь он совсем низко над водой, во время шторма на нем невозможно находиться, всего-то метра три... Наверное, это будет непросто, и если у меня не получится, придется что есть силы звать на помощь.

Может быть, бросят шкерт...

Какая-то крупная рыбина мелькнула неясной тенью и исчезла, лениво поплыла куда-то по своим делам, не подозревая о том, что через час-другой будет безнадежно биться в кислоте. Крыля, к счастью, поблизости не было, потому что если он есть, то пловец узнает об этом очень быстро.

Ладони наконец-то коснулись борта, и пальцы сами собой судорожно вцепились в наросты морских репьев. Боли пока не чувствовалось, хотя висеть на репьях — удовольствие маленькое, и пальцы придется лечить. Так... Теперь надо отдышаться, уступ над головой совершенно пуст, и некому подать руку. Отдохнуть и выбрать место поудобнее. Но очень долго отдыхать нельзя — уходят силы.

Сирена внезапно смолкла, и это было почти му-

316 чительно: ватная тишина в воздухе и ленивый шелест

лижущей борт зыби после давящего на уши рева. Наверное, гонщики уже вернулись на слип или в верхние шлюзы, матросы и андрюиды причальной команды оттаскивают скутеры подальше, слип готовятся убрать, а то и сбросить в воду, аварийная вахта разбежалась по расписанию. Еще несколько минут — и громадина Поплавка начнет набирать скорость, свои жалкие семь узлов, а если выпустит вперед штатные буксиры и задействует в качестве буксиров находящиеся на борту субмарины, то, пожалуй, все восемь.

Ближайший шлюз? Кажется, метрах в ста справа. Нет, до шлюза добраться не успею, к тому же он может оказаться закрытым, надо карабкаться на уступ... Лейфу, конечно, приказали, и этот жизнерадостный киллер рассчитал правильно: если клиент не сломает себе шею при столкновении, он все равно окажется на пути преследующей группы, а если ему и тут повезет остаться невредимым, можно рассчитывать на хищную водоросль, стаю крыля или банальное переохлаждение. Впрочем, этого мало. Филипп с исключительной ясностью представил себе снайпера, ждущего, когда над фальшбортом нижнего уступа покажется мокрая голова... И все-таки надо карабкаться. Желтый прилив — это им подарок, им ведь так хочется объяснить мою смерть непредвиденным несчастным случаем...

Ну, вперед!

Он не сразу понял, что с ним происходит, когда какая-то сила грубо оторвала его от наростов и, кувыркая, повлекла вниз, в черное и холодное, вытолкнула на поверхность и снова утянула под воду. Проклятый воздушный пузырь наконец выскочил из-под комбинезона, и как раз тогда, когда мог бы пригодиться. Отчаянно работая руками и ногами, Филипп вынырнул на поверхность и едва успел сделать глоток воздуха, прежде чем был снова утянут вниз. Когда он вынырнул во второй раз, то не поверил глазам: борт Поплавка темнел метрах в ста от него, а то и больше. Вода кипела, словно в гигантской кастрюле, вспучивалась гладкими пузырями, крутилась водоворотами, швыряла в глаза пену, удержаться на поверхности стоило невероятных усилий.

Тогда Филипп понял, что это такое: Поплавок опустошал балластные цистерны. Понятно для чего: уменьшить осадку, чтобы развить скорость не восемь, а восемь с половиной узлов, может быть, даже девять... Продуть все, что можно, вплоть до гальюнов... Насосы работали на полную мощность, ежесекундно выбрасывая в океан десятки тысяч тонн

воды. И на уступах — никого, все загнаны сиреной внутрь. Никого, кроме, может быть, снайпера, любящегося, как лейтенанта Альвело относит все дальше от Поплавка...

Сколько здесь можно продержаться не замерзнув? Двадцать минут? Полчаса? Во всяком случае, кислота желтого прилива разъест уже труп.

Отчаянно сопротивляясь, по-прежнему не чувствуя холода, он погружался, всплывал, молотил руками по воде и только жалел, что не надел спасжилета — пусть это считается дурным тоном, если не трусостью, наплевать, теперь не до приличий... За что? Чем я вам не угодил, гады? Я ведь лоялен, я простил вам тот случай, потому что поверил: так было надо. Я же верил вам, я же давал присягу, неужели вам этого показалось мало?

Филипп закричал, глотнул воды и закашлялся. Его несло прочь от Поплавка, но Поплавок почему-то перестал отдаляться, а еще через минуту у Филиппа гулко бухнуло сердце: Поплавок приближался! Он шел не прямо к Филиппу, а чуть наискось, и, разумеется, он приближался не для того, чтобы подобрать неудачника, — он просто шел кратчайшим путем к предсказанному краю едкого пятна, не обращая внимания на оказавшуюся на его пути мелкую человеческую букашку. Он удирал, по-черепашьи набирая скорость на полной тяге своих циклопических водометов, он гнал перед собой водяной вал, гладкий спереди и бело-пенистый по бокам, и медленно-медленно — по сантиметру — рос в высоту, поднимаясь из воды.

Пока есть силы — плыть! Ни мыслей, ни чувств — только вперед! Буруны по-прежнему швыряли его и пробовали топить, но, кажется, стало поспокойнее, и водяной вал перед вставшим стеной бортом Поплавка приближался с каждым взмахом. Ещё сто взмахов... Пятьдесят...

Вал отшвырнул его. Напрасно выкладывая силы, Филипп дважды пытался взобраться на этот водяной бархан и один раз — поднырнуть. Потом его повлекло куда-то вбок, с каждой секундой все быстрее, и он понял, что выкладывал силы зря. Коническая гора Поплавка медленно проплывала в двадцати шагах, отшвыривая неудачника со своего пути. Да и кому в этом мире нужны неудачники? Они всегда тонули, фигурально или буквально, и всегда будут тонуть.

Один шанс из ста? Из миллиона? Филипп не думал об этом. Он знал, что шанс есть — последний шанс, крохотный.

Когда водяной вал, вспенившись, отделится от борта, нужно попытаться преодолеть его любым способом —

и ждать. Все равно на большее не хватит сил. Может быть, турбулентность вынесет к борту, может быть — утопит. Это даже лучше, чем замерзнуть.

Теперь он чувствовал холод каждой клеточкой тела. Только бы не свело мышцы, подумал он. Громадина Поплавка важно шла мимо него, словно и не помышляла когда-нибудь кончиться, — еще минут десять она будет тяжело и неостановимо идти мимо, но до рывка осталось минуты две. Минута... Нет, я поспешил, вот теперь — минута. Тридцать секунд... Пора?

Пора.

Перевалившись через фальшборт, он упал и замер, и это было последнее, на что у него хватило сил. Лежать... Не шевелиться. Пусть дыхательный фильтр остался где-то там и трудно дышать... Десять лет жизни за полчаса неподвижности. Нюхнуть бы сейчас порошка... благословенный грибной порошок, прекрасное средство подстегнуть силы и разум — особенно разум, из-за чего, конечно, и запрещенное всякими живоглотами...

Галлюцинация, подумал он и на этот раз не испугался. Сон наяву. Пусть.

Холод заставил его встать на четвереньки, а затем и на ноги. Ноги дрожали мелкой противной дрожью — им вовсе не хотелось нести на себе тело, им хотелось, чтобы их оставили в покое. Болело под ушами от долгого стискивания зубов. На рифленом настиле уступа, там, где пришлось опереться рукой, остались красные пятна — пальцы были ободраны. Лезть по наростам репьев оказалось мучительно трудно и вдобавок очень больно, дважды нога соскальзывала, а однажды зацепка, на которой он едва не повис всей тяжестью, осталась у него в руке. Кровь шла и носом. Филипп потрогал нос и убедился, что тот не сломан, а только расквашен вдребезги и болит ужасно. Саднила правая скула — дотронувшись до нее, Филипп зашипел от боли. Это и называется везением, подумал он, вспомнив, с какой страшной силой его швырнуло о борт и как он инстинктивно хотел закрыть руками лицо, вместо того чтобы в те полсекунды, что были ему подарены удачей, найти зацепки в наростах репьев и вцепиться в них так, чтобы нельзя было сбросить его, не оторвав пальцев. К счастью, инстинкты удалось подавить... Филипп видел, что другого случая не представилось бы: под борт со стороны «кормы» шел здоровенный подсос. Утопило бы, конечно.

Он припомнил, как вплавь брал вал и что чувствовал при этом, видя, как Поплавок уходит прочь — уходит! — и ему стало нехорошо. После вала были буруны, гигантские пузыри кипящей мечущейся воды, его то топило, то вышвыривало наверх, но это как-то выпало из памяти. Поднявшаяся из воды стена то удалялась прочь, то вырастала совсем рядом — вся в безобразных наростах, в усах скользких водорослей. Наверное, сразу после удара о борт он на время потерял сознание, однако руки сами сделали как надо, потому что, очнувшись, Филипп обнаружил себя висящим над бешено клокочущей водой. Его не смыло; до уступа над головой было метров пятнадцать, и Поплавок продолжал медленно вставать из океана. При всех его сверхмощных насосах и необъятных трубах-тоннелях выкачать всю балластную воду, уменьшив осадку на сотню метров, — дело минимум часа, а то и двух.

Висеть на наростах неожиданно оказалось делом терпимым — на Земле с ее силой тяжести замерзший измученный пловец не провисел бы и минуты. Куда труднее было начать карабкаться вверх. Филипп пересилил себя лишь тогда, когда вспомнил о практике очистки от наростов — электромагнитный удар или что-то вроде. От этого шершавая кора морских репьев отваливается сразу, единым пластом, и если кто-нибудь из вахтенного начальства именно сейчас сообразит сделать это, дабы увеличить скорость Поплавка еще на одну десятую узла...

На трясущихся ногах Филипп доковылял до фальшборта и лег на него животом. Бездна, упустившая добычу, приковыляла взгляд. Внизу, теперь уже метрах в сорока под уступом, все так же бурлила вода. Признаков желтого прилива пока не наблюдалось. Поплавок мерно содрогался в такт бешеной работе машин, а были ли высланы буксиры, отсюда не просматривалось. Явившийся свету подводный борт выглядел совершенно отвесным, без малейших намеков на отрицательный уклон, словно от роду был цилиндром, а не полусферой. Немудрено при километровой осадке Поплавка, а все-таки удивительно. Не оторваться. Разум не постигает, какая это громада — Поплавок.

Он почувствовал саднящую боль в пальцах и увидел, что они сами собой намертво вцепились в поручень. Это правильно... Глупо было бы свалиться. Если свалюсь сейчас, ничто уже не поможет, подумал Филипп, содрогнувшись. Даже если каким-то чудом буруны снова швырнут на борт — сорока метров вертикальной стены мне не одолеть ни за

что, я же не скалолаз и не птица, чтобы снизу вверх... Это летать сверху вниз каждый с рождения обучен.

Он с отвращением ободрал с локтей и колен репы, успешшие пристать во время лазания, и швырнул их через фальш-борт. Жест победителя. Усталого победителя. Можно считать, легко отделался...

А отделался ли уже?

А снайпер? Или контролер, наблюдавший за действиями Лейфа, — был ли?

Должен был быть. И очень может оказаться, что он еще не удостоверился в успехе покушения... или как там у них в контрразведке называется? Акции? Операции?

Бежать, подумал Филипп. Поднять шум. Не к Джильде — сразу к Монтегю, и плевать на субординацию! Не примет — учинить скандал и вообще наделать побольше шума, тогда они, может быть, не решатся повторить... Лучше плевать на гауптвахте в потолок, чем отплевываться кислотой в желтом приливе, тут и вопроса нет...

Интересно, открыт ли сейчас в Поплавке хотя бы один внешний шлюз?

На нижнем уступе — вряд ли.

Ближайший трап оказался рядом. Пошатываясь, Филипп пересек уступ, скользя по вечно мокрым ступеням, взобрался на следующий — этот уступ был узенький, просто-напросто внешний служебный ход как раз на полпути к широченному уступу флайдрома сектора Дельта — и здесь лег ничком. Сил не было. Проклятые мокрые ботинки с высокой шнуровкой висели на ногах гирями — просто удивительно, что не утянули на дно... Хотя где здесь дно?

Минуту спустя он понял, что успел убраться вовремя: кто-то шел по нижнему уступу слева, от сектора Гамма. Филипп высунул и тотчас убрал голову. Андерс. Один. Вот, значит, как. Сам подполковник Андерс, правая рука Велича, бледный глист... И лучевик в руке — в открытую. Решил подстраховать, проверить работу Лейфа сам, никому не доверил...

Бежать?

Не убежишь. И поздно. Заметит и срежет первым же импульсом.

Нюхнуть бы порошка... грибного. И хотя бы на несколько минут стать боевой машиной, как тот странный двойник из странных снов во сне и наяву...

Филипп приник к щели шпигата. Глист-Андерс шел не торопясь, своей знакомой вялой походочкой, словно был готов заснуть на следующем шаге. Иллюзия вялости не рассеивалась и тогда, когда он останавливался у фальшборта и, чуть перегнувшись, ленивым взглядом окидывал наружный борт. Заметит он следы крови на настиле или нет?

Заметил. Осматривается.

Как медленно непослушное тело переваливается через поручень, как неторопливо оно летит вниз...

Уже обрушиваясь сверху на Глиста, Филипп с неожиданной веселой яростью подумал, что грибной порошок вовсе не обязателен. Хватит и злости.

Лучевая вспышка оплывала уступ — Глист успел-таки выстрелить, но только один раз и наугад. Сбитый с ног рухнувшей на голову тяжестью, он обмяк совсем ненадолго, затем застонал и заворочался. Пришлось повозиться, отнимая лучевик: пальцы обеспамятвшего Глиста сошлись на рукоятке капканом. Кисть хрустнула под каблуком — Глист коротко вякнул.

Филипп сунул оружие за пояс. Никто не видел? Он оглянулся. На всякий случай посмотрел вверх. Никто, конечно... Опять надо перевалить тело через поручень... Но теперь это было чужое, вяло сопротивляющееся тело, и внизу бесновался океан.

Как видно, подполковник Андерс и в полубеспамятстве не торопился умирать. Во всяком случае, его здоровая рука уцепилась за поручень фальшборта.

— Что, очухался? — крикнул, задыхаясь, Филипп. — Теперь держись и не падай.

— Сволочь, — глухо сказал Глист. — Ты мне пальцы сломал.

— Ты мне жизнь сломал, подонок! Пальцы ему!.. — Филипп подышал, унимая ярость. — Ну вот что... Не ответишь на вопросы — сломаю тебе пальцы и на другой руке. Посмотри-ка лучше себе под ноги... Сломаю, будь уверен. Мне с тобой возиться некогда. Гад ты, конечно... но если ответишь, будешь жить, ты понял?

— Дурак, — сказал Андерс, подняв голову. По болезненно-бледному лицу обитателя глубин Поплавка тек пот. — Ты уже заработал лет десять. Нападение на старшего офицера, к тому же в аварийной ситуации...

— Значит, не договорились?

— Почему, собственно? — быстро отозвался Глист. — Поговорим...

322 — Зачем вам понадобилось меня убить?

Вися за бортом, Андерс жутковато ослабился. Стиснув зубы от нахлынувшей ярости, Филипп ударил рукояткой лучевика рядом с его пальцами — роняя капли конденсата, поручень отозвался звоном. Андерс пробормотал ругательство. Приходилось отдать ему должное, он держался молодцом, и лишь по тому, как напряглась его рука на скользком поручне, Филипп понял: Глист боится.

— Мне повторить вопрос?

Глист покачал головой:

— Ты не поймешь... Стой, не бей! Ты действительно не поймешь... и не поверишь.

— Попытайся объяснить, — с холодной злостью процедил Филипп. — Очень тебе совету.

— Страховка от случайностей. Как по-твоему, почему тебе не дали вакансии в метрополии? Правильно сделали. Ты... не совсем человек.

— Да ну? — Это было так неожиданно, что Филипп при всей неуместности смеха едва не расхохотался. — А кто же я тогда?

— Вероятно, «кукушонок».

— Кто-о?

— Ты не родился в метрополии. Тебя подбросили извне... с какой-то целью... и с фальшпамятью.

— Не болтай чепухи, гад. Ты считаешь, что в это можно поверить?

Глист безнадежно качнул головой.

— Я же говорил... не поймешь.

— Ладно, — зло сказал Филипп, напоказ поигрывая лучевиком. — Оставим пока. А почему меня подставили во время рейда, я тоже не пойму?

Глист колебался не более секунды.

— Тебе предложили выполнить опасное задание. Ты согласился, не зная, в чем оно будет заключаться... совершенно добровольно. В случае успеха тебе было обещано производство в следующий чин. Этот кусок твоей памяти был стерт. Тогда мы еще не знали, кто ты такой... — Андерс замолчал.

— Дальше, — потребовал Филипп.

— Тебе был подсажен мнемоблок с латентной памятью о флоте Федерации на Капле. Дислокация баз, вооружение, степень готовности к войне... словом, все, что гипотетически может знать о нашей зоне любознательный лейтенант нашей же погранфлотилии. Это была хорошая работа, можешь мне поверить.

— Дезинформация?

— Конечно. Остальное ты знаешь. Операция сорвалась по-глупому, мы зря потеряли пищекомбинат и позволили диверсанту уйти. По счастью, сработал запасной вариант.

— Кто он?

— Тебя не касается. Один лейтенант из Резервного флота, его имя тебе ни о чем не скажет...

Так, подумал Филипп. Подставили не меня одного... Цель достойная, не придерешься: пожертвовать одной-двумя пешками на огромной доске, даже не пешками — песчинками... ради успеха в войне за объединение Капли, ради Федерации и светлых ее идеалов... Но как же подло!

Присягал сдохнуть за Федерацию?

Присягал. Искренне. Разумеется, как все, надеясь в душе на лучшее.

А вот этого тебе, приятель, никто не обещал...

Тебе не обещали даже того, что ты при необходимости умрешь за Федерацию от рук противника, а не своего же командования или контрразведки. Есть необходимость или нет ее — не тебе решать.

Подло. Неизбежно подло. Необходимо. Единственный способ победить в нашем подлом мире — стать подлее его.

Получается, что и бомбили меня свои — наверняка «Черный Баклан». Беспрепятственно пропустив чужака, с предельной дистанции взяли своего в бомбовый «ящик», да так, чтобы, боже упаси, не утопить ненароком... Ювелирная работа.

Лишь одного не смогли предположить эти подлецы: что чужак с А-233 окажется не подлецом, а человеком...

— Ты же был воспитан как землянин, — кривясь от боли, хрипло сказал Глист. — Ты же должен понять...

Понять и простить?

— Заткнись!

По виду, Глист честно зарабатывал себе жизнь. А ведь придется, пожалуй, его вытащить, без энтузиазма подумал Филипп. Джентльменские соглашения с ним невозможны, но, надо думать, он будет молчать, сохраняя лицо. Какое-то время. Начальство на него не надавит — это ЕГО операция.

Ох, опасно...

— Вытащи меня!

— Повиси пока. Ты сказал о мнемоблоке. Почему

324 я этого не помню?

— Латентная память, идиот! Воображаешь, что я вру? А память о сеансе и вообще о всякой операции тебе стерли. Потом и мнемоблок был кем-то стерт...

— Что? Кем?

— Не знаю! Вытащи меня, идиот! Сейчас сорвусь!

Филипп покачал головой.

— Мы не обговорили гарантии моей безопасности.

— Я твоя гарантия! Сорвусь — ты труп, понял? Вытащишь — устрою тебе перевод... чтобы не маячил тут. На Малый Эдем хочешь? Земля тебе все равно не светит, врат не стану.

Поверить? После всего сделанного им и его прихвостнем? На одной руке Глист долго не провисит.

Филипп снова почувствовал, что замерз и еле держится на ногах. Пожалуй, еще чуть-чуть — и не хватит сил втащить...

— Я подумаю, — сказал он.

— О чем, кретин?! Тебе предлагают жизнь, «кукушонок»! Жизнь!

Вероятно, на лице Филиппа отразилось сильное сомнение на этот счет. Во всяком случае, позднее он не нашел иного объяснения тому, что произошло секунду спустя.

— Лейтенант, смирно! — неожиданно гаркнул Андерс.

Он уже подтягивался на одной левой руке, легко взбросив ноги над поручнем, от его вялости не осталось и тени, он и с раздробленными пальцами был боевой машиной, повисшей в прыжке, не сводящей с отшатнувшегося Филиппа яростно-насмешливого взгляда... И тотчас же сорвался, без вскрика мелькнул за поручнем и исчез из виду.

Филиппа качнуло к фальшборту. Секунды три Глист был еще виден, затем нелепо размахивающее руками тело без особого всплеска погрузилось в буруны и больше не показывалось.

Даже кругов не разошлось в том месте, где подполковника Андерса сглотнул океан, — да и какие круги в кипящей воде? Должно быть, Глиста сразу утащило в глубину. Никто не висел на наростах, у уреза воды, цепляясь одной рукой.

Филипп долго ждал, перегнувшись через фальшборт. Мысли прыгали, и не было сил унять дрожь. Андерс врал, это было ясно. С лопаухим лейтенантиком он и с раздробленной кистью расправился бы в секунду, тем более что тот — рефлекс! — действительно чуть было не принял стойку «смирно», а о лучевике и думать забыл...

С ЭТИМИ не договоришься. Никогда. Бессмысленно вымаливать пощаду.

Скверное это дело — знать, что обречен. Ужасно жаль себя.

Но неужели вы вообразили себе, что я не стану огрызаться?

Филипп стоял у фальшборта до тех пор, пока изменившаяся поверхность океана не указала на первые, понятные только глубиннику признаки желтого прилива. Потом, вздрогнув и очнувшись, он сунул лучевик за пазуху и полез по трапам наверх. Скользя, цепляясь за поручни, часто останавливаясь перевести дыхание, он упрямо карабкался с уступа на уступ, надеясь, что где-нибудь отыщется незаблокированный шлюз. Он знал, что ему делать: найти Лейфа. Найти и заставить говорить. И, вероятнее всего, убить по окончании разговора.

Глава 3

Ночь без звезд.

Черная, бесконечная. Лишь слышно, как плещет внизу океан. Лишь мигает неизвестно зачем световой маячок на вершине Поплавка да освещены посадочные площадки для боевых флайдартов и летающих платформ.

Когда в полярных водах наступает ночь, к теплой громаде Поплавка поднимаются обитатели здешних глубин — бесформенные студенистые тела размером с хорошую субмарину — и, коснувшись металла, в панике распадаются на подвижные реснитчатые клетки, уходят в глубину мутными облаками, чтобы собраться и слипнуться вновь подальше от опасной плавающей горы. Свирепые хищники, неутомимые охотники за всем, что крупнее крыля и мельче полярного кракена, ищут пищу. Их не отгоняют, Поплавку они не опасны.

Мутны конуса прожекторов, погруженных в висящий над океаном туман. Океан не светится. На Капле нет светящегося планктона.

Чем дальше на юг, тем реже «окна» в толще облаков, а у летней границы льдов их не бывает совсем. Короткий мутный день мелькнет и погаснет, не успев запомниться, и снова наступает ночь без звезд. Может быть, это и хорошо, что нет «окон»; облака лгут, делая вид, будто что-то скрывают. Новички, наслышанные о полярных сияниях, задирают головы в небо в надежде увидеть просвет — но на Капле нет магнитного поля и нечему сиять над полюсами.

Кому дано увидеть незримый луч, тонкой нитью вонзающийся в небо из распахнутого иллюминатора, медленно режущий облака вслед перемещению заоблачной точки — спутника туннельной связи? Пожалуй, лишь случайная птица могла бы прервать нить на краткий миг, перед тем как с испуганным криком метнуться прочь, ощутив на себе тепловой укол. Но на Капле нет птиц.

Снежный заряд, заблудившись во тьме, ворвался в иллюминатор, суматошно закружился, попав в сквозняк. Гундер Шелленграм зябко поежился. Его собеседник, напротив, чувствовал себя вполне комфортно с расстегнутым воротом, и, наверное, его рукопожатие было бы сейчас крепким и теплым, чуть влажным, но протяни руку — и встретишь пустоту. Не человек — изображение, переданное через две тысячи двести семнадцать парсеков. Это если передача идет с Земли. Если с Новой Терры, то меньше, а если с Марции — больше.

Похоже, что все-таки с Земли: задержка сигнала в пределах долей секунды. Хороший Канал. Качество изображения не ахти: полполосы сигнала съедено защитой от перехвата.

Разговор был сух. Но будь он хоть трижды душевным и доверительным, Шелленграм не ждал от него ничего хорошего.

— Вы не представились, — сказал он.

— Извините. Не подумал, что это имеет значение. Зовите меня просто: Гость.

— Велите прикрутить у себя свет, Гость, — попросил Шелленграм. — Вы сияете на всю палубу. Здесь ночь.

Гость, покосившись куда-то вбок, неслышно пошевелил губами. Действительно, стало темнее.

— Так лучше?

— Да.

— Вы ответите на мои вопросы?

— Не считите за дерзость, но я предпочел бы разговаривать непосредственно с шефом, — возразил Шелленграм. — Существуют правила...

— Оставьте при себе ваши предпочтения, Гундер. Не время. Вас устраивают мои полномочия?

— Да... Гость. На какие вопросы я должен ответить?

— Ваш доклад изучен. В нем есть все, кроме одного: вашего личного отношения к событиям. Не качайте головой, это важно. Кстати, пользуюсь случаем поздравить вас... с удачей. Вам здорово повезло. Кажется, в желтый прилив такой силы Поплавок не попадал лет пятьдесят?

— Сорок семь, — уточнил Шелленграм. — Что ж... спасибо за поздравление. Спасибо, что вспомнили, где я нахожусь.

— Глубокие повреждения? — участливо спросил Гость.

— Кое-где разъело до второго борта. Но обшивка не главное — отрегенирует в течение ближайших суток. С водометами хуже, на их полную регенерацию потребуется суток трое. Плюс серьезный износ механизмов и до сих пор не введенный в штатный режим главный реактор. Плюс Адмиралиссимус... мягко выражаясь, он не в форме из-за последствий нервного потрясения.

— Пьет?

— Не то слово. В первом приближении доклад командования адекватен. Именно в первом приближении.

— Плюньте на Адмиралиссимуса. Уже прошло пять суток, Гундер.

— Пять да три будет всего-навсего восемь. Запас времени достаточен. Переносить час «икс» не потребуется.

— Несмотря на последствия катаклизма?

«Не понимает? — подумал Шелленграм. — Или экзамену-ет? Глупо...»

— Благодаря ему. Флот приведен в боевую готовность на лучшем основании, какое только можно придумать. Утрачены всего-то две субмарины, использованные в качестве буксиров, потерян один плавучий док и около шестидесяти человек. Сейчас у здешних шишек только одно опасение: что северяне начнут первыми... — Шелленграм вопросительно посмотрел на Гостя. — Между прочим, все это есть в моем докладе.

Гость помолчал, покойно откинувшись в кресле. Перистые листья какого-то комнатного растения бросали на его лицо причудливые тени.

— Там много любопытного, в этом вашем докладе, — сказал он наконец. — Ваше отношение к войне мне в общих чертах известно, но, признаться, вы, испытанный профессионал, меня удивили. Не скрываете того, что из-за личной прихоти всполошили местную контрразведку, поставили под угрозу безопасность людей...

В чьи функции, очевидно, входит недопущение послевоенного сепаратизма, договорил про себя Шелленграм. Нет нужды догадываться о том, что диктуется примитивной логикой этих людей. Бесспорно, существует глубоко законспирированная группа, нацеленная на единственную, зато важнейшую зада-

чу. И, когда придет ее время, группа не остановится ни

перед чем. Ох не хотел бы я оказаться на месте Адмиралиссиму-са... О мудрецы! О платные мыслители метрополии! Что-то кишка у вас тонка на выдумку, как я погляжу. Изобрели бы что-нибудь новое, что ли. Или это уже невозможно?

— Это была моя ошибка, шеф... то есть Гость, — сказал он.

— И не единственная. Лет восемнадцать назад на Прокне один наш сотрудник во время аналогичной разработки повел себя, мягко говоря, неадекватно... Надо продолжать? К счастью для этого сотрудника, в остальном его послужной список безупречен. Так вот. Что в вашем докладе любопытнее всего, так это попытка разумно обосновать приоритет вашей разработки над соображениями военно-стратегического характера. Попытка эта, надо сказать, достаточно тривиальна, равно как и высказанные вами соображения. Вы прекрасный оперативник, Гундер, но, увы, не аналитик. Признаться, из вашего доклада я не понял, чем по-настоящему вызвано ваше беспокойство за судьбу разработки. Чутьем профессионала?

— А если и так? — буркнул Шелленграм.

Гость с легкой улыбкой покачал головой.

— Молодец, что не отрицаете этого, Гундер. Было бы глупо. Мне говорили, что с вами непросто работать, но я ожидал худшего...

— Рад, что вы обманулись, — перебил Шелленграм. — А теперь скажите: кроме того, что вы меня тут пожурили, мой доклад будет иметь хоть какие-нибудь практические последствия?

— Никаких. Возвращайтесь в метрополию, Гундер. Ваша миссия окончена.

— Вы хотите сказать: провалена мною?

Гость шевельнул бровью.

— Я этого не сказал. Напротив, год назад я высказался в пользу вашей идеи, она казалась мне плодотворной... К сожалению, она не принесла ожидаемых результатов. Никаких потусторонних чудес, не говоря уже о появлении черных кораблей. Никаких оснований откладывать практические действия ради сомнительного ожидания неизвестно чего. Между прочим, в отличие от планет Лиги на Земле и ее колониях черный корабль наблюдали в последний раз более пяти лет назад, и с тех пор достоверных сообщений о них не поступало... Ах, вам это известно? Тем лучше. А ведь прежде наблюдалась известная корреляция: где замечен черный корабль, там есть смысл поискать «кукушонка». На какие мысли это наводит вас, Гундер?

— Щитоносцы перестали интересоваться Федерацией? — спросил Шелленграм.

Гость зевнул, прикрыв рот ладонью, и потянулся к сифону. Наполнив стакан, не торопясь выпил. Мгновенно пот проступил на его лбу мириадами капелек. Порыв ледяного ветра со снежной крупой, ударив в лицо, заставил Шелленграма поежиться.

— Очень возможно, что и перестали, — сказал Гость, оставив стакан. — Кстати, никто еще не доказал, что они интересовались именно нами... Поднимите воротник, Гундер, вы простудитесь.

— Не беспокойтесь. А что, если щитоносцы начали использовать менее заметные способы вмешательства?

— И вы именно поэтому выпустили нашего подопечного из-под наблюдения, причем в самое неподходящее время? — парировал Гость.

Сволочь, подумал Шелленграм с внезапным раздражением. Уел меня, микроб, козявка человеческая. Спокойно... Нельзя их ненавидеть. Я — мусорщик, они — мусор...

— Я делаю только то, что в моих силах, — огрызнулся он, стараясь сохранить хладнокровие. — Я не авантюрист и, представьте себе такую странность, не господь бог. Поищите в архиве мои докладные о необеспеченности разработки. Что я сделал, то сделал, а что упустил, то упустил. Точка.

Гость протянул руку со стаканом куда-то за край поля зрения. Выглядело это так, будто руку отрезали по локоть. Очевидно, там был столик для напитков, и стук поставленного стакана подтвердил это. Достав платочек, Гость промокнул лоб.

— Совершенно нет нужды кипятиться, Гундер. В вашем случае все, что вами не сделано, не сделано к лучшему. Например, акцию местной спецслужбы в отношении объекта разработки вы откровенно проморгали, и это подтвердило предположение: никакие всемогущие щитоносцы не вмешаются, чтобы спасти жизнь нашему с вами подопечному. Он остался жив только чудом, по всей вероятности убив — из чистой самообороны — подполковника Андерса. Оставим местному командованию и дальше жевать версию о несчастном случае с подполковником... Гораздо хуже то, что наш подопечный успел наделать глупостей и даже, если не ошибаюсь, хотел убить еще кого-то, а вы не направили события по желательному руслу. Вам следовало это сделать, Гундер. В ре-

330   результате вашей нерасторопности Альвело угодил в

штрафники и находится там, где наши — точнее, ваши, — возможности слежения ограничены. Я уже не говорю о возможности активных действий.

Да, подумал Шелленграм, это правда. Только ужасно противно, когда какой-то начальствующий хлыщ выговаривает тебе за то, что ты сам можешь себе простить лишь с трудом... Словно жужжащий над ухом слепень. Словно чесотка.

— Это был мой промах, — сухо сказал он. — Но кто мог предвидеть? А насчет слежения... Может быть, вы не в курсе, что спутник туннельной ретрансляции, вообще говоря, многоцелевой?

Гость вытер платочком шею, скомкал его и отшвырнул.

— Я в курсе. Уже ясно, что спутниковое слежение нам ничего не даст. И вообще никакое слежение не даст ничего нового. Возвращайтесь, Гундер. Через восемьдесят пять часов прибудет «Рона», в челноке будет место для вас. Легенду отбытия оставляю на ваше усмотрение.

— Меня меняют?

— Нет. Разработка окончена. Возвращайтесь, это приказ.

— Подопечный?

— Зачистка вас не касается. Не хватит ли вопросов?

Изображение Гостя покрыла рябь — спутник-ретранслятор уходил за горизонт.

— Я оставляю за собой право апеллировать к вышестоящему руководству, — с ледяным бешенством сказал Шелленграм. — И прошу вас учесть, шеф, Гость или как вас там, этим правом я воспользуюсь.

Легкая улыбка в ответ.

— Как вам будет угодно, Гундер. Впрочем, не советую.

— Времена меняются?

— Именно меняются. Повторите приказ.

— Прибыть в метрополию. Предоставить убрать подопечного кому-нибудь другому. Если, конечно, подопечный сдуру выживет в штрафниках.

Гость поморщился.

— Грубо, но по сути. Конец связи, Гундер.

Изображение исчезло. Предупреждающе пискнув, отключился защитный звуконепроницаемый кокон, протяжно скрипнула на ветру крышка иллюминатора. Мириады непонятных звуков, ежеминутно рождаемых океаном, пугающие новичков в теплых тропических водах, блуждали в зарядах снежной крупы, гасли в тумане. И если бы снежная пустота беззвездной

ночи умела слушать, ей довелось бы услышать самое длинное ругательство, какое только может выдумать и произнести человек.

Даже в святая святых номер два — бункере управления, втором по значению помещении Поплавка после личных покоев Адмиралиссимуса, — ощутимо попахивало дымком электросварки, неведомо как проникшим через вентиляцию. Даже здесь, правда, очень приглушенно, слышались звуки продолжающегося уже шестые сутки аврала.

Ходовая рубка — направо. Налево — «мозг» Поплавка, пропуск к которому имплантирован всего полудесятку тщательно отобранных и проверенных людей. Автоматика пропускной кабины дублирована усиленным постом внутренней гвардии.

Прямо.

— Нельзя будить! — шепотом кричал над ухом желтый от бессонницы адъютант в парадной форме и при кортике, пытаясь заслонить дверь тщедушным телом. — Господин ведущий эксперт, да поймите же, никак нельзя!

— Тогда разбуди его сам! — напирал Шелленграм. — Чего ждешь? А ну, с дороги!

Быть отодвинутым рукой адъютант не пожелал — мертвой хваткой вцепился в косяк. Не чеканил слова отказа — отвратительно шелестел, почти шептал, но стоял на своем твердо.

— Господин контр-адмирал только что лег... Четверо суток на ногах... Исключено... Приказано будить лишь в случае непосредственной угрозы Поплавку... Текущие вопросы уполномочен решать старший офицер, он вас примет...

— Драл я твоего старшего офицера, — орал Шелленграм так же, как орал когда-то на Прокне — не забылась привычка, — и тебя драл вместе с ним! Что? Корабельную полицию? Иди вызывай. Дорогу, сопляк! Где Курт?

— Кто там? — донесся из-за двери слабый голос. Адъютант позеленел. — Гундер, это вы?

— А кто еще? — с веселой яростью крикнул Шелленграм. — Я к вам по делу, Курт, а вы холуями загораживаетесь. Можно войти?

— Очень срочно? Лейтенант, кофе нам.

Желто-зеленый адъютант удалился. Шелленграм успел заметить, как выражение отчаянной решимости не пущать в заветную дверь хоть бога, хоть черта, хоть самого Адмиралиссимуса сменилось на его лице тупой усталос-

тью, без остатка сожравшей эмоции. Вознегодует на хама он потом, а сейчас — спать, спать... Приткнуться бы ему где-нибудь. Бедняга...

Контр-адмирал Хиппель выглядел несколько не лучше.

— Что случилось, Гундер? Простите, я в таком виде... — Он был в пижаме. — Спешное дело?

Большая овчарка, любимица контр-адмирала, вскочив с коврика в дальнем углу просторной каюты, настороженно обнюхала Шелленграма, вопросительно покосившись на хозяина. Подышав с высунутым языком, отошла, упала на лежанку животом и мордой, устремила в никуда тоскливый взгляд.

— Очень спешное, — сказал Шелленграм. — Мне нужно на Третий контрольный пост, прямо сейчас. Или на базу «Ураган», все равно. Транспортную платформу с пилотом в мое распоряжение. И общее указание о содействии.

Контр-адмирал Хиппель отчаянно зевнул.

— На какой срок?

— Думаю, на три-четыре дня. Возможно, больше.

— Сейчас вам лучше оставаться на Поплавке, Гундер. Не время нежиться в тропиках.

— Я знаю.

Контр-адмирал несколько раз моргнул, с силой сжимая веки.

— Простите... Зачем это?

— Нужно забрать там одного человека. Мы должны улететь отсюда вместе. Меня отзывают в метрополию, Курт.

— Вот как? Надеюсь, ненадолго, Гундер?

— Вероятно, навсегда.

Хиппель стал тереть ладонями виски.

— Жаль... Очень жаль расставаться с вами, Гундер. Да... о чем я хотел спросить... Что-то я не пойму: вам нужно четыре дня, чтобы слетать до Третьего контрольного и обратно?

— Не совсем так, — пояснил Шелленграм. — Этот человек — штрафник. Искать его в Гольфстриме, сами понимаете, бесполезно. Придется ждать, когда он сам выйдет на связь.

— Ничего не понимаю, — сказал Хиппель. — Зачем это вам?

— Мне нужен этот человек.

— Вот я и спрашиваю: зачем?

Явился желтый адъютант с двумя дымящимися чашками кофе на подносе. Глаза его были полузакрыты, как у совы в жаркий полдень. Адъютант спал на ходу. Сомнамбулически двигаясь, он поставил поднос на столик, покачнулся, но тут же справился с собой и вытянулся, ожидая приказаний.

— Благодарю. Вы больше не нужны. И проследите, чтобы нам не мешали.

Хиппель взял с подноса чашку, отхлебнул, обжегся и зашипел.

— Тяжко приходилось последние дни? — сочувственно спросил Шелленграм. Хиппель только взглянул в ответ. — Впрочем, извините меня, Курт, вопрос дурацкий. Сам вижу.

— Много вы там у себя в отделе видите, Гундер. Вы хотя бы представляете себе, что значит подготовить Поплавок к погружению? Он с той войны не нырял. А тут еще, как нарочно, этот желтый прилив...

— Будем нырять? — прищурился Шелленграм. — И вероятно, под лед? Так вот для чего вы притащили нас к полярному кругу, а, Курт?

— Бросьте, Гундер, — устало сказал Хиппель. — Вы же не дурак, а ведущий эксперт, вы все понимаете. Ждать недолго. Простите, мне надо выспаться... Какой у вас вопрос? Ах да, вспомнил...

— Вы мне поможете, Курт?

— Я должен знать, кто этот человек.

— Просто штрафник. Лейтенант погранфлотилии. Никто.

— Он ваш родственник?

— Считайте, что так.

— Понятно... Простите меня, Гундер, вы попали не по адресу. Противозаконные дела — это к кому-нибудь другому. Поверьте, мне искренне жаль.

Шелленграм не торопясь отпил кофе.

— Признаться, не думал, что вам удастся удивить меня, Курт. Где это вы видели на Капле законы? Моя просьба нарушает лишь дисциплинарный устав, вам ли не понимать. Всю ответственность я беру на себя. Если произойдет шум, вы ничего не знали, мошенник-эксперт обвел вас вокруг пальца, можете с негодованием валить вину на меня. Правда, скорее всего шума не будет, зато в метрополии найдется кому при случае замолвить за вас словечко. Признайтесь, что вы терпеть не можете Каплю, вам бы преподавать матчасть где-нибудь в Новом Ньюпорте или Кейптауне, а свое нынешнее руководство вы с удовольствием утопили бы в балластной цистерне. Зачем отрицать очевидное? Маленькое дружеское одолжение — это все, о чем я вас прошу, и поверьте, не даром.

Контр-адмирал качнул головой.

— Я не хочу даже говорить об этом.

— Зато хочу я. И знаете, мне кажется, что мы с вами все-таки поладим.

— Не лучше ли вам уйти, Гундер?

Овчарка тоскливо подскулила на своем коврикe. Хиппель досадливо дернул щекой.

— Уходите, прошу вас. Я должен выспаться.

Шелленграм сделал большой мысленный вздох.

— Сейчас уйду, но прежде расскажу вам одну занятную историю. Один мой знакомый капитан — нет, не на Капле, совсем в другом месте, — отличался повышенной любовью к животным, особенно к собакам. Большое судно, которым он командовал, годами не заходило в порт, и на нем действовало установленное свыше разумное, но досадное правило: любой член экипажа имел право завести домашнее животное не ранее чем через пять лет беспорочной службы, и то не крупнее кошки. Долгое время капитану удавалось правдами и неправдами обходить это правило, и несколько его подчиненных содержали крупных собак, обязательно сук. С ними мой милейший знакомый регулярно вступал в неестественные половые сношения, причем поначалу суке приходилось надевать намордник, а потом животное привыкало. В пользу капитана можно сказать, что он сам тяжело страдал от своей аномальности. Представьте себе, он был честнейший человек и, отдавая подчиненным больше половины своего жалованья на содержание собак и в уплату за молчание, ни разу не взял ни единого гроша из судовой кассы. Начальство этого капитана знало о его пороке, однако ценило служаку и закрывало глаза на его шалости до тех пор, пока могло избежать скандального расследования, подкрепленного видеозаписью. Но однажды капитан имел неосторожность отказать в пустяковой просьбе человеку, которого он без особых на то оснований называл другом... Мне продолжать?

Покрытый испариной Хиппель тяжело дышал.

— Я испортил вам сон, Курт? — участливо спросил Шелленграм. — Простите, не имел в виду. Тема для разговора, признаюсь, малоаппетитная. Тем более что вы, насколько я понимаю, не имеете к этому капитану ровно никакого отношения, не правда ли?

— Не ожидал от вас, — проскрипел Хиппель.

— А я от вас, Курт. Мы договорились? Кстати, запись действительно существует.

— Убирайтесь вон.

Шелленграм поднялся.

— Надеюсь, вы не натворите глупостей. Я буду ждать на нижнем флайдроме сектора Бета, не заставляйте меня ждать слишком долго.

Интересно, как бы повел себя адмирал Мрыш, окажись он на месте бедняги Хиппеля, подумал Шелленграм, ровным шагом покидая бункер управления. Очень может быть, что натравил бы собаку. Любомир Велич или покойный Андерс поступили бы иначе: где-нибудь тут, в узком коридоре, или, еще лучше, на безлюдном уступе, в шею шантажиста могла бы впиться оперенная игла. А если нет, тогда было бы просто удивительно, если бы летающая платформа не грохнулась по пути в океан. Хиппель — другой. Не его следует бояться, а за него: как бы малодушный дурень не сотворил с собой чего в припадке отчаяния...

Несчастный человек. Того и гляди, что его, как Адмиралиссимуса, придется выводить из запоя и держать на транквилизаторах до конца войны.

Заснуть ему сегодня не удастся, это точно.

Лифт. Пробежка — и еще лифт. Слежка со стороны Хиппеля — это смешно, а если есть «хвост» от Велича, самое время от него оторваться. Кажется, нет «хвоста». По случаю ремонтных работ часть пропускных постов с идентификационными датчиками отключена, и это самое приятное, что вы, мои дорогие, могли сделать...

Разболтанный, нуждающийся в починке лифт поднял его к Руперту Маклупу. После смерти маленького картографа инспектор по правам аборигенов боялся шефа сильнее, чем лягушка ужа, молчал, переминаясь с ноги на ногу, пока Шелленграм торопливо загружал его инструкциями на время своего отъезда, — а потом, маясь от того, что не угодил начальству, показал письменный приказ о срочном отбытии в метрополию и разразился сбивчивыми извинениями.

Шелленграм вздохнул.

— Что ж, Руперт, может быть, так будет даже лучше. Поезжайте. Последний рейсовый корабль придет послезавтра. Очень советую вам на него не опоздать.

— Почему последний? — выдавил из себя Маклуп.

— Потому, — бросил Шелленграм. — Отвыкайте задавать ненужные вопросы, это вредная привычка.

— А как же... все это? — Инспектор потерянно обвел рукой свой ихтиологический музей. — Мне позволят это погрузить?

— Только личный багаж. Мне очень жаль, Руперт. Моего влияния здесь недостаточно.

В глазах инспектора по правам мелькнула отчаянность камикадзе: он решился на просьбу.

— Но я могу надеяться, что вы... присмотрите?

— По мере возможности, Руперт, — хмуро сказал Шелленграм. — Обещаю.

Дешевые, ненужные слова... С отъездом Руперта рвалась связь с его группой, равно как прежде была потеряна связь с группой Мухаммеда. Теперь только сам... Один. Резидент-одиночка стоит немного. Правда, немного и осталось: вынуть дурака из Гольфстрима, протащить его на «Рону», увезти отсюда...

Нет, на самом деле и это много, размышлял Шелленграм по пути к сектору Бета. Это даже очень много и очень непросто, коль скоро наверху принято решение бросить подопечного здесь. Кстати почему? Признание бесперспективности дальнейшей разработки? Ой ли? Прошло не так уж много времени, чтобы ждать результатов. Передача надзора за опекаемым другой группе, о которой я ничего не знаю? Можно допустить и такое. Тогда разговор о зачистке — чепуха, зачистки не будет... Будет наблюдение ближее, агентурное, и наблюдение периферийное: позволит Ореол «кукушонку» сгинуть в войне или вмешается, а если вмешается, то как? Будет очень странно, если в составе эскадры, что через несколько дней заблокирует подступы к Капле и выходы ближайших Каналов, не окажется судна, набитого специальной аппаратурой, предназначенной для поиска черных кораблей...

Еще вероятнее другое, о чем Гость прямо не говорил, но догадаться несложно: примат интересов сиюминутных. Неведомый Ореол далек и непонятен, эта проблема — на столетия, «кукушата» вроде бы пока не заноза в пятке, а Капля нужна Земле сейчас. Практично, разумно... Какой еще, спрашивается, логики ждать от людей? Если нос уже расплющился о стену в конце тупика — все равно ломиться вперед, не видя стены...

Может, рухнет.

А если так, то подопечному долго не жить. Элементарная страховка от случайностей, не более того. Будь на месте Альвело хоть Адмиралиссимус, хоть Мрыш, хоть Велич — и им бы не жить. И поди его отсюда вывези живым — не один такой умник вострил лыжи, прежде чем отбросить коньки.

Но оставаться здесь нельзя в любом случае. Эта война будет страшнее предыдущей, недаром к ней готовились тридцать лет. Бессмысленно пытаться помешать логически неизбежному, можно лишь постараться не увеличить масштаб бедствия. Акт государственной измены ничего не даст: если северяне хоть сколько-нибудь изготовятся к войне, Капле конец. С туннельным оружием не шутят. Зато если сильнейшая на планете зона Федерации нанесет неожиданный и притом удачный удар, остается надежда на чудо, на то, что погибнет лишь половина населения планеты, как бы ни был мал такой шанс.

Становлюсь пацифистом, подумал Шелленграм. Или подцепистом, то есть подцепившим нечто чуждое, как на своем жаргоне говорят те, кто называет оболванцев оболванцами. Или становлюсь еще большим циником? Мало было им того, что однажды уже чуть было не вымерли? Тысячу лет после катастрофы вспоминали старые навыки, вновь учились управлять человеческими толпами без распыления аэрозолей и массового гипноза. Научились...

На нижнем флайдроме сектора Бета былолюдно, на что он и рассчитывал, назначая себе место ожидания. Не потому, что опасался Хиппеля, а из намертво въевшейся привычки не рисковать понапрасну. Ветра не было, в промозглом воздухе висел кисейный туман, подсвеченный прожекторами, и в тумане фигуры людей казались больше и корявее, чем на самом деле. Солидно прогудел лифт, убирая под палубу вернувшийся с патрулирования флайдарт. Возле крайней катапульты суетилась обслуга, дергалась под ногами толстая кишка топливопровода. Было слышно, как внизу сонно ворочается океан и о борт Поплавка трутся льдинки. Там, на нижнем уступе, под нависшей над стылым океаном малой грузовой стрелой тяжело поворачивалась на тросе глянцево блестящая металлическая каракавица — знаменитый глубоководный твин-скафандр лучшего водолаза зоны Федерации, только что поднятого с километровой глубины после осмотра подводной части терминала, и были слышны возбужденные голоса: «Как там?..» — «Порядок!» — «Лукьянин не закессонил?» — «Обошлось». — «А андроид?» — «Андроиду, кажется, хана...»

Озябнуть не хватило времени. И разумеется, Хиппель не успел устроить так, чтобы платформа упала в океан, — даже если ему пришла в голову эта мысль. По правде сказать, куда ему...

— Это вы Шелленграм? — Голос пилота ясно указывал на недовольство ночной побудкой, полетным

заданием, климатом арктических вод и общей подлостью судьбы. Фильтр на лице заиндевел и похрюкивал при дыхании. Пилот зябко ежился. Непонятный дальний рейс в туман и чертов холод, а тут еще дожидайся пассажира... с ума там, наверху, походили.

Ничего. В тропиках отогреется.

— Да, я.

— Идите за мной. Платформа ждет.

Глава 4

Тридцатые широты Капли, как южные, так и северные, — место во всех отношениях необычное, знакомое еще по лекциям Моржа о вероятных театрах боевых действий и уже тогда заочно нелюбимое. Не то чтобы там чаще случались гидросейсмы или поднимались к поверхности океана желтые приливы — как раз нет, а что до тропических гроз, тайфунов и смерчей, то вероятность освежить знакомство с ними в узкой, всего в триста миль шириной, полосе особой опасности не выше и не ниже, чем во всей громадной акватории от северных субтропиков до южных.

«Хочешь всплыть — ныряй глубже», — говорит один из перлов фольклора глубинников, и, если не возводить данное положение в абсолют, перл справедлив. Примерно о том же, только другими словами, говорят инструкции, памятки и учебники военно-морской тактики. Если позволяет состояние корпуса — ныряй! На стокилометровой глубине, еще не предельной для подлодок и капсул последних модификаций, человек чувствует себя в относительной безопасности как от природы, так и от человека. Разумеется, торпеда с ядерным двигателем и искусственным интеллектом найдет субмарину и там — если тому не помешает естественный интеллект пилота, взбудренный тренировками на тренажере. Анналы последней войны и локальных конфликтов полны историй о невероятной изобретательности и чудесных спасениях. Одним словом, в военное ли время, в мирное ли — ныряй, не сомневайся. Везде, кроме узкой полосы в тридцатых широтах.

То, что на Капле именуют кольцевым Гольфстримом, лежит именно здесь. Их два — Северный и Юж-

ный, два глубинных широтных течения, поразительных в своей стабильности. Каждый глубинник на Капле знает их координаты, каждый старается проскочить их побыстрее и, если не принужден к тому приказом, ни за что не согласится нырнуть здесь на глубину более километра — к верхней кромке течения. Как сухопутные войны оставляют после себя мины, еще долгое время убивающие и калечащие неосторожных людей, так и морская война тридцатилетней давности оставила здесь по себе память.

Лишь одна торпеда из десяти—двадцати выходит на дистанцию эффективного поражения — остальные уничтожаются антиторпедами или защитным бомбометанием, сбиваются с курса, обманувшись ложными целями, выходят из строя из-за естественных поломок, ведут себя странно по неизъяснимым капризам искусственного интеллекта. К курьезам войны можно отнести существовавшую тогда запрещенную (хотя и очень распространенную среди глубинников) теорию о торпедах-храбрецах и торпедах-трусах — однако нет смысла подробно останавливаться на том, что официально не подтвердилось.

Реактор ядерной торпеды может работать долго, очень долго. Потеряв цель, обманутая торпеда какое-то время рыщет в поисках, затем ложится в дрейф и ждет. Она слишком дорога и эффективна для того, чтобы мертво тонуть после промаха. На Земле она легла бы на дно, ожидая цели. Но Капля — не Земля.

Полуослепшие, полуоглохшие, корродирующие, медленно сжигающие топливо в приглушенных реакторах, они ждали своего звездного часа и после войны. Редкие подводные взрывы, грибообразные облака пара на поверхности океана свидетельствовали о том, что некоторые из них ждали не зря. Остальных хаотичные течения рано или поздно заносили в Гольфстрим. Для торпеды, не видящей цели, оттуда не было выхода. Только плыть по течению. Только ждать.

Иные — единицы из тысяч — сослепу атаквали друг друга, мгновенно испаряясь в миллионоградусной вспышке. Некоторых тихо давило, заносило течением на запредельную глубину, или растворяло в желтом приливе. Поколения штрафников свели численность торпед в Южном Гольфстриме с тысяч до сотен. Кое-кто из пилотов с особо буйным воображением без всяких оснований уверял, что в трехсотмильной полосе образовалось нечто вроде устойчивой кибернетической экосистемы, уцелевшие обитатели которой обмениваются друг с другом сигналами, при признаках опасности занимают наивыгод-

нейшую позицию для коллективной обороны и сообща уничтожают источник угрозы.

Устав, Филипп выбирался из Гольфстрима. Отдыхал, отсыпался. Иногда гнал к югу до ближайшей базы и, пополнив боезапас, возвращался. Обычно штрафник считался искупившим вину после уничтожения десяти торпед. Пока что Филипп уничтожил три.

Он надевал цереброшлем и сам становился глубинной капсулой-охотником — хищной, рыщущей. Погружаясь, он ощущал давление воды на кожу, нестерпимое при приближении к предельной глубинной отметке. Сонары кругового обзора были его глазами — он видел зависшую в толще воды цель и видел, как, замечая охотника, она пытается атаковать, иногда примитивно-прямолинейно, чаще пытаясь обмануть, и тогда в глазах плясали фантомы ложных целей и начиналась настоящая работа.

И у пилота боевого флайдарта, и у водителя рейсового «челнока», и у глубинника цереброшлем один и тот же — унификация полезна. В воплощении «капсула» пуск антиторпеды напоминает пилоту его собственный плевок. Обманутое подсознание реагировало по-своему: иногда после схватки Филиппу приходилось вытирать ненужную при цереброуправлении приборную панель, ругая остолопа-конструктора, не додумавшегося поставить здесь плевательницу.

Последние два захода в Гольфстрим оказались «пустыми». Сегодня Филипп твердо решил во что бы то ни стало увеличить личный счет уничтоженных торпед. Доколе можно ходить в штрафниках?! Смушал «Нырок» — старая, скрипящая при погружении рухлядь с двадцатиузловым ходом и ничтожным запасом живучести, в лучшем случае годная лишь как тренажер для начинающих, и то не на Капле.

Впрочем, вряд ли штрафнику стоит рассчитывать на большее. Дерись тем, что дают, и радуйся своему везению.

Повезло...

Оглядываясь назад, Филипп видел, что могло быть хуже, много хуже. Обошлось. Никто не связал вольную охоту на Лейфа с исчезновением подполковника Андерса, поэтому делом о недолгой — пока опомнившиеся коллеги, накинувшись сзади, не отобрали оружие — стрельбе в кают-компании по вопящей и прячущейся под столы мишени занялась дисциплинарная комиссия, а не трибунал, — всего лишь пятно в послужном списке, репутация озлобленного не-

удачника и никудышного спортсмена в глазах сослуживцев да минимум шансов на повышение в чине в ближайшие год-два.

Разумеется, в мирное время. В дни скоротечной войны доля штрафника незавидна, и Гольфстрим покажется курортом. Так что работу, пожалуй, не стоит затягивать — война начнется вот-вот. С другой стороны, возвращаться на Поплавок опасно: неизвестно, было ли покушение частной инициативой Андерса, как неизвестны и связи Лейфа. Кто он: профессионал или — слаб человек! — «добровольный» помощник, взятый Глистом за жабры? По тому, как ловко он спровоцировал стрельбу, едва заметив неудавшегося «покойника», легко предположить первое. А на деле?

Кто знает.

Ходьба вслепую по минному полю. Можно размышлять о следующем шаге — но помогут ли размышления? Сомнительно. Всей информации — что минное поле... И неизвестно, кому жаловаться. Кто вообще осуществляет верховную власть в зоне Федерации — шишкастые шпаки или Адмиралиссимум? Должно быть, Адмиралиссимум: планета-то спорная, делимая...

Десять часов Филипп вел капсулу на север, углубляясь в Гольфстрим. Он рисковал, надеясь в случае удачи довести личный счет до пяти побед и втайне мечтая о шести. Но даже четыре — уже лучше, чем три.

Обманов в подсчете не бывает. Акустика на контрольных постах и плавбазах слушает воду, самописцы чертят линии. Взрывная волна пятикилотонного эквивалента, легко отличимая от естественных сейсмов, после точного определения координат эпицентра служит подтверждением успеха штрафника. Уже в первый день Филипп понял, что поставить антиторпеду на самоподрыв невозможно. Не отыскав цели, она тонет, самоликвидируясь без взрыва и лишая штрафника соблазна записать на свой счет несуществующую победу.

Поколения штрафников, выбивших самую легкую добычу, выработали три тактики охоты: «укол», «проскок» и «рейд». Когда-то наиболее эффективным и безопасным считался «укол» — но теперь можно было сутками кружить у края течения, не встретив ни одной цели. До сих пор Филипп практиковал «проскок» сквозь Гольфстрим. Сегодня он выбрал «рейд».

Четвертую торпеду он расстрелял на закате, спокойно, почти с предельной дистанции. Торпеда оказалась вовсе снулая — на охотника не прореагировала никак и лишь вяло двинулась на перехват одной из трех выпущен-

ных антиторпед, вероятно, приняв ее за цель. Перед самым гидравлическим ударом Филипп снял с головы cerebroшлем: дистанция была велика, но только не долеченный Каплей идиот станет рисковать собой без надобности. Можно получить легкую контузию, а можно и оглохнуть. Были случаи.

Зато когда капсулу тряхнуло, он живо водрузил шлем на голову и посмотрел, как всплывает газовый пузырь, вспухая и дробясь при подъеме. Это и издали было красиво. Можно подсчитать, на какой площади зеленые волны океана через несколько минут суматошно вскипят и покроются пеной, а раскаленного облака не будет: глубина слишком велика, а мощность заряда мала.

«Рейд» — и этим все сказано. Долгое выманивание прячущейся ржавой смерти на себя, тысяча миль в подводном положении на стрежне Южного Гольфстрима. Вода казалась субстанцией, похожей на туман, и в этом тумане висел он, Филипп Альвело. Туман обтекал его корпус, приятно шекотал лицо, завивался вихрящимися волокнами позади головы-рубки, упруго сопротивлялся гребному винту. Час шел за часом. Целей не было. Три неистраченных буя целеуказания, полтора десятка глубинных бомб и семь антиторпед в носовом отсеке — с этим хозяйством еще можно продолжать охоту.

Филипп не стал всплывать, чтобы послать на ближайшую базу сообщение об уничтоженной торпедой — это можно было сделать и потом. Он признавался себе, что не хочет видеть поверхность океана. Там штормит, там часто резвятся смерчи, ни с того ни с сего разверзаются пасти водоворотов, мечутся под грозовыми облаками шаровые молнии. Там глупые глазастые рыбы поедают хищный криль и сами поедаются им. Там душно и беспокойно. На десятимильной глубине намного лучше.

А еще лучше на твердой земле, сказал он себе, веря в свои слова. Вернусь на Землю — поселюсь там, где вода течет только из водопровода... Найду такое место, как Одиссей. Пойду пешком с веслом на плече, пока кто-нибудь не спросит, для чего несешь лопату...

Капсула бестолково вильнула, и Филипп, ругнув себя, с сожалением отключил cerebroуправление. В шлеме надо думать конкретно: быстрее, медленнее, дифферент, погружение, всплытие, постановка помех, залп... Реакция глупого механизма на более сложные мысли непредсказуема, задумываться же опасно не только в Гольфстриме. Правда, штрафнику всегда есть о чем подумать, на то он и штрафник, **343**

искупающий вину. И как назло, нет под рукой книги, чтобы отвлечься, — хотя бы исторического романа про маркиза де Ренси и бензопилу, изящно выхватываемую из ножен...

— Штрафник должен был раньше думать, — сказал Филипп вслух. — Что, нет?

«Да».

— Ну то-то.

Экраны по-прежнему были пусты, если не считать муара от облаков криля. Ни одной цели не появилось на них за двенадцать часов, хотя математически вычисленное среднее время ожидания — четыре с половиной часа. Филиппу это не нравилось. Конечно, байки о кибернетической экосистеме ржавых торпед — байки и есть, вроде рассказов о Сонной субмарине, местном варианте Летучего Голландца, — таких чудес не бывает. Просто-напросто трудно ожидать, чтобы цели распределялись в Гольфстриме равномерно, а не случайно: где-то погуще, где-то пореже...

И все равно Филиппу это не нравилось. Есть и другая математика, куда более наглядная: из пяти штрафников в среднем гибнут трое.

Он вывел на монитор результаты счисления, ввел поправки и поцокал языком. Помимо риска, «рейд» имеет свои неудобства: рано или поздно кончается отведенная штрафнику полоса шириной в пять градусов долготы, и приходится поворачивать назад. Торпеда, уничтоженная в чужой полосе, будет засчитана соседу. Штрафник-альтруист встречается реже, чем льдина на экваторе.

В полдень сонар кругового обзора засек впереди нечто крупнее торпеды. Через полчаса Филипп сумел различить характерные очертания «Нырка» — короткий корпус, низкая рубка, ракетный бункер отсутствует, — и сейчас же ожил гидрофон:

— Назовитесь. — Голос был басовитый, с хрипотцой.

— Лейтенант Альвело, погранфлотилия, — отозвался Филипп. — А вы?

Ответа не было с полминуты — звук и в воде не слишком торопится.

— Капитан третьего ранга Богданов, Ударный флот. Рад встрече. Я случайно не залез в вашу зону?

— Скорее уж я в вашу, — возразил Филипп. — Вы давно определялись?

Снова долгое ожидание ответа.

— Утром.

— Я тоже. Пожалуй, самое время всплыть.

Шумы в гидрофоне. Ровный фон снизу, от Вихревого пояса, и пощелкивание крыля где-то высоко над головой.

— Всплывем вместе. Вы меня видите?

— Прекрасно вижу. Не надо приближаться.

Ожидание — и хрипловатый смешок:

— Само собой.

«Нырок» легко пошел вверх. Похрустывал металл, сбрасывая оковы давления. Вот так и выявляется, где истина, а где байки, размышлял Филипп. Это вам не Сонная субмарина. Прав капитан третьего ранга, не веря мне. Прав я, не веря ему. Самая простая цель — капсула чересчур доверчивого соседа, а от замены одного слагаемого форма взрывной волны не меняется. Говорят, иные рационалисты позволяют заблудившемуся соседу сперва поохотиться в своей зоне. И почему я, дурак, отказывался верить в это прежде? Человечи же. Где мерзость, там и мы. Человечность нам нужна, как Поплавку якорь...

На поверхности плясала мелкая волна. Слепила бликами. В потоке яростного света океан исходил влажным предгрозовым зноем, дрожали густые испарения, в опрокинутом небе над южным горизонтом кривлялся перевернутый мираж, и медленно копилась на севере угольная чернота грозowych туч.

Филипп оживил навигационный комплект, привычным движением нацепил на лицо намордник фильтра, выбрался на крохотную палубу и стал ждать: два шага в одну сторону, два в другую... Дышать все равно было трудно.

Флегматичная рыба-одеяло выставила из волны треугольную башку толщиной в лист бумаги, взглянула на Филиппа плоскими глазами, убоилась и затонула. Какие-то круглые темные коробочки размером с грецкий орех торопливо всплывали из глубины — вот еще одна, и еще, а вот сразу десяток... Слышно было, как они постукивают снизу по обшивке. На всякий случай Филипп отступил поближе к люку, а непонятные коробочки все всплывали, теперь уже целыми стаями, качались мячиками на низкой волне, терлись о борта капсулы и вскоре покрыли воду сплошным колышущимся ковром — наверное, тут их были миллионы. Ничего подобного Филипп никогда не видел — однако кто может сказать, что знает все о Капле? В ней в семь тысяч раз больше воды, чем в земных океанах, а о том, что находится под Вихревым поясом, вообще ничего не известно. Капля живет своей жизнью, люди лишь норовят удержаться на ее вечно меняющейся поверхности. Во время **345**

последней войны им даже не удалось загрязнить планету радионуклидами до того, чтобы на ней стало нельзя жить. Не удалось, несмотря ни на тысячи сработавших боеголовок, ни на затапливаемое ядерное топливо, отработавшее свой срок. Фон как фон, нормальный, разве что в Гольфстриме чуть повышенный. Почти нечему гореть, выбрасывая копоть, — и вовек не дожидаться ядерной зимы...

Плавающие коробочки лопались с легким треском. Каждая вышвыривала в воздух с десяток крохотных, похожих на мотыльков существ. Иные мотыльки падали в волны, не успев раскрыть красные жилковатые лепестки, но большинство успевало, и уже через минуту над морем поднялась багряная метель. Бромоча: «Брачный сезон, приспичило им...», Филипп нырнул в капсулу и задраил люк. Прильнул к перископу. Зрелище было феерическое, и он не сразу услышал гидрофонный вызов. Спыхватившись, врубил радиосвязь.

— Эй, лейтенант, — ожил динамик голосом Богданова. — Спишь, что ли? Пеленги взял?

— Да, — отозвался Филипп. — Прошу прощения, я в своей зоне.

— А я в своей. Граница где-то между нами, ближе к тебе. Так что извини, если что не так. В штаны случайно не наложил?

— А ты?

Было слышно, как Богданов хмыкнул.

— Хороший вопрос, дружище. Привыкай, мы тут без чинов. Давно в «рейде»?

— Сутки разменял.

— Лови совет: больше двух суток подряд не напрягайся. Опасно, устаешь. А вообще давно охотишься?

— Тринадцать дней, четыре торпеды.

— Неплохо начал. А у меня пятьдесят два дня, девять торпед.

— И все засчитанные?

— Все как одна.

— Ого, — сказал Филипп. — Скоро можно будет поздравить?

— Поплюй, салага. На Капле недавно, наверное?

— Год.

— Оно и видно. В штрафники за что попал?

— Дебош в баре, — пояснил Филипп, не уточняя подробностей. — А ты?

346 — Пукнул при Адмиралиссимусе.

— Да ну?

— И еще фальшиво пел в церковном хоре. Какой вопрос, такой ответ. Ну, бывай, лейтенант, мне некогда. Может, еще встретимся.

— Э, погоди! — заторопился Филипп. — Тут у меня какие-то мотыльки летают. Это что?

— Розовые?

— Пожалуй, красные.

— Вылупляются из плавающих коробочек?

— Вовсю лезут, на палубу не выйти. Это не опасно?

— Долго жить будешь, — с завистью сказал динамик. — Есть примета: кто это увидел, с тем до самой смерти ничего не случится. Зато и крови много повидает. Повезло тебе, лейтенант. Я десятый год служу, а видеть самому не пришлось.

— Между нами полчаса ходу, — предложил Филипп. — Я тебя не трону. Обещаю.

Он живо представил себе, как там, у горизонта, капитан третьего ранга качает головой: ну, мол, и ну.

— Я верю, — сказал наконец динамик. — Но... не обижайся. Нет.

— Извини, — проговорил Филипп. — Я понимаю. Удачи тебе.

— И тебе удачи, лейтенант. Больше не дебоширь.

Связь отключилась. Хорошо бы и вправду встретиться с этим Богдановым, подумал Филипп. Выпить с ним где-нибудь на Поплавке... хотя бы пива. Чтобы можно было видеть друг друга и говорить без соблазна разрядить в собеседника торпедные аппараты, чуть только его занесет течением в твою зону...

Далек Поплавок. Барьер в пятнадцать тысяч миль и шесть не расстрелянных торпед.

И еще неизвестно, чем встретит Поплавок. Какой-то «кукушонок», я — не я... С ума сошли.

Филипп не стал досматривать, чем кончится багряная метель. Скорее всего мотыльки упадут в воду задолго до грозы, погибнут за дальнейшей ненадобностью, успев отложить в воду яички, и поверхность океана станет похожа на кровь. «Много крови повидает...» Хорошо бы видеть только такую кровь, да трудно поверить. Накаркал в душу капитан третьего ранга...

Развернув капсулу носом на запад, он начал погружение. Целей в поле обзора по-прежнему не наблюдалось, и молчали разбросанные впереди по курсу буи-целелеказатели. Некоторое время кормовой экран показывал удаляющееся-

ся туманное пятнышко — «Нырок» Богданова. Затем исчезло и оно.

И снова — пустота. Потрескивание корпуса и одиночество отверженного. Семь антиторпед в носовом отсеке и семисотмильный путь до противоположной границы отведенной для охоты зоны.

А еще через час капсулу сильно встряхнуло. Словно огромный водяной кулак налетел и ударил сзади — всхлипнули, жалуясь, переборки. Филипп взглянул на монитор лишь для того, чтобы убедиться, что не ошибся в прикидочном расчете: расстояние около шестидесяти миль, мощность заряда от восьмидесяти до ста килотонн, направление на эпицентр — почти точно ост... Ошибки не было. И не было надежды на чудо. Капитан третьего ранга Богданов проиграл поединок со своей последней, десятой торпедой.

Шаг.

Еще шаг — обратно. Поворот — и снова шаг. От стенки к стенке в тесной рубке «Нырка» не расшагаешься. Поворот не строевой, а неуклюжий, топчущийся — для строевого нет места. Ну да некому тут мной любоваться. Шаг. Можно сделать два шага, если умудриться убрать кресло пилота. Только некуда.

Сколько времени можно держаться на стимуляторах?

Сто двадцать четыре часа, если нам не ввали медики в Центре на Сумбаве. Столько человеческий мозг выдерживает без сна, а потом начинает тихо съезжать с катушек, что со стимуляторами, что без них. Бодрее от таблеток станешь, а рассудительнее — никогда.

Почему-то именно сто двадцать четыре часа, ни больше, ни меньше. Быть того не может, чтобы люди были одинаковы: наверняка у кого-то верхний предел больше, у кого-то меньше, а у кого-то в точности сто двадцать четыре, минута в минуту.

В общем, пять суток с хвостиком. Интересно, когда ЭТО начнется у меня? Часов двадцать в запасе еще есть — а потом? Сойду с ума или нет? А если сойду — то временно или навсегда?

Тупая мысль, безрадостная, и ходит по кругу. Нет-нет — и тюк в темя! Как хилый цыпленок, которому веками не пробить чересчур толстой скорлупы.

На Капле сходят с ума по-разному. Говорят, даже андрюды этому подвержены, только сам не видел. Помню

нижнего уступа и вопившего на весь Поплавок: «Поднимись! Поднимись!» Наверное, он хотел, чтобы из воды поднялся остров — не плавучий, настоящий. Помню и то, как получил от того сумасшедшего по уху, когда помогал его вязать.

Для чего помогал, спрашивается? Порядка захотел? Вояка с мечтами о мировой гармонии...

Поболтайся-ка в Гольфстриме, мечтатель. С семью победами. С ослабевшим корпусом и заглушенным котлом. С израсходованным запасом боев-целеуказателей и глубинных бомб, с последней антиторпедой в носовом отсеке.

Семь побед за пятнадцать дней — это, кажется, рекорд, да кому он нужен. Убить в одном бою сразу три торпеды — не рекорд, такое прежде бывало. Но лучше остаться в живых и вовек не ставить никаких рекордов.

Шаг. Поворот. Шаг... Пока не выбрался из трехсотмильной полосы, нельзя ни спать, ни сходить с ума. Гольфстрим.

Сонар не показывал целей уже сутки. То густо, то пусто... Оно и к лучшему, что пусто, потому что цель отныне я. Проглотить еще таблетку — и пора наверх, посмотреть, куда меня снесло.

Всплытие...

Управление, по счастью, не пострадало, чему я не очень и удивился. «Нырок» никуда не годен как боевая капсула, устаревший «Удильщик» даст ему сто очков вперед, но уж что в нем сделано на совесть, так это управление, что ручное, что церебральное, да еще пятикратно дублированная электроника защиты котла — надежней ее нет. Кажется, в морской истории еще не было случая, чтобы «Нырок» взорвался на собственном реакторе, — зато оружие слабое, скорость мала, о кавитационном режиме речи вовсе нет, и давит их на глубине только так.

Всплывал я на одной Архимедовой силе — без движка одними рулями всплытию не поможешь, — и это всего-то с одиннадцатикилометровой глубины! Со сброшенным аварийным балластом! Все равно капсула поднималась медленнее, чем ей следовало, — похоже, нахлебалась воды. Конечно, не через обшивку: в этом случае меня бы уже раздавило. Вероятнее всего, подтекал сальник гребного вала. Ничего, выберемся — откачаем...

Нос на зюйд, дифферент на корму. Пусть капсула, всплывая, выиграет милю или две. Медленное всплытие, неохотное: иногда кажется, что Капля, как трясины, рада засосать все, что в нее попадает, безотносительно к запасу

плавучести. Всплытие, словно неспешный подъем водолаза на грани кессонной болезни.

Отпусти меня, глубина... Дай поскорее увидеть небо. Глубинники не водолазы, они не умирают от декомпрессии. Зато их иногда давит там, внизу.

Ночь сияла над океаном, яркая тропическая ночь с белыми фонарями звезд. Прошлой ночью после боя я всплыл и послал в эфир вопль о помощи. Понимал, что зря, — а послал.

Нет ответа. Штрафника спасти не будут. Вне Гольфстрима, пожалуй, еще подобрали бы, а в Гольфстрим за потерявшей ход капсулой не полезут, очень им надо. На Третьем контрольном служажки искушенные и штрафников видывали во всех видах, а на базе «Ураган», что тоже ходит где-то неподалеку, тем более, да и не их это дело — штрафников выручать, пусть те выпутываются сами, как умеют.

Стук сердца отдавался в висках, пока навигационный комплект брал пеленги на стационарные спутники. Обошлось: вышло, что снесло меня к югу еще на шесть миль. Мало, конечно, но лучше, чем ничего. Пока еще я в своей зоне. И до южной границы Гольфстрима осталось миль сто...

Сто не сто — а девяносто наверняка.

Опять дрейф. Даже не на «Удильщике» — на паршивом «Нырке»! Но, как ни странно на первый взгляд, это обстоятельство давало надежду. «Нырок» капсула учебная и, кроме основной маршевой установки, имеет электротягу — для занятий по начальному курсу глубинного пилотирования, чтобы неопытные курсанты не наломали дров. Движок дохлый, однако узлов восемь-девять с ним развить можно, салагам и от того удовольствие.

Движок работал. Натужно, с рассерженным гулом и скрипом несмазанных шестерней вращал гребной вал. А вот с аккумуляторами электропривода мне не повезло: заряжены они были под завязку, но емкость изрядно села. Еще удивительно, что села не окончательно — за столько-то лет! Кто их менял? Зачем?

Короткий расчет и результат: миль на сорок энергии хватит. Может быть, и на пятьдесят, если повезет.

Утешительное соображение, ничего не скажешь. Особенно когда ты потерял ход почти на стрежне Гольфстрима и до ближайшего края течения ровным счетом сто тридцать миль.

Подзарядить аккумуляторы по их истощению, при-

тему защиты... Нет, ничего из этого не выйдет, бессмысленно и пытаться. Защита сделана на совесть. А кроме того, покончить счеты с жизнью можно куда проще.

Никто не подсказывал мне решение, я нашел его сам. Несколько часов дул благоприятный ветер с севера, медленно гнал воду и «Нырок» на спасительный юг. Затем ветер стих, и я ушел на глубину. Два часа дрейфа на трех километрах — всплытие. Определение координат. Два часа на пяти километрах — всплытие, определение координат...

Только на одиннадцати километрах я нашел боковой поток нужного направления — медленный, слабый, но поток. Гольфстрим — это не ленивая ламинарность воды в канале с бетонированными стенками, Гольфстрим — это перемешивание, замкнутый на себя хаос струй. Потерявшей ход капсуле из него не выскочить, и если наверху не предвидится устойчивого штормового ветра, бедолаге глубиннику остается надеяться лишь на случайный мощный водоворот, равно способный выдернуть капсулу из плена и утопить, или хороший гидросейсм.

Проще дожидаться дождя в пустыне.

Можно еще застрелиться. Тоже выход.

Но зачем? Вряд ли мне удастся уцелеть при встрече даже с одной торпедой. Разве только для того, чтобы не дрожать в ужасе последние минуты, понимая, что обречен.

За полсутки я продвинулся к югу на тридцать—сорок миль. Еще миль пятьдесят или лучше уж шестьдесят для полной гарантии — и можно будет разрядить аккумуляторы на движок и, покинув Гольфстрим, воззвать о помощи. Хорошо, что отменено старое правило не спасать штрафников и до искупления ими вины не допускать замены посуды. Никакой ремонтник не станет возиться с взбесившимся реактором — этому «Нырку» прямой путь в Вихревой пояс.

Можно рискнуть и всплывать пореже, надеясь, что поток не изменит направление.

Если мне повезет, одной легендой на Капле станет больше...

Господи, как спать хочется! Помогите мне, господа, и я уверую. Сотвори чудо.

...Они кинулись на меня стайей, все сразу, когда я точно так же всплыл запастись воздухом. Так волки, почуявшие дичь, идут по следу и разом насаждают на старого охромевшего лося. Так акулы набрасываются на раненого кита. Три торпеды это уже не стайка, а настоящая стая, и — хотите верьте, хо-

тите нет — в их действиях было что-то похожее на согласованность. Уж очень синхронно они начали атаку, грамотно разошлись, качественно ставили помехи. В самую резвую из них я тут же разрядил бомбомет, высадив все, что в нем оставалось, и удачно: это действительно оказалась торпеда, а не ложная цель. Потом нырнул и спустя несколько минут маневрирования уже уходил на предельной скорости — охотник от дичи! Как ни крути, не получалось долбануть обе без того, чтобы одна из них не вышла на дистанцию эффективного поражения.

Ловко меня поймали... Не хватало, убегая, напороться еще на одну торпеду — тогда точно конец.

Слишком долго я не видел целей, необыкновенно долго для Гольфстрима. Должен был насторожиться, идиот! Обязан был не расслабляться! Самое умное, что я мог сделать, это прервать «рейд» после двух суток, как советовал покойный Богданов, и сутки отдохнуть. А потом вернуться к тактике «укол» или «проскок».

Пожалуй, на «Краббене», а то и на «Скате» я сумел бы уйти от ржавой рухляди — удрать на «Нырке» не понадеялся бы и самый глупый курсант в выпуске Центра ВМС на Сумбаве, не то что третий в выпуске. Изменить обстановку, насколько это в моих силах, повернуть к своей пользе естественную разницу скоростей целей, точно выбрать позицию и момент для нанесения удара... Я вам покажу, гады, какой я не третий, а одиннадцатый!

Обманываясь помехами и ставя помехи сам — по-моему, без всякого результата, — я достал вторую цель лишь пятым по счету «плевком». Оставались всего-навсего две антиторпеды. И тут я, пожалуй, запаниковал, так что капсула на cerebroуправлении закружилась винтом. Потом выяснилось, что, лихорадочно срывая с головы шлем, я выдрал из приборной панели разъем вместе с проводами.

Последнюю торпеду надо было бить наверняка. Я подпустил ее на десять миль — почти к предельной границе, внутри которой я сам оказался бы в зоне уверенного поражения, — и ударил.

Три цели — для них Я был целью! — фронтом шли на меня, и лишь одна из них была настоящей, а две ложными. Интуиция, противная здравому смыслу, подсказывала: бей в среднюю!

Я ударил в левую, сам не понимая почему. И угадал. Пронизавшая толщу воды вспышка — значитель-

но более яркая, чем я ожидал, — и секунды до сокрушительного удара водяного кулака, и скверное предчувствие...

Торпеда не должна была сдетонировать. Но она сдетонировала, опередив, может быть, всего лишь на миллисекунду свою почти мирную гибель в раскаленном газовом пузыре. Один случай на тысячу. Склеротический псевдоинтеллект, запертый в ржавой десятиметровой сигаре, дождался своего часа.

В цереброшлеме я бы умер. Без него, как ни странно, даже не потерял сознания, а ушибы и ссадины не в счет. Корпус капсулы — слабая титановая броня, ни композитов, ни гидравлического демпфера — не должен был выдержать такого удара, но выдержал.

Везение...

Странное мне даровано везение: загонять себя в смертельно опасные тупики, быть битому и выживать, несмотря ни на что. Всплывать к свету. И ТОМУ, ДРУГОМУ, человеку во мне «везло» точно так же, с той разницей, что он был пилотом флайдарта, а не глубинником. И точно так же лысел со лба, между прочим. И был уволен в отставку из-за синдрома Клоцци, несовместимого с цереброуправлением, каким оно было лет этак двадцать, а то и тридцать назад. Теперь этот термин мало кому известен.

Это что же получается? ТОТ жил в те времена, когда я едва родился?

Раздвоение личности во всей красе, а что по большей части лишь во сне, так это пока. То ли будет. Да не простое раздвоение, а с выкрутасами, и в самом деле на шизофрению похоже, если я правильно понимаю, что это такое. Вот отчего я «рейд» выбрал. Не по умному расчету, как сам себе заливал, — боялся спать, и все тут!

Вот и болтайся посреди Гольфстрима, лови шальные потоки. Пятые сутки заставляй себя не спать.

Погружение...

Вниз, на одиннадцатикилометровую глубину, «Нырок» проваливался куда быстрее, чем всплывал. Следующее всплытие я наметил через десять часов. Можно молиться, чтобы поток не изменил направление, позволил выиграть два-три десятка миль... но дойдет ли молитва до бога сквозь толщу воды? И есть ли тут бог?

Глубина-то детская. Но иссякнет поток или повернет вспять — глубже не нырнешь, не поищешь. Раздавит.

Не спать... Шаг. Поворот. Еще шаг. Принять таблетку? Да, пора.

Думать? Разрешается. Сколько угодно.

Все-таки ТОМУ человеку во мне можно позавидовать: у него была любовь. Странная любовь пополам с презрением к женщине-андроиду — но была же! А вот я так и не сподобился ни на Земле, ни на Капле. Не называть же любовью перепихивания со случайными девочками в Корсакове и Новом Ньюпорте да кувырkanie в постели с контр-адмиралом Риенци.

Стоп. Думать о другом. Об этом — табу.

О другом, однако, я подумать не успел: пискнул сонар, предупреждая о появлении цели. И тотчас же пискнул снова.

Две торпеды. Заметили... Раньше, чем я их. Обзорный экран загажен ложными целями...

Ну вот и конец... Отплавал свое, глубинник, отнырял. Откувыркался с Джильдой. Отжил свой срок. Подлец Лейф не отжил — а твое время истекает. Падают последние капли в клепсидре.

Страха не было. Только усталость и немного тоски. Мелькнула даже мысль плюнуть на все и разрешить себе отключиться, уснуть. Совсем не трудно проспать последние минуты жизни, если не позволял себе сомкнуть глаз больше ста часов.

Можно драться до последнего. Погибнуть, как Богданов, с честью, о чем все равно никто не узнает. Запустить электропривод, ползти со скоростью карася в пруду, попытаться сманеврировать так, чтобы заставить цели сблизиться и уничтожить обе одной антиторпедой, а разрядивши аккумуляторы, ждать, что спасут или что каким-нибудь чудом вынесет из Гольфстрима...

Если бывают на свете чудеса, то не такие. Нет даже одного шанса на тысячу. Нет ни тени шанса, и не будет. Во веки веков. Аминь.

Странно устроен человек: казалось бы, помереть во сне куда приятнее, чем в драке, — а он выбирает драку...

Врать не буду: положим, эта мысль пришла мне в голову потом, и не сразу вспомнилось напутствие Моржа: «Никому не позволяй распоряжаться двумя вещами: твоими мыслями и твоей жизнью». А значит, ни человеку, ни полуживой жестянке с манией убийства. Сработал рефлекс, а когда я осознал, что творю, уже скрипели позади меня несмазанные шестерни, и капсула двигалась. Со скоростью карася, правда, очень спешащего.

Карась-то карась, но с зубами. Вернее, с послед-

Только никакого cerebroуправления...

Ткнул костяшкой пальца в клавишу «ОТСЕВ». Работа «мозгу»: анализ перемещений отметок от целей, вероятностный анализ, отсеивание кандидатов в ложные цели. Половину отсеет, и то хлеб. Ну, подскажет еще, какие отметки, по его машинному разумению, являются истинными целями, однако с такой неуверенностью, что лучше бы не подсказывал. Всякий нормальный глубинник в опасной ситуации молится не на «мозг» — на собственное чутье. Глубинник без чутья не глубинник — просто труп.

Взглянув на экран, я не то чтобы удивился — просто отметил нечто странное. Удивляться я был уже не способен.

ЦЕЛИ НЕ ШЛИ НА МЕНЯ!

Что за притча?

Я постучал по экрану, хотя это было и глупо. Экран кругового обзора монолитен, отпаяться там нечему. Он либо работает, либо нет, а если выходит из строя, то уж навсегда, и никогда не «дурит». И уж коль скоро он показывает, что хоровод целей не интересуется мною, значит, так оно и есть.

Эти торпеды не атакуют. Они не видели меня в упор!

Оказывается, я дрожал. И без того в рубке было нежарко, а тут еще холодный пот по спине... Ладно, живы будем — разберемся, отчего я дрожал: от холода или от страха.

Спохватившись, я застопорил движок. Так... Будем разбираться. Обрадоваться еще успею, если найдется чему.

Хоровод целей мало-помалу смещался справа налево, с юга на север. Станные дела творятся в Гольфстриме. Допустим, попала торпеда окончательно проржавевшая, свихнувшаяся, такие еще встречаются, несмотря на работу штрафников, сам видел. Но не две же сразу! Кибернетический псевдоинтеллект — штука маловразумительная, во всяком случае — для меня. Плывут себе рядышком, мирно ставят помехи, вместо того чтобы наброситься на меня, как псы. Любовь у них, что ли?

В кают-компаниях расскажешь — не поверят, примут за байку. Байки еще не такие бывают.

Сканирование специмпульсами...

Обычно глубинник не тратит времени на получение максимально полной информации о целях: заниматься анализом в бою — разновидность извращенного самоубийства. Иное дело на контрольных постах и базах, да и на Поплавке тоже: сидят выдрессированные операторы-сверхсрочники, дежурят неулыбчивые офицеры принятия решения, и ап-

паратура у них не чета моей. Хотя и мой «мозг» кое на что способен.

Две минуты ожидания показались удвоенной вечностью. Колонки цифр, россыпь данных... Общее количество целей... Количество, превышающее заданный вероятностный предел... Так. Предполагаемое количество истинных целей: 1,58. Дробь. Гм, потом... Таблица расстояний... Векторная диаграмма скоростей... Не то. Дальше... Порядок размеров целей при типовом значении коэффициента отражения ультразвука: около 100 метров...

Что-о?!!

Полезное дело спать, доложу я вам. А не спать — вредное для ума. Мне потребовалась целая минута, чтобы прийти к единственно возможному выводу: это не торпеды! А ведь видел, что отметки от целей на экране ярче обычных. И дробь глупый «мозг» поставил не зря: намекает, что истинных целей две, но не уверен.

Правильно не уверен. Одна она! Конечно, одна.

Это даже не капсула. Подлодка с хорошим постановщиком помех. Был бы у меня такой постановщик, я бы горя не знал, да куда там...

Чья лодка — не вопрос. Северяне не забираются так далеко на юг и, как и мы, не способны на явное сумасшествие: послать на диверсию не капсулу ничтожной ценности — серьезную боевую единицу. Значит, наша. Наверное, из Ударного флота, что прошел на север как раз перед тем, как я угодил в Гольфстрим. Правда, мала скорость, и идет почему-то на глубине...

Плевать. Разберусь потом. Кто бы ты ни был — спаси!

Расчет перехвата... Ах да, врубить движок! Снова скрежет, скрипящая песня проржавленных шестерен. Если сейчас у какой-нибудь обломится зуб...

То было холодно, а тут словно жаром всего обдало. Самое время велеть себе заткнуться. Я и заткнулся, а чтобы было не так мучительно, еще раз рассчитал перехват. Получилось, что успею, но впритык, и то если в ближайшие два часа неизвестная подлодка не изменит курс, что далеко не факт.

Древний, как спасение утопающих, SOS — на мембрану гидрофона! Пип-пип-пип... пи-ип... пи-ип... пи-ип...

Повернули ко мне цели — то есть тьфу, не цели! Спаситель мой повернул, вечный мой кредитор, пусть даже им

356 Хмырь Бенни окажется, пусть даже Лейф Бьернсон...

Уверовать в бога я не уверовал, но, кажется, молился до тех пор, пока «Нырок» не качнуло, и тут я «ослеп» и «оглох» — неведомая субмарина приняла капсулу в шлюз. Завыли где-то насосы, забурлила вода.

Приехали...

Шлюзовая камера была не освещена, и мне пришлось нырнуть в рубку еще раз, добыть фонарик. Капсула лежала в лапах-охватах плотно и надежно, чего я меньше всего мог ожидать: под допотопные «Нырки» уже давно ничего не проектируется, и правильно. Может быть, и подлодка старая, двадцати—тридцатилетней давности постройки? Похоже, что так.

Со скрипом — именно с пронзительным скрипом, я даже вздрогнул, — поползли в стороны броневого створы.

Стоит подозрению родиться, и оно окрепнет само. Небольшой, плохо освещенный отсек был совершенно пуст. Ни единой души. Разбитая вдребезги морда пульта, кучка грязного тряпья в углу, большая вмятина на потолке, странные шрамы и потеки на переборках, устоявшийся запах затхлости...

И все-таки воздух был свежее, чем в моей капсуле, это сразу почувствовалось. Странное сочетание: свежесть и затхлость.

С металлической дверью пришлось всерьез повоевать — открываться по-доброму она не желала, а когда неожиданно распахнулась, оглушив ржавым скрипом, я удивился, почему она не сорвалась с трухлявых петель и не придавила меня. Хлам, тлен, а вон там — явные следы давно затушенного пожара... Снится мне все это, что ли? Наверное, просто сплю и снится... Эй, люди!

За дверью оказался узкий прямой коридор длиной как минимум в пол-лодки. Еле-еле горело аварийное освещение, гулко отдавались шаги.

Никого. Некоторые двери, выходящие в коридор, были задраены наглухо, некоторые демонстративно распахнуты. И нигде ни единой человеческой души. Не автоматика же меня выловила, в самом деле, среагировав на SOS! Что-то я ничего не слышал о подобной автоматике. На подлодке такого класса экипаж не может состоять меньше, чем из тридцати—сорока человек!

И вместе с тем механизмы работали, чуть-чуть вибрировал пол, и лодка куда-то шла. Слышал я об одной такой лодке... и не верил в нее, конечно.

Пустота ощущалась в ней. Потерянность...

— Это что же, — сказал я вслух, холодея от догадки, и понизил голос до шепота, чуть только коридор ожил эхом. — Это куда я попал? На Сонную субмарину?!.

Глава 5

...Открыв глаза, я некоторое время смотрел в потолок и пытался сообразить, где я нахожусь. Даже при скудном освещении было заметно, что потолок запылен до чрезвычайности, и это еще мягко сказано: местами с него свисали прямо-таки серые гирлянды, возле вентиляционных решеток колыхалась мочало-подобная бахрама, на стыках плит росли волосатые сталактиты, бугристые наросты пыли покрывали ошметки отслоившегося антикоррозийного покрытия, так что за всем этим запустением с трудом различался рисунок рифления — старомодный, но я такие видел. На Третьем контрольном в моем узилище был точно такой же.

Типичный боцманский кубрик. Тесно, но не так, чтобы очень. Узковатая, но отдельная койка. Здесь не спят на механизмах и друг на друге.

Стены выглядели не лучше потолка. Оглушенный сном, я несколько минут тшился понять, откуда здесь столько пыли. Ну конечно: «сыплется» пластикат переборок, отшелушивается краска, «стареют» и рассыпаются полимерные уплотнители, а больше всего пыли дает, понятно, человек и его одежда: мертвые чешуйки кожи, выпавшие волосы, обрывки тканевых волокон с одежды... Значит, люди есть. Сколько же надо времени, чтобы так запустить помещение? Ясно одно: матросов-первогодков здесь нет и давно не было.

И тут я вспомнил, где нахожусь, и рывком сел.

— Выспался? — спросил старик. — Или еще поспать хочешь?

Я мотнул головой и посмотрел на него. Был он такой же, каким я его запомнил вчера (или позавчера?): маленький, как гном, и вдобавок сутулый, совершенно лысый, с изжелта-бледной кожей на голом черепе. Признаться, капитана Сонной субмарины я представлял себе иначе: этакий Ван Страатен с богатырским разворотом плеч, рыжей, пропахшей табаком бородищей и безумно вытаращенными глазами.

У этого были глаза как у сушеной воблы, с выцветшей, едва заметной краснотой. Может быть, в свое время он считался альбиносом, а может быть — просто больные глаза. Плохое освещение да пыль...

Я содрогнулся, представив себе, как от случайно-
358 го дуновения воздуха в кубрике геологические пласты

плыли мягко отделяются от потолка, парашютируя мне на голову, и дал себе слово двигаться плавно.

— Здоров ты храпеть, — сказал старик. — А поспать дурак: двадцать два часа всего-навсего. Суток пять не дрых, наверное?

— Чуть меньше.

— Хорошо, что я тебя не застрелил, когда ты брякнулся, — любезно сообщил старик. — Думал, хитришь от большого ума, а ты просто заснул под прицелом! Брык — пятки вместе, носки врозь... Уж извини за это помещение: тащить тебя в приличное место мне уже не по возрасту. И еще извини: я тебя обыскал. Сам понимаешь, пришлось.

— А, — сказал я. — Чего тут извиняться. Ну и каковы результаты?

Старик улыбнулся.

— Удовлетворительные. Чист, аки ангел небесный. Штрафник, как я понимаю?

Я кивнул. Несколько секунд старик ждал более развернутого ответа и, не дождавшись, примирился.

— Ладно, расскажешь, если захочешь. Не клещами же из тебя тянуть. — Он вздохнул. — Иди приведи себя в порядок. Гальюн налево по коридору, умывальник рядом. Потом приходи в ходовую рубку, она палубой выше, в...

— Я знаю.

— Ну? — Старик явно удивился. — Откуда?

— Это ведь лодка типа «Анаконда», верно? Ударный крейсер? Мы такие проходили, правда, вскользь. Необязательный курс истории матчасти, на всякий случай.

— Вот оно что, — протянул старик. — Тогда понятно. Давно с Земли?

— Год.

— Ну-ну. Потом расскажешь, как там нынче живут. А теперь иди. И учти: это не какая-то там лодка типа «Анаконда», это сама «Анаконда» и есть...

К моему удивлению, гальюн содержался в относительном порядке, зря я себе навоображал невесть чего. Мыла, конечно, не нашлось, зато горячей воды было в достатке, хоть душ принимай, тем более что душ тут имелся самый настоящий. Поколебавшись, я отложил это дело.

В ходовой рубке тоже оказалось прибрано. Скользнув взглядом по старику, явно меня ждущему (подождет!), я впился в экран допотопного монитора. Глубина по-

гружения восемнадцать тысяч четыреста, курс 310, скорость всего-навсего одиннадцать узлов.

— Глубинника сразу видно, — прокомментировал старик. Горевший вполнакала матовый плафон отсвечивал на голом черепе. — Если тебе интересно знать, дополню: мы еще в Гольфстриме. Да ты к экрану не кидайся — ишь рефлекс развил... Бояться нам нечего: у «Анаконды» постановщик помех такой, что и на «Черном Баклане» позавидовали бы, притом специально для Гольфстрима немного доработанный... Меня торпеды в Гольфстриме за своего держат, — старик хихикнул, — а штрафники вроде тебя не связываются с парной целью... Ладно, садись тут. Открываем час вопросов и ответов. Твое имя?

— Филипп.

— А полностью?

Я сказал полностью. Старик сморщился и комически замахал руками, отгоняя наваждение.

— Пусть будет просто Филипп Альвело. Латинос?

— Сам не знаю. Вроде того. А вы кто?

— Зови меня просто капитаном. Кстати, можно и на «ты».

За что в штрафники угодил?

Ишь какой... Вынь ему ответ да положи на блюдечко. Вроде безвреден, но пока я не понял, как к нему относится, — обойдется.

— Пукнул при Адмиралиссимусе, — ответил я, вспомнив Богданова.

Старик фыркнул и посмотрел на меня укоризненно.

— Каждый второй так говорит. Ну, не хочешь, как хочешь...

Он был огорчен, это я ясно видел. И тогда — хотите верьте, хотите нет — я рассказал ему все, до корки. Незнакомому человеку и почти наверняка дезертиру! Лысому гному, капитану мифической Сонной субмарины!

Моему спасителю, правда... Этого не отнять, не забыть. Спас. Вряд ли без него я был бы еще жив.

— Угу, — сказал он, выслушав меня без всяких эмоций. — Забыл спросить: ты, может, есть хочешь?

— Хочу.

— Так я и думал. На вот... — Он протянул мне коробочку и пододвинул кружку. — Я тут, пока ты мылся, на камбуз зашел. Стерилизованный криль с фитопланктоном, противно, но не помрешь. Пищевой конвейер еще работает. Ложку вот возьми. А вода, извини, дистиллят.

Я набросился на еду так, что запищало за ушами.

360 Какая уж еда штрафнику в Гольфстриме, это старик

верно понимал. Во время работы она в горло не лезет, думать о ней не хочется. Лучше нажать себе язву, чем сгореть сытому в плазменном пузыре. К тому же последние сутки в капсуле я не ел сознательно, чтобы не свалиться в сон.

Я с трудом удержался от того, чтобы вылизать коробочку. По-моему, старик ругал еду зря: оказалось совсем неплохо, чуть пряно и солоновато. Конечно, если есть такое изо дня в день, из года в год, света невзвидишь... А что до дистиллята, то где, спрашивается, на Капле пьют не дистиллят? При солоноватой еде можно пить и без соли, хотя удовольствие от такого питья, понятно, посредственное.

И сейчас же, подтверждая мои мысли, старик спросил:

— У тебя случайно сухпайков не осталось?

Я кивнул.

— Три штуки есть, кажется.

— Верно, три, — рассмеялся старик и потер сухие ручки. — Я твою посудину осмотрел, пока ты спал, ты уж не обижайся. Брать не стал... а поделишься — спасибо скажу. Сделаешь старику приятное.

— Бери все, — сказал я и добавил: — Конечно, бери, капитан...

— Может, сам сходишь?

Возражать я не стал. Кое-какие вопросы следовало разрешить незамедлительно и притом самому, пусть даже не обманывает меня ощущение, что старик скажет правду... но тем не менее.

Пожалуй, капитан мне даже нравился. Немного сумасшедший, как видно, но сумасшедший, если можно так сказать, здравомыслящий: не рискнул оставить спасенного чужака одного в рубке, обыскал сонного на предмет оружия, а у самого под рукой наверняка лучевик или еще чего похуже...

Если на одной палубе с ним я осторожничал, то, спустившись вниз, повел себя смелее: совал любопытный нос в незапертые двери и люки, тщетно дергал задраенные. На обратном пути, прижимая к животу пакеты с сухими пайками, я дал крюк через нижнюю палубу — с тем же результатом. У прохода в камбуз в нос ударил гнусный запах — что-то вроде прокисшей барды с отдушиной йода.

Капитан ждал меня с усмешечкой на губах.

— Ну как, нашел кого-нибудь? А то погуляй, поищи еще. Я бы тоже не отказался найти.

Я брякнул перед ним пакеты.

— Мы одни? — Я уже понимал, что одни, и почему-то это не казалось мне странным.

Он ответил кивком — был занят пакетом. Надо было видеть, как он ел! Полпакета улетело в момент. Со второй половиной сухпайка он расправлялся не торопясь, со вкусом, причмокивая, блаженно закатывая глаза и, похоже, борясь с собой, чтобы не заглотнуть все мигом. Даже в глазах сушеной воблы появилась некая осмысленность.

Однако, подумал я. Легенда о Сонной субмарине — очень старая легенда, ей не то двадцать, не то тридцать лет. Ладно, пусть всего-навсего двадцать... И все это время старик сидел на криле и дистилляте?

И опять, словно услышав мои мысли (или я лицом не владею?), старик чему-то улыбнулся, крякнул и сказал:

— Криль и планктон в основном. Если ты и впрямь помнишь необязательный курс, «Анаконда» рассчитывалась на пятилетнюю автономность. Само собой, выдвижные сетки, тралы... а что до однообразия, так на то и военная служба. Это уж последующие лодки этой серии модернизировали специально для войны на Капле: автономность поменьше, боевая мощь побольше... После Экваториального разгрома «Анаконду» и вовсе сделали вспомогательным судном, грузы лодка возила...

Покончив с сухпайком, старик блаженно откинулся в кресле, сыто отрыгнул в кулак и облизал пальцы.

— Еще водоросли ловлю, — сообщил он и икнул. — Понятно, не хищные — их есть невозможно, — а фиолетовые микрофиты. Гадость хуже криля, зато углеводов в них хоть отбавляй. Дело полезное... Ты уж угоди старику, сходи на камбуз. Там сразу увидишь.

— Что увижу?

— Лекарство, — хмыкнул старик. — Счастье, которое принимают вовнутрь. Не будь идиотом, иди и неси. Да не разлей.

Так... По крайней мере запашок из камбуза прояснился. Я сходил и нашел то, что ожидал найти: примитивную перегонную установку грубого кустарного производства. В пластиковую фляжку, снабженную надписью «Ядовито! Изопропиловый спирт. Только для протирки контактов», из обрезка гнутой латунной трубы размеренно и неторопливо — кап! кап! — падали мутные капли.

Зажавши нос, я забрал фляжку, подставив вместо нее первую попавшуюся на глаза кастрюлю, и поки-

нул камбуз так быстро, как только мог. Отдышавшись, рискнул понюхать продукт.

Н-да... Такой гадости я и в трюме Поплавка не нюхал и не пил. Очень возможно, что фиолетовые микрофиты действительно содержат массу углеводов — не знаю, я не биолог, — но нос ясно указывал на то, что иной и притом дурнопахнущей органики в них вряд ли меньше. Зато стало, пожалуй, понятно, почему старик за столько лет не превратился в законченного алкоголика...

Когда я вернулся, перед стариком прямо на пульте стояли две пластмассовые кружки.

— Наливай. И себе тоже.

Я налил ему полную, а себе на донышко.

— Твое здоровье, капитан.

— За твою жизнь, парень. За долгую жизнь. Пей!

Содрогнувшись, я выплеснул в себя маслянистую жидкость и после минутной борьбы с рвотными позывами сумел удержать ее в желудке. Старик одобрительно кивнул.

— Молодец, налей еще... А теперь я вот о чем спрошу тебя, парень... Почему не долбанул меня? Одна антиторпеда у тебя еще была.

— Думал, что свой.

Старик погрозил мне коричневым пальцем.

— Врешь. Это ты себе внушил, уж поверь моему опыту. Я таких, как ты, с десяток видел: сначала все врут и даже не замечают. Наверное, очень выжить хочется?

Ну вот... Я с ужасом посмотрел на фляжку, наполненную более чем на две трети. Только доверительных разговоров под жуткое пойло мне сейчас не хватало. Может, он тоже из этих... из русских? Как Морж?

— На Земле мне однажды дали совет: не позволять убить себя ради чужих игр.

Старик крякнул.

— Любопытный совет. И ты ему следуешь?

Я пожал плечами.

— Когда как.

— Не скажешь по секрету, кто тебе его дал?

Можно подумать, он знает все население Земли...

— Морж дал... то есть вице-адмирал Могильный. Он у нас в Центре на Сумбаве читал тактику.

— Вот как, — с неясной интонацией сказал старик и вдруг, разом опрокинув в рот кружку, глубоко зады-

шал. — Понятно... Грехи замаливает. До вице-адмирала, значит, дослужился... При мне кавторангом был, а после той истории с лагерем его разжаловали в капитан-лейтенанты — и пинком под зад в действующий флот, искупать вину. Выслужился, собака...

Сдержался я. А может, не успел разогреться. Уж слишком неожиданно это прозвучало.

— Ты не путай, капитан. Морж никогда не плавал вне метрополии, он сам говорил.

Лысый гном неприятно засмеялся:

— Так-таки сам и говорил? За какие же заслуги он получил свои награды и чин? Или в озере Виктория всплыла лодка Лиги?

Я не нашелся с ответом. Может быть, старик специально ждал момента моей растерянности, чтобы налить мне полную кружку.

— Выпей, парень. Такие разговоры на трезвую голову не идут. За центральный пост не беспокойся, автоматика справится. Выпей залпом — и полегчает. За всех, кто в Капле: за тех, кто не всплыл, и за тех, кому пока везет... До дна!

— Удачных всплытий, — пробормотал я, с содроганием разглядывая мутную жидкость в кружке.

— Кхм. Ты что, издеваешься?

— Нет... Ах да, прости...

— Соображать надо! — проскрипел старик и, выдув кружку единым махом, потянулся к второму пакету с сухпайком. — Черт, хотел на завтра оставить... А, ладно!.. Пей!

Не знаю, притупилось ли мое обоняние, жидкость ли обладала такими свойствами, только со второй попытки пошло много лучше. Организм перестал бороться, как бы говоря: «Давай держай, я тебя предупредил, а что с тобой завтра будет — не моя забота».

Ну и ладно.

— Ты что, вообще не всплываешь? — поинтересовался я, усердно заедая пойло крилем.

— Только под шнорхель, раз в полгода. Ну, понятно, в перископ на океан поглядишь, пока воздухом закачиваешься...

— И все время в Гольфстриме?

— Ну да. Двадцать второй год пошел. Тебя это удивляет?

Еще бы меня это не удивляло! Хотя, конечно, ударный крейсер — это не какая-то там капсула и против полу-

364 дохлых торпед он что кит против сельди. Даже без

доработанного постановщика помех, без антиторпед, одним лазерным гарпуном, буравящим толщу воды штреком раскаленного газа... Звено таких лодок могло бы полностью вычистить Гольфстрим за год-два.

Но чем бы тогда занимались штрафники?

В военное время — понятно чем. А в мирное? С риском для жизни устранять повреждения после желтых приливов? Сколь ни разнообразны природные пакости Капли, их на всех не хватит.

— Все хочу спросить, — сказал старик. — Командование обо мне что-нибудь знает?

Я пожал плечами. Нашел у кого спрашивать!

— В приказах, кажется, не было. Так, слухи ходят... легенды. Мол, с той войны ходит где-то Сонная субмарина со свихнувшимся... — я поперхнулся, — капитаном и экипажем лунатиков... Извини, капитан, не я это придумал.

Старый гном заперхал. Я не сразу понял, что он смеется.

— Знаю, не ты. Меня эта байка не первый год забавляет. Думаешь, я тебя одного пожалел? Как умер Витус, мне поговорить стало не с кем, вот иногда и вылавливаю бедствующих штрафников: человеку — спасение, мне — разнообразие... — Он помолчал. — Может, согласишься остаться?

Я отвел глаза. Не люблю рушить чужие надежды. Старик вздохнул.

— Понятно. Тогда поживи здесь хоть неделю. Те, кто был до тебя, обычно соглашались. Только один буйным оказался, за горло меня взял, ну и пришлось его... сам понимаешь.

— А потом?

— А потом я их отпускал вне Гольфстрима. Кто не соглашался, того отпускал сразу. Правда, в Гольфстриме.

— И не брал слово молчать?

Старик опять заперхал.

— Плохо ты соображаешь, как я погляжу. Вот ты, штрафник, доложишь обо мне начальству? Нет? Так я и думал. Контакт с изменником, сам понимаешь, срока давности за измену нет... хотя я никому не изменял. Да и не поверит тебе никто. А засечь меня в Гольфстриме не так-то просто.

Он взболтал жидкость во фляге, посмотрел на свет, одобрительно хмыкнул и снова наполнил кружки. Как раз хватило по полной. Пьяным он не выглядел, скорее чуть-чуть сумасшедшим. Неудивительно...

— Война за Воссоединение, ха! — сказал он с желчью. — Правда, северяне почему-то называли ее вой-

ной за Независимость. Ну да не мне их судить, особенно теперь. Сколько людей утонуло, сколько лодок... Девять лет войны! Обычно чаще мы их били, чем они нас, но однажды Федерации туго пришлось. Тогда целый флот сдался... вернее, то, что северяне от него оставили. Об Экваториальном побоище слышал небось? — Старик сердито пошмыгал. — Сказать вернее, об Экваториальном разгроме. Адмирал Штиттен, мать... До сих пор вспоминать больно. Ну, дальше лагерь военнопленных на плоту, понятное дело... для тех, кто не согласился Лиге служить. А через полгода вышло перемирие и обмен пленными. Обрадовались, дураки... А нас — за жабры! Трибунал: почему, мол, сдались? Нижние чины на офицеров кивают, офицеры — на командиров кораблей, а те на адмирала Штиттена: был, мол, приказ... А адмирал не то потонул со всем штабом, не то тоже сдался и скрывается Лигой — помню, насчет этого контрразведка особенно допытывалась. Ту логику сейчас понять трудно... Короче говоря, дали нижним чинам по пять лет лагеря, а офицерам по десять — до ловли торпед в Гольфстриме тогда еще не додумались...

Старик надолго присосался к сивушной кружке, а когда оторвался, воспаленные веки его с сеточкой красных жилок дрожали. Рукавом смахнул слезу:

— Не обращай внимания...

— Не хватит ли пить? — спросил я.

— Что ты понимаешь, молокосос? — возмутился старик. — Ты слушай! Знаешь, где они устроили лагерь? На Южной шапке, в десяти градусах от полюса! Лагерь-коменданта не знаю, просто сволочь какая-то, а начальником охраны под ним был кавторанг Борис Могильный, Морж твой. Я с ним когда-то учился, он на курс старше был, шпынял меня, салагу... Боевой офицер — пошел в тюремщики, какво! Ну да это еще не все, слушай дальше. Бараки у нас были надувные, один на сто человек, мы своим теплом их и грели. Кое-кто и замерзал, не без этого... Лето холодное выдалось. Лыдина голая, ветра такие, что на ногах не устоишь, один барак просто сдуло вместе с людьми, говорят, так и не нашли его. Всей работы нам — снег отгрести да ветрозащитные стенки наращивать. Сами и проволоку вокруг лагеря тянули, в один ряд, больше для виду. Бежать все равно некуда — везде лед, смерть, полярная ночь, а если и доберешься чудом до края лыдины — что дальше? Капля... В общем, пока лето держалось, никто ни о чем таком и не заикался, а осенью начали замечать у охраны чемоданное на-

строение... Понял? Нам-то вкручивали, что, мол, для нашего размещения освобождается специальный плот, а оказалось намного проще: нас собирались просто бросить! Зимой Южная шапка тает полностью, а верхом на надувном барাকে много не наплаваешь...

Я содрогнулся.

— На самом деле мы перемерли бы раньше, — продолжал старик. — Кто бы нам в военное время запасы оставил? До полярной базы две тысячи километров, да и встретили бы нас там... понятно как. А был слух о том, что, мол, километрах в трехстах от нас, почти у края поля, вмерзла в лед вот эта самая «Анаконда». Почти никто в это всерьез не верил — а все же надежда. Ты человеку лучик света впереди покажи — он за ним на край света пойдет, не то что на край льдины. Говоря короче, не стали мы ждать, покуда нас бросят, начали сами. До сих пор жалею, что не до всех охранников добрались, утек кое-кто... Летающую платформу нам тоже отбить не удалось. Ну и пошли... Полторы тысячи человек. Не мне одному приходило в голову, что «Анаконда» вместит едва ли одного из десятерых да поди еще ее отбей — а куда деваться? Слабых бросали... это теперь я понимаю, что некоторые из них смогли бы дойти, а тогда и сильные не очень-то надеялись — триста километров по льдам, без одежды с подогревом, почти без пищи. В похвалу людям скажу: до трупоедства дело дошло очень не сразу...

Старик отхлебнул сивухи, сморщился и вдруг захохотал:

— Флайдарты! Ты оцени честь: на нас бросили не только боевые платформы и вертолеты — истребительную авиацию! Вреда нам от нее, правда, было чуть, а вот платформы... — Старик выругался. — После первого налета от нас едва половина осталась. Висит над головой такая сволочь, лупит на выбор, а достать ее теми пукалками, что мы у охраны поотбирали, руки коротки. Если бы не пурга да не торосы, никто бы не дошел. Разбежались... Чуть что — прятаться. Пурга, я скажу, нас тоже не жалела, на ходу люди замерзали. В моей группе семнадцать человек было, а до лодки дошло одиннадцать. Повезло, считай... Ты чего не пьешь?

— Пью. — Я сделал глоток и, когда дыхание восстановилось, спросил: — А дальше?

— А дальше сразу вышли как надо. Тоже чудо, конечно, но мы тогда даже не удивились. Пурга стихла, и картина как во сне: белым-бело, впереди во льду лодка при-

порошенная, а у горизонта — море... Сутки мы ждали, готовились, боялись страшно, что лодка уйдет, а дальше... сам сообрази. Пока могли, резали их без звука, поодиночке. Потом пальба пошла. Трое нас живых осталось да двое тяжело-раненых, оба умерли на следующий день, зато лодка — наша, и уж тут времени не теряй... Ты пей, пей, не стесняйся.

— Я пью.

— Может, кроме нашей, на льдине еще какие-то группки остались, но мы их ждать не стали. Да и они не стали бы нас ждать, если бы не нам повезло, а им. Правильнее сказать, мы не стали дожидаться, когда нам на рубку свалится тактическая ракета. Кое-как выломались из льдины, она уже и сама трескалась, — и на глубину, под лед, под шапку. Ищи нас...

— Неужели не пытались выследить? — поразился я.

— Конечно, пытались, да не очень долго. К тому времени перемирие давно кончилось, так что командованию было не до нас. А нам — куда податься? Стали держать совет. Подальше от мест боевых действий — это раз. Зоны Лиги и Унии сразу отпали: никто бы не поверил, что мы не смертники с гигатонным зарядом на борту, утопили бы сразу по обнаружении. Притом не хотелось чувствовать себя предателями, бродил в нас еще кое-какой идеализм... Пошли было к Независимым, они тогда с нами вроде в союзе были, однако ж не настолько тесном, чтобы перебежчиков выдавать... на то мы и надеялись. Потом сообразили, что Независимым лодка была нужна, не мы. Ну и решили выждать...

— Чего, кэп? — легкомысленно спросил я. — Окончания войны и всеобщей амнистии?

С минуту старик сверлил меня бешеным взглядом — мне даже показалось, что он готов швырнуть свою кружку мне в лицо. Но обошлось, и опять на меня уставились глаза сухой воблы.

— Ты, парень, больше так не шути, ладно? Вижу, что брякнул по недомыслию, потому и прощаю. Сам не знаю, чего мы ждали... может быть, шанса улететь с Капли — куда угодно, с какого угодно терминала. Одно время нам казалось, что такой шанс непременно будет, стоит только дожждаться... Да и просто пожить лишние несколько лет — разве плохо?

Отшвырнув пустую кружку — с пластмассовым стуком отскочив от переборки, она запрыгала по полу, — старик подцепил фляжку сморщенной лапкой и вытряс себе в горло

368 последние капли. Почему-то его голос сразу осип.

Уже порядком опьянев, я слушал молча, пытаюсь представить себе, как это было — давно, больше двадцати лет назад: захват субмарины горсткой отчаявшихся людей, волчья атака на отару, вопли захваченных врасплох, суматошная стрельба, дикие рукопашные схватки на ножах, осада задраенных отсеков... А потом — долгие годы в титановой сигаре, обросшей корой морских репьев толщиной в метр, годы без права безбоязненно всплыть, затем сомнительное убежище в Гольфстриме и угасающая надежда...

Не позавидовали ли выжившие погибшим?

— Вадим через полгода умер, от гангрены, еще на льдине поморозил ноги, не дал нам резать... А Витус шесть лет назад, он, когда все начиналось, среди нас самый старший был, под пятьдесят. От старости и умер, а больше от тоски.

Сон — провал — чернота — пробуждение — свет. Так правильно, так должно быть. Почему со мной не так? Почему я живу во сне чужой жизнью и боюсь уснуть? Неужели надо не спать пять суток и смертельно вымотаться, чтобы не видеть снов, где я — не я?

— Ты опять кричал, — ухмыляется старик. — Приснилось что-нибудь?

Молча киваю, не вдаваясь в подробности. Не хватало еще излагать вслух сны, словно на сеанс психоанализа. Как бы скучно ни было кэпу — обойдется.

Как вчера и как третьего дня, сажусь рывком, отшвыривая ветхое одеяло, сбрасываю ноги с койки, встаю, одеваюсь, а в голове один вопрос: что делать дальше?

Четыре дня на Сонной субмарине... Старик не надоел, нет, но иногда пугал. Как, например, вчера, когда, вглядываясь в пустой экран дальнего обнаружения, вдруг ни с того ни с сего завыл тихим тоскливым воем. Ну точно, начинающий сумасшедший. Двое сумасшедших на полудохлой лодке — один страдает раздвоением личности, у второго личность мало-помалу корродирует вместе с субмариной...

Надо выбираться отсюда. Старик говорил о неделе — значит истекло уже больше, чем осталось. Дотерпеть, потешить старика разговорами — заслужил! — и вернуться на Третий контрольный пост, получить новый «Нырок», закончить работу «уколами» — хватит «рейдов»! Выскочить из Гольфстрима в область нормального хаоса течений, запросить помощь... Можно надеяться, что при семи торпедах на личном счету меня

не станут запирают в камере, словно преступника, позволят ходить где вздумается, а на косые взгляды я плевать хотел. Глубинники поймут — со всяким такое может случиться, — а остальные пусть смотрят как хотят, мне-то что.

Трое суток — не срок. Не двадцать два года.

К управлению лодкой старик меня не подпускал. Иногда управлял сам, и это чувствовалось по рысканью на курсе, — чаще доверял автопилоту. Один раз взвыл сигнал тревоги, но торпеда, словно бы и не заметив нас, чинно прошла мимо на расстоянии двадцати миль и удалилась своим курсом. Старик и ухом не повел.

— Старая знакомая...

Больше мы не пьянствовали. В свободное от разговоров время я бродил по лодке, знакомясь с ней, как с живым ископаемым. Ходовая и боевая рубки... зря старик ревниво их оберегает, здесь я ни к чему не притронусь: дал слово — и сдержу. Ракетный бункер — с пустыми шахтами... Грузовые отсеки — также пустые, и не узнать мне, какие грузы субмарина возила на полярную шапку. Тесная, чуть побольше кубрика, кают-компания с потеками на переборках. Приборный отсек, контроль состояния обшивки... Непонятно: либо «Анаконде» чудовищно везет, либо справочники врут и в Гольфстриме почти не бывает желтых приливов... Торпедный отсек, и в аппаратах — исправные торпеды!

С ума сойти.

В судовой библиотеке пыли было немногим меньше, чем в заброшенных кубриках, и в ней, к моему удивлению, оказался прекрасный отдел современной беллетристики. Я долго ходил, разглядывая надписи на торцах вкладышей: Манфред О'Нил, Островерхов, Мисикава, Квалунгма, Барух... Последняя фамилия показалась мне знакомой, и я сунул вкладыш в старинную, смешного дизайнера книгу. Без всякого, впрочем, толку.

Много захотел. Сколько циклов подзарядки выдержала книжная батарейка за двадцать лет? Скорее всего она давно и необратимо деструктурировалась, равно как и батарейки в других книгах, так что пытаться зарядить ее было, пожалуй, бесполезно. Ясно, отчего в библиотеке выросла пыль, почти как в кубриках. Да и в видеотеке не лучше.

Неясно другое: почему старик до сих пор окончательно не подвинулся умом? Неделя общения с очередным бедолагой-штрафником — потом целый год воспоминаний о том, как славно беседовали по душам... Я бы на его месте

свихнулся раньше, чем облысел, точно. Перебрал бы балласта, чтобы нырнуть без возврата к Вихревому поясу... или отключил постановщик помех. А вернее всего, сдался бы своим при первых симптомах, если не раньше. Да что там говорить, наверняка раньше! Кто не помнит своего долга перед Федерацией, что бы ни случилось с ним, тот не глубинник — отброс, вшивое дерьмо, хуже пораженцев, которых мы гоняли в Новом Ньюпорте. Мне о них и думать противно.

Вчера я пытался поднять эту тему — и в первый раз капитан не пожелал со мной разговаривать, лишь буркнул: «Не должник я — кредитор», тем разговор и кончился.

Да кто я такой, чтобы его судить?

Может быть, и есть у меня на это право, но я не хочу. Потому что судили меня. Судили за то, что не пожелал принять смерть от своих, вздумал возражать. И осудили — спасибо, что лишь за буйство, а не за убийство Глиста-Андерса.

И странно, и глупо. Какая-то несуразная служба на Капле у меня получается. Ну почему я из всех глупостей непременно выбираю наибольшую?

Разделаться с Лейфом можно было и без посторонних глаз, выждать момент, заставить выложить все — и столкнуть за борт, хорошо бы в желтый прилив. Умный человек поступил бы именно так и непременно нашел бы оправдание в том, что прервать жизнь подлеца — не подлость, а благо.

Вот и утись тем, что ты не подлец, а просто дурак и, как видно, им останешься. Невероятно утешительная мысль.

А тут еще эти сны...

— Чем кричать по ночам, ты бы лучше снотворное жрал, — советует старик. — У здешнего медика были роскошные запасы, кое-что еще осталось. А на срок хранения плюнь: я глотал — и жив. Будешь спать как бревно, без всяких кошмаров.

Медленно качаю головой в ответ. Не хочу быть как бревно, пусть даже я бревно и есть — тупое и гулкое, как строевая лесина. Плевать. Мои сны не касаются старика никаким боком.

— Оделся? Пошли в боевую рубку, хочу, чтобы ты сам увидел. Интересные дела творятся на Капле и тебя прямо касаются...

— Что еще за дела? — спрашиваю без интереса. Не до дел мне сейчас.

— Там увидишь.

Сине-зеленый, чуть сплюснутый шар — условное голографическое изображение Капли — висит в возду-

хе посреди боевой рубки, сразу притягивая взгляд. Это что-то необычное. Крайне редко возникает необходимость вызвать на терминал глобус, чтобы оценить общепланетную обстановку, — мне такого не приходилось ни делать, ни видеть.

И точки. Множество красных точек преимущественно в Северном полушарии, различные по яркости и, на первый взгляд, разбросанные хаотично, а на деле с тенденцией к объединению в кучки. Вот возникла еще одна, очень яркая...

«Мозг» субмарины работает. Сила и направление поверхностной сейсмической волны и волны, отраженной от Вихревого слоя, индивидуальные характеристики каждой волны, сложная картина интерференции, учет перемещения акустических каналов в толще океана, учет помех от желтых приливов и естественных сейсмиков... В хаосе разбегающихся волн можно достаточно точно вычислить и местонахождение эпицентра, и эквивалент.

Началось.

И ведь — тишина! Лишь скрип занесенных в Гольфстрим облаков крыла нарушает покой Сонной субмарины. Слишком далеко от нее вскипают и превращаются в газ кубокилометры океана, слишком далеко глубинники в цереброшлемах ХОТЯТ опустошить стволы ракетных шахт и при каждом старте испытывают короткий укол блаженства, слишком далеко веселье и ярость боя.

Началось...

А я?

— Более пятисот подводных взрывов в северных зонах, и некоторые очень мощные, — поясняет старик, будто у меня самого глаз нет. — И это всего лишь за последний час. В зоне Федерации пока всего-навсего шесть эпицентров. Лихо начали.

Молчаливо соглашаюсь: да, начали, пожалуй, неплохо. Даже хорошо. Судя по россыпям точек на глобусе, массивному удару одновременно подверглись все три северные зоны, и, судя по слабому ответу, удар удалось осуществить неожиданно для противника!

Красная точка, довольно тусклая, вдруг возникает в Южном полушарии — поверхностный или даже надводный взрыв. Прицельно или наугад? Интересно знать, как у северян с целенаправлением? Я бы первым делом пожег их спутники, что болтаются на орбитах, будто так и надо. Ну да командование не глупее меня.

Еще одна точка на юге, восьмая! И — словно в ответ — сразу десяток ярких точек у северян. Не хотел бы я быть сейчас на их месте...

А на своем нынешнем месте — хочешь быть?!

Это только начало, я знаю. Я пропустил лишь первый аккорд симфонии — жаль, но и на мою долю хватит. Даже если основные силы врага уже выбиты, зачистка всей акватории Капли растянется на месяцы — недобитые подлодки и целые группы субмарин и капсул еще долго смогут сопротивляться и даже угрожать Поплавку, вовсе не беззащитному, но все же уязвимому.

Знаю одно: сейчас мое место там. В Северном полушарии, в бою за то, что важнее всего на свете: за единство человечества! Десятки ударных крейсеров, сотни капсул, авиация... Там Лейф, с которым я еще разберусь — но потом, не сейчас! Всею свое время. Даже Хмырь Бенни, наверное, там — не спрячется, трус, понюхает войны. Там люди делают то, что должны делать, к чему их готовили всю их жизнь, — а что, спрашивается, делаю я?

Я должен быть с ними. С теми, кто без пощады гвоздит отступников-северян, кто сгорает в плазме ответных ударов, но смыкает — смыкает! — с Федерации тридцатилетний позор! Я должен быть с ними, и я с ними буду...

Оказывается, я говорю и сам не слышу своих слов. Капитан, маленький лысый гном, переспрашивает, будто не понял:

— Ты в самом деле просишь вывезти тебя из Гольфстрима?

Киваю: да! да!

Кривится старый гном:

— Тебе-то, штрафнику, это на что?

Он не поймет. Незачем и отвечать.

— Ты хорошо подумал? Парень, ты не знаешь, что такое большая война. Спроси у тех, кто знает.

— А ты не хочешь заслужить прощение, кэп? Пошли вместе!

Он смеется очень неприятным смехом.

— Кто кого должен прощать? Я что-то не понял, поясни.

— Как хочешь. — Я не собираюсь спорить с ним. — Тогда отпусти одного меня.

Он перестает смеяться.

— Ты дурак, парень. Таких, как ты, ваше же командование называет оболванцами, ты это знаешь? Расходуемый материал. Ну, вывезу я тебя из Гольфстрима и выпущу на волю — дальше что? О тебе, возможно, уже забыли.

Всплывешь и будешь вопить о помощи на весь эфир — вот и готовая мишень. Оставайся. Не насовсем — насовсем, если по-честному, мне не надо, мне бы на несколько дней... Ты пойми: двадцать лет! До сегодняшнего дня я мог бы, наверное, сдаться любой зоне и попытаться улететь отсюда... а куда? Везде одно и то же, везде люди, везде они одинаковы. Не хочу. Одиночество — оно только для одного, двоих ему не выдержать. И Витуса на самом деле я убил... да-да! Отравил, потому что с ним творилось то же самое, потому что видел: еще немного — и он убьет меня...

Он еще что-то говорит — я не слушаю. Слова, слова... Ненужные. Никчемное сотрясение спертого воздуха в рубке «Анаконды».

— Ты меня отпустишь?

— Потерпи еще несколько дней.

Он не приказывает — он просит, и выцветшие глаза глядят на меня умоляюще.

— Не наигрался еще мною? Я не погремушка для тебя! Я солдат!

— Хотя бы сутки!

— Отпусти меня! — кричу я старику в лицо и иду на него, а он пятится. — Не держи! Или уж тогда лучше убей, как своего Витуса. На колени мне встать перед тобой? Так я встану, только отпусти меня! Отпусти, старик, пока прошу по-хорошему!..

Часть третья

ОРЕОЛ

Глава 1

Тишина, готовая расколоться, кажется оглушительной и тревожной лишь постфактум и лишь тем, кто выжил. На самом деле она — просто тишина. Вовсе не оглушительная и совсем не тревожная.

По-прежнему кружится на орбите чуть сплюснутый водяной шар, окутанный дымкой атмосферы, по-прежнему незаметно катятся по шару, преследуя белое солнце, приливы и отливы, учитываемые лишь бортовыми компьютерами челноков и грузовых ракет, спускающихся к терминалам. Не обращая внимания на людей, Капля живет своей жизнью: шумит смерчами и водоворотами, вздрагивает от гидросейсмов, единым рывком перемешивающих титанические массы воды, под чернотой грозовых туч над океаном оглушительно лопаются шаровые молнии, плещут волны — Капля не знает полного безмолвия глубокого космоса и мертвой тишины безатмосферных планетоидов.

И все-таки оставшиеся в живых не лгут. Тишина последних часов перед войной запоминается им на всю жизнь.

Качаются на волнах самоходные плоты, баржи, доки. Медленно дрейфуют плавучие базы флота и авиации. Скользят над Каплей спутниковые станции слежения — южан и северян. В толще океана чутко дремлют разведенные по позициям подлодки, словно зародыши в околоплодной жидкости. Внешнее кольцо обороны южан — полторы сотни капсул, растянутых в боевом положении вдоль всего экватора, они прекрасно заметны с орбиты. Если поискать, отыщется и второй эшелон: три крейсирующие на небольшой глубине эскадры субмарин, готовые устремиться к месту прорыва обороны, если северяне на свой страх и риск соблазнятся

бедственным положением суперкрепости — Поплавка зоны Федерации. Самая сильная эскадра выставлена против зоны Лиги — это так естественно, так понятно. Южане страхуются.

Впрочем, по-видимому, большая часть их флота так и не переброшена за Южный Гольфстрим и пребывает на плавучих базах в умеренных широтах. Несколько ударных единиц кружат возле поврежденного Поплавка, из разумной предосторожности оттянутого к самой кромке полярных льдов; немало судов бродят в южных водах поодиночке и малыми группами. У зоны Федерации свои проблемы, ненавистные земляне готовятся не к нападению — к обороне.

Лишь Независимые демонстративно проводят в ответ учения своего флота. Лига и Уния презрительно молчат, вглядываясь в суетливое шевеление на противоположной макушке планеты.

Не более пяти человек на Капле знают, что спутникам северян осталось кружить над планетой считанные часы — сейчас, когда в планы молниеносного удара вносятся последние коррективы, не следует мешать чужим «глазам» видеть то, что было решено им показать. Свежесформированный Резервный флот и специальная флотилия, составленная из «Нырков» и прочего несусветного старья, имитирует наличие главных сил флота вдали от будущего ТВД. Эскадры космфлота Федерации, пока не обнаруженные противником, выходят на финишную прямую броска к Капле. Подчиненные Любомира Велича забыли о сне и отдыхе.

Выявленная агентура противника (которой осталось существовать примерно столько же времени, сколько спутникам слежения) уже передала такое количество убедительнейшей дезинформации, что никаким аналитикам не удастся разглядеть ручейков правды в океане ложных сведений, неверных посылок и ошибочных выводов. Сейчас северяне озабочены: в строжайшей тайне Федерация готовит транспорт для Капли, груженный новейшими торпедами типа «Шпага» — торпеды эти, по легенде, созданные на основе известного научного зонда «Эмпедокл», предназначенного для изучения магматических очагов действующих вулканов, способны нырять под Вихревой пояс и, пронзая Каплю насквозь, атаковать цель снизу. Торпед «Шпага» не существует в природе, они попросту невозможны, однако бездельно шатающийся по Поплавку вулканолог, почему-то не эвакуированный в числе гражданских лиц и давно попавший в поле зрения агентуры Лиги на Капле, уже одним

своим присутствием подтверждает информацию, добытую агентами Лиги на Земле.

Затишье перед ураганом.

После двадцати лет относительной тишины Земная Федерация вновь готова к войне за возврат колоний и постарается обеспечить себе тактический перевес стремительным захватом Капли. Сжатая пружина непременно попытается распрячься. Но — не теперь.

Еще есть время подготовиться к обороне, а возможно, и упредить землян с первым ударом. Несколько дней, а то и недель — более чем достаточный срок для перегруппировки сил.

Тишина хороша лишь тем, что она — тишина.

И плоха тем, что всегда кончается. Рано или поздно.

Ударный флот адмирала Мрыша, заранее сосредоточенный на субэкваториальных плавучих базах, поддерживаемый вспомогательным флотом и авиацией, начал боевые действия в точно рассчитанное время. Несколькими часами раньше в миллипарсеке от Капли, на самой границе звездной системы в угольно-черном облаке, скрывающем устье субпространственного Канала «Земля — Капля», начали вспыхивать звезды: туннельные корабли Федерации, выскакивающие из устья на релятивистской скорости, заранее включали противопылевой щит. Но в облаке «звезд» не было видно, а вне облака сияние меркло.

Одновременно вторая эскадра военно-космических сил Земли, проделав кружной путь цепочкой субпространственных нырков «Земля — Новая Терра — Хлябь — Капля», вывалилась из жерла другого Канала, неудобного для чужаков и редко ими используемого. Тем не менее одинокий грузовоз Унии, возвращавшийся с Капли порожняком, повстречался ей сразу же по выходе из последнего нырка и просуществовал ровно столько, сколько потребовалось, чтобы дать команду на уничтожение цели. Торговое судно было обращено в облачко газа и быстро остывающей космической пыли раньше, чем его экипаж успел сообщить о неожиданной встрече.

Три всепространственных крейсера Федерации — хрупкие, скромно вооруженные и ненадежные посудины, главная сила и спасение которых заключались в способности вынырнуть и так же легко нырнуть в субпространство где угодно и когда угодно, — вломились в систему белой звезды, выскочив сразу на высокую орбиту вокруг Капли, в то время как корабли первой эскадры только начинали торможение

на подходе к планете. Плавающие терминалы северных зон еще продолжали принимать «челноки» с проплывающих в трех тысячах километрах над ними мирных грузовозов — а спутники северян, нацелившие на планету «глаза» оптики и растры радаров, уже начали гореть. Щедрые серии энергоимпульсов простреливали атмосферу, промахи ложились в океан, в точке удара луча рождался кипящий колодец и, схлопываясь, закручивался водоворотом.

Операция развивалась удачно. Участь спутников северян в считанные минуты разделили четыре беспомощных грузовоза. В суматохе сражения едва не была подбита «Рона» — последний земной транспорт, ушедший с мирной Капли. Поспешивший наперехват туннельный корвет Лиги, способный легко уничтожить любой из всепространственных крейсеров Федерации, но бессильный в схватке один против трех, был связан боем до подхода эскадры. В последний момент ему удалось разменять себя на один из крейсеров — ничтожная потеря для землян, грошовая плата за лишение противника космического прикрытия.

Полная блокада Капли. Ближняя. Дальняя. Блокада системы белой звезды. Блокада всех четырех субпространственных Каналов. Немедленное уничтожение любого звездолета противника, обнаруженного вблизи «санитарной зоны».

Пока всего лишь поддержка. Необходимая, но еще ничего не решающая. Успех или провал всей операции зависят от того, как пойдут дела там, внизу, под слоем облаков, укрывших несуразный, похожий на круглый аквариум, водяной шар — Каплю.

Пилот поисково-спасательной службы был немногословен и, по всему видно, крайне недоволен полетным заданием. Лети, наматывая километраж над опасными тропическими водами, спасай какого-то штрафника... Ценный груз! Еще неизвестно, чего от него ждать: среди глубинников каждый второй с придурью — можно себе представить, каковы их штрафники! Не дали даже нормальной платформы — пятьсот миль над океаном на валком «попрыгунчике» рикошетного движения, во имя неизвестно чего, в то время как другие, добывая флот северян, рискуют немногим больше, зато хотя бы заняты делом... Эти мысли отражались на лице пилота предельно ясно, и рассказ о событиях последних дней

378 приходилось вытягивать из него с трудом и по частям.

Мысль о риске была неискренней, и Филипп про себя улыбнулся. В мирное время — да, пожалуй, но в военное да еще на ровной зыби нет транспорта безопасней. Засечь «попрыгунчика» очень непросто.

В морских делах пилот разбирался слабо; где не знал, там поминутно ссылался на секретность, но Филипп уловил главное: погранфлотилия преобразована в Резервный флот и, по-видимому, уже принимает участие в боевых действиях. Вот и ладно... Значит, будут нужны глубинники и можно надеяться не только на отсрочку наказания, но и на полное прощение. А если не повезет — что ж, лучше погибнуть в настоящем сражении, чем на дворницкой работе, выметая из Гольфстрима всякую дрянь.

И куда лучше всплыть из глубины пузырем раскаленного газа, чем прозябать на Сонной субмарине с ее полоумным капитаном...

При воспоминании о старике Филиппа передернуло. Спрятался... Двадцать два года под водой — зачем так жить? Чтобы жить?

Бессмысленно было звать его с собой. И осудить его — непросто. У каждого свой путь.

Слова старика о том, что еще неизвестно, кто кого должен прощать, Филипп выгнал вон, мотнув головой: потом, потом, не сейчас! Не то время. Муравей, обороняющий свой муравейник, вздумал сводить счеты с другими муравьями... Раздавить такого муравья.

«Неинтересная война» — таково было наиболее емкое определение событий, данное пилотом. Слишком все просто. Слишком внезапным и сокрушительным был удар, чтобы северяне успели принять контрмеры. Их Поплавки фактически испарились, успев выпустить лишь несколько десятков баллистических и крылатых ракет — без точного целеуказания, без смысла. Из пятидесяти трех известных баз северян в первый же день было уничтожено больше сорока, остальные пока отбиваются, но, ежу понятно, долго не протянут. «Моби Дик» адмирала Мрыша, флагман Ударного флота, пересек Северный Гольфстрим...

— Мне-то что-нибудь останется? — спросил Филипп и тут же прикусил язык: амортизация кабины «попрыгунчика» при рикошетах от воды оставляла желать.

Пилот задумался.

— Может, и останется, — сказал он наконец. — Зачистка такой акватории... ну, ты сам понимаешь. А то и всерьез повоевать успеешь, может, два дня, может, три.

— А ты?

— А я не слишком рвусь, — неискренне буркнул пилот, и Филипп видел, что он завидует коллегам. Кто откажется поучаствовать в уничтожении отступников и предателей, в скоротечной победоносной войне, небрежно обзывая ее неинтересной? Кто откажется обеспечить себе в старости какие-никакие воспоминания, не говоря уже о пенсиях и специальных льготах? Нет таких. Пораженцев и прочих подцепистов на Капле не держат за ненадобностью. Человечество должно быть сильным и гордым, а для этого ему необходимо быть единым — я и сейчас так считаю. Разве не за Воссоединение человечества погибли многие, прямо или косвенно, — капитан Богданов, например? Я ведь понимаю, что без жертв в таком деле не обойтись, — вот только почему-то отказался стать первой жертвой во имя Воссоединения... Да и первой ли? Неужели проблема только в том, что войной руководят не те люди? Но война есть война, кто бы ею ни руководил. Да и где их взять, этих других? И даже, возможно, Глист-Андерс на самом деле вовсе не подлец, а жертва собственной ошибки на пути к великой цели, достойная всяческого понимания и прощения... Разве Капля — не первый шаг к Воссоединению? Разве это не то, за что стоит драться? Война за Воссоединение справедлива — выше Вихревого пояса северянам нет места. Пусть тонут, если не хотят сдаться на милость.

Пилот перевел управление на автоматику. Удары о воду стали мягче.

— Куда мы летим? — спросил Филипп.

— Прыгаем. — Пилот кратко выругался, демонстрируя отношение к матчасти, а заодно к своей участи. — Разве это полет? На Третий контрольный.

Что ж, можно и на Третий. Хотя база «Ураган» сейчас, по идее, ближе к театру военных действий. Филипп замолчал. Болели глаза от мелькания воды. Тонированное стекло обзорного экрана с обидным правдоподобием отражало чересчур скуластое лицо с коротким носом, низкий лоб с крупной потной морщиной и широкий череп с журавлиным клином спутанных жестких волос, тесным с флангов двумя залысынами. Плюс отросшая щетина, хронически воспаленные глаза, нарождающийся чирей на шее... Н-да-а... Не красавец.

И наплевать. Своей женщины нет и вряд ли скоро будет, а Джильде все равно...

Тьфу, подумал он, сердясь на себя. Кобель. Нашел время думать о девках!

Старик сдался, отпустил на волю всего в сорока милях к северу от Гольфстрима. Воздуха, правда, не дал, и Филипп, понимая, не стал настаивать. Вверх, скорее вверх — но наверху двое суток бушевал тайфун, обычный в это время года, и не позволил подняться к поверхности, заставил дышать кислым смрадом, уже не поддающимся никаким регенераторам, по-рыбьи разевать рот, цепенеть в полуобмороке углекислотного отравления...

Но удалось переждать и всплыть. И удалось ожить, впустив в капсулу скверный воздух Капли. Это главное. А потом — позвать на помощь и ждать.

Ждать пришлось совсем недолго — эфир словно взорвало запросами с Третьего контрольного. А потом: «Держитесь... Высылаем... Обеспечим...» Неужели потери в опытных глубинниках столь велики?

Сам не зная зачем, он задраил люк снаружи, прежде чем бросить сочащийся по швам «Нырок». Из воды торчала только рубка — и еще будет торчать день-два, медленно погружаясь по мере набора воды, пока не уйдет в океан навсегда. На глубине километров в двадцать, не больше, капсулу раздавит — со стороны это похоже на небольшой взрыв, — и уже значительно глубже, вблизи границы Вихревого пояса, а то и в нем самом, раздавит реактор, хаос течений разнесет топливо по всей Капле, отчего изотопный состав морских солей изменится на исчезающе малую величину.

Наплевать.

Идет война. Скорее всего достаточно быть как все и не слишком молоть языком, и после победы забудется предвоенная дурь и подлость — попытка бросить наживку северянам, неудавшееся убийство Лейфа, глупые подозрения покойного Андерса...

А если это и не так — все равно. Поступай как должно, и будь что будет. Права остаться вне драки у меня нет.

Я их прощаю. Потому что иначе не прощу себе. Граф Монте-Кристо...

Филипп закрыл глаза. Сколько мучений — и как просто оказалось принять решение! Идет война. Авиация, поднятая с субмарин-маток, наносит удар за ударом. Юж-

нее пятидесятой параллели противоположного полушария все, что не сумело вовремя погрузиться, от капсул и ничтожных «плавучих блюд» до плотов-баз, на которых могла бы свободно порезвиться танковая рота, уже перестало существовать. Но враг еще кусается. Тяжелая ракета с узкими, как плавники тунца, крыльями рыщет над океаном, то прижимаясь к самой зыби, то свечкой уходя в высоту в попытках не попасть под антиракету или лазерный импульс. В какой-то момент ее корпус лопается, словно скорлупа перезревшего ореха, и в океан рушится длинная глянцевая торпеда — возможно, без ядерной силовой установки, с ничтожным запасом хода, но не менее чем мегатонной головкой. На направлении главных ударов подлодки идут так густо, что она может уничтожить сразу две, а то и три цели.

Нет войны без потерь. Но так или иначе северяне получают свое, давно ими заслуженное.

А чужак с А-233?

Почему в этом мире нет простых ответов?

Пилоту достаточно ЗАХОТЕТЬ, чтобы боеприпас ушел с подвески. Слишком многое мы можем сделать, стоит нам лишь захотеть. И я этого хотел. Много раз. Пока наконец однажды не захотел такого, чего конструкция флайдарта не смогла выдержать, — и бесконечно долгое кувырканье, мелькнувшие за фонарем кабины отломленные плоскости, выявленный медкомиссией синдром Клоцци и позорная отставка по непригодности... А потом, уже на Прокне, я, храбрясь, просил выпустить меня в полет таким, как я есть, без накачки медицинскими снадобьями, — и Поздняков, похлопав меня по плечу, сказал значительно: «Нельзя, Искандер, нельзя этого», — и я не решился оспорить...

Хотеть и решиться — это разное.

Филипп вздрогнул так, что пилот с опаской покосился на него, и тогда он легонько усмехнулся и кивнул, показывая: ничего страшного, это только сон. Со всяким бывает. Глупый сон и ничего больше.

Субэкваториальные контрольные посты — в некотором роде плавучие аналоги сухопутных погранзастав — схожи друг с другом, и лишь опытный глаз может издали различить их по малозаметным особенностям конструкции. Плот как плот, круглый, как тарелка, и очень большой. Но Третий, **382** точно. Сразу узнал. Вон полощется флаг на длинню-

щей мачте, гнет ее в дугу, вон борт изъязвлен следами желтого прилива двухгодичной давности — это еще без меня было, а вон кое-как восстановленная надстройка, о которую полгода назад при заходе на посадку разбился вдребезги учебный флайдарт — это уже при мне, сам видел.

Пилот не приводил «попрыгунчика» у причала — посадил прямо на флайдром, на резервную полосу, словно я не штрафник, вчерашний полупокойник, а невесть какая шишка с начальственным мурлом. Не успели мы с пилотом нацепить фильтры и откинуть фонарь, вижу: бегут к нам. Даже интересно стало. Впереди всех поспешает некий долговязый штатский, аж взопрел на бегу, и его рожа кажется мне смутно знакомой. Где-то я его видел, уж не на Поплавке ли?

И как приблизился он, так я и вспомнил: Челлен... нет, Шелленграм из отдела Перспективного Планирования. Тот самый, что пялился на меня, как на диковину какую, на уступе флайдрома, когда меня вывез с Пятнадцатого поста покойный Глист...

А теперь, как видно, прилетел по мою душу. Вот и переполох в эфире, вот и необычайная скорость моего спасения прояснилась — лучше не надо. Размечтался о нормальной службе, дурак!

Ох, чую, зря я не остался у старика на Сонной субмарине! Беседовали бы сейчас, пили самогон, а ржавые торпеды оберегали бы наш покой почище собачьей своры...

Жду. Жарко, тени нет. Бежать? С плота не убежишь, да и некуда. Ладно, не будем трепыхаться раньше времени, не доставлю я им этого удовольствия. Кто вообще такой этот Шелленграм? Ведущий эксперт отдела Перспективного Планирования... шишка выше среднего размера, ну и что? При чем здесь перспективное планирование? Какое я к нему имею отношение? Если только весь этот отдел сверху донизу не рядовое подразделение контрразведки, что очень может быть.

Гляжу: перешел на трусцу господин ведущий эксперт, потом и вовсе на шаг. Обогнули его и, понятно, подлетают прямо ко мне два рыла из корабельной полиции. Их и в форму одевать не надо — по мордам сразу видно, кто они есть. Пилот на всякий случай, будто невзначай, отошел за «попрыгунчик», да только не пилот их интересовал. Я опомниться не успел, как мои локти оказались выше затылка, глаза уперлись едва ли не в посадочную полосу, а афедрон смотрит кверху, дразнит какой-то флайдарт, делающий посадочный круг.

И слышу:

— Отставить. Отпустите его.

Негромко так, но веско. Видно, привык командовать господин эксперт. Повиновались рыла.

— Следуйте за мной.

Следую. Не к борту, а наоборот, что уже хорошо: значит, расстреляют меня не прямо сейчас. Мимо ремонтных стапелей, мимо садков, кишаших крилем, мимо памятной надстройки, мимо мачты с хлопающим флагом... Впереди господин эксперт, за ним я, по обе стороны от меня — рыла, а сзади подоспел и семенит кругленький майор корабельной полиции, еле дышит и даже не покрикивает, над черной фуражкой столб горячего воздуха, из-под козырька ручки текут. А вот господин ведущий эксперт вроде бы и не вспотел, и с дыхалкой все в порядке, словно и не бегал.

Мимо реакторного колодца, мимо гауптвахты, мимо ракетных шахт...

Не поверил я глазам, когда мы дошли до верхнего жилого отсека, где обитает только высшее начальство поста и такие гости, как этот Шелленграм, и здесь встали на якорь. А уж потом не поверил ушам:

— Оставьте нас вдвоем. Можете быть свободны.

Вот этого полицейские ожидали еще меньше, чем я. Только рыла растерялись молча, а майор попытался возражать, но господин эксперт сунул ему под нос какую-то бумагу — он и завял. Я даже пожалел, что я не эксперт.

— Следуйте за мной. — Это он мне.

Каюта на плоту — не кубрик на субмарине. А таких роскошных апартаментов я и на Поплавке не видел. Спальня Джильды в сравнении — вонючий чулан. Хорошо устроился ведущий эксперт, местное начальство расстаралось на всякий случай.

— Зайдите в санблок, лейтенант. Приведите себя в порядок.

И я молча иду, моюсь и бреюсь. Вытираюсь крахмальным полотенцем! Щедро мажу кремом воспаленную кожу! Сибаритство и разврат. Что бы все это значило?

— Свою одежду можете кинуть в мусоропровод. Новую найдете в шкафу.

«Одежду!» Шпак. Форму! Комбинезон пилота ВМФ с нашивками и знаками различия! Впрочем, в шкафу действительно висит то что надо...

Выходит, не разжалован пока. Мало того: судя по действиям господина эксперта, похоже, приобщен к классу

важных птиц.

Что-то мне это не нравится.

Глаза у господина эксперта желтые, как у леопарда, поначалу даже жутковато. Уставились на меня.

— Поторопитесь. Через десять минут мы летим на Поплавок.

Этого я и боялся. Значит, ничего не кончилось...

— Почему на Поплавок?

— Потому что не на грузило. — Господин эксперт изволит фыркнуть.

Не смешно, и вдобавок до меня не сразу доходит, что он о рыбалке. У шпаков и шуточки шпаковые.

— Мне нечего делать на Поплавке, — говорю твердо. — Идет война. Я глубинник.

Сказал — и застучало в висках. Смотрю на него, долговязого, снизу вверх. А этот Шелленграм даже не счел нужным изменить тон:

— Вы штрафник и полетите со мной. Вам понятно?

Ничего мне не понятно. Кому я опять до зарезу понадобился — контрразведке? Или есть другая сила, о которой я не имею никакого понятия? Ничего не знаю, кроме того, что лейтенант Филипп-Мария-Хосе-Фернандо-Лусия-Мигуэль-Хуан-Рикардо-и-Аугусто-Диего-Мануэль Альвело, помоги ему все его святые, скорее всего назначен в чьей-то игре на роль малого камешка между крутящимися жерновами. Ох разотрут они этот камешек в мелкий песочек...

Обрадовал шпак! Да я скорее тут умру, чем по доброй воле соглашусь вернуться на Поплавок! Все равно куда: либо в бой, либо назад в Гольфстрим, начать сначала. Хоть на «Нырке», хоть на бревне верхом. Отдайте мое рваньё, отведите меня на гауптвахту!

Подлая штука жизнь: никогда не предупредит заранее, что назревает переломный момент. Я бы подготовился.

Вспотел, но отвечаю:

— Вы не имеете права мне приказывать.

— Вы предпочитаете, чтобы вам приказывал Велич? Или эта шлюха Риенци? А участь штрафников на войне вам известна?

— Не ваше дело, — рублю поперек. — Прошу доложить обо мне командованию.

— Долг зовет? — вопрошает Шелленграм с ехидцей.

Не желаю ему отвечать. С некоторыми людьми бессмысленно говорить на такие темы. Об этом вообще не говорят. Это либо чувствуют, либо нет.

— Последнее время вам случайно не снятся странные сны? Сказал как само собой разумеющееся.

Вздрогнул я, вздрогнул. Не выдержал. Выдал себя. Лоб в поту, мурашки бегут по ногам.

— О чем вы?

— О двух инициализациях, которым вы подверглись. Надеюсь, вы... ты выдержишь третью... Искандер. Рановато, но ничего не поделаешь.

Браслет у него был странный, я никогда таких не видел. Господин эксперт только нажал на него большим пальцем, и все. Лениво так нажал, со скукой и едва ли не с зевком. Но я почему-то сразу понял: это-то и есть самое страшное.

Словно запустили в меня клешню — и вывернули наизнанку. А потом ввернули обратно. Качнулся, поплыл мир...

Говорят, что человек, умирая, видит себя со стороны. А я увидел сверху — увидел, как вдруг, без мучений и судорог, умер во мне я.

И как я во мне родился.

Без боли, без крика. Лишь закружилась голова, лишь не- сильно шатнуло меня, прежде чем обрушилось небо.

Ударило с размаху. И встало на место.

— Ну, здравствуй, Искандер, — сказал господин Шелленграм. — Здравствуй, блудный сын.

Лейтенант Филипп Альвело сделал шаг назад, последний свой шаг. И сейчас же разведчик Северного Редута, бывший военный пилот Федерации Александр Шабан сделал шаг вперед.

— Вин... сент?!

Спадала шелуха. Сыпалось прошлое, хрустя осколками. Винсент Менигон улыбался, кривя угол рта.

— Узнал? Здравствуй, опасный тихоня.

— Здравствуй, ядовитый аспид...

Глава 2

Тридцатая годовщина основания Порт-Бьюно, помимо закладки тоннеля, гибели Хромца Гийома и скоротечной пограничной войны с княжеством Хинаго, совпала с давно ожидаемым событием общепланетного масштаба: раз-

вивающаяся планета Прокна была принята в ассоциированные члены Лиги Свободных Миров. Формальных предпосылок было достаточно: большинство государств планеты давно и прочно вошли в Содружество, которое Менигон, и не он один, иронизируя, называл Полудружеством; наличествовал и некий намек на единое правительство в лице администрации Межзоны — традиционного посредника в территориальных и торговых вопросах. Наконец, и это было главным, минеральные богатства Прокны впечатляли, а эмбриональная экономика, слабо развившаяся за несколько десятилетий Третьего Нашествия, устраивала Лигу ничуть не меньше, чем Земную Федерацию. Редких металлов не хватало везде. Пуповина, связывающая Прокну с Землей, еще не порвалась, но сделалась тоньше.

В этом году объединенный космофлот Лиги демонстративно провел свои ежегодные маневры в совершенно ничемной точке ровно на полпути между Землей и Прокной. На Прокне злорадно молчали. Земля молчала тоже, однако с признанием независимости своего старого сырьевого придатка там не спешили. Прибывший точно в срок «Юкон» привез не только закупленное оборудование, но и группу контрактников, совсем как в старые добрые времена. Кульминация конфликта откладывалась, сгустившиеся тучи были задержаны чьей-то умелой рукой и, погромыхивая в отдалении, изнывали под бременем избыточной влаги. Мир, населенный людьми, работая и веселясь, творя и разрушая, в очередной раз завис в неустойчивом равновесии. Он к этому привык.

Вскоре после торжеств, посвященных присоединению к Лиге и повсеместно шумно отмеченных, Менигон обнаружил очередную пропажу. На этот раз с вездехода, припаркованного, как обычно, в подошве Порт-Бьюно, исчез не только аварийный НЗ — кто-то снял и, очевидно, украл всю систему воздухоочистки, от лучевого обеззараживателя до последней прокладки включительно. Пока Шабан, бегая от Позднякова к снабженцам, добывал новый очиститель, а Менигон бил морду диспетчеру вездеходного парка, по Порт-Бьюно прокатилась новость: две пары разведчиков отказались выехать на маршрут. Несмотря на то что все четверо работали в Редуте далеко не первый год, мотивировка их решения оказалась по-детски смехотворной: истечение срока контракта. У старожилов это вызвало лишь саркастические усмешки: большинство из них давно уже видели Землю разве что в розовых снах. Зато почти все разведчики были в сборе, и вольтерьянцы по-

лучили немедленную и шумную поддержку. Порт-Бьюно бурлил. Ни с того ни с сего возникали потасовки. Шепотом обсуждались шансы саботажников на ренатурализацию; чаще всего высказывалось мнение, что шансы эти ничтожны и что бунтарям, подобно всем нормальным людям, придется удовлетвориться полуторным окладом и не вводить старожилов в соблазн. «Ишь чего захотели! А если вот каждый так, а? Хотя, — многозначительно качали головой, — разведчики — это ребята, я тебе скажу, ого-го! Не сахар ребята, да еще при оружии, да еще их человек пятьдесят... Я думаю, Живоглота с ними так просто не справиться, верно?.. Молчу, молчу...»

Пока что шла торговля. Ни охранники Живоглота, ни желтые каски правительственной охраны не мозолили глаза сверх необходимого. Шли переговоры. Разведка временно приостановилась. Правительственный Совет счел необходимым посвятить проблеме специальное заседание.

Кому не сиделось на месте, так это Менигону. Будто его донимал зуд. Как потом выяснилось, прослонявшись без дела один день, крепко выпив и повздорив до потасовки с кем-то из бунтарей, он явился к Позднякову и заявил, что готов выехать на маршрут хоть сейчас, какие будут распоряжения? В Большой каньон? Годится. И на неделю? Прекрасно, только вот напарник мой, малыш этот... да-да, Шабан, именно Шабан, — пусть он останется, зачем ему неприятности? Разведчики — люди грубые... Договорились?.. Поздняков едва не прослезился и, как уверял Менигон, даже удержался от высоких напутственных слов, только с чувством пожал на прощание руку — здорово, видно, допекли человека.

— Вот еще, — сказал Шабан, выслушав. — Я с тобой. Мало тебе, что в прошлый раз один ездил?

— Мне-то не мало, — буркнул Менигон. — Тебе много будет. Если только побьют за штрейкбрехерство, считай, дешево отделался. Сиди тут и не очень высовывайся. Уяснил?

— Уяснил. — Шабан провел рукой по волосам, стряхнул с пальцев прилипший клочок. — Вот черт, опять лезут... Отчего это, а?

— От натурализации, наверное, — объяснил Менигон. — Легенду знаешь?

— Это насчет того, что на Прокне лысеют лишь хорошие люди?

— Ее, родную. Веришь?

— Приходится...

— А я не верю: видишь — не лысею никак.

— И неудивительно... А может, все-таки не от натурализации, а?

Менигон пожал плечами.

— Ну тогда от пыли. Или от сырости.

— Или от зубной пасты, — сказал Шабан. — Так когда мы едем?

Менигон посмотрел на него с интересом.

— Решил, значит?

— Решил.

— И не передумашь?

Шабан помотал головой. Сзади подошла Лиза, молча прильнула, обняв за шею. Она уже умела немного говорить, но при Менигоне боялась даже дышать, если только не чувствовала кожей тепло своего бога и господина. Шабан блаженно закрыл глаза. Ехать ему уже никуда не хотелось.

— Собирайся, — хмуро сказал Менигон. — Смотри не пожалей потом.

...Хижина была широкая и низкая, с просевшими от времени углами. Она стояла на краю неширокой долины в густой тени крутой и как-то особенно нахально выпирающей скалы; ее крыша была крыта гнутой рифленой жестью, в которой легко угадывалась наружная обшивка стандартных ангаров под флайдарты, только жесь давно уже не сияла, а была крашена в какой-то особенно тусклый цвет. Мало того, на крыше хижины неведомые хозяева зачем-то терпели землю и россыпь булыжников, уже изрядно затянутых рыжим лишайником. «Почему они не уберут эту дрянь?» — с недоумением подумал Шабан и вдруг понял почему и одобрительно хмыкнул. Он представил себя смотрящим вниз со стандартной высоты полета патрульной платформы — хм, даже с минимально возможной высоты полета над горным рельефом хижина выглядела бы не хижинной и не ангаром, а просто ничем — бугорком, на котором не остановится взгляд. Чтобы увидеть, нужно сесть, а сесть тут негде: вокруг какие-то развалины, растрескавшиеся фундаменты, бранные руины времен Второго Нашествия, если не Первого. Археология.

Шабан был рад и этому. Они шли уже второй день — без пищи, без связи, без сигнального буга, без сна. Без батарей «ишаков», вычерпанных до дна на перевалах, без

отдыха, с единственной надеждой: выйти на равнину и ждать, что их рано или поздно заметят с воздуха. Или не заметят. А может быть, заметят слишком поздно: равнина не горы, и в отработанных дыхательных фильтрах недолго ждать пятнистой горячки.

Нельзя было оставлять сигнальный буй в вездеходе. Равно как и нельзя было оставлять вездеход в Большом каньоне, зря Менигон не послушал. Непростительная беспечность. Ищи теперь этот вездеход на равнине под наносами: судя по гулу и ошметкам грязи на скалах, первый вал селя был высотой едва ли не в половину стены Порт-Бьюно.

И ведь знали, что в Большом каньоне селеопасно! И ведь не без оснований предполагали, что в горах недавно прошел аммиачный дождь!

— Хозяев, кажется, нет, — сказал Менигон, сопя обмороженным носом. — Подождем, спешить некуда.

— Мистика какая-то, — сказал Шабан, оглядываясь. — Никогда бы не подумал, что в Редуте кто-то живет вне Порт-Бьюно и поселков. Я бы так не смог. Кто эти отшельники?

— Хорошие люди. А насчет «не смог бы» — не зарекайся.

Пока Шабан раздумывал, как это понимать, Менигон уже стучал в дверь — три удара, потом еще четыре. Ответа не было. Внутри оказалось темно, и пока глаза привыкали к сумраку, Шабан чувствовал себя неуверенно. Он мысленно сравнил себя с зондом, просунутым в неведомый и чуждый человеку организм, и нашел сравнение довольно точным.

Знать бы еще, кого Менигон называет хорошими людьми? Кроме себя, естественно...

Судя по всему, хижина была покинута недавно. Несомненно, она была человеческим жилищем, а не пристанищем убегунов, и пахло в ней так, как пахнет только во временном жилище: холодным запустением, пылью и плесенью, откровенным нежеланием заниматься приведением хижины хоть к какому-то подобию уюта. Здесь занимались совсем другим, и Шабан, привыкнув к темноте, заметил невдалеке от малюсенького, похожего на бойницу окошка колченогий стол и два ящика вместо стульев, нехитрую спартанскую утварь, развешенную по стенам, пару грубых топчанов, крышку люка в полу, ведущего, очевидно, в подвал, и в самом дальнем углу — нечто громоздкое, похожее на гигантскую дровяную печь, способную согреть десяток таких хижин, но эту печь пришлось бы топить бревнами.

Он слишком устал, чтобы удивляться, но, взглядевшись и узнав до тошноты знакомые всей Прокне очертания, все же удивился. «Печь» оказалась серийной натурализационной камерой устаревшей модели, а вокруг нее — на ящиках, на полу и друг на друге — громоздились десятки приборов, соединенных дебрями кабелей и толстых шлангов. Назначения некоторых из них Шабан не знал, другие были ему знакомы. Например, вот этот кристаллизатор выдыхаемого циана, модель ЮИ-200, точно такой же установлен на каждом разведвездеходе. Шабан вспомнил, как недавно Менигон вытребовал со склада новый ЮИ-200, нахально заявив, что старый выбросил из-за утечки. И уж совсем по-родному выглядела система воздухоочистки — та самая. Только теперь в ее пропаже не было ничего необъяснимого, не зря же Менигон последнее время рвался в одиночную разведку. Шабан покачал головой. Ловко...

— У этих твоих хороших людей, надеюсь, все в порядке с законом? — с подозрением спросил он.

Менигон зевнул — во всю пасть.

— Ты мне сначала скажи, что такое закон, — буркнул он, валясь на топчан, и заворочался, — и тогда я подумаю, как ответить.

Резонно, подумал Шабан. А в самом деле, что такое закон в Редуте? И существует ли он вообще? Вопрос из вопросов. Нет, есть, конечно, установления Правительственного Совета, сохранились остатки кодекса первопоселенцев, а это уже кое-что. Наконец, четверо из пяти новых граждан Редута прибывают с Земли, привозя полезную привычку жить по ее законам, устоявшимся в течение веков, — и это тоже неплохо. Но все-таки нет закона как такового, нет незыблемого монолита, основы всякого государства, и, что самое странное, нет ощущения, что место закона вдруг заняла неопределенная страшноватая пустота. Да и откуда взяться ощущению? Оно появится лишь тогда, когда распоряжения Правительственного Совета войдут в очевидное и резкое противоречие с устоявшимся укладом жизни, а этого, к счастью, пока нет. Мы сами знаем, что хорошо и что плохо, а о том, что мы не знаем, расскажет Поздняков. Хорошо, например, беречь вверенное государственное имущество, а не беречь, напротив, плохо, и Менигон, конечно, сам понимает, что занимается словоблудием. Вот загремит на год на северный шельф — там ему быстро расхочется развивать тему: есть ли закон, нет ли закона...

Менигон спал, развалившись на топчане, похрапывал во сне и иногда резко дергал лицом. Поколебавшись, Шабан лег на другой топчан, положил под голову свернутое одеяло и стал размышлять. Раздражал храп, и Шабан, покосившись на спящего, вполголоса ругнулся. Вот кто умеет озадачить неожиданной проблемой и тут же уйти в кусты. Завел в гости к каким-то подозрительным отшельникам, ничего не объяснил и знай себе храпит, как так и надо. Ну и черт с ним, пусть спит. С ним можно поспорить о многом, но уже разговор о мыслительных способностях убегунов или, например, моделей не поддерживается им принципиально. Для него разум — не более чем набивка черепной коробки, более ценная у себя, чем у всяких прочих, и иного подхода он знать не хочет. В этом его беда и его счастье, но он не видит беды и счастья тоже не видит. Может быть, он прав и в этом.

...Он открыл глаза от движения воздуха и, подняв голову, отметил, что вход в хижину распахнут настежь. В рубленый прямоугольник дверного проема тек воздух и лезли колючие потоки света, а в середине прямоугольника — Шабан заморгал — неподвижно застыл резко очерченный силуэт однорукого человека. Он стоял молча, как монолит, расставив гранитные ноги, и его голова упиралась в притолоку. Экая глыба... Геракл.

Шабан потянулся и сел на топчане, рассматривая однорукого. Он не был убежден, что это не сон.

— Лежать, — негромко приказал однорукый. — Не двигаться.

— Вы кто? — с неудовольствием спросил Шабан. — И позвольте уточнить: с какой стати мне не двигаться?

Силуэт в дверном проеме качнулся вперед, человек вошел в хижину, и здесь выяснилось, что с руками у него все в порядке, но Шабана это нисколько не обрадовало. Недостающая силуэту правая рука была направлена точно на него и, как водится, не пустовала.

— Не двигаться, — повторил человек. — Буду стрелять.

Теперь он был совсем рядом, громадный и ловкий в движениях, с торсом античного бога, прикрытым драной выцветшей курткой. Этаким юный бог в рабочей одежде, спустившийся в юный мир и точно знающий, какие недоделки в этом мире он должен исправить. Одновременно в нем чувствовалась некоторая неуверенность, словно бог, не окончив

работы, забыл, что нужно делать дальше. Забыл, взял

Плохо дело, подумал Шабан, рассматривая оружие анфас. Со сна было вовсе не страшно.

— Семьдесят третий калибр, если не ошибаюсь? — спросил он. — И конечно, гранато-пули? Я бы на вашем месте не стоял так близко — достанется и вам. И вообще снесет полхижины.

— У меня обычные пули, — хмуро сказал гигант. — Разрывные. Рекомендую вам не двигаться и отвечать на вопросы. Кто вы такой? Откуда? Кто ваш приятель? Отвечайте быстро. — Он отошел на шаг и принял напряженную позу. Было ясно, что он выстрелит. — Даю пять секунд.

— Не дури, Доминик, — ожил на своем топчане Менигон. — Это я, Винсент. Здесь все свои. Искандер, это Доминик Вальде, бывший инженер по телекоммуникациям, а ныне затворник, ассистент и добровольный подопытный кролик доктора Рау, а также местный викинг в горном варианте. Доминик, это Александр Шабан, тоже разведчик и мой друг. Он надежный.

Гигант виновато улыбнулся, развел руками и убрал пистолет за спину.

— Это хорошо, — сказал он Шабану. — А я, честно признаться, всерьез думал, что придется стрелять. Мне бы очень не хотелось.

— Мне бы тоже, — признался Шабан, косясь на ухмыляющегося Менигона.

Он чувствовал сильное раздражение. Вот тебе и друг-наставник, вот тебе и «говори дяде правду». Мог бы и предупредить, коли друг. Но он ленив на предупреждения, он предпочитает, чтобы каждый доходил до сути своим умом. Или своим горбом, что случается чаще. Или своей шкуркой.

— Извините меня, — басом сказал гигант. — Я не знал, что вы теперь второй. Извините, Александр, это недоразумение. Вездехода не видно, думаю, мало ли что. Я еще с седловины заметил, что у нас гости. Гляжу в окошко — спят... Ты стал плохо ходить, Винс, — повернулся он к Менигону. — Как бегемот. Когда-нибудь ты плохо кончишь.

— Старость не радость. — Менигон махнул рукой. — Да позови ты доктора, чего он, бедный, мается снаружи?

— Я не маюсь, — донесся голос, и в хижину вошел еще один человек. Этот оказался худ и изможден, даже в полутьме сразу бросалось в глаза, что он стар, что лицо у него серое и обветренное, рассеченное коричневыми морщинами, а одежда ветха и изношена до крайней степени. Рядом с гигантом Домиником он выглядел заморышем.

— Отчего вы решили, что я маюсь? — продолжал он. — Это я вас мучаю. Сегодня лучше, чем в прошлый раз: мы повернули с семи тысяч, а остальные пошли выше. И все равно адаптивная натурализация ничего не даст, это я вам говорю. Здравствуйте, Винсент. Я искренне рад, что вы пришли и что вы пришли не один. Этот молодой человек...

— Этот молодой человек, — перебил Шабан, — прежде всего хотел бы знать, куда он попал и почему в него тычут пистолетом. Это во-первых. А во-вторых, прошу объяснить мне, почему это я «теперь второй»? Вы кто?

Гигант и изможденный переглянулись. Шабан скосил глаза на застегнутую кобуру лучевика и мысленно выругался. Он не был уверен, что успеет первым.

— Вторым был Гийом, — сказал Менигон ленивым и нудным голосом, каким вразумляют малышей. — Потом Гийом погиб, и я остался один. Теперь нас снова двое. — Он зевнул. — Только один из нас очень уж непонятливый...

Ага, подумал Шабан, значит, и Хромец был причастен... А собственно, к чему причастен? Что здесь такое: лаборатория, перевалочная база грибного порошка? Не похоже. Прав Менигон, я действительно непонятливый. И вместо того чтобы сидеть тихо и слушать, вдруг взвился, словно петух, в которого мальчишки залепили из рогатки. Досадно, черт... Стыдно.

— Вы правда доктор? — спросил он виноватым голосом. — Простите, я не расслышал вашу фамилию.

— Рау. — Изможденный наклонил голову. — Карл Вальтер Рау, лучше — просто Карл. Биология и отчасти медицина. Точнее, физиология неавтохтонных водно-аммиачных организмов. Проще говоря, нас с вами.

— Простите, э-э... Карл, — неуверенно сказал Шабан. — Я почему-то думал, что вы историк. Знаете, есть такая толстая книга: «История Третьего Нашествия», там автор — тоже Карл Рау.

— Вы читали? — быстро спросил изможденный.

— Э-э... нет. Не нашлось, знаете ли, времени. Но хочу прочесть.

— Не читайте, — сказал доктор. — Не читайте ни в коем случае. И никогда не пишите сами, особенно на исторические темы. Историю нужно не писать, а делать, извините за банальность. Не думайте, что если вы вольно или невольно стали участником сколько-нибудь заметных событий,

394 то вы непременно должны запечатлеть их для благо-

дарных потомков, и равно не слушайте тех, кто вам будет это доказывать. Наши потомки, если таковые по-прежнему будут пытаться жить на Прокне, а я в этом не убежден, не испытуют к нам иных чувств, кроме отвращения — за все то, что мы делаем с их планетой, вообразив, что она только наша, и им, уверяю вас, будет в высшей степени наплевать на наши мотивы. Мне даже трудно сейчас представить себе, какое это будет отвращение... Вы правы, это действительно моя книга, и она вызывает во мне лишь сожаление, как все бесполезное. Я не могу ответить вам на вопрос, зачем и для кого я ее писал. Я этого не знаю. Никогда ничего не пишете, Александр, вас не поймут. Вы разведчик, человек действия... Оставайтесь разведчиком, это лучше всего.

— Спасибо, — кисло сказал Шабан. — Может быть, у вас найдется что-нибудь перекусить? Люди действия тоже есть хотят.

Доминик и доктор снова переглянулись, зато Менигон неожиданно заперхал и раскашлялся, прикрываясь ладонью. Шабан понял, что опять брякнул что-то не то.

— Извините, ребята. — Менигон развел руками. — Сегодня я вам ничего не привез, даже еды. Так уж вышло.

— Ничего, ничего, — сказал доктор. — Мы какнибудь. Еда у нас пока есть. Доминик, где консервы?

Через полчаса все четверо сидели на ящиках за колченогим столом, в подвале стучал движок, судя по звуку — близкий родственник машин Уатта, в хижине было тепло и даже, пожалуй, уютно. Менигон с Домиником, склонившись над протертой на сгибах картой, спорили, удастся ли обнаружить унесенный селем вездеход, а если удастся, то можно ли будет его отремонтировать. Менигон брался достать запасные части, кроме турбины. «Бросьте, Винсент, — тянул доктор. — Ну на что нам вездеход? Там, где нам придется его бросить, мы и пешком будем через сутки...» — «Вот бросим и пойдем пешком, зачем сразу выматываться...» — «В западном проходе есть одно ущелье, там можно подняться на вездеходе тысяч до шести». — «А дальше?» — «А дальше до гребня пешком суток четверо. Затем спуск». — «Дойдем?» — «Нет». — «Я дойду». — «И ты не дойдешь, спроси Искандера, он знает. Кстати, Карл, вот интересный для вас человек, он недавно с той стороны...»

Еще спустя час Шабан знал все. Доктор Карл Вальтер Рау, родом из Межзоны, действительный член Академий Прокны, Тверди и Ликтора, подписал контракт на **395**

интересовавшие Редут исследования в области преодоления нежелательных побочных последствий ускоренной натурализации. По истечении срока контракта он передал наработанные материалы и рекомендации в отдел Науки и Развития при Правительственном Совете и с чистой совестью стал ждать отправки в Межзону. Через три дня он счел уместным напомнить о себе начальнику отдела Внешних Связей. Через неделю выяснилось, что тот не получал никаких указаний. Взбешенный таким оборотом дела, доктор пробовал обратиться непосредственно в Правительственный Совет — безрезультатно. В сеансе спутниковой связи с Академией ему было отказано. «Я почувствовал себя в ловушке, вы понимаете, Александр? Видите ли, до меня доходили кое-какие слухи: борьба государств за квалифицированные кадры, за прирост населения — но я даже предположить не мог, что до такой степени!» Подписать новый контракт доктор отказался категорически, несмотря на настойчивые уговоры, вследствие чего был лишен возможности работать и оставлен «дозреть».

— Знаете, Александр, один тип так прямо и сказал: зачем, мол, давить недозрелый прыщ, это больно и бесполезно, подождем, пока сам вытечет... Вы представляете?

Шабан кивал, слушая. История была в общем-то заурядная, и то, что доктору в конце концов пришлось подписать какое-то соглашение, не удивляло. Незаурядным было другое: удавшийся побег нескольких человек из Порт-Бьюно на перегруженной платформе, ведомой Домиником Вальде — коренным землянином с теми же проблемами. То, что они теперь дичь и благодарный объект для травли, понимали все: через хребет, как и следовало ожидать, перемахнуть не удалось. Оставалось последнее: найти в старых развалинах пригодную для жилья берлогу, где-нибудь подальше от нее разбить платформу о скалы, чтобы беглецов перестали искать, и, пользуясь захваченным оборудованием, жить и работать, надеясь найти способ натурализовать человеческий организм к высоте перевалов, где человек успеет замерзнуть раньше, чем задохнуться...

— А что же Академия? Вас не искали?

— А вы как думаете? — спросил доктор.

— Я думаю, должны были искать. Если официальный запрос от администрации Межзоны...

Доминик прыснул.

— Вот что, Искандер, — сказал Менигон, — встань-ка ты, парень, к двери, последи, чтобы никто не вошел. Встань,

396 говорю, не сиди здесь...

— Винсент, — укоризненно протянул доктор. — Ну зачем вы так. Молодой человек не в курсе...

— Ладно. — Менигон махнул рукой. — На первый раз прощается. А на будущее учти, что здесь такой порядок: кто сказал глупость, тот идет караулить дверь. Ну, был запрос, и что с того? И был ответ: доктор Рау погиб в результате несчастного случая. Кремирован. Снимок обломков платформы. Соболезнования родственникам. Может быть, еще урна с прахом какого-нибудь убегуна, это мне точно не известно. В общем, все как положено, и все довольны.

— Чепуха, — убежденно сказал Шабан. — Этого не может быть.

— Вы его не слушайте, — сказал Менигон. — Это с ним бывает, он у нас человек долга и порядка, таких порядочных должников еще поискать...

— Заткнись, — оборвал Шабан. — Надоело.

— Ага! — Менигон поднял палец. — Вы слышите? Речь уже не мальчика, но мужа. Бунт против наставника. Это тост! Предлагаю съесть этот консерв за возмужание. Ну и за долг, конечно, без долга у нас никак. Доминик, почему у тебя нет выпить? Я привезу в следующий раз. Ах да, тебе теперь нельзя, ты же теперь дважды натурализованный, в аммиачном снегу спишь...

— Он правильно сказал, — буркнул Доминик. — Заткнись.

— А я бы выпил, — сказал Менигон. — Знаете, за что бы я выпил? За Живоглота. За то, что его ребята оставили меня жить. Доминик, у тебя с ними тоже что-то такое было? Ты сколько лежал? Я — две недели. И даже, представь себе, оплатили как вынужденный простой... Искандер, ты что хотел сказать? За что? Никогда не задавай таких вопросов. Им лучше знать. Я думаю, за приоритет. За пустоту. Везде кричал, что это я открыл радиоактивный горизонт. И это, между прочим, правда. Молодой был и пряткий, а лучше бы наоборот. Такая правда, она как дурная болезнь, ее скрывать надо...

— Ну-ну, — сказал доктор. — Извините, Винсент, вы что-то не то говорите.

— Именно скрывать, и не иначе. — Менигон отправил в рот галету, захрустел. — И талант надо скрывать, и способности. А вы как думали? Вас просто не били, Карл, я имею в виду — физически. Простите, я не хотел вас задеть. Вас с Домиником пытались убить при побеге, но ведь это совсем другое дело, верно? В такие игры мы играть готовы, если заставляют, а вот чувствовать себя лягушкой на полу, да когда сапога-

ми по голове... Я только потом понял, какая это честь. Бездарных не бьют, их просто не замечают, потому что они — фундамент. А мы так не умеем, на этом нас и взяли. Не служить скучно, а служить противно, так, Искандер?

Шабан пожал плечами. Этот разговор начинал его раздражать. Опять Менигон треплет языком, он и в Порт-Бьюно слывет за фрондера, это удобно, потому что — до определенной границы — безопасно и даже способствует продвижению по службе. Он привык, он опытен, он хорошо знает, где она лежит, эта граница. Ходит по краю, поплеывая в обе стороны, и, наверное, именно потому считается одним из самых надежных разведчиков, а сюда приезжает выпускать пар. Лучше не придумашь.

— Тихо! — крикнул Доминик. Прислушался. Менигон не донес до рта вторую галету. Где-то вовне возник ровный низкий гул. — О черт! — Гул приближался. В окошке задребезжало стекло.

— Боевая платформа, — определил Менигон. — И довольно низко. — Шабан почувствовал, как на него уставились желтые глаза — оценивающе. Менигон хрустнул галетой. — По-моему, пройдет точно над нами. Доминик, давно это у вас было в последний раз?

— Год, не меньше. — Доминик кусал губы. — Обычно они сюда не забираются. Это вас ищут?

— Еще чего, — сказал Менигон. Он не сводил глаз с Шабана. — Просто патруль. Шесть человек экипаж, пятнадцать управляемых ракет и лучевая установка. Еще, может быть, летаргатор, если это новая модель. В общем, трепыхаться не стоит.

— Снаружи ничего заметного не оставили? — спросил Доминик.

Никто ему не ответил.

— Вы не волнуйтесь, Александр, — сказал доктор. — Вы у нас случайно, и Винсент тоже. Вы ни при чем. Вы ничего не знали, вам ничего не сделают...

Его слова утонули в реве. С потолка посыпался песок. Доминик что-то кричал — не слышать. Разевал рот, как задыхающаяся рыба. Рев налетел, оглушил и унесся дальше — к скалам, к перевалу, за перевал. Стало слышно, как с крыши, шурша, скатываются камешки.

— Ушла, — объявил Менигон. — Так на чем мы **398** остановились? Карл, вы не помните?

— На мне, — с раздражением сказал Шабан. — Ты мог бы не караулить меня так явно? Противно смотреть.

— Хорошо, — заверил Менигон. — Я буду тебя караулить тайно.

— Винсент, Винсент...

— А ты мне вот что скажи, — Шабан почувствовал, как у него дергается лицо, — если бы я, скажем, выбежал наружу, замахал руками, начал орать, словом, делал бы все, что полагается нормальному терпящему бедствие, — ты стал бы стрелять? Или постарался бы уложить меня без шума? — Доминик протестующе вскинул ладонь. — Нет-нет, пусть он скажет, мне просто интересно.

— Александр, — укоризненно сказал доктор, — вы что-то не то говорите...

— Нужен ты мне, — отвернулся Менигон. — Живи уж...

— Винсент!..

— Я тронут, — объявил Шабан. — Какая гуманность. Какой размах великодушия. Простите, Карл, вам не кажется, что вы доверились ненадежному человеку? Он к вам водит кого попало, а застрелить — дрожит рука. Не дело.

— А он у нас ничего, — сказал Менигон, обращаясь к потолку. — Только уж очень правильный, потому и обижается. Перед ним и извиняться нужно правильно, иначе он не поймет. Так вот, Искандер: я был не прав. Признаю. Теперь смущайся и говори: «Да что там, не стоит...», а то Доминик, я вижу, сейчас выведет кого-то из нас отсюда за ухо.

— Я знаю кого, — сказал Доминик.

— Вот видишь: он знает кого. Скорей говори «да что там».

— Да что там, — сказал Шабан, улыбаясь. Все-таки Менигону можно было простить многое. А за то, что привел сюда и познакомил с такими людьми, его просто следовало носить на руках до конца контракта. Нет, есть настоящие люди и в стенах Порт-Бьюно, вот только общения почему-то не получается, давит этот куб, что ли? Неудивительно, что его создатель спился, удивительно то, что сначала достроил-таки куб — двенадцать лет строили всем Редутом, — а потом уже спился. Я бы, пожалуй, тоже...

Он наслаждался, и ему было что сказать. И было кому. С вариадонтов разговор естественным порядком перескочил на тоннель, потом на Межзону, Академию и Симо Муттика, потом почему-то на модели и политику Редута в области демографии, потом опять на вариадонтов, и Менигон **399**

встрял, заявив с присущей ему прямоотой, что разговоры об их мнимой разумности тошнотворны и не стоят позавчерашнего дерьма, на что доктор Рау поинтересовался, по какой такой шкале Менигон оценивал их разумность, а Доминик добил, невинно спросив, что такое разум вообще, — и Менигон заявил, что лучше пойдет караулить дверь. А разговор продолжался, и Шабан, ввязавшись в спор, был обложен с двух сторон и бит по частям, но почему-то вместо досады чувствовал восхищение. Прекрасные люди, думал он растроганно. И Винсент... он тоже. Ну груб, ну озлоблен — и что с того? Кто в Порт-Бьюно не озлоблен? Их очень много, похожих друг на друга: скучных, хмурых, разнузданных до потери человекоподобия, вечно суесящихся, жалких... Государственных служащих. Нет-нет, кто я такой, чтобы их судить? Да это сейчас и не главное — главное то, что теперь я второй, а значит, все будет как-то иначе, по-другому, и как же это прекрасно, что я теперь второй...

— Не понимаю, почему тебя не убили, — сказал Шабан.

— Где? — лениво поинтересовался Менигон. — Меня убивали постоянно, и почему-то всякий раз в ином месте.

— Я говорю о Порт-Бьюно...

Отвисшее вымя набрякшего облака кончилось — выскочили на свет, под летящую в лобовое остекление морось, и надоевшая свинцовая зыбь на поверхности океана вновь зарыбила в глазах. Путь от тропиков до забившегося в полярные льды Поплавка долог — транспортная платформа не космический катер и не боевой флайдарт, а потому будет ползти по воздуху не меньше суток, неспешно покрывая милю за милей курсом зюйд. Зеленые тропические воды, мгновенно чернеющие под воронкой нарождающегося урагана, ультрамариновые субтропические широты, серые, накрытые облаками умеренные с выделяющимися пятнами планктонных полей, скучные, зато почти безопасные приполярные... В сезон тайфунов рейс над теплыми водами вымотает кого угодно — теперь пилот спал, доверив управление бортовому компьютеру, отчаянно храпел за тонкой перегородкой, но не мешал разговору.

— А меня убили, — сказал Менигон. — Дыра в голове, мозги по стенам, и контрольного выстрела не надо. Очень натурально получилось.

— То есть?

— Сейчас, к сожалению, не могу показать. Оснастка не та. Горячо надеюсь, что нам не придется об этом пожалеть.

— Ты бы мог их спасти, — сказал Шабан, помолчав. — Их всех. Тосихидэ, Гупту, Еву Панчева...

И Лизу, подумал он, но не назвал ее имени. Он помнил тот разговор, последний свой разговор на Прокне, и сделанное ему предложение, и свою отчаянную мольбу... И свой отказ. И то, что последовало за отказом, пока он был еще Александром Шабаном, разведчиком Редута. Должно быть, Ореол любит исправлять ошибки и не жалеет времени на их исправление.

Тогда сознание не умерло сразу — оно уходило медленно, и вместе с ним проваливался в небытие Александр Шабан, разведчик и бунтарь, тридцати трех лет от роду, разыскиваемый, приметы прилагаются... Провалился — и умер, воскреснув пятилетним мальчишкой, набитым ложной памятью, подброшенным на развалины после Андского толчка. Еще природного ли катаклизма?..

Теперь обратное перерождение Альвело в Шабана, шило на мыло... Хорошо, хоть без потери памяти, и на том спасибо Ореолу. Третья и, видимо, окончательная инициализация. Понятно, когда случилась первая: когда Глист привез меня па Поплавок и господин эксперт попался нам на пути. Тогда и начались эти сны. Вторая — когда меня заманили в трюм, и после нее сны стали ярче и мучительней.

— А если я скажу, что сделал все, что мог, — согласишься? — спросил Менигон.

— Не надейся!

Менигон, совсем как прежде, прищурил желтый глаз.

— Ты еще не перебесился? Во-первых, не шуми — разбудишь этого соню. Во-вторых, я вовсе не всесилен, а в-третьих, ни Ореол, ни спецслужбы Федерации не давали мне задания защищать даже тебя. Ты просто ненормально везучий, и радуйся. В Порт-Бьюно шансов у тебя было как у всех — один к ста.

Везучий, мрачно подумал Шабан, катая в уме глупое обтекаемое слово. Если уж ЭТО везение... За остатки веры в лучшее, за попытку изменить хоть что-то, за кровь и смерть, за последний отчаянный рывок — награда: расстрелять из лучевика толпу ни в чем не повинных убегунов! Потерять Лизу. Потом потерять двадцать лет жизни. Вернее, насильно получить паузу длиной в двадцать лет, без толку про-

жить чужую никчемную жизнь. Взорвать тоннель, который не нужно было взрывать, — и тем обратить на себя внимание Ореола. Оказывается, Ореолу такие и нужны, вероятно, усмотрена некая исключительность... Хотя что я могу знать об Ореоле, кто там ему нужен...

Слишком много необдуманного и истерического я позволил себе на Прокне. Винсент... Гундер прав. Непозволительно много.

Нет, все-таки не Гундер — Винсент. Мусорщик Винсент Менигон. Все-таки спасал он своего наивного напарника — спасал как умел, по собственной инициативе и, вероятно, стесняясь. Точно так же он спас бы беглецов из Порт-Бьюно, если бы только успел... Стесняясь в душе, как взрослый дядя, которого того и гляди застанут за игрой в солдатики. Даже хуже. Забава, и только. По-его, что Северный Редут, что, допустим, Срединный Люнет, что какой-нибудь Южный Бастион — все едино, пыль под ногами. Не стоящая внимания. Не стоящая даже плевка. Его дело — сгрести и сваливать мусор Ореола, не задаваясь вопросом, откуда он берется, и, пожалуй, для Ореола он даже не эпителий, а часть системы выделения вроде фрагмента уретры. Клетка не может указывать организму, она либо работает, либо отмирает. Как просто...

— А если я снова откажусь? — спросил Шабан. — Если захочу остаться здесь?

— Ты уже не сможешь, Искандер. Подумай: разве ты — лейтенант Альвело? Да и зачем отказываться от целого ради части?

— Идет война, — не особенно уверенно проговорил Шабан, пытаясь настроить себя на волну Филиппа Альвело. — Я землянин.

Менигон иронически поднял бровь.

— Ты обогащаешь меня опытом: оказывается, человек еще глупее, чем я думал. Сначала из него делают оболванца, а он этого даже не замечает. Потом из него делают узколобого вояку и при первом удобном случае подставляют северянам, нафаршировав «липой», — и он находит этому оправдание! Спецслужбы Федерации, не дождавшись на Капле ни пресловутых щитоносцев, ни их черных кораблей, также жертвуют подопечным: выявленных «кукушат» достаточно, а Капля одна.

Потом контрразведка Велича также узнает, кто он такой и от какой мамы произошел, а узнав, решает, что

незачем умножать количество сущностей накануне погрома северян. Гундер Шелленграм не успевает вмешаться — вне Ореола от только человек, — и лейтенант Альвело остается жив только чудом. Он еще должен благодарить судьбу за то, что та загнала его в штрафники, — все-таки отсрочка! Какое счастье! Какое спасибо человечеству за заботу! Можно про-длить жизнь на месяц-другой и всякий день ощущать призна-тельность...

— Заткнись, — выцедил Шабан сквозь зубы.

Пилот за перегородкой оглушительно всхрипнул, почмо-кал губами, заворочался и ровно засвистел носом.

— Ну почему этим должен заниматься мусорщик, — про-бурчал Менигон. — Я ведь не умею уговаривать твердолобых, это вообще не мое дело, в прошлый раз пришлось вмешаться куратору... Да ты помнишь! Поверь, я был против! Мусорщики иногда бывают против, хотя обычно это ничего не меняет...

— Значит, ты бросил бы меня... там? — перебил Шабан.

— Да, и тебя растерзали бы, дурака. Но это был бы твой выбор.

— Спасибо и на том.

Менигон сверкнул желтым глазом. Словно хищник, гото-вый и прыгнуть, и отказаться от прыжка на незначительную дичь.

— Тебе дали еще один шанс. Да, насильно, и я не собира-юсь извиняться. Я тебя ни к чему не принуждаю и сейчас — хочешь, спрашиваемся на Поплавке?

Шабан отвернулся, смолчал. Платформа вновь нырнула в облако, густое, как кисель, и, казалось, зависла на месте, но нет — качнулась в воздушной яме, скользнула из киселя вниз, в снежную круговерть. До Поплавка еще лететь и лететь — велика Капля.

Дали шанс... Всучили еще одну жизнь — ненастоящую, фальшивую, как и первая, только еще более убогую и глупую: одумайся, мол, пойми, как стыдно и смешно быть всего лишь человеком. Конечно, не позаботились обеспечить настоящую безопасность — зачем? Опасности для Ореола не существует: если верны слова Менигона о том, что это гнездо бывших людей находится в ином пространстве, землянам до него еще долго не добраться... А потом, признав достойным войти в Ореол, поместили избранника на некую границу сред, рядом с невидимой ватерлинией: решай сам, цеплять-

ся за борт или тонуть. Странная, извращенная логика, но все-таки логика, ничего не скажешь...

— Лизу я тебе не прошу, — глухо сказал он. — Никогда. Ты запомни.

— Я знаю, — отозвался Менигон.

— А теперь объясни, чего ради мы летим на Поплавок.

— С поверхности Капли нам не уйти прямо в Ореол, — угрюмо сказал Менигон. — Говорят тебе: здесь я только человек. Нужен выход в космос, хотя бы в ближний, там нас подберут. Дернуло тебя застрять в этом твоём Гольфстриме! Ушли бы спокойно на «Роне», а теперь... не знаю, не знаю.

— Помнится, на Прокне у тебя был черный корабль.

— Просто силовой кокон старой модели, и, кстати, не всегда в моем распоряжении. Если бы сейчас... да что говорить, мой инициализатор и тот одноразовый, — обнажив запястье, Менигон показал браслет, — можно выбрасывать. Последнее время Ореол избегает вмешиваться в дела населенных планет, вот и результат... Иногда и мы делаем ошибки, но наш принцип — никому не мешать своим присутствием.

— Людям? Пыли под ногами?!

— Совершенно незачем поднимать пыль. И не кричи.

— А вариадонты?

— Переселены, успокойся. С ними работают. Возможно, когда-нибудь они станут частью Ореола... У тебя еще есть вопросы? По-моему, наш соня скоро проснется.

— Есть, — сказал Шабан. — Зачем я Ореолу?

— Тебе когда-нибудь приходилось нагибаться за уроненной монетой?

Исчерпывающе... Можно еще уточнить, что никто не полезет за монетой в коллекторный сток. Разве только особо настырный мусорщик по личной инициативе...

Слишком ничтожна мелкая монетка.

— Об одном тебя прошу, — сказал Менигон, — не считай меня врагом. Ты поймешь... потом, когда-нибудь.

Шабан сглотнул.

— Еще один вопрос... Кем я стану в Ореоле?

— Его частью.

— Понятно... Какой именно?

Менигон равнодушно пожал плечами.

— Не знаю, но могу предположить. Вероятно, му-

Глава 3

Поплавок вздрагивал. Каждую минуту на угрызший в облаках верхний срез конуса обрушивался драконий рев, терминал принимал в свободную шахту тяжелую беспилотную ракету, наводящуюся по лучу; каждую минуту чувствовался толчок, палуба отзывалась щекочущей ступни дрожью, что-то дребезжало и хлопало, зловеще ныли переборки, короткая дрожь пробегала по всему телу Поплавка сверху донизу и гасла в океане. По темной воде, с утра на удивление зеркальной, пробегала кольцевая рябь — Поплавок «приседал» на неразличимую глазом величину, словно в черной бездне, где-то очень глубоко под ним, пробовал наживку громадный линь, осторожная и хитрющая рыба. Минута — и снова «поклевка».

Никаких «челноков» — только ракеты и только тяжелые, предельной для терминала величины и грузоподъемности. В безветрие вершина Поплавка окуталась ядовитым смогом, быстро выводящим из строя дыхательные фильтры. Терминал ставил рекорд грузоприема — сразу несколько космических транспортов, торопясь разгрузиться под прикрытием кораблей блокирующей эскадры, один за другим заходили на грузосброс. Прием ракеты, отсос газов, разгрузка, подготовка к старту, старт, подготовка к приему... Многолетнее осторожное наращивание сил осталось позади — теперь военные грузы шли неостановимым потоком. После трехчасовой смены причальные команды валились с ног, лишь некоторым андроидам удавалось продержаться две смены подряд.

Среди легенд Поплавка есть и такая, очень нелюбимая диспетчерской службой: однажды невысоко над терминалом столкнулись и сгорели две ракеты, по ошибке направленные в одну и ту же шахту. Почти наверняка это просто байка, заурядный элемент богатого местного фольклора. Ошибки выдрессированных операторов-андроидов случаются куда реже, чем неизбежные по теории вероятностей сбои в работе автоматики.

По-видимому, одна из грузовых ракет отклонилась от посадочной траектории, и к реву дракона в облаке добавился нестерпимый вой сигнала тревоги. Шабан заткнул уши. Он знал, как это бывает, и понимал, что бежать прочь с флайдрома, пожалуй, поздно. Сейчас верхние палубы лихорадило: скорее увести «дуру» прочь, уронить в океан подальше от Поплавка, а если не удастся — расстрелять ее над

Поплавком средствами ПВО: дождь плавящихся в огненном шаре осколков куда лучше удара тысячетонной громадины.

Из облака скользнула тень. В двух кабельтовых от борта встал кипящий гейзер, вскрикнула обожженная вода. Горячая волна хлынула на нижний уступ, опрокидывая зазевавшихся, и целую минуту утекала в шпигаты. Столб пара почти достиг облаков. Сирена неожиданно смолкла. На успокоившейся поверхности моря между Поплавком и подтаявшим ледяным полем полярной шапки осталось плавать красное пятно обваренного криля.

— Ну-ну, — хмыкнул Менигон, переждав рев очередной ракеты, на этот раз опустившейся штатно. — Все-таки люди идиоты. Построили бы космический терминал и горя бы не знали. — Он толкнул Шабана в бок. — А кроме того, им не пришлось бы делить жидкую планету... Ты что скучный? Укачало?

— Нет.

— Тогда пошли.

— Куда?

— К моему приятелю контр-адмиралу Хиппелю, командиру Поплавка. Кто еще даст нам «челнок» и разрешение на вылет?

Захотелось спросить: «А он даст?», но Менигон уже не слушал. Шабан оглянулся на ходу, помахал пилоту — в ожидании техников тот уныло торчал подле платформы и явственно выказывал противоречивую гамму чувств: с одной стороны, в тропиках изрядно поднадоело, круглые сутки жара и влага, лишний раз носа на палубу не высунешь, притом по случаю войны чем севернее, тем и опаснее; с другой стороны, хотя тут и дом родной, нет никакого терпезу околачиваться на флайдроме лишние минуты в ожидании бездельников, когда с льдины тянет ветерок и мороз пробирает до костей, а терминал ставит рекорды по части рева. Кстати, во время войны не существует полностью безопасных мест, и нет никакой гарантии, что подтвердятся циркулирующие слухи о засчитывании года службы за три. Эх, жизнь...

Миновали шлюз, сорвали с лиц покрытые инеем фильтры.

— Тебе не обязательно идти со мной, — сказал Менигон. — Будет даже лучше, если ты подождешь меня, ну, скажем, в вашей кают-компании. Сорок четвертая палуба, сектор Бета, я не ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Но я лучше подожду в своей

406 каюте.

— Я сказал: в кают-компании, — отрезал Менигон. — Сиди там, в разговоры не встревай, никуда не уходи и носа зря не высовывай, понятно?

Дождавшись подтверждающего кивка, Менигон нырнул в утробу лифта. Шабан побрел вкруговую, не удивляясь необычной тишине жилых палуб. Люди попадались редко и по большей части не кадровые военные, а вольнонаемная обслуга Поплавка. Лишь корабельная полиция сильнее бросалась в глаза, но вряд ли оттого, что ее стало больше. Если не считать низкого гула, время от времени сотрясающего переборки, было очень тихо.

Филипп все же не утерпел — воспользовался лифтом, домчал до тридцать восьмой палубы и убедился, что его каюта не занята. Не то чтобы в ней оставалось что-то ценное — просто захотелось в последний раз взглянуть на то, что было домом.

Вещи были на месте. Подумав, Филипп достал кортик и, чтобы не занимал рук, прицепил его к поясу — вид смешной и напыщенный, но сейчас потешаться особенно некому, почти все глубинники заняты добиванием северян в их бывших зонах. Чем бы ни оказался Ореол, не помешает взять с собой ритуальный предмет на память о второй земной жизни. Какая бы ни была — а жизнь...

— Жди нового постояльца, — сказал он комнате.

Очень хотелось навестить Петра, но он поборол искушение. На что Петру неведомый Шабан — ему нужен Филипп Альвело, закадычный друг и немного покровитель, с которым так хорошо выпить втроедорога купленной отравы, поговорить по душам, пожаловаться на тоску по жене и сыну... Нет уж, лучше обойтись без прощаний.

Да и на Поплавке ли еще Петр? Может, тоже воюет, а если и остался при ремонтных доках, то почти наверняка не при здешних. Поврежденные в бою лодки не тащатся к Поплавку через пол-Капли — кому здесь и сейчас нужен ремонт?

Люди в коридорах все-таки попадались, а на технических палубах, мало опустевших с войной, до ушей долетали и обрывки разговоров. По большей части комментировались последние сводки. Получалось, что активная война на море идет к концу и вот-вот нечувствительно сменится нудной зачисткой. Обсуждались явно вымышленные подробности атаки Ударного флота на Поплавки северян. Захлебывающийся словами рассказчик с нашивками старшины обильно жестикулировал, излагая обступившим его техникам последние новости: штурм **407**

укрепленной базы Унии «Виктория» близится к успешному завершению, униаты толпами сдаются в плен, потери среди морпехов генерала Бруна незначительны. В другой кучке болтали о сражении космических эскадр на дальних подступах к Капле и о постыдном бегстве немногих уцелевших в битве посудин Лиги. Совсем иным тоном говорили об уничтожении остатком флота Независимых Десятого и Одиннадцатого контрольных постов, о героической гибели вице-адмирала Монтегю, подорвавшего свою капсулу в гуще неприятельской эскадры, и тут же единодушно высказывалось мнение, что прорыв, разумеется, уже ликвидирован и что Независимая зона получит по полной программе, как только флоты Федерации покончат с более серьезным противником.

В кают-компании одиноко сидел Хмырь Бенни и сосал пиво.

— О! — сказал он, ничуть не удивившись. — Какие люди без наручников! Филипп! Рад, рад тебя видеть. А кортик зачем?.. А, понимаю! Штраф снят досрочно, угадал? Полный парад, турум-тум-тум! С меня фанфары, с тебя пиво. Э, да ты случайно не Лейфа здесь ищешь? Так его на Поплавке нет. — Бенни захихикал. — Как ты его тогда, это ж надо было видеть! Ты за ним — он от тебя, через столы, через головы... Короче говоря, легко ты тогда отделался, могло хуже выйти. Ты теперь куда?

Шабан дернул щекой: роль лейтенанта Альвело давалась трудно. Он чувствовал, что невыносимо фальшив.

— Начальству виднее, — сказал он с напускным равнодушием. — А ты, вижу, до сих пор тут. Не скучно?

— Пополнение обучаю, — важно объяснил Бенни. — Позавчера снова из метрополии гардемаринцов прислали, ну детский сад, ничегошеньки не умеют. Хорошо еще, что почти все восточные азиаты, эти хоть старательные... — Он подозрительно посмотрел на Шабана и успокоился, не заметив насмешки. — Ты... это... не подумай чего, я не напрашивался. Приказали, вот и приходится учить салаг уму-разуму...

— Вижу, как ты их учишь, — равнодушно сказал Шабан, направляясь к поилке. — Особенно уму и разуму.

Несколько секунд Хмырь Бенни размышлял: обидеться или нет? Затем, как видно, вспомнив охоту на Лейфа и решив не связываться с буйным, поставил кружку на стойку и вразвалочку вышел вон.

Тем лучше, с облегчением подумал Шабан, при-
408 кладывая палец к датчику идентификатора. Прав Ме-

нигон: сейчас мне лучше побыть одному. Ну почему он всегда прав?

Пива хотелось просто отчаянно. Хоть светлого. Хоть глоток.

Поилка молчала, как мертвая. Пусто... Ни темного, ни светлого. Вообще никакого. Шабан потыкал пальцем в датчик и, выругавшись вслух, отошел от стойки. Сел.

Что бы это значило? Если бы по случаю войны был введен сухой закон, не стал бы Хмырь пить напоказ. Ну, допустим, параметры пальчика лейтенанта Альвело могли временно вывести из памяти дурацкого автомата, потому как пальчик штрафника. Нет, это вряд ли: ни штрафнику, ни его пальчику делать на Поплавке совершенно нечего, рвение обслуги непонятно. Мог ли папиллярный рисунок измениться от этой... как ее... третьей инициализации? Он поднес кончик пальца к глазам, пересчитал знакомые извивы. Вроде нет. Тогда что же?

Он вытер лоб. Помимо воли противная дрожь пробежала по телу, рассыпалась по спине мелкими мурашками. Неужели командование все же списало его, давно и прочно? А вот это возможно, если как следует подумать. Правда, верх опрометчивости делать выводы по капризам поилки. Может, это Хмырь все выпил...

Ждать Менигона пришлось недолго. С первого взгляда на него Шабан понял, что что-то пошло не так, не по тем рельсам, на которые рассчитывал господин эксперт. Менигон и не думал скрывать озабоченность. Кортик на поясе подопечного он заметил, конечно, сразу, но вместо нагоняя только фыркнул.

— Контр-адмирал Хиппель изволит быть у Адмиралиссимуса, — хмуро пояснил он. — Не нравится мне это. Я у него всех холуев на уши поставил — действительно его нет! Посоветовали прийти через час. Что он там у Адмиралиссимуса, в паровозики играет, что ли?

— В какие паровозики? — не понял Шабан.

— Ну или в лошадки. Не важно. Извращенцам редко нравится, когда их шантажируют, иногда опасно перегнуть палку... Знаешь что: предчувствие у меня скверное. Пойдем-ка лучше погуляем, чем тут торчать...

В дверях кают-компания он не пропустил Шабана вперед, без всяких разговоров отстранил рукой и вышел первым. Походка его неуловимо изменилась — нет, такой походкой не может ходить ведущий эксперт отдела Перспективного Планирования, лицо уважаемое и, как все яйцеголовые, немного потустороннее. Эта походка совсем другая —

мягкая, пружинящая, то ли настороженный спецназовец на задании, то ли тигр в камышах.

— Может, ничего страшного, — нерешительно предположил Шабан. — Ну, потеряем один час...

— Как бы нам не пришлось потерять кое-что посуущественней, — пробурчал Менигон, останавливаясь перед развилкой коридора. — Знаешь что, давай налево, кажется, там нет контроля пропусков... Пусть даже я зря трепыхаюсь... Все равно: во время войны провести лишний час на одной планете с туннельной бомбой — удовольствие маленькое.

— Что?..

— Что слышал.

Шабан облизнул пересохшие губы.

— Ты уверен? У нас есть туннельная бомба?

— У лигистов тоже. — Менигон замысловато выругался. — Может, она испарилась вместе с их Поплавком, только я бы на их месте держал ее на самой неприметной капсуле где-нибудь в полярных водах. Как только северянам станет не на что надеяться... Мать их, великие стратеги! Говорил им! На спорных планетах каждый год меняют руководство, пока не подберут самое тупоумное. Корпорация «ТрансГалактика» выпестовала начальственных идиотов — те и рады стараться! Все эти Мрыши, Риенци и как их еще там... Один Велич не без умишка, но и тот надеется, что как-нибудь пронесет. Пронесло одного такого — только дерьмо и нашли...

Долгий гул, прокатившийся по Поплавку сверху донизу, сотрясший переборки, заглушил его слова: по-видимому, одна из грузовых ракет села аварийно, но без катастрофических последствий.

Вот как, подумал Шабан. Значит, туннельная... Это ново, но только это. Об остальном, в том числе и об истинных авторах идеи войны за Воссоединение, можно было догадаться, опыт есть — это только лейтенант Альвело ухитрялся не догадываться никогда ни о чем...

Менигон прав, вечно он прав! Не нести правду тем, кто не желает о ней слышать, — уносить ноги! Как можно скорее. Видя только то, что впереди, чем бы оно ни было, и не жалея об оставленном за спиной.

А Петр? — жарко обожгло мозг. Петр Солодов, ремонтник, единственный друг, заглушающий хождениями по трюмным девкам лютую тоску по оставленной на Земле любви...

Нельзя оставлять его здесь, надо найти его и лететь

410   втроем, выбираться отсюда...

Додумать мысль не удалось — в нескольких шагах впереди из-за поворота коридора скорым размашистым шагом вывернули четверо. Разом бросились в глаза одинаковая одежда без знаков различия, одинаковые стрижки, одинаковые, словно штампованные, лица — зря говорят, что такие бывают лишь у рабочих андроидов, идущих на смену...

Хватило мгновения, чтобы понять, кто эти четверо. Повидимому, оперативники Любомира Велича слегка опешили, столкнувшись с искомым нос к носу. Четверка уверенно спешила к кают-компани.

Хмырь Бенни? Или папиллярный идентификатор?.. Раздумывать не пришлось.

— Они! — взвизгнул кто-то на высокой ноте.

И в этот момент неожиданно, словно одно с другим имело непонятную потустороннюю связь, истошно взревел сигнал тревоги высшей степени.

Пистолеты едва ли не впрыгнули в руки четверки. Шабана качнуло, плечо уперлось в переборку. Оказывается, он продолжил инстинктивно начатое движение — посторониться, пропустить спешащих. Господи, успел он подумать, замороженно глядя на ровный кружок дульного среза, стремительно разворачивающийся в его сторону. Неужели опять как тогда... на Прокне?

Менигон ударил первым. Совсем не хищник из кошачьих — скорее уж молниеносно атакующий скорпион с чуждой, опасно непредсказуемой моторикой. Только один из четверки успел выстрелить — пуля с грохотом вырвала потолочную панель. К счастью, самая обыкновенная пуля... Брызнул искрами и нехотя задымил поврежденный кабель. Из квадратной дыры посыпалась труха — на четверых мертвых и двух живых.

Шабан поднялся на ноги. Как оказался на полу — сам не понял. Наверное, Менигон на всякий случай уронил и его, дабы не подставлялся зря под пули.

Менигон кусал губы. В желтых глазах прыгала усмешка.

— Оружие подбери. Разлегся, пляжник...

Последний и единственный удар по Поплавку северяне нанесли тогда, когда, казалось, с ними уже было покончено. Предсмертный укус раздавленной змеи — так, вероятно, назвали бы ракетную атаку военные корреспонденты Федерации — был не столько мощным, сколько точным. Сигнал тревоги прозвучал, когда ракеты противника уже прошли апогей баллистической траектории.

Циркулирующие по Поплавку слухи об успешном для землян сражении космических эскадр, опровергая расхожее мнение о том, что слухи всегда врут, были совершенно справедливы. Не слишком врали и официальные сводки, ежечасно передаваемые по внутренней трансляции Поплавка: дальние подступы к системе белой звезды удалось удержать сравнительно малой кровью, хрупкие всепространственные корабли Лиги оказались не в силах прикрыть туннелирование основных сил. Только один корабль прорвался к Капле.

Он был обречен с того момента, как покинул устье Канала, и, вероятно, его экипаж сознавал это. Кораблю-смертнику не удалось даже приблизиться на дистанцию эффективного залпа; все, что он сумел сделать, пока под огнем эскадры ближнего прикрытия еще не стал разбухающим облаком газа и пыли, — найти поисковыми локаторами Поплавок в океане и возвестить о его координатах.

Впоследствии военные историки основательно запутают вопрос, почему сигнал был вообще принят северянами. Одними сутками раньше последствия его приема стали бы катастрофическими; тремя сутками позже — скорее всего никакими. Остается только гадать, почему именно в тот момент одна из субмарин уже почти не существующего флота Лиги, рассеянного, загнанного на глубину, лишившегося не только спутникового целеуказания, но и последней надводной посуды, подвсплыла к поверхности океана и выпустила универсальный буй. Одно звено в цепи случайностей зацепилось за другое.

В первый и единственный раз в этой войне лигистам улыбнулась удача — нечто вроде исполнения пустячного последнего желания для ведомого на эшафот.

Обрекая себя на неизбежное и скорое уничтожение, лодка опорожнила ракетный бункер. Двадцать шесть баллистических ракет, несущих более трехсот боеголовок индивидуального наведения, стартовали менее чем за минуту.

Девяносто процентов боеголовок не дошли до цели — космическая эскадра ближнего прикрытия сделала все, что могла. Остальное должен был сделать Поплавок — или погибнуть.

Не всякому отслужившему на Капле доводилось хотя бы раз услышать рев сигнала тревоги высшей степени. Еще ни разу в истории Поплавка тревога не объявлялась дважды в течение одного месяца.

Если из пятна желтого прилива можно было выс-

низмов, то теперь в броне надводного борта открылись бойницы, о существовании которых большинство населения Поплавка могло только гадать, и из них, на время заглушив рев сигнала тревоги, вырвалась стая антиракет. Одна за другой взмывали в облака платформы противоракетной обороны, поводя импульсными энергоизлучателями в поворотных башнях. Но из обитателей Поплавка разве только глупый или вчера прибывший не мог принять очевидную мысль: относительную безопасность обеспечивает не щит ПВО, а три мили воды над верхней палубой. И желательно — подо льдом.

Поплавок начал погружение с момента объявления тревоги.

На километровой глубине максимальной осадки давление само гнало ревущие потоки забортной воды в ненасытные емкости цистерн. На нижних уступах безжалостно бросалось все, что было невозможно втянуть в шлюзы в течение одной-двух минут. Тяжко отрывались от палуб грузовые платформы. В кислом дыму стартовых ускорителей взлетали спасаемые пилотами флайдарты ПВО, оказавшиеся в стороне от лифтов, и, не способные отразить баллистическую атаку, брали курс на ближайшую плавбазу. Разбегались посадочные команды. Зазевавшиеся люди отчаянно и безнадежно колотили в сомкнувшиеся створы шлюзов. Иные в неистребимой надежде найти незаблокированный шлюз или люк лезли по трапам вверх.

Поплавок погружался. Воюющие насосы уже выкачивали воду обратно в океан, борясь с инерцией падения в бездну, а море, словно не замечая их надрывного гула, все так же размеренно глотало уступ за уступом. В бурунах кувыркалось брошенное имущество. Всплывал мусор; проваливающийся в Каплю Поплавок опоясался пеной. Крики людей умолкали в водоворотах. Видавший виды катер, неизвестно для какой нужды висящий на шлюп-балке, принял днищем воду, сорвался, крякнул и, перевернувшись, затонул. С оглушительным грохотом верхом на огненных столбах продолжали уходить в небо к зависшему на орбите транспорту опорожненные грузовые ракеты. Последняя взяла старт уже из-под воды, накрывшей верхнюю точку терминала, с ревом выдралась из вспененного водоворота и медленно, будто нехотя, ушла в низкие облака; лишь огненный столб долго не желал отрываться от Капли и яростно бил из облака в прогибающуюся воду, словно застывшая в раздумье молния.

— Если они догадаются пустить кабину, нас раздавит, — сказал Шабан.

В горизонтальной шахте скоростного лифта гулко отдавались шаги. Где-то поблизости, за стенкой шахты, стучал, временами подвывая и захлебываясь, неисправный насос. Стучало сердце.

— Может, о нас забыли? — предположил Шабан. — Тревога, суматоха, погружение... До нас ли теперь?

Менигон неопределенно покрутил головой и не удостоил ответом. Шабан замолчал. Слишком много было сказано друг другу, слишком много сделано вдвоем — и в той жизни, и в этой, — чтобы были нужны такие разговоры. Хорошо, что Винсент не ответил. Почему, ну почему я всегда верю в то, во что мне хочется верить? Потому что я обыкновенный человек?

В сущности, да, хотя у Ореола, как видно, иное мнение. Человек, не принадлежащий человечеству, странное двуногое существо... тем не менее уязвимое, в точности как человек.

«Ты надеешься, что Велич способен забыть? Наивность — вредная привычка, Искандер».

«Почему нас боятся, Винс?»

«Не преувеличивай свое значение. Тебя всего лишь намереваются устранить на всякий случай как «кукушонка». Боятся меня, резидента Федерации... если я все еще резидент и не выдан головой Величу... Между прочим, из-за тебя».

«Я должен извиниться?»

«Хотя бы не задавай глупых вопросов...»

Зачем тратить слова, когда понятно без слов?

Только идти. Только бежать по гулкой коробчатой трубе в скудном дрожании аварийного освещения, а то и вовсе в темноте, пронизанной сквозняками, с разбегу перепрыгивать пропасти вертикальных шахт или мухами ползти по их стенам, цепляясь за скобы в технологических желобах, бояться несущейся с сумасшедшей скоростью шальной лифтовой кабины... Что может быть понятнее попытки спастись?

Не понять другого, насущного: погружен ли еще Поплавок. Атака северян давно кончилась, и, как видно, безрезультатно. Гидравлический удар вблизи эпицентра был бы слишком чудовищен, чтобы его не заметить. Пожалуй, пол давит на ноги чуть-чуть сильнее, чем следует, а это означает всплытие. И правильно: Поплавок не субмарина, он не должен делать без нужды то, что умеет делать плохо. Он всплывет вне зависимости от результатов погони и стрельбы внутри него — весь в потоках скатывающейся с уступов воды, в слизи раз-
давленных глубиной морских репьев, всплывет, про-
бив вершиной край ледяного поля...

Четверо убитых Менигоном. Облава. Безрезультатная перестрелка со спецназом, рикошетирующие от стен коридоров пули, падающий навзничь случайный андроид-рабочий, шипение металла при промахах из неведомо как попавшего в руку лучевика — словно плевки в расплавленный свинец. И бегство, бегство! Сначала по коридорам, затем по сети пронизывающих Поплавок лифтовых шахт...

Попытка прорвать кольцо.

Как видно, лифты были заблокированы если не по всему Поплавку, то по крайней мере в значительном объеме внутри кольца оцепления. Вернее сказать, сферы оцепления, поправил себя Шабан. Это облава. Матерому волку и неопытному волчонку придется проскользнуть за линию флажков, пробиться, продрасться сквозь кусты и выстрелы, любым способом покинуть Поплавок, уйти в космос, в Ореол...

Даже после рассказов Винсента я плохо представляю себе, что такое Ореол, подумал он. Может быть, это место, где люди не убивают людей только потому, что боятся непонятого? Но в таком случае люди ли они?

Слаба надежда разобраться самому. Легко сказать — уйти в Ореол. КАК?

Винсент наверняка что-нибудь придумает. Но он молчит...

— Капсулу нам скорее всего не угнать, — размыслил вслух Шабан. — Кстати, и незачем. С ракетодромом тоже ничего не получится, так? Наверняка и флайдромы под усиленной охраной — я же пилот.

— Не сходи с ума, — на ходу посоветовал Менигон. — Ты пилот, но откуда им об этом известно?

— Тьфу, черт... — Шабан засмеялся, и шахта отозвалась эхом. — А ведь верно, я забыл. Хотя, — он помедлил, прежде чем сказать очевидное, — по правде сказать, у нас есть шанс уйти только на боевом флайдарте. Учебную «спарку» догонят и сожгут. А в боевой флайдарт двое не поместятся физически.

— Даже если очень постараться? — поинтересовался Менигон, не оборачиваясь.

— Я же сказал: физически!

Плюс к тому синдром Клоцци, подумал он. Да что синдром, наплевать на синдром, и без синдрома шанс покинуть Поплавок ничтожен. Если он вообще существует, этот шанс. Голый, круглый, наглый нуль.

Он давно уже не представлял, в какой части лабиринта шахт они находятся, но Менигон, по-видимому, **415**

ориентировался и здесь, иногда давая короткие команды. Лифтовые шахты хороши одним: здесь бывшего ведущего эксперта не обнаружат по имплантированному пропуску.

— Я верно понимаю, что флайдарты типов «Джокер-Т» и «Шершень» способны к выходу в открытый космос? — Менигон остановился столь резко, что Шабан налетел на него.

— Да, но ненадолго. Четыре-пять часов для «Джокера», полтора-два для «Шершня».

— Этого достаточно. Кстати, в ПВО Поплавка нет машин иных типов. Восемнадцать «Джокеров» и тридцать «Шершей», нам хватит... Теперь объясни, как ими управлять.

Шабан открыл рот.

— Ты серьезно?

Менигон тяжело вздохнул — трудно, мол, иметь дело с непонятливыми.

— Я просил тебя объяснить, а не задавать глупые вопросы. Итак, я влез, поместил свою задницу куда следует и присосал фонарь. Досюда я знаю. Дальше что?

— Выброси из головы, — твердо сказал Шабан. — Ничего не выйдет. Ты не понимаешь, что это такое. И я не полечу: уж если спастись, так обоим, понял?

— Сказал? — ядовито осведомился Менигон. — Учти, я внимательно слушал. Теперь кончай словоблудствовать и рассказывай про управление.

Шабан тоже вздохнул. Трудно иметь дело с непонятливыми...

— Это невозможно объяснить, можно только научиться... ну, примерно так, как ребенок учится ходить. Или, позднее, плавать. Все равно с первого раза ничего не выйдет. Курсантов год гоняют на тренажерах, прежде чем доверить машину, и то учебную. Забудь.

— А без cerebroуправления? — спросил Менигон.

— Тем более выброси из головы. Этому учатся весь оставшийся курс, до самого выпуска.

— Значит, полечу на cerebroуправлении... справлюсь! Цыц! Заткни фонтан и объясняй. Я сел, вернее, лег, что дальше? Надо пристегиваться?

— Надо надеть шлем, при этом он автоматически включится. После этого шлепнешь ладонью по панели, там справа есть такая пластина, не ошибешься. После этого подготовка к полету произойдет автоматически, за тридцать секунд.

416 — Так просто?

— Да, — с раздражением сказал Шабан. — Так просто. Почти так же просто, как удержать равновесие на велосипеде — садись и катишь.

— Никогда не ездил на велосипеде, — серьезно сообщил Менигон, — но это не важно. Думаю, научился бы не хуже любого другого. Ладно, что там еще?

— Ничего. Ты сам почувствуешь, что можешь взлететь. Только вот что: проследи заранее, чтобы стартовые ускорители были на месте, там разбега нет совсем... Через десять секунд можешь их сбрасывать, ты поймешь как. Имей в виду: ты будешь чувствовать себя флайдартом — в первый раз очень непривычно, многие пугаются...

— Не из пугливых, — буркнул Менигон. — А само управление?

— Я же сказал: этого не объяснить. Поймешь сам. Самое главное: не желай того, чего флайдарт не умеет делать, — это плохо кончится. Учиться придется на ходу...

— На ходу — как? .. Ладно, понял. — Менигон осклабился. — А как я узнаю, ну, скажем, сколько топлива в баках? Это будет как мочевого пузыря, что ли?

— Это будут именно баки, — сказал Шабан. — У ТЕБЯ будут. Вник?

— Занятно... — Менигон хмыкнул.

— Брось, — посоветовал Шабан. — Все равно у тебя не получится.

— Не учи курицу, яйцо... Тихо! Слышишь?

Воющий гул долетел издалека и смолк. Еще один — уже гораздо ближе. Ударил по лицам волна упругого воздуха. Ну, все...

— Кажется, пустили лифты.

— И разумеется, заблокировали любой останов внутри облавы. Долго же они соображали... — Менигон, торопясь, обстукал стенки. — Режь здесь. Нет, дай лучше я...

Минута работы, а кажется — вечность. Снопы искр, горячие потеки оплавленного металла, приближающийся гул... Отшвырнув разряженный лучевик, Менигон с короткого разбега высадил ногой вырезанный овал.

— Не спи!!!

Вслед за ним Шабан нырнул в дыру головой вперед. Секунд через пять крепко заложило уши: швырнув в дыру кулак сжатого воздуха, мимо пронеслась кабина лифта.

Темнота и особенная гулкость большого помещения. Сквозь вырезанный овал едва брезжит отсвет

аварийных светляков лифтовой шахты. Шабан тотчас налетел коленом на что-то твердое и зашипел от боли. Громоздкие, утробно гудящие механизмы — вероятно, служебное помещение, часть системы вентиляции и кондиционирования на технической палубе. Почему-то неприятный запах.

— Дай сюда кортик.

Менигон ощупью нашел дверь, поковырялся в замке, с лязгом отпер.

— Забери свое шило...

Пустой, слабо освещенный коридор показался слишком светлым. Запах усилился.

— Ага, — сказал Шабан, прикрывая глаза от света. — Это место знаю: пятидесятая техническая палуба, сектор Дельта, почти у оси Поплавка.

— Сектор Гамма, — поправил Менигон и покрутил носом. — Не пойму: откуда здесь вонь гнилого чеснока?

— От гнилого чеснока.

— Остряк... Это меркаптан. Значит, никуда мы от них не ушли. Теперь держись: для начала напустят вони, чтобы выгнать из сектора посторонних, потом в вентиляцию подадут что-нибудь посерьезней... А помнишь, как мы бегали от кислорода в Порт-Бьюно?

Вместо ответа Шабан надел фильтр и через минуту сорвал его с лица и шмякнул о палубу.

— Сдох.

— Мой тоже, — отозвался Менигон и, сморщив лицо, сплюнул на пол. — Ты все еще думаешь, что нас дураки гоняют? Может, примесь какая, да и фильтры дрянь... Кстати, меркаптаны в больших дозах сами по себе яды, так что, сам понимаешь, отсиживаться нет резона. Ты еще не забыл, на какой палубе флайдром сектора Гамма?

— На этой.

— Правильно. А в секторе Дзета?

— Там их два: двенадцатая палуба и семьдесят четвертая.

— Семьдесят третья. Вот туда и рванешь, поодиночке будет безопаснее. А я немного пошумлю здесь и уйду через сектор Гамма. Только не трать зря времени. Увидишь кого — стреляй первым, без долгих раздумий, а то знаю я тебя... Понял?

— Нет, — сказал Шабан. — А ты?

Менигон прищурил один глаз.

— У тебя есть иные предложения? Или ты хочешь взять заложника чином повыше и поторговаться? Адмирал

418 лиссимуса, например. Велич будет весьма доволен.

— Нет.

— Тогда не дури и делай что говорю. Обо мне не беспокойся. Тебе надо всего лишь угнать флайдарт и выйти в космос, дальше не твоя забота. Задача выполнимая. Повтори.

— Выйти в космос и ни о чем не думать, — послушно пробормотал Шабан. — А ты?

Вместо ответа он увидел удаляющуюся спину. Небрежно засунув сзади за пояс пистолет с наполовину опустошенной обоймой, Менигон уходил быстрым пружинящим шагом — высокий, костлявый, опасный. Не попрощался — значит уверен... В пятидесяти шагах коридор поворачивал под прямым углом, и до тех пор, пока Винсент не скрылся за поворотом, Шабан надеялся, что он оглянется напоследок. Потом, зажимая пальцами нос, пошел по коридору в противоположном направлении. Потом побежал.

Если в районе аппаратных отсеков воняло уже совершенно невыносимо и мимо отдушин воздуховодов пришлось устроить спринтерский забег, то здесь, возле кают и кубриков технического персонала, дышалось заметно легче. Стучало в висках, пот заливал глаза, очень хотелось отдохнуть, привалиться к переборке и постоять неподвижно хотя бы пять минут, но Менигон только сплюнул и выругался вслух. Нельзя. Меркаптанов коварные яды, через некоторое время жертва, уже отравленная, почти перестает ощущать их жуткую вонь. И эта непривычная слабость в ногах — очень скверный симптом.

Пустынно. Кто мог — уже сбежал отсюда, костеря вентиляционщиков. Да и много ли здесь обитало людей по военному времени? Сотня, не больше. Облава накрыла лишь малую часть Поплавка — осторожные, чуткие пальцы выдавливают чирей, до которого остальному организму нет никакого дела.

Жужжит под потолком большая волосатая муха — прилетела откуда-то на вкусный запах. Вполне человеческая мусорная муха, даже приятно... Кто ж тебя привез сюда, насекомое? И случайно ли? Говорят, Джильде Риенци кто-то привез с Земли жучка-древоточца, специально для ее мебели...

Так... Приблизительно очертить сферу облавы нетрудно: десять—двенадцать палуб по вертикали, а в горизонтальной плоскости — вся внутренняя часть сектора Гамма с частичным заходом в секторы Бета и Дельта. Без сомнения, сфера не перекрыта наглухо задраенными переборками — если только Велич не задумал массовое убийство. На грани-

це меркаптан отсасывается, систему вентиляции очень легко перепрограммировать, тут, кстати, может получиться простое техническое решение с замкнутым циклом... Добропорядочные аборигены Поплавка с богатой гаммой чувств покинут вонючую область — но глотнувшему первый глоток нормального кондиционированного воздуха не следует удивляться, если его тут же поставят лицом к переборке и велют упереться в нее руками, а ноги держать шире.

Ничего, подумал он, бодрясь. Справлюсь. Не глупее Искандера. А если не справлюсь, то невелика беда и невелика потеря для Ореола. Разведчик не должен жить столь долго, это противоестественно... Разведчик Северного Редута на Прокне. Разведчик Земной Федерации на Прокне и Капле. Разведчик Ореола везде — правда, лишь по человеческим меркам, ибо настоящая разведка Ореола не занимается свалками...

Здесь хода нет — на перекрывшей путь броневой плите светится соответствующая надпись, как будто и так неясно. Странно... Впрочем, понятно: у Велича не хватает профессионалов, чтобы перекрыть все пути прорыва, он ограничился несколькими. Что ж, поможем ему сориентировать силы: в соседнем коридоре есть пропускной пункт, реагирующий на имплантированный под кожу пропуск...

Так логичнее. Мне семь десятков земных лет, пусть даже для жителя Ореола это пустяк. Искандеру едва пятьдесят, и то если учесть обе его жизни. Ясно, кому должен выпасть наибольший риск.

Направо. Еще раз направо. Отравленный андроид с мычанием ползет вдоль переборки, а вот тут кого-то стошнило. Теперь налево и вверх...

Рано или поздно это надоедает. Нет, тогда еще не возникает желания продырявить себе череп. Но тогда становится почти все равно, предстоит ли тебе прекратить существование в неопределенном будущем, или через пять минут.

Шипящая воздушная завеса, резкий сквозняк — и разом нет вони. Вот вы где, ребята... Значит, внутренний кордон составлен из корабельной полиции, Велич и Хиппель прекрасно спелись... Двое полицейских — не проблема. Один медленно-медленно шевелит губами перед дужкой микрофона, желая сообщить, что объект обнаружен и требуется подмога. Второй полицейский столь же медленно наводит оружие, словно управляется не с пистолетом, а по меньшей мере с тяжелой гаубицей... Тоже не успеет.

Прыжок. По удару каждому. Выживут, нет ли — не имеет значения.

Разумеется, этот сегмент кольца облавы состоит более чем из двух неумех, и сейчас придется поработать по-настоящему. Обучила Земля, спасибо ей... но и без ее костоломных наук есть кое-что в запасе. Стандартный минимум мусорщика — этого вы, ребята, еще не видели, и лучше бы вам этого не видеть. Мне вас даже чуть-чуть жаль...

Кажется, тот полицейский успел передать сообщение. Тем лучше. Можно начинать шуметь, устроить небольшую заварушку местного значения, сбить их с толку... Не так уж много спецназа на Поплавке, и его надо оттянуть на себя по возможности в полном составе, а с полицией Искандер, пожалуй, справится и сам. Не младенец, прорвется. Справился тогда в Порт-Бьюно — справится и здесь. Кроме спецназа, есть еще внутренняя гвардия, подчиняющаяся флаг-адмиралу, но она, охраняя «болевые точки» Поплавка, скорее всего не задействована в облаве, а корабельная полиция в особом героизме пока не замечена — люди как люди, тоже хотят жить...

Все будет хорошо, сказал себе Менигон. Бывало и похуже. Не начнет Искандер миндальничать — обойдется и сейчас.

Может быть, следовало рассказать ему о смысле всей этой беготни во исполнение планов спецслужб Федерации? О разговоре с Гостем, например. Но зачем? Искандеру известно главное: его не попытаются взять живьем. И этого совершенно достаточно.

Менигон зло рассмеялся, накачивая себя холодной яростью. По кишкам лифтовых шахт с воем несутся кабины со спецназом — сюда, в сектор Гамма. Чтобы пересечь Поплавок в самой широкой части, им достаточно полутора минут. А все-таки жаль, что Ореол не вмешается прямо здесь и сейчас. Но кураторы не прикасаются к мусору...

Это усталость, подумал Менигон. Я просто устал. И, кажется, не только потому, что надышался меркаптаном.

Впереди за поворотом коридора его ждали. Он почувствовал это чуть раньше, чем, ускоряя шаг перед броском, позволил своей тени скользнуть по полу до поворота. Так и должно было быть. В мусоре водятся опасные крысы. Не я хотел встречи с вами, подумал он, вы этого хотели...

Но вот вопрос: понравится ли вам исполнение желаний?

Глава 4

Больше всего «Джокер-Т» походил на длинное, хорошо отточенное лезвие сариссы с едва выступающим непрозрачным фонарем пилотской кабины посередине и двумя низкими килями в хвостовой части. Под ногами перестало гудеть — толстая, шершавая сверху плита, вытолкнутая гидравликой, встала вровень с настилом флайдрома. Без сомнения, в центральную диспетчерскую уже секунд двадцать назад поступил сигнал о том, что нештатно сработал заблокированный на время погружения лифт и один флайдарт ПВО покинул свое стойло. Некоторым не вредно увидеть то, что считается невозможным. Надо думать, дежурный диспетчер сектора, вряд ли посвященный в подробности операции спецслужб по отстрелу двух человечешек, оборвал связь, пытаясь соединиться с персоналом флайдрома. Связь действует, но трупы молчат, и дежурный либо сунется доложить начальству, либо объявит секторную тревогу своей волей. И в том, и в другом случае опоздает.

С кем вы вздумали шутить, убогие? С Гундером Шелленграмом, ведущим экспертом зоны Федерации? С Винсентом Менигоном, мусорщиком Ореола?

Он глубоко вдохнул стылый воздух, закашлялся. Дышать воздухом Капли без фильтра — удовольствие на любителя. Поплавок еще не совсем всплыл: темная вода, качая крошево разрушенного ледяного поля, плескалась где-то на уровне тридцатой палубы. Странное дело: после купания Поплавок выглядел неумытым. Тут и там уступы загромодило серыми глыбами льда, на трапах повисли вяло шевелящиеся лохматые водоросли, возле шпигатов билась страховидная рыба. Потоки воды — нет, уже только струи, — еще продолжали скапывать по палубам, скакали с уступа на уступ, разбиваясь веерами ледяных брызг. Не промочить бы ног...

Скверный юмор, подумал он с неудовольствием. Поистине человеческий. После всех дел... Впрочем, кто поумней, те целы, а дураков не жаль...

Мазнув взглядом скользкую громаду Поплавка, уже утонувшую вершиной в облачной мешанине, он остался доволен. Боевые платформы ПВО, отбившие отчаянную атаку северян, вероятно, болтались где-то за облаками. Тем лучше. Нет никакой необходимости ввязываться в воздушный бой в первом самостоятельном полете. Очень вероятно, что платформы полностью израсходовали боезапас, а кроме того, Хиппелю,

прежде чем отдать команду на перехват и уничтожение, надо еще понять, куда он делся, этот Шелленграм.

Рев взлетающего на ускорителях одинокого флайдарта долетел откуда-то издалека, палубный настил отозвался слабой вибрацией. Еле слышно занял сигнал тревоги, кажется, по сектору Дзета. Молодец Искандер. Провозился дольше, чем можно было ожидать, но все же справился. Теперь с чистой душой можно побеспокоиться и о себе, о своей почти не порченной шкуре... Э, что такое? Он решил облететь Поплавков по кругу? Так и есть, беспокоится за наставника! Трогательно неисправимый дурачок...

Возня с хитрыми замками фонаря заняла вдвое больше времени, чем следовало, — секунды три. Еще столько же Менигон ввинчивался в тесное нутро кабины, сквернословя по людской привычке и заполняя собой пустоты, как расширяющийся газ. Поерзав в анатомическом лежбище, явно рассчитанном на недомерка — сойдет, потерпим! — Менигон углядел в специальной нише цереброшлем, выдернул, надел. Пристукнул ладонью по заметной пластине.

В первый момент как будто ничего не изменилось. А потом он понял, что дело идет на лад. Тридцать секунд предстартовой подготовки начали таять.

Перестал болеть бок. Руки и ноги больше не чувствовались, и не ощущалась небольшая тяжесть на голове. Пропал пропитавший подкладку шлема запах чужого пота. Тело исчезало — прежнее тело, и появлялось новое. Ребра раздвинулись, превращаясь в центроплан с острыми режущими кромками. Кожа твердела. Позади выросли два низких кия. Обзор был отменный — во все стороны, на тридцать два румба, на двенадцать с довеском стерадиан, и не было нужды вертеть головой. Теперь Менигон видел платформы ПВО над облаками и мог сосчитать неистраченные ракеты, оставшиеся на подвесках. Новое тело пока было в параличе, но стремительно и неудержимо наливалось силой, пробуждаясь к жизни. Он почувствовал топливо в своих баках. Действительно баки, а не мочевого пузырь, — нет желания опорожнить их как можно скорее...

Рифленая плита соседнего лифта начала беззвучно опускаться. Вероятно, тревога уже объявлена и по сектору Гамма. Ерунда, им не успеть, опоздали... Справа разверзся зев шлюза, посыпавшиеся оттуда странные двуногие создания, хрупкие с виду и удивительно уродливые, неслышно кричали, стреляя на бегу. Пули не могли причинить вреда, но было немного больно ощущать их удары по твердой коже. **423**

Ничего, боль не щекотка, можно и потерпеть... На этих смешных двуногих нельзя сердиться. А вот как им понравится старт на ускорителях? Кто не спрятался, я не виноват...

Он почувствовал, что в силах взлететь, и не стал медлить. При старте чуть-чуть потемнело в глазах. Ощущение полета вызвало истинно детский восторг, и не было желания иронизировать над собой. Странно: резкое снижение... Что-то не так? Конечно, забыл об ускорителях! Что, интересно, надо сделать, чтобы их задействовать, — попросту захотеть этого?

Так и есть.

Он выровнялся над самой водой, над битым льдом, колымаемым океаном. Когда ускорители отгорели, он их отбросил — это оказалось вовсе не трудно. Маршевые двигатели наконец-то вышли на режим полной тяги, и тогда тело налилось настоящей силой. Силы оказалось даже слишком много: хоть сейчас взмывай свечкой в субкосмос.

Нельзя, сожгут... Менигон попытался вспомнить, каково штатное время приведения в готовность бортовых средств ПВО Поплавка, — и не вспомнил. Не то восемь минут, не то десять. В сущности, это не важно; ясно одно: чем дальше уйдешь от Поплавка, пока он еще сравнительно бессилён после погружения, тем выше шанс. Это первое. Сначала уйти. А вот вырваться в космос хотя бы на низкую орбиту — это уже второе.

Туннельная бомба северян — третье, подумал он. Уничтожена ли она, нет ли — лучше не гадать, а уносить ноги, пока еще это возможно.

Флайдарт Искандера был виден впереди малой точкой — шел низко над океаном, торопясь скрыться за выпуклостью Капли. Молодец, сообразил... Даже странно, как это он решился не ждать: либо увидел на уступе сектора Гамма благополучную картину, либо уверовал в неуязвимость мусорщика. Но в любом случае сделал то, что нужно.

Нет смысла идти с ним одним курсом, упрощая задачу ПВОшникам, надо взять чуть в сторону... Например, влево. Как это делается? Прибавить тягу правого крайнего двигателя? Шевельнуть элероном?

Океан рывком кинулся куда-то вниз, и Менигон обругал себя. Младенец учится ходить... Очень сильный младенец — не по навыкам. Хорошо еще, что метнуло вверх, могло бы и наоборот...

— Сволочь какая... — сказал он вслух.

Не думать ни о чем, кроме полета. Даже о полете не думать, как не думает человек, какие мышцы ему напрягать при

424 ходьбе. Ощущать полет как целое, забыть обо всем, кро-

ме полета, а остальное сделают наработанные рефлексы... жаль, что их пока нет. Чтобы летать, нужен не головной мозг, а спинной. Понятно, отчего Искандера выгнали в отставку, а естественное неумение не думать обозвали каким-то синдромом... Менигон выровнялся, осторожно спустился к океану и перевел себя в горизонтальный полет. Мелькнула мысль о том, что при всем желании он вряд ли справился бы с cerebroуправлением старого типа, — но не отразилась на полете. Спасибо тем, кто догадался напихать в cerebroшлем компенсаторных цепей...

Наслаждаться полетом, скоростью, криком разрываемого на куски воздуха — и ни о чем не думать. О белой обезьяне в особенности. Может быть, у меня тоже врожденный синдром Клоцци?

Наверняка.

Но ведь получается же, подумал он с веселым удовлетворением. Искандер ошибся. Получается!

Белым пятном мелькнула и исчезла позади одинокая льдина, отколовшаяся от ледяного поля. Поплавок в хвостовой полусфере уменьшался, мутнел и, прячась за горизонт, словно бы опять уходил под воду. Вероятно, Искандер уже успел выскользнуть из поля зрения его радаров. Жаль, нельзя «ослепить» эту плавучую крепость: одинокий флайдарт против нее — ничтожная величина, злобная мошка, в лучшем случае способная больно укусить, прежде чем ее прихлопнут.

Мала скорость, и флайдарт отчего-то рыскает на курсе. Должно быть, не каждому дано лететь так низко над морем, тут требуются особые рефлексы... Хорошо еще, что море почти гладкое, не пугает волнами высотой с рубку ударного крейсера, и даже зыбь не рябит в глазах, а сливается в серый фон. Еще минут десять такого полета — и, если за это время не собьют, можно будет набрать безопасную высоту и предельную скорость, прежде чем на форсаже рвануть вверх. Вслед за Искандером. Куратор равнодушно поздравит с успехом эвакуации...

«И ни о чем не думать», — успел он напомнить себе, прежде чем его накрыло.

Удар башенного энергоизлучателя боевой платформы пришелся в хвост, короткий импульс погас в разрушаемых двигателях, и только потому Менигон остался жив. Катапультирование было мучительным — будто с хрустом рвали зуб, и этим зубом был он сам.

Удар. Сразу померк свет. Еще один нокдаун — снизу, вдогон. Когда раскололось выстреленное вверх яйцо пилотской кабины, больно ударило воздухом, и Менигону показалось, что он врезался в бетонную стену. Падение

продолжалось недолго — над корытом анатомического лежбища раскрылось мягкое крыло. Парящий полет, медленный спуск к жидкой могиле вблизи точки замерзания.

Не отпустила Капля...

Обломков флайдарта не было видно, лишь в стороне быстро взмывала к облакам крутящаяся тучка горячего дыма да плескались внизу бестолковые волны, лезли друг на друга разбегающиеся круги. Значит, второй удар был оттого, что флайдарт взорвался, понял Менигон. Хотя, в сущности, какая разница?

Ни единой льдины до самого горизонта. Впрочем, стоит ли продлять агонию?

Лучше, чем кто-либо другой, он знал, как это бывает. Мусорщика со стажем более десяти лет не удивить уже ничем, и каждый из них знает, чем кончит рано или поздно. Иногда смерть видно издалека, она подходит мелкими шажками, так что жертва успевает свыкнуться с мыслью о неизбежном; иногда она набрасывается внезапно, из-за угла. Последнее бывает обидно — но кому до этого есть дело?

Может быть, так даже лучше, чем добровольная эвтаназия после утери интереса к жизни. Кажется, в Ореоле еще не было мусорщика со стажем более семидесяти лет...

Наполненное ветром крыло медленно парило, спускаясь к океану. Управление было ручное, две гибкие тяги, — но какой в нем смысл? Здесь нет плотов и вряд ли каким-то чудом всплывет случайная капсула, а вода в полярных водах одинакова везде.

Менигон снял с головы ненужный цереброшлем, швырнул вниз, подождал всплеска. Ста метров высоты хватит, пожалуй, на минуту парения. Жаль, брошен разряженный до железки пистолет и в рукопашной свалке не добыт другой. Надо было озаботиться, дабы не продлевать конвульсий. Впрочем, смерть от переохлаждения сравнительно легка — не хуже многих других.

А все-таки хорошо, что Искандеру удалось уйти...

До воды оставались считанные метры, когда он услышал свист воздуха. Пробив облака, замедляя скорость свободного падения, к поверхности океана торопливо опускалась боевая платформа — темный прямоугольник со скошенными углами. Зависнув на секунду, развернулась, хищно скользнула наперерез.

Ну и глупо, почти безразлично подумал Менигон. Оболванцы стараются, кажут истовость добросовестных служаков... Вряд ли у них есть приказ взять беглеца живым, а чтобы удостоверить в его смерти, незачем так спешить...

Удар о воду показался совсем не сильным, а объятия

426 воды не столь леденящими, как он ожидал. Обожгло

холодом, но не более. Булькнув, утонуло «корыто» и, натянув стропы, долго утягивало за собой в глубину намокшие складки крыла. Утянуло — и пусто... Ни надувного плотика, ни спасжилета. То ли пилот, приписанный к этому флайдарту, был фаталистом, то ли просто здравомыслящим человеком.

Менигон вынырнул, отплеываясь. Дыхания он не потерял, и выдержало сердце. Кожу лица стянуло холодом, ледяные струи растекались под отяжелевшей одеждой. Медленно колыхалась зыбь. Вода была обыкновенная, почти такая же, как в земных океанах, только чуть меньше горечи и соли. Что ж, подумал он с последней иронией, было бы досадно целый год прослужить на Капле и ни разу не попробовать ее на вкус...

Он видел, как снизилась платформа, зависла в полуметре над вяло шевелящейся водой, словно застряла в воздухе. Неужели возьмут на борт?

Не возьмут... Не дадут даже подплыть поближе — как видно, наслышаны и проинструктированы. Глупый инстинкт самосохранения скомандовал нырнуть, когда один из двоих, вылезших наружу полюбоваться, навел автоматический карабин, и Менигон с трудом подавил желание подчиниться команде. Какая глупость... Будь ты хоть трижды жителем Ореола — все равно человеческое тело цепляется за лишнюю минуту жизни.

Второй, видимо, старший по чину, отвел ствол карабина в сторону... Вот как. Он жаждет посмотреть, как бывший ведущий эксперт, а ныне разоблаченный преступник, устлавший трупами свой путь бегства с Поплавка, будет замерзать. Ну что ж, это не займет много времени, хотя, по правде сказать, интересного в этом мало.

Один из стоящих на платформе показал на что-то рукой, и тогда второй совсем опустил карабин. Это «что-то», по-видимому, находилось за спиной, и Менигон обернулся, вытолкнувшись из воды по плечи. В следующую секунду он уже плыл к платформе что было сил.

Когда из глубины к поверхности океана всплывает облако хищного криля, вода, только что бывшая спокойной и как бы маслянистой, вдруг начинает метаться множеством бестолковых мелких струй и почти сразу вскипает, резко выделяясь обширным пятном, иногда — правильным кругом. Почувявшие добычу рачки безумствуют, тысячами выскакивают из воды, шелкая пластинками крохотных панцирей, и падают обратно с шумом, похожим на дождь. Эти рачки плавают удивительно проворно. Острые жвалы с легкостью рвут броню местных рыб, не то что человеческую одежду...

Пятно беснующегося криля всплыло позади — но уже вытягивалось, преследуя добычу. Менигон терял силы. Мешала тяжесть одежды, мешал воздушный пузырь под курткой, и шелканье приближалось очень быстро. Он поднял голову. Багровые круги расплывались в глазах. Ну же!.. Где вы там, честные служаки, оболванцы Федерации? Я убивал таких, как вы, но я убивал не так... Неужели ни один из вас не подарит мне пулю?!

Он увидел их, все ту же парочку служак, и увидел их ухмылки. Платформа совсем не приблизилась — она медленно-медленно скользила над водой прочь. Ничуть не быстрее, чем плывет коченеющий пловец в пропитанной водой одежде. Но и не медленнее.

Оглушительно шелкнуло прямо под ухом.

— Застрелите же! — крикнул, задыхаясь, Менигон. — Скорее, сволочи! Я прошу милости! Вы мусор, но вы же люди... Первый рачок вцепился в лицо.

Медленно, словно большие рыбы, плывут над Каплей корабли эскадры ближнего прикрытия. На высоте в три десятка километров над океаном они уже прекрасно видны на фоне звездной черноты. Стоит приблизить такой корабль оптикой — и он, словно муха под микроскопом, виден во всех подробностях, вплоть до сварных швов обшивки, избитой ударами микрометеоритов, до сизой окалины на дюзах...

Незачем рассматривать, лучше обдумать, как проскочить между ними. Правда, придумать тут можно немного: если на эскадре уже известно о беглецах, а скорее всего это так и есть, то обнаружение и уничтожение цели — вопрос немногих минут, и гарантия стопроцентна. Одна надежда на доброго дядю куратора...

«Тебе надо всего лишь выйти в космос, дальше не твоя забота», — говорил Менигон.

«Лучше быть мусорщиком Ореола, чем президентом Федерации», — говорил Менигон.

Посмотрим...

Кстати, где он?

Погони не видно, попыток перехвата тоже. Горизонт чист. Зенитной ракетой с Поплавка или платформы меня уже не достанут, да и энергоизлучателем, пожалуй, тоже: не позволит рассеяние в атмосфере. Но то меня, подумал Шабан, — а

Винсента? Позднее стартовал, плохо летел... Удиви-

428 тельно, что летел вообще!

Он выкрутится. Он всегда находил выход — за себя и за других. «Обо мне не беспокойся», — сказал он, и не было в его голосе ничего, что пробудило бы сомнение.

Значит, выкрутится.

«Шершень» быстро набирал высоту и чуть медленнее — скорость. Соппротивление воздуха в стратосфере все же чувствовалось, на кожу передавалась упругая отдача и легкое, терпимое жжение. У огромной жидкой Капли невелика скорость убегания, и выход на низкую орбиту возможен уже через несколько минут...

Там все и решится, подумал Шабан.

Спокойствие... Сосредоточенность на цели... Давно пропал страх первых минут полета, вслед за ним без остатка рассосалась вспышка пронзительной радости: оказывается, он ничего не забыл! А неплохо они усовершенствовали управление за двадцать лет... И все равно нельзя управлять флайдартом, когда в голове ревет торнадо. В голове должен царить штиль.

Машина послушно отзывалась на любое желание не мозга — тела. Тело лучше знает, как лететь. Если бы сейчас навязали воздушный бой, можно было бы смело принять его, не пытаясь уклониться.

Как нечто мелкое, не заслуживающее внимания, вспоминался прорыв к флайдрому через центр Поплавка. Менигон, старый опытный волк, верно рассчитал за волчонка: там не ждали прорыва, единственный заслон состоял целиком из корабельной полиции, меньше всего желавшей связываться с опасной дичью.

На свою беду они все же попытались остановить его. Они пытались его убить, по приказу или с испуга, и тогда он стал убивать их, как убивал в Порт-Бьюно почти таких же, как эти. Уже на флайдроме насели так, что пришлось пустить в ход ритуальный кортик — там он и остался в чьем-то животе... Они ожидали лишь ненависти глубинника к холуям, они не знали, что этот человек станет неожиданно для самого себя холоден и расчетлив, что он вырывается из запертой жестянки не в первый раз...

Невелика разница — из куба или из конуса, вросшего в опрокинутую полусферу. Детали... Только тот, прежний, Шабан уже порядком поистаскан, поизношен и вдобавок наделен памятью лейтенанта Альвело, рядового оболванца Федерации. Может, стереть эту память? Винсент говорил, что в Ореоле сделать это нетрудно, хотя, по правде сказать, это можно сделать и на Земле...

Незачем стараться. Жизнь Шабана — тоже ненастоящая жизнь, гуманный подарок Ореола забракованному мальчишке. По правде сказать, до изгнания в отставку эти две жизни были схожи, как две шаровые молнии под грозовыми тучами тропиков Капли. И обе лопнули, как мыльные пузыри.

Нет, память я не отдам...

Капля висела под ним, как висела когда-то Земля, и белая звезда отчаянно слепила глаза. Планета перестала напоминать вогнутую чашу, горизонт отступал вниз, граница света и тени тихо ползла по облачному одеялу. Яркая вспышка внезапно прорезала тeneвую сторону Северного полушария — не иначе, очередной надводный ядерный взрыв, и довольно мощный. Какая плавбаза северян перестала существовать?

Вы сделали глупость, Велич, Андерс и другие, слышите вы? Не начини вы первыми, Филипп Альвело был бы сейчас там и вместе с такими же, как он, истреблял не желающих покоряться северян. Мусорщику Винсенту Менигону пришлось бы ждать, когда подопечный «созреет» сам собой. Может быть, и никогда.

Скорость полета росла, но в милосердно вращаемом cerebroшлеме перегрузка практически не ощущалась, лишь стало труднее дышать. Пожалуй, тело прибавило в весе раза в три, если считать от земной силы тяжести, а если от местной — почти в десять раз. Сто пятнадцать километров высоты... сто двадцать пять... сто сорок...

Для протяженной атмосферы Капли это еще субкосмос — на такой высоте не сделать и четверти витка. Но выход на настоящую орбиту близок: еще два-три десятка секунд на крейсерской тяге.

А там посмотрим...

Большие рыбы ходят над Каплей... Словно акулы над головой неосторожного ныряльщика. На Сумбаве было опасно купаться из-за акул... Попытаться проскочить под кормой вон у того корвета? Или остаться на низкой орбите и ждать столько, сколько получится?

Шабан почувствовал странный привкус во рту и несколько тревожных мгновений не мог понять, что это такое и как связано с полетом. Понемногу он успокоился: похоже, что никак. Вероятно, просто-напросто прикусил губу до крови...

Ждут — или не ждут?

Его ждали. Он понял это по слабым факелам из дюз двигателей ориентации — ближайший корвет, неспешно плывающая над головой, разворачивала свое тело, ловя бегле-

ца в прицелы энергоизлучателей. Промаж!.. На миг потемнело в глазах, и усилился привкус во рту. Хитрый финт, почище тех, что приходилось делать в ущельях хребта Турковского на Прокне, удался — наверное, там, внизу, очередь импульсов напроби-вала дыр в облаках. Но некогда было смотреть вниз.

Второго залпа не последовало, и Шабан не сразу понял почему, а увидев — оцепенел... Капля меняла форму. Это выглядело так, словно по жидкой планете катился гладкий водяной вал тысячекилометровой высоты. Флайдарт сразу «просел», и резко возросла перегрузка. Поднимаясь стеной, загибался горизонт. После немногих секунд замешательства дюзы плывущих над Каплей рыб вспыхнули нестерпимым светом. Теперь планета уже не походила на шарообразную каплю воды в свободном полете — она была похожа на дождевую каплю, разбивающуюся о невидимый асфальт. Шабан успел заметить, как тяжелый крейсер, флагман блокирующей эскадры, не сумел уклониться — накатывающийся вал слизнул его с низкой орбиты, как океанская волна слизывает песчинку с мола.

В этот миг Шабан вспомнил о Менигоне. Винсент и здесь оказался прав...

Немногие из людей видели действие туннельного оружия не в записи. Еще меньше тех, кто видел и сумел потом рассказать.

Неведомая субмарина Лиги, несущая на борту туннельный заряд, прежде чем погибнуть, выполнила свою миссию. Скорпион ужалил себя в голову. Агрессор просчитался, полагая себя в относительной безопасности после уничтожения северных терминалов. Разверзшаяся сингулярная трубка коржила и заглатывала планету, чтобы, пожрав ее, исчезнуть без следа. Земляне получают кусок пустоты на перекрестке космических путей — но не Каплю...

Форсаж! Рефлекс пилота сработал как надо, как учили... Свечкой — вверх! К колючим искрам звезд. Шабан не знал, есть ли у него шанс, и не желал знать. Вверх! Прочь от гибнущей планеты, куда угодно — но прочь!..

Темно в глазах... Как еще выдерживают кости? Нечем дышать... Так погибают выброшенные на берег киты, не в силах наполнить легкие, сдавленные собственным весом. Надо выдержать... Оставшись без управления в атмосфере, глупый флайдарт перейдет в горизонтальный полет, а в космосе — скорее всего остановит двигатели. Вверх, вверх!.. **431**

Только бы не потерять сознание, успел подумать Шабан, прежде чем исчезла и чернота, канув в НИЧТО.

Он стоял в пустоте на чем-то твердом и прозрачном. Ослепительные немигающие звезды горели над головой, и, что было странно, звезды не менее ярко сияли под ногами. Словно поперек космоса во всю его неизведанную ширь лежало громадное, идеально прозрачное стекло. Но гораздо сильнее Шабана удивило то, что он очнулся стоя.

Он был готов прийти в себя лежащим где угодно: в анатомическом лежбище флайдарта, на госпитальной койке, на жестком топчане тюремной камеры. Когда гасло сознание, он знал и то, что может вообще не очнуться. Но — очнуться стоя?!

Он сделал шаг, затем другой. Притопнул. Присел на корточки, провел ладонью по твердому ничто. Твердая пустота под ногами не издавала звуков. Она была идеально гладкой, и по здравому разумению, ей полагалось бы быть скользкой, как лед, однако ноги не скользили.

Что-то еще в этом странном мире было не так. Взмахнув рукой, Шабан не почувствовал сопротивления воздуха. Он дунул на ладонь — с тем же результатом. Легкие были пусты.

Но ведь я же живой, подумал он растерянно. Я дышу! А чем?

Он прищелкнул пальцами и услышал щелчок. Затем достал пистолет. Магазин на тридцать гранато-пуль направленно-осколочного действия еще не опустел, но Шабан не решился выстрелить ни вверх, ни вниз: почему-то стрелять здесь, наедине со звездами, показалось кощунственным. Размахнувшись, он швырнул пистолет прямо перед собой и вздрогнул, услышав металлический стук падения. Твердая пустота под ногами не проводит звука — значит все-таки воздух?

Невидимый, неосязаемый... Но позволяющий дышать и жить.

Какие же силы нужны, чтобы сделать ЭТО?

Одна звезда над головой светила ярче других, не давая тени. Вдалеке вытянутым пятном разливалось слабое сияние, похожее на свет погруженного в туманность звездного скопления.

Шабан пошел туда и скоро вышел в сад, несколько не удивившись этому. Скорее он удивился бы своему безразличию, если бы уже не устал удивляться.

Тени здесь были — слабые тени листьев на ветвях 432 и ветвей на ковре опавших листьев. Шевельнув ногой

сухую листву, Шабан увидел корни деревьев, растущие к звездам под ногами.

Это что же — райский сад?.. Уже?

Немного кружилась голова. Он не стал больше смотреть вниз, в звездную бездну, а осторожно, словно боясь обжечься, прикоснулся к стволу ближайшей яблони. Ствол оказался обыкновенным, шершавым на ощупь, с потрескавшейся корой. Самый заурядный ствол и даже, кажется, немного пыльный, как бывает, когда долго нет дождя. Обыкновенные, выгнутые под нелогичными углами ветви яблони, обыкновенная путаница мелких веточек в кроне, обыкновенные листья.

Шабан сорвал яблоко, рискнул надкусить. Яблоко как яблоко, тяжелое и сочное, ранний сладкий сорт. И не червивое...

А в следующий момент он увидел человека.

Человек возник ниоткуда, только что это место у дерева было пусто — и вот он стоит под раскидистой кроной, небрежно отводя от лица мешающую ветку. Самый обыкновенный с виду человек, только одежда на нем странноватая — напылена она, что ли?

— Я куратор, — сказал человек раньше, чем Шабан успел открыть рот. Интонация у него была тоже обыкновенная, таким голосом отвечают на вопрос, который час. Похоже, здесь обходились без излишних церемоний. — Поздравляю тебя с возвращением в Орел, бывший человек.

Это прозвучало немного обидно, но Шабан решил не обижаться. Значит, удалось уйти, подумал он, чувствуя в душе странное равнодушие. Значит, вот эта твердая пустота под ногами, эти застрявшие в ней деревья — мой дом? Мой настоящий дом? Или пересадочная станция?

— Сколько времени я был без сознания? — спросил он, боясь услышать худшее. Голос прозвучал хрипло, и Шабан прочистил горло, но не решился сплюнуть на твердое ничто.

— Время не имеет значения.

Даже так?..

Головокружение не проходило. Ничего, разберемся... Винсент объяснит.

— Ты можешь задавать вопросы, — сказал куратор. — Обеспечивая твоё возвращение, погиб мусорщик, а замены пока нет. Отвечу я.

— Винсент... — Шабан сглотнул комок. — Он...

— Да. Бессмертие лишает жизнь цели. Мы не бессмертны.

Полыхнуло. Ударило в темя.

— Провалитесь вы с вашей целью! — закричал Шабан. — И вы, и ваш Ореол!

Он стиснул руками пылающий череп, вспомнив, как грозился Менигону: «Лизу я тебе не прощу...» Да! Да, сказал он себе. Не простил и не прощу, но это же совсем другое, не из того ряда... Не простил бы никогда, но все равно, ненавидя, любил бы этого желтоглазого хищника, мудрого циника, презирающего людей, уставшего жить среди них, но отдавшего жизнь, чтобы спасти друга — только ли потому, что друг вроде бы и не совсем человек?

А друг спасал только себя...

Удастся ли когда-нибудь простить себе то, что за возвращение выкидыша в лоно Ореола было заплачено такой ценой?

Куратор имел скучный вид.

— Он не был хорошим мусорщиком. И его ресурс был на исходе.

«Каждая деталь имеет свою наработку на отказ...» — сказал однажды Менигон.

Как понятно и просто. Может быть, он уже тогда относил эти слова и к себе?

Если Ореол единый организм, то мусорщики в нем — всего лишь часть системы выделения. Вроде канальцев потовых желез. Они всегда на периферии, им совершенно нечего делать глубоко внутри организма. Кожа остается кожей, хотя иногда частички эпителия отмирают, отслаиваясь чешуйками. И на их место немедленно встают другие...

А сердце, печень, мозг, наконец?

Так ли уж важно знать, где они. Достаточно того, что они существуют.

— Он был хорошим человеком! — сквозь зубы выцедил Шабан. — Лучшим из всех, кого я знал. Человеком, а не мусорщиком! Эх, вы...

Он пнул ногой ни в чем не повинную яблоню — упало, прошуршав палой листвой, несколько яблок. Хотелось, как они, закатиться в листву и зарыдаться.

— Твоя оценочная матрица всегда была на пороге отсева, — проинформировал куратор. — Я не мусорщик, не специалист по общению с людьми и человеческим эмоциям. Сделай на это скидку, прошу тебя.

Он говорил как будто на чужом языке, тщательно
434 но подбирая слова, и его голос по-прежнему был

ровен — словно работала программа-переводчик или передавалось скучное, мало кого касаемое сообщение по корабельной трансляции.

Вдруг захотелось его ударить. Даже избить. Но какой смысл бить громкоговоритель?

Вдох — выдох. Шабан потер виски. Спокойно...

— Могу я осмотреть Ореол? — осведомился он.

— Ты в нем находишься. Это первый, внешний уровень, созданный искусственно примерно восемьдесят земных лет назад. Тогда же нами была создана эта Вселенная, а планета, давшая начало Ореолу, развернута в плоскость, которую ты видишь. Может быть, и не самый удобный вариант, но... — Не договорив фразы, куратор сделал неопределенный жест. — В остальном эта Вселенная является точной копией реальности — с тем отличием, что людей здесь нет. На внешнем уровне почти никто из нас не живет, разве что мусорщики. Иногда приходят дети — погасить или зажечь десяток звезд.

— Зачем? — тупо спросил Шабан.

— На Земле это назвали бы лабораторными работами.

Почему-то не возникло благоговейного страха, и на один миг Шабан поразился своему равнодушию. Лишь пустота в душе. Огромная, бесконечная...

— Вы настолько могущественны?

— Единственный способ родиться — оборвать пуповину, — изрек куратор. — Земля была и нашей колыбелью, но нельзя же вечно брэнчать погремушками. Внутри человечества с его детскими играми мы были обречены на те же игры. Основатели Ореола покинули Землю. Их потомки окружили свою планету защитным барьером — отсюда и возникло название. Потомки этих потомков сделали Ореол таким, каков он сейчас.

— И какова же конечная цель?

— Какова конечная цель существования человека? А инфузории? Можно считать целью непрерывное развитие в поисках ответа на вопрос, существует ли естественный предел для разума, — хотя такое определение предельно упрощено и неполно. Но мы развиваемся, стараясь никому не мешать.

Спасибо и на том, подумал Шабан. Гигантскому муравейнику — больше чем муравейнику, чудовищному сверхорганизму! — нет дела до человечества. Будь иначе... нет, об этом лучше не думать. Что это: случайность или своеобразная этика?

А может быть, естественная брезгливость?

— Я понял, — через силу сказал Шабан. — Подобрали — и спасибо... Когда мне выходить на работу?

— В Ореоле нет работы. Есть жизнь. Ты живешь. Очень скоро ты пройдешь полную инициализацию и узнаешь, кем тебе жить.

— Мусорщиком?

— Вероятно, да. Подготовка к этому роду жизни не займет много времени.

Можно было догадаться...

Шабан сорвал с ветки еще одно яблоко, по виду — неспелое. Подкинул в ладони, зло и смачно надгрыз, ощутив вяжущий вкус, и с силой швырнул через голову куратора. Где-то посыпались листья.

— Допустим, я откажусь — что тогда? Удержите силой? Или снова сделаете ребенком, всунете в меня чужую память и отправите на Землю?

Едва заметный безразличный жест куратора.

— Ореол не удерживает никого. Но ты не откажешься.

— Откуда такая уверенность?

Куратор не ответил. Он спокойно и терпеливо ждал, когда закончится этот неизбежный и неприятный кусок чужой работы... чужой жизни. Вся эта раздражающая возня неизбежно кончится, возвращенец станет мусорщиком не предположительно, а наверняка, это видно отчетливо. Сугубая мелочь в масштабах Ореола — но кому-то нужно заниматься и ею. Светлый разум, дай терпения!

— А что стало с Каплей? — спросил Шабан — или из глубины его сознания задал мучивший его вопрос Филипп Альвело?

— Ничего интересного, — сказал куратор без всякого выражения. — Осталась в реальности, то есть в своем пространстве, вот только была выброшена на сотню мегапарсеков. Очень мощный наведенный Канал — планета провалилась целиком. Ее даже не разорвало.

— Я хочу посмотреть. Это возможно?

Куратор медленно поднял бровь.

— Возможно все, в чем есть смысл. Я же сказал: там нет ничего интересного.

— Я хочу посмотреть! — крикнул Шабан.

— Хорошо, ты увидишь, — измученно пробормотал куратор. — Светлый разум! Ну почему именно я должен возиться с этими мусорщиками!.. И с их мусором!

— Проступок? — наугад спросил Шабан и по внезапно вспыхнувшей колючей искре в глазах куратора понял,

436 что попал в болевую точку. Но искра сразу погасла.

Выходит, и здесь есть штрафники...

А коли так, кто посмеет без тени сомнения утверждать, что обитатели Ореола — не люди?

Неизвестно почему стало смешно. Смех, иррациональный и дикий, поднялся волной, и поначалу Шабан прятал его в себе, кусая губы и мучаясь. Потом не выдержал и расхохотался.

Глава 5

Реальность — Ореол. И снова: Ореол — реальность...

Как будто Ореол менее реален, чем Вселенная людей, чем их привычный, единственный, огромный мир. Не менее, но и не более. Реальность не зависит от того, кто ее создал — природа или те, кому стало тесно в одной Вселенной с людьми.

Как легок переход между реальностями для того, кто стал частью Ореола! Лишь мусорщики ограничены в возможностях, дабы более походить на людей. Но я пока еще не мусорщик, я экскурсант...

Капля.

Гигантская эллиптическая галактика, чуть сплюснутая, закрывает полнеба, и ледяные торосы, нагроможденные последними штормами и подвижками льдов, отбрасывают длинные тусклые тени. На Капле больше нет ни смерчей, ни ураганов, лишь едва заметная дымка у горизонта указывает на то, что еще не вся атмосфера легла снегом на лед. Сколько времени потребовалось выброшенной из Галактики беспокойной жидкой планете, чтобы навсегда уснуть под ледяным панцирем? Вероятно, не так уж много. И еще тысячи, если не миллионы лет Капля будет медленно промерзать от поверхности к центру.

Ледяной мир, но еще не мертвый — подледная фауна будет жить еще очень долго, сопротивляясь и постепенно сдавая позиции. Может быть, какие-то формы жизни никогда не уйдут с Капли, научившись жить во льду или у центра планеты, в жидкой пересоленной каверне, согреваемой радиоактивным распадом. Лишь нет людей и больше не будет.

Два космических феномена не ужились вместе.

Плоский мир, если не считать торосистых гряд. Один-единственный заснеженный холм возвышается над унылой равниной. Он похож на правильный лакколлит или мгновенно замороженный водяной бугор, вздувшийся над местом чудовищного по силе гидросейсма, но под снегом скрыты пригнанные друг к другу металлические плиты, продуманно проложенные сверхпрочными композитами, обросшие остекленевшими на холоде остатками морских репьев. Это всего лишь Поплавок, перевернувшийся днищем вверх и нахлебавшийся воды, братская могила тысяч людей, не испытавших при жизни особенного братства. Полусфера подводной части бывшего терминала впервые показана всему миру — но некому смотреть.

Пузатый, как дирижабль, подводный крейсер, отрыгнутый в корчах затягиваемой Каналом планеты, бестолково кружась, несется над Каплей по вытянутой орбите, опускаясь в перигее к самым торосам. Через несколько сотен оборотов торможение об остатки атмосферы заставит его упасть — но пока он еще кружит...

Снег. Торосы. Снова снег...

Выдавленная на лед капсула типа «Удильщик» лежит на боку и обросла инеем в руку толщиной, в распахнутых люках белеют сугробы, внутри — ничего живого. Где ты, чужак с А-233? Замерз, как этот глубинник, или погиб раньше? Ты помог мне, а я не могу ответить тебе тем же.

Кому мне отдать этот долг?

Петру?

Петр погиб с Каплей, как многие и многие, и моя вина перед ними только в том, что они умерли, а я нет.

Так получилось. Не вините меня.

Петр, друг мой, счастливый бездумный нытик! Тебе не стоило беспокоиться о жене и сынишке, я сделаю для них все, что могу, — но это не мой долг, поверь мне. Это лишь жест.

Винсент тоже где-то тут. Не могу сейчас думать о нем — слишком больно...

Почему-то хочется верить, что остался в живых безумный старик на своей «Анаконде» — но ему единственному не нужны ничьи долги. До конца жизни он будет плавать в Гольфстриме и, не нуждаясь ни в пище, ни в браге, ни в людях, вспоминать человеческую подлость. Иногда он будет пробивать лед наверху, с каждым годом все более толстый, чтобы

полюбоваться делом рук человеческих, а заодно до-
438 быть немного замерзшего воздуха.

И, может быть, захихикает, глядя на Каплю льда.

Пусто на планете, и пусто в душе. Куратор был прав: нечего делать там, где все уже сделано. Прочь отсюда!

Звезды — светящиеся пылинки, тусклые и яркие, сгорающие в единый миг или тихо тлеющие, экономящие свечение на десятки миллиардов лет. Совсем как люди, рассчитывающие наперед свою жизнь, с той разницей, что у звезд в этой реальности все так и будет.

Бетельгейзе. Неспешно пульсирующий кипящий красный волдырь, похравший свои планеты. Сквозь фотосферу просвечивают далекие звезды. Дальше!

Вот Беллатрикс — надменный белый шар, сплюснутый вращением. Трапеция Ориона. Десяток горячих звезд в сумасшедшем хороводе вокруг невидимой точки, шквал ультрафиолета. Дальше!

Ожесточенная свалка двух космических флотов — Земли и Унии, — титаническая битва за право контроля над неведомым перекрестком торговых путей. Вспыхивающие корабли в пустом клочке пространства между спиральными рукавами — ни звезд, ни планет в радиусе десяти парсеков.

Центр Галактики. Центральный монстр, высосавший газ из ядра, спит и невидим. Мириады блеклых звезд, едва не касаясь друг друга, бестолково снуют возле гравитационного капкана, притворяясь, что в их суете заключена мировая гармония. Дальше!

Туманность Тарантул в Большом Магеллановом Облаке. Россыпь раскаленных досиня звезд в светящемся газе, хищно вспухающая оболочка недавней сверхновой, щупальца газовых волокон... Дальше!

Чернота со светящимися блинами — центр скопления галактик в Волосах Вероники.

Дальше.

Безымянный квазар. Дальше!

Опять чернота. Тусклые огоньки последних угасающих карликов в растрепанном шлейфе какой-то галактики, холод и бесконечность. Такой будет Вселенная через триллион лет. Вселенная людей — или Ореола?

Разве есть разница? Нет ничего по-настоящему вечного.

Сумасшедший свет, и ничего, кроме света. Большой Взрыв, родовые муки материи, рождение времени и вещества, разделение Вселенных. Чудовищной силы гравитационный удар.

Дальше!

Обязательный экскурсионный набор. Но экскурсант, к вящему неудовольствию гида, волен рассмотреть песчинку вместо пирамиды...

Прокна. Маленькая неправильная луна «хвостиком» вниз, и сама планета — серый шарик с пятном единственного материка, разделенным на две неравные части хребтом Турковского. К югу от хребта — сельва, откуда вышли вариадонты и где их больше нет, болота, лесистые нагорья, и где-то за ними лежит крошечное бессильное государство Межзона — непрочная пуповина, протянутая к Лиге. Жив ли еще Симо Муттик, храбро капитулировавший, чтобы спасти то, что когда-то показалось ему важным, — себя? Если он жив, то, наверное, давно утешил себя словами о глупости бессмысленного мученичества во имя чего бы то ни было; если мертв — забудем о нем.

К северу — степь, холодные пустыни, просвистанные насквозь ветрами с океана. Еще севернее шельф — нестрашное пугало для контрактников. Вот место, где мы с Роджером приняли бой с гончими. Вон ущелье, где был лагерь беглецов из Порт-Бьюно. Тоннель сквозь хребет так и не восстановлен, месторождения Юга достались южанам. Ландшафт изменился во время войны — вот этой воронки километровой радиуса, к примеру, не было. А куб — потемневший от времени, залатанный и, кажется, даже покосившийся — уцелел. Кости Живоглота и Штуцера давно сгнили в земле, если только не были кремированы. Поделом; но изменилось ли здесь хоть что-нибудь?

— ...Так вам точно блондинку? Вы не ошибаетесь? Сейчас многие заказывают рыжих дылд: ничего не попишешь, мода... Стандартная модель? Нет? Очень хорошо, но позволю себе заметить, что это выйдет дороже. Сколько, вы сказали, в талии? А в бедрах? О, право же, нам нечасто заказывают такие изумительные пропорции. Немного старомодно, но... заказчик всегда прав. Позвольте вас поздравить, у вас есть вкус, вы получите прекрасный экземпляр. Наша служба гарантирует, что вы останетесь довольны... по крайней мере первый месяц. Ха-ха. Это я шучу, не обращайтесь внимания. В случае каких-либо сбоев обращайтесь прямо к нам, и чем скорее, тем лучше. Теперь, с вашего позволения, уточним не-

440 которые дополнительные параметры модели... Взять

из архива? Как вы сказали: двадцать лет назад? Ну что ж, посмотрим...

Дальше!

Заглубленный в скальный грунт фундамент Порт-Бьюно, ряды камер штрафного изолятора. До переворота здесь иногда бесновались убегуны, наказываемые краткосрочным заключением за задержки в работе и каннибализм, выли, кидались на стены или часами сидели на цементном полу, бессмысленно глядя в потолок рыбьими глазами с жутким двойным зрачком. Наверное, первые недели после переворота в камерах было не протолкнуться — а сейчас вроде бы тихо. Слишком много тишины на одного человека.

«Вы беспомощный идиот, Шабан. Тоннель восстановят. И по нему пойдут поезда с рудой — три, пять составов в сутки, потому что людям нужен рений, а не ваши дилетантские рассуждения о всеобщей гармонии. Вы просто досадная аномалия, и не воображайте себе, что уникальны. Заставьте маршировать взвод солдат — они при соответствующей тренировке пройдут так, что плац затрясется, а полковник на трибуне преисполнится удовольствия. Но заставьте маршировать дивизию, армию, и вы увидите, как один натрет ногу и захромает, другой схватит солнечный удар, третий не вытерпит большой нужды и ринется из строя в кусты, четвертый дезертирует... И это нормально — всего лишь действие закона больших чисел. Но это не значит, что надо оставлять дезертирство безнаказанным, вы меня поняли, Шабан?»

Нет, никто не говорил этого. Но ОНИ говорили бы именно так — Штуцер, Поздняков, тихоня Роджер... Даже Биртолли, хлыщ и трус. Конечно, если бы снизошли до разговоров.

А тоннель все-таки не восстановили...

Вверх. Вот гараж, откуда я угнал вездеход. Вот тот коридор, где мы с Менигоном держали оборону. Еще выше — мой ярус, моя комната, где давно живут другие люди с другими проблемами, и им нет дела до меня, а мне до них. Та комната, где когда-то ждала меня Лиза. Вот я и вернулся, здравствуй...

Дальше!

Невидимый силовой кокон продавил грань куба, оставив вывернутые наружу лепестки. Шабан не слышал воя сирены, не видел человеческой суеты. Одной заплатой на стене больше, одной местной легендой, одной неразрешимой загадкой... Пусть.

Степь. Пожухлая трава, иссушенная ветрами, редкий голый кустарник, растрескавшийся суглинок, пересеченный гусеничной колеей. Отвалы шахт кажутся выше гор, потому что расположены ближе. Дикий убегун, занятый выкапыванием личинок, в испуге втягивает голову в плечи и валится набок, притворяясь мертвым. Непонятно, как он почуял опасность, но его инстинкты безошибочны. Между прочим, сейчас он действительно умрет, если его тронуть — в свое время Контора потеряла на этом немало рабочей силы.

Копай дальше, приятель. На этот раз инстинкт подвел тебя — ты мне не нужен.

Вот и горы. Ржавая нитка рельсов уходит под каменный завал, скатившиеся со склонов валуны уже давно затянуты бурым лишайником. Кое-где укоренились неприхотливые стелящиеся кусты, корни раздвигают щебень. Следы трагической попытки одного человека изменить естественный порядок вещей, попытки неумелой, отчаянной, удавшейся по чистой случайности и, как оказалось, вполне бесполезной. Как с самого начала был бесполезен этот тоннель, и человеческий труд в нем, и мечты убегунов и людей о местном варианте рая по ту сторону хребта...

Потому что человек должен уступить там, где Ореол сказал «нет».

За это не борются, это получается само собой. Так же естественно, как яблоко падает с ветки и катится по траве. Так же неотвратно, как Капля превращается в лед.

И если человек не согласится, это ничего не изменит. Усилия людей не стоят специального внимания — копошащиеся в плавучих водорослях рачки всегда по другую сторону ватерлинии. Их прошлое известно, их будущее просчитано, их пороговые возможности ничтожны в сравнении с Ореолом. Им даже не создать второго Ореола: вероятность еще одной удачной попытки невообразимо мала. Трагедия и счастье человечества в том, что оно никогда не поверит в это.

Тоннеля нет — а памятный бункер цел до сих пор, хотя, конечно, пуст и заброшен. Ядерные заряды для проходки давным-давно вывезены куда-то, на крыше бункера выросли кусты, и бронированные двери проржавели так, что теперь их ни за что не откатить по направляющим. Вон там, левее, то самое место, где погибла Лиза...

Ничего не осталось, ничего. Даже костей. Даже следов от разрыва гранато-пули. Не надо было прихо-

доть сюда и приводить эту женщину, мало чем отличающуюся от рабочего андроида. Даже не женщину, даже не самку и заведомо еще не человека — свежеизготовленную по заказу модель!

«Не воображай себя Пигмалионом», — так, кажется, говорил Менигон.

Не воображай себя...

А почему, собственно, нет?

«Куклы — они для игры, ну и играй в свое удовольствие, если не желаешь сидеть на либидоциде. Комбинат производит их поточно в нужном количестве. Рабыни, любовницы и домохозяйки, кстати, очень приличные. Так сказать, в целях сохранения нравственности: нельзя провоцировать массовые сексуальные отклонения...»

«Ты считаешь это нравственным?»

«Хороший вопрос, запиши для памяти. И кому ты собираешься его адресовать?»

«Людам. Наверное, просто людам.»

«Ты что, подрядился меня смешить?»

«Это не смешно, Винс! Они разумны!»

«Не более, чем средняя домохозяйка, а чаще — менее. Не строй иллюзий, Искандер».

Нельзя не строить иллюзий. Потому что нельзя жить, если Менигон не сделал ошибку, единственную, но главную. Потому что ватерлиния проходит не между человечеством и Ореолом — она между людьми, и она внутри каждого человека. Потому что ради одного только Ореола не стоит жить.

Не зря над мусорщиками стоят кураторы. Даже Менигону при всем его старании не до конца удалось выработать презрительно-равнодушный взгляд на мир людей.

— Я назову тебя Надеждой, — сказал Шабан, — и научу говорить. Потом я научу тебя всему, что умею сам: любить и ненавидеть, плакать и смеяться. Думать. Я буду очень терпелив, обещаю. И если ты когда-нибудь сама собой, без приказа и подсказки, перестанешь видеть во мне хозяина, значит, ты равна мне. И значит, мои иллюзии имеют смысл.

А если Ореолу это не понравится, добавил он про себя, пусть меня снова сошлют в человечество.

Эпилог

— Дядя, далеко еще? — спросил мальчик.

Они только что выбрались на насыпь магнитотрассы — прочную, почти не размытую нитку, возвышавшуюся над водой. Оба вымокли насквозь, но было довольно тепло, а когда солнце выглядывало из-за реденьких облачков, становилось даже жарко. Ураган, бушевавший трое суток и еще сегодня утром валивший с ног, наконец ушел, но нагонная вода еще держалась. По подпруженной реке, вздувшейся, коричневой, разлившейся в устье на сотню километров, по эту сторону насыпи плыли деревья, кусты, изгороди, крутило в водовороте пустую железную бочку, а по ту сторону вдальке темнели над водой какие-то руины, течение несло мелкий мусор, и среди него важным линкором проплывала крыша небольшого дома с мяукавшей на коньке кошкой.

— Километра через три должна быть станция, — сказал Шабан. — Это вон там, где холмы, ее не видно. Ты устал? Тебя понести?

— Нет, я сам.

Некоторое время они шли молча. Мальчик смотрел вправо, на кошку, и, наверное, жалел ее. Потом спросил:

— Дядя, а люди там есть?

— На станции? Я думаю, должны быть. Скорее всего там сейчас развернут временный лагерь — место удобное, высокое.

— А мама там?

— Не знаю, малыш.

— Я не малыш, — степенно возразил мальчик, — мне шесть лет уже. Меня ни папа, ни мама не называют малышом.

— Хорошо, — сказал Шабан. — Так как же мне тебя звать?

— Игорь.

— Давай я все-таки понесу тебя, Игорь.

— Я не устал. Я уже взрослый.

— Кто это тебе сказал?

— Папа. И ты меня больше малышом не зови, ладно?

— Как скажешь. Может, передохнем?

— Не надо.

Шабан очень хорошо видел, что мальчик устал. Но ничего, до станции дойдет, а там — расстанемся. Вероятно, навсегда. Пересадка личности и в этот раз прошла

успешно? Теперь он — Игорь, у него есть отец и мать... вернее, были. Новая методика действительно хороша: ментограмма выполнена идеально и подсажена так, что никакой специалист не заподозрит в мальчишке-сироте неземлянина, вся необходимая и даже избыточная информация о покойных родителях заранее внесена куда следует — в банки данных, в документы, в память людей... Хорошая работа, убедительная, можно быть почти уверенным, что никакая сволочь не сунет нос в его жизнь. Не то что раньше. Больше никакой неаккуратности, никаких черных кораблей. Подсажена даже усталость — а ведь всего десять минут назад мальчишка лежал в анабиозе...

— Ты действительно мужчина, Игорь, — сказал Шабан.

Мальчик остановился, захлопал глазами. Очевидно, ждал какого-то подвоха. Шабан улыбнулся.

— Ладно, пошли.

— Наверное, мама и папа спаслись, — сказал мальчик, с надеждой глядя в глаза. — Как ты думаешь?

— Не знаю, — ответил Шабан. — Наверное, спаслись.

— Когда дом развалился, их тоже на крыше унесло, как эту кошку. А меня на дереве. Я чуть не утонул. Когда меня сбросило, папа крикнул, чтобы я хватался за дерево, а я хотел плыть обратно. Я умею плавать.

— Хорошо, что ты не поплыл... Это был ваш дом?

— Нет, у нас другой дом. А тот был чужой. Мы приехали отдыхать.

— А-а.

Слева направо низко над насыпью с шелестом потревоженного воздуха прошла летающая платформа со значком спасателей на днище и потянула над водой к развалинам. На идущих своим ходом мужчину и мальчика спасатели не обратили никакого внимания, а это значило, что лагерь действительно близко. Впрочем, Шабан и так знал это.

Убожество, думал он, неприязненно рассматривая залитое водой до кроны, каким-то чудом уцелевшее дерево с сорванной ураганом листвой и понуро сидящей на ветке воронной. Погодой управлять не научились. Только предсказывать катаклизмы, и то не всегда удачно, только бежать от них со всех ног и оказывать помощь... Правда, надо признать, что без природных катаклизмов работа мусорщика была бы труднее. Но сейчас я поднатужусь и признаюсь хотя бы самому себе в том, чего всю жизнь стыдился Менигон: **445**

это — мой мир. Он тут, под ногами. Эта насыпь. Эта вода. Этот мальчик, которому предстоит стать землянином. Прекрасный, холодный и могущественный Ореол — не для меня, хотя я его часть. Возможно, люди в исторической перспективе действительно обречены, и не потому, что истребят друг друга, хотя, надо признать, они делают это охотно, с энтузиазмом, — а потому, что над ними висит потолок, который им не одолеть. Ведь и Ореол, изначально имевший в тысячу раз больше шансов сделать это, — флюктуация, случайная удача в попытках найти дыру в потолке. Человечеству не повторить этого никогда, а то, что не движется, рано или поздно гибнет, не важно — через сто лет или через миллион. Потому-то Ореол и сбрасывает к вам свой мусор, ненужный ему и совершенно безвредный для вас. Сбрасывает тех, кто недостойн в нем жить, кто слишком человек...

Больше они не разговаривали. Холмы постепенно приближались, разлившаяся до самого горизонта вода обтекала их справа и слева, и уже был виден впереди кусок стационарного дебаркадера. Лагерь, очевидно, находился дальше. Иди, малыш, сказал про себя Шабан. Там палатки, сборные домики, сухая одежда, еда. Там о тебе позаботятся, там тебя выслушают и попытаются найти твоих несуществующих родителей, и ты, наверное, будешь плакать, когда их не найдут, но плакать так, чтобы взрослые не видели, ведь ты уже большой. Иди туда, малыш. Там твой дом. Ты пройдешь десяток шагов и забудешь меня навсегда, в твоей ментограмме не останется и следа воспоминания о невзрачном лысоватом дядьке, чей путь пересекся с твоим, но я буду присматривать за тобой, малыш. Обещаю. Не как Менигон. Я буду присматривать за тобой и за сотней таких, как ты. Я не дам вас в обиду. Вы брак Ореола, мусор Ореола, не отвечающие кондициям мальчики и девочки, выброшенные за ненадобностью, но из вас получатся прекрасные земляне, настоящие люди, и пусть вас станет больше...

Иди, малыш...

Он остановился. Мальчик шел вперед, устало, но упрямо шлепая по гравию мокрыми сандалиями, и пока он не скрылся из виду, Шабан смотрел ему вслед.

1997—1998 гг.

Содержание

НАРАБОТКА НА ОТКАЗ

5

ВАТЕРЛИНИЯ

205

Официальная страница Александра Громова в Интернете:

[http:// www. rusf. ru / gromov/](http://www.rusf.ru/gromov/)

Зеркала:

[http:// sf. convex. ru / gromov/](http://sf.convex.ru/gromov/)

[http:// rusf. dhs. org / gromov/](http://rusf.dhs.org/gromov/)

[http:// sf. alamet. com. /gromov/](http://sf.alamet.com/gromov/)

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:

Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж

Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:

107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Громов Александр Николаевич

Наработка на отказ Ватерлиния

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ».

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,

с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20.

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU. E-mail: astpub@aha.ru.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.

РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

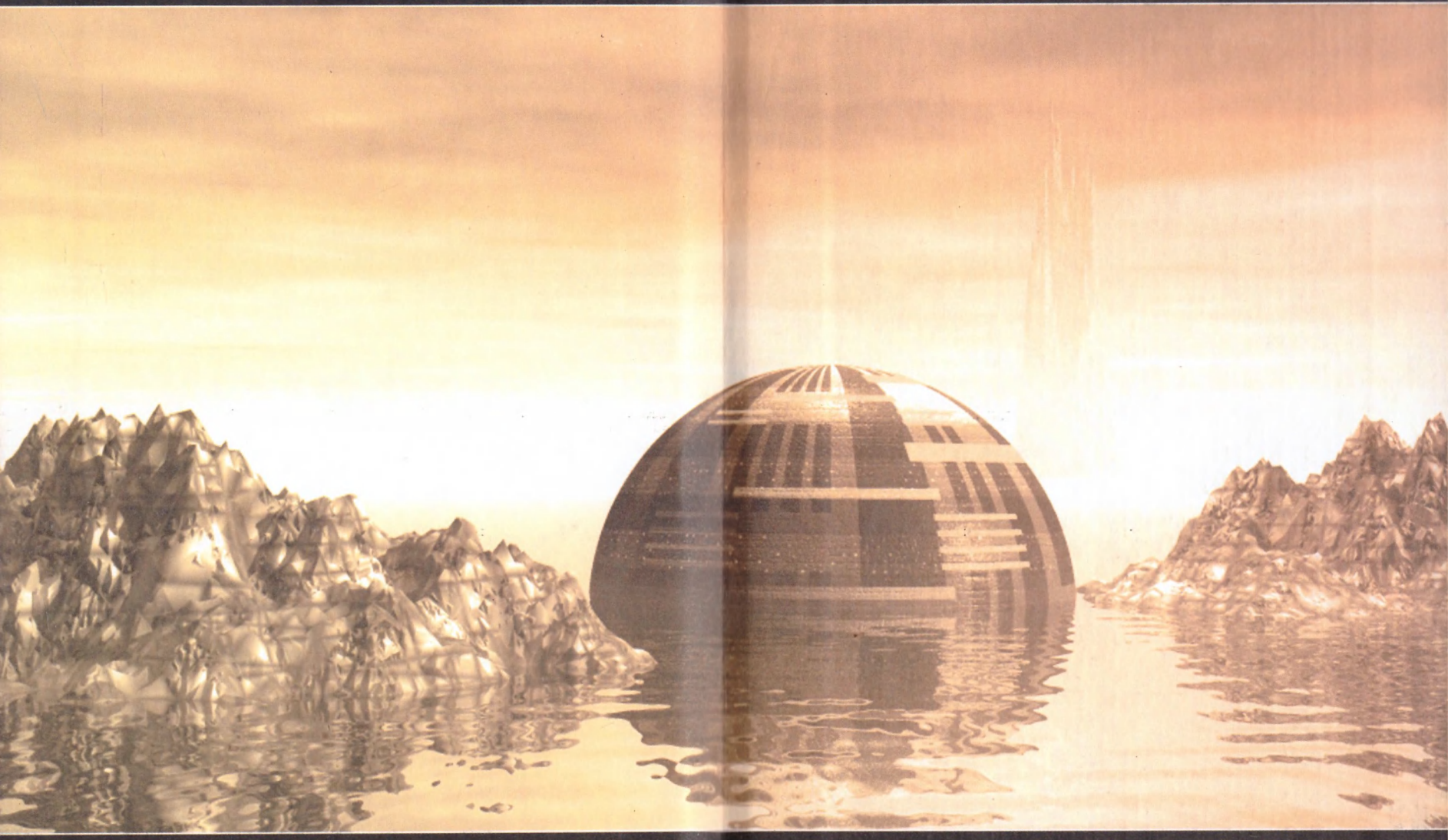
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79. Заказ 1165.

Республиканское унитарное предприятие

«Полиграфический комбинат им. Я. Коласа».

220600, Минск, ул. Красная, 23.

ISBN 5-17-012594-1

9 785170 125944

Александр Громов — один из лидеров «новой волны» отечественной фантастики, лауреат премий «Интерпресскон», «Странник» и многих других.

...Это был век штыковой атаки человечества на новые планеты, век, когда была создана Лига Свободных Миров. Именно в этих мирах разворачивается действие романов «Наработка на отказ» и «Ватерлиния». Именно над этими планетами появляются загадочные черные корабли. Ни одна из попыток вступить с ними в контакт или уничтожить не принесла успеха.

Иная цивилизация? Сверхцивилизация?

Или люди, вернее, часть человечества, вышедшая на новый генетический уровень?..

**НАРАБОТКА
НА ОТКАЗ**

**АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДАНЫЙ